

М. Н. ЛЯДОВ

КАК

НАЧАЛА

СКЛАДЫВАТЬСЯ

ВКЛ

/БОЛЬШЕВИКОВ/

ИЗДАНИЕ
КОММУН. У-ТА ИМ. Я. СВЕРДЛОВА
МОСКВА 1926

ИЗДАТЕЛЬСТВО Коммунистич. Ун-та им. Я. М. СВЕРДЛОВА

ПРАВЛЕНИЕ: Москва, Миусская пл., д. 2, Телефон 5-68-57

ТОРГСЕКТОР: Мал. Дмитровка, 6, Телеф. 3-04-87

ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ:

„Что читать о современных разногласиях в партии“ — Указатель литературы с примечаниями. Составил Ф. Андерсон. Одобрено и рекомендовано АПО МК ВКП (б) . . .	— р.	25 к.
„Как работать с книгой“, под ред. М. Н. Лядова. IV доп. изд.	— „	55 „
„Пиши грамотно“. 24 стенные таблицы по правописанию слов и знаков препинания. Пособие для совпартшкол, общеобразовательных школ и кружков взрослых. Доп. ГУС'ом	2 „	95 „
„Ленинская учеба“ № 1. — Орган Правл. и Бюро Ячейки ВКП (б) Ком. Ун-та им. Я. М. Свердлова. Статьи по вопросам методики и организации партучебы	— „	50 „
„Ленинская учеба“ № 4 - 5	1 „	— „
Лабораторный план. Методика и задания.		
1) Русский язык	— „	25 „
2) Экономическая география. Мироведение	— „	50 „
3) Математика. Физика. Химия. Биология.	— „	75 „
4) Паростроительство. Истмат	— „	40 „
Методический сборник по курсу биологии. Состав. кол. препод. Ком. Ун-та им. Я. М. Свердлова, под редакцией Завадовского	2 „	50 „
Прежборовский, Я. С., проф. — Краткий курс химии. Реком. ГУС'ом	1 „	85 „
Тимирязев, А. К., проф. — Физика, ч. I. Иллюстр. Рек. ГУС'ом	— „	90 „
Его же. — Физика, ч. II. Иллюстр. Реком. ГУС'ом	1 „	30 „
Бенз, Н. — Радиопередача и прием. (Физические основы). С предисловием проф. Тимирязева, А. К.	1 „	30 „
Учебник математики для комвузов, совпартшкол, школ для взрослых и кружков самообразования. Сост. кол. препод. Ун-та им. Я. М. Свердлова, под ред. Л. М. Лившица Доп. ГУС'ом	2 „	20 „
Баренгольд, М. — Мировое хозяйство в цифрах и диаграммах. Под ред. В. П. Милютина	— „	75 „
Морозов Н. и Ювьев, И. — Хрестоматия по эконом. географии, под ред. и с предислов. Н. Н. Баранского. Вып. I — Методология и мировое хозяйство. Доп. ГУС'ом	2 „	65 „
Их же. — Хрестоматия по эконом. географии, под ред. и с предисловием Н. Н. Баранского. Вып. II — Народное хозяйство СССР. Доп. ГУС'ом	4 „	20 „
Кушнер, П. — Первобытное и родовое общества. Хрестоматия. С прилож. 8-ми карт. (распрод.)	2 „	20 „
Его же — Очерк развития общественных форм. Изд. 2-ое исправл. и значит. дополненное	3 „	50 „
Позняков, В. — Квалифицированный труд и теория ценности Маркса, II испр. и дополн. изд.	1 „	25 „
Михалевский, Ф. И. — Хрестоматия по истории денег и кредита	1 „	60 „
Ванаг Н. — Финансовый капитал в России накануне мировой войны. II изд.	1 „	20 „
Ронин, С. — Иностраннй капитал и русские банки. С предисл. Крицмана	1 „	30 „
Пригожи, А. — Грахк Бабёф	1 „	35 „

М. Н. ЛЯДОВ

КАК НАЧАЛА СКЛАДЫВАТЬСЯ
РОССИЙСКАЯ
КОММУНИСТИЧЕСКАЯ
ПАРТИЯ

(История Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии)

3-е издание.

Издание
Коммунистического Университета им. Я. М. Свердлова
Москва — 1926.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ИЗДАНИЮ 1924 г.

Я долго не решался переиздавать написанную мною в 1906 году „Историю Российской Социал-Демократической Рабочей Партии“. Мне казалось, она устарела и требует радикальной переработки. Я был уверен, что тем временем появится настоящая научная „История“, которая сделает мою книгу излишней. У нас, действительно, появилась богатейшая литература по истории партии. „Истпарт“ проделал колоссальную работу по собиранию материала, освещающего отдельные этапы жизни нашей партии. И все-таки у нас до сих пор еще нет настоящей „истории партии“. Ее еще ждет наша партийная масса. Во всей гряде собранного исторического материала менее всего освещен период первых шагов русского социал-демократического движения, именно тот, который затронут в моей „Истории“. Правда, и об этом периоде имеется ряд воспоминаний и изысканий по архиву департамента полиции. Но воспоминания неизбежно должны страдать многими неточностями. Ведь писались эти воспоминания лет 25—30 после описываемого факта. А использование полицейских архивов представляет большую опасность. По этому материалу вырисовывается не та картина, которая была в действительности, а та, которая обнаружилась в ходе жандармского или охранного расследования. А это далеко не одно и то же. Очень часто, во время допросов, обвиняемые нарочно в своих показаниях искажали действительное положение вещей, стараясь запутать жандармов. Очень часто жандармы определяли относительную роль в движении того или иного участника процесса по тому, что у него найдено при обыске. Простой хранитель литературы, т.-е. чаще всего наименее активный работник организации, иногда выдвигался центральной фигурой процесса, и, наоборот, очень активный, но умеющий хорошо конспирировать и никогда не хранивший у себя ничего нелегального, в жандармских дознаниях оставался в тени, а иногда совершенно даже не привлекался к делу.

Конечно, для нашей партии очень интересно выявить полностью работу всех тех товарищей, которые принимали участие в создании партии, интересно точно установить степень и характер участия каждого партийного работника. Все это очень интересно, но, как мне кажется, не это является задачей истории партии. История должна ответить на вопрос, не кто создавал, а как создавалась партия. В своей работе я этот вопрос и ставил. И именно с этой точки зрения все написанное мною до сих пор не опровергнуто никем. И именно с этой точки зрения работа моя и теперь не утратила своего значения, не устарела. Пока еще нет другой работы, которая могла бы заменить ее. И вот почему, я, по настоянию некоторых товарищей, решил переиздать ее, внося в новое издание лишь немного чисто фактических поправок.

История моей книги представляет некоторый интерес, особенно для молодых членов партии. Первую часть я писал сейчас же после четвертого Стокгольмского, так называемого объединительного съезда. Первая часть эта вышла в издании „Колокола“ в 15.000 экземпляров. Издание разошлось очень быстро, и когда правительство через две недели решило конфисковать издание, на складе уже ничего не оказалось. Вторую часть я писал в Гельсингфорсе сейчас же после Свеаборгского восстания. „Колокол“ очень торопил меня с писанием и с читкой корректуры. Но когда я закончил книгу, издательская фирма „Колокол“ обанкротилась. Половина книги была набрана и отпечатана, другая половина оставалась в рукописи. Издавать на свой счет мне, партийцу-профессионалу, конечно, не было никакой возможности, не было средств на это. Все солидные издательства, зная, что первый том конфискован, конечно, отказывались рисковать изданием второго тома. С большим трудом мне удалось убедить одного молодого издателя рискнуть. Он приступил к дальнейшему набору. Но не успел набрать одного листа, как издатель был арестован (его каким-то образом привлекли по делу об экспроприации в Фонарном переулке). Ему пришлось месяца два просидеть в тюрьме и доказывать, что он не „верблюды“, что никакого касательства к экспроприаторам не имеет. Все время, пока он был в тюрьме, была запечатана и типография, в которой набиралась моя книга. По выходе из тюрьмы он отказался от продолжения издательства.

Пришлось опять искать нового издателя. На мое счастье, наша фракция решила организовать большевистское легальное издательство „Зерно“. Владимир Ильич познакомился с моей книгой в рукописи и признал необходимым ее издать. Таким образом, было приступлено к продолжению набора и печатания книги. Раза два типография „Дело“, в которой она печаталась, запечатывалась полицией на более или менее продолжительный срок. Каждый раз я был уверен, что и рукопись и набор погибли окончательно. Но как-то сходило благополучно. Типография вновь распечатывалась, и работа продолжалась. Наконец, кончилось печатание последнего листа. Книга поступила в отдельную брошюровочную мастерскую. Отдельные экземпляры книги (очевидно кем-то выкраденные из брошюровочной) продаются в разнос на Невском проспекте. И вдруг я узнаю, что хозяин брошюровочной, самый благонамеренный буржуа, за что-то арестован, и мастерская его, вместе с моей уже готовой книгой, запечатана полицией.

И на этот раз в конце концов кончилось благополучно. Мастерская была распечатана, и книга, наконец, доставлена на склад в издательство. Управляющий издательством, зная, наверное, что полиция немедленно явится конфисковать мою книгу, решил свезти ее на нелегальный склад и уже оттуда разослать по провинции. Но полиция проследила как раз этот нелегальный склад, нагрянула туда и захватила все издание и сожгла все готовые 15.000 экземпляров.

Так что вторая часть моей книги, после всех перечисленных мытарств, попала в свет лишь в том небольшом числе экземпляров, которые были выкрадены кем-то из брошюровочной. Переданные мне авторские экземпляры были тоже арестованы на квартире, на которой я останавливался во время нелегальных наездов в Ленинград. Сам я увидел вторую часть моей книги лишь в 1917 году после разгрома бакинского охранного отделения, там каким-то чудом оказался один из немногих экземпляров этой книги.

В предисловии к первому изданию говорится и о третьей части моей книги. Эта третья часть была действительно написана в течение 1907—1908 г.г. Она охватывала историю пар и октябрьской забастовки 1905 г. Был подготовлен

богатый материал и по истории революции 1905—1906 г.г. Конечно, не было никакой надежды издать эту работу легально. Вся эта работа хранилась долгое время в Гельсингфорсе, вместе со всей моей довольно богатой нелегальной библиотекой. Но когда началась реакция в Финляндии я решил переправить всю эту литературу и рукописи за границу. Все это попало в Берлин, очутилось каким-то образом (очевидно, при содействии провокатора Житомирского) на той конспиративной квартире, в которой был арестован наш знаменитый боевик „Камо“ (Тер-Петросов). Вместе с ним были арестованы и бомбы, а кстати и ящики с моими рукописями и библиотекой. Так погиб, и безнадежно погиб, третий том этой книги. Вряд ли мне лично удастся восстановить его теперь.

Новое издание моей старой многострадальной книги я озаглавил — „Как начала складываться Российская Коммунистическая Партия“. Она охватывает определенный, строго-ограниченный период в истории нашей партии, т.-е. период до II-го съезда. Для характеристики этого периода она дает исчерпывающий материал. Других целей я не ставил себе, работая над этой книгой. История партии еще не написана, поэтому эта книга имеет право на существование.

М. Лядов.

Москва, март 1924 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ИЗДАНИЮ 1906 г.

Приступая к изложению истории Российской Соц. - Дем. Рабочей партии, я очень хорошо сознаю, что не могу дать вполне законченного, исчерпывающего предмет труда. Время для этого еще не наступило. Социалдемократия у нас в России возникла и развивалась до последнего момента во мраке подполья. Мгла, царившая в этом подполье, в особенности в первые годы деятельности социалдемократов, была настолько густа, что работавшие в одном углу его не всегда могли разглядеть, что творится в другом. Кучка работников в каждом углу сама себе прокладывала дорогу, сама уничтожала препятствия, стоящие на пути к выходу из подполья, на пути к свободной, открытой борьбе за идеалы светлого будущего. Сейчас мы уже значительно приблизились к этому выходу. Одно время, в ясные октябрьские дни вырванной у неприятеля свободы мы уже видели свет, дышали полной грудью. Тогда казалось, что дни подполья миновали навсегда. Но это только казалось. У народа не было еще достаточно сил, чтобы удержать в своих руках завоеванную свободу. Дикая, кровавая оргия Дубасовых, Меллер-Закомельских, Орловых, Алихановых, Луженовских и прочих уездных, станционных и деревенских генерал-губернаторов, оргия, руководимая петербургским явным и тайным правительством Витте, Трепова, Дурново и К^о, снова загнала нас в подполье. Правда, теперь оно уже не так мрачно, не так уже душно, как раньше. В нем находит себе место уже не кучка революционеров, а громадная армия организованного пролетариата, которая, раздвинув и приподняв своды подполья, сделала его более доступным воздуху и свету. Но подпольная жизнь тем не менее вновь накладывает на нас свою тяжелую печать, наш голос раздается не так ясно, как бы следовало, своды не пропускают всех тонов его, и часть нашей деятельности снова вынуждена искать мрака.

Автор этих строк имел счастье пройти в рядах нашей партии все фазы, все перепитии пройденного ею пути. Принадлежа к группе первых русских марксистов, он принимал участие в образовании первых марксистских кружков, пережил превращение этих кружков в кружки социалдемократические, был участником первого обращения русских социалдемократов к рабочей массе и свидетелем первых открытых

выступлений сознательных русских рабочих. Вместе с нашей партией он пережил период кружковщины и переход к сменявшейся его массовой агитации. Он прошел через все фазы организационной работы, через период кустарничества и разброда, совпавший с периодом собирания нашей партии под одно общее знамя, вокруг единой социалдемократической программы. Он имел затем счастье присутствовать при торжестве признания этой единой общей программы на II съезде нашей партии; ему пришлось также пережить и перестрадать вместе с партией все мелочи и дразги последовавшего за съездом периода раскола, периода борьбы взлелеянной в душном воздухе подполья „кружковщины“ с зарождающейся в атмосфере открытых выступлений партийностью. В рядах фракции „большинства“ он принимал деятельное участие в неудавшейся попытке вновь сблизить расколовшиеся части нашей партии на III съезде, попытке, предпринятой под давлением кроваво зачавшейся на дворцовой площади 9-го января русской революции. Он был также свидетелем и участником полного слияния активных борцов обеих фракций в бурные октябрьские и декабрьские дни великой русской революции, и удачной или неудачной попытки (это покажет только будущее) закрепить на IV объединительном съезде едиными тактическими резолюциями стихийно почти уже завершившийся процесс объединения.

В то время, когда Дубасовы, вкупе с Минами, Риманами и другими „истинно-русскими“ людьми заканчивали завоевание и сожжение Москвы, автору этой работы пришла в голову мысль, что неизбежное возрождение реакции может окончательно смести и без того уже редкую фалангу немногочисленных свидетелей первых шагов нашей революционной деятельности. Иных, а таковых большинство, уже нет: они или покоятся в могилах, замученные тюрьмой и ссылкой, или погибли, сраженные солдатскими пулями; другие, хотя и живы, но изменили движению, перешли в ряды „умеренных“ и, в качестве беженцев марксизма, „истинных социалистов“, служат идеологами буржуазного общества, обливая помоями социалдемократическое движение на страницах „Нашей Жизни“, „Без заглавия“ и т. п. „левых“ органов, и, наконец, третьи, устав от борьбы, в разные периоды нашей партийной жизни, навсегда или временно ушли от всякой революционной работы и превратились в простых обывателей. Все это давало повод с большей или меньшей вероятностью предполагать, что первые шаги нашего движения могут быть забыты, или что от них останутся одни искаженные предания.

А между тем, вместе с ростом нашего движения, вместе с расширением партийных задач и круга партийной деятельности, вместе с привлечением в ряды партии все новых и

новых масс пролетариата и крестьянской бедноты, потребность в знакомстве с историей партии становится все более и более настоятельной и необходимой.

Социалдемократы с вполне справедливой гордостью всегда говорили и говорят, что они, в отличие от всех других партий, не боятся гласности, не боятся контроля всего пролетариата над каждым шагом своей партии, той партии, которая стремится и должна быть выразительницей воли всего сознательного пролетариата, авангардом и боевой руководительницей всего рабочего класса. Но ни контроль, ни правильная беспристрастная оценка деятельности партии невозможны без знания того, как эта партия сложилась, каким историческим путем она выработала свою организацию, свою программу, свою тактику.

Такой истории у нас пока нет. Есть отдельные очень немногочисленные воспоминания, касающиеся определенного периода работы в какой-нибудь одной местности, существуют, наконец, официальные отчеты к различным съездам и конгрессам; но эти воспоминания между собой не связаны, а большинство отчетов очень неполны и касаются лишь, так сказать, казовой стороны работы, и главное, они совершенно неизвестны и недоступны широким слоям партийных работников. Единственной попыткой написать историю партии является „Очерк развития социалдемократии в России“ Акимова; но попытка эта, по моему крайнему убеждению, не может считаться удачной. Вся история социалдемократической партии в России, в изображении Акимова, являющегося одним из идеологов так называемого „экономизма“, должна служить оправданием той предвзятой идеи, что социалдемократия является и должна быть лишь „сознательной выразительницей стихийного движения“. Чтобы доказать эту мысль, Акимов (сознательно или бессознательно) включает в свою историю только те факты, которые могут послужить ей подтверждением; все же то, что противоречит этой идее, тщательно устраняется им.

Автор настоящей работы, с первых шагов своей деятельности до настоящего времени, всегда стоял на точке зрения революционной социалдемократии, самым ярким антиподом которой является Акимов. Но, приступая к истории нашей партии, он не мог не считаться с тем фактом, что разделяемая им точка зрения не всегда господствовала в рядах партии, что временами перевес приобретала точка зрения противоположная, и принципы революционной социалдемократии становились уделом меньшинства. Считаясь с этим фактом, автор старается не осуждать своих противников, а объяснить их. С этой целью автор пытается шаг за шагом проследить развитие нашего движения не *an und für sich*, не

само по себе, выделенное из развития всех общественных условий, а в связи с ними, в связи с историей всего русского общества. Только в такой обстановке и могут быть понятны отдельные периоды нашего движения и все движение в целом.

Автор предлагаемого труда никогда не был кабинетным теоретиком, не был также профессиональным партийным литератором; всю свою деятельность он провел рядовым партийным работником. И если теперь он берется за работу, которая возлагает на него столь большую ответственность, то только потому, что придерживается убеждения, что действительная фактическая история нашей партии, охватывающая всю будничную ее жизнь, ту жизнь, которая подготавливала выводы теоретикам, лишь *post factum* освещавшим ее, должна и может быть написана только практиком. Партийный историк-теоретик должен явиться после историка-практика, и он уже завершит, обработает и осветит работу последнего. Роль историка-практика—собрать материал, свести в одно свой опыт, свои наблюдения. Вот эту то работу и надеется совершить автор в своей книге. Свой личный опыт и личные наблюдения, вынесенные из многолетней работы в низах наших организаций в самых различных местах России, куда приводил его партийный долг или загоняли полицейские преследования, он дополнил богатым опытом других товарищей, с которыми ему приходилось сталкиваться в многочисленных скитаниях по тюрьмам, этапам, ссылкам и заграничным колониям.

Если история последних лет нашей практической работы может быть без особенного труда написана при помощи литературы, местных корреспонденций наших нелегальных (а в последнее время и легальных) газет и журналов, при помощи издаваемых в десятках тысяч экземпляров местных прокламаций, а также протоколов съездов, конференций и т. п., то нельзя того же сказать об истории периода зари нашей работы. О первых шагах нашей практической деятельности у нас нет литературных памятников, поэтому опыт и наблюдения этого периода исчезнут бесследно, если очевидцы не поторопятся занести их на бумагу. Ни в одном архиве, — за исключением разве архива департамента полиции, который будет доступен нам лишь после окончательной разделки с существующим политическим строем, — ни в одном архиве мы не найдем первых местных прокламаций, первых русских социалдемократических изданий, не говоря уже о таких ценных памятниках, как различные проекты уставов, проекты агитационной работы и т. д.

Все это и заставило автора поторопиться со своей попыткой написать историю партии. При этом он глубоко

убежден, что сделанные им промахи и пропуски будут замечены и отмечены товарищами, которые таким образом дополнят его труд и помогут собрать весь материал для будущего историка-теоретика. И только при таких условиях у нас может быть надежда, что наш новый историк даст нам такую же ценную историю российской социалдемократической партии, какой по праву гордятся немецкие товарищи, читая грандиозную работу Франца Меринга.

Что касается плана самой работы, то я счел необходимым разделить ее на три вполне самостоятельные части. Первая часть охватывает деятельность русских социалдемократов со времени возникновения среди русских эмигрантов группы Освобождение Труда, вплоть до расцвета массового рабочего движения, ознаменовавшегося первой общепризнанной крупной победой российского пролетариата над абсолютизмом,—победой, выразившейся в издании закона о нормировке рабочего дня 2-го июня 97 года. Эту часть я озаглавил „Возникновение социалдемократического движения в России“. Вторая часть, озаглавленная мной „Создание Российской Социалдемократической Рабочей Партии“, начинается с первого социалдемократического съезда 98 года и его манифеста, положившего начало партийного объединения; далее в ней говорится о том, как стремление к этому объединению, разбивая идейный разброд и беспринципность кустарнической кружковщины, завершилось, наконец, идейным программным единством на II съезде 1903 г. Третья и последняя часть включает в себе период истории нашей партии с 1903 по 1906 г.,—период столь плачевный по нашим внутренним распрям и столь блестящий по идейному влиянию Российской социалдемократии на пролетарские массы, которые под знаменем нашей партии вступили в открытый бой с самодержавием. Эту часть моей работы я озаглавил „Раскол и борьба за единство“. Период этот я заканчиваю объединительным съездом 1906 года.

Еще не время решать, действительно ли этим съездом закончился период раскола, и состоялось ли полное объединение. Мы вместе со всей фракцией „большинства“ склонны думать, что возврат к прошлому невозможен, что объединенный в единую партию сознательный пролетариат не допустит своих идейных вождей к новому расколу; он докажет им, что теоретический спор до тех пор, пока ни одна из спорящих сторон не сошла с классовой точки зрения, может и должен быть решен в пределах единой партии. Так думаем и надеемся мы, но какова окажется действительность—покажет ближайшее будущее.

В отличие от истории буржуазных партий и течений, в отличие также от истории революционного движения 70-х—

30-х годов, в истории нашей партии читатель не найдет биографий отдельных лиц, описаний индивидуальных подвигов. Наша история безлична; наш единственный герой—рабочая масса, наши мученики—безымянны. Наш синодик начинается и кончается словами: „имена же их ты, господи, веси“. Каждый из наших борцов, вступая в ряды партии и выходя на поле брани, заранее знает, что имя его потонет в массе имен ему подобных. И действительно, кто, за исключением разве самых близких людей, знает и помнит имена всех замученных в тюрьмах, погибших в ссылке, всех расстрелянных и повешенных, всех сложивших свои головы на московских баррикадах, в латышских усадьбах, в гурийских деревнях? Кто знает, кто помнит имена расстрелянных и замученных во всех „доблестных делах“ нашего храброго воинства, начиная с исторической „победы“ „молодцов-фанаторийцев“ и кончая деревенскими экзекуциями наших дней? Кто сосчитал хотя-бы только число всех героев, павших на улицах Петербурга, Москвы, Прибалтийского края, Кавказа, Сибири, Одессы, Харькова, Варшавы, Гомеля и т. д. и т. д.?— „Имена же и число их ты, господи, веси“. Но, не зная ни имен, ни числа своих героев, пролетариат будет тем не менее так-же свято чтить их память, как чтит память неведомых мучеников 71, 48 и 89—93 годов.

Наша история—безымянная история. До самого последнего времени партия знала по имени только небольшую кучку эмигрантов, которые, живя, писали под своими собственными именами или под постоянными псевдонимами. Наши практики имен не имеют; их клички меняются с переменой места жительства, с переменой партийных функций. Только тогда, когда мы окончательно покинем подполье и выйдем на свет божий, и наша партия получит возможность легального существования, у нас появятся всем известные и всеми признанные вожди, имена которых будут регистрироваться историей наряду с именами тех, которые стали известны только потому, что их обладатели действовали и жили определенное время за границей или продолжают там жить и до сих пор.

Отдавая на суд партийных работников свою работу, я надеюсь, что, читая ее, товарищи будут помнить, что имеют дело не с профессиональным литератором, а с рядовым практиком, который будет считать свое дело сделанным, если его книжка поможет опытному теоретику написать законченную и уже вполне обработанную историю нашей партии.

М. Лядов

Ч А С Т Ь I.

**Возникновение социал-демократического
движения в России.**

ГЛАВА I.

Восьмидесятые годы XIX столетия служат решительным поворотным пунктом в истории России. Они решали и решили вопрос: пойдет ли Россия по стопам всего западного культурного мира, или она найдет свою „самобытную“, ей одной свойственную дорогу?

Россия все больше переставала быть страной исключительно земледельческой, а земледелие, в свою очередь, из хозяйства натурального превращалось в хозяйство денежное. Деньги приобретали все большее и большее значение в крестьянской жизни, и нужда в них становилась все настойчивей: нужно было не только уплачивать подати, но и покупать предметы первой необходимости. Добыть же деньги у себя дома, земледельческим трудом на своем собственном наделе для большинства крестьян оказывалось совершенно невозможным. Арендная плата росла ¹⁾, плата же за сельско-хозяйственный труд все понижалась ²⁾, а вместе с тем с поразительной быстротой увеличивалось и число крестьян, бросающих свои наделы, число бесхозяйных бобылей или „шалтаев“, как зовут разорившихся крестьян на юге ³⁾. Эти бобыли, эти сельские пролетарии, массами бегут в отхожие промыслы, массами предлагают свои рабочие руки обрабатывающей промышленности.

Городская промышленность не в силах поглотить всех жаждущих труда деревенских пришельцев. Сотнями стоят они ежедневно у ворот фабрик и заводов, готовые по первому зову хозяина занять освободившееся место. И предприниматели умеют пользоваться этими охотниками, „котами“, как называют их в Иванове-Вознесенске. Присутствие таких

¹⁾ И росла именно плата за землю внаемную (частновладельческую), что же касается арендной платы за наделную землю, сдаваемую крестьянской беднотой, то она, наоборот, все падала.

²⁾ 32,88 коп. в день в первую половину восьмидесятых годов и 31,24—во вторую.

³⁾ Еще до голодного 91-го года крестьянских дворов, совершенно не имевших рабочего скота, в Европейской России (без 3-х балтийских и 10-ти польских губерний) насчитывалось 25,3%, а с одной штукой рабочего скота — 27,2%.

„котов“ у ворот фабрики служит лучшим условием для понижения расценок и ухудшения положения уже занятых рабочих. Обрабатывающая промышленность растет, и предприниматели отправляют к себе в карман невероятные с западно-европейской точки зрения барыши ¹⁾).

Благодаря страшной дешевизне рабочих рук, высоким, почти запретительным таможенным ставкам и устранению вследствие этого всякой опасности заграничной конкуренции, фабриканты (в особенности в текстильной промышленности) не ощущали никакой потребности в переходе от ручного труда к машинному. Господствующей формой промышленности остается домашнее отделение крупной фабрики, раздаточные конторы, так называемая „кустарная“ промышленность, где воцаряются самые ужасные формы эксплуатации, известные под названием „системы выжимания пота“.

Заграничные капиталы, которым у себя на родине очень и очень приходилось считаться с организованным движением западно-европейских рабочих, усиленно устремляются в Россию, в эту обетованную страну, где рабочий спит еще непробудным сном, и где почти всеобщее невежество и безграмотность служат лучшей гарантией продолжительности этого сна. Иммигрировавшие в наше отечество капиталисты всколыхнули весь юг России и Кавказ и, что особенно характерно, чрезвычайно быстро усвоили себе методы доморощенных Тит Титычей. Какой-нибудь республиканец-француз, демократ-бельгиец или строгий защитник Habeas Corpus Act'a—англичанин, попав в Россию, очень скоро постигают примитивную азбуку русской промышленной теории, которая учит, что в деле получения дивидендов земский начальник, полицмейстер и сотня казаков гораздо выгоднее всех конституций в мире. Да, заграничные капиталы эмигрировали в Россию далеко не только потому, что их товарам трудно было пробить брешь сквозь высокую пограничную таможенную стену. Они пустились на восток потому, что он манил их полным политическим застоем. Западно-европейская буржуазия шла в Россию или, вернее, вкладывала свои капиталы в русские предприятия потому, что господствовавший здесь политический строй обеспечивал ее доход от посягательств рабочих. Круппы, Штуммы, Ротшильды и другие бароны и короли металлургической и прочей промышленности передвинули свое золото, свои заводы и мастерские по сю сторону Вержболова

¹⁾ Фабрика Торитона получала, например, 45% чистой прибыли, Крепльмская мануфактура—44,9%, Невская бумаготкацкая—38%, Савва Морозов—28% и т. д. (Ходат. Имп. Вольво-Экономич. О-ва о пересмотре русского таможенного тарифа).

потому, что здесь не было ни профессиональных союзов, ни какой бы то ни было другой организации рабочих. Здесь, по выражению щедринского Ямудского принца, было „помпадур видать, народ не видать... чисто!“

И действительно, народа не слышать было на Руси в 80-ые годы. Он покорно жил, как предназначалось ему судьбой, покорно платил подати и исполнял всякую повинность, покорно ложился под розги, если подати платить было нечем, и молча голодал в периодические „недороды“. Он полагал, что на все это—воля божия, считал по обычаю отцом-благодетелем всякого, кому заблагорассудится закабалить его выдачей ссуды под отработки и тем лаче видел благодетеля в фабриканте-заводчике, который давал ему возможность не умереть с голоду.

Россия 80-х годов—это мертвая страна, в которой, по выражению Щедрина, царил „мерзавец—гороховое пальто“, царило „слово и дело“, царил участок в городе и урядник в деревне. Отчаянные попытки небольшой кучки героев всколыхнуть это спящее болото, разбудить народ сначала мирной проповедью борьбы за лучшее будущее, затем громом террористических выстрелов и взрывов, окончились полным разгромом борцов. Либерально-интеллигентное „общество“ подняло, было, и свой голос и явно или тайно оказывало поддержку революционерам, когда дело казалось им близким к решительной развязке, и когда правительство, напуганное отвагой горсти смельчаков, не зная, насколько глубоко и тесно связаны они с народными массами, готово уже было пойти на уступку, сделать робкий шаг на пути к ограничению своей власти. Но уже начало 80-х годов показало правительству, что оно имеет дело не с народным движением, а действительно лишь с небольшой кучкой революционеров, что народ спит попрежнему, что „общество“ не опасно, потому что дальше петиций и чисто платонических вожделений оно не пойдет и пойти не может. Сообразив это, правительство быстро покинуло планы реформ и вернулось на старый, давно испытанный путь реакции. Виселицами, Шлиссельбургскими казематами, массовыми ссылками на каторгу и в Сибирь оно живо расправляется с революционерами-борцами. Широкое интеллигентское „общество“, члены которого еще недавно в интимных кругах, за чайным столом занимались „бреднями“ и с гордостью заявляли о той, либо иной „прикосновенности“ к делу революции, это общество быстро попряталось по своим норам и вновь превратилось в мирных обывателей. Некоторые из этих господ поспешили даже навстречу реакции, заговорили об „оздоровлении основ“ и, ища прощения за свои недавние „бредни“, сами принялись искоренять крамолу.

Другие, при помощи железнодорожных и иных концессий, своим участием в самых смелых хищениях, своим умелым и беззастенчивым наполнением собственных карманов, на деле доказывали свою благонамеренность. Третьи, наконец, заявили, что теперь не время широких задач и принялись за проповедь „малых дел“. Пристроившись поближе к „либеральному“ земскому пирогу, они занялись осуществлением мирной культуртрегерской программы, не выходящей за пределы лужения больничных умывальников, постройки новых мостов и внедрения в школах антиреволюционного дурмана по указке начальства. Лучшая же часть этого общества, лучшая не по своим способностям к практическим делам, а по своей внутренней комплексии, по своему стремлению искать и жить согласно духовному идеалу, разочаровавшись в близком осуществлении взлелеянных ею общественных идей, ушла в себя и занялась самоусовершенствованием и самоугрызением. Представители этой части общества ударились в мистицизм, опрощение и аскетизм, наполнив собой культурные скиты и земледельческие интеллигентские поселения. По примеру Фрея, Маликова, Чайковского и Толстого, они проповедывали непротивление злу насилием, точали плохие сапоги, изучали евангелие, клали никому ненужные печи и любовались своей душевной чистотой.

А между тем реакция крепко охватила всю Россию. Публицистику 70-х годов сменили правительственные сообщения, полицейская литература. Университеты и другие высшие учебные заведения превращены были в фабрики бюрократических дипломов; в гимназиях, очищенных от „кухаркиных детей“ и неблагонамеренных „жидов“, свободное от уроков шагистики и воинских приемов время почти целиком посвящалось изучению мертвых языков. Требование знакомства с педагогией заменилось для учителей требованием способностей по сыскной части. Земские школы, поскольку они не заменялись церковно-приходскими, отданы были под надзор местным кабатчикам и священникам, которые весьма успешно следили за благонамеренностью учителя, основываясь на количестве выпиваемых им шкаликов и поставленных в праздничные дни свечей. Изящная литература, это зеркало души общества, с точностью отражала в себе господствующее настроение безвременья, беспросветную тоску, отсутствие каких бы то ни было общественных идеалов у громадного большинства, хищнические стремления верхов общества, мистицизм и копание в своем жалком „я“ лучшей части молодежи и, наконец, несмолкаемый стон сквозь тяжелый кошмарный сон всей массы русского народа. Нет выхода! нет просвета! говорила лучшая молодежь, тряся все

более и более веру в прежние идеалы и не находя в себе новых. Нет выхода, нет просвета!—вторили и лучшие беллетристы-народники, которые не могли понять, что народ не пошел за ними в уготованную ему семидесятниками обитель потому, что программа революционеров-народников была построена на утопической уверенности, будто наша крестьянская Русь социалистична по существу своему¹⁾. Революционеры-народники были убеждены, что крестьянин, уже подготовленный жизнью в сельском „миру“—этой полицейской общине, основанной и поддерживаемой круговой порукой по уплате податей и оброков, сразу по первому же их зову пойдет в царство социализма²⁾. Но они горько ошиблись, потому что не заметили или, верней, не оценили нового фактора русской жизни—прихода „чумазого“, появления капитала. А капитал пришел, он успел уже заглянуть в самые глухие уголки России, он заставил крестьянина продавать свой хлеб, пробил стену „мира“ и расчленил общинников на богачей, средняков и бедноту—пролетариев и полупролетариев.

Народники 80-х годов утратили уже непосредственную веру своих предшественников—семидесятников в немедленный революционный переход из царства кабалы в царство социализма. Об этом они уже не мечтают, но, тем не менее, заменив немедленный, революционный переход постепенным, эволюционным, они сохраняют старые надежды. Община—вот якорь спасения; крестьянский „мир“—вот естественный оплот против „чумазого“; кустарный промысел—вот средство против победоносного шествия капитала. И вот начинаются поиски за знахарскими средствами, за заплатами, которые помогли бы уберечь эту общину, эти кустарные промыслы. Но жизнь идет своим чередом. Враг является не только извне, он рождается и растет в самой крепости. Внутри общины совершается расчленение, среди кустарей выделяются хозяйчики и рабочие. Все патентованные целительные средства народ-

¹⁾ „Русский народ, благодаря особым историческим условиям, анархичен; он еще не усвоил себе подобно другим народам государственные идеи и буржуазные инстинкты; вопреки освященному законом принципу частной собственности, он требует общего раздела земли и, несмотря на вскоевое татарское, крепостное и государственное иго, мечтает о широкой, вольной жизни; мировоззрение его, выраженное в понятной для него формуле „земля и воля“, в корне социалистично“. См. „Начало“, орган русских революционеров, № 1 (1878 г.). Цитируем по „Революц. журналистике 70-х годов“. Paris. 1905. Стр. 6.

²⁾ „Крестьянская община, сдвленная в тиски фискальной системой, низведенная административной властью в безличную казенную оброчную статью государства, зорко охраняемая во тьме невежества от внешнего влияния интеллигентных сил, выработала, тем не менее, в среде народа мировоззрения, имеющие, очевидно, сродство с общечеловеческими началами социалистической пропаганды“ („Начало“, № 3. Там же, стр. 79).

ников-восьмидесятников, все эти крестьянские банки, кустарные музеи, организованная продажа сырья и сельскохозяйственных орудий—все это лишь усиливает разложение; ими пользуются лишь хозяйчики, да богатеи-крестьяне, все это в конечном счете лишь облегчает шествие капитала.

Народники семидесятых годов со своею революционной проповедью шли напролом. Им ясно виделись впереди контуры светлого будущего и они—„герои“ смело звали к этому будущему крестьянскую массу—„толпу“. Они не допускали компромиссов с действительностью, рискуя тем, что „толпа“ не пойдет за ними, останется глухой к их призыву. Они были только утопистами и жестоко поплатились за свою смелую и решительную проповедь. Совсем не то были народники-восьмидесятники. Эти риск отвергли. Свой постепенский план они проводили в жизнь практически. Они мирились с реакцией, раз она не отнимала у них возможности сохранить общину, сохранить их „устои“. И в этом отношении их практическая работа совпадала с работой реакции, потому что правительство в действительности опиралось на те же слои населения, которым фактически служило и народничество. Оппозиционное либеральное—по старой номенклатуре—народничество приветствовало, как свою победу, мероприятия реакции к укреплению и упрочению „устоев“. Устои крепили, а вместе с тем крепло и убеждение массы: в безысходности своего положения.

Народники 70-х годов были революционными борцами, которые страшно желали, но не умели опереться на народ и быть выразителями его воли. Народники же восьмидесятники были практическими выразителями и проповедниками идей мелкобуржуазных слоев русского крестьянства. Фразеология у них сохранилась прежняя, но условия и метод работы радикально изменились. Реакционность народников 80-х годов усиливалась еще и тем обстоятельством, что они не хотели видеть, что в России нет уже той сплоченной, однородной массы народа, к которой обращались и которую могли предполагать революционеры-семидесятники. Россия расчленилась. Сословную жизнь все больше и больше вытесняла жизнь классовая. Зарождался уже класс рабочих и класс предпринимателей. „Чумазый“ пришел и принес с собой все то, что неизбежно связано с его приходом. Народники видели в приходе „чумазого“ явление ненормальное. Капитализм—это болезненный нарост на общинно-крестьянской организации России, к нему и следует относиться, как к явлению болезненному и случайному,—вот что говорили народники и еще крепче держались за „устои“. Они не понимали и не хотели понять, что капитал, разрушая старые устои, неизбежно со-

здает новый уклад жизни. Они не поняли и не хотели понять всей созидательной работы капитала и, что самое главное, они не поняли необходимости активного и сознательного участия в этой творческой, созидательной работе того самого „народа“, от имени которого они продолжали выступать. Они оплакивали результаты нашествия „чумазого“, лили слезы над разделом патриархальной крестьянской семьи, вздыхали по поводу замены самотканной серьмяги пиджаком, лаптей—сапогами, сокрушались о развращенности уходящих на фабрики в город парней и девушек и в утешение убеждали себя и своих читателей, что все это лишь случайное, временное, а „устои“ попрежнему крепки.—Вот там то появилась новая „собственная“ светелка; здесь крестьяне, несмотря на общину, все же не окончательно умерли с голода, и пр. в том же роде. Ведь дело не в „увеличении благосостояния отдельных личностей“, а в их „экономической независимости“, ведь „наши крестьяне жертвуют очень большими материальными выгодами ради сохранения своей экономической независимости“¹⁾; у кустарей даже имеется поговорка: „хоть доход не доход, а все-таки вольный свет“.

Они подчеркивали далее, что правительству нечего бояться их „устоев“; наоборот, блага, даваемые экономической независимостью, настолько ценны, что часто заставляют забывать даже очень крупные недостатки в политическом строе. Во Франции, например, самым мирным элементом населения является более или менее независимый экономически крестьянин-земледелец, а самым революционным—те слои рабочего класса, которые совсем не пользуются благами экономической независимости²⁾. Пусть будет беден, бесправен, забит наш „народ“, но за ним должно сохраниться право считаться собственником клочка земли. У нас не может быть рабочего движения в западно-европейском смысле—ликовал прогрессивнейший из народников 80-х годов, Михайловский,—потому что у нас нет рабочего класса: наш рабочий—земледелец; он всегда может уйти к себе домой. И потому да здравствует „община“, как вернейший оплот против рабочего движения в западно-европейском смысле этого слова, т.-е. движения пролетариата, сознательно всем классом борющегося против капиталистического гнета и всех его проявлений, как в экономической, так и в политической области.

¹⁾ Каблиц-(Юзов). „Интеллигенция и народ“, стр. 159

²⁾ Там же, стр. 161.

ГЛАВА II.

Не желая видеть существования капитализма, наши народники естественно должны были отрицательно относиться и ко всякой попытке сознательной борьбы с его проявлениями. А эта борьба уже начиналась, она не могла не начаться. Возникла она у нас, как и всюду на Западе, сразу с двух флангов. С одной стороны, доведенные до крайности своим тяжелым положением и голодными заработками, рабочие встают то тут, то там, пытаясь хоть отчасти сбросить с своих плеч лежащий на них непосильный гнет. Прежде и сильнее всего это движение стихийно проявляется в той части нашей промышленности, где этот гнет был наиболее чувствительным, где предложение рабочих рук значительно превышало спрос, и где конкуренция между ручным (кустарным) трудом и машинным (фабричным) всей своей тяжестью главным образом ложилась на заинтересованных рабочих. Мы говорим здесь о текстильной промышленности. В этой отрасли производства рабочие находились в таких условиях, которые трудно даже себе представить не только западно-европейскому рабочему, но и многим современным рабочим России. Рабочее время на механических ткацких фабриках колебалось между 12 и 16 часами, а на ручных—между 16 и 20 ¹⁾. Без прогула на бумагопрядильных фабриках мужчина в среднем зарабатывал 10, ₁₈ р. в месяц (25 дней), женщина—8, ₃₃ р. ²⁾. Из этого нищенского заработка рабочим в среднем приходилось уплачивать (на самоткацких фабриках) от 5 р. 97 к. до 6 р. 29 к. штрафов, а затем шли вычеты за баню, за лекарства, за челноки и другие инструменты, на лампадное масло, на архиерейские молебны и т. д. и т. д. Но и жалкий остаток после всех этих вычетов уплачивался не наличными, а принудительным забором продуктов в лавке, принадлежащей фабриканту или его родственнику. Разумеется, цены при этом заламывались такие, какие бог на душу положит. Так, по приведенной Песковым выписке из харчевой книжки одного рабочего видно, например, что ржаная мука, которая во Владимире продавалась в розницу по 1 р. за пуд, в фабричной лавке стоила 1 р. 30 к., чай—вместо 1 р. 60 к.—2 рубля и т. д. Рабочим очень часто запрещалось покупать что-либо в вольных лавках; нередко им насильно навязывались совершенно ненужные товары, которые потом со значительной уступкой они принуждены были сбывать своему же хозяину. Мы не станем здесь останавливаться на подробностях „жизни“ рабочих, обрисовывать ги-

¹⁾ Песков. „Фабричный быт Владимирской губ.“, стр. 94—95.

²⁾ Там же, стр. 78.

гигиенические и санитарные условия помещений мастерских и фабричных казарм¹⁾, не будем также останавливаться на том, каким образом эти условия отзывались на здоровье рабочих и их потомства, и сколько ежегодно выбрасывалось фабрикантами на мостовую калек и сирот²⁾). Для иллюстрации приведем только описание положения вещей на одной из крупнейших фабрик того времени — на Хлудовской мануфактуре в Ярцеве. „Служа гнездом всякой заразы, миллионная фабрика (Хлудова) является в то же время образцом беспощадной эксплуатации народного труда капиталом“, так говорится в исследовании земской санитарной комиссии (1880 г.), и Духовщинское земское собрание дважды ходатайствовало об учреждении на фабрике купца Хлудова должности земского комиссара для наблюдения за исполнением санитарных правил.

„Работа на фабрике обставлена крайне неблагоприятными условиями: рабочим приходится вдыхать хлопчато-бумажную пыль, находиться под действием удушливой жары—до 28,2° R и переносить удушливый запах, распространяющийся из дурно устроенных ретирад. Фабричная администрация объясняла, что потому не принимается мер к их (ретирад) улучшению, что в противном случае, с уничтожением миазмов, эти места превратились бы в места отдохновения для рабочих, и их пришлось бы выгонять оттуда силой“. Каковы должны быть удобства жизни и работы на фабрике Хлудова, если даже ретирады могут сделаться местами отдохновения?

„Работа идет и днем, и ночью; каждому приходится работать две смены в сутки, через 6 часов делая перерыв, так что в конце концов рабочий никогда не может выспаться вполне. При фабрике рабочие помещаются в громадном сыром корпусе, в 3 этажа, разделенном, как гигантский зверинец, на клетки или каморки, грязные, смрадные, пропитанные вонью отхожих мест. Жильцы набиты в этих каморках, как сельди в бочке. Земская комиссия приводит такие факты: каморка в 13 куб. саж. служит помещением, во время работ, для 17 человек, а в праздники или во время чистки машин—для 35—40 человек. Вообще, по словам Хлудовского фабричного доктора Михайлова, в каморках приходится по 0,6 куб. саж. зараженного всякими испарениями и газами воздуха на человека. Рабочие нанимаются на год. В рабочих книжках, которые рабочим не выдаются, точно обозначается обязан-

¹⁾ По Деменгеву количество воздуха в этих помещениях спускалось иногда до 0,3 куб. саж. на человека. См. „Фабрика, что она дает...“

²⁾ На некоторых фабриках Московского уезда процент получивших травматические повреждения равнялся 20—22% общего числа рабочих. Погожев. „Фабричный быт в Германии и России“.

ность рабочих не покидать фабрики до истечения года; что касается фабричной конторы, то она может всегда прогнать рабочего, коль скоро она, как говорится в книжке, „недовольна“ им. Штрафы были так велики и многочисленны, что положительно отравляли всю жизнь; на некоторых рабочих насчитывалось по 10, 15 рублей в месяц штрафов и вычетов разного рода. „Иной раз работаешь, работаешь, ан тебя в одной рубашке выпустят“, жаловались рабочие при разборе мировым судьей дела о „бунте“. Наконец, рабочих нередко гнали с фабрики без всякого расчета. Жалованье, как водится, получали не деньгами, а сестными припасами и одеждой из хозяйских лавок.

„Эксплоатация детского труда производилась в широких размерах. Из общего числа рабочих 24,6% составляли дети до 14 лет, другую четверть (25,6%) составляли подростки до 18 лет. Утомление, сопряженное с трудом на фабрике, было так велико, что, по словам земского врача, дети, подвергавшиеся какому-нибудь увечью, засыпали во время операции таким крепким, как бы летаргическим сном, что не нуждались в хлороформе.

„В заключение можно сказать, что чистый доход равнялся 45% в год“¹⁾.

Уже сказанного достаточно, чтобы понять, что рабочие не могли долго выносить такого порядка вещей. Их недовольство проявлялось и должно было проявляться тем чаще, чем дольше они оставались на фабрике, т. е. по мере того, как они переставали чувствовать себя одновременно и фабричными, и крестьянами. Крестьянин, придя из какой-нибудь Неловки или Голодаевки на фабрику, первое время обыкновенно не нахвалится привольным житьем, возможностью каждое воскресенье есть мясо, которое у себя дома он видывал разве только по большим праздникам. Но стоило такому крестьянину пожить некоторое время в городе, на заводе и он начинал чувствовать всю относительность этого привольного житья, всю недостаточность средств существования для поддержания своего организма при упорной, интенсивной фабрично-заводской работе.

Сначала стихийное рабочее движение проявлялось лишь тогда, когда фабриканты делали попытки еще больше ухудшить положение рабочих. Значительное большинство стачек вплоть до девяностых годов носило характер чисто оборонительный. Рабочие вступали в борьбу для того, чтобы отстоять существующее положение вещей, а не для того, чтобы улучшить его. Большие нашумевшие стачки: в Юзове, на

¹⁾ Пажитнов. „Положение рабочего класса в России“, стр. 24—26.

Оренбургской ж. д. (1875 г.), в вагонных мастерских Курской ж. д., на Бумагопрядильне, у Штиглица (1878 г.), у Коншина, Дило, Третьяковых (79 г.), у Хлудова на Ярцевской мануфактуре (80 г.), в Иваново-Вознесенске, Петербурге, Жирардове (82 г.), на Вознесенской мануфактуре (83 г.), на Никольской мануфактуре в Орехове-Зуеве (85 г.) и т. д., все они возникали из-за непомерных штрафов, надувательств при расплате, произвольной браковки, прогулов по вине хозяина, сбавки расценок и т. п. Так, например, требования, выставленные рабочими Морозовской мануфактуры в Орехове-Зуеве во время стачки 1885 года, сводились к следующим пунктам:

- 1) Чтобы им был возвращен штраф с Пасхи 84 года;
- 2) чтобы штрафы не превышали 5% с заработанного рубля;
- 3) чтобы вычеты за прогул не превышали 1 рубля, и чтобы хозяин сам платил за прогульные по его вине дни;
- 4) чтобы изменены были условия найма по законам;
- 5) полный расчет производился по заявлению за 15 дней, при чем хозяин должен тоже предупредить за 15 дней о расчете;
- 6) чтобы определение доброкачества товара происходило при свидетелях из рабочих;
- 7) учрежден был контроль для уравнивания платы;
- 8) жалованье выдавалось не позже 15 числа или в первую по нем субботу;
- 9) допущен был свободный выбор старост;
- 10) уволены были неприятные для рабочих служащие и рабочие и т. д.

В большинстве этих стачек мы напрасно стали бы искать подстрекателей или инициаторов: единственным виновником их, этих „бунтов“ рабочих являлась одна лишь администрация фабрик. Она так нажимала пресс эксплуатации, так старалась использовать долготерпение и безропотность рабочих, что это терпение, наконец, лопнуло. Жить становилось невозможно; и вот почти без всякого предварительного сговора рабочие решают, что ждать уже больше нечего, и принимаются действовать так, как подсказывало им их непосредственное чувство. Редко, очень редко в этих стачках руководятся опытом предыдущей борьбы, или встречается какое-либо воздействие извне. Правда, в петербургских стачках конца 70-х годов и в особенности на Новой Бумагопрядильне мы встречаем уже участие организованных землевольцами революционных кружков рабочих. Но эти кружки не руководят забастовкой и не решают начала ее, они служат лишь исполнительным аппаратом для воли всей массы; так, например, составляют адрес к наследнику (на Новой Бумагопрядильне) пишут требования рабочих, собирают деньги и т. п. Само собой разумеется, что если среди самих рабочих попадает человек опытный, т. е. принимавший участие в быв-

ших раньше забастовках, он становится фактическим руководителем, и вся толпа невольно подчиняется ему. Так было с Моисеенко и Волковым в знаменитой Морозовской стачке. Удачная стачка на одной фабрике открывает глаза рабочим соседних, и они решаются на противодействие там, где без ободряющего примера покорно несли бы все усиливающийся гнет.

Чаще всего „бунт“ (употребляем обычный в то время полицейский термин) начинался старым крестьянским способом—с подачи челобитной. Прошения подавались хозяевам, которые жили обыкновенно где-нибудь вдали от фабрики. Посылались ходоки и к „начальству“, чтобы оно разобрало чинимые рабочим обиды и вступилось бы за них, защитило бы от произвола директора или мастера. Типичным примером такой „челобитной“ тактики служит уже упомянутая стачка на Новой Бумагопрядильне, где рабочие, начав с прошения приставу и пройдя все административные инстанции, дошли, наконец, до самого наследника¹⁾. Одновременно с ходоками рабочих, директором фабрики отправлялся обыкновенно нарочный или телеграмма губернатору с извещением о „бунте“ и просьбой о немедленной присылке вооруженной силы для его подавления. Бунтом считался уже самый факт подачи коллективного прошения. Ходоков, как „зачинщиков и подстрекателей“, сажали в тюрьму, а на место „бунта“ являлось начальство, в лице исправника и жандармского полковника, которое и водворяло спокойствие при помощи нагаек и розог.

Но иногда рабочие к начальству не обращались, а предпочитали действовать самостоятельно. Выведенные из себя бесконечными притеснениями, они избивали тогда своих непосредственных мучителей—директоров и наиболее ненавистных мастеров—и в бессознательном стихийном гневном громили все, что можно было разгромить из хозяйского добра, стараясь нанести как можно больше ущерба своим эксплуататорам. Дело кончалось обыкновенно так же, как и в первом случае, т. е. военно-административной экзекуцией, с той только разницей, что, кроме высеченных, оказывались еще рабочие, которые предавались суду, и очень многие, в качестве политических преступников, административным порядком ссылались в места более или менее отдаленные, или в лучшем случае на родину.

Непосредственных практических результатов такое стихийное движение в большинстве случаев не имело. Чаще всего,

¹⁾ Об этой стачке подробности см. у Г. Плеханова „Русский рабочий в револ. движении“, у Пажитнова „Рабочее движение в России“, в „Револ. журналистике 70-х годов“ под ред. Базилевского и у Ельницкого „Первые шаги раб. дв.“.

после небольшого перерыва, фабрика снова начинала работать с совершенно или отчасти новым составом рабочих, на тех же, а иногда и на худших условиях. Но если мы взглянемся в историю этих стихийных стачек в связи с историей развития нашего фабричного законодательства, то для нас станет очевидным, что без них правительство не сделало бы и тех жалких попыток урегулировать условия фабрично-заводского труда, какие им были сделаны.

Все законы об ограничении рабочего времени, о запрещении расплаты товаром, о введении фабричной инспекции сначала в московском и владимирском районах, а затем о распространении их, вслед за забастовками, и на другие районы и проч., все это являлось ответом на крупные фабричные беспорядки. В этом смысле значение стихийных экономических стачек очень велико. Но не менее велико было значение их и в ином отношении: даже неудачные, неорганизованные стачки подготавливали почву для дальнейшей работы среди масс. „Все за одного и один за всех“ уже в 70-х годах становится общим лозунгом рабочих. Правда, лозунг этот в то время они не научились еще применять ко всему рабочему классу и ограничивали его смысл пределами лишь данной фабрики. Впрочем, тогда и не могло быть иначе: капитализм был еще слишком слабо развит и не мог еще нивелировать всех рабочих; он не успел еще отлиться сам и отлить рабочую массу в законченные классовые формы. Борьба между трудом и капиталом не была еще классовой борьбой пролетариата с буржуазией. В каждом отдельном случае это была еще борьба определенной группы рабочих против определенной, специфической формы эксплуатации, присущей определенному предприятию, часто даже личности определенного предпринимателя. И тем не менее, в стачках этого рода уже ясно намечались первые шаги к классовой борьбе. Это начинают понимать и отдельные личности из рабочих, ставшие выше массы, как, например, Петр Алексеев и Семен Агапов ¹⁾, Степан Халтурин и Обнорский, основатели „Северного союза русских рабочих“ ²⁾, Моисеенко и Волков, руководители Морозовской стачки. Все это рабочие, которые по своему классовому сознанию возвысились не только над общим уровнем рабочей массы, но и над общим уровнем тогдашних революционеров, своих учителей.

„Мы, миллионы людей рабочего населения,—так начинает свою речь па суде ³⁾ ткач Петр Алексеев,—чуть только ста-

¹⁾ Оба привлекались по процессу 50-ти в 77 году.

²⁾ „Северный союз русск. раб.“ возник в конце 78 г. и просуществовал около 3-х лет.

³⁾ В процессе 50-ти в 1867 г.

нем ступать на ноги, бываем брошены отцами и матерями на произвол судьбы, не получая никакого воспитания, за неимением школ и времени от непосильного труда и скудного за это вознаграждения. Десяти лет—мальчишками нас стараются спровадить с хлеба долой на заработки. Что же нас там ожидает? Понятно, продаемся капиталисту на сдельную работу из-за куска черного хлеба, поступаем под присмотр взрослых, которые розгами и пинками приучают нас к непосильному труду; питаемся кое-чем, задыхаемся от пыли и испорченного, зараженного разными нечистотами воздуха. Спим где попало—на полу, без всякой постели и подушки в головах, завернутые в какое-нибудь лохмотье и окруженные со всех сторон бесчисленным множеством разных паразитов... В таком положении некоторые навсегда затупляют свою умственную способность, и не развиваются нравственные понятия, усвоенные еще в детстве; остается то, что только может выразить одна грубо воспитанная, всеми забытая, от всякой цивилизации изолированная, мускульным трудом зарабатывающая хлеб рабочая среда. Вот что нам, рабочим, приходится выстрадать под ярмом капиталиста в детский период! И какое мы можем усвоить понятие по отношению к капиталисту, кроме ненависти? ¹⁾...

„Неужели мы не видим, как вокруг нас все богатеют и веселятся за нашей спиной? Неужели мы не можем понять и сообразить, почему это мы так дешево ценимся, и куда девается наш невыносимый труд? Отчего это другие роскошествуют, не трудясь, и откуда берется ихнее богатство? ²⁾... Мы, рабочие, желали и ждали от правительства, что оно не станет поддерживать рутины и обеспечит крестьянина, выведет его из первобытного положения и пойдет скорыми шагами вперед. Но, увы! Если оглянемся назад, то получим полное разочарование, и если при этом вспомним незабвенный, предполагаемый день для русского народа,—день, в который он с распростертыми руками, полный чувства радости и надежды обеспечить свою будущую судьбу, благодарил царя и правительство,—19-го февраля. И что же? И это для нас было только одной мечтой и сном! Эта крестьянская реформа 19-го февраля 61 года,—реформа, „дарованная“, хотя и необходимая, но не вызванная самым народом, не обеспечивает самые необходимые потребности крестьянина. Мы попрежнему остались без куска хлеба, с клочками никуда негодной земли и перешли в зависимость к капиталисту“ ³⁾. „Русскому ра-

¹⁾ Госуд. преступл. в России в XIX в. под ред. Базилевского. Т. II, вып. I Stuttgart. 1904. Стр. 407.

²⁾ Там же. Стр. 408.

³⁾ Там же. Стр. 409.

бочему народу,—заканчивает Алексеев свою громовую речь при испуганных возгласах председателя и всего суда—остается только надеяться самим на себя и не от кого ожидать помощи, кроме от одной нашей интеллигентной молодежи; она одна неразлучно пойдет с нами до тех пор, пока подымется мускулистая рука миллионов рабочего люда... и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится в прах! ¹⁾...

„Я не раскаиваюсь в своих поступках,—говорил на том же суде рабочий Сем. Ив. Агапов,—я много думал о средствах улучшения быта рабочих и, наконец, сделался пропагандистом. Цель моей пропаганды заключалась в том, чтобы подготовить рабочих к социальной революции, без которой им, по моему мнению, никогда не добиться существенного улучшения своего положения!... Я только исполнил свой долг, долг честного рабочего, искренне, всей душой преданного интересам своих бедных, замученных собратий“... ²⁾.

От этих речей веет уже классовым сознанием. Петр Алексеев заявляет, например, что русский рабочий класс возьмет дело освобождения в свои руки, и деспотизм должен уступить мощному натиску „мускулистой руки“ рабочих. Еще более решительно, по крайней мере в своей политической программе, становится на классовую точку зрения созданный, независимо от интеллигентов-землеольцев, землеольцем рабочим Ст. Халтуриным „Северный Союз Русских Рабочих“. Союз этот уже открыто заявляет, что по своим задачам он тесно примыкает к социал-демократической партии Германии.

„К началу 1879 г. рабочее движение перерасло народническое учение на целую голову“—говорит близко знакомый с этой эпохой Плеханов. „В виду этого неудивительно, что наиболее развитая часть петербургских рабочих, вошедших в основанный около того времени—„Северно-русский рабочий союз“, в своих политических взглядах и стремлениях разошлась с бунтарями-народниками“ ³⁾. Конечно, не народническая литература, и в особенности довольно убогая агитационная литература землеольцев и их не менее, если не более еще убогая по идейному багажу пропаганда, могли создать тип сознательного рабочего.

„Проникнутые народническими предрассудками,—пишет Плеханов,—все мы видели тогда в торжестве капитализма и развитии пролетариата величайшее зло для России. Благодаря этому, наше отношение к рабочим всегда было двойствен-

¹⁾ Там же. Стр. 409—410.

²⁾ Там же. Стр. 415.

³⁾ „Русск. раб. в рев. движении“, изд. „Искры“. Женева 1902 г. Стр. 41

ным и совершенно непоследовательным. С одной стороны, в своих программах мы не отводили пролетариату никакой самостоятельной политической роли и возлагали свои упования на крестьянские бунты; а с другой—мы все-таки считали нужным „заниматься с рабочими“ и не могли отказаться от этого дела уже по одному тому, что оно, при несравненно меньшей затрате сил, оказывалось несравненно более плодотворным, чем наши излюбленные „поселения в народе“. Но, идя к рабочим не то чтобы против воли, а, так сказать, против теории, мы, разумеется, не могли хорошо разъяснить им то, что Лассаль называл идеей рабочего соглашения. Мы проповедывали им не социализм и даже не либерализм, а именно тот переделанный на русский лад бакунизм, который учил рабочих презирать „буржуазные“ политические права и „буржуазную“ политическую свободу, и ставил перед ними, в виде соблазнительного идеала, допотопные крестьянские учреждения. Слушая нас, рабочий мог научиться сочувствовать „серому“ мужику и желать ему всего лучшего, но ни в каком случае не мог он понять, в чем заключается его собственная задача, социально-политическая задача пролетария“¹⁾.

Агитация революционеров заставила рабочих только задуматься и пробудила в них критическое отношение к действительности; направление же самой критической мысли подсказала им та жизнь, в которой они жили, стихийная экономическая борьба, которую вели их товарищи рабочие. И если итelligентные бунтари-народники смотрели на эти стихийные вспышки рабочего движения, как на простой бунт, как на нечто вроде прелюдии к общему конечному восстанию,—их ученики, рабочие-революционеры, инстинктивно чувствовали в них начало новой эры, начало классовой борьбы пролетариата. Мы приведем здесь выписку из письма в редакцию „Земли и Воли“ от рабочих „Северно-русского рабочего союза“²⁾... „Разве мы сами не знаем, что лучше быть сытым и мечтать о свободе, чем, сидя на пище св. Антония, добиваться свободы. Но что же делать, если логика желаний и помыслов уступают перед нелогичностью истории, и если политическая свобода является прежде социального удовлетворения. Нас можно было бы еще упрекать, если бы мы составляли свою программу где-нибудь в Подлипной, обитатели которой дальше своей деревни да назойливого попа соседнего селения ничего не ведают. В этом случае наша про-

¹⁾ Плеханов. „Русск. раб. в рев. дв.“. Стр. 10—11.

²⁾ „Земля и Воля“, № 5, цит. по „Реглжж. Журналистике 70-х годов“. Париж 1905 г., стр. 435—436.

грамма, кроме усмешки, конечно, ничего бы не вызвала, так так представление о Сысойке, умеющем хорошо лущить древесную кору для своего желудка, и о политической свободе как-то не вяжется. Но в том то и сила, что мы уже вышли из условий этой жизни, начинаем сознавать происходящее вокруг нас, а главное, что и заставило особенно нас выставить, повидимому, чуждые нам требования, мы составляем организацию не ради ее самой, а ради дальнейшей пропаганды и активной борьбы. Наша логика в данном случае коротка и проста. Нам нечего есть, негде жить—и мы требуем себе пищи и жилища; нас ничему не учат, кроме ругательств и подпалочного подчинения—и мы требуем изменения этой первобытной системы воспитания. Но мы знаем, что наши требования так и останутся требованиями, если мы, сложив руки, будем взирать с умилением, как наши „державные“ и другие хозяева распоряжаются нашими животами и пускают деревенских собратьев по-миру. И вот мы сплываемся, организуемся, берем близкое нашему сердцу знамя социального переворота и вступаем на путь борьбы. Но мы знаем также, что политическая свобода может гарантировать нас и нашу организацию от произвола властей, дозволит нам правильное развитие свое мировоззрение и успешнее вести дело пропаганды,—и вот мы, ради сбережения своих сил и скорейшего успеха, требуем этой свободы, требуем отмены разных стеснительных „положений“ и „уложений“.

Если взять тольк эту выписку из письма, то можно было бы утверждать, что мы имеем дело с лицами, стоящими на вполне правильной классовой точки зрения. Но окончание письма писано уже в ином тоне. Там народническая идеология взяла верх над опытом жизни. Плеханов верно замечает по поводу этого Союза: „Как бы то ни было, будущий историк революционного движения в России должен будет отметить тот факт, что в семидесятых годах требование политической свободы явилось прежде всего в рабочей программе. Это требование сближало „Северно-русский рабочий союз“ с западно-европейскими рабочими союзами придавало ему социал-демократическую окраску. Говорю окраску, потому что вполне социалдемократической программу Союза признать было невозможно. В нее вошла не малая доза народничества“¹⁾.

Итак, уже в конце 70-х годов передовые рабочие почти подошли к социалдемократической точке зрения, но оказалось, что они так далеко ушли вперед от массы рабочих,

¹⁾ „Русск. раб. в рев. движении“. (Изд. „Пролетариат“, страницы 70-71).

что не в силах были влиять на нее. Масса, как мы уже говорили, стихийно вырабатывала себе методы борьбы, и первым шагом этой борьбы могла быть только неорганизованная экономическая стачка для защиты существующего на данной фабрике вложения вещей от покушений фабрично-заводской администрации. Идеиное течение среди передовых рабочих не влияло на массовое рабочее движение, не делало его сознательным.

„Собственно говоря,—говорит Плеханов,—революционеры были для них (массовых рабочих) такими же неизвестными людьми, как и фискалы. Иногда, по тем или другим причинам, на место действия вместо старых, знакомых всей рабочей массе „орлов“ являлись совершенно новые личности. Но замечательно, что стачечники никогда не ошибались, и ни разу ни одному революционеру не пришлось испытать на себе действия предназначенного для фискалов исправительного наказания. Рабочие каким то чутьем отличали революционеров от полицейских сыщиков. Возможно, однако, что те из них, которые видели прежде в шпионах тайных агентов добродетельного царя, принимали потом за таких агентов самих революционеров. Возможно, также, что они приписывали царской милости и раздачу денег лишившимся кредита семьям. По крайней мере, сближение с революционерами не мешало большинству стачечников надеяться на помощь со стороны трона“¹⁾.

Если, таким образом, деятельность тогдашних революционеров (землевольтцев) влияла на чувства рабочих, не пробуждая их самосознания, то зато можно, наоборот, констатировать, что бессознательное, стихийное экономическое движение рабочих своей жизненностью отрывало от утопического социализма народников всех тех, кто вступал в более тесное общение с массами городского пролетариата, и невольно подводило их все ближе и ближе к научному социализму. Естественно, что в этом положении прежде всего оказались вышедшие из масс рабочие революционеры—Халтурины, Моисенки и др. Для революционеров интеллигентов, в том числе, например, и для Плеханова, потребовались „годы пребывания за границей и внимательного изучения социального вопроса“, чтобы убедиться, что торжество стихийного народного движения, вроде бунта Ст. Разина или крестьянских войн в Германии, не может удовлетворить социально-политических нужд современной России, что старые формы нашей народной жизни носили в самих себе много зародышей своего разложения, и что они не могут „развиться в высшую коммунистическую форму“ без непосредственного воздействия на них сильной и хорошо организованной рабочей социалистической партии“²⁾.

1) Плеханов. „Русск. раб. в рев. движ.“. Женева 902 г., стр. 29.

2) „Социализм и политич. борьба“, стр. 3.

ГЛАВА III.

Как мы уже видели, революционное боевое народничество 70-х годов уступило место народничеству мирному, реакционному. После разгрома в 80-х годах „Народной Воли“ им уже не удается собрать свои силы. Все отдельные попытки в этом смысле разбиваются о реакционность „общества“, о безразличие широких народных масс. Правительство, убедившись в оторванности революционеров от массы народа, сравнительно без труда справляется с их заговорщицкими организациями. Лучшие силы оказываются выловленными—повешенными или заключенными в „централах“, в рavelинах Петропавловки, в Шлиссельбурге, на Каре. Рядовые народовольцы массами заполняют восточно-сибирские захолустья. Лишь очень и очень немногим удается скрыться (за границу), где им, оторванным от жизни, приходится влечь жалкое эмигрантское существование. Я говорю „жалкое“ существование, потому что непосредственная вера в дело семидесятников у них уже исчезла, понять же причины крушения не хватало ни сил, ни способностей. Они занялись реставрацией, починкой разрушенной идейной храмины, но заглядывать в корень вещей не решались. Их заграничные споры и издаваемая там литература уже не влияют на настроение родины. Революционное движение в России на время замолкает. Попытки Лопатина, Оржика, „милитаристов“, группы Александра Ильича Ульянова (мартовцев 87 г.) не в состоянии были оживить погибшее дело и восстановить старые приемы борьбы.

Изю всей массы заграничных эмигрантов нашлось лишь несколько человек, которые начали понимать несомненный факт крушения старых идеалов и сочли нужным считаться с ним.

В 1883 году в Швейцарии образовалась группа „Освобождение Труда“. Это была первая русская революционная группа с ясно выраженным марксистским характером. Основатели этой группы (Плеханов, Аксельрод, Засулич, Дейч и Игнатов), бывшие „чернопередельцы“, вывезли из России разочарование в старой тактике, но вместе с тем они привезли с собой и опыт непосредственного знакомства с рабочей средой и со стихийным зарождением ее классового недовольства. Знакомство с высшей, уже сознательной формой западно-европейского рабочего движения заставило их „привести в ясность те представления о социализме, которые существовали у наших революционеров в эпоху возникновения в их среде политических тенденций“. „Убедившись в том,—говорит Плеханов,—что эти представления были ошибочными или отсталыми, мы посмотрим, какое место отводит политической борьбе то

учение, которому даже буржуазные противники не отказывают в названии научного социализма. После этого нам останется сделать в наших общих выводах поправки, неизбежные в виду тех или иных особенностей современного положения дел в России, и наша тема будет исчерпана; политическая борьба рабочего класса с врагами, принадлежащими к той или иной исторической формации, окончательно обнаружит пред нами свою связь с общими задачами¹⁾. В этом плане первой социал-демократической работы Плеханова виден и ход мыслей, который привел его и его товарищей к социал-демократии. Группа „Освобождение Труда“ поняла, что Россию не минует чаша капитализма, что она, вопреки желаниям народников и бунтарей, развивается и должна развиваться по тем же самым законам, по каким развиваются и все остальные страны всего мира. Она поняла, что Россия не представляет исключения, и что русский народ не является особым избранником Божиим, призванным, миновав чистилище капиталистического строя, сразу вкушать блаженство социализма. „Если Иисусу Навину и удалось, по библейскому рассказу, остановить солнце на „десять степеней“, то время чудес прошло, и нет ни одной партии, которая могла бы крикнуть: „стойте, производительные силы, не шевелись, капитализм!“. История так же мало обращает внимания на опасения революционеров, как и на реакционные иеремиады. „Экономический прогресс“ делает свое дело, не дожидаясь того времени, когда анархисты или бланкисты осуществят свои намерения. Каждая фабрика, основанная в Петербурге, каждый лишний „работничек“, принятый ярославским кустарем, усиливает роковое, будто бы, для революции „пламя прогресса“, а следовательно и уменьшает вероятность народного торжества. Можно ли назвать революционным такой взгляд на взаимное отношение различных общественных сил в России? Мы думаем, что нет. Чтобы сделаться революционерами по существу, а не по названию, русские анархисты, народники и бланкисты должны были прежде всего революционизировать свои собственные головы, а для этого им нужно было научиться понимать ход исторического развития и стать во главе его, а не упрощать старуху-историю потоптаться на одном месте, пока они проложат для нее новые, более прямые и торные пути²⁾.

Понять все это—значило пересмотреть все свое мировоззрение и прежде всего отрешиться от „суб‘ективной точки зрения, от взгляда на себя, как на „героя“, а на народ, как

1) „Социализм и политич. борьба“, стр. 7.

2) „Соц. и полит. борьба“, стр. 15.

на „толпу“... „Мы — пишет Плеханов в своей брошюре „Социализм и политическая борьба“ ¹⁾—не принадлежим к числу принципиальных противников такого акта, как захват власти революционной партией. По нашему мнению, он представляет собой последний и при том совершенно неизбежный вывод из той политической борьбы, которую на известной ступени общественного развития должен начать всякий класс, стремящийся к своему освобождению. Достигший политического господства революционный класс только тогда и сохранит за собой это господство, только тогда и будет в сравнительной безопасности от ударов реакции, когда он направит против нее могучее орудие государственной власти. *Den Teufel halte, wer ihn hält!* ²⁾ говорит Фауст...

Но диктатура класса, как небо от земли, далека от диктатуры группы революционеров-разночинцев. Это в особенности можно сказать о диктатуре рабочего класса, задачей которого является в настоящее время не только разрушение политического господства непроизводительных классов общества, но и устранение существующей ныне анархии производства, сознательная организация всех функций социально-экономической жизни. Одно понимание этой задачи предполагает развитый рабочий класс, обладающий политическим опытом и воспитанием, освободившийся от буржуазных предрассудков и умеющий самостоятельно обсуждать свое положение. Решение же ее предполагает, кроме сказанного, еще и распространение социалистических идей в среде пролетариата, сознание им своей силы и уверенность в победе. Но такой пролетариат и не позволит захватить власть даже самым искренним благожелателям. Не позволит по той простой причине, что он проходил школу своего политического воспитания с твердым намерением окончить когда-нибудь эту школу и выступить самостоятельным деятелем на арену исторической жизни, а не переходить вечно от одного опекуна к другому; не позволит потому, что такая опека была бы излишней, так как он и сам мог бы тогда решить задачу социалистической революции; не позволит, наконец, потому, что такая опека была бы вредной, так как сознательного участия производителей в деле организации производства не заменит никакая конспиративная сноровка, никакая отвага и самоотвержение заговорщиков. Одна мысль о том, что социальный вопрос может быть на практике решен кем-либо, помимо самих рабочих, указывает на полное непонимание этого вопроса, без всякого отношения к тому, держится ли

¹⁾ Стр. 61—63.

²⁾ Пусть держит черта, кто его поймал.

ее „железный канцлер“¹⁾ или революционная организация. Понявший условия своего освобождения и созревший для него пролетариат возьмет государственную власть в свои собственные руки с тем, чтобы, покончивши со своими врагами, устроить общественную жизнь на началах не ан-архии, конечно, которая принесла бы ему новые бедствия, но пан-архии²⁾, которая дала бы возможность непосредственного участия в обсуждении и решении общественных дел всем членам общества. До тех же пор, пока рабочий класс не развился еще до решения своей великой исторической задачи, обязанность его сторонников заключается в ускорении процесса его развития, в устранении препятствий, мешающих росту его силы и сознания, а не в придумывании социальных экспериментов и вивисекций, исход которых всегда более чем сомнителен.

„Так понимаем мы вопрос о захвате власти в социалистической революции. Применяя эту точку зрения к русской действительности, мы должны сознаться, что отнюдь не верим в близкую возможность социалистического правительства в России“.

Не кучка революционеров, захватив власть, своими декретами освободит русский народ: освободить себя может лишь сам народ, сознательно свергнув старую власть.

Уже в первом выступлении Группы в цитированной мною брошюре „Социализм и политическая борьба“ Плеханов формулирует задачу, которая поставила себе группа „Освобождение Труда“:

„Таким образом, борьба за политическую свободу, с одной стороны, и подготовка рабочего класса к его будущей самостоятельной роли—с другой, такова, по нашему мнению, „постановка партийных задач“, единственно возможная в настоящее время“³⁾.

В 1885 г. вышел в свет проект программы русских социал-демократов, составленный группой „Освобождение Труда“. Так как этот проект первой социал-демократической программы в России совершенно неизвестен широкой публике, мы приводим его целиком⁴⁾:

„Русские социал-демократы, подобно социал-демократам других стран, стремятся к полному освобождению труда от гнета капитала.

1) Так звали Бисмарка, первого канцлера Германской империи.

2) Слово анархия состоит из двух греческих слов „ан“—„без“ „архон“—начальник-управитель; анархия—безначалье. „Пан“ тоже греческое слово „все“. Панархия—всеначалие, т. е. демократизм.

3) Соц. и полит. борьба, стр. 72.

4) Проект программы русских социал-демократов 1885 г. Соц.-дем. календарь 1902 г. Изд. Гр. Борьбы, Женева, 1902 г. стр. 194—198.

Такое освобождение может быть достигнуто путем перехода в общественную собственность всех средств и предметов производства,—перехода, который повлечет за собою:

а) Устранение современного товарного производства (т.е. купли и продажи продуктов на рынке) и

б) Замену его новой системой общественного производства по заранее составленному плану в виду удовлетворения потребностей как целого общества, так и каждого из его членов, в пределах, допускаемых состоянием производительных сил в данное время.

„Эта коммунистическая революция вызовет самые коренные изменения во всем складе общественных и международных отношений.

„Заменяя современное господство продукта над производителем—господством производителя над продуктом, она внесет сознательность туда, где господствует ныне слепая экономическая необходимость; упрощая и осмысливая все общественные отношения, она вместе с тем предоставит каждому гражданину реальную экономическую возможность непосредственного участия в обсуждении и решении всех общественных дел.

„Это непосредственное участие граждан в заведывании общественными делами предполагает устранение современной системы политического представительства и замену ее прямым народным законодательством.

„Кроме того, теперь уже можно предвидеть международный характер предстоящей экономической революции. При современном развитии международного обмена, упрочение этой революции возможно лишь при участии в ней всех или, по крайней мере, нескольких цивилизованных обществ. Отсюда вытекает солидарность интересов производителей всех стран, признанная и провозглашенная еще Международным Товариществом Рабочих¹⁾.

„Но так как освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих, так как интересы труда в общем диаметрально противоположны интересам эксплуататоров, и так как поэтому высшие классы всегда будут препятствовать указанному переустройству общественных отношений,—то неизбежным предварительным его условием является захват рабочим классом политической власти в каждой из соответствующих стран. Только это временное господство рабочего класса может парализовать усилия контр-революционеров и положить конец существованию классов и их борьбе.

„Эта политическая задача вносит элемент разнообразия в программы социал-демократов различных государств, сообразно общественным условиям каждого из них в отдельности.

„Практические задачи, а следовательно, и программы социал-демократов должны иметь более сложный характер в тех странах, где современное капиталистическое производство только стремится еще стать господствующим, и где трудящиеся массы находятся под двойным игом развивающегося капитализма и отживающего патриархального хозяйства. В таких странах социал-демократам приходится добиваться, как переходных ступеней, таких форм общественного устройства, которые уже теперь существуют в передовых странах и необходимы для дальнейшего развития рабочей партии. Россия находится именно в таком положении. Капитализм сделал в ней громадные успехи со времени отмены крепостного права. Старая система натурального хозяйства уступает место товарному производству и тем самым открывает огромный внутренний рынок для крупной промышленности. Патриархальные общинные формы крестьянского землевладения бы-

¹⁾ Так называется „Первый Интернационал“, основанный Марксом.

стро разлагаются; община превращается в простое средство закрепощения государством крестьянского населения, а во многих местностях она служит также орудием эксплуатации бедных общинников богатыми. В то же время, приурочивая к земле интересы огромной части производителей, она препятствует их умственному практическому развитию, ограничивая их кругозор узкими пределами деревенских традиций. Русское революционное движение, торжество которого послужило бы прежде всего на пользу крестьянства, почти не встречает в нем ни поддержки, ни сочувствия, ни понимания. Главнейшая опора абсолютизма заключается именно в политическом безразличии и умственной отсталости крестьянства. Необходимым следствием этого является бессилие и робость тех образованных слоев высших классов, материальным и умственным интересам которых противоречит современная политическая система. Возвышая голос во имя народа, они с удивлением видят, что он равнодушен к их призывам. Отсюда неустойчивость политических воззрений, а временами уныние и полное разочарование нашей интеллигенции.

„Также положение дел было бы вполне безнадежно, если бы указанное движение русских экономических отношений не создавало новых шансов успеха для защитников интересов трудящегося класса. Разложение общины создает у нас новый класс промышленного пролетариата. Более восприимчивый, подвижный и развитой, класс этот легче отзывается на призыв революционеров, чем отсталое земледельческое население. Между тем, как идеал общинника лежит позади, в тех условиях патриархального хозяйства, необходимым политическим дополнением которых было царское самодержавие, участь промышленного рабочего может быть улучшена лишь благодаря развитию новейших, более свободных форм общежития. В лице этого класса народ наш впервые попадет в экономические условия, общие всем цивилизованным народам, а потому только через посредство этого класса он может принять участие в передовых стремлениях цивилизованного человечества. На этом основании русские социал-демократы считают первой и главнейшей своей обязанностью образование революционной рабочей партии. Рост и развитие такой партии встретит, однако, в современном русском абсолютизме очень сильное препятствие.

„Поэтому борьба против него обязательна даже для тех рабочих кружков, которые представляют собой теперь зачатки будущей русской рабочей партии. Низвержение абсолютизма должно быть их первой политической задачей.

„Главным средством политической борьбы рабочих кружков против абсолютизма русские социал-демократы считают агитацию в среде рабочего класса и дальнейшее распространение в ней социалистических идей и революционных организаций. Тесно связанные между собою в одно стройное целое, организации эти, не довольствуясь частными столкновениями с правительством, не замедлят перейти в удобный момент к общему на него нападению, при чем не остановятся и перед, так называемыми, террористическими действиями, если это окажется нужным в интересах борьбы.

„Целью борьбы рабочей партии с абсолютизмом является завоевание демократической конституции, обеспечивающей:

„1) Право быть избирателем и избираемым, как в законодательное собрание, так и в провинциальные и общинные органы самоуправления, всякому гражданину, не приговоренному судом, за известные, строго определенные законом позорные действия, к потере политической правоспособности.

„2) Определенную законом денежную плату народным представителям, позволяющую выбирать их из бедных классов населения.

„3) Всеобщее светское даровое и обязательное образование, при чем государство должно снабжать бедных детей пищей, одеждой и учебными пособиями.

„4) Неприкосновенность личности и жилища граждан.

„5) Неограниченную свободу совести, слова, печати, собраний и ассоциаций.

„6) Свободу передвижений и занятий.

„7) Полную равноправность всех граждан, независимо от религии и племенного происхождения.

„8) Замена постоянного войска всеобщим вооружением народа.

„9) Пересмотр всего нашего гражданского и уголовного законодательства, уничтожение сословных подразделений и наказаний, несовместимых с достоинством человека.

„Опираясь на эти основные политические требования, рабочая партия выдвигает ряд ближайших экономических требований, как например:

„1) Радикальный пересмотр наших аграрных отношений, т.-е. условий выкупа земли и наделение ею крестьянских обществ. Предоставление права отказа от надела и выхода из общины тем из крестьян, которые найдут это для себя удобным, и т. п.

„2) Устранение современной податной системы и установление прогрессивного подоходного налога.

„3) Законодательное урегулирование отношений рабочих (городских и сельских) к предпринимателям и организация соответствующей инспекции с представительством от рабочих.

„4) Государственная помощь производительным ассоциациям, организующимся во всевозможных отраслях земледелия, добывающей и обрабатывающей промышленности (крестьянами, горными, фабричными заводскими и рабочими, кустарями и т. д.).

„Эти требования настолько же благоприятны интересам крестьянства, как и интересам промышленных рабочих; поэтому, добиваясь их осуществления, рабочая партия проложит себе широкий путь для сближения с земледельческим населением. Выброшенный из деревни в качестве обедневшего члена общины, пролетарий вернется в нее социал-демократическим агитатором. Его появление в этой роли изменит безнадежную теперь судьбу общины. Ее разложение неотвратимо лишь до тех пор, пока само это разложение не создаст новой народной силы, могущей положить конец царству капитализма. Такою силою явится рабочая партия и увлеченная ею беднейшая часть крестьянства.

„Примечание. Как видно из вышесказанного, русские социал-демократы полагают, что работа интеллигенции, в особенности при современных условиях социально-политической борьбы, должна быть прежде направлена на более развитый слой трудящегося населения, каковым и являются промышленные рабочие. Заручившись сильной поддержкой со стороны этого слоя, социал-демократы могут, с гораздо большей надеждой на успех, распространить свое воздействие на крестьянство, в особенности в то время, когда они добьются свободы агитации и пропаганды. Само собой, впрочем, разумеется, что в настоящее время люди, находящиеся в непосредственном соприкосновении с крестьянством, могли бы своею деятельностью в его среде оказать важную услугу социалистическому движению в России. Социал-демократы не только не оттолкнули от себя таких людей, но приложат все старание, чтобы согласиться с ними в основных принципах и приемах своей деятельности“.

Уже при беглом взгляде на эту программу бросается в глаза, что она написана не для партии уже действующей, а является лишь знаменем, выброшенным небольшой кучкой инициаторов, желающих создать партию. Эти инициаторы, отколовшись от чисто интеллигентских групп утопистов-народников, по отношению к той среде, к которой они по преимуществу обращаются, т.-е. к „интеллигенции“, все еще продолжают держаться ненаучной, утопической точки зрения. Разойдясь с „Народной Волей“, отказавшись от народнических и анархических предрассудков „Черного Передела“ и став на научную социал-демократическую точку зрения, члены группы Освобождение Труда сохраняют еще уверенность в том, что вся русская интеллигенция, „образованные слои высших классов“ легко могут отказаться от этих предрассудков и, став на их точку зрения, из идеологов различных слоев буржуазии превратиться в идеологов пролетариата. Ни в проекте программы, ни в последующих своих литературных выступлениях группа Освобождение Труда не дает классового анализа этой интеллигенции. Один из авторов, Плеханов, объясняет даже неверные положения этого проекта известной уступкой революционерам, разуверившимся в остальных программах. Вот что говорит он по этому поводу:

„Программа группы Освобождение Труда и до сих пор не может быть названа устарелой. Правда, в ней есть два пункта, которые,—как заметил недавно польский „Przegląd Socialdemokratyczny“,—не выдерживают критики с точки зрения „ортодоксального“ марксизма: прямое народное законодательство и государственная помощь производительным товариществам рабочих во всех отраслях нашего народного хозяйства. Но это—зло не столь большой руки, потому что его очень легко было бы исправить. „Przegląd“ прибавляет, что эти два требования еще недавно фигурировали в германской социалдемократической программе ¹⁾. Повидимому, это служит в его глазах смягчающим обстоятельством. Но на самом деле германская социалдемократия тут не при чем. Группа „Освобождение Труда“ внесла в свою программу требование государственной помощи производительным товариществам не потому, чтобы она была увлечена в этом случае примером немецких товарищей, а просто потому, что ей невозможно было не считаться с народническими симпатиями,—скажем откровеннее: предрассудками,—тогдашних русских революционеров. Нужно помнить, что в то время она была буквально единственной русской социалдемократической группой, а число возможных русских социалдемо-

¹⁾ Przegląd Socialdemokratyczny № 1 Marzec 1902 str. 43. (Плеханов).

кратов казалось очень большим, так как все революционные взгляды и программы потерпели жестокое крушение. При таких обстоятельствах группа „Освобождение Труда“ поневоле должна была, по крайней мере, попробовать быть осторожной, мягкой и уступчивой. И она действительно решила попытаться быть такою. Этим ее решением объясняется как принятие ею в свою программу требования государственной помощи производительным товариществам, так и очень неопределенная формулировка ее аграрных требований. Эти последние должны были особенно сильно затрагивать народнические предрассудки наших тогдашних революционеров. Группа „Освобождение Труда“ хорошо понимала это и поэтому выразилась очень „дипломатично“. Желательный пересмотр характеризуется в ее проекте только двумя чертами: 1) он должен быть радикальным, т.-е. в корне изменить быт крестьянского населения и не останавливаться перед соображениями о законности и о так называемых исторических правах „благородного сословия“; 2) домохозяевам должно быть предоставлено право отказаться от надела и выходить из общины. Это вторая часть ясно определяет направление пересмотра: он должен положить конец крепостной зависимости крестьянства по отношению к государству и разорвать ту цепь, на которой оно так долго держало его под предлогом наделения его землею. Но группа „Освобождение Труда“ ничего не сказала о том, какие положительные требования должна, по ее мнению, выставить социалистическая партия во время желательного ей радикального пересмотра наших аграрных отношений. И это понятно. Пускаться в подробности на этот счет—значило тогда поднимать такие ожесточенные, бесконечные споры, каких лучше всего избежать до поры до времени ¹⁾.

Этой „уступчивостью“ по отношению к проникнутой народническим духом интеллигенции. Плеханов объясняет и самое название их организации. В примечании к только что цитированной статье он говорит: „Раз зашла речь об этой группе, заметим, что самое ее название (Освобождение Труда) нерационально. Но и оно принято было, как уступка „духу времени“. Первоначально группа предполагала называть себя просто Группой русских социалдемократов; но это уже слишком резало бы ухо наших возможных товарищей, в течение долгих лет привыкавшее лишь анархической хуле на международную социалдемо-

¹⁾ Плеханов. „Проект программы Рос. соц.-дем. партии“. „Заря“ № 4. 1902 г., стр. 18—19.

кратию, и потому решено было „смягчить“ то, чего на самом деле смягчить было решительно невозможно. С этой целью и принято было без внимательного рассмотрения пришедшее кому то из нас в голову название: социалдемократическая группа „Освобождение Труда“. Теперь такая „осторожность“, отчасти напоминающая осторожность страуса, кажется просто смешною, а тогда было не до смеху¹⁾.

Оставляя открытым вопрос о том, были ли вызваны все промахи „Проекта программы“ действительно только желанием уступить господствующим тогда мнениям интеллигенции, или они об'яснялись тем обстоятельством, что сами члены группы „Освобождение Труда“ в то время не успели еще окончательно совлечь с себя древнего Адама, мы не можем не отметить здесь, что весь проект программы написан был не для будущей рабочей партии, а для тех „образованных слоев высших классов, материальным и умственным интересам которых противоречит современная политическая система“, и которые приуныли от равнодушия народа к их призывам. Именно эту интеллигенцию авторы проекта приглашают в ряды социалдемократии для создания зачатков будущей рабочей партии. Только этим „интеллигентским“ характером проекта программы мы и можем об'яснить тот факт, что, говоря о переходе от „частных столкновений с правительством“ „к общему на него нападению в удобный момент“, т.-е. к массовому вооруженному восстанию — иначе нельзя понять это место — авторы считают нужным добавить, что социалдемократы при этом „не остановятся и перед так называемыми террористическими действиями, если это окажется нужным в интересах борьбы“. Следовательно, террористические действия, т.-е. интеллигентское единоборство с отдельными представителями правительства, как бы считаются более сильным и радикальным средством борьбы, чем массовое выступление рабочего класса против всей политической системы. Кроме того, в политической программе Группы не достаёт многих из тех положений, без которых немислима ни одна политическая программа современных социалдемократических партий. Мы не находим в ней ни слова о равном, прямом и тайном избирательном праве, о равенстве полов; политический идеал Группы не идет дальше демократической конституции. Что же касается экономической части программы, то она ограничивается лишь требованием „инспекции с представительством от рабочих“, не давая кроме этого ни одного практического лозунга, который мог бы послужить темой агитации среди рабочих.

¹⁾ Плеханов. „Проект программы Рос. соц.-дем. партии“ „Заря“ № 4. 1902 г. Стр. 19--20.

Вообще, весь проект программы, по словам одного из авторов, Плеханова, „представляет, скорей, очень сжато написанную статью, чем программу в собственном смысле слова“. И тем не менее, несмотря на все свои дефекты, проект программы группы Освобождение Труда явился громадным шагом вперед сравнительно с позицией революционного народничества. Он ясно и определенно поставил вопрос о неизбежной революционной миссии рабочего класса, о необходимости образования самостоятельной рабочей партии, о нелепости и утопичности упований на совпадение политической и социалистической революции, о том, что последняя невысказана без предварительной победы первой. Правильная формулировка этих вопросов членами группы Освобождение Труда помогла позднейшим поколениям практиков-социал-демократов легко справиться с промахами проекта. А враждебное отношение, которое встретил этот проект в интеллигентских революционных кружках и их идейном руководителе, редакторе „Вестника Народной Воли“ Л. Тихомирове¹⁾, очень скоро заставило и авторов Проекта отнестись несколько строже к интеллигентским утопиям, лучшим доказательством чего служит появление книги „Наши разногласия“. Социал-демократическая программа не могла прельстить русских интеллигентов революционеров; они не пошли за ней, и это заставило членов группы Освобождение Труда все дальше и дальше уходить от „интеллигенции“, все резче и резче отмежевывать себя от ее утопических иллюзий. Уже на Парижском международном социалистическом конгрессе в 1889 г. Плеханов от имени группы Освобождение Труда заявил: „Революционное движение в России может восторжествовать только как революционное движение рабочих. Другого выхода у нас нет и быть не может“.

Вся предыдущая революционная борьба доказала бессилие одной оторванной от народа революционной интеллигенции. „История давно и безвозвратно осудила русское самодержавие. Но оно существует и будет существовать до тех пор, пока та же история не заготовит достаточно сил для исполнения своего приговора. Она деятельно заготавливает их, беря их отовсюду. Пролетариат—самая могучая из создаваемых ею новых общественных сил. Пролетариат—это тот динамит с помощью которого история взорвет русское самодержавие.“

„Но рабочему классу не годятся старые, более или менее фантастические костюмы интеллигенции. Наши рабочие, уже в семидесятых годах видевшие слабые стороны народни-

¹⁾ Тихомиров очень скоро после этого ушел от революции в качестве одного из редакторов самой гнусной редакционной газеты „Московских Ведомостей“ травил всех революционеров.

чества, в девяностых годах сознательно станут под знамя всемирной рабочей партии, под знамя социалдемократов" ¹⁾.

С усилением реакции 80-х годов группа „Освобождение Труда“, подобно всем остальным эмигрантским революционным организациям, все более и более утрачивала непосредственную связь с революционными деятелями в России. Единственный путь, при помощи которого поддерживалась эта связь, был через русских студентов, учившихся в швейцарских университетах. После ареста Дейча, главной организаторской силы Группы, для нее исчезает последняя надежда прочной установки постоянных сношений с русскими товарищами. „При таких условиях—говорит Рязанов—создание обширной рабочей литературы оказалось практически невозможным. Для этого нужно постоянное общение с рабочей массой. Пришлось отказаться от задуманных уже работ. Из готовящихся к печати брошюр для рабочих тогда увидела свет только книжка П. Аксельрода „Рабочее движение и социальная демократия“ ²⁾.

Но если практически Группа и не очень проявляла себя в это время, то тем не менее она уже тогда сыграла крупную роль в деле будущего развития социалдемократии в России.

„Предстояла другая, не менее важная задача,—продолжает Рязанов—гораздо более доступная и осуществимая: создание кадров социалдемократической революционной интеллигенции, которая понесла бы идеи социалдемократии в среду рабочих; „социалдемократического движения“ в России в то время еще не было, для возникновения его необходимо было прежде всего теоретически проложить ему путь“. А „главным идейным препятствием или камнем преткновения для этого являлись иллюзии радикальной интеллигенции насчет направления и перспективы нашего экономического развития и отрицательного отношения той-же интеллигенции к социально-экономическому и революционному значению нарождающегося русского пролетариата. Отсюда видная, если угодно,—первостепенная, роль полемики всех оттенков в публицистических изданиях группы“ ³⁾.

ГЛАВА IV.

Совершенно независимо от группы „Освобождение Труда“, почти одновременно с ней, в Петербурге возникла первая социалдемократическая группа, известная по имени своего основателя, болгарина Благоева ⁴⁾. Как и Плеханов, Аксельрод

¹⁾ Плеханов „Русск. раб. в рев. движении“ стр. 62.

²⁾ Н. Рязанов „Гр. Освоб. Труда“ стр. 14—15, 2-е изд. 1906 г.

³⁾ Там же, стр. 14—15.

⁴⁾ Т. Благоев сейчас является одним из активных вождей Болгарской Коммунистической Партии.

и Засулич, Благоев начал с критики народничества и перешел к штудированию научного социализма. Но если первые, живя за границей, находились в благоприятных условиях для ознакомления с теорией и практикой западно-европейского рабочего движения, то нельзя того же сказать о Благоеве и его товарищах. По собственным словам Благоева, взгляды его группы „представляли смесь научного социализма с лассальянством и, если хотите, с лавризмом:.. „В основе наших взглядов и программы—говорит он—лежал общий принцип социалдемократии, а именно, что рабочий класс России должен выделиться в самостоятельную политическую партию, конечная цель которой должна состоять в преобразовании общества на социалистических началах, на коллективном владении средствами производства; что для приближения к этой цели рабочему классу России необходимо прежде всего добиться конституции, и что в России конституционное управление останется мечтой до тех пор, пока не явится сильная рабочая партия с самостоятельными от буржуазии задачами“. Поэтому, насколько помнится, в первой передовице № 1 „Рабочий“, писанной мною, настаивалось больше всего на том, что рабочим в России необходимо бороться, как за ближайшую задачу, за конституционное управление... Политическую свободу мы считали первым необходимым условием для того чтобы можно было бороться для социалистического переворота. А этот последний мы представляли себе по Лассалю т.-е. через рабочие ассоциации, субсидируемые государством“¹⁾.

Как мы уже видели, лассальянскую идею о „государственной помощи производительным ассоциациям“ включила в свою программу и группа Освобождение Труда. А так как первый номер „Рабочего“, органа Благовеской группы, вышел в Петербурге раньше, чем эта группа завязала сношения с группой Освобождение Труда, то очень вероятно, что компромисс, о котором говорит Плеханов по поводу проекта программы группы Освобождение Труда, и был сделан последней именно под влиянием взглядов кружка Благоева этой единственной работавшей в то время в России социал-демократической группы. Программа Петербургской группы, как ее излагает Благоев в своем письме к Кольцову, сводилась к следующему:

I. Конечные цели.

1) Передача земли, фабрик, заводов, орудий производства, т.-с. машин и проч., в руки рабочих обществ.

¹⁾ Кольцов. Послесловие к „Ист. рев. дв. в России“ Туна, стр. 358—359

- 2) Превращение труда, земли, фабрик и заводов в общественную собственность.
- 3) Передача государственной власти в руки народа.
- 4) Полная свобода распространения знаний и преподавания, свобода печати, слова и совести.
- 5) Даровое и для всех доступное образование.
- 6) Международный союз для поддержания солидарности всех народов.

II. Средства.

- 1) Широкое избирательное право для лиц обоего пола.
- 2) Общинное самоуправление.
- 3) Полная свобода в преподавании наук и искусств, в распространении знания, свобода слова, печати и религии.
- 4) Уничтожение религиозного воспитания в школах и предоставление его семье.
- 5) Организация обязательного и дарового образования, основанного на духе общественных и гражданских обязанностей.
- 6) Уничтожение постоянной армии и организация народной милиции.
- 7) Сокращение числа чиновников и организация выборной общинной службы.
- 8) Замена современного суда судом выборных присяжных.
- 9) Соединение земледельческого труда с промышленным.
- 10) Централизация кредита в руках государства и его употребление на организацию народного труда и народного производства на коллективных началах.
- 11) Организация обществ для эксплуатации на коллективных началах общественных земель, горных богатств и орудий производства ¹⁾.

Здесь, как и следовало ожидать, мы не находим той научной обоснованности и той относительной выдержанности, какой, в сравнении со всеми остальными революционными программами 70 х и 80 х годов, отличается программа группы Освоб. Труда. Питерская программа в значительно большей мере, чем женевская, сохранила на себе следы народнических предрассудков; в ней совершенно отсутствуют экономические рабочие требования, а программа минимум не отделена от программы максимум. В программе Благоевской группы чувствуется полное политическое невежество и отсутствие знакомства с самыми элементарными положениями западно-европейских конституций и с требованиями западно-европейской социал-демократии. Интересно сравнить эту программу с выработанной в 79 году в Петербурге же программой „Северного Союза Русских Рабочих“. Приведем политическую часть этой программы:

„Так как политическая свобода,—говорили рабочие,—обеспечивает за каждым человеком самостоятельность его убеждений и действий, так как ею прежде всего обеспечивается решение социального вопроса, то непосредственными требованиями Союза должны быть:

¹⁾ Кольцов. Прилож. к „Ист. рев. др. в России“. Туна Изд. Библ. для всех. Стр. 359—360.

- 1) Свобода слова, печати, право собраний и сходок.
- 2) Уничтожение сыскной полиции и дел по политическим преступлениям.
- 3) Уничтожение сословных прав и преимуществ.
- 4) Обязательное бесплатное обучение во всех школах и учебных заведениях.
- 5) Уменьшение количества постоянных войск или полная замена их народным вооружением.
- 6) Право сельской общины на решение дел, касающихся ее, как-то: размера податей, надела земли и внутреннего самоуправления.
- 7) Уничтожение паспортной системы и свобода передвижения.
- 8) Отмена косвенных налогов и установление прямого, сообразно доходу и наследству.
- 9) Ограничение рабочих часов и запрещение детского труда.
- 10) Учреждение производительных ассоциаций, ссудных касс и дарового кредита рабочим ассоциациям и крестьянским общинам¹⁾.

В этой программе, несомненно, видна большая политическая зрелость, чем в программе Благоевской группы, а участие в ее выработке самих рабочих придало ее требованиям более конкретный характер. Каждый выставленный здесь лозунг дает определенный материал для агитации.

Как мы уже говорили, петербургская группа Благоева завязывает отношения с заграничной Группой Освоб. Труда. Между обеими группами ведется деятельная переписка, сообща обсуждается программа, и уже к выходу № 2 „Рабочего“ они окончательно сговариваются между собой. Как та, так и другая группа работают главным образом среди учащейся молодежи; но, в отличие от эмигрантской, петербургская группа завязывает также и непосредственные связи с рабочими. „Я занимался — пишет Благоев — главным образом пропагандой между рабочими, преимущественно на сталелитейном заводе и на Васильевском острове“²⁾. Но сама группа, подобно жевневской, состояла исключительно из одних интеллигентов: в нее входили человек 15—16 студентов и курсисток, один инженер, один журналист и двое нелегальных, бывших членов „Черного Передела“.

С 1885 г. Петербургская группа начала выпускать свой орган „Рабочий“. Во втором номере этой газеты мы, между прочим, находим статью Аксельрода о западно-европейском рабочем движении и письмо Плеханова к петербургским рабочим кружкам, озаглавленное „Современные задачи русских рабочих“. „Я потому обращаюсь с письмом именно к вам, к кружкам рабочих, что у нас в России, как везде и всюду,

¹⁾ А. Ельницкий. „Перв. шаги раб. движ. в России“. Стр. 43.

²⁾ Кольцов. Прилож. к „Ист. рев. дв. в России“. Туна. Стр. 357.

социал-демократическая партия должна быть партией по преимуществу рабочей. Это не значит, что социал-демократическая партия должна отталкивать от себя людей из других классов общества. Такая исключительность была бы совершенно несправедливой, создала бы ей целый ряд неудобств и даже поставила бы ее в почти безвыходное положение.

„Называя ее партией рабочей по преимуществу, я хочу только сказать, что наша революционная интеллигенция должна идти с рабочими, а наше крестьянство должно идти за ними. При такой постановке вопроса наша социал-демократическая партия может сохранить свой рабочий характер, вовсе не впадая во вредную исключительность“¹⁾.

Переходя к задачам русских рабочих, Плеханов указывает, что эти задачи вытекают из двойственного положения рабочего класса. „Каково ваше современное положение? Во-первых, вы рабочие, а во-вторых, вы граждане или—так как граждан у нас пока нет—вы обыватели русского государства²⁾. „Уже из этого (него) видно,—продолжает он дальше,—что ваши задачи также должны иметь две стороны, как имеет их ваше современное положение.

„Вы должны бороться: во-первых, ради своего освобождения от гнета хозяев, от экономической эксплуатации, а во-вторых, ради приобретения тех прав, которые положат конец полицейскому произволу и сделают из вас,—пока еще бесправных обывателей — свободных граждан свободной страны. Другими словами, вы должны бороться во имя политической свободы.

„И не думайте, что эти две задачи могут быть отделены одна от другой, что они могут быть решены порознь и независимо друг от друга.

„Каждый из вас одновременно является и эксплуатируемым рабочим, и бесправным обывателем. Поэтому и все вы в совокупности,—весь русский рабочий класс,—должны одновременно преследовать как политическую, так и экономическую цель. Вы должны одновременно стремиться низвергнуть как тех, которые являются господами на фабрике, так и тех, которые полновластно распоряжаются теперь в русском государстве.

„Одно немыслимо без другого. Без экономической независимости вы никогда не будете в состоянии воспользоваться во всей полноте вашими политическими правами, без политических прав вы никогда не добьетесь экономической не-

¹⁾ Раб. № 2. Цитир. по Сборн. политич. статей Плеханова „На два фронта“ Женева. 905. Стр. 84.

²⁾ Там же. Стр. 85.

зависимости. И если бы даже нашлось такое правительство, которое захотело бы и могло бы,—не давая вам политических прав,—обеспечить ваше матерьяльное положение, то вы все-таки были бы не более, как сытыми рабами, хорошо откормленным рабочим скотом. Ваше умственное развитие, ваше нравственное достоинство пострадали бы от этого даже более, чем теперь, когда правительственный гнет толкает вас на борьбу и наполняет негодованием ваши сердца“ 1).

„Чем же могут быть разрешены эти задачи?“ — спрашивает далее Плеханов и сейчас же отвечает:

„Они могут быть разрешены только силой.

„Современное правительство не дает вам добровольно политических прав; землевладельцы, фабриканты, заводчики, банкиры, словом те, в руках которых скопляются теперь богатства не откажутся добровольно от этих богатств и не передадут их добровольно в ваше распоряжение. Между тем вам необходимо как то, так и другое. Вам остается поэтому припомнить, что народное благо есть высший закон, и во имя этого блага силой заставить ваших врагов сделать то, к чему вы не склоните их никакими просьбами, никакими увещаниями.

„Итак, только силой можете вы добиться своего освобождения. Значит, вам нужна сила, нужно очень много силы. В чем же она заключается?

„Сила рабочего класса зависит от трех условий: 1) от его сознательности, т.-е. от ясного понимания того, к чему он стремится; 2) от его сплоченности, и 3) от его тактики, т.-е. от умения во-время нападать на своих врагов и пользоваться каждой, даже и самой ничтожной победой, для облегчения своих дальнейших действий.

„Я не говорю о смелости, о той бесповоротной решимости во что бы то ни стало добиться своих целей, без которой нечего и начинать борьбу. Это четвертое условие подразумевается само собой и может быть выражено русской поговоркой „волков бояться, так и в лес не ходить“ 2).

„...Более развитые рабочие должны помнить, что на них лежит огромный долг по отношению к их более темным братьям. Социалистическая пропаганда, т.-е. распространение социалистических мыслей и, как средство для этого, распространение социалистических книг, брошюр и воззваний (теперь у вас есть уже газета); такая пропаганда составляет

1) „Рабочий № 2“. Цитир. по Сб. полит. стат. Плеханова „На два фронта“. Стр. 87—88.

2) „На два фронта“. Стр. 89.

прямую их обязанность. А так как в одиночку заниматься такими вещами неудобно, то вы должны озаботиться созданием как можно большего числа социалистических кружков в своей среде. Такие кружки удесятерят силы каждого из вас в отдельности.

„Эти же кружки сослужат вам и другую службу. Они дадут вам возможность образовать в своей среде стройную и сплоченную организацию¹⁾. Организованные рабочие станут революционной силой, какой еще не бывало в России, и приобретут влияние на всю остальную рабочую массу.

Далее Плеханов доказывает, насколько повысятся шансы для ведения пропаганды социалистических идей и агитации против существующего порядка вещей, когда рабочие добьются свободы слова, печати, сходок и всяческих обществ, и в особенности когда, кроме этих „отрицательных“ прав, они добьются „положительного“ права участвовать через своих представителей в законодательстве страны. „Из союза тайных рабочих кружков—говорит он—вы превратились бы тогда, наконец, в открытую рабочую социал-демократическую партию²⁾.

В своем стремлении к политической свободе рабочие должны всячески использовать неизбежный конфликт между высшими классами и самодержавным правительством. „Придет время—пишет Плеханов в той же статье,—когда сами высшие классы будут просить вашей помощи в борьбе с царем, когда они сами будут толкать вас на борьбу за свободу. Но, пользуясь этим выгодным для вас обстоятельством, вы все-таки должны начать эту борьбу на свой собственный страх и для достижения своих собственных целей. Не забывайте, что в политике нет благодарности, и если вы не будете думать сами о себе, то другие будут думать о вас лишь до тех пор, пока им нужно будет пользоваться вашей силой. Но как только дело дойдет до выгод, принесенных борьбой, то высшие классы будут помнить только о себе, да разве еще о том, чтобы держать вас в узде и в повиновении. Но если вы будете сильны и сплочены, если вы сознательно пойдете к своей цели, то вы сумеете отстоять свои права и не даром затратите свои силы“.

„Вы добьетесь тогда для всех вас, т.-е. для всех крестьян и рабочих, права выбирать представителей в Законодательное Собрание и быть выбираемыми в такие представители; вы добьетесь свободы слова, печати, сходок, собраний, образо-

¹⁾ „На два фронта“. Стр. 91.

²⁾ „На два фронта“. Стр. 93.

вания рабочих обществ—короче, вы завоюете себе политические права и политическую свободу¹⁾).

„Опираясь на завоеванные вами права, вы сумеете также хоть немного улучшить свое материальное положение. Ваши представители потребуют от Законодательного Собрания целого ряда экономических реформ в пользу бедных и трудящихся классов. Конечно, нельзя ожидать серьезных реформ от Собрания, в котором большинство будет состоять из представителей высших классов. Но, во первых, вы все таки получите таким образом несравненно больше, чем получили бы вы, стоя сложа руки. А во вторых—упорство высших классов также пойдет вам на пользу, хотя и в другом отношении. Оно возбудит неудовольствие народа, оно толкнет в ваши революционные ряды тех, которые по своей слабости и нерешительности надеялись на мирный исход, на милосердие царя, на благоразумие высших классов. Оно послужит новым, самым убедительным доводом в пользу ваших идей, в подтверждение той истине, что полное освобождение трудящегося класса возможно будет лишь тогда, когда класс этот захватит в сию государственную власть в свои руки и провозгласит республику социальную и демократическую.

„И так, что же вам предстоит теперь делать?

„1) Развивать сознательность в среде ваших товарищей, 2) организовать и сплачивать их силы, 3) направлять эти силы на завоевание тех политических прав, которые дали бы вам возможность добиться некоторых экономических реформ уже в настоящее время, а главное—облегчили бы вам вашу окончательную победу в будущем.

„Ведите же настойчивей это дело! Мы живем накануне важных событий, и русскому рабочему классу необходимо явиться сознательным участником в этих событиях, а не жалкой массой рабов, над которой не издается только ленивый“²⁾).

Второй номер „Рабочего“ был вместе с тем и последним. Аресты 86—87 гг. прекратили существование Благоевской группы.

ГЛАВА V.

После провала Дейча, с одной стороны, и Благоевской группы—с другой, связь между группой Освобождение Труда и Россией, как мы уже говорили, почти совершенно замерла.

1) „На два фронта“. Стр. 95.

2) „На два фронта“. Стр. 96.

Но брошенные группой семена марксизма далеко не погибли. Возвращающаяся из заграницы молодежь, как и молодежь, участвовавшая в кружках Благоева, уже относится критически к народническим идеям; она уже ищет объяснения этих идей, а не принимает их за аксиомы, за непреложные истины. Правда, русской социалдемократической литературы еще слишком недостаточно для того, чтобы надлежащим образом осветить то, что происходит в России, и что так живо интересует эту молодежь; ее одной—этой литературы—еще недостаточно для выработки нового цельного мировоззрения, но вся громадность ее заслуги обнаружилась уже в том, что она заставила мысль своих читателей работать в известном направлении.

В середине 80-х годов на помощь нелегальной социалдемократической литературе появилось сильно развившееся фактическое изучение русской действительности. Быстрый рост производительных сил страны и вызванное этим ростом прямо бьющее в глаза изменение всех общественных отношений как-то стихийно выдвинули вопрос об основательном изучении всей экономической жизни страны. Появляются земские статистические исследования, исследования фабрик и заводов, произведенные санитарными врачами и фабричными инспекторами первого призыва: Эрисманом, Дементьевым, Погожевым, Песковским, Янжулом и др., исследования кустарных промыслов—Харизоменовым, П. Скворцовым и другими. Все эти труды рисовали перед русской читающей публикой действительное положение вещей в России и, часто вопреки воле самих исследователей, констатировали успехи капиталистического развития, существование крупного капиталистического производства с одной стороны и расчленение деревни, наличность у нас действительного класса пролетариев—с другой. Наши самобытные „устои“ оказались не более как мифом, а „мертворожденное дитя русского бюрократизма“—капитал не только оказалось живым, но и успел уже весьма энергично проявить свою жизнеспособность. Правда, в конце восьмидесятых годов для большинства широкой интеллигентной публики все эти исследования прошли почти незамеченными. Но ими широко воспользовалась уже вовлеченная в марксистскую пропаганду молодежь. Рассеянные по всей России бывшие заграничные студенты—ученики членов группы Освобождение Труда и высланные из Питера после Благоевского провала распропагандированные им молодые люди собирали повсюду вокруг себя небольшие группы лиц, которые серьезно принялись за изучение экономических вопросов. К концу 80-х годов мы встречаем уже такие группки в Пи-

тере, Москве, Минске, Вильне, Самаре, Саратове, Казани, Одессе, Туле, Киеве и во многих других местах.

Вопросы изучались основательно; члены группок—преимущественно учащаяся молодежь и „бывшие люди“, т.-е. поднадзорные, не только читали, но и штудировали „Капитал“ Маркса. Правда, и раньше, т.-е. еще до образования марксистских кружков, о Марксе говорили, и его „Капитал“ считался любимой настольной книгой каждого русского революционера; но толковали его вкривь и вкось, и заявление Каутского, что „большинство пишущих и говорящих о Марксе либо совсем не читали, либо очень невнимательно читали его“, нигде не оправдывалось в такой степени, как у нас в то время. „Капитал“ для большинства русских революционеров считался книгой очень ценной для Запада, но не имеющей никакого практического значения для России, которая, по их мнению, шла совершенно отличным от Зап. Европы самобытным путем. Лишь в описываемую нами сейчас эпоху Маркс стал утрачивать для русских революционеров свой отвлеченный характер. Для понимания „Капитала“ и для применения его к русской действительности необходимо было пополнить багаж своих знаний и в других областях. Чтобы судить о русской действительности, нужно было изучить прошлое России, прошлое всего человечества, усвоить законы, движущие историей, и уметь сравнить историческое развитие на Западе и у нас. Существовавшая в России литература не в состоянии была удовлетворить этой потребности знания. В ней царил субъективный метод, и говорилось не о том, что неизбежно должно быть, а лишь о том, что было бы желательно. Дать необходимое могла в то время лишь западно-европейская и в особенности немецкая литература. Маркса, Энгельса, Каутского, Либкнехта, Бебеля, Лафарга и Геда читали и зачитывались ими те счастливицы, которые знали иностранные языки. Вместе с тем читалось все, что можно было достать по истории, социологии, этнографии и философии. Первые русские марксисты резко выделялись из среды остальной интеллигенции своей богатой эрудицией, разнообразием и всесторонностью своих знаний.

Широкие слои интеллигенции, состоявшие главным образом из учащейся молодежи, отнеслись крайне отрицательно к новаторам. Признание марксистских догм казалось лучшей частью этой молодежи полным отречением от излюбленных учителей—Лаврова, Михайловского и др., страшной изменой традициям героев „Народной Воли“. Недаром редактор „Вестника Народной Воли“ Тихомиров, согласившийся, было, напечатать в „Вестнике“ первую социалдемократическую статью Плеханова, в конце концов отказался, мотивируя свой отказ

недовольством молодых товарищей, его сближением с бывшими чернопередельцами, а теперешними социалдемократами. Вообще, по его мнению, русские революционеры были крайне предубеждены против социалдемократии.

Голод 1891—92 года вызвал сильный под'ем настроения интеллигентного общества. Многие, движимые филантропическими чувствами, устремляются в деревню, чтобы там помочь, кто чем может. Начинается новый поход „в народ“. Снова, как и в семидесятые года, учащиеся бросают университеты и курсы и идут в деревню в качестве учителей, фельдшериц и т. д., чтобы помочь „меньшему брату“. Культуртрегерская деятельность—вот что самое главное в настоящее время; научить грамоте, помочь голодному, а затем уже революционизировать его—говорят одни из молодежи. Воспользоваться голодом, использовать недовольство крестьян и призвать голодную крестьянскую массу к немедленному восстанию во имя старых идеалов Земли и Воли—говорят более революционно настроенные. Марксисты не соглашались ни с теми, ни с другими. Они говорили, что филантропия—вещь хорошая, но только в таком случае, если она действительно помогает страждущему, а не является одним самоутешением, успокоением собственной совести. Хорошо учить крестьян грамоте; но когда вас, в качестве учителя, разными циркулярами и предписаниями заставляют преподавать заведомую ложь, заставляют не развивать сознание и самостоятельность крестьянских детей, а всем строем школы тушить в них искру божью, убивать самостоятельность мысли, то вы приносите народу не пользу, а вред. Доброе дело лечить крестьян; но когда вы пухнущему с голоду, раз'еденному цынгой человеку вместо молока и куска настоящего хлеба, преподнесете какую-нибудь микстуру или порошки, вы не помогаете народу, а просто издеваетесь над ним.

— Да, заканчивали марксисты свои речи к учащейся молодежи, идите в народ, делайтесь учителями, фельдшерами, докторами, агрономами, но не облекайте свою службу ореолом геройства, мученичества, подвижничества. Тем, что вы голодаете, соглашаясь на 12—15-рублевое жалованье за учительский труд и на 20—25 руб.—за фельдшерский, тем, что вы работаете за троих чуть не по 24 часа в сутки, вы не облегчаете народной нужды, а даете только возможность получать большие оклады разным председателям и членам управы. Буржуазное общество заинтересовано в поднятии общей культуры, в увеличении процента грамотных, заинтересовано в борьбе с эпидемиями, и это буржуазное общество нагло эксплуатирует ваше подвижничество, вашу самоотверженность, как оно эксплуатирует нужду крестьян и ра-

бочих. Идите же, исполняйте свои обязанности, но поймите, что вы являетесь такими же наемниками буржуазии (представленной земскими и городскими управами), как и те, кого вы хотите облагодетельствовать.

Вообще, споры о роли интеллигенции, о ее сущности занимали в первую половину 90-х годов значительную часть дискуссий между марксистами и представителями революционного и мелкобуржуазного народничества. Марксисты в России ставили этот вопрос значительно острее и глубже, чем он ставился группой „Освоб. Труда“. В своей полемике они решительно отказывались от обычного термина марксистов-эмигрантов — „социалистическая интеллигенция“. Этот термин считался ими черезчур расплывчатым и неопределенным, тем более, что почти все тогдашнее студенчество, все интеллигенты-народники очень охотно называли себя социалистами, даже либеральные земцы или либералы, вроде Гольцева из „Русской Мысли“, не прочь были при случае украсить этим званием. Именно поэтому первые русские марксисты, которые с самого начала не разделяли надежд группы „Освоб. Труда“ на возможность привлечения в свои ряды всей революционной молодежи, считали крайне важным, при помощи более точной терминологии, отмежевать себя от остальной интеллигенции. „Социалистической“ интеллигенции они противопоставляли интеллигенцию „пролетарскую“. Долг всей интеллигенции идти на помощь народу, — твердили народники. — Вся интеллигенция не может пойти „в народ“, возражали марксисты, потому что среди этой интеллигенции имеются представители всех слоев, всех классов русского общества. Интеллигенция не является особым классом, представляющим свои интересы, она не есть также что-то висящее в воздухе, надклассовое: в свою среду она включает представителей аграриев, крупной и мелкой буржуазии и пролетариата. Каждый из этих слоев интеллигенции, если он сознателен, борется и защищает интересы того класса, к которому он принадлежит. Надо познать самого себя, понять свое классовое положение и только тогда идти на защиту своего класса, но не из филантропии, не в качестве благодетелей, а в качестве борцов за общие с этим классом насущные интересы. Значительное большинство учащейся молодежи, если не по происхождению, то по своему экономическому положению, принадлежит к интеллигентному пролетариату — говорили далее марксисты; поэтому ее задача, определив свое место в классовой борьбе, идти в темные рабочие массы, чтобы вносить туда свет самосознания; нужно идти и к крестьянам, но не для подвижничества на плохо оплачиваемую буржуазным обществом культуртрсерскую

работу, а для того, чтобы, пользуясь этой работой, как средством существования, наряду с ней и при посредстве ее выяснить крестьянскому пролетариату его положение и его нужды. Обращаясь к пролетарской интеллигенции, русские марксисты, само собой разумеется, допускали также возможность, что из других классов населения могут явиться отдельные личности, которые, вопреки своему классовому положению, могут стать на пролетарскую точку зрения; но они постоянно подчеркивали, что это могут быть только отдельные, исключительные личности, „белые вороны“. Прочно же рассчитывать марксисты могут лишь на пролетарскую интеллигенцию, которая в конце концов должна понять свои классовые интересы, с неизбежностью толкающие ее в ряды борющегося пролетариата, занятого физическим трудом.

Не соглашались марксисты и с теми, более революционно настроенными народниками, которые намеревались, воспользовавшись голодом и страшным озлоблением и недовольством крестьянских масс, звать эти массы к немедленному восстанию¹⁾. В этом стремлении марксисты видели старую, давно осужденную бунтарскую точку зрения. Несомненно, что недовольство и озлобление крестьянских масс велико, несомненно также и то, что оно нет-нет да и прорвется в виде отдельных вспышек; но можно ли, без всякой предварительной агитации, кому бы то ни было рассчитывать овладеть этими вспышками, которые обыкновенно возникают против ближайших причин недовольства, против отдельных помещиков или ближайшего, непосредственного начальства? Можно ли было рассчитывать превратить эти единичные вспышки в революцию? Считаясь с объективными условиями, считаясь с действительным положением вещей, русские марксисты должны были отвечать на этот вопрос отрицательно. Они говорили, что, несмотря на страшное недовольство крестьян, революция в ближайшее время немыслима, потому что нет элементов, которые могли бы произвести ее. Жизнь еще не успела с достаточной рельефностью показать крестьянам связь между их бедственным положением и действительными причинами его. Следовательно, не звать крестьян на бесплодные бунты должны революционеры, а идти к ним и ко всему угнетенному, трудящемуся люду, чтобы выяснить им их положение и будить классовое самосознание. Крестьянские массы—говорили марксисты—только тогда сознательно пойдут на революцию, когда они ясно увидят связь между государственным строем и своим экономическим положением,

¹⁾ Группа Астырева, Шатеринкова и др., арестованная в Москве в апреле 1892 г.

связь между политическим произволом и бесправием, с одной стороны, и вечными голодовками—с другой.—Идите и выясняйте эту связь, и вы приблизите момент революции; одними призывами к восстанию вы ничего не сделаете. Мы—говорили далее марксисты—не идем сейчас к крестьянству потому, что у нас в настоящее время еще слишком мало сил, и мы хотим употребить их как можно производительнее. Поэтому, мы посвящаем всю нашу энергию городскому пролетариату, который по своим условиям является более восприимчивой почвой для наших идей, и который, несомненно, должен явиться авангардом революции. Но раз вы, народолюбцы, живете в деревне, то вы и работайте среди крестьян так же, как мы будем работать среди городских рабочих, и тогда мы совместно добьемся того, что, „восстав против существующего порядка, народ завоюет политические права для себя, а не политические привилегии для своих эксплуататоров“; достигнуть же этого может лишь народ, сознательно относящийся к своему положению. До тех пор, пока революционно настроена у нас одна лишь так называемая социалистическая интеллигенция, а массы народа бессознательны, политически индифферентны, о революции не может быть и речи. „Социалистическая интеллигенция—писал приблизительно в это же время Плеханов—это тот фермент, который, попав в благоприятную (т. е. рабочую) среду, может вызвать в ней брожение, которое приведет к возникновению социалистической партии. Но это и все. Если социалистические идеи не проникли далее интеллигенции — социалистического движения еще нет“¹⁾).

Задача сознательно ставшего на классовую пролетарскую точку зрения интеллигента—помочь стать на эту точку зрения рабочей массе. „Рабочий класс, в среду которого проникла мысль о политической свободе—это уже сознательный рабочий класс. Но пока он говорит только о политической свободе, его политическое сознание находится еще в неразвитом состоянии, оно еще не стало классовым его сознанием. На эту высшую ступень политического развития рабочий класс поднимается только тогда, когда научается понимать свои особые классовые интересы, свое отношение к буржуазии, причину своего подчинения эксплуататорам. Тогда политическая свобода перестанет играть в его глазах роль панацеи, способной излечить общественный организм от всех возможных болезней. Тогда он ставит перед собой задачу своего экономического освобождения, высшую цель, „которой

¹⁾ Плеханов. „О задачах социалистов в борьбе с голодом в России“. Стр. 64.

всякое политическое движение должно быть подчинено, как средство¹⁾.

Для громадного большинства русских интеллигентных революционеров мысли, высказанные Плехановым и часто совершенно независимо от него распространяемые русскими марксистами, казались ересью. Возродившийся под влиянием голода революционизм нашей интеллигенции склонен был совершенно игнорировать социальный характер ожидаемого переворота. Пропаганда социалистических идей и классовой борьбы, по мнению этой интеллигенции, разбивает силы борцов с самодержавием; борьба эта должна быть внеклассовой, „чисто политической“, без всякой примеси социализма; выступать же с проповедью социализма следует лишь после победы над абсолютизмом. Некоторые неясные места брошюры Плеханова „Всероссийское разорение“²⁾, написанной под свежим впечатлением известий о голоде, дали повод русской интеллигенции усмотреть в Плеханове своего союзника и его мнение противопоставлять мнению русских марксистов. Но вышедшая вскоре после того следующая брошюра Плеханова „О задачах социалистов в борьбе с голодом в России“ возбудила недовольство интеллигентской молодежи. Оказалось, что теперь Плеханов ничуть не противоречит тому, что проповедывали марксисты в России; он, как и они, восставал против „чистых политиков“. В этой брошюре он ясно и определенно подчеркнул, что для марксистов политическая свобода должна быть лишь средством, а не целью самой в себе. „Покончив с самодержавием, русская буржуазия, естественно, будет пользоваться добытыми ею политическими правами всякий раз, когда найдет полезным пользоваться ими. И она будет пользоваться ими не только в том отрицательном смысле, который имеют обыкновенно в виду „чистые политики“. Она не только будет говорить и писать свободно, „не предвидя от сего никаких последствий“, „от редакции не зависящих“, она сделает свои политические права орудием своего экономического благосостояния. Она и заговорит-то о политических правах только тогда, когда поймет важность их, как „средства“. А рабочие должны вести себя иначе? Они должны спокойно смотреть, как обделяют свои делишки гг. предприниматели, в руках которых сама свобода превращается в орудие эксплуатации? Или может быть рабочим тоже позволительно пользоваться своими правами? А если позволительно, то плохо ли делают люди, старающиеся научить их этому заранее? Ведь между „чистым политиком“ и социалистом разница только в том и

¹⁾ Плеханов. „О задачах соц. в борьбе с голодом в России“. Стр. 65.

²⁾ См. назв. бршш. стр. 59 и след. изд. Малых 1906.

заключается, что первый говорит пролетарию (когда находит нужным говорить с ним): „старайся разбить сковывающие тебя цепи рабства, старайся приобрести политические права“, а второй прибавляет: „и умей пользоваться ими, умей, опираясь на них, дать отпор буржуазии“¹⁾.

„Чистой политике“ революционных интеллигентов русские марксисты противопоставили расширение и углубление классовых противоречий экономической борьбой пролетариата и крестьянской бедноты. „В Германии—писали авторы Коммунистического Манифеста—коммунистическая партия идет рядом с буржуазией, поскольку эта последняя является революционной в борьбе своей против абсолютной монархии, против феодальной собственности и мелкого мещанства; но ни на минуту не перестает она вырабатывать в умах рабочих сознание враждебной противоположности интересов буржуазии и пролетариата“.

„Манифест Коммунистической партии“ Маркса и Энгельса считался исходным пунктом пропаганды русских марксистов. Они принимали его целиком, и потому в этот период развития социал-демократических идей в России Плеханов выражал мнение всех русских марксистов без исключения, когда говорил: „Мы не только не хотим раствориться в какой-нибудь другой партии, но, напротив, думаем, что русские социал-демократы должны и очень легко могут собрать вокруг своего знамени все те слои русского населения, самое положение которых заставляет их колебаться между буржуазией и пролетариатом.“

„Так, например, демократические элементы „общества“, стремящиеся к политической свободе, невольно пойдут за социальной демократией, если только она явится, — а она обязана явиться,—самой смелой, самой решительной и самой требовательной сторонницей политической свободы. Если же тот или другой свободолюбивый „интеллигент“ испугается экономических требований социал-демократов, то о нем жалеть нечего. Такой человек, очевидно, очень хорошо будет сознавать враждебную противоположность интересов буржуазии и пролетариата и сочувствовать буржуазии.“

„Крестьяне... но тут я должен заметить, что крестьянство—не класс, а сословие. В этом сословии есть теперь и богачи („тысячники“), и бедняки (деревенская „голь“. „кочевые народы“), и эксплуататоры, и их жертвы, словом—люди, принадлежащие к различным общественным классам. Разумеется, сельская буржуазия не станет сочувствовать социал-демократам, но сельский пролетариат всегда был и будет

¹⁾ Плеханов. „О задачах соц. в борьбе с голодом в России“ стр. 67—68.

естественным союзником городского. Точно так же и бедные крестьяне (а таких большинство), непременно пойдут за социал-демократами, если только те не пожелают оттолкнуть их, что, конечно, невозможно¹⁾.

Повторяю, что эту мысль русские марксисты начала 90-х годов проповедывали часто независимо от Плеханова и других членов группы Освобождение Труда. Мы усиленно подчеркиваем это, имея в виду создавшийся впоследствии (в конце 90-х годов) миф о том, что политическую борьбу социал-демократии проповедывала только группа Освобождение Труда, русские же товарищи к политике относились отрицательно. Недоразумение у русских товарищей вызвала брошюра „Всероссийское разорение“ не призывом к политической борьбе вообще, а неясной формулировкой этого призыва, подавшей повод многим предполагать, что Плеханов под впечатлением известий о голоде сошел с классовой точки зрения. По поводу этого инцидента Плеханов пишет: „Когда, в статье „Всероссийское разорение“ я писал, что все честные русские люди, т. е. все те, которые не продали царю своей совести и которые не хотят, по выражению поэта, в роковое время позорить гражданина сан, должны агитировать в пользу созвания земского собора, мысль об отказе от классовой борьбы была от меня дальше, чем когда бы то ни было. И если, как мне пишут из России, некоторые молодые товарищи с неприятным для них удивлением увидели в названной статье именно эту мысль, то мне остается только пожалеть, что предлагаемые письма не вышли раньше²⁾“.

С комментариями, сделанными в этих письмах, согласились все русские марксисты.

ГЛАВА VI.

Большая часть марксистских кружков, которые до голодного 91 года занимались почти исключительно самообразованием, теперь от теории стали переходить к практике. Усилилась пропаганда марксистских идей среди учащейся молодежи; начали создаваться группы переводчиков немецкой социал-демократической литературы, группы переписчиков и распространителей этой литературы; завелись социал-демократические библиотечки. Марксистские ораторы стали все чаще посещать студенческие вечеринки и превращать их в аудитории для пропаганды своих идей. Наряду с работой среди учащихся началась и работа среди городских фабрично-за-

¹⁾ Плеханов. „О задачах соц. в борьбе с голодом в России“ стр. 71.

²⁾ О задачах соц. в борьбе с голодом в России. Стр. 70.

водских и ремесленных рабочих. Работа началась почти одновременно (1891—93 г.) в самых различных концах России— в Лодзи, Варшаве, Вильне, Минске, Петербурге, Москве, Одессе, Туле, Иваново-Вознесенске, Нижнем-Новгороде, Самаре, Саратове, т. е. почти везде, где только существовали марксистские кружки самообразования.

Марксисты стали искать рабочих и находили их тем легче, что потребность в знании была уже сильно развита среди последних, особенно среди рабочих, занятых на заводах механических и машиностроительных. Многие из попавших в первые марксистские кружки рабочих не были уже новичками в кружковых занятиях. Некоторые из них до того принимали участие в кружках старых народолюбцев или в чисто самообразовательных кружках без всякой политической тенденции. Вообще, состав первых кружков (в особенности в крупных городах) поражал пропагандистов-марксистов высокой степенью подготовленности своих членов. Рабочие жадно ухватились за эти кружки, при чем главным стремлением их было не приобретение общих отвлеченных знаний, а систематизирование их для понимания своего положения и всей окружающей действительности. Связи между наукой и жизнью требовали рабочие от пропагандиста. И рабочие стали отдавать предпочтение марксистским кружкам перед прежними и преследующими чисто образовательные цели, потому что здесь, в проповеди классовой борьбы и в выяснении настоящего на фоне всего исторического процесса, они находили искомую связь между мертвой теорией и живой действительностью.

Пишущему эти строки приходилось лично участвовать в этих первых марксистских кружках, где он встречался с рабочими прошедшими землевольческую школу. Один из этих рабочих, старый московский ткач Филиппов—участник стачки в Новой Бумагопрядильне (1878 г.) следующими словами охарактеризовал разницу между землевольческими и марксистскими кружками. „Они нас разжигали, а вы нас учите тому, что сами знаете“. Эту характеристику землевольческих кружков вполне подтверждает, как мы видели выше, и Плеханов: „Слушая нас (землевольцев),—говорит он,—рабочий мог проникнуться ненавистью к правительству и „бунтарским“ духом, мог научиться сочувствовать „серому“ мужичку и желать ему всего лучшего, но ни в коем случае не мог он понять, в чем заключается его собственная задача, социально-политическая задача пролетариата. До этого ему приходилось додумываться собственным умом“¹⁾.

¹⁾ Плеханов. „Русск. раб. в рев. движ.“, стр. 18.

• Повторяю, первые кружки с самого начала состояли из передовых рабочих. Многие из них по начитанности и общему образованию ничуть не уступали широкой массе студенчества. В кружках учащейся молодежи пропагандистам-марксистам пришлось вести упорную борьбу против теории о „героях“ и „толпе“ и других пережитков народнической идеологии. Усвоение студенческими кружками диалектического материализма и главнейших основ экономического учения Маркса удавалось лишь после долгого и напряженного труда. Глава о прибавочной стоимости считалась самым трудным местом „Капитала“, над которым просиживали нередко не одну неделю. Рабочие, хотя и были иногда до вступления в марксистские кружки знакомы с народническими идеологами, но проникнуться их философией никогда не могли. Жизнь каждый день показывала им творческую деятельность „толпы“, массы; каждый из них—частица этой „толпы“—в своем повседневном труде исполнял какую-нибудь, хотя бы самую незначительную, функцию и таким образом принимал участие в творчестве организованной данной фабрикой массы. Опыт фабричного сотрудничества рабочих легко переносил и на сотрудничество в общественной жизни.

Совершенно отвлеченное для интеллигента, представление о прибавочной стоимости в уме рабочего сразу принимало конкретную форму. Бывали случаи, что, познакомившись с теорией о прибавочной стоимости, рабочие по собственному почину высчитывали, сколько, именно, прибавочной стоимости дает их личный труд хозяину.

Пропагандисты-марксисты ставили своей задачей передать своим слушателям-рабочим все те знания, которыми они обладали сами. Других, более определенных целей они пока не намечали. Но в процессе знакомства с кружковыми рабочими их горизонты постепенно расширялись. Знакомясь через своих учеников-рабочих с обыденной жизнью фабрично-заводского люда и с психологией рабочего, марксисты из кабинетных теоретиков стали превращаться в действительных социал-демократов. Те же из интеллигентов-марксистов, которые не выходили за пределы своего кабинета или студенческих вечеринок и знакомились с бытом рабочей среды лишь по главе „первоначального накопления“, на долгое время, а то и навсегда оставались только марксистами. Несколько позже Михайловский не раз вышучивал деление марксистов на „настоящих“ „и не настоящих“. Если бы в то время социал-демократы в России имели возможность отвечать Михайловскому, они указали бы ему, что социал-демократизм относится к марксизму так же, как всякая прикладная наука относится к чистой теории. Социал-демократизм есть прове-

дение в жизнь марксистской теории. Можно быть весьма знающим марксистом, прекрасно уметь рассказать, по каким законам совершается процесс капиталистической эволюции вообще, и в то же время не знать, и не уметь ответить на частный вопрос: какое активное участие в данный конкретный момент процесса развития капитализма в России должны проявить сознательные представители рабочего класса.

Некоторые из марксистов в своих выступлениях ограничивались простым констатированием факта победы капитализма над „устоями“ и ликованиями по поводу этой победы. Это были марксисты „не настоящие“; они не делали практических выводов из констатирования этого факта; они выражали мнение правых противников мелкобуржуазных „устоев“, т. е. представителей крупной буржуазии. Совсем другое дело марксисты „настоящие“: не ограничиваясь голым признанием факта торжества „чумазого“, они немедленно стали искать способов борьбы с этим „чумазым“. Они поняли, что первым шагом в этой борьбе должно быть пробуждение классового самосознания рабочих, и приступили именно к этой работе. Передавая свои теоретические познания передовым кружковым рабочим, они вместе с ними выработывали прикладную науку социал-демократизма России, вместе с ними становились социал-демократами. И чем шире росла связь первых социал-демократов с рабочей массой, чем глубже в эту массу проникали их кружки, тем точнее и ясней формулировалось мировоззрение социал-демократов.

Правда, не всегда и не везде дело шло гладко. Бывали случаи, когда рабочие увлекались знанием ради знания, и пропагандист не умел внушить им необходимости самим из учеников превращаться в учителей, немедленно же нести приобретенные ими в кружках знания своим товарищам. Некоторые кружки превращались в чисто самообразовательные. В других—у рабочих возникало даже стремление уйти из рабочей среды и перейти в разряд интеллигентного пролетариата—в сельские учителя, конторщики, статистики и т. п. Однако, считать такие случаи явлением обычным, типичным для всего периода кружковой пропаганды марксизма ни в коем случае нельзя.

Чаще всего подобные факты наблюдались в городах со слабо развитой крупной промышленностью, среди рабочих, находившихся в особо привилегированном положении, и в особенности в кружках, состоящих из ремесленников. Ремесленник работает часто в одиночку или в мелкой мастерской, таким образом у него фактически очень ограничена возможность в повседневной, будничной жизни беседовать со своими товарищами о слышанном на кружковых занятиях и вербовать членов новых кружков. С другой стороны, реме-

сленная среда в гораздо большей степени, чем фабричная благоприятствует развитию в отдельных рабочих эгоистического стремления накопить знания лишь с целью перехода к более культурным условиям жизни интеллигентного пролетариата. Работа на крупных фабриках не позволяет рабочему изолироваться, уходить в себя. Общие интересы работы поневоле вызывают общие разговоры, обсуждение того или иного факта из жизни фабрики, вроде понижения расценок, произвола того или иного мастера и т. п. Во время таких общих разговоров выделялся обыкновенно передовой кружковой рабочий, которому, естественно, приходилось противопоставить свое сознательное мнение—мнению широких бесознательных масс. Сначала рабочая масса относилась к его мнению недоверчиво, награждая его полупрезрительной кличкой „студента“; но тем не менее в моменты общего возбуждения к его голосу начинали все чаще и чаще прислушиваться, его выбирали в тех случаях, когда надо было об'ясняться с администрацией фабрики, говорить от имени всех с фабричной инспекцией, писать жалобу и т. д. Невольно к этому кружковому рабочему приставали и те, которые начинали задумываться над своим положением. Всякое непонятное место в случайно прочитанной книжке или газете заставляло их обращаться к нему и искать у него помощи и об'яснения. Авторитет его с течением времени рос все больше и больше и он, если даже и хотел, не мог уже скрыть своего развития от товарищей по работе. Вокруг него, естественно, группируются все жаждущие знания, и от его активности зависело сплотить их в кружок и начать систематические занятия. Первоначальный состав кружковых рабочих так и поступал. Так в первом Московском социалдемократическом кружке были рабочие от заводов: Вейхельта, Гужона, Листа, Бромлея, из депо Брестской жел. дороги, из мастерских Технического училища, с фабрики Михайлова. И уже очень скоро после начала занятий почти во всех этих промышленных заведениях образовались свои более или менее значительные кружки, которые велись членами первого кружка. Эти последние выбирали из вторичных кружков наиболее дельных и сознательных рабочих и передавали их пропагандисту интеллигенту. Сеть кружков, а вместе с тем и связи с рабочими росли очень быстро.

Тем временем жизнь шла своим чередом, и столкновения между рабочими и предпринимателями, случайные в 80-х годах, начиная с 93-го года принимают под влиянием под'ема промышленности — чисто-эпидемический характер. Рабочая масса все чаще и чаще обращается к передовым рабочим с требованием руководства этими стихийными столкнове-

ниями, делая их, таким образом, своими сознательными вожаками. Теоретический характер кружковых занятий отходит все больше и больше на задний план. Как пропагандистам-интеллигентам, так и передовым рабочим приходится почти все время в кружках посвящать обсуждению практических вопросов, выдвигаемых жизнью на той или иной фабрике или заводе.

— Что делать, как бороться?—спрашивают бессознательные рабочие у своих более сознательных товарищей.—Что делать, как бороться?—спрашивают сознательные кружковые рабочие у пропагандистов. Но у последних нет еще готового ответа для данного конкретного случая: им известно только, как вообще борется рабочий класс. История этой борьбы на Западе показывает, что там она долго шла ощупью и постепенно от стихийных разгромов фабрик силезскими ткачами привела к сознательной классовой борьбе объединенного в политическую рабочую партию пролетариата. Они знают также, что в различных странах история развития рабочего движения шла различными путями; знают и положение рабочего класса в западно-европейских государствах. Все эти сведения передаются рабочим, и на основании их сообща выводятся следующие нормы: рабочее движение идет стихийно по линии наименьшего сопротивления. Недовольство рабочих проявляется прежде всего против ближайших виновников их скверного положения—против мастеров, директоров, хозяев. Стихийное движение выражается обыкновенно в форме „бунта“: в разгроме машин и фабричных помещений. Такого рода движение нежелательно, оно вредно; а поэтому необходимо во время стихийных вспышек рабочих овладевать движением и направлять его в русло мирной организованной стачки. Задача сознательных рабочих, пользуясь опытом западно-европейских товарищей,—повести движение по кратчайшей линии и помочь ему избегнуть могущих быть на пути ошибок и отклонений; поэтому, как в мирное, так и в боевое время необходимо выяснять рабочим, что причину их скверного положения является не личность отдельного хозяина, а вся совокупность их, весь капиталистический строй. Борьба рабочих какой-нибудь одной фабрики против своего хозяина никаких существенных результатов для улучшения их положения дать не может; необходимо, чтобы вступивших в стачку поддерживали и рабочие других фабрик данной отрасли промышленности, а по возможности и рабочие всех других отраслей. В борьбе за улучшение своего положения рабочие неизбежно натолкнутся на сопротивление не только предпринимателей, но и правительства, потому что современное государство есть организация господства, и притом

господства буржуазии. Правительство сознательно или бес- сознательно служит интересам буржуазии, и в этом отношении нет разницы между правительствами—республиканским, конституционным или самодержавным. Только активное противодействие организованной борьбы рабочего класса заставляет правительства идти на уступки, качество и количество которых находится в полной зависимости от силы сопротивления, степени организованности и сознательности рабочих данной страны. Прочное улучшение экономического положения рабочего класса невысказано без завоевания политической свободы. Только приобретение гражданских и политических прав даст возможность добиться диктатуры пролетариата, без которой невысказано переход к социалистическому строю, строю, который один в состоянии действительно покончить со всякой эксплуатацией. Тред-юнионистская форма движения английских рабочих нежелательна, так как она сама не может привести к конечной цели. Образцом для русских рабочих должна быть германская социалдемократическая рабочая партия; тактика рабочего движения в России должна определяться Эрфуртской программой.

Вот приблизительно ход мыслей, господствовавший среди кружков к концу 1893 года в Москве и во всех тех местах, где действительно велась практическая работа среди рабочих. Но установить только нормы было еще недостаточно, нужно было так или иначе провести их в жизнь.

Между тем, число кружков значительно возросло. Параллельно с первоначальной ячейкой пропагандистов и независимо от них образовывались новые группы, которые, как по форме, так и по содержанию пропаганды мало чем отличались от первых, и которые завязывали свои самостоятельные связи и знакомства, при чем в поисках за связями им нередко приходилось сталкиваться друг с другом. Так, например, случалось, что тот или иной рабочий, уже участвовавший в кружке одной группы, получал приглашение вступить в кружок другой, работающей на том же заводе и совершенно не подозревающей о существовании рядом с ней параллельной групповой работы. При помощи такого случайного участника обоих кружков происходило знакомство пропагандистов, которое, в случае общности взглядов, кончалось обыкновенно слиянием двух параллельных групп. Вся работа велась в высшей степени конспиративно: для кружковых занятий обыкновенно кто-нибудь из более сознательных рабочих снимал на свое имя конспиративную квартиру, и прежде, чем пригласить в кружок нового члена, старые рабочие самым подробным образом знакомились со всем его прошлым. Вся деятельность группы, как и самое ее суще-

ствование тщательно скрывались от посторонних. Группа как таковая, нигде официально не выступала. Так, например, в 1895 г., когда началась стачка на Иваново-Вознесенской ткацкой мануфактуре, местная организация, ввиду своей слабости, не решилась выступить с прокламациями от своего имени, так как опасалась, что это может повлечь за собой полный разгром еще не окрепшего Рабочего Союза. Поэтому члены Союза руководили стачкой (и очень удачно, надо заметить) не от имени организации, а от своего собственного лица ¹⁾. Связи между однородными группами различных городов носили чисто случайный характер и возникали почти исключительно благодаря личным знакомствам. Каждая группа, как истый крот, рыла себе свою нору, не зная, что делает соседняя, и существует ли она вообще. Единство плана и единство действий обуславливались единством материала, над которым приходилось работать, и единством орудий производства, т.-е. имеющейся в распоряжении групп легальной и нелегальной литературы. По части же литературы дела у всех были очень плохи. За очень небольшими исключениями, доморощенной литературы не было вовсе, заграничная же русская попадала в очень ограниченном количестве ²⁾. Главным средством пропаганды служили рукописные переводы с немецкого ³⁾, французского ⁴⁾ и польского ⁵⁾, а также иностранные корреспонденции легальных газет (в особенности корреспонденции из Германии в „Русск. Вед.“). Из легальных книг пользовались всеми, которые имели хотя бы какое-нибудь касательство к жизни рабочих.

Особенно большую услугу пропагандистам оказали „Санитарное исследование фабрик и заводов Московск. губ.“, изданное под редакцией Эрисмана, и Отчеты фабричных инспекторов 80-х годов. Они дали возможность пропагандистам иллюстрировать выставляемые ими положения русскими данными. В записной книжке каждого пропагандиста всегда можно было найти сведения о заработной плате, о длине рабочего дня, о гигиенических условиях и т. п., почерпнутые

¹⁾ См. об этом в брош. „Раб. движ. в Ив.-Возн. районе“. Женева 902 г., стр. 22—23.

²⁾ В 93-м году, насколько могу припомнить, в обращении были след. заграничные издания: „4 речи петерб. рабочих“, „Речь Варлена“, „Речь Алексева“, „Кто чем живет“, Дакштейна. „Всеросс. разорение“ и „Наши разногл.“ Плеханова, Манифест коммунистической партии, Лассаль „О сущн. конституции“ и „Прогр. работн.“, Маркс „Наемн. труд и капитал“ и листки Фонда Вольн. Прессы.

³⁾ Энгельс „Происх. семьи...“, Бебель „Женщ. и соц.“, Каутский „Эрф. прогр.“ и отдельные статьи из Berliner Arb. Bibliot.

⁴⁾ Лафарг „Религия капитала“, Гед „Коллективизм“.

⁵⁾ „Рабочий лень“, „О конкуренции“.

у Дементьева, Эрисмана, Погожева, Пескова, Светловского и других. Хорошим агитационным материалом для начинающих служила беллетристика, вроде „Углекопов“ Золя, „Один в поле не воин“ Шпильгагена, „Через сто лет“ Беллами, „Спартак“ Джiovаниоли, „Овод“ и т. д., а также жизнеописание европейских народов („Как люди на белом свете живут“), изд. Водовозовой, при чем особый интерес возбуждала жизнь немцев, англичан и бельгийцев.

При кружках начинают образовываться легальные и нелегальные библиотечки, касса для их пополнения, для найма квартиры и для других конспиративных нужд. По мере расширения знакомств с рабочими растет потребность связать их вместе в одну организацию. Сеть пропагандистских кружков начинает принимать более оформленный, организованный характер; члены этих кружков принимают уже участие в материальных расходах кружков, делают членские взносы. Первоначальную чисто пропагандистскую деятельность пришлось расширить, и вот группа пропагандистов со всею сетью кружков мало-по-малу превращается в рабочую организацию.

„Летом 1895 г.,—читаем мы в цитированном выше Иваново-Вознесенском отчете,—Отроков (один из первых кружковых рабочих) предложил расширить деятельность кружка привлечением более широкого круга рабочих. Число участников кружка, теперь уже названного Иваново-Вознесенским Рабочим Союзом, все увеличивалось. Собрания были многолюдные и оживленные. Кроме кассы у Союза была библиотека с значительным количеством легальных и нелегальных книг; был выработан устав Союза“¹⁾.

Мы уже видели, как передовые кружковые рабочие силой самой жизни на фабрике были вынуждены становиться фактическими руководителями стихийного рабочего движения; они становятся таковыми даже помимо собственной воли. Точно таким же образом, без заранее поставленной цели, приходилось брать в свои руки практическое руководство и всей организацией. Чем большее число рабочих входило в сеть кружков, чем разнообразнее был их состав, тем сложнее становилась задача работы.

Группа пропагандистов, которая работала на каком-нибудь определенном заводе, как, например, Тульская, вынужденная по многим причинам ограничить свою деятельность одним оружейным заводом, могла, при отсутствии наличности острой экономической борьбы на данном заводе, долгое время оставаться при исключительно пропагандистской работе и создать

¹⁾ „Раб. движ. в Ив.-Вознес. районе“, стр. 22

нечто вроде вольного социалистического университета для известного числа рабочих. Совершенно в иных условиях находились группы больших промышленных городов, например, Московская. Здесь в состав кружков входили рабочие самых различных фабрик и заводов. Рядом с хорошо оплачиваемыми токарем или машинистом сидел ткач или прядильщик, зарабатывающие 12—15 руб. в месяц. При таких условиях, как мы уже говорили, оставаться на одной теории было немыслимо. Каждый день то тот, то другой рабочий выдвигал на разрешение какой-нибудь практический вопрос. На одной фабрике, например, начинаются волнения по поводу того, что хозяин в день своих именин пригласил для молебна архиерея и по сему случаю вычел из заработной платы у рабочих по гривеннику с души; на другой—фабрикант рассчитал перед праздниками всех рабочих, а когда после праздников они вернулись, он предложил им расценки чуть не на $\frac{1}{3}$ меньше старых; на третьей—по рассказу рабочего—они никак не могут добиться того, чтобы цены на отрядные работы вывешивались до начала работы, а не после того, как она уже сдана и т. д., и т. д. Все эти повседневные нужды каждой фабрики докладывались на кружковых занятиях; здесь же обсуждались способы борьбы с различного рода прижимками, а в случае, если имелось явное нарушение фабричного законодательства, составлялась и жалоба фабричному инспектору. Конспиративные условия часто заставляли скрывать личность подателя жалобы. Это имело место в особенности в тех случаях, когда на данной фабрике или заводе было еще очень мало передовых сознательных рабочих, а между тем по числу работающих на ней и по своему значению, как агитационный центр, она представляла известный интерес. Тогда жалоба посылалась без подписи, или принималось решение вести агитацию за составление коллективной жалобы, которая должна была подаваться выборными от всего завода. Тут же, в связи с каким-нибудь частным вопросом, обсуждался и вопрос об общем состоянии промышленности в данный момент, чтобы выяснить, благоприятно ли оно для начала стачки или нет. Если вопрос решался утвердительно, то сознательные рабочие данного завода или фабрики принимались агитировать за стачку; если же, судя по общему положению вещей, на успех стачки рассчитывать было нельзя, то те же сознательные рабочие употребляли все усилия для предупреждения стихийно возникающей забастовки, раз'ясняя бесплодность и вред ее в данный момент.

Из отчета о рабочем движении в Одессе мы видим, что уже очень скоро после того, как Одесскому кружку удалось распространить свою деятельность на рабочих различных

профессий, и решено было перейти от кружковой работы к массовой агитации, у членов кружка возникла „мысль, живо поддержанная рабочими, о всеобщей стачке матросов, кочегаров и машинистов на пароходах летом 94 года. Лето признавалось самым удобным временем для стачки, как потому, что тогда совершаются самые оживленные рейсы, и хозяева пароходов должны были бы пойти на уступки из-за страха огромных потерь, так и потому, что множество народа (особенно босяков, которые могли бы быть опасны, как заместители стачечников) уходит на страду, на косовицу“¹⁾).

ГЛАВА VII.

„Мирный пропагандист далекого социалистического строя, прилежный учитель кружка рабочих, был приведен и поставлен перед толпою. Сознательный революционер стоял перед революционной стихией, которая не могла угадать и понять его отдаленных, великих целей.... Здесь-то, наблюдая движение, которое в это время росло в спокойных на вид народных массах, и прислушиваясь впервые к голосу стихии, сознательный революционер, идеолог пролетариата должен был признать свою ошибку, определявшую поведение спропагандированных рабочих на массовых собраниях. И тут было сказано слово, облетевшее затем всю Россию: „мы ошиблись“.—Так рисует Акимов²⁾ переход от кружковой деятельности к агитации. По его мнению выходит, будто бы интеллигенты умышленно не шли в массу рабочих, преследуя какой-то свой особый план, затем уже, дескать, масса заставила их снизойти до себя, и они, увидя мощь „стихии“, сразу просветились, покаялись в своих прегрешениях и заявили: „мы ошиблись, написали брошюру „об агитации“ и, бросив „кружковщину“, перешли к массовой агитации. Обыкновенно принято, как это делает и Акимов, резко отграничивать период „кружковщины“ от периода агитации.

Мы только что видели, что это обычное представление о ходе нашего развития далеко неточно. „Кружковщина“ в чистой форме могла развиваться и просуществовать более или менее продолжительное время лишь в тех местах, где не было стихийного рабочего движения, где рабочих было очень немного, и кружки состояли почти исключительно из интеллигентов. Мы знаем, что первые марксистские кружки образовывались далеко не в одних фабрично-заводских

¹⁾ „Из раб. движ. в Одессе и Николаеве“. Женева 900 г. стр. 7

²⁾ „Очерк развития социалдемократии в России“. Стр. 17.

центрах. Кружки возникали прежде всего в университетских городах, затем в тех местах, где по прихоти правительства сосредоточивались поднадзорные, административно-сосланные, исключенные студенты и т. п. „бывшие люди“, составившие первые кадры интеллигентных марксистов. Такие места подневольного жития лишь в очень редких случаях совпадали с пунктами развития стихийного рабочего движения. В какомнибудь Орле, Самаре, Казани или Киеве, где скоплялась масса интеллигентных сил, фабрично-заводская промышленность в то время почти отсутствовала, и рабочих считали сотнями, если не десятками, да и те были разбросаны по мелким мастерским. Если в таком городе удавалось устроить рабочий кружок, то он вполне естественно был осужден „замариновываться“, так как фактически не мог перейти к агитации, не мог расширением своих связей воздействовать на массу, которая фактически отсутствовала. В таких местах и только в таких могла процветать „кружковщина“ в чистом виде. Кружковщина, как мы упоминали выше, могла развиваться еще в среде ремесленников, т. е. там, где даже стихийно возникающее рабочее движение не принимает массового характера, хотя бы уже по одному тому, что рабочих данного ремесла в городе может быть очень немного. Но даже и в этих ремесленных районах период чистой кружковщины не мог продолжаться очень долго. Возьмем, например, район деятельности еврейской социалдемократии, т. е. район по преимуществу ремесленный. В „Докладе о еврейском рабочем движении к интернациональному Социалистическому Конгрессу в Париже 1900 г.“ мы читаем: „В кружках идет деятельная просветительно-революционная работа. Занятия ведутся по старому, унаследованному от предшественников шаблону; занимаются естественной историей, географией, историей и полит. экономией. Пропаганда идей научного социализма носит абстрактный характер без определенных конкретных выводов для повседневной жизни. На этой пропаганде в кружках интеллигенция пока сосредоточивает все свои силы. Правда, она отчасти задумывается и над более широкой деятельностью в рабочей массе, она понимает, что „агитация есть цель пропаганды“ (Плеханов), но одного теоретического понимания еще мало. Как практически подойти к массе? У интеллигенции пока еще отсутствуют конкретные пути и средства для перехода от кружковой деятельности к массовой агитации,—средства, которые были выработаны лишь практикой 90-х годов. Естественно поэтому, что вопрос о массовой агитации пока отодвигается в неопределенное будущее. Для интеллигенции задача пока заключается в том, чтоб ее пропаганда охватила возможно больший круг рабо-

чих, чтобы, другими словами, найти тот минимум сил, с помощью которого она бы впоследствии могла приступить к массовой агитации. И эту задачу она успешно выполняет; в короткое сравнительно время ей удается сконцентрировать в кружках порядочное количество рабочих. Масса же со всеми ее повседневными нуждами пока находится почти вне сферы воздействия интеллигенции.

„Понятно, что такое положение дела должно было фатально отозваться на самых распропагандированных рабочих. Получая в кружках чисто-теоретическое образование, лишь слабо связанное с окружающей действительностью, и потеряв благодаря этому связь с этой действительностью, они, естественно, должны были все больше терять почву под ногами. Доверяя лишь умственно и нравственно развитой личности, они не могли не относиться скептически к массе, куда еще не проникал луч сознания, и естественно должны были ставить первой задачей—поднятие культурного и умственного уровня массы. Средство же для достижения этого они знали лишь одно—пропаганду“¹⁾.

Ясно, что здесь мы имеем дело с кружковщиной, но с кружковщиной не принципиальной, а вынужденной. Руководители кружков желали бы подойти к массам, но они не знают еще, как это сделать, они не нашли еще „конкретного пути и средства для перехода от кружковой деятельности к массовой агитации“. Не нашли они этого пути потому, что масса ремесленных рабочих еще спит, никакого стихийного движения среди нее нет и она покорно, без ропота переносит самую ужасную эксплуатацию своих хозяев и без всяких попыток борьбы, с чисто-восточным фатализмом пухнет с голоду, терпит свое экономическое рабство. „Более развитые рабочие прекрасно понимали и чувствовали необходимость сокращения рабочего дня или увеличения заработной платы. Зная, с другой стороны, что собственными силами они ничего не добьются, они старались как-нибудь заинтересовать в этом массу. Устраивалось экстренное массовое собрание, на котором произносились горячие речи, которые возбуждали массу; но уже очень скоро масса остывала, и из попытки передовых рабочих ничего не выходило“²⁾. Итак, в это время (92 г.) попытки воздействия на массу уже были, но она не откликнулась на эти попытки, потому что воспитанные на-чисто теоретических, отвлеченных идеях агитаторы не умели выяснять этой массе связь между конечными социалистическими идеалами и тою более, чем серой жизнью, которой она жила.

¹⁾ „Матер. к ист. евр. раб. движ.“, стр. 28—30.

²⁾ „Матер. к ист. евр. раб. движ.“, стр. 30—31.

Отношение между агитатором и массовым рабочим получалось приблизительно то же самое, как и в хорошо знакомые нам времена хождения семидесятников в народ, когда на смелую отвлеченную проповедь идей социализма крестьяне отвечали тем, что скручивали проповеднику руки к лопаткам и отправляли в стан. Но, в отличие от революционеров-народников, еврейские социалдемократы не пали духом, не бросили дела, а, наоборот, стали искать „конкретного пути“, которым можно было бы ближе подойти к массе. И они нашли его: это был путь „постоянного и планомерного воздействия на массу на почве более понятных ей требований, т. е. широкой массовой агитации на почве ее ближайших экономических нужд“¹⁾. Итак, и здесь мы видим—во-первых, что „кружковщина“ держалась не вследствие какого-то злого умысла „интеллигенции“, смотрешей свысока на рабочую массу, не в силу принципиального отрицания массового движения, и во-вторых, что переход к агитационной деятельности произошел не вдруг, по прочтении брошюры „Об агитации“, а постепенно. „Эволюция в мыслях еврейских социалдемократов совершилась, конечно, не сразу, она медленно происходила в пятилетний период 1888—93 гг. и завершилась лишь в 93 году, когда впервые была формулирована новая тактика“²⁾.

Плеханов в послесловии к Туну цитирует передовицу, написанную Лавровым в № 34 „Вперед“. В этой статье путем арифметических выкладок Лавров доказывает, „что 100 убежденных личностей из молодежи, образующих первый кадр социально-революционного союза“, при помощи кружковой пропаганды через два года доставят 312, через 4 года—2.913, через 6 лет—36.050 членов и таким образом получится „такая почтенная революционная армия, которая в определенную минуту может действительно совершить историческое дело“³⁾. Так не ставил вопрос ни один социал-демократический кружок в России. „У нас, москвичей, точка зрения на тип работы была совсем иная—говорит автор статьи „На заре рабочего движения в Москве“. С. М.—Кружок наш почти на первых же шагах своей деятельности решил перейти к агитации в массе. Для этой цели мы через рабочих, занимавшихся в кружках, собирали сведения об условиях работы на фабриках и заводах: о длине рабочего дня, о заработной плате, о деятельности фабричной инспекции, о злоупотреблениях мастеров и т. д. Фактами, полученными таким путем, а также почерпнутыми из литературы о положении рабочего класса в России,

¹⁾ „Матер. к ист. евр. раб. движ.“, стр. 31.

²⁾ „Матер. к ист. евр. раб. движ.“, стр. 32.

³⁾ „Ист. револ. движ. в России“, изд. Библ. для всех, стр. 367—368.

мы иллюстрировали наше изложение теории Маркса, чем старались сделать эту теорию возможно близкой к жизни, связать ее с насущными и ближайшими нуждами рабочих. Далее, мы внушали рабочим, чтобы все, что они вынесут из занятий в кружках, они, по возможности, передавали своим товарищам по работе; мы их учили также пользоваться для агитации, для выяснения классового самосознания рабочих каждым мелким фактом из их повседневной жизни. Для более широкого воздействия на массу мы устраивали такие собрания, которые теперь называются „летучками“: рабочие из кружков собирали своих товарищей, прочитавших одну или две брошюры, или совсем еще ничего не читавших, человек 15—25, в какой-нибудь артельной рабочей квартире; приходил интеллигент и один—два более сознательных рабочих, и начиналась беседа. Беседа не отличалась систематичностью; говорилось обо всем: об условиях рабочей жизни, о политике, о религии и т. д. Беседы велись живо и имели большой успех. Из среды таких собеседников отбирались рабочие в кружки для более систематических занятий“¹⁾.

В Москве иной постановки дела и быть не могло: здесь главная масса рабочих—это рабочие текстильной промышленности, среди которых, как мы уже знаем, давно уже началась стихийная экономическая борьба, выражавшаяся в коллективных формах оборонительной стачки, так называемого фабричного бунта, в прошениях „скопом“ и т. д. Наличие этой возникшей помимо воздействия социалдемократов борьбы и была причиной, почему в Москве, как и в других промышленных центрах, не могла развиться чистая кружковщина. Сознательным кружковым рабочим с самого начала уже естественно пришлось взять на себя руководство стихийным движением, чтобы предохранить его от вредных проявлений и направить на путь развития классового самосознания. Пользуясь каждым случаем, каждой вспышкой недовольства, они с самого начала в устной беседе в фабричных казармах или за работой в мастерских указывали на необходимость организованной сознательной борьбы. Недовольство отдельным мастером или хозяином они старались распространить на хозяев вообще, на весь класс капиталистов, а недовольство своим экономическим положением—расширить в недовольство положением классовым, подчеркивая тесную связь между политической и экономической и объясняя политический строй государства отношением между предпринимателями и рабочими.

Однако, совсем миновать ступень кружковщины было все-таки невозможно. Пропагандисты-марксисты, не выработав

¹⁾ „Текущий момент“ Сборн. Москва. 1906 г., назв. статья, стр. 9.

предварительно кадров сознательных социалдемократов из среды рабочих, не могли прямо приступить к руководству массовым движением; между ними и рабочей массой не создавалось бы связи, и они рисковали бы остаться такими же непонятыми ею, как были непоняты массой крестьян пропагандисты-народники. Даже в тех случаях, когда тот или иной пропагандист-интеллигент, как это было в Москве, в Харькове и кое-где в других местах, сами становились рабочими, они должны были начинать с того же, с чего начинали и их товарищи, которые на фабрику рабочими не поступали, т. е. с замкнутых кружков. Дело в том, что, как мы уже указывали выше, сознательный рабочий был всегда на виду не только у своих товарищей, но и у администрации фабрики, которая на него косилась. Поэтому проработать долго на одной фабрике или заводе для такого рабочего было совершенно невозможно. И вот, чтобы работа на заводе с его уходом не пропала даром, и чтобы проповедуемые идеи укрепились и действительно проникли в массу, интеллигент-рабочий должен был организовать вокруг себя кружок, в который входили бы все подающие надежду занять потом его место. Сознательные рабочие были далеко не на всех фабриках. Путем случайных личных знакомств в кружок втягивались и рабочие с других фабрик, и если вначале в первые по времени кружки попадали по преимуществу уже подготовленные рабочие, то, по мере дальнейшего развития кружков, туда очень часто стали попадать середняки, малограмотные, туго подающиеся выработке самосознания. Это были те рабочие, которые резче других чувствовали и проявляли свое недовольство существующим порядком, но которые еще ясно не представляли себе, чем и кем, собственно, они недовольны. Они выражали настроение массы средних рабочих, но вести эту массу они не могли.

Эти малосознательные средние рабочие не удовлетворялись одними занятиями, они сейчас же начинали искать непосредственного дела и требовали от организации, чтобы она им это дело указала. Собственная устная агитация, которую они вели на заводах, тоже мало удовлетворяла их жажду деятельности: им нужно было такое дело, результаты которого они могли бы видеть сейчас, которое немедленно вылилось бы в конкретную форму. Во время стачек и других массовых выступлений эти элементы были незаменимы, но в моменты затишья, когда возбуждать, поддерживать дух и организовывать было некого, когда вся деятельность их сводилась к участию в кружках, они начинали скучать, отлынивать от занятий, а иногда и совсем прекращали связь с кружком. Перед социал-демократами встала тогда задача организационно за-

крепить эти уже разбуженные слои пролетариата. При разрешении этого вопроса резко обозначились два течения: социал-демократы, работающие среди ремесленников (евреи и отчасти поляки — „Związek robotniczy“), пошли по пути образования профессиональных союзов; социал-демократы же, работающие в больших фабрично-заводских центрах, приступили к созданию зачатков политических организаций.

Спешим, однако, оговориться, что принципиального разногласия относительно пути, по которому предполагалось направить движение, в то время еще не существовало. Как те, так и другие ставили своей задачей классовое воспитание рабочей массы; как те, так и другие считали необходимым направлять пролетариат не только на путь экономической борьбы, но и готовить его к борьбе политической. Условия жизни еврейских ремесленников, их относительная малочисленность, отсутствие в их среде полицейской слежки, обусловленное особым языком и оппозиционным настроением к полицейскому режиму всего еврейства, без различия классов, сильно содействовало быстрому росту и развитию касс взаимопомощи, а вместе с тем и организационной связи распропагандированных рабочих с массой. Во всей остальной России, и в особенности в крупных ее центрах, кассы эти развиваться не могли. Правда, идея о кассах взаимопомощи и тут прививалась значительно успешнее идеи о кассах борьбы; но невозможность при нелегальном существовании этих касс правильного и широкого применения и функционирования их заставляла передовых рабочих относиться к ним скептически и смотреть на кассы взаимопомощи, лишь как на средство привлечения более широких слоев рабочих к кружковым занятиям. Да иначе оно и быть не могло. При 10—20-тикопеечном, месячном взносе среднего рабочего и при 10—15-ти членах в кружке трудно было устроить сколько-нибудь дееспособную кассу. Расширять же размеры кружка кассы по конспиративным условиям было невозможно. Все распропагандированные рабочие понимали, что до тех пор, пока к движению не примкнут массы, идею этих касс необходимо проповедывать, необходимо выяснять их значение, даже пытаться проводить ее в жизнь, но в то же время необходимо указывать на то, что действительное значение кассы взаимопомощи приобретут лишь после того, как они получат возможность легального существования; сейчас же главная задача этих касс—приучить рабочих к организации, приучить их смотреть на все движение, как на свое собственное дело, а не на дело каких-то посторонних пришельцев благодетелей. В Московском кружке, например, с этой целью рекомендовалось брать с рабочих за прочтение книг и брошюр опре-

деленный взнос и выписывать вскладчину газету или сообща покупать книги. Большинству рабочих такой порядок очень нравился, и они, действительно, привыкли в конце концов смотреть на кружковое дело, как на свое собственное. На кружковых заседаниях горячо обсуждались вопросы о наилучших способах приобретения книг, при чем некоторые рабочие заводили специально для этого совершенно самостоятельные знакомства с различными либеральными деятелями и с членами комитетов грамотности. Каждый кружок выбирал из своей среды кассира и библиотекаря.

На интеллигентов, входящих в кружок, смотрели, как на более опытных и знающих товарищей—и только. Той отчужденности между рабочими и пропагандистами-интеллигентами, о которой так часто упоминает в своих „Очерках развития социал-демократии в России“ Акимов, в то время совершенно не чувствовалось. Правда, серая масса совершенно незатронутых пропагандой рабочих относилась к интеллигентам (по профессии) недоверчиво, но то же самое наблюдалось у нее и по отношению к своим же товарищам интеллигентным рабочим. Впрочем, это недоверие продолжалось обыкновенно только до первого случая серьезного столкновения с хозяевами. Удачное разрешение этого столкновения сразу создавало авторитет сознательных руководителей. Разумеется, многое зависело от такта и умения пропагандистов подойти к массе, добиться этого доверия. Печальный опыт старых народовольцев и опыт первых годов работы показали, что в агитации необходимо исходить из действительных, резко ощущаемых нужд рабочих. Если заговорить с серым рабочим сразу на отвлеченную тему об эксплуатации, о тяжелом положении рабочего класса, о политическом гнете вообще, он выслушает вас внимательно—если вы умеете говорить,—но не почувствует, что вы говорите о нем, о его положении, не поймет, что именно он является страдающим лицом в вашем рассказе. Совсем другое дело, если вы начнете разговор с какого-нибудь конкретного факта, лично его касающегося и, что самое главное, им признаваемого; если вы начнете с заработной платы, с условий найма и труда рабочих на данной фабрике, заговорите не о безработице и промышленном кризисе вообще, а опять-таки о безработице и кризисе, отзывавшихся на шкуре ваших слушателей. Лишь тогда, переходя от частного к общему, вы не только заинтересуете слушателей, но и заставите их принять живейшее участие в беседе, и тут станет ясно, что рабочие не только слушают, но и понимают вас.

Так действительно и поступали первые агитаторы-социал-демократы. Прежде, чем отправиться на сходку или в фаб-

ричные казармы, они тщательно разузнавали положение дел на той фабрике или заводе, из рабочих которых составлялась их аудитория, знакомились даже со всеми деталями вплоть до расположения мастерской и имен мастеров. Впрочем, исходя из этих подробностей действительных условий жизни и труда рабочих, агитаторы, как мы уже упоминали выше, и не думали ограничивать свою задачу их рамками: они пользовались ими только, как фоном, на котором рисовали грандиозную картину классовых противоречий и классовой борьбы.

Прежде всего выяснялся тот путь, каким создалось теперешнее положение вещей, давался исторический обзор происхождения капиталистического строя. Не всегда человеческое общество жило так, как оно живет сейчас—вот первое положение, которое должен был осветить агитатор. Вторым положением, которое надлежало выяснить, было то, что все предшествующие изменения в общественной жизни являлись результатом борьбы угнетенных с угнетателями. После усвоения этого основного понятия о классовой борьбе следовал более детальный разбор современного положения; разбирались вопросы о рабочем дне, о заработной плате, о влиянии машин, о конкуренции, о кризисах, о концентрации капиталов и наконец о роли государства вообще и о политическом строе в России. Все это опять-таки иллюстрировалось примерами из окружающей, всем известной действительности. Затем переходили к современной борьбе заграничных рабочих за лучшую жизнь, передавались факты из этой борьбы, констатировались ее успехи, при чем всегда считалось необходимым хотя бы вкратце указывать на то, что нынешние формы заграничного рабочего движения не всегда были таковыми, что западно-европейским рабочим приходилось начинать с того же, с чего начинают и наши русские рабочие. Изложение всего этого должно было заканчиваться выяснением конечной цели рабочего движения—социалистического строя. Этот конечный идеал должен руководить всем движением; он не есть утопия, а лишь завершение, прямой вывод из всего исторического процесса, логическое последствие того несомненного факта, что существующий строй, являясь продуктом прошлого, дает материал для построения будущего.

Такая программа агитации была принята Московским союзом в начале 1894 г. Приблизительно тот же ход идей заключается и в известной брошюре „Об агитации“, составленной на основании опыта московских и виленских социал-демократов.

ГЛАВА VIII.

В настоящее время очень распространено мнение, что переход от „кружковщины“ к широкой агитации представлял вместе с тем и переход к так называемому „экономизму“. Принято думать, что агитаторы, впервые столкнувшись с массами, и убедившись, что проповедь политических и социалистических идей не находит среди них отклика, решили на время отказаться от агитации этого рода и все свое внимание стали уделять исключительно экономической борьбе и выяснению экономических нужд рабочего класса, и будто бы грандиозный успех написанной в 94 году брошюры „Об агитации“ и заключался в том, что она определенно выставила именно эту „плодотворную“ идею. Акимов, например, рассказывает, как в Петербурге „среди рабочих шло глухое брожение, росло еще несознанное недовольство, которое проявлялось то здесь, то там отдельными вспышками, неорганизованными, разрозненными протестами — у Семянникова, в Порту, у Воронина возникают беспорядки. При таких условиях попадает в Петербург из Вильны рукопись брошюры „Об агитации“... Девиз был найден; в Петербурге начался период экономической агитации. И агитаторы, не получившие отклика, когда они обличали существующий политический и общественный строй, увидели, что не только рабочие, с которыми они имели дело, но и широкие слои рабочего класса, к которым не было непосредственного доступа, дружно и смело откликнулись на призыв к борьбе экономической“¹⁾.

Нет ничего ошибочнее этого взгляда. Петербургские агитаторы 94—97 гг.²⁾, периода наивысшего расцвета экономической борьбы петербургских рабочих, ни на один момент не прекращали ни разоблачений политического и общественного строя, ни агитации на почве этих разоблачений; точно так же поступали и все тогдашние социал-демократы. Смысл и значение брошюры „Об агитации“ тогдашние социал-демократы видели не в том, в чем его видели впоследствии, к концу 90-х годов, так называемые „экономисты“, с Мартыновым, Акимовым и К⁰ во главе.

Лучшим подтверждением этого факта может служить статья „Еще раз социализм и политическая борьба“ Плеханова. Брошюра „Об агитации“ была написана в 94 году; два года она ходила по России в рукописном и гектографированном виде; в 96 г. она была издана в Женеве с предисло-

1) Акимов, „Очерки разв. соц. дем. в России“, стр. 43—44.

2) Недаром всей петербургской работе того времени задавал тон т. Иснин, арестованный в декабре 1895 г.

вием Аксельрода, и лишь в 900 г. Плеханов находит нужным подвергнуть эту брошюру критике и указать на ее промахи, на те ложные выводы, которые можно делать из выставляемых автором положений. Очевидно, следовательно, что только теперь, т. е. к концу девяностых годов, стали делаться такие выводы, стали пользоваться ссылками на брошюру „Об агитации“ для теоретического оправдания уже новой, чисто-экономической тактики. Вполне соглашаясь с критикой Плеханова, я, как человек, работавший в то время, могу категорически заявить, что социал-демократы в момент выхода этой брошюры считали ее ценным вкладом в нашу работу не потому, что в ней заключались места (вроде теории „фазисов“), на основании которых строили свои выводы называвшие себя социал-демократами „экономисты“, а вопреки им. Мы приветствовали брошюру „Об агитации“ и ценили ее за те важные практические указания, которые она давала; упомянутые же выше пункты, послужившие впоследствии ложным выводам „экономистов“, совершенно не обратили на себя нашего внимания, как не обратили в то время внимания Плеханова и остальных членов группы „Освобождение Труда“.

О происхождении брошюры „Об агитации“ уже раз цитированный мною С. М. рассказывает следующее: „Скоро эта тактика (переход к широкой агитации) получила и свое теоретическое основание. Произошло это при таких условиях: один из членов (московского) кружка в январе 1894 г. поехал в Вильну за литературой¹⁾. В это время там тоже очень живо обсуждался вопрос о переходе от пропаганды к агитации. До этого времени пропаганда велась там среди евреев на русском языке, и распространялась русская легальная и нелегальная литература; теперь же был поставлен на очередь вопрос о переходе к агитации на еврейском жаргоне, как языке более доступном для широкой массы. Наш посланный рассказал, что вопрос об агитации в высшей степені интересует и москвичей. На собрании была выработана резолюция по этому поводу, и один из товарищей обещал написать обоснование этой резолюции. Через некоторое время он это выполнил, и потом сообщая с нашим посланным и была редактирована брошюра „Об агитации“... Главная ее мысль — говорит далее автор — была такая, что для того, чтобы развить классовое самосознание в рабочем классе, чтобы поднять его на планомерную экономическую и политическую борьбу, недостаточно вести в его среде пропаганду идей научного социализма; для этого необходимо прежде всего

¹⁾ С. И. Мицкевич.

вести агитацию в массе на почве ближайших экономических нужд ее и постараться вовлечь ее в борьбу там, где она еще не начиналась, за эти ближайшие, а потому наиболее для массы понятные и доступные экономические нужды. Раз масса начнет такую борьбу, то она очень скоро придет к сознанию противоположности классовых интересов, она также очень скоро увидит и почувствует, что главным препятствием в этой борьбе является современный политический режим, и таким образом процесс экономической борьбы втянет ее и в борьбу политическую. Роль агитаторов и сознательных рабочих и будет состоять в том, чтобы помогать массе понять эту непосредственную связь экономической и политической борьбы, содействовать развитию в процессе борьбы ее экономического и политического самосознания¹⁾.

Читатель видит, как далека эта оценка брошюры „Об агитации“ от той, которую дает Акимов.

„Главный мотив нашей пропаганды и агитации — читаем мы далее у С. М.—главное содержание листков и брошюр были экономические: говорилось о плохом положении рабочих, об эксплуатации со стороны хозяев, о необходимости борьбы с капиталистами; но сейчас же указывалось, что у нас эта борьба крайне затруднена: нет ни свободы стачек, ни свободы собраний и союзов; указывалось, что правительство преследует рабочих за борьбу с хозяевами, что оно всегда защищает интересы капиталистов, и что для успехов в экономической борьбе необходимо добиваться изменения политического режима; приводились примеры из западной жизни, где порядки другие, где рабочие имеют участие в управлении государством, где обеспечен известный минимум свобод, а потому рабочие и добились многих улучшений в своем положении. Доказывалось, что все эти завоевания есть результат борьбы, к каковой и призывались русские рабочие. Эти мысли старались провести в каждом листке, в каждой брошюрке и пользовались для этого каждым представляющимся случаем: отказ в жалобе, поданной фабричному инспектору, отказ в каком-либо ходатайстве рабочих со стороны генерал-губернатора, благодарность фанаторийцам за расстрел рабочих (в Ярославле, в 1895 г.)—все это служило поводом для выяснения связи экономики с политикой. При подходящем случае писали и на чисто политические темы: так, например, была написана брошюра по поводу смерти Александра III, в которой была изложена политика этого императора, и указывалось на ее чисто классовой характер“²⁾.

¹⁾ Сб. „Текущий момент“, „На заре раб. движ. в Москве“. Стр. 10—11.

²⁾ Сб. „Текущий момент“, „На заре раб. дв. в Москве“, стр. 11. Последняя брошюра написана А. Н. Винокуровым.

Итак, брошюра „Об агитации“ имела громадный успех среди всех тех социалдемократов, которые фактически столкнулись с рабочими массами, именно благодаря ее практическим указаниям на то, как нужно подойти к этой серой, бессознательной массе, чтобы „лучше содействовать росту классового сознания и революционных требований пролетариата“. Автор ее показал, как на почве существующих мелких нужд и требований нужно пробуждать классовое самосознание масс и готовить их к активной борьбе с существующим строем. Перед социалдемократами стоял вопрос не о том, вести или не вести политическую агитацию, а исключительно о том, как приступить к политической борьбе, как начать активное выступление масс.

Революционеры 70-х и 80-х годов полагали, что стихийное бессознательное восстание народных масс, руководимых кучкой революционеров, может произвести революцию, переворот не только политический, но и социалистический. Социалдемократы были убеждены, что социалистический переворот немислим без предварительного политического; политический же переворот возможен лишь, как результат сознательного выступления рабочего класса. Революция в России восторжествует только, как рабочая революция, не иначе. Политическая борьба в буржуазном строе неотделима от экономической, и наоборот. Сознательная классовая борьба с хозяевами есть не только попытка улучшить свое положение, но и атака на весь существующий буржуазный строй во всех его проявлениях, в том числе и на его политическую форму. Мы подчеркиваем выражение „сознательная классовая борьба“, потому что в нем, по нашему мнению, и заключается главное различие между точкой зрения социалдемократов и так называемых социалдемократов, — экономистов.

Рабочие, которые сознательно или бессознательно борются только за экономическое улучшение своего положения, которые не видят связи между этим улучшением и всем общественным строем, не содействуют росту классового самосознания; их борьба не является социалдемократической борьбой. Рабочие же, которые борются за улучшение своего экономического положения, сознавая, что эта борьба есть лишь этап, исходная точка великой классовой борьбы за достижение конечного идеала рабочего класса, эти рабочие и только эти действуют, как социалдемократы. Когда автор брошюры „Об агитации“ в унисон со всеми активными социалдемократами того времени заговорил о необходимости перехода к активному руководству массовым рабочим движением на почве недовольства экономическим положением, он, именно, и хотел

это стихийное недовольство воспитать в сознательное недовольство классовым положением, стихийное рабочее движение превратить в сознательное социалдемократическое. Ясно, что с этой целью социалдемократы и должны были начать экономическую агитацию, что они и сделали в 94 г., но совершенно непонятно, для чего социалдемократам, по тактическим якобы соображениям, нужно было на время спрятать в карман политическую и социалистическую агитацию.

Начать с агитации на почве мелких нужд и требований—значило сделать их исходной точкой агитации, но вовсе не значило, как полагают Акимов и К^о, что, исходя отсюда, не следовало сейчас же выяснять нужды и требования более высокого порядка, т. е. не только те, которые сознаются данной группой рабочих, но и действительные нужды и требования всего рабочего класса, в том числе, разумеется, и политические. Опыт революционной работы показал, что если мы подойдем к серому, бессознательному рабочему с проповедью борьбы за политические права, будем говорить ему, например, о необходимости свободы печати, он может не понять нас, отнестись к нам недоверчиво и даже враждебно. Но если мы заговорим с ним о его 15-ти рублевом заработке, о невозможности жить по человечески на эти 15 рублей, логически покажем ему связь между этими 15 рублями и отсутствием свободы печати, он выслушает нас внимательнее и поймет, что ему в самом деле необходимо добиваться свободы печати.

Социалдемократы начали агитацию на почве экономических, а не политических нужд не потому, что считали последние менее существенными в данную минуту, а потому, что рабочие массы легче могли выяснить себе свои политические нужды, борясь за уже сознанные экономические. Задача социалдемократов того времени и заключалась в том, чтобы развивать классовое самосознание рабочих масс. Эту задачу они начали с того, что при помощи кружков вырабатывали самосознание сначала у передовых рабочих, а затем постепенно захватывали в кружки все большее и большее число остальных рабочих. Параллельно с этим шло развитие стихийного рабочего движения на почве экономических нужд, которое выдвигало из рабочей среды все большее число лиц, желающих понять свое положение; с другой стороны, все чаще и чаще приходилось брать уже сознательным рабочим в свои руки фактическое руководство стихийным движением.

Можно ли было это движение сразу направить по другому руслу, превратить его в политическое? Нет, об этом нельзя было и думать, так как в то время масса еще не была подготовлена жизнью к политическим выступлениям. Но сле-

довало ли сейчас же приступить к подготовке этой массы к предстоящей политической борьбе? Да. И социалдемократические организации начала и начиная с середины 90-х годов так и поступали. Начав широкую агитацию на почве экономических нужд и взяв в свои руки фактическое руководство уже существующей экономической борьбой рабочей массы, они в то же время принялись широко выяснять массам необходимость и неизбежность перехода от экономической борьбы к классовой, которая вместе с тем является и борьбой политической. В своей политической агитации социалдемократы должны были начать с критики существующего политического строя, с политических разоблачений и обличений, с широкого ознакомления с политической жизнью Западной Европы; выработать же свою определенную политическую тактику они, конечно, не могли. В этом смысле, разумеется, совершенно справедливо будет сказать, что социалдемократы 94 — 95 гг. политической борьбы не вели. С их стороны было бы величайшим донкихотством призывать небольшую кучку в несколько десятков или даже сотен спропагандированных и отчасти организованных рабочих к каким-нибудь политическим выступлениям или действиям. Они хорошо понимали, что изменить политическую жизнь страны может только массовое движение и притом движение сознательное, а ни в коем случае не стихийное. До тех пор, пока масса рабочих не станет более или менее сознательной и не поймет необходимости бороться не только за улучшение своего экономического, но и за улучшение правового положения, до тех пор нет надежды на успешную борьбу с реакцией, нет надежды на политический переворот.

Констатируя политическую незрелость рабочих и отказываясь поэтому на время от всякого открытого вступления в активную политическую борьбу, социал-демократы были тем не менее твердо убеждены в том, что стихийно начавшаяся борьба рабочих за свои экономические нужды неминуемо должна, вследствие классового характера нашего государства, превратиться в политическую. Но, будучи уверены, что сознание необходимости политической борьбы будет внушено рабочему классу самой жизнью, социал-демократы в то же время не желали оставаться пассивными наблюдателями уроков жизни и с самого начала решили помогать усвоению этих уроков. Путем ознакомления с существующим политическим строем и путем его обличений, они старались воспитывать в рабочих массах сознательное недовольство этим строем и сознательную потребность борьбы с ним. С этой целью каждый листок, выпускаемый по поводу того или иного частного случая из жизни рабочих, обязательно должен был

связывать этот частный случай с общеполитическим строем государства. В каждом таком листке непременно указывалось, что интересы капиталиста-хозяина всегда поддерживаются и не могут не поддерживаться правительством, что правительство помогает капиталистам угнетать рабочих, — и это с очевидной ясностью проявляется всякий раз, когда рабочий вступает в борьбу с хозяином за улучшение своего положения, — что, наконец, за границей рабочим легче бороться за свое экономическое положение, потому что они пользуются известными политическими правами и участвуют в законодательстве страны и т. д., и т. д.

Совершенно не понимают тактики тогдашних социал-демократов те, которые утверждают, что, приступив к широкой агитации на почве экономических нужд, агитаторы совсем отбросили мысль о политической борьбе и стали приучать рабочих бороться только за свои „шкурные“ материальные интересы. Не понимает этой тактики и Акимов, автор „Очерков развития социал-демократии в России“, не понимали ее и широкие интеллигентские слои 94-го года.

ГЛАВА IX.

Начав работу среди пролетариата, пропагандисты отдались этой работе целиком и почти совершенно ушли от остальной интеллигенции. Лишь изредка появлялись они на студенческих вечеринках, чтобы поспорить с представителями других течений, а главным образом для того, чтобы под тем, либо иным предлогом произвести сбор в пользу дорогого им дела. На работу среди студенчества они смотрели теперь, как на пустую забаву.

Широкие слои интеллигентного общества попрежнему были враждебно настроены к марксистам, попрежнему не верили в возможность у нас рабочего движения, в западно-европейском смысле, и презрительно вышучивали грубых материалистов, идеологов „желудочных“ интересов. Правда, часть молодежи уже перестала относиться безразлично к политике — в этом сказалось несомненное благотворное влияние голодных 91—92 гг., приподнявших настроение публики, — но молодежь эта предпочитала перенимать средства борьбы у старых революционеров, а не искать других. Казалось, идеи „Народной Воли“ снова восторжествуют; опять началась раздаваться проповедь необходимости объединения всей интеллигенции на борьбу с правительством. Она, эта интеллигенция, должна пойти во все слои русского общества, чтобы расшевелить его и призвать все недовольные элементы под знамя борьбы

с реакцией.—Теперь не время заглядывать в далекое будущее, не время говорить о классовой борьбе, о социализме: ближайший этап все слои общества должны пройти вместе рука об руку, ибо враг у всех один—это самодержавие. Мы должны свернуть сейчас свое социалистическое знамя, которое может отпугнуть от нас имущие классы, должны отказаться от проповеди классовой борьбы рабочих и звать на политическую борьбу всех. За нами пойдут и дворяне, и фабриканты, и рабочие, и крестьяне, потому что все недовольны, все страдают от политического гнета.

Таково было знамя, выдвинутое новой организацией, окончательно окристаллизовавшейся в 94 году в партию „Народного Права“¹⁾.

Маркс в предисловии к „18 Брюмера“ говорит: „Гегель где то замечает, что все великие всемирно-исторические события и личности повторяются дважды. Он забыл только прибавить: в первый раз они фигурируют трагически, а во второй—комически, ибо Косидьеры появляются вместо Дантонов, Луи Бланы вместо Робеспьеров, Гора 1848—51 гг., вместо Горы 1793—95 гг., „племянники“ вместо своих великих дядей. Не менее карикатурна и та обстановка, при которой вышло, так сказать, вторым изданием событие 18 брюмера (coup d'état 2-го декабря 1851 г.)“.—Если бы Маркс писал эти строки после 94 года и был бы хорошо осведомлен в русских делах, он, наверное, дополнил бы этот список карикатурных вторых изданий великих событий „Народным Правом“—вместо „Народной Воли“.

Партия „Народного Права“ считала себя прямой наследницей и продолжательницей политических традиций „Народной Воли“. Что же касается научной подоплеки народоправцев, то о них можно сказать, что „они ничего не забыли и ничему не научились“. Правда, их речи уже пестрят марксистской терминологией, они все цитируют Маркса, но... признают только экономические взгляды его, отрицая историческую теорию. Эта последняя осталась у них старая: „Мы, герои, сознательные внеклассовые интеллигенты, подыдем знамя, за которым сломя голову устремятся толпы сытых буржуев, угнетенных и эксплуатируемых рабочих, спесивых прибалтийских юнкеров и пухнувших с голоду крестьян. Все они недовольны, и достаточно „нам“ дать им лозунг, знамя, разбудить их нашим альтруистическим примером, нашим геройским подвигом, и они пойдут за нами, забыв свои классовые, сословные и узко-эгоистические экономические интересы. Самым

¹⁾ В числе организаторов этой партии были, между прочим, Марк Натансон и Виктор Чернов.

могучим средством разбудить спящего мирным сном обывателя считался, конечно, террор. Террор и... земские петиции— вот два „политических“ орудия борьбы, вот два средства для внесения сознания в народные массы и пробуждения этих масс. На социал-демократов, не веривших в чудодейственную силу террора и зло смеявшихся над либеральными петициями и их составителями, народоправцы смотрели, как на изменников и чуть ли не продавшихся правительству. С своей стороны социал-демократы противопоставляли трогательному об'единению всех недовольных слоев русского общества сознательную классовую борьбу пролетариата. Он один является действительно революционным классом, потому что действительно заинтересован в коренной ломке существующего политического порядка. Они говорили, что политическая борьба не отделима от классовой, что наше правительство не висит в воздухе, что оно защищает фактические интересы господствующих классов и выражает их волю, их желания. Внеклассовая политическая борьба, которую рекомендуют народоправцы есть ни более ни менее, как замаскированное желание буржуазной интеллигенции повторить комедию 48 года, стремление руками и жизнями рабочих добиться чисто буржуазной „куцой“ конституции. У нас, в России—говорили далее социал-демократы—действительная политическая борьба начинается в такое время, когда классовые противоречия между предпринимателями и рабочими уже значительно обострились, и наша задача—не затушевывать эти противоречия, не откладывать выяснение их до послереволюционного периода, а, наоборот, еще более обнажать и углублять их. Наше самодержавие является уже далеко не тем чисто дворянским абсолютизмом, каким оно было в Германии до мартовской революции 48 года: оно в значительной степени успело уже приспособиться к новым буржуазным условиям. Правда, рабочие будут пользоваться всеми такими случаями, когда правительство, становясь на сторону одного из господствующих классов (крупных землевладельцев или крупных промышленников) и нарушая тем самым интересы другого, временно будет делать его недовольным всем существующим строем, как это было, например, при введении нового положения о земских учреждениях 1890 г., нового городского положения 1892 г., учреждения дворянского банка или во время русско-германской таможенной войны. Но рабочий должен понять, что господствующий класс бывает недоволен не системой привилегий вообще, а тем, что привилегии оказываются не ему, а другому господствующему классу. До сих пор наше правительство, обидев какой-нибудь из господствующих классов, очень ловко умело сейчас же утешить его. Те свободы,

которые необходимы крупной буржуазии, как классу, и из за которых она была оппозиционной до 48 года в Германии и революционной до 1789 г. во Франции, русская буржуазия или уже завоевала себе без всякой борьбы, или сумеет завоевать, не входя в острый конфликт с правительством. Революционной или даже резко оппозиционной наша крупная буржуазия не может быть. Не может быть революционным—говорили тогда социал-демократы—и наше крестьянство в целом. Часть его, по примеру западно-европейского крестьянства, будет, по всей вероятности, постоянно служить оплотом реакции, другая же часть, т. е. крестьянская беднота, если и выступит, то как стихийная сила для того только, чтобы спихнуть с себя остатки крепостнического гнета в виде земского начальника, круговой поруки, выкупных платежей и т. п., и дальше этого не пойдет. Марксисты и тут ссылались на Запад, где в 48 году крестьяне дружно восстали, когда восстал город; но когда их специфические крестьянские требования были так или иначе удовлетворены, они сразу успокоились; они даже стали помогать правительству против горожан, которые продолжали бунтовать и добиваться каких-то прав, в то время, как они, крестьяне, уже освободились от феодального гнета.

Интеллигенция, на которую народоправцы возлагали самые крупные надежды, и которая, по их словам, „как бескорыстная служительница народа, должна выдвинуть проект конституции, основанной не на классовых вожделениях, а на чистых идеалах народного блага, на справедливом сочетании разнообразных интересов, существующих в государстве, и потребностей самого государства, как целого“,—эта интеллигенция не пользовалась никаким кредитом среди социал-демократов. Она, по их словам, могла составить проект конституции, но провести его в жизнь у нее не было ни сил, ни возможности.—Интеллигенция, как класс, как целое, не существует, а поэтому и выступить в качестве этого целого она не может. Из ее среды может, по примеру 70-х и начала 80-х годов, выделиться кучка отдельных личностей, героев, и только, и единственная тактика, которую в состоянии предложить эти герои—это террор; но, как показал опыт истории, такая тактика к цели привести не может.

Вообще, относительно террора русские социал-демократы с самого начала, в противовес группе „Освоб. Труда“, заняли определенную отрицательную позицию. Мы боремся и должны бороться — говорили социал-демократы — не с отдельными личностями, какое бы высокое общественное положение они ни занимали, а со всем строем, продуктами которого являются эти отдельные личности. Каковы бы ни были индивидуальные качества высокопоставленного лица, оно все же будет поступать

так, как заставит его окружающая среда. То же самое справедливо и по отношению к представителям правительства. Запугать их террористическими актами и заставить пойти на уступки нельзя, потому что с какой бы опасностью для жизни ни был связан пост того, либо иного администратора, всегда, даже после удачного покушения, найдутся желающие занять этот пост ради тех очень высоких материальных выгод, которые он представляет, и которые растут в прямой зависимости от опасности. Но главное—террор, при отсутствии массового движения, не только бесполезен, он прямо вреден. Террористические покушения „Народной Воли“ потребовали от организации всего наличного запаса материальных средств и отвлекли от организационной и пропагандистской работы все лучшие силы. Чтобы убедиться в этом, стоит лишь вспомнить историю Северного Союза Русских Рабочих.—Нет, не единичным террором будет свергнут существующий политический строй, а массовым сознательным выступлением пролетариата. Террористической тактике—орудию борьбы отдельных интеллигентов—героев,—социал-демократы противопоставляли сознательное массовое выступление рабочего класса. Это противопоставление вызывало среди народовольцев и массы учащейся молодежи явное недовольство социал-демократами.—Что же, по-вашему, сидеть сложа руки и ждать, пока проснется классовое самосознание рабочих, которое само по себе, может быть, еще и мие, выдуманный марксистами на зло народническим традициям? — Нет, возражали социал-демократы—не сидеть сложа руки, не ждать, пока проснется самосознание рабочих, а принять самое деятельное участие в пробуждении этого сознания, в создании кадров сознательных вожаков рабочего движения, в организации рабочих масс. Правда, задача эта далеко не легкая, для выполнения ее недостаточно одного „желания быть полезным“, недостаточно обладать „революционным настроением“, нужно иметь знания и серьезные знания. Громадное большинство нашей „интеллигенции“ не в состоянии выполнить эту задачу, потому что оно само несознательно, воспитано по рецепту Кареева, который смотрел на историю, как на сборник примеров, „что и как следует делать, и чего делать не следует для народного блага“¹⁾; эта интеллигенция, конечно, не годится в воспитательницы классового самосознания пролетариата.

Для того, чтобы возбудить в массах недовольство существующим положением вещей, достаточно только обладать темпераментом, даром слова и знанием фактов за последние дни русской жизни. Но возбудить недовольство—этого, с точки

¹⁾ См. Кареев, „Письма к учащейся молодежи“.

зрения социал-демократов, еще мало: возбудит недовольство и сама жизнь; надо, чтобы масса сознательно относилась к окружающим событиям, сознательно стремилась бы к вполне определенной цели, сознательно участвовала в борьбе, а не верила бы на слово своим вожакам, что намеченный ими путь наилучший, и не шла бы слепо за этими вожаками всюду, куда им заблагорассудится ее повести.

Наша „интеллигенция“ этого понять не могла или не хотела. Ей казалось, что социал-демократы предлагают ей заняться сначала самообразованием, затем подождать пока выварится в фабричном котле все наше крестьянство (нельзя же начинать с кучкой в какой-нибудь миллион рабочих), потом выждать, когда эти новоявленные рабочие приобретут классовое самосознание, и только тогда выйти в бой с правительством. Интеллигенция рвалась в этот бой немедленно, хотела немедленного применения своих сил и поэтому предпочитала... толковать о терроре. Мы говорим „толковать“, потому что, если не считать детской комедии, разыгранной группой, связанной с именем авантюриста Распутина, ни одной сколько-нибудь серьезной попытки осуществить болтовню о терроре за все это время не было ¹⁾.

На ряду с разговорами о терроре обычной темой „радикальных“ кругов были анекдоты из высших сфер. Как раз в это время ожидалась смена царствования. Ни для кого не было тайной, что Александр III при смерти болен. О личности наследника ходили самые фантастические и нелепые рассказы. Передавали, например, в виде несомненного факта, что он либерален, тяготеет реакцией и что, как только он вступит на родительский престол, в России немедленно воцарится эра свободы, немедленно будет дарована конституция.

Под влиянием этих слухов снова ожила и земская „оппозиция“, совершенно, было, замершая со времен разгрома „Народной Воли“. Немногие, наиболее крайние представители этой оппозиции, состоявшие из так называемого третьего элемента земства, т. е. земские наемники, примкнули к партии „Народного Права“; и, по всей вероятности, отсюда то и вышел столь шумевший тогда проект „Основного государственного устава Российской Империи“, который широко распространялся в рукописи среди „интеллигенции“ и считался в ее кругах верхом радикализма, несмотря на то, что предлагаемая проектом конституция, по выражению авторов

¹⁾ В апреле 1895 г. в Москве на Воробьевых горах была выслежена группка интеллигентов, которая на пикнике производила опыты с бомбой. Группа эта была арестована. Во главе ее стоял студент Распутин—явный авантюрист, подавший в тюрьме прошение о помиловании и выдавший всех своих товарищей.

проекта, „основана не на ломке государственных учреждений“, „не отрицает, а воспринимает те основные политические понятия о царе и народе, которые господствуют в массах русского населения“ и предусматривает даже возможность введения положения о чрезвычайной охране ¹⁾.

Эта „конституция“ и должна была служить тем лозунгом, вокруг которого следовало объединиться всем недовольным слоям общества. Авторы ее, начертав ее на своем знамени, подобно Христу, призывали: „Приидите ко мне все труждающиеся и обремененные, и аз упокою вы!“ Чтобы злостные, неверчивые марксисты не успели внушить публике, что будущая „конституционная“ чрезвычайная охрана послужит плохой заменой чрезвычайной и усиленной охране самодержавия, они торопятся убедить, что их „конституция“—самый настоящий товар, что она отнюдь не является выражением каких-нибудь классовых интересов.—Какие там в самом деле классы,—у нас их вовсе нет. Есть „народ“, который недоволен; есть бюрократия, которой недовольны, и есть бескорыстная служительница народа—интеллигенция, знающая рецепт, который всех, решительно всех может сделать довольными. Боже упаси, чтобы кто-нибудь подумал, будто эта „интеллигентная конституция“ является плодом классовых вожелений господствующих классов. Нет, „в нашем отечестве невозможна ни дворянская, ни буржуазная, ни клерикальная конституция“, утверждают авторы ее. У нас не может быть классового господства: „средние века не оставили в России таких элементов, которыми на Западе могли держаться дворянские и клерикальные конституции, а капитализм не успел еще закабалить народ под владычество буржуазии“.

Но как ни распинались авторы „конституции“, как ни старались они привлечь все слои русского общества, гарантируя им „громадный простор героическим усилиям личности, которая в России являлась и является двигателем прогресса, заменяя работу чуждых русской жизни корпораций и ассоциаций“, недовольные слои продолжали молча изживать про себя свое недовольство. Не трогала эта „внеклассовая“ конституция и сердца русской буржуазии, несмотря на обещаемый ею простор для „усилий личности“, т.е. на полную свободу от бюрократических фабричных законов, несмотря на уверения, что „чуждые русской жизни ассоциации“ и после конституции останутся чуждыми для русских рабочих, особенно если принять во внимание возможность гарантируемой

¹⁾ К сожалению, у нас под руками не имеется самого проекта „конституции“—и мы цитируем его по Сватикову „Общ. движ. в России“.

конституцией „чрезвычайной (внеклассовой, конечно!) охраны“. Русская буржуазия, не успевшая еще, по словам авторов проекта, закабалить народ, предпочитала закабалить его без конституционной поддержки „внеклассовых“ интеллигентов. Даже либеральные земцы (не третий элемент, не наемники, а земские гласные-землевладельцы) и те молчали и не выражали своего недовольства. Они устраивали обеды, а не либеральные банкеты, и пили на них за настоящее, а не за будущее.

Только когда ожидаемая смена царствования стала совершившимся фактом, когда с воцарением Николая II все русское „образованное общество“ почему то вдруг решило, что неуклонное шествие правительства к дореформенным временам должно прекратиться, и молодой монарх вступит на стезю не отца, а деда, на сцену опять выступили либеральные „освободители“. Они снова извлекли на свет божий свои лежавшие более 20-ти лет под спудом либеральные речи и приспособили их к современным обстоятельствам. Речи 81 года оказались слишком радикальными. Тогда, ведь, наверняка было известно, что в правительственных сферах заготовлен не один проект „конституции“ (в роде Лорис-Меликовской диктатуры сердца), поэтому говорить можно было более смело и открыто, к тому же, в благодарность за дарованную конституцию можно было предложить свои „либеральные“ услуги для борьбы с „крамолой“, с которой, по мнению тогдашних „освободителей“, не в силах была справиться одна бюрократия. Теперь положение было совершенно иное. Крамолу правительство успешно подавило и без просвещенного содействия либералов, так что предложением услуг соблазнить его было нельзя, а о каких бы то ни было конституционных планах в правительственных кругах совершенно ничего не было слышно. Единственное, на чем можно было строить свои надежды, это была личность молодого монарха, о котором в обществе ходило столько легенд. Приходилось, стало быть, действовать крайне осмотрительно.

Только 9 земств решились в своих поздравительных адресах тонко намекнуть на желательность... не конституции—нет, боже избави, об этом господа освободители не смели и мечтать,—а того, „чтобы с высоты престола всегда был услышан голос нужды народной“. Они хотели только „возможности и права для общественных учреждений (т.-е. составленных по рецепту 90-го года дворянских земств) выражать свое мнение по вопросам их касающимся, дабы до высоты престола могло достигать выражение потребностей и мысли не только администрации, но и народа русского“.

Однако, весна либеральных надежд продолжалась недолго. Когда „русский народ“, в лице депутации от земств, устно принес свои поздравления, искусно переплетенные с пожеланиями новому императору, он получил ясный и не допускающий двух толкований ответ относительно земцев, „увлекшихся бессмысленными мечтаниями об участии представителей земств в делах внутреннего управления“, и из'явление непреклонной воли „охранять начало самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял его незабвенный покойный родитель“. После этого ответа дух земской оппозиции снова замер до следующего, более благоприятного момента.

Всем этим инцидентом наша земская буржуазия ясно показала, что действительное ограничение самодержавия при наличных условиях, т.-е. при существовании уже классовой борьбы пролетариата, не может считаться для нее насущным классовым требованием, ради которого можно было бы рискнуть решительным шагом. Русская либеральная буржуазия не прочь, конечно, была получить „дарованную“ самодержавием милость в виде, например, права от имени всего „народа“ гласно заявлять о своих буржуазных нуждах. Но милость эта должна быть дарована добровольно. Если требовать силой, т.-е. если приняться за широкую агитацию действительно среди всего народа, то, кто знает, не выставит ли этот народ, или хотя бы часть его—рабочие, требования, которые пойдут дальше насущных классовых требований буржуазии?

Если „внеклассовые“ интеллигенты очень скоро выловленной без остатка партией „Народного Права“ еще сомневались в наличности и даже возможности у нас классовой борьбы пролетариата, то близко заинтересованная в деле наша промышленная буржуазия имела все основания считаться с реальным существованием зачатков этой борьбы. В марте 95 года Общество содействия мануфактурной промышленности обсуждало в Москве предложение Лодзинского отдела этого общества о законодательной нормировке рабочего дня. Представитель этого общества С. И. Прохоров, владелец крупной Прохоровской мануфактуры, поставил вопрос ясно и определенно. Если сейчас не ввести действительного улучшения в положении рабочих, то есть основание предполагать, что рабочие сами примутся за это дело. Большинство фабрикантов с горестью констатировало возникновение и у нас в России рабочего движения. И для борьбы с этим движением у буржуазии не было лучшего и более верного союзника, чем самодержавие. Этого не могли понять „внеклассовые“ интеллигенты, но отлично понимали сознательные представители рабочего класса—социал-демократы.

Как раз в самый разгар либеральных упований и надежд московские социал-демократы выпустили брошюрку „На смерть Александра III“. В этой брошюрке, подведя итог реакции, связанной с именем этого императора, они вместе с тем указывали, что рабочему классу нечего ждать от перемены царствования. Тот политический строй, который необходим пролетариату, который действительно может улучшить его положение, дарован быть не может, он может быть только завоеван. Главными орудиями борьбы рабочих может быть только развитие классового самосознания и организованность пролетариата. Только при наличии того и другого можно рассчитывать на коренную перемену существующего политического строя.

ГЛАВА X.

Итак, жизнь выдвинула перед социал-демократами задачу широкой агитации и организации рабочей массы, и они бодро вступили на путь решения этой задачи. Спорадические случайные стачки конца 80-х и начала 90-х годов к 94 г. начинают принимать эпидемический характер. Промышленный кризис 92—93 г. сменяется лихорадочным под'емом промышленности. Начинается спешная постройка целого ряда новых железных дорог. Вмешательство русского правительства в японско-китайский конфликт начинает эру дальневосточных авантур, в виде захвата Порт-Артура, постройки фантастического Дальнего и Восточно-Китайской дороги. Все это сулит огромные барыши нашей буржуазии. Концессии, разведки, казенные подряды и заказы сыплются, как из рога изобилия. Иностранные банкиры усиленно поддерживают правительственную авантюру „внешними займами“, в полной уверенности, что сливки со всех этих концессий и заказов достанутся им. Правительство идет им навстречу. Заграничные капиталы в небывалых до того размерах притекают в Россию, и с 94 года начинается эпоха настоящей горячки. Заводы, в особенности машиностроительные, сталелитейные, железоделательные, растут, как грибы после дождя. Начинается усиленная эксплуатация природных богатств, как, например, донецкого угля, бакинской нефти и т. д. Мертвый, чисто земледельческий юг России в каких-нибудь два—три года превращается в густую сеть промышленных центров. Заводы в Екатеринославе, Баку и других городах юга и Кавказа растут с чисто американской быстротой.

Но параллельно с заводами растут и социал-демократические организации. Если первые марксистские группы образовывались чисто случайно, — в зависимости от скопления

в данной местности интеллигенции,—главным образом в университетских городах и в тех местах, которые служили пристанищем для политических поднадзорных, как, напр., Орел, Саратов, Самара, Казань и т. д., то теперь широкие рабочие организации возникают уже преимущественно в промышленных местностях: в Лодзи, Варшаве, Белостоке, Москве, Петербурге, Иваново-Вознесенске, Нижнем, Екатеринославе, Баку и т. д. В Польше в 1894 г. начинает выходить уже чисто социал-демократическая газета. Такие же газеты намечаются в Москве и в Петербурге. И тут, и там создаются уже оформленные организации. Московский союз рабочих, С.-Петербургский союз борьбы, Екатеринославский, Нижегородский, Иваново-Вознесенский и Южно-русский рабочий союз.

Первоначальная форма организации в Москве была следующая. Во главе находилась Центральная группа, которая руководила всем движением, писала и редактировала литературу, сносилась с иногородними группами, ведала техникой и занималась добыванием литературы. Первоначально группа эта состояла из всех пропагандистов-интеллигентов (которых к началу 94 года было четверо)—и из пяти—шести человек наиболее сознательных рабочих. Далее шли кружки № 1, состоявшие из более или менее распропагандированных рабочих, и кружки № 2, куда входили рабочие, с которыми только что завязывались связи. В кружках № 1 готовились вполне сознательные социал-демократы; здесь проходилась систематический курс, подготавливались агитаторы, которые должны были широко влиять на массу; массу же эту пропускали сквозь себя кружки № 2. Намечен был план при помощи 8—10 лекций подготовить слушателей к чтению популярной литературы и к возможности в устной беседе истолковывать прочитанное.

Состав последних (№ 2) кружков приходилось менять довольно часто, чтобы дать таким образом возможность пройти сквозь них наибольшему количеству рабочих. С той же целью подготовки широких слоев рабочей массы Московский союз параллельно стал выпускать ряд систематических листков по различным вопросам рабочей жизни. Намечена была целая серия, долженствовавшая расширить кружковую аудиторию до пределов всей фабрики. Из этой серии успели выпустить, насколько помнится, лишь следующие листки: 1) „Много ли мы зарабатываем“ (где обсуждался вопрос о заработной плате); 2) „Долго ли мы живем“ (о гигиенических и санитарных условиях труда и о влиянии их на организм рабочего) и 3) „У фабричного инспектора“ (о фабричном законодательстве)¹⁾.

¹⁾ Первый и третий были написаны Е. С. П...
вичем.

Эти листки трактовали обыкновенно какой-нибудь частный вопрос, который в то же время связывался с общим положением рабочего класса и непременно заканчивался указанием на то, что окончательное освобождение рабочего класса может быть достигнуто лишь с введением социалистического строя. Листки вывешивались всегда на видных и в то же время укромных местах на фабриках (обыкновенно в ретиреде) и читались буквально всеми. Около них постоянно толпилась кучка рабочих; кто-нибудь один читал вслух, а из толпы то и дело раздавались вопросы; сейчас-же какой-нибудь из распропагандированных рабочих начинал об'яснять, и образовывалась аудитория из самых внимательных слушателей. Рабочие заинтересовывались, появлялись желающие узнать больше, получить книжку, попасть в кружок.

Кроме листков по более или менее общим вопросам, выпускались и листки по поводу того или иного происшествия на данной фабрике, в которых, опять-таки, от частного всегда старались перейти к общему.

Несмотря на крайне плохую технику (печатали преимущественно на гектографе или на мимеографе) листки пользовались большой популярностью, и их выхода ждали с нетерпением. На кружковые занятия доставлялся богатейший материал, который, к сожалению, не всегда удавалось использовать, так как не хватало сил. Само собой разумеется, о разделении труда в то время и думать было нечего. Всем, как рабочим, так и интеллигентам, кроме революционной работы, приходилось тратить силы еще и на добывание средств к существованию, на что уходила масса времени. Пропагандистам приходилось самим не только писать, но и печатать листки. Кроме того, страшно тормозили дело и конспиративные условия работы. Помощников из интеллигенции вовсе почти не было. Иной раз целый день приходилось тратить на то только, чтобы, не обратив на себя внимания, купить принадлежности для гектографа, сварить его в своей конуре незаметно от глаз квартирной хозяйки и напечатать несколько десятков листков. Затем нужно было еще спрятать напечатанное, чтобы потом в благоприятный момент передать кому следует для распространения. Все это вместе взятое поглощало невероятно много времени.

Рабочие, особенно вновь привлеченные, роптали что не хватает литературы, что организация не поспевает удовлетворять сильно разросшийся спрос на нее. Что было делать? Чтобы как-нибудь устранить этот недостаток или, по крайней мере, уменьшить его, организация приходит к решению— с одной стороны усилить деятельность среди учащейся молодежи, а с другой—как можно больше функций передавать

самим рабочим. В последнем решении не малую роль играло и то соображение, что если рабочие займутся чисто техническими функциями, то поймут, с какими трудностями сопряжено снабжение их литературой; кроме того, в привлечении рабочих к участию к этой работе видели также и гарантию прочности самого дела.

За интеллигентами в то время слежка была очень большая, и каждую минуту они рисковали провалиться. Правительство, подобно широким слоям «интеллигентного общества», мало еще верило в возможность у нас рабочего движения и весь центр тяжести революции полагало в «крамольной» деятельности горсти «смутьянов». Поэтому российские охранки и жандармские отделения всю свою энергию употребляли на погоню за интеллигентами, выслеживание либералов и совершенно проморгали зародыши рабочего движения. Еще в 1895 году, когда в Нижнем было учреждено охранное отделение, жандармский полковник в разговоре с тамошними поднадзорными заявил, что самыми опасными правительство считает «народовольцев» (о которых в то время уже и помину не было), затем идут «народники»; «они-де хотя и говорят о мирных, культурных средствах борьбы, но это только так, для отвода глаз, на самом же деле они те-же народовольцы; ну, а марксисты, те пока не опасны». Приблизительно ту же мысль высказал на одном из допросов и петербургский прекурор; по его мнению «пока марксисты у нас только теоретики». Это обстоятельство, т.-е. близорукость нашего полицейского правительства, социалдемократы постарались использовать в интересах своих организаций. Чтобы ослабить надзор за собой, они прервали почти всякие сношения с учащейся молодежью и главную часть конспиративной работы передавали рабочим. Последние снимали на свое имя квартиры для кружковых собраний, для хранения нелегальной литературы, для библиотечек, для постановки гектографа, и они же стали потом печатать листки.

Но не одни только чисто-технические функции стали переходить к рабочим. Чем шире стала распространяться листовая литература, тем популярнее должен был быть язык, которым она писалась. Передовые рабочие часто настолько уже свыклись с обыкновенным литературным языком, что не могли уже являться компетентными судьями того, достаточно ли популярно написан данный листок или нет. И вот в Москве, в Нижнем и Екатеринославе, чтобы избежать упущений в этом смысле, решено было устроить нечто вроде представительного совещания.

На каждой более или менее крупной фабрике, заводе или мастерской в то время имелся уже кружок из более созна-

тельных рабочих. Эти кружки выбирали из своей среды представителей, которые, вместе с пропагандистами-интеллигентами, входили в центральную группу, которая являлась руководящим коллективом и редактировала листки общего характера. Первое время некоторые из интеллигентов и передовых рабочих опасались, как бы такая постановка дела не повела к принижению характера движения; но им справедливо возражали, что опасаться на самом деле нечего, так как заводские кружки создаются под строгим контролем организации, и туда попадают лишь те, кого хорошо знает организатор, как в смысле сознательности, так и в конспиративном отношении. Кроме того, почти не было сомнения, что выбранными окажутся именно организаторы, которые при наличии движения на данной фабрике являются обыкновенно самыми активными из рабочих. На всякий случай, организации предоставлено было право самопополнения. Действительность показала, что расчеты оправдались. На первом заседании московской центральной группы присутствовало 12 представителей различных заводов и фабрик, в число которых попали все наиболее сознательные рабочие, все активные организаторы кружков. В нижегородской организации все подлежащее распространению среди рабочих прочитывалось и обсуждалось в кружках, после чего уже отдавалось в печать.

Между тем стачки, как мы указывали выше, происходили все чаще и чаще, резко отличаясь от стачек 80-х и начала 90-х годов. В большинстве случаев там, где существует организация, они возникают уже не стихийно. Организация заранее обсуждает вопрос, выгодна ли стачка в данный момент, можно ли рассчитывать на успех и только в этом случае призывает рабочих приступить к ней. Однако, на стачку социалдемократы того времени вовсе не смотрели, как на цель саму по себе. Наоборот, первые социалдемократические организации скорее можно было упрекнуть в слишком прямолинейном, догматическом отношении к вопросу об экономической борьбе. Прочных улучшений в положении рабочих — говорили социалдемократы — не может дать ни одна, даже самая удачная, стачка; она есть лишь средство борьбы за далекое будущее, средство для широкой социалистической агитации. Действительность оказалась менее пессимистичной, чем социалдемократы, так как фактически благодаря стачкам 94—97 годов положение рабочих значительно улучшилось. Во многих местах рабочий день был доведен до 9—10 часов, и заработная плата повышена. Титы Титычи, почувствовав серьезный и совершенно для них неожиданный отпор, и будучи вынуждены считаться с рабочим движением, пошли на уступки.

В Москве сигнал к стачечному движению подали машиностроительные заводы Вейхельта, Гужона, Бромлея, Доброва и Набгольца. Чаще всего требования рабочих удовлетворялись довольно скоро, и это подымало авторитет организации. С агитационною целью организация широко пользовалась стачками и в других городах. В 94 г. в Егорьевске вспыхнула стачка на Хлудовской мануфактуре. Началась она вполне мирно и первое время шла под руководством распропагандированных рабочих, которые сдерживали неорганизованную массу. Директор фабрики всеми силами старался спровоцировать беспорядки, чтобы иметь повод вызвать войско. Он выдал, например, части рабочих 100 руб. на водку, якобы для того, чтобы привлечь их на свою сторону. Те приняли деньги, напились и стали громить фабрику. Вытребованы были солдаты. Однако, до применения оружия дело не дошло, потому что сознательным рабочим в конце концов удалось взять верх над массой и успокоить ее. Стачка продолжалась больше недели. К рабочим Хлудовской мануфактуры присоединились рабочие почти всех остальных расположенных в Егорьевске фабрик. Правда, успех был лишь частичный, так как далеко не все требования были удовлетворены, тем не менее эта стачка имела громадное агитационное значение. Она показала, что в интересах самих предпринимателей превращать мирную стачку в буйный погром, так как с ним легко справиться при помощи вооруженной силы, которую наше правительство всегда очень охотно предоставляет к услугам предпринимателей.

Еще более, в агитационном смысле, была использована стачка на Большой мануфактуре Корзинкина, в Ярославле, в начале 1895 г. Там погрома никакого не произошло, и настроение у всех рабочих было самое мирное. Старики-рабочие, окончательно выведенные из себя голодными заработками, невероятно жестокой системой штрафов и целым рядом фактов самой грубой эксплуатации, после тщетных переговоров с представителями местной власти, решили, наконец,— обратиться с жалобой и мольбой о защите к московскому генерал-губернатору, вел. князю Сергею. Составлена была телеграмма в самых лойяльных и верноподданнических выражениях, и для подачи ее губернатору была отправлена депутация из нескольких сот рабочих, преимущественно стариков и женщин. Губернатор встретил толпу просителей батальоном фанаторийского гренадерского полка, который без предупреждения приветствовал рабочих тремя залпами, уложившими на месте человек 15. Подробности этой геройской атаки стали вскоре известны по всей России, всем рабочим, благодаря опубликованному в газетах приказу по армии,

В котором державный вождь армии, Николай II, выражал „свое царское спасибо молодцам фанаторийцам за геройское усмирение бунта“. Теперь с уверенностью можно сказать, что это „усмирение бунта“ и в особенности опубликованный приказ по армии сослужили очень важную службу в деле революционирования масс, дали блестящую иллюстрацию классового характера нашего правительства. Революционерам оставалось лишь как можно шире использовать этот случай, подчеркивая и резче формулируя намеченные уже самой массой выводы из него. К тому же, правительство и тут поспешило помочь социалдемократам. Сейчас же после „усмирения бунта“ значительная часть рабочих Корзинкинской мануфактуры была административным порядком выслана на родину, откуда они, конечно, разбрелись по всем концам России. Эти то очевидцы геройского подвига фанаторийцев в устной беседе, просто пересказывая ход разыгравшейся в Ярославле драмы, явились лучшими разоблачителями истинного характера нашего правительства.

Вообще, нужно отдать справедливость русскому правительству, что с самого возникновения у нас социалдемократического движения оно все время оказывало ему неопенимые услуги. Оно всегда самым трогательным образом заботилось о том, чтобы социалдемократы не оставались голословными, отвлеченными теоретиками; всякое проповедуемое ими положение оно старалось немедленно иллюстрировать живыми фактами. Оно помогало также и распространению идей социалдемократов вширь. При помощи высылки интеллигентов-марксистов из столицы, оно создало социалдемократическое движение в Нижнем, Екатеринославе, Саратове, Орле и других городах. Принявшись же за высылку стачечников-рабочих, оно заносило семена пропаганды в такие места, где без его помощи долго еще нельзя было бы рассчитывать на возможность завести связи с массой. Уже в 1895 году высланные из Москвы за стачку рабочие начали усиленную пропаганду социалдемократических идей среди крестьянства. Высылая, кроме того, отдельных членов кружков в различные города, правительство тем самым способствовало также и революционной связи этих городов между собой, помогало превращению движения из местного во все-русское.

Массовые репрессии по отношению к рабочим, в виде массовых высылки их во внутренние губернии России, начались прежде всего в Западном крае. Таким образом сознательные социалдемократы—польские рабочие попадают всюду, неся с собой живые традиции и практику уже развившегося рабочего движения и сильно способствуя проникновению

в широкие массы социал-демократических идей. Прежде всего они наглядно иллюстрируют идею об интернациональном характере движения. Польские рабочие эксплуатируются так же, как и русские. Как там, так и тут степень эксплуатации зависит исключительно от степени отпора, который в состоянии противопоставить рабочие. Выселение или, вернее, переселение рабочих с одного места на другое способствовало также усвоению проводимой социал-демократами мысли, что плохие условия жизни рабочего не зависят от злой воли отдельного фабриканта, отдельных представителей власти, и причину их следует искать глубже, в самом общественном строе, во всей государственной системе.

Благодаря всем этим обстоятельствам социал-демократическое движение естественно начинает выходить за пределы отдельного города, организации связываются друг с другом. Москва уже в 1894 г. поддерживает сношения с Петербургом, Нижним, Екатеринославом, Тулой, Вильной, Иваново-Вознесенском, Ковровым, Минском и Дерптом. Все эти организации обмениваются друг с другом своим опытом, литературой, передают личные связи. Правда, связь между ними более или менее случайная, непостоянная, основанная в большинстве случаев на личных знакомствах; общая осведомленность действует очень плохо, вследствие чего, например, нередко случается, что одно и то же предприятие, в ущерб экономии сил, затевается одновременно в различных местах. Так это было с переводом и изданием Эрфуртской программы, „Изложения теории Маркса“ Каутского, „Женщины и социализм“ Бебеля, „Революция 48 года в Германии“ Блосса, Антидюринга, „Гражданской войны“ Маркса, „Происхождение семьи и собственности“ Энгельса и других капитальных произведений западных социал-демократов. Известие о том, что „Эрфуртская программа“ напечатана за границей, например, было получено лишь после того, как она была переведена в Москве и с громадной затратой сил и средств издана на гектографе.

Заграничные социал-демократы вообще в это время оказываются совсем почти отрезанными от работающих в России. Группа „Освобождение Труда“ хотя и издает литературу, но литература эта не всегда отвечает назревшей потребности более широких слоев рабочих. Агитационные брошюры, вроде речи Алексева, Варлена, Четырех речей петербургских рабочих и т. п. читаются с жаром, производят сильное впечатление, но их одних недостаточно. Выходящий за границу „Социал-демократ“ в Россию почти не попадает. Не попадает в руки рабочих и изданный за границей Дикштейн „Кто чем живет“, хотя спрос на него громадный, и каждой почти ор-

ганизации приходится издавать его на гектографе. Вместо нужной литературы в нелегальный заграничный транспорт попадают часто совершенно никуда негодные вещи, вроде изданных несколько лет тому назад бюллетеней, старых народовольческих листков и т. п. Русские эмигранты, по мнению работающих в России, многое могли бы сделать; у них есть знания, досуг, возможность издавать, и они могли бы создать необходимую для массового распространения литературу, что было совершенно не по силам работникам на местах. Но, очевидно, вследствие своей оторванности от России, заграничные товарищи не поняли нового массового характера движения. И вот, из Москвы и Петербурга за границу к группе „Освобождение Труда“ отправляются представители местных организаций со специальной целью познакомить эмигрантов с настроением в России, с новой формой движения, совершенно им неизвестной, с новой уже фактически выступившей на политическую арену массовой силой, с ее потребностями и со способами удовлетворения этих потребностей¹⁾.

С эту же целью Московская организация поручает своему делегату об'ехать перед отъездом за границу все наиболее важные пункты движения, чтобы лично переговорить с местными работниками, собрать на местах весь приобретенный опыт и выяснить все назревшие потребности. Кроме того, он должен был отвезти им несколько рукописей—оригинальных и переводных, чтобы напечатать их за границей. Это были все рукописи, уже циркулировавшие среди московских рабочих²⁾. Поездка московского делегата не привела, однако, к тем результатам, на которые рассчитывали пославшие его. Члены группы „Освобождение Труда“ не поняли, что, собственно, от них требуется, и литературы, в которой в то время так нуждались русские работники, из-за границы не дали. Только одна рукопись из всех посланных из Москвы вернулась в напечатанном виде: это был переделанный с польского „Рабочий день“.

Отправляя человека за литературой за границу, организации в то же время употребляли все усилия, чтобы улучшить производство местной литературы. Гектограф уже не в состоянии удовлетворить разросшейся потребности, его заменяет mimeограф, а кой-где удается даже поставить и ручную типографию. Первый печатный листок, выпущенный

¹⁾ Из Петербурга поехал т. Ленин, из Москвы т. Спonti.

²⁾ В том числе: Ленина. „Что такое друзья народа“. Винокурова. „На смерть Александра Третьего“. Лядова. „Как крестьянин и кустарь в фабричного рабочего превратился“. Лядова. „Кой что о женщине работнице“. Круковского. „Четыре беседы по политэкономии“. Лядовская переделка Лафарга „Религия Капитала“.

в Москве в конце 1894 г., производит колоссальное впечатление. Теперь уже можно было быть уверенным, что листок прочтет и малограмотный рабочий. Но как ни улучшалась техника производства литературы, она все-таки далеко отставала от все расширявшегося спроса. Организации оказываются слишком слабыми: у них прежде всего нет денег. Надо заметить, что в этом пункте, т. е. в вопросе о добывании средств, резче всего сказалось различие между первыми социал-демократическими организациями и интеллигентскими революционными партиями старого и нового времени. У последних всегда имелись связи с „обществом“. Либералы, как бы трусливы они не были, всегда считали своим долгом поддерживать революционеров материальными средствами. Как бы крайни не были взгляды революционеров, либералы все же видели в них выразителей своих собственных „бредней“ и смотрели на них, как на „детей“, которым так и подobaет увлекаться крайними идеями; но в то же время они не теряли уверенности, что рано или поздно эти „дети“ станут „отцами“, т. е. такими же солидными либералами, как и они сами. И они помогали „детям“, помогали, тая в глубине души смутную надежду, что если „дети“ и добьются какого-нибудь ограничения политического произвола, то плодами их победы воспользуются они же, „отцы“. Точней говоря, либералы помогали интеллигентским политическим партиям, несмотря на их социалистическую окраску, потому что интеллигентский утопический социализм, не внушал им большого опасения, политические же идеалы этих социалистов не противоречили идеалам либералов и не шли дальше их собственных вождедений.

Совсем иное дело социал-демократическое движение. Здесь вопрос шел не о стихийном движении масс под руководством „социалистической“ внеклассовой интеллигенции, а о воспитании самосознания этих масс и подготовке ее активного, сознательного выступления. Воспитать же сознание этой массы можно было лишь выясняя положение различных классов, раскрывая классовый характер требований и вождедений каждой группы населения, в том числе и либералов. Либералов социал-демократы не щадили; с самого начала они выступали против них на каждой вечеринке, на каждой студенческой сходке. Понятно поэтому, что при таких условиях трудно было рассчитывать на какую-нибудь материальную поддержку со стороны либеральной буржуазии.

А между тем нужда в деньгах была страшная. Из-за денег иногда останавливалась типография, не на что бывало купить бумагу, нанять конспиративную квартиру. Недостаток в деньгах нередко также бывал причиной провалов. Так, про

вал первой московской типографии, несомненно, произошел от того, что, благодаря отсутствию средств, организация не имела возможности во-время переменить квартиру, на которой стоял типографский станок, и о которой было известно, что она прослежена полицией¹⁾. С вопросом о деньгах, кроме того, был тесно связан еще один очень важный вопрос, это вопрос о выписке и выпуске литературы; а между тем, единственным денежным источником в то время были членские взносы, урезывание личных потребностей, да какие-нибудь ничтожные финансовые операции, вроде лотерей, перепродажи книг и т. п. Недостаток литературы, само собой разумеется, должен был восполняться усилением устной агитации, при которой все чаще и чаще приходилось игнорировать конспиративные правила первых времен кружковой деятельности.

Если раньше кружки составлялись по строгому выбору лично знакомых друг с другом рабочих, то теперь нередко были случаи, когда агитаторы шли ко всем рабочим, например, в спальни фабричных казарм. С той же целью устраивались массовые сходки на гуляньях, а также нечто вроде рабочих клубов, какими являлись, например, ресторан „Россия“ в Одессе и Аненгофская роща в Москве. Во время стачек или даже волнений среди рабочих социал-демократические агитаторы обращаются уже непосредственно ко всей массе рабочих. Так, в Раменской мануфактуре под Москвой на Пасхе оратор говорит сначала в битком набитом трактире а затем, когда трактир оказывается не в состоянии вместить всех желающих слушать, собрание переносится в лес. Патрули охраняют собрание от фабричных хозяев, рабочие же пропускаются все.

ГЛАВА XI.

30 апреля 1895 года Московская организация решается, наконец, произвести смотр организованным рабочим и сообща отпраздновать впервые 1-ое мая. До того 1-ое мая праздновалось в России (не считая Польши) лишь в Петербурге в 91 г.²⁾ и в Вильне—в 92 г. В обоих этих случаях празднование носило чисто кружковой, строго законспирированный характер. Были созваны все более или менее сознательные кружковые рабочие—в Петербурге человек 200, в Вильне человек 100. Это был своего рода экзамен, годичный торжественный акт для прошедших социал-демократическую школу рабочих. И надо отдать справедливость, что говорившие на

¹⁾ С первой московской типографией арестованы были П. Дурново, Петрова, Бр. Масленниковы.

²⁾ Празднование организовал кружок Бруснева, Красина, Афанасьевы, Шелгунов, Бабушкин, Норинский.

этих двух маевках рабочие доказали, что русский пролетариат в состоянии выделить из своей среды свою собственную интеллигенцию. Сознательные рабочие показали, что они понимают, каким могучим орудием в их руках является знание. Наше „оружие“—говорил один из петербургских ораторов ¹⁾— есть знание исторических законов развития человечества; нам стоит только этим вооружить себя, тогда мы всюду победим врага; никакие его притеснения и высылки на родину, заточение нас в тюрьмы и даже высылка в Сибирь не отнимут у нас этого оружия. Мы всюду найдем поле победы, всюду будем передавать свое знание: на родине своим крестьянам, а в тюрьмах будем объяснять арестантам, что они тоже люди и имеют все человеческие права, чтобы они сознавали эти права, передавали свои знания другим и организовали их в группы. „В этом залог нашего успеха!“ ²⁾.

„... Успех развития и организации рабочих зависит исключительно от наших знаний и нашей энергии“ ³⁾,—добавляет другой оратор-рабочий.

Рабочие, говорившие на петербургской маевке, прекрасно понимают также, что без сознательных руководителей, вышедших из рабочей среды, невозможно подойти к массе; а таких руководителей должна дать работа в кружках. Считая, что „в настоящее время нам (социал-демократам) остается только возможность заняться развитием и организацией рабочих“, т. е. чисто кружковой работой, они в тоже время сознают, что скоро наступит время, когда им придется свои знания претворить в дело и приступить к активной борьбе за замену „существующего экономического строя, дающего широкий простор для произвольной кулаческой эксплуатации, на более лучший и справедливый строй“ ⁴⁾. Петербургские рабочие уже знают, что путь к социализму ведет через борьбу с произволом, борьбу за политические права. В одной из речей намечается уже целая социал-демократическая программа—*minimum* ⁵⁾. Итак, русский пролетариат в лице петербургских рабочих уже в 91 году блестяще сдал свой кружковой экзамен. Московская маевка ⁶⁾ 95 года должна была служить как бы экзаменом в старший класс. Ей пришлось подвести итог двухлетней агитационной работе московской организации. По замыслу организаторов эта маевка должна

¹⁾ А. Бабушкин.

²⁾ Первое мая 1891 г. Четыре речи рабочих. Женева, 1892. Стр. 1—2.

³⁾ Там же. Стр. 13.

⁴⁾ Там же. Стр. 8.

⁵⁾ Там же. Стр. 8—10.

⁶⁾ Организовали ее Лядов, Поляков, Бойе, Хозицкой, Муралова, Дурново, Карпузи.

была уже носить массовой характер и явиться официальным праздником московского пролетариата. Все более или менее затронутые пропагандой и агитацией рабочие были заранее извещены о предполагаемом праздновании 1-го мая; по всем заводам широко разбрасывались первомайские листки. Предложение ознаменовать этот день забастовкой отклоняется лишь потому, что полиции тогда будет очень легко выловить всех сознательных рабочих; надежды же на то, что к забастовке пристанет вся масса рабочих, у организации не было. Ввиду этого постановлено было день празднования перенести на воскресенье. Чтобы избежать риска общего провала, на „маевку“ решено было идти не всем, а лишь несколькими человекам с каждой фабрики или мастерской, по выбору организованных. Организация употребила все усилия, чтобы ни время, ни место собрания не были заранее известны полиции. И в самом деле, хотя полиция знала, что предполагается маевка, а „шпики“ старательно рыскали за всеми наиболее замеченными интеллигентами и рабочими, пронюхать ей так ничего и не удалось.

На маевку собралось свыше 250 рабочих, представлявших до тридцати фабрик и заводов; интеллигентов было человек пять. За городом провели целый день; там раздавались прокламации трех родов, и говорились речи резко-политического характера; а затем вечером, с пением марсельезы и „Дубинушки“, всей компанией вернулись в город. Эта официальная маевка 30 апреля должна была служить прелюдией к настоящей массовой маевке. На следующий день, 1-го мая на всех гуляньях—в Сокольниках, у Новодевичьего монастыря и т. д. рабочие кучками слушали рассказы тех, кто присутствовал на маевке, и читали листки, розданные на празднике.

Слух о маевке немедленно разошелся буквально по всему рабочему населению Москвы. О том, какое сильное впечатление произвел первый майский праздник, можно судить хотя бы по следующему примеру. Один старик-рабочий из мастерских Московско-Курской ж. д., вернувшись с праздника, созвал у себя соседей и всю свою многочисленную семью, велел одному из внуков прочесть вслух листок—сам он был неграмотный—и затем со слезами на глазах стал сравнивать этот листок с манифестом 19 февраля. «Тогда царь дал волю крестьянам, но воля та только называлась волей. Ничего мы не получили: землю нашу отняли, а сами мы из крепостных помещика стали крепостными хозяина. Вот сегодня нас зовут самих воевать за волю, и она будет уж крепче той; сами мы добудем ее. Я хорошо помню, как читали нам царский манифест. Порадовались мы тогда—не понимали; только

такой радости, как сегодня, я не упомяну. Великое дело, когда понимаешь, что тебе делать нужно, чего добиваться. А мы сегодня все поняли. Наше это дело, будем стойко бороться. Пусть каждый, кто понял, скажет всем... пояснит, и другие поймут. Наше кровное это дело!"

На маевке было единогласно принято решение немедленно же приступить к осуществлению самой широкой организации. Проект организации был выработан центральной группой, а затем постепенно обсуждался и принимался на целом ряде собраний всеми сознательными рабочими. В этом проекте уже резко подчеркивается политический характер организации, она должна служить зародышем будущей политической партии. Относительно касс постановляется, что они должны быть фабричными, а не разделяться по профессиям. На этом особенно настаивали представители хуже оплачиваемого труда, в особенности ткачи и прядильщики; они указывали, что рабочие лучше оплачиваемых профессий должны помогать своим хуже оплачиваемым товарищам. Решено было взаимопомощь отодвинуть на задний план и пользоваться ею лишь, как агитационным средством, главная же цель касс должна быть боевая. Они должны доставлять средства на приобретение литературы, на помощь арестованным и потерявшим работу, на агитацию, на стачечный фонд, и только остатки от всех этих сумм могут идти на оказание поддержки рабочим в других случаях. Последовательно проводилась мысль, что руководство движением должно принадлежать лишь вполне сознательным товарищам—безразлично, рабочим или интеллигентам. Предложение одного из авторов устава дать интеллигентам лишь совещательный голос было единогласно отклонено всеми рабочими.

Организация приняла название „Московского рабочего союза“¹⁾, но по всему своему характеру, по своим задачам и по способу выполнения этих задач это был не только „рабочий“ союз, а вполне „социал-демократический“ союз. Правда, слово „социалдемократический“ было опущено сознательно, но не потому, что организаторы союза желали сузить свои задачи, скрыть на время свой социалдемократический характер, а исключительно потому, что были убеждены, что пропагандировать известную идею во всей ее широте можно и без употребления слов, могущих отпугнуть бессознательную массу. Московские социал-демократы 95 года считали обязательным для себя с самого начала вести на ряду с широкой экономической и политической, а также социалистическую агитацию; но вся предыдущая агитационная практика пока-

¹⁾ Т. е. фактически санкционировала уже существующий с 1893 г. союз

зала им, что для успешности агитации выяснение идеи должно предшествовать усвоению определенных выражений, определенной терминологии. Не упоминая, например, ни слова о республике, ограничиваясь лишь критикой существующего монархического строя и обличением его порядков, удавалось в самый короткий срок выработать из слушателей убежденных республиканцев. Без всякого упоминания о боге или религии, одним лишь выяснением господствующих общественных отношений агитаторам нередко случалось превращать даже самых закоренелых раскольников-старообрядцев в убежденнейших атеистов. „Наши листки,—говорит С. М.,—всегда встречали горячий интерес в самой серой массе; они были для нее понятны и касались ее наболевших нужд. Благодаря нашей тактике, успешно достигалась и цель политического воспитания. Один пример развития политического и религиозного сознания, достигнутого тем, что мы начинали с экономики, я приведу здесь. Один рабочий говорил мне, что наша тактика сравнительно с прежней народолюбческой скорее приводит к цели—развития политического сознания у рабочего“.—„Несколько лет тому назад,—рассказывал он,—жил я в Туле на оружейном заводе; там один рабочий стал мне говорить, что царя не надо, бога нет. Я слушал-слушал его. да как дам ему по роже, да и ушел от него; а вот как я прочел ваши листки, то я понял все правильно и о царе и о боге“. Другой рабочий прочитал брошюру Плеханова—„8-ми часовой рабочий день“, в которой очень мало говорится о политике, и после ее прочтения тоже стал высказывать самым резким образом республиканские взгляды, и подобных примеров было много“¹⁾.

Желание не навязывать рабочим непонятную терминологию, а выяснять самую сущность понятий заставляло революционеров-социалдемократов употреблять более скромные организационные ярлыки. И этот факт наблюдается не только в одной Москве. В Петербурге, Киеве, Одессе, Екатеринославе, Вильне в этот период в названиях организаций точно так же, как и в названиях, выпущенных или предполагаемых к выпуску органов, мы нигде почти не встречаем эпитета „социалистический“ или „социал-демократический“, всюду преобладает эпитет „рабочий“.

Исходя из этого, Акимов считает возможным бросить упрек деятелям последующего (искровского) периода, что они „даже в именах своих изданий постарались отграничить себя от „чисто рабочего“ дела“²⁾. Но этими словами Аки-

¹⁾ „Текущий момент“, „На заре раб. движ. в Москве“, стр. 12

²⁾ Очерки разв. соц.-демократии в России, стр. 95, примеч.

мов только лишний раз доказал свое полное непонимание, как „чисто рабочего“, так и социал-демократического дела в особенности. Деятели первого периода социал-демократической работы, каковым мы считаем время с начала агитации приблизительно до 1897 г.,—вели агитацию социал-демократическую (а не только „чисто рабочую“), и с благоговением относились к тому, что подразумевается под словом „социал-демократ“, большинство же деятелей следующего периода (самым типичным хранителем традиций которого Акимов остался и до сих пор), всуе упоминая эпитет „социал-демократический“, на самом деле вели лишь „чисто рабочую“, т. е. тред-юнионистскую деятельность, которую они наивно смешивали с социал-демократической. Но об этом речь будет еще впереди.

Мы остановились на Московской организации более подробно, потому что считаем ее самой типичной для первого периода социал-демократической работы. Движению в Москве, особенно благоприятствовало то обстоятельство, что в течение трех лет работу здесь вела одна и та же группа интеллигентов и передовых рабочих. Эта группа начала свою деятельность с кружков и довела ее до широкой массовой агитации и попытки организовать всю поднятую агитацией массу. В том же духе велась работа и во всех остальных местах России. Правда, не всюду удавалось совершить весь путь, пройденный в эти годы Москвой, но намечен он был везде один и тот же: развить классовое сознание рабочих масс и организовать распропагандированных рабочих. Развитие социал-демократической мысли шло параллельно с ростом стихийного рабочего движения. Каждый из этих двух факторов влиял на другого, и сам подвергался его воздействию.

Под влиянием стихийной борьбы рабочих на почве экономических нужд, кабинетный марксизм превратился в социалдемократизм; в свою очередь социал-демократические идеи, попав на благотворную почву страшного гнета, в котором жил рабочий класс, в значительной мере способствовали превращению стихийного искания выхода из этого угнетенного положения, которое нередко принимало самые уродливые формы (в роде погромов, фабричных бунтов и т. п.), в сознательное, организованное стачечное движение. „В это время (95 г.)—читаем мы в брошюре „Рабочее движение в Иваново-Вознесенском районе“—среди ивановских рабочих (ткачей) еще существовала деревенская вера, что есть высшее начальство, которое покарает и казаков, и губернатора за устроенное ими побоище. Среди некоторых групп рабочих подымался вопрос об отправке жалобы к московскому генерал-губернатору, даже

были намечены депутаты, но эта попытка не осуществилась. Через два года после этой стачки не было даже разговора о каких-либо генерал-губернаторах или великих князьях, как о защитниках рабочих. Ивановцы уже доросли до мысли, что против их врагов—фабрикантов у них нет защитников, ибо на законные и справедливые требования рабочих правительство всегда отвечает прикладом, нагайками и пулями¹⁾.

„До последнего времени—говорит другая брошюра „Рабочее движение в Екатеринославе“—рабочее движение в городе Екатеринославе носило чисто стихийный характер. Будучи явлением последних 2—3 лет, это движение еще не успело создать передового слоя рабочей интеллигенции, который мог бы взять на себя организацию рабочей массы на борьбу против эксплуататоров и руководство этой борьбой. Между тем, алчность наших южных горнопромышленников не знает пределов. Миллионные дивиденды создаются путем обсчитывания темных и невежественных рабочих, путем громадных штрафов, смешения поденной и поштучной платы и тому подобными уловками. Неудивительно, если при таких условиях столкновения между рабочими и администрацией заводов нередко сопровождаются убийствами, поджогами, разрушением машин и зданий. И лишь за последнее время, под влиянием пропаганды и агитации социал-демократической рабочей интеллигенции, эта борьба начинает принимать все более сознательный и организованный характер“²⁾.

Уже стачка в Порту в Петербурге, стачки на машиностроительных заводах в Москве, Виленская стачка поражают своей выдержанностью, мирным, но энергичным отстаиванием своих интересов; это уже стачки наступательные, стачки за улучшение своего положения, стачки против попиранья своего человеческого достоинства.

Сознательное стачечное движение достигло своего апогея весной 1896 г., когда в Петербурге сразу, как один человек, забастовали около 40 тысяч рабочих и продержались свыше трех недель. Эти 40 тысяч рабочих выступили не только для того, чтобы улучшить свое собственное положение: в них уже есть сознание, что они борются за улучшение положения всего рабочего класса. И это сознание является несомненным результатом предыдущей работы социал-демократов³⁾.

¹⁾ Женева, 1900 г. Стр. 17.

²⁾ Женева. 1900 г. Стр. 2. Здесь работу начали Мунблит Григорий Мандельштам, Лейтейзен (Линдов), А. Н. Винокуров и рабочие Кац, Файн, Мазанов, Смирнов.

³⁾ Руководил работой В. И. Ульянов, работали Мартов, Крупская, Радченко, Щелгунов, Бабушкин, Норинский, Фишер, Крыжановский, Ванеев, Запорожец и др.

„Усилия петербургских социал-демократов, — как сообщают в 96 году русские делегаты Лондонскому международному социалистическому конгрессу,—не пропали даром: брошенные семена дали богатую жатву. В среде рабочих создалась атмосфера, насыщенная духом недовольства и протеста. При таких-то условиях возникла и разрослась колоссальная (на русскую мерку) стачка почти всех петербургских бумагопрядилен,—стачка, сыгравшая крупнейшую роль в истории не только петербургского, но и всего русского рабочего движения.

Как известно, русские промышленники, не без приятности приютившиеся под сенью русской протекционной системы, все, без исключения, „патриоты своего отечества“, пользующиеся всякой оказией для выражения своих верноподданнических чувств. „Патриотами“ явились они и во время недавних коронационных торжеств. Их „патриотизм“, однако, быстро изсяк, когда дело дошло до реальных, хотя и незначительных жертв, когда дело коснулось их туго набитого кошелька. Почтенные представители русской промышленности, по крайней мере, многие из них, наотрез отказались удовлетворить требования рабочих, настаивавших на получении платы за коронационные дни, которые они „прогуляли“ не по собственной вине. Такой отказ получили, между прочим, рабочие, так называемой, Екатерингофской мануфактуры, расположенной на одной из окраин Петербурга. Рабочие этой мануфактуры обратились за помощью к другим бумагопрядильням и послали к ним своих делегатов. Рабочие целого ряда бумагопрядилен горячо отозвались на этот призыв; было постановлено представителям разных фабрик собраться на сходку и формулировать общие для всех бумагопрядилен требования. В конце мая состоялось в Екатерингофском парке собрание делегатов; присутствовало на нем человек сто—явление совершенно необычайное для Петербурга и поражающее всякого, хотя немного знакомого с полицейским режимом русского государства. На этой сходке под открытым небом были выставлены общие требования всех занятых в бумагопрядильнях рабочих; они были затем формулированы в прокламации, изданной „Союзом“ и распространенной в огромном количестве по всему Петербургу. Затем началась стачка.

Приводим текст этой прокламации, подписанной „Союзом“ 30 мая и озаглавленной:

„ЧЕГО ТРЕБУЮТ РАБОЧИЕ ПЕТЕРБУРГСКИХ БУМАГОПРЯДИЛЕН“.

Мы хотим,

1. Чтобы рабочий день у нас везде продолжался от 7 час. утра до 7 час. вечера, вместо теперешних от 6 ч. утра до 8 ч. вечера;

2. Чтобы обеденное время длилось полтора часа и, таким образом, весь рабочий день продолжался $10\frac{1}{2}$ час., вместо 12.
3. Чтобы расценки везде были повышены на одну копейку и, где можно, на две коп. против нынешних;
4. Чтобы шабашили по субботам везде одновременно в 2 ч с ;
5. Чтобы хозяева самовольно не останавливали машин и не пускали их в ход раньше времени;
6. Чтобы заработок за первую половину месяца выдавали правильно и во время, а не оттягивали;
7. Чтобы было сполна заплачено за коронационные дни.

В течение нескольких дней стачка охватила 17 бумагопрядилен, вскоре примкнули еще 4, и, таким образом, за ничтожными исключениями, все петербургские бумагопрядильни прекратили работу. В стачку вовлечено было от 30 до 40 тысяч рабочих.

„Впечатление от стачки получилось потрясающее. Петербургское буржуазно-чиновничье общество, ошеломленное неожиданным для него явлением, задавало себе вопрос: неужели и у нас на Руси есть рабочий вопрос? Неужели и у нас проснулся беспокойный дух пролетария, не дающий спать „гнилому Западу?“ В особенности в недоумение приводило петербургского обывателя необычайное спокойствие, дисциплина забастовавшей массы рабочих. Патрули казаков и усиленные патрули полицейских передвигались в рабочих кварталах среди пустынных улиц, на которых не было даже слышно обычного шума и гама. Там, где собиралась толпа, и говорились речи, единичные призывы к насилию встречали отпор со стороны сознательных рабочих. Толпа была спокойна, когда тот или другой местный полицейский чин обращался к ней с речами, выхвалявшими заслуги фабрикантов, якобы в поте лица своего трудящихся на общую пользу. Изумленный Петербург в первый раз заговорил о рабочем движении: стачку обсуждали, ее защищали, на нее нападали, о ней толковали все, она у всех была на устах, даже у тех, кому впервые приходилось обращать внимание на подобного рода вопросы. А представители власти между тем не теряли времени; созвано было экстренное собрание фабричного присутствия, на котором обсуждался вопрос, что делать: министр финансов конфиденциально сообщил фабрикантам о готовности правительства поддержать их; градоначальник обращался к рабочим с печатными воззваниями, тон которых заметно понижался по мере того, как стачка затягивалась, а рабочие продолжали сохранять спокойствие, на зло и удивление полиции. Положение становилось угрожающим. Стаечное настроение заразительно. Ходили слухи, что рабочие Путиловского и некоторых других металлических заводов не сегодня—завтра бросят работу,—а это было равносильно увеличению

числа стачечников еще на несколько десятков тысяч. На писчебумажной фабрике Варгунина было беспокойно. На Александровском чугунном заводе рабочие уже забастовали; но начальство поспешило их успокоить, пообещав выполнить их требования. На огромной резиновой мануфактуре ходили листки, вызывая волнение. Нужно было покончить со стачкой, во что бы то ни стало. Тем более что—неслыханное дело!—из-за стачки сам царь откладывал свой торжественный въезд в Петербург¹⁾.

Сознание, что петербургские рабочие борются за улучшение положения всего рабочего класса, заставило многих рабочих пойти на помощь своим борющимся товарищам. Помощь выражалась в отчислениях из заработков на поддержку стачечников. Такие отчисления и сборы в пользу петербуржцев происходили повсюду, где только имелись организации, и где только этим организациям было известно о стачке—газетам было строго запрещено сообщать о забастовке какие бы то ни было сведения, и правительственное сообщение о ней появилось лишь после ее окончания. Московский союз выпустил, например, в это время две прокламации, в которых приглашал московских рабочих оказать товарищескую поддержку своим петербургским братьям, борющимся за интересы всего рабочего класса в России.

Характерны также стачки железнодорожников в Москве, которые тоже совпали с коронационным временем²⁾. Выбор момента стачки и включение в число требований—требований уплаты за коронационные дни придавали этим стачкам характер политического протеста. Распоряжение министра путей сообщения немедленно удовлетворить все требования рабочих (волновались главным образом мастерские) показало, что и само правительство поняло политический характер волнений и поспешило уступками заглушить протест в зародыше. Когда-нибудь из архивов департамента полиции будут извлечены показания рабочих, массами попавших в 95—96 г. в тюрьму, и из этих показаний можно будет увидеть, насколько тогдашние рабочие проникнуты были социал-демократическим сознанием, и как ясна для них уже тогда была связь между политикой и экономикой.

В Москве во время летних провалов 95 года была захвачена почти вся организация, в том числе все интеллигенты и самые передовые рабочие. Но, несмотря на это, рабочие, у которых совершенно порвалась всякая связь с интеллиген-

¹⁾ Доклад русск. соц.-дем.—ов Междун. раб. соц. конгр. в Лондоне в 1896 г. Изд. „Союза русск. с.-д.“. Женева. Стр. 10—13.

²⁾ Руководила работой группа Колокольникова.

цией, и которые совершенно лишены были поэтому возможности добывать нелегальную литературу, все же продолжают революционную работу: сами пишут листки, сами печатают их в легальных типографиях и тысячами распространяют по Москве и окрестностям, устраивают, наконец, сходки, на которых присутствует по несколько сот человек. Оставшиеся без интеллигентных руководителей рабочие не меняют тактики, не отказываются от „политики“. В своих прокламациях и на сходках они продолжают вести, как экономическую, так и политическую агитацию. Этот факт показывает, что работа социал-демократов не пропала даром и постановка ее не была искусственной. Идея необходимости политической борьбы отлично привилась в рабочей среде, по крайней мере, в тех ее слоях, которые были вовлечены в круг агитационной деятельности социал-демократов. „Как на яркий признак пробуждения сознания русского рабочего класса — говорится в докладе русских делегатов Лондонскому конгрессу — укажем, наконец, на тот интерес, с которым читаются нашими рабочими все попадающие в русские газеты известия о движении западно-европейского пролетариата; на празднование первого мая, которое происходит на тайных собраниях русских рабочих, и на те приветствия, с которыми рабочие Петербурга и Москвы обратились в нынешнем году к французскому пролетариату по поводу празднования памяти Парижской Коммуны. На общей могиле борцов Коммуны, на кладбище Père-Lachaise, между другими многочисленными венками были также венки от русских рабочих Москвы и Петербурга и от еврейских рабочих организаций западной России“¹⁾. Конечно, что касается широкой массы рабочих, то она, хотя и набрасывается с жаром на социал-демократическую литературу, но понять все, о чем говорится в выпускаемых социал-демократами листках и прокламациях она далеко еще не может; она вылавливает из них лишь то, что является для нее или, верней, кажется ей наиболее близким

Как мы уже указывали, с переходом к широкой массовой агитации социал-демократы все были согласны между собой в том, что агитация эта должна исходить из ближайших нужд данных рабочих. В этом отношении, несмотря на оторванность и разобщенность первых социал-демократических организаций, царило полное единодушие. Ни с принципиальной, ни с тактической точки зрения разногласий между работавшими в Москве, Петербурге, Екатеринославе, Одессе, Нижнем и других местах не было. Задача и план ее выпол-

¹⁾ Докл. рус. соц.-дем. Междунар. раб. соц. конгрессу в Лондоне в 1896 г. Стр. 20.

нения у всех были одни и те же; вопрос мог быть лишь в способе проведения плана.

Массовое движение рабочих, эпидемия забастовок, их организованный сознательный характер, слухи о громадных сходках, о праздновании первого мая, наконец, литература, в особенности местная агитационная литература— все это заставило наше правительство обратить усиленное внимание на рабочих. В рабочую среду отправляются целые кадры шпионов, которые появляются всюду: на фабриках, на заводах, в трактирах, на гуляньях, пролезают даже в кружки и на сходки. Но главные усилия жандармов направляются прежде всего на интеллигентов. В городах марксисты наперечет; они известны департаменту полиции по прежним выступлениям на студенческих и других интеллигентских вечеринках. Их арестовывают, при чем прежде всего попадают не приставшие к активной работе марксисты-теоретики, а потом уже и более опытные в конспирации практики—социал-демократы.

С 95 года начинаются массовые аресты социал-демократов в Варшаве, Лодзи, Москве, Петербурге, Иваново-Вознесенске, Нижнем, Екатеринославе, Одессе, Вильне, Белостоке, Самаре. Аресты эти продолжаются почти непрерывно. Арестовывается масса рабочих, а среди них в первую голову самые сознательные, самые активные. Громадное большинство социал-демократов „первого призыва“ оказывается в тюрьме ¹⁾. Жандармы и прокуроры хвастают, что им удалось в корне задушить все социал-демократическое движение, но при этом они с удивлением констатируют, что с рабочим движением справиться было не так-то легко. На допросах московский товарищ прокурора Лопухин ²⁾ признавался, что, приступая к дознанию, он и не предполагал, что социал-демократы, несмотря на существование усиленного сыска, так много успели сделать. Его поражала также высокая степень развития простых рабочих; некоторых он даже заподозрил в том, что они интеллигенты, скрывающиеся под видом рабочих. Несомненно,

1) С 94 по 96 г. возбуждается 726 политических дел; по этим делам к ответственности привлекаются 3.531 лицо. Это число вошли лишь те лица, которые подвергались взысканию, в так наз., судебно-административном порядке; масса же рабочих, высланных за это время в Сибирь, сев. губернии и на родину полицейско-административным или охранным порядком, сюда не вошла.

2) Впоследствии директор деп. полиции при Плеве. Здесь, вообще, следует заметить, что правительство щедро вознаградило всех тех шпионов, прокуроров и жандармов, которые вели первые социал-демократические дела. Укажем хотя бы, например на Зубатова, Лопухина, Гуровича, Пирамидова, Васильева и Гандера; все они очень быстро сделали карьеру и вышли „в люди“.

мненно, однако, что правительство, которое тратило целые миллионы на организацию сыска и шпионаж, и которое почти всю Россию держало на положении усиленной охраны, все же совершенно проморгало начало массового социал-демократического движения. Когда же оно спохватилось, движение это успело уже пустить глубокие корни. Рабочий класс уже выдвинул свою собственную интеллигенцию, которая теперь вступала в спор с прокурорами и жандармами, пытавшимися доказать арестованным рабочим, что они являются лишь пушечным мясом в руках интеллигенции. „Для нас, рабочих, свобода нужна, как хлеб, как воздух“, ответил на допросе в Москве один из простых неграмотных ткачей. — „Без свободы слова, без союзов нам жить нельзя“, заявил другой ткач. — „Обвиняемые являются личностями в высшей степени подозрительными, — пишет в своем заключении прокурор Одесской судебной палаты Б. Ю. Витте, братец известного „братца“ рабочих С. Ю. Витте, — очевидно способными проявить преступную деятельность в будущем. Чернорабочие, простые каменщики по ремеслу, они видимо интересуются и занимаются вопросами, совсем несвойственными лицам этого класса и доказывающими известное опасное направление их образа мыслей“¹⁾. И за интерес к „несвойственным“ им вопросам, каменщиков на 5 лет отправляют в Восточную Сибирь.

И надо отдать справедливость компании Зубатовых, Лопухиных, Пирамидовых и других — ей удалось нанести жестокий удар социал-демократическому движению. Я подчеркиваю слово „социал-демократическому“, потому что на стихийном росте рабочего движения разгром если и отразился, то лишь в обратном смысле. Благодаря массовым арестам и последовавшим за ними массовым высылкам затронутых движением рабочих семена этого движения проникли во все места и захолустья России, всюду будили недовольство угнетенной массы и вызывали ее к протесту в виде забастовок. Но так как далеко не все из высланных в то время рабочих были настолько сознательны, чтобы, призывая к стачкам, суметь, без помощи литературы и вполне сознательных товарищей, выяснить связь между борьбой экономической и борьбой за конечные цели рабочего класса, то роль их свелась главным образом лишь к расширению и углублению стачечного, чисто-рабочего движения. В этом отношении ими сделано очень много. Заглушить разросшееся вширь рабочее движение не могла уже никакая сила в мире; оно стало неизбежным и всеми признанным фактором русской

¹⁾ „Из раб. движ. в Одессе и Николаеве“. Женева 1900 г. Стр. 8.

жизни. И это с очевидностью подтверждали все продолжавшиеся массовые провалы рабочих.

Но если, как мы видим, рабочее движение в общем не пострадало, то нельзя того же сказать о социалдемократичности этого движения. Потеряв почти всех своих руководителей, рабочее движение неминуемо должно было пойти по линии наименьшего сопротивления, далеко не всегда совпадавшей с тем путем, по которому вели движение социалдемократы. Масса рабочих видела несомненный и непосредственный успех стачечной борьбы и понимала, что успех этот, выражающийся в улучшении их положения, зависит от солидарности их выступления против капиталистов; но та цель, которой руководились социалдемократы, призывая их к этой борьбе, отодвигалась все дальше и дальше. Благодаря все еще продолжавшемуся расцвету промышленности, страшно быстрому и, казалось, нескончаемому поглощению капиталом резервной армии труда—никакая государственная сила не могла уже помочь капиталистам противостоять натиску рабочих. Постепенно вырабатывалось убеждение, что экономическое движение рабочих вовсе уж не так непримиримо с существованием политического бесправия, как это проповедывалось до сих пор.—Ведь вот, несмотря на каторжные законы против стачек, стачки все-таки продолжают, и правительство не в силах помешать этому; оно вынуждено мириться с постоянным нарушением им же самим изданных законов, потому что у него не хватает физической возможности арестовывать и ссылать всех принимающих участие в забастовках рабочих. Несмотря на каторжные законы, стачка стала почти легальным явлением русской жизни; а разве точно таким же образом нельзя легализовать необходимые для рабочего дела свободы союзов, собраний и печати? Такого рода рассуждения нередко стали раздаваться со стороны средних, вовлеченных в агитацию рабочих, упоенных стачечными победами, и в особенности после опубликования закона 2 июня 1897 г. об ограничении рабочего времени.

Введение этого закона рельефно обнаружило победу рабочих. Подъем промышленности и непрерывная горячка, повторяю, могли лишь содействовать укреплению только что приведенного взгляда. Благодаря повсеместным стачкам рабочий день сокращается далеко за пределы, установленные июньским законом, заработная плата повышается; рабочие, не удовлетворяясь этим, требуют и добиваются отмены унижающих человеческое достоинство обысков, замены грубого обращения на „ты“ более вежливым—на „вы“, изгнания любимых мастеров и т. д. Результаты победы налицо; и вот

стачка мало-по-малу приобретает значение цели самой по себе. Из одного из средств классовой агитации на почве ближайших экономических нужд за достижение конечного социалистического идеала, она превращается в единственное могучее средство улучшения положения борющихся рабочих.

После блестящего, прямо поразительного успеха социал-демократической мысли и господства ее над стихийными стремлениями рабочей массы, приблизительно с 97—98 годов начинается период приспособления социалдемократов к стихийному движению. Из руководителей массы и сознательных выразителей стремлений и настроения передовых сознательных рабочих новое поколение социалдемократов становится выразителем мало сознательных средних рабочих. „Подавление сознательности стихийностью—говорит Ленин в своей брошюре „Что делать“—произошло тоже стихийным путем. Это кажется каламбуром, но это—увы!—горькая правда. Оно произошло не путем открытой борьбы двух совершенно противоположных воззрений и победы одного над другим, а путем „вырывания“ жандармами все большего и большего числа революционеров—„стариков“ и путем все большего и большего выступления на сцену „молодых“ В. В. ¹⁾ русской социалдемократии. Всякий, кто—не скажу, участвовал в современном русском движении, а хотя бы только понюхал воздух—превосходно знает, что дело обстоит именно так“ ²⁾.

До 1895—96 года социалдемократами-руководителями были интеллигенты и рабочие, прошедшие основательную теоретическую школу в борьбе с народниками и в пропагандистских кружках, а практическую—в организации агитационной работы. Они выросли вместе с движением, и каждый шаг делался ими на основании всего предыдущего опыта, в строгом согласии с принципами научного социализма. Их же заместители были люди, только что пришедшие к движению и в большинстве случаев миновавшие строго выдержанную школу пропагандистских кружков. Свое политическое воспитание они получили в массовой агитации, из листковой и брошюрочной литературы. Медленный темп развития начала 90-х годов сменился теперь лихорадочным ростом движения. Активный работник, не успев еще стать сознательным социалдемократом, попадает в тюрьму или ссылку. Работа активного работника за очень редкими исключениями продолжается в среднем не более 3—6 месяцев. Провал следует за провалом, и после каждого из них состав организации со-

¹⁾ В. В. Воровцов—лидер оппортунистов-народников.

²⁾ Stuttgart 1902. Стр. 25—26.

вершенно меняется, а с ним вместе меняются и традиции. О последовательной, систематической работе не может быть и речи. Всем некогда заниматься теорией, некогда готовиться к практической роли руководителя. Теория оказывается в загоне, ее поглощает практика. Сознательность поглощается стихийностью. Все торопливо, лихорадочно живут лишь сегоднешним днем.

ГЛАВА XII.

Резче и последовательнее всего этот процесс поглощения сознательности стихийностью проявляется на Северо-Западе, в районе деятельности только что слагавшегося в то время „Всеобщего Еврейского Рабочего Союза в Польше и Литве“, („Бунда“). Мы уже говорили, что во всем этом районе почти совершенно отсутствует крупная фабрично-заводская промышленность, преобладает ремесленное производство. Вряд ли где-либо в другом месте земного шара можно найти более беспросветную, более безысходную нужду, чем у еврейского ремесленного пролетариата. Здесь царят самые грубые формы эксплуатации. Якобы — патриархальные отношения между еврейским богачем — предпринимателем и еврейскими рабочими только усугубляют нестерпимый гнет. К гнету экономическому, к презрению, с которым еврейская буржуазия относится к „благодетельствуемым“ ею рабочим, следует добавить еще неподдающийся никакому описанию гнет политический. Русский обыватель, вообще, не очень-то избалован гражданскими правами, и полицейский произвол, произвол всякого носящего кокарду чиновника для него вещь вполне обычная. С этим русский „гражданин“ свыкается уже, что называется, с пеленок. Но того полицейского рабства, которое свило себе гнездо в „черте еврейской оседлости“, трудно себе представить даже и бесправному обывателю центральных губерний.

Реакция 80-х годов жестоко отомстила всему еврейству за тех отдельных революционеров из его среды, которые украсили своими именами славную эпопею 70-х и начала 80-х годов. В лице Победоносцевых, Игнатьевых, Плеве и К^о она сначала натравила на евреев темную христианскую массу, организовав еврейские погромы, а затем всех их загнала в „черту оседлости“, предоставив еврейской бедноте с'едать друг друга в погоне за жалкой коркой хлеба. Масса ремесленников, которые до того кормились в крупных городах или находили себе заработок в деревнях, где они нередко являлись единственными представителями ремесла, теперь насильно скучиваются в маленьких местечках и городках. Здесь

они утрачивают свою прежнюю ремесленную самостоятельность и превращаются даже не в наемных рабочих, а сразу заполняют собой ряды громадной резервной армии безработных, готовых отдать себя в кабалу всякому, кто осчастливит их предоставлением работы и отдалит, таким образом, голодную смерть.

Что касается еврейской буржуазии, менее всех пострадавшей от еврейских погромов, то так или иначе она довольно быстро приспособляется к новым для нее условиям. Подобно тому, как это происходило в средневековом „гетто“, она за деньги покупает себе свободу и гражданские права. Гордые кокардоносцы, начиная от губернатора и кончая последним городовым или стражником, очень скоро оказываются на постоянном жалованьи у еврейских богатеев и дружно содействуют им в эксплуатации еврейской массы. Еврейское духовенство, подобно всякому духовенству вообще, становится на сторону сильного, на сторону богатых и власть имущих. Оно направляет все свои усилия на то, чтобы окончательно заглушить в без того темной еврейской массе всякую человеческую искру, всякую попытку борьбы с существующим порядком вещей. С малых лет, т.-е. чуть ли не с пятилетнего возраста, головы еврейских мальчиков подвергаются обработке в так называемых „хедерах“ (еврейских духовных школах), где им прививают восточный фатализм, надежду на бога, как на единственного вершителя человеческих судеб, и где в них с первых же шагов глушится даже самая малейшая искра протеста. Еврейские погромы, полицейский гнет, экономическое рабство,—все это вызывает в евреях одни лишь стоны, слезы, жалобы, а не желание дать отпор борясь, отомстить насильникам. Бог накажет жестоких обидчиков своего избранного народа; он же, т.-е. народ, должен терпеливо ждать, пока не придет Мессия и не выведет его из нового пленения вавилонского. И в то время, как еврейская масса, страдающая от голода и болезней, оплеванная всяким, кому только не лень, терпеливо ждала своего Мессию, еврейская буржуазия, тоже ожидавшая его прихода, спешила, не теряя времени, превращать пот и кровь своих нищих собратьев в деньги и набивала ими свои карманы.

Трудно было даже предположить, что эта жалкая, забитая порабощенная масса сможет когда-нибудь измениться, вступить на путь борьбы. С недоверием, как бы поневоле, приступили первые еврейские интеллигенты-марксисты к пропаганде среди своих соплеменников. Эти интеллигенты, подобно всем остальным евреям, также загнаны были русским правительством в черту оседлости. Сидеть, сложа руки, они не могли

и, в ожидании благоприятного случая, когда явится возможность уйти в крупные центры на настоящую работу, они занялись работой среди еврейских пролетариев.

„Первые еврейские социалдемократические кружки,—читаем мы в „Материалах к истории еврейского рабочего движения“,—возникают в Вильне приблизительно около 1887 года. Первые интеллигенты-евреи, начавшие пропаганду среди еврейских рабочих, не думают о создании специально еврейского рабочего движения. Прикованные к „черте“ и лишенные возможности приложить свои молодые силы к русскому рабочему движению, они волей-неволей начинают работать в еврейской среде, чтобы дать хоть некоторый выход жажде революционной работы. Еврейскому рабочему движению они придают второстепенное значение; глаза их обращены главным образом на русского рабочего, на которого они возлагают все свои надежды, и от которого они ждут спасения и для еврейского пролетариата. Они даже считают одной из своих главных задач—создание возможно более тесной связи между еврейским и русским рабочим движением. Пропаганду ведут на русском языке; не знающих же русского—обучают грамоте“¹⁾.

Кружковая деятельность, вопреки всем ожиданиям, пошла хорошо. Жажда знания оказалась очень сильной в еврейской бедноте. Набитые средневековым талмудистским мусором головы быстро очищаются положительными знаниями научного социализма. Кружки растут, и социалдемократы евреи начинают проникаться уверенностью в возможность постановки прочной работы среди еврейского пролетариата, который представляется им теперь благодарной почвой. Как и во всей остальной России, в первые кружки попадают главным образом сливки рабочих—рабочие, знающие русский язык, воспитанные за чертой оседлости. Характер и методы пропаганды здесь ничем не отличаются от того, что мы видели уже в других местностях России, с тою только разницей, что пропаганда в черте оседлости носит, пожалуй, более кабинетный, более догматический характер, что объясняется отсутствием здесь крупно-капиталистической промышленности. Трудов по исследованию жизни ремесленников-евреев не было вовсе, и теоретические положения марксизма приходилось поэтому иллюстрировать чуждыми примерами Западной Европы.

Вследствие вынужденного догматизма кружков, а также полнейшего отсутствия стихийного движения среди еврейских ремесленников, кружковая деятельность приняла здесь

¹⁾ Вып. 1, стр. 28.

тот мертвенный, интеллигентский характер, о котором мы упоминали уже в одной из предыдущих глав нашей работы. „Занятия ведут по старому, унаследованному от предшественников шаблону, занимаются естественной историей, географией, историей и политической экономией. Пропаганда идей научного социализма носит абстрактный характер без определенных конкретных выводов для повседневной жизни. На этой пропаганде в кружках, интеллигенция пока сосредоточивает все свои силы“¹⁾.

„92-й год может считаться началом массового рабочего движения в Зап. крае, говорит Акимов.—Непосредственным поводом для его проявления послужило, как и всегда в подобных случаях, очень мало важное событие“.

„Виленский городской голова, в пику ремесленной управе, приказал расклеить по городу об'явление, что по закону Екатерины II рабочий день должен продолжаться в ремесленных заведениях не дольше двенадцати часов. Ремесленники повсюду заговорили о сокращении рабочего дня до законных пределов, обсуждали вопрос, как бы воспользоваться этим забытым законом“²⁾.

Очень вероятно, что потребовалось такое постороннее и притом официальное вмешательство, чтобы темная, забитая еврейская масса осмелилась заговорить о восстановлении своих попранных прав. Целый ряд последующих стачек в различных профессиях начинается с требования „законного“ права на двенадцатичасовой рабочий день.

Эта стихийная стачечная борьба и послужила той почвой, на которой могло, наконец, произойти сближение сознательных социалдемократов с бессознательной массой. Но для того, чтобы проникнуть в эту массу, чтобы повлиять на нее, нужно было радикально изменить характер проповеди. Отвлеченный, кабинетный характер кружковых занятий мог быть годен для небольшого числа передовых, уже более или менее сознательных рабочих, для массовой же агитации он не годился. К массе нужно было подойти с проповедью более конкретного свойства или, вернее, с конкретным, понятным для нее предложением. Таким конкретным предложением могли явиться кассы. Они не были новостью у еврейских ремесленников: со времен цехов в целом ряде профессий сохранились еще кассы взаимопомощи подмастерьев. „Среди рабочих (еврейских),—говорит Акимов“³⁾,—изстари существовали кассы для поддержки борьбы против хозяев за улучше-

1) „Матер. к ист. евр. раб. движ.“ Вып. I. Стр. 29.

2) „Оч. разв. соц.-демократии в России“⁴⁾. Стр. 13.

3) „Оч. разв. соц.-демократии в России“⁴⁾. Стр. 15.

ние условий труда; может быть, даже эти организации ведут свое начало от времен существования в Польше и Германии цехов, в которые не принимались еврейские рабочие; по крайней мере, некоторые обычаи этих касс напоминают цехи: торжественный обряд принятия новых членов, ежегодный цеховой праздник, хранение в глубокой тайне всех дел общества. Один сведущий в этом вопросе писатель нашел в Могилеве очень старые кассовые книги, принадлежавшие организации, не допускавшей в свои члены хозяев. Один мой товарищ встретил в Житомире старую тайную организацию рабочих, которым удалось добиться значительного улучшения своего быта долгой, упорной борьбой, история которой свято хранится в преданиях; когда к ним явились пропагандисты-социалисты, они были встречены очень враждебно. В Лодзи старая профессиональная организация „Ахдус“ („солидарность“) пользовалась такой репутацией, что это имя стало нарицательным для организованных рабочих и даже вообще для всех сознательных рабочих“.

Вопреки мнению Акимова, можно с уверенностью сказать, что описываемые им кассы ничего общего с кассами борьбы не имели; это были типичные цеховые кассы на случай похорон, болезней и временной безработицы. Когда социалдемократы, в целях сближения с массой, стали проникать в эти кассы, то, как это, впрочем, указывает и сам Акимов, они встретили там отпор. И нужно было, чтобы уже началась стихийная экономическая борьба, — борьба вначале неудачная, кончившаяся поражением рабочих, чтобы они поняли необходимость превращения этих касс взаимопомощи в стачечные, боевые кассы. В некоторых случаях наряду с кассами взаимопомощи, отличавшимися особой консервативностью, приходилось даже устраивать свои особые боевые кассы.

Но стачечная борьба, раз она уже возникла, стала распространяться с невероятной быстротой. В одном Минске, по свидетельству доклада Бунда Парижскому конгрессу, за одно двухлетие 94—96 г. было 45 стачек; за это же время в Вильне было 56 стачек, в которых принимало участие 27 профессий. Каждая стачка создает и боевую кассу. В 1895 году в Вильне насчитывается уже 850 организованных вокруг касс рабочих, а в Минске—870. „Волна движения разливается все шире и захватывает все новые города и районы. Просыпается щетинный район (Вилковишки, Креславка, Выстинец), начинается движение в Брест-Литовске, в Белостоке. Кассы борьбы растут, как грибы. Усиливается и стачечное движение, и стачки считаются уже теперь десятками“¹⁾.

¹⁾ „Матер. к истории евр. раб. движ.“ Вып. I. Стр. 50.

Мало-по-малу отдельные кассы начинают соединяться между собой, создаются организации целой профессии. Вот история одной из таких организаций: „Когда в щетинном районе началось движение за 12-час. раб. день, агитаторы-щетишники собрались для обсуждения вопроса „о значении борьбы за 12-час. раб. день и за отмену посредничества для щетишников всего края“ (щетишников в нашем крае несколько тысяч челов.). На собрании было выработано несколько положений, которые легли в основание брошюры, специально написанной на вышеозначенную тему. Таким образом были впервые выработаны общие пункты борьбы для всего щетинного района. Недоставало лишь общей организации, которая бы об'единила всех щетишников в их борьбе. Хотя пока такой организации еще нет, щетишники фактически во всех серьезных случаях действуют сообща и даже с'езжаются для обсуждения вопросов о своей борьбе и тактике. На этом небольшом с'езде было впервые заложено основание для будущего „Всеобщего союза рабочих щетишников в Польше и Литве“¹⁾.

Уже в 1896 г. „на интернациональном социалистическом конгрессе в Лондоне еврейский пролетариат был представлен четырьмя делегатами—от Варшавы, Вильны, Минска и Сморгони, где вместе было организовано свыше 3.000 еврейских рабочих“²⁾.

Итак, рабочее движение в Северо-Западном крае стало несомненным фактом. Небольшие Виленский и Минский кружки из передовых рабочих и нескольких интеллигентов разрослись в стройное и сильное рабочее движение.

Мы видели, что во всей остальной России рост стихийного рабочего движения не оказал никакого принижающего действия на социалдемократическую сознательность руководителей. Намеченная в кружках социалдемократическая тактика, при выступлении перед массами, только получила свое осуществление на деле. Как-же обстояло в этом отношении дело в районе „Бунда“.

„Группа интеллигентов, получившая революционное крещение от народовольцев и принявшая затем соц.-дем. принципы, пытается вызвать рабочий класс к политической жизни путем пропаганды своих идей в кружках рабочих. Это средство оказалось недействительным: широкие слои рабочего класса остались недоступны пропаганде“... „они (евр. соц.-демократы) были чужды... рабочему классу, и потому их страстное желание вести еврейский пролетариат к его великим задачам не

¹⁾ „Мат. к ист. евр. раб. движения“. Вып. I. Стр. 52—53

²⁾ То же. Стр. 57.

могло не остаться тщетным¹⁾. Но вскоре социалдемократы одумались и поняли, что „стихийная борьба пролетариата ведет к тому самому исходу, который сознательно выбрал себе социалдемократ и признал своим идеалом“... „Развитие движения, как фатум, отодвигало на второй план культурническую работу революционеров“²⁾.

Вот как, по Акимову, совершался у еврейских социалдемократов поворот от кружковой деятельности к агитации; но даже и по его мнению дело при этом не обошлось „без сужения задач социалдемократии ради возможности руководить широкими массами пролетариата“³⁾.

Мы уже знаем, что появившаяся в 1894 году брошюра „Об агитации“ формулировала совершающийся переход от кружковщины к агитационной деятельности. Мы знаем также, что эту брошюру приветствовали все тогдашние социалдемократы, приветствовали главным образом за те практические указания, которые автор ее дает агитаторам. Когда брошюра „Об агитации“ вскоре после ее написания появилась в Нижнем, то там она вызвала некоторое недоумение, так как члены нижегородской организации вычитали в ней временный отказ от политической борьбы. Узнав, что Московская организация собирается издать эту брошюру, они посылают в Москву специального человека с требованием выяснить вызвавший сомнение пункт. На состоявшемся совещании сначала Московской организации, в присутствии нижегородского делегата, а затем организации Нижегородской, в присутствии московского делегата, вопрос о политической борьбе подвергнут подробнейшему обсуждению; и тут и там решено было ни в коем случае не откладывать политическую агитацию и не отделять ее от экономической. Что же касается брошюры „Об агитации“, то было постановлено при издании ее исправить или, точнее, комментировать те места ее, которые, как предполагалось, были вызваны особыми местными условиями работы среди еврейских ремесленников и могли дать повод к сомнениям. Единогласно все пришли к тому заключению, что экономическая борьба в России должна носить политический характер⁴⁾. Таково было общее мнение всех, работавших тогда в России. „Первые социалдемократы

1) Акимов. „Оч. разв. соц.-демокр. в России“. Стр. 12—13.

2) То-же, стр. 17—18.

3) То-же, стр. 18.

4) К сожалению, у меня под руками не имеется изданного в Москве гектографированного экземпляра этой брошюры, и потому я с точностью не могу указать, какие именно исправления были сделаны в ней; но, как участник и московского, и нижегородского совещаний, помню, что дело касалось главным образом невозможности „чисто экономической“ борьбы.

этого периода,—говорит один из видных практических работников того времени, Ленин—усердно занимаясь экономической агитацией (и вполне считаясь в этом отношении с действительно полезными указаниями тогда еще рукописной брошюры „Об агитации“), не только не считали ее единственной своей задачей, а, напротив, с самого начала выдвигали самые широкие исторические задачи русской социалдемократии вообще и задачу ниспровержения самодержавия в особенности¹⁾.

Точно такой же взгляд на задачи социал-демократов, какой выражали первые социал-демократы всей остальной России, был и у виленских товарищей, в том числе и у автора брошюры „Об агитации“. Но причислить к числу этих первых сознательных социал-демократов оратора на майском собрании агитаторов в Вильне в 95 г. мы ни в коем случае не считаем возможным²⁾. Его речь „Поворотный пункт в истории еврейского рабочего движения“ показывает, насколько сильно работа среди ремесленной массы успела уже принизить социал-демократическое сознание руководителей. В своей речи оратор приветствует более демократический и материалистический характер, принятый движением еврейских рабочих. „Демократический характер теперешнего периода нашего движения сравнительно с прошлым,—говорит он,—заключается в том, что мы свою программу, свою тактику, свою борьбу приспособили к массе“ (курсив подлинника)³⁾.

Московские, петербургские, екатеринославские и другие товарищи, перейдя к агитации, приспособили к массам свою борьбу и, пожалуй, еще тактику, но программа осталась у них неприкосновенной; приспособлять ее к потребностям массы они не могли и не желали. Они не могли также согласиться с вульгарным пониманием роли социалистов, выраженным хотя бы в следующих положениях виленского оратора. „Политического движения мы ожидаем не от того времени, когда нам удастся убедить массу, что наши политические идеалы справедливы, а тогда, когда в массе выработаются, вследствие экономического развития, политические потребности“. Социал-демократам нечего, по его мнению, развивать классовое самосознание массы, нечего проповедывать идею социализма:—„вера во всемогущество наших идей и теорий—это идеалистическое мировоззрение“. „Если история движется борьбой классов, то роль идей в истории заключается лишь

1) Ленин, „Что делать“. Stuttgart. 1902, стр. 21.

2) „Мат. к ист. евр. раб. движ.“. Стр. 145—146.

3) Речь эту произнес Мартов.

в выражении и освещении материальных потребностей¹⁾. Следовательно, если масса в данную минуту борется за 12-часовой рабочий день, было бы „идеалистично“, „буржуазно“, „недемократично“ толковать ей о политике, о 8-ми часовом рабочем дне, о классовой борьбе вообще, о социализме, словом—обо всем том, что не вытекает непосредственно из ее ближайших потребностей. Ведь только „мыслящее меньшинство живет преимущественно идейной жизнью, борется не за лучшее материальное положение, а за торжество той или другой идеи“. В противоположность ему, „для массы материальные потребности являются самыми важными“²⁾. „Тот взгляд, что для экономического освобождения пролетариата первое условие—его умственное и нравственное развитие,—этот взгляд есть нечто иное, как отражение в голове рабочего обыкновенного буржуазного взгляда, что экономическое превосходство буржуа над рабочими есть следствие его более высокого умственного и нравственного развития. Каждый образованный буржуа подпишетя под программой наших противников, что прежде, чем думать об улучшении своего положения, работник должен стать развитою личностью—он даже даст вам двугривенный и старую азбуку для этой благой цели³⁾.

Противники виленского оратора словами автора брошюры „Об агитации“ возражали ему, что агитатор „должен итти шагом дальше, чем пойдет масса, он должен осветить в ее глазах ее борьбу, об‘яснив ее значение с более общей точки зрения противоположности интересов, должен, таким образом, „расширять горизонт массы“⁴⁾. Другими словами, он должен стихийно-возникающую борьбу освещать с классовой точки зрения. А для этого прежде всего необходимо, чтобы сам он был социал-демократом и обладал знакомством с теорией, которая, правда, как и всякая другая теория „создалась на почве материальных потребностей данного класса⁵⁾, а в нашем случае пролетариата, но далеко еще не признана им. „Утопично предполагать,—говорит далее автор брошюры „Об агитации“,—что русские рабочие в общей своей массе могут повести политическую борьбу, если только не выяснить с достаточной убедительностью необходимость ее в их собственных интересах“. Но кто-же должен выяснить это? Виленский оратор полагает, что это сделает сама жизнь, так как „нравственность и самосознание рабочего класса создается

1) „Мат. к ист. евр. раб. движ.“. Стр. 149—150.

2) Там-же, стр. 148.

3) Там-же, стр. 150—151.

4) „Об агитации“ Женева 1896 г.

5) Там-же.

в процессе развития экономической борьбой¹⁾, стало быть, пропагандисту и агитатору делать здесь совершенно нечего. Раз политическая борьба не является еще потребностью масс, то и говорить о ней незачем, иначе эта масса окажется „пассивным стадом, не играющим никакой сознательной роли и слепо идущим за тем либо иным пастухом“. Поэтому нет надобности и развивать самосознание отдельных рабочих, проводить их через пропагандистские кружки, готовить из них руководителей массового движения, так как это будет лишь „распространение... идеи между критически мыслящими личностями и содействие выработке таких личностей“, что вовсе нежелательно, потому что это являлось-бы „аристократизмом буржуазной интеллигенции, нераздельно связанной с ее идеализмом, верой в то, что историей двигают идеи“²⁾.

Первые социал-демократы, в том числе и автор брошюры „Об агитации“, которого уже никоим образом нельзя заподозрить в пристрастии к кружковщине, не соглашались с виленским оратором. В брошюре „Об агитации“ говорится: „Мы не признаем ни одной из крайностей: ни оторваться от практической почвы и только учиться, ни агитировать в массе, не занимаясь в то-же время теоретически. Лишь параллельная деятельность, восполнение одного другим, дает действительную подготовку и вырабатывает прямые убеждения“.

Несогласными с виленским товарищем оказалось и большинство спропагандированных рабочих. „Среди рабочих,—пишет Акимов³⁾,—шло какое-то брожение, свидетельствовавшее о том, что их не удовлетворяет деятельность их идеологов, учителей.

„Спропагандированные рабочие с Абрамом, резчиком, во главе объяснили свое недовольство переходом революционеров к агитации. Они не поняли глубокого смысла этого изменения тактики; им казалось, что, отказываясь от кружковой пропаганды, интеллигенция оставляет свою культурную роль, хочет воспользоваться бессознательным стихийным движением массы, смотрит на рабочих, как на пушечное мясо“. Вполне сочувствующий „глубокому смыслу этого изменения тактики“ Акимов, само собой разумеется, обрушивается на сознательных рабочих. „Кружковые рабочие,—пишет он,—оказались менее демократичны, чем революционеры из интеллигенции; они чувствовали себя выше массы, и их коробило появление на сходках некультурного рабочего; поэтому от движения

¹⁾ „Мат. к истории евр. раб. движ.“, стр. 151.

²⁾ Там-же. Стр. 149.

³⁾ „Оч. разв. соц. демократии в России“, стр. 18.

устранились целые ремесла, как, напр., наборщики, которые прежде были впереди¹⁾).

Не вернее ли будет предположить, что эта оппозиция передовых рабочих объяснялась не их „аристократизмом“, а большей сознательностью, большей социал-демократичностью, чем у их новых учителей? Не повторилось ли в данном случае то же явление, которое отметил Плеханов, говоря о Северно-русском рабочем союзе? „Ответ Северно-русского рабочего союза редакции „Земли и Воли“ показал, что по крайней мере члены этого союза раньше нашей „интеллигенции“ поняли всю неуместность „политического невмешательства рабочего класса“²⁾. Сам Акимов вынужден был признать, что оппозиция виленских сознательных рабочих являлась протестом против одностороннего увлечения агитацией, против сужения задач социал-демократии ради возможности руководить широкими массами пролетариата.

„Недовольство новой тактикой выразилось, однако, не только в идеализации предыдущего периода кружковщины. Недовольны ею были также и предвестники новой фазы движения. Они находили, что экономическая борьба не должна являться исключительным предметом забот социал-демократии, что надо также пользоваться каждым случаем для „политической агитации“.

Но поворот в истории еврейского рабочего движения совершился. В 1895 г. на еврейских социал-демократов обрушивается тяжесть правительственного внимания. За арестами в Белостоке следуют аресты в Вильне, Лодзи и Варшаве. Основатели работы среди еврейского пролетариата³⁾ попадают в тюрьму, идут в ссылку, а их места занимают единомышленниками автора „Поворотного пункта“; „прекращается виленская оппозиция, становятся на почву агитационной тактики и поднимают самую широкую агитацию в массе. Организуются профессиональные союзы и кассы борьбы“⁴⁾ и,—добавим мы от себя,—на время во всем районе Северо-западного края прекращается социал-демократическое движение, уступая место движению „чисто рабочему“ т.е. тред-юнионистскому, и притом сильно окрашенному в узко-национальный цвет.

Переход к широкой агитационной работе среди еврейской ремесленной массы, настроение которой, как и настроение всего угнетенного еврейского народа, было резко национали-

1) Очерк развит. соц.-демокр. в России, стр. 18.

2) „Социализм и полит. борьба“ Спб. 1906 г. Стр. 41.

3) Супруги Айзенштадт, Гожанский, Койген, Фридман.

4) „Оч. разв. соц. демокр. в России“ стр. 18.

стично, заставило новых руководителей движения, не отличавшихся, как мы видели, строгой социал-демократической выдержкой, вступить на путь компромисса и удариться в шовинизм. Само собой разумеется, что мы никоим образом не можем считать компромиссом тот факт, что первые еврейские социал-демократы в массовой агитации стали прибегать к еврейскому жаргону. Это было необходимо, потому что вести широкую агитацию на языке, непонятном массам, было немислимо. Но приступить к агитации на еврейском жаргоне не значило еще начать „еврейскую“ агитацию. И первые социал-демократы такой агитации не вели, они усердно боролись против палестинофильствующих буржуазных интеллигентов, которые как раз в то время стали расширять свою деятельность среди еврейского народа. Им (социал-демократам) было ясно, что пролетариат всех национальностей, входящих в Россию, объединенный одним общим гнетом, страдающий от одного и того же политического строя, может освободиться лишь общими, совместными усилиями. До какой степени ясно было социал-демократическое сознание первых руководителей еврейского рабочего движения, свидетельствуют нижеследующие строки, выписанные нами из изданной в Вильне в 1895 г. брошюры по поводу стачки на папиросной фабрике Эдельштейна:

„Нет единого еврейского народа: внутри его имеется два народа, два враждебных класса, и борьба этих классов дошла до таких размеров, что ее не может уже погасить ни уважение к синагоге и духовенству, ни грозная власть начальства“.

И далее:

„Нам ли сожалеть об этом? Нам-ли стараться помешать этому? Ведь мы только в этой борьбе с капиталистами почувствовали себя людьми, только на этой борьбе научились понимать свои интересы, только в этой ненависти к капиталу мы воспитали к себе любовь и братское чувство к своим товарищам по страданиям, ведь только из этого раскола между капиталом и трудом возрасло наше сознание, в этой борьбе оно развилось и окрепло. Нам-ли жалеть о тех старых временах, когда невежественные, презираемые и ненавидимые снизу, оплевываемые и притесняемые сверху евреи влачили жизнь дикарей, вечно трясущихся за свое жалкое существование, вечно ожидающих грозы? Нам-ли жалеть о потере связи между еврейским бедняком и еврейским магнатом, когда мы вместе нее приобрели связь, соединяющую нас с рабочим русским, польским, литовским, с рабочими всех стран? Будущее несет нам укрепление этой связи, рост нашей силы и,

нашего сознания; чего же нам жалеть о темном прошедшем, без борьбы, без раскола, но зато и без жизни?¹⁾

Первые еврейские социал-демократы понимали, что освобождение еврейского пролетариата, а с ним вместе и всего еврейского народа от политического рабства и всех специальных форм национального угнетения может осуществиться лишь тогда, когда весь пролетариат России стряхнет с себя цепи бесправия и произвола и завоюет политическую свободу себе и всей России.

Совершив поворот от сознательности к стихийности, новые руководители еврейского пролетариата повернули и от этого единственно верного разрешения национального вопроса к мелкобуржуазному национализму. Восприимчивый новой тактики, автор не раз уже цитированного „Поворотного пункта“, уже обеими ногами стоит на этой мелкобуржуазной точке зрения. „Нашей буржуазной интеллигенции,—говорит он,—и в голову не приходит, что еврей только от собственной деятельности может ожидать улучшения своего положения... взгляды этой буржуазной интеллигенции сыграли прямо вредную роль в нашем движении, которое в первое время испытывало на себе влияние этой национальной пассивности... в первые годы нашего движения мы всего ожидали от движения русского рабочего класса и на самих себя смотрели только, как на придаток к общерусскому рабочему движению“²⁾.

Первые социал-демократы, говоря о русском движении, о русском рабочем классе, стоя на социал-демократической точке зрения, подразумевали под этим российское движение, российский пролетариат, т.-е. совокупность всех рабочих, живущих в России, без различия национальностей. Автор же „Поворотного пункта“ придает эпитету „русский“ национальную окраску, — ту окраску, которая свойственна мечтающему о Палестинском отечестве мелкому ремесленнику. Только с этой точки зрения понятно его заявление: „мы... должны помнить, что наш демократический лозунг, „все посредством народа“, не позволяет нам ожидать освобождения еврейского пролетариата от экономического, политического и гражданского порабощения ни от русского, ни от польского движения“³⁾. Правда, он соглашается, что „без успеха русских и польских товарищей мы многого не добьемся; но, с другой стороны,—продолжает он,—мы уже не можем по-прежнему ожидать всего от русского пролетариата, как наша

¹⁾ Цитируем по „Докладу русск. с.-дем. межд. раб. соц. конгрессу в Лондоне в 1896 г.“ Женева. Стр. 19.

²⁾ „Мат. к ист. евр. раб. движ.“. Стр. 152.

³⁾ Там-же. Стр. 153.

буржуазия ожидает всего от русского правительства и чиновничьего либерализма. Мы должны иметь в виду, что русский рабочий класс в своем классовом развитии будет встречать такого рода препятствия, что каждое ничтожное завоевание ему будет стоить страшных усилий, а потому ему лишь постепенно и упорной борьбой удастся добиться уступок политических и экономических; а в таком случае очевидно, что, когда русскому пролетариату придется жертвовать некоторыми из своих требований для того, чтобы добиться хоть чего-нибудь, он скорее пожертвует такими требованиями, которые касаются исключительно евреев, например, свободы религии или равноправия евреев¹⁾. Типичная мелкобуржуазная психология, признающая только борьбу за материальные, будничные потребности, не в состоянии, конечно, постичь великой идеальной миссии пролетариата, который, борясь за свое освобождение, борется вместе с тем и за освобождение всех угнетенных. „Поставив в центре программы массовое движение, — читаем мы дальше в „Поворотном пункте“, — мы должны были приспособить нашу пропаганду и агитацию к массе, т. е. сделать их более еврейскими. И в этой перемене мы видим новую нашу победу над заимствованными у буржуазной интеллигенции взглядами“²⁾.

Здесь, как и всюду, под словами „буржуазная интеллигенция“ автор подразумевает основателей еврейского рабочего движения, первых социал-демократов, „виленскую оппозицию“, среди которой, как нам известно, было не мало рабочих — сознательных социал-демократов.

Итак, оппозиция была сломлена и мелкобуржуазный националистический инстинкт одержал верх над здоровой идеей о международной пролетариата, которая под влиянием первых социал-демократов начала было уже проникать в массу еврейских рабочих. Вместо сознательного социал-демократического движения начала 90-х годов в Северо-Западном крае с 95 года начинается широкое, чисто профессиональное еврейское рабочее движение. Понадобилась зубатовщина, разные независимцы, фон-Вали, чтобы снова придать этому движению более революционный характер. Но черты мешанства остались навсегда в Бунде.

¹⁾ „Мат. к ист. евр. раб. движ.“. Стр. 154.

²⁾ Там же. Стр. 153.

ГЛАВА XIII.

Выше мы говорили, что аресты 95—97 г.г. нанесли тяжелый удар социал-демократическому движению в России; мы указывали, что существует несомненная причинная связь между этими массовыми арестами и общим понижением сознательности. Но, само собой разумеется, мы далеки от мысли считать массовое изъятие почти всех первых социал-демократов единственной причиной кризиса социал-демократического движения. Громадную роль в смысле увлечения „стачкизмом“, т.-е. чисто экономической борьбой исключительно в целях поднятия благосостояния занятых рабочих, сыграл, как мы уже упоминали, блестящий расцвет нашей промышленности. Но, к этим двум причинам, следует добавить еще третью. Третьей причиной было переполнение рядов нашей зарождавшейся партии непролетарскими элементами или, точнее говоря, массой „интеллигентов“, состоявшей главным образом из учащейся молодежи.

С 1895 года замечавшееся раньше враждебное настроение учащейся молодежи против марксизма начинает вдруг резко меняться. Под влиянием быстро развившейся марксистской и quasi-марксистской легальной литературы, а главным образом под влиянием неожиданного выступления на сцену широкого рабочего движения, того самого движения, возможность которого считалась совершенно невероятной и утопичной для всех воспитанников школы Михайловского, В. В., Кареева, Николай—она и К^о,—недоверие и даже прямо ненависть к марксистам сменились поголовным, стадным увлечением марксизмом. Но увлечение марксизмом относилось не к его положительным выводам,—которые вели к научному социализму,—а лишь к критической, разрушительной части его. Интеллигентная молодежь приветствовала марксизм за его удачную критику утопического народничества, совершенно в то же время не понимая революционной, классовой точки зрения, с какой велась эта критика.

В начале 90-х годов марксистской литературы совершенно почти не существовало. Изданный еще в 60-х годах перевод первого тома „Капитала“ Маркса считался в то время уже библиографической редкостью и ценился чуть ли не на вес золота. Марксистские кружки стараются для своих потребностей скупить все имеющиеся у букинистов экземпляры, которые, как реликвии, передаются затем из кружка в кружок, „Капитал“ изучают лишь члены кружков; для непосвященных же, стоящих вне этих законспирированных ячеек, достать его почти так же трудно, как богатому, но свидетель-

ству евангелия, войти в царствие небесное. Еще менее доступна была для непосвященных нелегальная русская социал-демократическая литература—как привозная из-за границы, так и местного, отечественного производства. Активные социал-демократы, в распоряжении которых имелась эта литература, не успевали удовлетворять страшно возросший спрос на нее среди рабочих. А так как во главу угла они ставили работу среди пролетариата, на работу же среди учащейся молодежи смотрели в то время лишь, как на подсобное, а, стало быть, второстепенное дело, то понятно, что вся литература, которой вообще было очень мало, отдавалась рабочим. Издания Московского рабочего союза не попадали не только в руки учащихся, но не доходили даже и в марксистские интеллигентские кружки. Немецкая же социал-демократическая литература была доступна лишь немногим, знакомым с немецким языком.

Таким образом, для громадного большинства русской интеллигенции марксистской литературы не существовало вовсе. „У марксистов нет книги“—становится общим убеждением широких слоев учащейся молодежи, —убеждением, которое поддерживается и публицистами из „Русского Богатства“ и других народнических органов.

Единственным источником знакомства с марксистской точкой зрения для тогдашней интеллигенции было изложение взглядов Маркса в статьях Михайловского, Кареева, Николай—она, Южакова и других пророков суб‘ективизма и народничества, да споры на студенческих вечеринках. Доступ на эти вечеринки был тоже весьма ограничен; кроме того, споры велись там без всякой системы, безалаберно, так что дать сколько-нибудь верное представление о марксизме они не могли.

Между тем, начиная с 93—94 гг., в нашей литературе начинает наблюдаться явление совершенно непонятное для многих, в особенности провинциальных читателей. В „Русском Богатстве“, Вестнике Европы“ и в целом ряде отдельных брошюр и книг начинается вдруг систематический поход против врага, которого широкий круг читателей не только не видит и не знает, но многие едва ли слышали о его существовании. Легальные литераторы выступают в поход против речей, сказанных где-нибудь на нелегальной вечеринке. На вопрос, возбужденный марксистами перед аудиторией в каких-нибудь сто человек, отвечает в легальном журнале, имеющем громадный круг читателей. Само собой разумеется, что, при такой постановке спора, победителями обыкновенно являлись публицисты-народники и профессора Кареевы. У них были книги, у них были журналы, у них была, наконец,

установленная репутация „друзей народа“; все они значились в списке „освободителей“, или, по терминологии участковых охранителей, считались присяжными „крамольниками“. А кто же знал марксистов? Это были никому неизвестные „молодые люди“, часто даже без всякого образовательного ценза, и при том в их распоряжении не было ни книг, ни толстых журналов.

И читатели „Русского Богатства“ на слово верили Михайловскому, что у Маркса нет труда, соответствующего труду Дарвина, что „не только нет такой работы у Маркса, но ее нет и во всей марксистской литературе, несмотря на всю ее обширность и распространенность“. Тот же Михайловский уверял своих читателей, что „самые основные теории экономического материализма, бесчисленное множество раз повторяемые, как аксиомы, до сих пор остаются между собой несвязанными и фактически непроверенными, что особенно заслуживает внимания в теории, в принципе опирающейся на материальные, осязательные факты и присваивающей себе титул по преимуществу „научной“¹⁾. Он утверждал, что вся уверенность Маркса в неизбежности социалистического строя „держится исключительно на конце гегелевской трехчленной цепи“.

Читателям „Рус. Богатства“ приходилось верить на слово и г. Кривенко, который клялся, что учение Маркса требует от его учеников „стараться облегчить переход к нему (капиталистическому порядку) и употреблять все усилия к скорейшему его наступлению, т.-е. стараться о развитии капиталистической промышленности и капитализации промыслов, о развитии кулачества, о разрушении общины, об обезземеливании населения и, вообще, о выкуривании лишнего мужика из деревни на фабрику“²⁾. Они, эти „ученики“ Маркса, прежде всего даже не революционеры, так как толкуют только о рабочих, об их интересах, а ведь „рабочий вопрос в России есть вопрос консервативный, ибо тут требуется только сохранение условий труда в руках работника“³⁾. Да затем, разве борьбу из-за пятака, грубо материалистическую „шкурную“ борьбу, можно сравнить с высоко-идеалистическим мировоззрением народников, с широким кругозором их суб’ективных идеалов?

Народники праздновали полную победу. Ведь марксисты молчали, не отвечали на все их нападки, следовательно, они неправы, и им нечего возразить. Марксисты, как мы знаем, не

1) „Рус. Бог.“ Янв. 94 г.

2) „Рус. Бог.“ Дек. 93 г.

3) Соч. Михайловского, Т II. Стр. 102.

молчали, но отвечать они могли только в нелегальной литературе, да на нелегальных собраниях. Поэтому широкой интеллигентской публике их ответов не было слышно: слышала их лишь небольшая кучка молодежи, которая вращалась в нелегальных кружках.

Но вот начинается эпоха, так называемого, „легального марксизма“, и картина быстро меняется. „Это было вообще чрезвычайно оригинальное явление, в самую возможность которого не мог бы даже поверить никто в 80-х или начале 90-х годов. В стране самодержавной, с полным порабощением печати, в эпоху отчаянной политической реакции, преследовавшей самомаleastшие ростки политического недовольства и протеста,—внезапно пробивает себе дорогу в подцензурную литературу теория революционного марксизма, излагаемая эзоповским, но для всех „интересующихся“ понятным языком. Правительство привыкло считать опасной только теорию (революционного) народовольчества, не замечая, как водится, ее внутренней эволюции, радуясь всякой направленной против нее критике. Пока правительство спохватилось, пока тяжеловесная армия цензоров и жандармов разыскала нового врага и обрушилась на него,—до тех пор прошло немало (на наш русский счет) времени. А в это время выходили одна за другой марксистские книги, открывались марксистские журналы и газеты, марксистами становились повально все; марксистам льстили; за марксистами ухаживали; издатели восторгались необычайно ходким сбытом марксистских книг“¹⁾).

Первым легальным выступлением марксистов принято считать, обыкновенно—вышедшую в 94 году книжку П. Струве „Критические заметки“. Но эта книга не дала ясного и определенного ответа на нападки народников на марксизм, не рассеяла того тумана, которым народники обволокли марксистскую идеологию. Заключительным аккордом „Критических заметок“ Струве была знаменитая фраза: „Нет, признаем нашу некультурность и пойдем на выучку к капитализму“. Ликующий тон автора при констатировании торжества капитализма, отсутствие указаний или хотя бы намеков на неизбежность борьбы с капитализмом, борьбы иной, чем та, которую якобы вели народники,—все это скорей еще более запутало, чем выяснило сложившееся у интеллигенции представление о марксизме.

В действительности первым решительным натиском русских марксистов на широкую интеллигентскую читающую

¹⁾ Ленин. „Что делать“. Stuttgart. 1902. Стр. 8.

публику можно считать книгу Бельтова (Плеханова) ¹ „К вопросу о развитии монистического взгляда на историю“, вышедшую в 1895 году.

Бельтов дал в своей книге и прекрасный ответ народникам на их нападки на марксистов, и целостное изложение основ марксизма. Он зло осмеял „историософию“ господ Кареевых, ясно показав всю ненаучность мировоззрения, по которому „мир должного, мир истинного и справедливого стоит вне всякой связи с объективным ходом исторического развития“ ¹). Он доказал полную утопичность вожделений наших суб'ективистов, которые, несмотря на всю их якобы „самобытность“, в сущности повторяли только азы немецких мелкобуржуазных утопистов. Подвергнув резкой критике идеи народников и высмеяв изготовляемые ими „гигиенические рецепты“ для оздоровления общества, их „формулу прогресса“, их искание „самостоятельной схемы эволюции экономических отношений, соответствующей потребностям и условиям нашей страны“, их желание втиснуть нашу жизнь в эту выдуманную схему, Бельтов вместе с тем представил массу доказательств того, что господа народники, не исключая и единственного истинного, по словам Михайловского, марксиста Николай—она, никогда не понимали и не понимают излагаемого ими марксизма. „Они,—говорит Бельтов,—сначала припишут марксистам утопический взгляд на законосообразность общественных явлений, а потом побивают этот взгляд с более или менее сомнительным успехом“.

Сравнивая наших народников с утопистами Западной Европы, Бельтов приходит к заключению, что они, подобно последним, ничего общего с революцией не имеют. „Утописты воображали себя чрезвычайно практичными людьми. Они ненавидели „доктринеров“ и все самые громкие их принципы они, не задумываясь, приносили в жертву своим *idées fixes*. Они не были ни либералами, ни консерваторами, ни монархистами, ни республиканцами. Они безразлично готовы были идти и с либералами, и с консерваторами, и с монархистами, и с республиканцами, лишь бы осуществить свои практические и, как казалось, чрезвычайно практичные планы“ ²).

О том, насколько нелепо представление русских суб'ективистов о непризнаваемой ими исторической теории Маркса, по которой якобы „ученики“ обречены лишь на пассивное созерцание исторического процесса, Бельтов говорит следующее: „Ахилл суб'ективной школы воображает,

¹ Бельтов. „К вопр. о разв. мон. взгл. на ист.“. Стр. 49. Первое издание.

² Бельтов. Стр. 51.

что „экономические“ материалисты должны говорить лишь о „саморазвитии форм производства и обмена“. Что-же это за „саморазвитие“, глубокомысленный г. Михайловский? Если вы думаете, что, по мнению Маркса, формы производства могут развиваться „сами собой“, то вы жестоко ошибаетесь. Что такое общественные отношения производства? Это отношение людей. Как-же будут они развиваться без людей? Ведь там, где не было-бы людей, не было бы и отношений производства! Химик говорит: материя состоит из атомов, которые группируются в молекулы, а молекулы группируются в более сложные соединения. Все химические процессы совершаются по определенным законам. Из этого вы неожиданно заключаете, что, по мнению химика, все дело в законах, а что материя—атомы и молекулы—могли бы совсем не двигаться, не помешав этим „саморазвитию“ химических соединений. Всем ясна нелепость такого умозаключения. К сожалению, не всем еще ясна нелепость совершенно аналогичного по своей внутренней стоимости противопоставления личностей законам общественной жизни, деятельности людей—внутренней логике форм их общежития¹⁾.

Но Бельтов не только критикует и популяризирует, он делает также указания, как применить на деле философию марксизма, дает план действия.

„Степень развития производительных сил—говорит он—определяет меру власти над природой... Диалектический метод не только не стремится, как это приписывают ему противники, убедить человека, что нелепо восставать против экономической необходимости, но он впервые указывает, как справиться с нею... Раз мы узнали этот железный закон, от нас зависит свергнуть его иго, от нас зависит сделать необходимость послушной рабой разума.

„Я—червь,—говорит идеалист. Я—червь, пока я невежествен,—возражает материалист-диалектик; я—бог, когда я знаю. *Tantum possumus quantum scimus*“²⁾.

„Действие (законосообразная деятельность людей в общественно-производительном процессе) объясняет материалисту-диалектику историческое развитие разума общественного человека. К действию же сводится и практическая философия. Диалектический материализм есть философия действия“³⁾.

„Но если уже давно сказано,—продолжает Бельтов—что никто не зажигает светильника, чтобы ставить его под спудом,

1) Бельтов. Стр. 222.

2) Там же Стр. 232. Мы можем сделать то, что понимаем.

3) То же. Стр. 233.

то материалисты-диалектики прибавляют: не следует оставлять светильника в тесном кабинете „интеллигенции“! Пока существуют „герои“, воображающие, что им достаточно просветить свои собственные головы, чтобы повести толпу всюду, куда им угодно, чтобы лепить из нея, как из глины, все, что им вздумается, царство разума остается красивой фразой, благородной мечтой. Оно начнет приближаться к нам семимильными шагами лишь тогда, когда сама толпа станет героем исторического действия, и когда в ней, в этой серой массе, разовьется соответствующее этому самосознание. Развивайте человеческое сознание, сказали мы. Развивайте сознание производителей, прибавляем мы теперь. Субъективная философия кажется нам вредной именно потому, что она мешает интеллигенции содействовать развитию этого самосознания, противопоставляя толпу героям, воображая, что толпа есть не более, как совокупность нулей, значение которых зависит лишь от идеалов становящегося во главе ее героя“ 1)... „Надо разбудить в толпе героическое самосознание“ 2)... надо „увеличить силу их (пролетариев) сопротивления против кабака, против кабатчика и против всякого дурмана, какой только подносит или будет подносить им история“ 3).

Легко понять, какое громадное впечатление должна была произвести эта книга с ее ясным, целостным мировоззрением, с резко выраженной революционной физиономией. Это впечатление усиливалось еще более вследствие контраста с общей умеренностью и бесцветностью всей тогдашней литературы. Но в первый момент широкая читающая публика была только ошеломлена; она прежде всего обиделась за своих признанных вожаков, за свои „унаследованные“ традиции. Общее мнение было таково, что Бельтов только „ругается“ и ругается грубо. Очень возможно, что, приняв такое решение, наша интеллигентская публика на этом бы и успокоилась, тем более, что народники-литераторы, убоясь полемики с таким сильным противником, как Бельтов, прекратили свои нападки по существу и стали только горько жаловаться на нанесенную им и их „устоям“ обиду. Но жизнь поторопилась иллюстрировать положения, выставленные в книге Бельтова.

Могучей волной разлившееся рабочее движение показало интеллигенции, что „действие“ уже началось, и что „ученики“ не только спорили с народниками и господами Кареевыми, но успели и кое-что сделать в смысле развития

1) Бельтов. Стр. 234.

2) „ „ Стр. 235.

3) „ „ Стр. 262.

самосознания „производителей“ и пробуждения их к классовой борьбе. Удивленные взоры веровавших в незыблемость „устоев“ увидели вдруг, что за „учениками“ оказались целые батальоны сознательных и отчасти уже организованных рабочих, которые мощными пролетарскими голосами заявляли о своем праве на существование, о своем твердом намерении встать в авангарде борьбы против „всякого дурмана, какой только подносит или будет подносить нам история“.

И это фактическое выступление рабочих: 600 подписей московских рабочих под адресом к 25-летию Парижской Коммуны, 40.000 забастовавших в Питере, шумные маевки, участие московских рабочих в демонстрации по поводу мученической смерти Ветровой, массовые аресты „учеников“ и рабочих,—все это вместе взятое сделало вдруг марксизм „модным учением“. Сплошными рядами покидала молодежь народнические позиции и становилась под знамя марксизма. Бельтовым клялись, Бельтова читали запоем в каждом гимназическом кружке. „Народник“, „субъективист“ стали бранными словами, синонимами „инвалида“. Народнические храмы пустели все более и более.

За учащейся молодежью потянулись и более или менее сознательные идеологи капиталистического общества. Им также, как и марксистам, нужно было очистить горизонт от мелкобуржуазных утопий господ В. В. и Николай-оиев; как и марксистам, им важно было доказать бессмысленность и бесполезность всех попыток осуществить на деле эти утопии; и вот, чтобы достигнуть этого, они тоже начинают группироваться вокруг авторитетного имени Маркса.

„В настоящее время—говорит Ленин—об этой полосе можно говорить спокойно, как о прошлом. Ни для кого не тайна, что кратковременное процветание марксизма на поверхности нашей литературы было вызвано союзом людей крайних с людьми весьма умеренными. В сущности, эти последние были буржуазными демократами, и этот вывод (до очевидности подкрепленный их дальнейшим „критическим“ развитием) напрашивался кое перед кем еще во времена целости „союза“¹⁾... Благодаря этому союзу была достигнута поразительно быстрая победа над народничеством и громадное распространение вширь идей марксизма (хотя и в вульгаризированном виде). При том союз заключен был не совсем без всяких „условий“. Доказательство: сожженный в 1895 г. цензурой марксистский сборник „Материалы к вопросу о хозяйственном развитии России“. Если литературное соглашение с легальными марксистами можно сравнить с политическим союзом, то эту книгу можно сравнить с политическим договором“¹⁾.

¹⁾ Ленин. „Что делать“. Стр. 9.

В этом сборнике революционный марксизм, в особенности писавший в этом сборнике В. И. Ульянов, обрушивается на своего союзника П. Струве, ясно доказывая всю неревOLUTIONционность постановки им вопроса в его „критических заметках“. Бельтов проглядел эту неревOLUTIONционность и, возражая на нападки Михайловского на Струве, ограничился только тем, что признал неловкость выражения, „Г. Михайловский—говорит Бельтов—в своей статье поднял смешной шум по поводу слов г. Струве: „Нет, признаем нашу некультурность и пойдем на выучку к капитализму“. Г. Михайловскому хочется изобразить дело так, как будто бы эти слова означали: отдадим же производителя в жертву эксплуататору. Г. П. Струве легко будет показать тщету усилий г. Михайловского, да ее, вероятно, и теперь видит всякий, внимательно прочитавший „критические заметки“. Но г. Струве все-таки очень неосторожно выразился, чем, вероятно, ввел в соблазн многих простяков и обрадовал нескольких акробатов“¹⁾).

Сборник был сожжен цензурой, поэтому в руки широкой публики не попал, и она продолжала считать „только союзника“ единомышленником.

Вслед за первыми легальными марксистскими книгами начинают выходить и марксистские газеты и журналы. Первой появляется издаваемая в Риге на латышском языке „Deenas Lara“²⁾, затем „Самарская Газета“, Новое Слово“, „Начало“ и „Жизнь“, в которых все еще продолжалась совместная деятельность революционных социалдемократов с „легальными марксистами“ вроде Струве, Туган-Барановского, Изгоева и др.

В настоящее время для нас является совершенно неоспоримым тот факт, что совместное выступление Плеханова, Засулич, Ленина, с одной стороны, и Струве, Туган-Барановского и К^о, с другой, несомненно способствовало тому разброду, той теоретической беспринципности, которые явились отличительным признаком всего последующего периода. Ошибка революционной социалдемократии состояла, конечно, не в заключении ими временного соглашения с буржуазными критиками, а в том, что она не взвесила того обстоятельства, что правительственная цензура, которая пропускала „критику“ буржуазных идеологов, непременно должна будет наложить свою лапу на всякую попытку довести эту критику до конца, т. е. на попытку от критики

¹⁾ Бельтов. „К вопр. о раз. монист. взгляда на ист.“. Стр. 285.

²⁾ См. об этом у П. К. „Революция с.-демократия в Прибалтийском крае“.

утопической теории народников перейти к критике реальной действительности.

„Разрыв,—говорит Ленин,—вызван был, конечно, не тем, что „союзники“ оказались буржуазными демократами. Напротив, представители этого последнего направления—естественные и желательные союзники социалдемократии, поскольку дело идет о ее демократических задачах, выдвигаемых на первый план современным положением России. Но необходимым условием такого союза является полная возможность для социалистов раскрывать рабочему классу враждебную противоположность его интересов и интересов буржуазии. А то бернштейнианство и „критическое“ направление, к которому повально обратилось большинство легальных марксистов, отнимало эту возможность и развращало социалистическое сознание, опошляя марксизм, проповедуя теорию притупления социальных противоречий, объявляя нелепостью идею социальной революции и диктатуры пролетариата, сводя рабочее движение и классовую борьбу к узкому трэд-юнионизму и „реалестической“ борьбе за мелкие, постепенные реформы. Это вполне равносильно было отрицанию со стороны буржуазной демократии права на самостоятельность социализма, а, следовательно, и права на его существование; это означало на практике стремление превратить начинающееся рабочее движение в хвост либералов.

„Естественно, что при таких условиях разрыв был необходим. Но „оригинальная“ особенность России сказалась в том, что этот разрыв означал простое удаление социалдемократов из наиболее всем доступной и широко распространенной „легальной“ литературы. В ней укрепились бывшие марксисты, вставшие „под знак критики“ и получившие почти что монополию на „разнос“ марксизма. Клики: „против ортодоксии“ и „да здравствует свобода критики“ (повторяемые теперь „Р. Делом“) сделали сразу модными словечками, и что против этой моды не устояли цензора с жандармами, это видно из таких фактов, как появление трех русских изданий книги знаменитого (геростратовски знаменитого) Бернштейна или как рекомендация Зубатовым книг Бернштейна, г. Прокоповича и проч. („Искра“, № 10). На социалдемократов легла теперь, трудная сама по себе и невероятно затрудненная еще чисто внешними препятствиями, задача борьбы с новым течением. А это течение не ограничилось областью литературы. Поворот к критике сопровождался встречным влечением практиков-социалдемократов к „экономизму“¹⁾.

¹⁾ „Что делать“. Стр. 9—10.

Воспитанная на этой „легальной“ марксистской литературе молодежь и заменила первых русских социалдемократов. „Молодые“ социалдемократы, как они называют себя, в 1898 г. становятся идеологами рабочего движения.

Г Л А В А XIV.

В следующей части нашей работы мы подробнее остановимся на этом новом течении социалдемократического движения в России, течении, которое с полным правом может быть названо детищем, прижитым от незаконного сожительства буржуазного „легального“ марксизма с идеологией стихийно растущего рабочего движения. Как тот, так и другая могли развиваться лишь на почве быстро прогрессирующего капитализма. В момент подъема промышленности русская европеизированная промышленная буржуазия должна была почувствовать себя стесненной самодержавно-полицейским строем нашего государства. Она не могла простить самодержавию удара, нанесенного ей русско-германским торговым договором, заключенным в интересах наших аграриев. В обложении промышленных предприятий трехпроцентным сбором и в введении квартирного налога она усматривает грозные предвестники перехода к подоходному налогу. С другой стороны, крупная промышленная буржуазия видит, что рабочее движение растет, что оно уже не миф, так как даже правительство принуждено с ним считаться (закон 2 июня 97 г.), что это движение уже с самого начала грозит принять классовый характер и неминуемо идет к сознательной борьбе за политическую свободу. Политическая свобода нужна была и крупной буржуазии. Она чувствовала, что единственной реальной силой, которая могла бы ограничить самодержавие, вырвать у него необходимые для буржуазии уступки, был рабочий класс. Но она понимала, что борьба рабочего класса—оружие обоюдоострое, и что рабочие только тогда могут сыграть роль „кули“ революции, когда они бессознательны, когда они ведут политическую борьбу не как класс, резко отмежеванный от других классов, не как самостоятельная партия, а в хвосте буржуазии.

Чисто экономическая борьба рабочих менее всего опасна крупной буржуазии. Уже на знаменитом заседании московского отделения „Общества для содействия мануфактурной промышленности“ в 1895 г. представители крупнейших мануфактурных предприятий Московской и смежных губерний в полном согласии с представителями лодзинского отделения того же общества признали, что от уступок рабочему дви-

жению, проведенных законодательным путем, крупная промышленность не только не пострадает, но, наоборот, даже выиграет вследствие конкуренции с средними и мелкими предприятиями, для которых такие уступки означают крах.

Итак, особенно опасаться организованного стачечного движения крупной буржуазии не приходилось. Она готова была примириться с рабочим движением, но под условием отказа его от самостоятельной политической борьбы, от выставления самостоятельной политической платформы. Марксизм, подчеркивавший прогрессивную сторону переживаемого Россией экономического переворота, борющийся со всеми остатками старых дореформенных порядков, обнаруживавший и изобличавший всю бесплодность попыток поддержать старые полу-сгнившие устои и видевший даже зло в недостаточном развитии капитала—являлся желанным союзником для крупной буржуазии. Она быстро усваивает его терминологию; ее признанные органы, вплоть до „Вестника Финансов и Промышленности“, любезно предоставляют свои столбцы марксистам; марксистским духом веет даже от всеподданнейших докладов министра финансов, этого чиновного „ходатая русской крупной буржуазии.“

Но, идя за Марксом, буржуазия хочет превратить его в своего идеолога, хочет лишить его всей его классовой сущности. Выставляя легальных марксистов—Булгакова, Струве и К^о своими идеологами, крупная буржуазия накладывает на них печать своей классовой психологии, своих классовых вожде-лений. Развивайте сознание рабочих,—диктует она им,—изобличайте перед ними существующий политический строй, призывайте их к экономической борьбе, но, критикуя марксовскую ересь о революционной роли рабочего класса, т. е. „теорию социалистической миссии пролетариата“, разбивая в пух его „теорию обнищания“, готовьте нам, буржуазии, послушных илотов, которые пойдут под нашим знаменем в бой за политическую свободу. Такой ход мыслей должен был естественно выработаться у апологетов капитализма, у идеологов крупной буржуазии, так наз. „легальных“ марксистов.

Первые социалдемократы, воспитанные на оригинальных трудах отцов социалдемократии, не дали себя провести „легальным“ марксистам; они соглашались с их критикой реакционных, мелкобуржуазных народнических утопий, но твердо стояли на точке зрения научного социализма. Как в Москве, так и в Питере „Критические заметки“ Струве немедленно получили надлежащую оценку, и революционные социалдемократы поторопились отмежеваться от него¹⁾. Михайловский

¹⁾ Вспомним дебаты в „Вольно-Эконом. обществе“ в Петербурге.

долго смеялся над истинными и неистинными „учениками“ — ему было выгодно смешивать их в одну кучу. Позднейшие поколения социалдемократов, воспитанные исключительно на легальной литературе не сумели, к сожалению, отличить „истинных“ марксистов, его революционных последователей, от „неистинных“, „легальных“ вульгаризаторов Маркса. Познакомившись с принципами научного социализма только по этой вульгаризации, они пошли сами и повели рабочее движение по линии, которая более всего была по душе крупной буржуазии, а, именно по линии, ведущей к трэд-юнионизму, к отказу рабочего класса от самостоятельной политической роли. Считаясь с наличностью уже возникшего рабочего движения, и, видя невозможность избавиться от него, идеологи крупной буржуазии естественно предпочли трэд-юнионизм социалдемократизму. Малосознательная социалдемократия в лице „молодых“, отказываясь на время по тактическим соображениям от политической агитации, бессознательно сыграла на руку крупной буржуазии, поведя рабочих к трэд-юнионизму и тем фактически превращая рабочее движение в придаток буржуазного либерализма.

До конца 1897 г. это движение только намечается, преобладает еще старое революционное течение. „Союзы борьбы за освобождение рабочего класса“, — как, после успешного выступления Петербургского Союза, стали называть себя социал-демократические организации в Москве, Иваново-Вознесенске, Киеве и Екатеринославе, — и остальные организации: в Нижнем, Одессе, Самаре и Харькове, ведут решительную социал-демократическую агитацию.

Московская организация в своей революционной ортодоксальности особенно подозрительно относилась ко всему тому, что могло вызвать ложное толкование. Так, например, она не одобряла агитационной литературы для рабочих, которую давала группа „Освобождение Труда“, потому что видела в этой литературе лишь голое противопоставление западно-европейской „свободы“ русскому самодержавному произволу. Посылая своего делегата за границу к группе „Освобождение Труда“, она выставляет требование, чтобы в популярной литературе, на ряду с критикой самодержавия, непременно давалась и критика буржуазного конституционализма Западной Европы. Когда в 1895 г. из заграницы была получена напечатанная там брошюра „Рабочий день“, Московская организация не решилась распространять ее без комментариев; она предпочла даже вырвать заключительную страницу этой брошюры, где говорилось о свободах, которыми пользуются рабочие в Западной Европе, и совершенно отсутствовали указания на то, что эти свободы далеко неполны, и что качество их находится

в прямой зависимости от степени сплоченности и сознательности рабочего класса данной страны. На конференции московских и нижегородских работников, о которой мы говорили выше, было постановлено, что главная задача русских социал-демократов заключается в том, чтобы сразу начать воспитывать русских рабочих для самостоятельного политического выступления и тем предотвратить всякую возможность превращения его в простой придаток буржуазного освободительного движения. Уже на первом майском празднике в Москве в 1895 г. сами рабочие (и притом рабочие не из самых сознательных) выражали недовольство нашей литературой за то, что она, указывая на современное положение западно-европейских товарищей, совершенно умалчивает о путях, какими они добились этого положения, о том, как они боролись за свободу, и как должны в свою очередь бороться русские рабочие.

Вообще, тогдашняя заграничная литература в этом смысле совершенно перестала удовлетворять потребности движения. Она не давала ни одного практического лозунга, который не был бы уже аксиомой для действующего агитатора и всех сознательных рабочих. Ошибка группы „Освобождение Труда“ заключалась в том, что она слишком переоценивала в то время значение „социалистической“ интеллигенции. В своей литературе она обращалась главным образом к ней, доказывая ей необходимость „возбуждения сознательно политического движения в среде рабочего класса“; она говорила, что „от нашей социалистической интеллигенции в значительной степени зависит будущее решение этого вопроса ¹⁾, что „без рабочих, сознающих свои классовые интересы, нет социализма ²⁾, что „социалистическая интеллигенция — это тот фермент, который, попав в благоприятную (т.е. в рабочую) среду, может развить в ней брожение, которое приведет к возникновению социалистической партии“ ³⁾. Все эти безусловно верные мысли попадали, однако, не по адресу. В широкие слои интеллигенции, как мы видели, брошюры группы „Освобождение Труда“ не попадали вовсе, так как большинство активных социал-демократов порвали почти все связи с интеллигентской публикой; эти брошюры читались только узким кругом сознательных рабочих, которые вполне уже стояли на точке зрения группы „Освобождение Труда“. Но эти рабочие желали действовать, хотели стать тем „ферментом“, о котором говорил Плеханов, стремились развивать сознание

¹⁾ Плеханов. „Политические задачи русских социалистов“. Орган „Социалист“. Женева, 1889 г.

²⁾ Плеханов. „О задачах социалистов в борьбе с голодом“, стр. 51.

³⁾ Там же, стр. 64.

масс и требовали от группы „Освобождение Труда“, в которой они видели своего идеолога и единственный источник социал-демократической литературы, чтобы она дала им и оружие для работы среди масс.

Сознательные рабочие и социал-демократы — практики (а только практики и были в то время в России) требовали от своих теоретиков, чтобы они дали им материал для агитации в духе тех идей, которым учили эти теоретики. Весь трагизм положения, в какое попала группа „Освобождение Труда“ в середине 90-х годов, и заключался в том, что она не поняла этих требований. Она продолжала говорить о „будущем рабочем движении“ и занята была исключительно тем, что отстаивала перед интеллигенцией неизбежность этого движения. А между тем движение это уже началось и требовало себе руководства. Другими словами, благодаря своей оторванности от русской действительности, заграничная группа „Освобождение Труда“ просмотрела начало у нас массового рабочего движения и, толкуя в своих изданиях о необходимости проникновения в массу, о необходимости агитации, продолжала в сущности вести только пропаганду, совершенно почти не давала никакой агитационной литературы¹⁾ и фактически таким образом отстранялась от руководства уже зародившимся движением.

В самой России еще не успели выделиться теоретики-социал-демократы, но если даже они и имелись²⁾, то в их распоряжении не было техники, при помощи которой они могли бы создать широкую агитационную (брошюрочную) литературу. Русские же эмигранты, состоявшие исключительно из теоретиков, оторванных от практической работы, не поняли насущной потребности в этой литературе. В этом-то обстоятельстве несомненно кроется причина, почему группа „Освобождение Труда“ вынуждена была на известное время уступить место идейных руководителей, так называемым, „молодым“ воспитанникам легального марксизма. Когда в середине 90-х годов возник конфликт между русскими практиками и заграничными теоретиками, русские практики в идейном отношении стояли вполне на точке зрения группы „Освобождение Труда“, но были очень недовольны тем, что эта точка зрения все еще только пропагандировалась группой, а не агитировалась.

Вполне доверяя опыту и, главное, знаниям эмигрантов, русские социал-демократы требовали от группы „Освобождение Труда“, чтобы она взяла на себя практическое руковод-

¹⁾ До 1895 г. из агитационной литературы, изданной группой „Освобожд. Труда“, в Россию попали лишь „Речи Алексеева“ и „Варлена“. Дикштейн, вышедший в то же время в издании Степняка, попал в Россию значительно позже.

²⁾ В. И. Ульянов Федосеев.

ство движением; а так как она этого не сделала, то движением начали руководить местные организации — каждая на свой риск и страх ¹⁾. Так, движение в Северо-Западном крае пошло совершенно в сторону от социалистического пути, и автор „Поворотного пункта в истории еврейского рабочего движения“ не находит за границей никакой отповеди. Наоборот, член группы „Освобождение Труда“, Плеханов, представлявший еврейское движение на Лондонском конгрессе, своим молчанием даже как бы признает справедливость нового характера движения. „Экономизм“, т.-е. „чисто рабочее движение“, перекидывается и в остальную Россию, найдя здесь благоприятную почву в стихийном увлечении рабочих масс „стачкизмом“ и в стадном увлечении интеллигенции „модной“ теорией легального марксизма.

Правда, уцелевшие от массовых провалов „стариками“ — первые социал-демократы, еще крепко держатся за старую программу. Издаваемые ими органы „С.-Петербургский рабочий Листок“ и „Рабочая Газета“ целиком стоят на точке зрения революционной социал-демократии; они видят первую и насущнейшую задачу социал-демократов в том, чтобы объединить и организовать всех вовлеченных в агитацию рабочих в одно органическое целое, слить в один поток все отдельные ручейки социал-демократического движения, словом, создать единую политическую рабочую партию. „Ниспровергнуть самодержавие... может лишь крепко организованная, многочисленная рабочая партия“ — писали в 1897 году петербургские социал-демократы. — „Организовавшись в сильную партию, рабочие освободят себя и всю Россию от всякого политического и экономического гнета“ ²⁾.

„Борьба с самодержавным правительством за политическую свободу — писали киевские товарищи — есть ближайшая задача русского рабочего движения... Русское рабочее движение удесятерит свои силы, если выступит, как единое, стройное целое, с общим именем и стройной организацией... Отдельные рабочие кружки должны превратиться в одну

¹⁾ В это время конфликт между группой „Освобод. Труда“ и русскими социал-демократами происходил не только в Москве, но и в Петербурге, и в Киеве. На просьбу киевских товарищей издавать популярную агитационную литературу один из членов группы „Освобод. Труда“, Аксельрод, заявил, что они ни в коем случае не станут издавать вульгаризированную литературу для широких масс. Почти такой же ответ получил и московский депутат от Плеханова, хотя привезенные им из России для напечатания рукописи состояли из следующих вещей: „Что должен знать и помнить каждый рабочий“, „О конкуренции“, переделка „Религии и капитала“ Лафарга и т. п. вещей, ходивших до этого времени по рукам в рукописном виде.

²⁾ „С.-Петербургский Рабочий Листок“, № 2, сентябрь 1897 г.

общую партию... Русская рабочая партия будет партией социал-демократической¹⁾.

Лозунг дан, и все „старые“ социалдемократы приняли его. Начинается работа по подготовке первого съезда, который должен положить начало партийному выступлению русской социалдемократии.

Но наряду с „Рабочей Газетой“ появляется уже „Рабочая Мысль“; наряду с группой Рабочей Газеты то тут, то там укрепляются „молодые“, неся с собой свою тактику. Начинается новый период нашей истории, „период разброда, распада, шатания. В отрочестве бывает так, что голос у человека ломается. Вот и у русской социалдемократии этого периода стал ломаться голос, стал звучать фальшью,—с одной стороны в произведениях гг. Струве и Прокоповича, Булгакова и Бердяева, с другой стороны—у В. И—на и Р. М., у Б. Кричевского и Мартынова. Но брели розно и шли назад только руководители: само движение продолжало расти и делать громадные шаги вперед. Пролетарская борьба захватывала новые слои рабочих и распространялась по всей России, влияя в то же время косвенно и на оживление демократического духа в студенчестве и в других слоях населения. Сознательность же руководителей спасовала перед широтой и силой стихийного под'ема; среди социалдемократов преобладала уже другая полоса—полоса деятелей, воспитавшихся почти только на одной „легальной“ марксистской литературе, а ее было тем более недостаточно, чем большей массы сознательности требовала от них стихийность массы. Руководители не только оказывались позади и в теоретическом отношении („свобода критики“) и в практическом („кустарничество“), но пытались защищать свою отсталость всякими выспренными доводами. Социалдемократизм принижался до трэд-юнионизма и брентанистами легальной, и хвостистами нелегальной литературы“²⁾.

¹⁾ „Рабочая Газета“, № 2, ноябрь, 1897 г.

²⁾ Ленин „Что делать?“ стр. 139.

Ч А С Т Ь II.

Создание Российской Социал-демократической Рабочей Партии (1897—1903 г.).

ГЛАВА XV.

„Что это нынче все политического мужика стали сюда возить?“—спросил меня как-то в 96 году старый седой надзиратель московской тюрьмы (Таганки), водивший обыкновенно политиков на прогулку—„Раньше все господ возили, студентов там, барышень, а теперь вот наш брат, серый мужик—рабочий пошел“. И это появление за тюремной решеткой „политического мужика“ так сильно подействовало на воображение тюремного надзирателя, что он, до того времени свято исполнявший тюремную инструкцию абсолютного молчания по отношению к политическим заключенным, стал пользоваться теперь всяким удобным случаем, чтобы из разговоров с политиками выяснить себе причину ошеломившего его явления. Впервые за 20 лет своей тюремной службы заинтересовался он вопросом, за что вообще сидят политики, чего они добиваются, к чему стремятся. И выяснив себе столь неожиданно возникшие в его голове вопросы, сухой педант тюремного долга превратился в лучшего друга заключенных и, постоянно рискуя потерей места, стал совершенно бескорыстно оказывать им всевозможные услуги.

„Политический мужик“, т. е. рабочий, с 96 года все более и более начинает вытеснять „политического барина“. Уже в полугодовой день ходынского кровавого жертвоприношения на алтарь „патриотизма“ главный фон собравшейся для демонстративной панихиды толпы составляет не обычный в представлении российского обывателя тип бунтующего студента или курсистки, а представитель рабочей Москвы. И это первое открытое появление на улицах столицы протестующего „политического мужика“ произвело на психику среднего обывателя действие совершенно аналогичное тому, какое произвело его появление в тюрьме на психику старой тюремной крысы.

Московский обыватель, которому в прежние времена не раз приходилось быть свидетелем студенческих беспорядков и волнений, совсем не интересовался вопросом, ради чего „господа“ бунтуют, чего они могут хотеть. Наблюдая за расправой полицейских и казаков со студентами и видя, как их, словно баранов, избив, загоняли в манеж или в бутырскую тюрьму, он без долгих размышлений решал, что так им, красильникам и безбожным „сицилистам“, и надо: они, мол, убили

одного царя и, наверное, собираются убить другого. И московский обыватель с наслаждением протягивал руку помощи полицейским и в лице охотнорядских молодцов не за страх, а за совесть дубасил „длинноволосых“ студентов и „стриженных“ курсисток.

Ноябрьская демонстрация в память „ходынки“ и в особенности широкое участие в этой демонстрации рабочих заставила московского обывателя заинтересоваться ее причинами и накинуться на прокламации, которые были выпущены Московским Рабочим Союзом в память ходынских жертв полицейских порядков. И тут обывателям гор. Москвы впервые в массе пришлось задуматься над политическим вопросом. Мы глубоко убеждены, что этого результата не добились бы демонстрация, не мелькай на Ваганьковском кладбище, рядом с форменной студенческой шинелью, чуйка или полущубок рабочего. Только присутствие этих чуек и полущубков в разгоняемой полицией толпе, породило эту толпу с окружающей ее массой собравшихся любопытных обывателей. Долго после этой демонстрации шли по Москве толки о ней, толки сочувственные, сопровождавшиеся критикой правительства.

Еще большее значение в смысле революционизирования обывателя имела грандиозная летняя петербургская стачка 96 года. Она происходила на глазах у всех. Каждый лавочник, каждый мелкий чиновник знали, чего требуют рабочие; в душе они считали требования рабочих вполне законными и восхищались выдержкой, дисциплинированностью и спокойствием стачечников. Вот, напр., рассказ очевидца: „Городовой, поставленный „смотреть“ за рабочими, заметил на мостовой сверток. Это была только что изданная прокламация Союза, но по какой-то случайности не дошедшая до „Новой“ бумагопрядильни. Поднявши сверток и прочтя прокламацию, блюститель порядка нашел, что „хорошо написано, справедливо сказано“, и передал сверток обступившей толпе, „заверяя“, что их дело правое, и они, наверное, получат свое“¹⁾. Так-же, как и этот городской, думал всякий обыватель; он не сомневался, что правительство должно стать на сторону рабочих, должно заставить фабрикантов уступить законным требованиям последних. Но этот же обыватель очень скоро воочию убедился, на чьей стороне правительство, и увидел, как „законные“ власти приняли „законные“ требования рабочих. Очень скоро эти власти „стали арестовывать всех, кто казался подозрительным. Тюрьмы были переполнены“²⁾. „Обы-

¹⁾ Петербуржец. „Очерк петербург. раб. движения 90-х годов“ Лондон, 1902 г., стр. 34.

²⁾ Там же, стр. 35.

скивали целыми домами... пошли массовые высылки на родину. Стали силой принуждать идти на работу. Конные жандармы, напавши на толпу рабочих на улице, гнали ее по направлению к фабрике и загоняли во двор... Околодочные и городовые, в сопровождении дворников, по утрам врываются в квартиры, стаскивали рабочих с постелей, полураздетых женщин отрывали от детей и тащили на фабрики. Рабочие прятались, куда могли: на чердаки, в сортиры... Происходили раздирающие сцены¹⁾. Все это происходило на глазах у обывателя, и он мотал себе на ус этот наглядный урок солидарности интересов фабриканта и правительства.

Появление на улице „политического мужика“ сразу демократизировало и популяризировало революцию, сломило лед, отделявший кучку революционеров от широкой народной массы, создало целый ряд живых нитей, связывающих носителей революционной идеи с этой массой.

И это наблюдалось не только в городах, но даже и в деревнях. Правительство, не будучи в силах держать в тюрьмах всю массу арестованных рабочих, торопится ссылать их по местам родины. И вот, в глухую деревню какой-нибудь Новгородской или Костромской губернии по этапу приходит петерский сознательный портной, прядильщик, ярославский ткач, московский слесарь. В их лице деревня с удивлением встречает не обычного, хорошо ей знакомого этапного путешественника „зимогора“, слившегося беспаспортного бродягу или мелкого воришку, а какой-то новый совершенно неведомый ей тип. По этапу стали пригонять людей трезвых, хорошо, большей частью, одетых, людей, у которых вместо гармоники и бутылки из-под водки—обычного багажа этапных странников—в узелке²⁾ оказывались ученые книжки. Сначала деревня сторонится своего нового невольного сочлена, ожидает от „арестанта“ проявления каких-нибудь „художеств“. Но „художества“ не обнаруживаются, если не считать за таковые распросы про жите-бытье, старание вникнуть в самые наболевшие места деревни, да дельные советы в критическую минуту деревенской жизни. И вот, деревня все более и более свыкается с присланным к ней на жите-бытье рабочим. Он не скрывает того, за что выслан, почему „лишен столицы“. Рассказывая свою историю, он передает вместе с тем своим слушателям и все сведения и знания, которые успел извлечь из кружков, брошюр или агитации. Таким образом, перед поднадзорным рабочим тут в деревне постепенно открывается широкое поле деятельности. На сельском сходе он отстаивает интересы

¹⁾ Петербуржец. „Очерк петербург. раб. движения 90-х годов“. Лондон, 1902 г., стр. 36.

бедняков, разоблачает мироедов, попов, обучает неведомым деревне новым способам борьбы. Так, например, один питерский рабочий, попав на жительство в родную деревню, создает там потребительную лавку, другие обучают сельских батраков городским приемам борьбы с капиталом. Очень скоро, после первых же высылков рабочих в деревни, то тут, то там появляются известия о стачках сельскохозяйственных рабочих в крупных экономиях. Одним словом, начинает оправдываться предсказание группы „Освобождение Труда“, что „выброшенный из деревни в качестве обедневшего члена общины пролетарий вернется в нее социалдемократическим агитатором“.

Высланные рабочие, с одной стороны, вносят в деревню начала классовой борьбы, сплывают сельскую бедноту против сельских мироедов и помещиков, а с другой—пробуждают среди крестьян сознание необходимости бороться за лучшую жизнь или, по крайней мере, давать отпор слишком уж резким проявлениям административного и помещичьего гнета. Случаи, так называемого, „сопротивления властям“ становятся все чаще и чаще повторяющимся явлением.

Словом, как только на политическую арену выдвигается рабочий, сонная атмосфера страны сразу начинает расшевеливаться. То, чего не удалось сделать народоуправцам, мечтавшим в 94 году при помощи земской оппозиции и разговоров о терроре разбудить политическую мысль России, поднять „спящее болото“ русского общества, сразу начинает удаваться рабочим. Их выступление пробуждает классовые инстинкты буржуазии. Боязнь самостоятельного, сознательного политического выступления рабочей массы с ее классовыми требованиями политической свободы заставляет либеральную буржуазию встряхнуться от политической спячки, а ее идеологов тщательней разработать ту программу шайшим, дальше которой не должна идти политическая реформа в России.

„Мы требуем, чтобы при обсуждении вопросов, касающихся торговопромышленного класса, правительство выслушивало наши советы и считалось с нашими нуждами“,—говорил в 96 году председатель нижегородского ярмарочного комитета от имени всероссийского купечества министру финансов, выражая тем шайшим требований, при котором может заключить сделку с самодержавным правительством крупная промышленная буржуазия. „Не время и нелепо думать в России о всеобщем избирательном праве“—учил на московских вечеринках тогдашний „вождь“ либералов В. А. Гольцев.—„При невежестве наших рабочих, не говоря уже о крестьянах, политическими правами могут пользоваться только лица

с высоким образовательным цензом¹⁾. И эта мысль, выраженная между строк привычным эзоповским языком, начинает все чаще и чаще пестреть на страницах наших толстых либеральных журналов, вроде „Русской Мысли“ и „Вестника Европы“. Либералы готовы воспользоваться проснувшимся рабочим движением, чтобы руками или, верней, телами пролетариев добиться для себя „права и властного всероссийского земства“²⁾.

Выступление рабочего класса на политическую арену пробудило от политического индифферентизма широкие слои городской обывательщины, заставило отдельные классы общества заняться выработкой своих классовых требований и пробило брешь в полном безразличии крестьянства. Резче всего и скорей всего политическое выступление рабочих подействовало на самый чуткий элемент „общества“, на учащуюся молодежь. Радикальное настроение студенчества выливается в 96 г. в демонстрацию в память „ходьинки“, в демонстративные панихиды по Ветровой и т. д., и с тех пор студенческие волнения уже не прекращаются; политический элемент начинает играть в них все большую и большую роль.

Общество оживает, отряхиваясь от долгой спячки 80-х и начала 90-х годов. Витии безвременья, декаданса, мистики, опрощения и малых дел—разные Льдовы, Волынские, Мережковские, Абрамовы, В. В. вынуждены уступить дорогу новым силам. В беллетристике, к великому негодованию хранителя славных традиций, Михайловского, место мужицких повестей приторно слащавого народника Златовратского и пессимистических картин борьбы „Власти земли“ с надвигающимся „чумазым“ Глеба Успенского занимают бурные песни барда городской голытьбы Максима Горького. Вместе с Горьким появляется целая плеяда новых сил: Вересаевы, Андреевы, Чириковы... В их литературе уже не слышно пессимизма, от нее не веет безвременьем, в ней чувствуется борьба, чувствуется новая грядущая сила, новая грядущая буря. Ликованием веет от этой новой литературы, но не ликованием сытой, отевшейся, довольной собой буржуазии, а ликованием голодных, узревших луч света, почуввавших возможность и близость борьбы.

Пессимизм, созданный и взлелеянный разочарованием народников в народнических идеалах и потерей веры в близ-

¹⁾ Передаю фразу г. Гольцева так, как она врезалась в моей памяти на вечеринке, на которой я лично присутствовал; повятно, могу поручиться лишь за точную передачу мысли оратора, а не формы.

²⁾ См. предисловие Р. Н. С. к изданной в 1901 г. в Штуттгарте конфиденциальной записке Витте „Самодержавие и земство“.

кое торжество этих идеалов, должен был под напором новой могучей армии борцов неминуемо смениться оптимизмом, ликованием, „именинным настроением“, как злобно характеризует новое настроение апостол „Русск. Богатства“ Гриневич.

Реакция 80-х годов не только рассеяла ряды активных революционеров-народовольцев, она сблизила между собой или, вернее, слила в единое целое всех оппозиционно настроенных. Во тьме реакции все кошки оказались серыми. Умеренно бюрократически-либеральный „Вестник Европы“, профессорски-либеральные (чуть чуть не радикальные) „Русские Ведомости“ и „Русская Мысль“, радикальное народничество Михайловского, реакционное, политически консервативное народничество Воронцовых, Кривенко и Абрамовых—все это перемешивается, сливается в один „бледно-розовый“ оппозиционный комок, который пуце огня боится всего, что способно нарушить добрые соседские отношения и ослабить силу совместного и дружного... бездействия ¹⁾. Отдельные элементы этого комка мирно уживались вместе до тех пор, пока в жизни господствовало кладбище, и активно выступала одна лишь реакция. Но как только на политическом горизонте появился рабский класс, появился с шумом, в грозном величии 40-тысячной армии петербургских забастовщиков, бездействию общества должен был наступить конец. Ночная мгла начала рассеиваться, и радикальные сотрудники „Рус. Богатства“ с Михайловским,—одним из авторов „открытого письма Исполнительного Комитета партии Народной Воли к императору Александру III“—во главе, с ужасом увидели, что всю реакционную спячку они мирно мурлыкали в униссон с Воронцовыми, Абрамовыми и прочими „малых дел“ мастерами. „Нет, главная причина успеха нового учения,—говорит Гриневич,—заключалась, по нашему мнению, в его отрицательной стороне, в той страстной критике, с какой оно обрушилось на наше современное и устарелое народничество, возложившее все упования на трех китов земли русской (общину, артель и кустарные промыслы) и победоносно успокоившееся на лоне „малых дел“ и „симпатичных начинаний“. С народническими теориями и идеалами были когда то связаны все лучшие мечты и надежды русского общества, но тогдашнее народничество было нечто другое и тогдашние народолюбцы тоже были сортом повыше“ ²⁾.

И вот, очнувшиеся от сна народники просят щадить их не за то, что фактически делали они в 80-е и 90-е годы, а за то, что делали когда-то народники „сортом повыше“—

¹⁾ А. Потресов (Старовер). Этюды о русской интеллигенции „О наследстве и наследниках“, стр. 74.

²⁾ „Русск. Богатство“ 98 г. VIII. „Итоги двух юбилеев“, стр. 121.

революционеры 70-х и начала 80-х годов. Вступившие в политическую борьбу русские рабочие и их идеологи—революционные марксисты и не думали отречься от преемственной связи с революционными героями „Народной Воли“, народниками „сортом повыше“ господ сотрудников „Русского Богатства“. Но, не отрекаясь от наследства, оставленного деятелями 70-х и начала 80-х годов, сознательные рабочие и их идеологи поняли и запомнили также те ошибки, которые привели к крушению весь „героизм“ революционных народников. „Народная Воля“ логическим ходом событий пришла к сознанию необходимости политической борьбы, но эта борьба, по ее мнению, не была связана с коренной задачей революционного народничества, с „социалистическим переворотом“. Поэтому политическая борьба не могла считаться народовольцами борьбой народной, борьбой массовой. „Мы“, интеллигенты-социалисты, захватим при помощи заговора политическую власть, свергнем самодержавное правительство и своей диктаторской властью поможем народу провозгласить социализм. Политическая борьба старых народовольцев, это не что иное, как единоборство заговорщиков революционеров с представителями существующей власти; отсюда с неизбежностью вытекала пассивная роль массы—всего народа—в этой борьбе. „Народ“, как думали народовольцы, может подняться лишь во имя „социализма“, т.-е. во имя упрочения и усовершенствования тех „коммунистических начал“, которые присущи русскому крестьянину, и которые воспитали в нем „вековые устои“ жизни в крестьянском миру, в крестьянской общине.

Социал-демократы подняли политическое знамя народовольцев, но решительно отреклись от их идеологии и их тактики. „Бунтари народники,—писал идеолог русских социал-демократов, Плеханов,—вынуждены были вести политическую борьбу, хотя и считали политическую свободу вредной буржуазной выдумкой. Мы будем вести ту-же борьбу, хорошо сознавая значение политических прав в деле освобождения рабочих. „Партия Народной Воли“ сосредоточила все свои силы в борьбе с царской властью, извиняясь перед „социализмом“ с помощью фикций. Мы будем продолжать ее великое дело, но мы не будем нуждаться в фикциях: для нас не существует противоположения социализма политике; бунтари отрицали ее во имя „агитации“. Мы будем заниматься и тем и другим, так как никакая агитация немыслима, если она не приводит к организации, к влиянию на массы“¹⁾).

¹⁾ Плеханов „О социальной демократии в России“, послесловие к Туну „История рев. движений в России“, изд. „Библиотеки для всех“, стр. 386.

Еще резче и определеннее высказали эту идею московские сознательные рабочие: „И Россия с 1861 г. все больше и больше вступает в круг европейских стран,—пишут они в своем адресе рабочим Франции;—под могучим напором капитализма трещат и разрушаются в ней все „вековые“ устои. Буржуазия с каждым днем становится все сильнее и сильнее, с ней теперь считается абсолютизм, осыпаящий ее обильным дождем привилегий. Последние вместе с применением новейших усовершенствований делают особенно болезненным непосредственный переход от натурального хозяйства к капитализму. Антагонизм классов становится поэтому все более и более явственным, пролетариат проникается все более и более классовым самосознанием. Многочисленные стачки в различных местах империи, ставшие почти непрерывными, стачки, которых русское правительство не в состоянии ни скрыть от общества, ни подавить силою оружия, являются лучшим доказательством пробуждения молодого русского пролетариата.

„Ничто не в силах остановить раз начавшееся движение. Русские рабочие, поднявшие старое революционное знамя, обогренное кровью стольких мучеников из их среды и среды интеллигенции, вооружившись идеями научного социализма, стали под общее знамя пролетариата всего мира. Они горды сознанием, что передовой бастион европейской реакции, который предстоит взять пролетариату всех стран—царизм—должен быть ими разрушен, что последний оплот буржуазного господства, без уничтожения которого немислима победа всего пролетариата, должен быть ими свергнут“¹⁾.

В этом адресе 605 рабочих, подписавших его, смело заявляют, что только их руками может быть свергнуто самодержавие. „Мы смело можем заявить нашим товарищам Франции, — пишет в то-же время Петербургский Союз Борьбы,—что русскому рабочему классу положено прочное основание, и никакая сила в мире не в состоянии задержать его поступательный ход... Царизм чует, что его враг растет не по дням, а по часам, что этот враг его не бессильный либерализм русских образованных классов, а поднимающаяся волна социал-демократического движения. Русский рабочий люд, стоящий под знаменем научного социализма, спокойно смотрит в будущее, уверенный в своей конечной победе“²⁾.

¹⁾ Адрес московских рабочих рабочим Франции ко дню 25-летия провозглашения Парижской Коммуны, 29 февраля 1896 г. Цитировано по социал-демократическому календарю на 1902 г. Женева 1900 г., стр. 211—212.

²⁾ Адрес петербургских рабочих французскому пролетариату 3 февраля 96 г.

Московские рабочие говорят о „старом революционном знамени, обогренном кровью стольких мучеников“, о том знамени, на котором когда-то красовалось „Земля и Воля“. Когда партия „Земли и Воли“ раскололась, фактически было разорвано и это старое знамя. Чернопередельцы оставили себе борьбу за „землю“ (за социализм), народовольцы—борьбу за „волю“ (политическую борьбу). Социал-демократы вновь соединили старый лозунг воедино. Но, встав под старое знамя, они очистили его от всего утопического, от всего ненаучного. Активное выступление масс, а не заговор интеллигентов—революционеров, сломит самодержавие, классовая пролетарская борьба, а не прирожденная социалистичность крестьянства, добьется социалистического строя. Еще в 1895 г. ветеран народничества, Петр Лавров, задается вопросом, возможно ли „организовать русскую рабочую партию при господстве абсолютизма, не организуя в то-же время революционной партии против этого абсолютизма“¹⁾. По его мнению, это невозможно. Он все еще противопоставляет „революционные личности и группы для борьбы с абсолютизмом“ группировке „рабочих сил для борьбы с капиталом“²⁾. „Политический заговор“ это, по его мнению, единственно возможная форма борьбы с абсолютизмом, а в политическом заговоре нет места массам, рабочему классу. „Организацию русской рабочей партии,—говорит он,—пришлось бы создавать при условии существования абсолютизма со всеми его прелестями. Если социал-демократам удалось бы сделать это, не организуя в то же время политического заговора, против абсолютизма, со всеми условиями подобного заговора то, конечно, их политическая программа была бы надлежащей программой русских социалистов, так как освобождение рабочих силами самих рабочих совершилось бы. Но оно весьма сомнительно, если не невозможно“³⁾.

Народовольцы, работающие в России, начинают уже иначе смотреть на этот вопрос. Те из них, которые не удовлетворялись воспоминаниями старины, мечтами о былых героях и бесплодными поисками героев современных, а приступили к единственно возможной в то время работе, к пропаганде среди рабочих, под натиском рабочего движения вынуждены были отрешаться от старых утопий, становиться на классовую точку зрения, т.-е. делаться социалдемократами. Петербургские народовольцы, издававшие тот самый „Летучий Листок группы Народной Воли“, в № 4 которого помещено было

¹⁾ „Летучий листок группы Народной Воли“ № 4, декабрь 95 г. ст. Лаврова „О программных вопросах“, стр. 21.

²⁾ Там же. стр. 21.

³⁾ „Летучий Листок“ № 4, ст. Лаврова, стр. 21.

цитированное письмо Лаврова, еще в 3-м номере начинают колебаться, а в 4-м решительно и бесповоротно заявляют, что становятся на точку зрения социалдемократии. „Грядущая политическая революция,—читаем мы в этом номере,—тем в большей мере удовлетворит социалистическим требованиям, тем полнее будет соответствовать интересам трудящегося класса, чем большей ясности и напряжения достигнет в нем сознание своих классовых интересов и средств их удовлетворения“¹⁾. „Способствовать развитию классового самосознания,—говорится в другой статье,—мы можем, организовав его (пролетариата) борьбу за материальное благосостояние и, конечно, освещая ее светом социализма“²⁾.

Печатаемая статья Лаврова „К программным вопросам“, редакция „Летучего Листка“ оговаривает свое несогласие с ней и обещает по ее поводу поместить в 5-м номере редакционную статью. Но № 5 не вышел. Летом 96 года редакция и отлично оборудованная типография группы были арестованы. Издание прекратилось. До ареста Группа Летучего Листка Народной Воли, отчасти по собственному почину, отчасти по заказу Петербургского Союза Борьбы издала целый ряд популярных агитационных и пропагандистских социалдемократических брошюр: 1) О стачках, 2) Рабочий день, 3) Речь на 1-ое мая 95 года, 4) Переделка хитрой механики, 5) Речи петербургских рабочих, 6) Ткачи Гауптмана, 7) Популярное изложение теории Маркса, 8) Первое мая, 9) Что такое социализм и политический преступник и т. п.

Фактически в это время единственным революционным классом в России был рабочий класс. Всякий революционер-интеллигент, желавший действовать, а не только говорить о революции, должен был идти в рабочую среду. А раз уже он попадал в эту среду, она, часто даже против его воли, втягивала его в свою классовую психологию, и, извлекая из него все его теоретические знания, давала ему взамен знания действительной жизни и в конечном счете делала его социалдемократом³⁾. Случай с петербургской группой Народной Воли был далеко не единственный. Мы знаем аналогичные случаи с народовольческими кружками в Москве и в Харькове. И там члены этих кружков, под влиянием работы среди

1) „Летучий Листок“, № 4, ст. Лаврова, стр. 21. Передовая статья.

2) Там-же. Статья „К делу“.

3) Один из основателей группы Летуч. Листка Н. В., М. С. Александров (Ольминский) рассказывал мне, как он постепенно, сам того не замечая, под влиянием сношений с рабочими, усваивал социалдемократическую точку зрения. Он обратил на это свое внимание лишь после того, как его товарищи, не имевшие непосредственного соприкосновения с рабочими, с негодованием охарактеризовали одну из предложенных им рукописей, как „чисто Плехановскую“.

пролетариата, превращались в социалдемократов. К 96—97 годам в России уже нет иных действительно работающих революционных групп, кроме социалдемократических ¹⁾. Но, хотя социалдемократы действовали почти исключительно среди рабочих, их выступление уже тогда оказало влияние на все общество. Самый факт зарождения социалдемократического массового рабочего движения в России дал урок политического воспитания всему обществу, всему народу, пробудил их от политической спячки, нарушил их политический индифферентизм. Рабочие России, часто еще не будучи сами революционерами, своими первыми массовыми выступлениями сыграли громадную революционную роль и тем уже тогда завоевали себе место в авангарде русской революции.

Г Л А В А XVI.

Развиваясь и расширяясь, социалдемократическое движение естественно принуждено было постепенно утрачивать то однообразие в настроении и ходе мыслей своих членов, которое наблюдалось в начале работы.

При кружковой деятельности крупного разномыслия между отдельными социалдемократами быть не могло, не было его и при первых шагах агитационной работы. Как мы говорили уже в первой части нашего труда, „единство плана и единство действия обуславливалось единством матерьяла, над которым приходилось работать, и единством орудий производства, т.е. имеющейся в распоряжении групп легальной и нелегальной литературы“. Но, по мере развития движения вширь и вглубь, это положение должно было измениться. Широкая работа среди масс предъявляла работникам все новые и новые задачи. Горизонт окружающей жизни становился шире, сама жизнь сложнее. Исчезло и однообразие в подготовке. Как мы уже видели, наряду с выдержанной нелегальной социалдемократической литературой начи-

¹⁾ За исключением Польши, где как раз в это время особенно усилилась после провала социалдемократических организаций ярко окрашенная в шовинистический цвет „польская социалистическая партия“. (Ш. П. С.). Косвенным доказательством отсутствия других революционных групп может служить инцидент с русской делегацией на Лондонском конгрессе. Делегат Народной Воли имел мандат лишь от заграничной группы „старых народовольцев“ и был допущен в делегацию только из уважения к памяти старой „Народной Воли“. Делегат группы русских социалистов-революционеров на конгресс допущен не был, потому что было доказано, что он представлял лишь нескольких заграничных студентов. См. об этом у Плеханова „Новый поход против русских социалдемократов“. Женева 1897 г.

нает приобретать все большие права гражданства литература легальная, вульгаризированный марксизм. В ряды действующих социалдемократов начинают все более и более проникать лица, воспитанные на этой более доступной литературе. Если раньше, во времена самой ожесточенной борьбы с народничеством, каждый марксист говорил одним и тем же языком, независимо от того, к какой группе он принадлежал, и в каком городе он получил свое социалдемократическое воспитание, то теперь уже не то: ход мыслей практического участника уже начавшегося широкого фабрично-заводского рабочего движения какого-нибудь крупного центра, вроде Москвы или Петербурга, должен уже сильно разниться от хода мыслей практического участника работы среди ремесленников Вильны или Минска и еще более не совпадать с ходом мыслей работника не-промышленного города (Орла, Казани), в котором нет и следа ни фабрично-заводского, ни ремесленного массового движения, где деятельность поневоле вынуждена не выходить за рамки чистой кружковщины, и при том интеллигентской кружковщины. Ход мыслей социалдекрата-практика, ставшего социалдемократом именно благодаря своему личному участию во всей черновой подготовительной работе среди рабочих, должен уже сильно расходиться с ходом мыслей социалдекрата, вовлеченного в социалдемократизм уже прорвавшимся потоком рабочего движения, бьющими всем в глаза внешними проявлениями этого движения.

Для того, чтобы понять всю неизбежность разномыслия среди социалдемократов 97 года, необходимо серьезно вдуматься и ясно представить себе конкретную обстановку тогдашних условий работы, всю ту оторванность отдельных кружков друг от друга, положительную невозможность более или менее правильно делиться опытом, установить общую традицию работы. Петербургский кружок социалдемократов, например, работает 2—3 года. Он сам развивался вместе с развитием рабочего движения, становился социалдемократическим кружком благодаря работе, именно, среди петербургских рабочих; вместе с ними он постепенно, в самом ходе работы вырабатывал определенные нормы, вместе с ними вступил в типично петербургское массовое движение. Венцом работы этой группы лиц является учреждение Петербургского Союза Борьбы за Освобождение Рабочего Класса. Вскоре после организации Союза кружок инициаторов почти целиком проваливается. Его место не остается пустым. Быстро организуется новый кружок. В этот кружок входит, допустим, только что приехавший из Вильны работник. Он привез с собою свой собственный опыт, свою собственную тра-

дицию работы. Он стал социалдемократом, работая, именно, среди еврейских ремесленников. Эта работа наложила на него свое вполне определенное клеймо. Он видел, как его метод работы там, в Вильне, блестяще оправдывал себя, дал прямо поразительные результаты; понятно, что попав в новый город, он прежде всего апеллирует к своему личному опыту, к опыту своего кружка, своей организации.

Правда, такой приезжий, проработав некоторое время при новых условиях, постепенно знакомясь с ними, в конце концов приспособился бы к ним; но беда в том, что жизнь не ждет, работа требует его немедленного участия; немедленно же по приезде он должен окунуться в самую гущу, сейчас же, например, написать прокламацию, пойти на сходку, в кружок или на организационное собрание. Прокламация пишется, и она невольно носит отпечаток столь близкой и знакомой автору среды, но чуждый и непонятный для данной массы оттенок. То же самое происходит с ним и в организационном собрании и в устной агитации.

Допустим теперь, что после разгрома Петербургского Союза состав его пополняется—на ряду с практиком, виленцем, практиками—москвичем, туляком и казанцем. Все они одинаково с виленцем опытные работники, но каждый из них прошел свою школу, имеет свои традиции работы. Москвич, предположим, работал при условиях почти полного отсутствия в организации „интеллигенции“. Успех московского движения он объясняет, именно, этим отсутствием интеллигентов, тем, что там почти вся главная агитационная и организационная работа велась сознательными рабочими. Он привык относиться с презрением к „интеллигентщине“, и это презрение начинает возводить в принцип. Конечно, его точка зрения должна казаться дикой какому-нибудь практику из Тулы. Там работа не успела еще выйти за пределы кружковой деятельности, вся тяжесть работы лежала исключительно на интеллигентных пропагандистских силах; там энергичная интеллигентская группа создала для кружковых рабочих чуть ли не социалистический университет, который доставлял кадры сознательных социал-демократов рабочих в крупные промышленные центры. Еще более дикой должна будет казаться точка зрения москвича казанцу, воспитанному в организации, не успевшей выйти за пределы чисто интеллигентских кружков, который благодаря этому не может себе конкретно представить действительно существующего сознательного, не требующего интеллигентской опеки рабочего.

Когда каждый из этих практиков работал в своем углу, он, за редкими исключениями, не сталкивался вовсе с опытом других мест, с практикой других кружков. Все, кого он ви-

дел, все, с кем ему приходилось встречаться, в общем и целом мыслили так же, как он. Различия в образе мыслей в пределах одного кружка могли обуславливаться лишь исключительно индивидуальными, чисто суб'ективными особенностями того или иного лица: большим или меньшим запасом знания одной и той же литературы, большей или меньшей впечатлительностью, большей или меньшей способностью реагировать на одни и те же события. Теперь жизнь сталкивает его с представителями иной практики, прошедшими иную школу, воспитавшимися в иных условиях работы. Нет времени разобраться, какая из всех различных, столкнувшихся вместе практик наиболее практична, наиболее подходяща для данных новых условий работы. В действительности этот вопрос в большинстве случаев и не ставится вовсе, дело решается не в этой плоскости. Обыкновенно происходит одно из двух: либо вновь сформировавшийся кружок принимает тактику наиболее энергичного работника, независимо от того, является ли этот работник представителем московского, виленского или казанского течения, либо же,—если в одном и том же кружке столкнутся более или менее равные по силе и по личной энергии представители двух разных течений, непоколебимо убежденные в правоте своих взглядов,—каждый начинает проводить свою тактику до поры до времени в рамках одной и той же организации, а затем, если практическое применение различной тактики не сгладится жизнью, происходит раскол, образуются конкурирующие друг с другом организации.

Расколу часто способствует остальной состав организации. Исторически сложившиеся, вполне спевшиеся организации, как мы видели, почти все были разгромлены во время провалов 95—96 годов. Разгром коснулся не только интеллигенции, но и в очень сильной степени сознательных рабочих. Больше всего пострадали наиболее активные организации крупных промышленных центров. На время громадное большинство наиболее активных и сознательных работников было вовсе из'ято из обращения, рассажено по тюрьмам. В это время ряды выбывших из строя активных работников пополняются, с одной стороны, приезжими из других мест социалдемократами, которые до того никакого участия в работе не принимали, или, в лучшем случае, исполняли ту или иную вспомогательную, второстепенную функцию. Своего критического опыта у этих последних нет, и тем не менее, участвуя вместе с приезжими практиками в обсуждении пригодности того или иного практического приема, они по чисто суб'ективным мотивам давали перевес тому или иному направлению. Я подчеркиваю, что предпочтение того или иного направления

принималось и не могло не приниматься иначе, как по чисто суб'ективным мотивам, потому что разница между всеми тогда намечавшимися направлениями в то время была не принципиальная, а, если можно так выразиться, только количественная, сводившаяся к той или иной оценке имеющихся в наличности сил. Для всех практиков было идеалом повести дело так, чтобы во главе работы стояли по преимуществу сознательные рабочие. Весь вопрос сводился именно к оценке имеющихся на лицо рабочих; одни считали их достаточно сознательными, чтобы руководить движением, другие были более осторожными и предпочитали продолжать выработку сознательности, а пока руководить самим. Понятно, что более осторожными оказывались не увлекавшиеся старые практики. Они на опыте познали разницу между стремлениями и наклонностями сознательного, социалдемократически выдержанного рабочего и стремлениями и наклонностями всей рабочей массы вообще, и только что извлеченных из этой массы, уже затронутых агитацией, но не ставших еще сознательными средних рабочих в частности. К сознательным рабочим эти старые практики относились, как к вполне равным себе. Их участие в руководстве движением они считали не только желательным, но и прямо необходимым. Интеллигентные же неофиты этой разницы не понимали. Лишенные всякого практического опыта, они вносили в свою работу идеализацию всякого рабочего, своего рода „культ“ рабочего, сильно напоминающий культ „мужичка“ кающимися дворянами народнического пошиба. Как раз эта, не успевшая еще окончательно отделиться от родной интеллигентской среды, молодежь с ярким презрением относилась к „интеллигенщине“ и рабски преклонялась перед всем, что делает, что говорит и чего желает „рабочий“. Исходя из этого культа, молодежь эта и явилась горячей защитницей полной и самой широкой „самодеятельности“ рабочих, совершенно не желая в то же время считаться с их подготовкой к социалдемократической самодеятельности.

Точно так же дело обстояло и со всеми остальными спорными вопросами. В громадном большинстве случаев еще совершенно отсутствует принципиальное обоснование спорной точки зрения. Нет еще литературной обработки выдвинутых жизнью тактических и организационных вопросов. Все дело сводится к коллективному или личному опыту уже работавших.

В Москве работала, например, одна активная группа, которая, проработав 3—4 года, в 95 г. провалилась. „Затишье, наступившее после августовского погрома, продолжалось не-

долго. Уже в октябре того же года возникает новый интеллигентный кружок, который старается восстановить дело своих предшественников¹⁾. В первой части мы подробно останавливались на истории этого первого московского кружка, мы видели, что, приступив к массовой агитации, он завел самые широкие связи с рабочими и отчасти успел уже организационно закрепить эти связи. Новому кружку приходилось начинать дело сначала, связи благодаря провалу утрачены, зародыш организации исчез. На первый план вновь приходится ставить пропагандистские кружки. Центральный комитет Московского Рабочего Союза в только что цитированном отчете объясняет причину эту „тем, что: 1) имея мало связей с рабочими, он только ею и мог заниматься, и 2) после августовского погрома чувствовался такой недостаток в опытных и энергичных руководителях из среды самих рабочих, что вопрос о пропаганде приобрел чрезвычайную важность“²⁾. Но вот, мало-по-малу выплывают старые связи на 28 крупных заводах, отыскиваются распропагандированные прежней организацией рабочие, и под их давлением „занятия начали принимать скорей агитационный характер: на них старались быстро создать активного участника в движении, хотя бы это и шло в ущерб его основательности“³⁾.

Многолетний опыт первой московской организации, выработавший практику одновременного параллельного существования пропаганды и агитации, для ее преемников пропал даром. Сначала они занимаются исключительно одной пропагандой, затем очень скоро забрасывают ее вовсе и вдаются в противоположную крайность—одну агитацию. Вот, что читаем мы в конце отчета за зиму 95—96 года: „В ночь с 10 на 11 ноября были арестованы 23 интеллигента и 30 с лишним рабочих. Второй погром, хотя и меньший по размерам, произошел ровно через месяц с 9-го на 10-е декабря. Кроме того, между этими двумя погромами был целый ряд единичных арестов. Несмотря на эти погромы, московское движение растет и развивается, требуя все более и более интеллигентных сил. К сожалению, в Москве в них чувствуется большой недостаток“³⁾. Так кончается один отчет, а вот начало следующего, помещенного в той же книжке „Работника“. Этот отчет касается деятельности Московского Рабочего Союза за декабрь 96 г. и январь 97 г.,—„Московское движение за последние месяцы отличается двумя осо-

¹⁾ Рабочее движение в Москве. Отчет Центр. Комитета Моск. Раб. Союза. „Работник“, № 3—4, Женева, 97 г., стр. 35.

²⁾ Там-же, стр. 35.

³⁾ Там-же стр. 52.

бенностями. Первая—это почти полное отсутствие вмешательства в него интеллигенции; вызвано оно отчасти тем, что непрерывные аресты не дают ей возможности слиться с движением, отчасти же тем, что, желая держаться старого способа действий, она оказывается бессильной руководить движением и принуждена постоянно идти в его хвосте (курсив мой М. Л.). Вторая особенность, о которой мы упомянули выше,—это борьба за сокращение рабочего дня, охватившая все московские заводы и переходящая в последнее время на фабрики¹⁾.

За два месяца радикально изменился состав „Союза“ традиционная связь между новым и старым составом Союза исчезла. Небольшие остатки старого направления чувствуют и отстаивают необходимость не забрасывать окончательно кружковую работу. Но агитационная работа при усилившемся стачечном движении требует всех наличных сил организации. Пропаганда уже считается анахронизмом, отстаивающие ее характеризуются, как „идушие в хвосте“ движения. Очевидно, что во главе движения теперь уже стоят те быстро сфабрикованные агитацией „активные участники в движении“—интеллигенты и рабочие, „активность“ которых по словам первого отчета шла в ущерб их основательности.

Мы остановились на московском отчете, который охватывает период приблизительно в два года. За это время массовое движение разрослось страшно быстро, а между тем организация потерпела три почти полных провала. С каждым провалом работа совершенно прерывалась, и каждому новому составу характер работы приходилось выработать каждый раз сызнова. Все зависело от немногих уцелевших от погрома работников и от вновь привлеченных к работе. При таких условиях взаимные недоразумения и даже расколы становятся неизбежными. Особенно богата по части расколов и межгрупповых распрей хроника петербургского движения. Попытаемся по данным Акимова хотя бы только перечислить все группы, работавшие в Петербурге и существовавшие одновременно в период 95—97 годов. „Наряду с „Союзом Борьбы“ в это время работала в Петербурге группа „Молодых“²⁾. „Весною 96 г., кроме двух групп, действовала также группа, ведшая свое происхождение от группы рабочих Невского завода.. и еще одна организация, создавшаяся около одной воскресной школы“³⁾; затем „группа 4-го ли-

¹⁾ „Работник“, № 3—4, стр. 94.

²⁾ „Очерк развития социалдемократии в России“, стр. 46.

³⁾ Там же, стр. 54.

стка" ¹⁾; „молодые в свою очередь распадались на две группы—назову их А и Б, которые обе не ладили со стариками... Уже летом (97 г.) сложилась группа рабочих „Рабочая Мысль“, осенью же образовалась „группа технологов“, вышедших из союза" ²⁾. И все эти группы,—а мы убеждены, что список их далеко не полон,—то сливаясь, то опять раскалываясь, действуют одновременно, часто на одном и том же заводе, среди одних и тех же рабочих, и при том каждая из этих групп от времени до времени то частично, то целиком проваливается и, таким образом, сама, быть может, не раз меняет свою физиономию. „В ночь с 8-го на 9-е декабря 1895 г. произошли аресты членов обеих групп. Аресты продолжались весь декабрь и январь 96 г. и частью в феврале. Союз Борьбы пострадал особенно сильно, потому что его членов забрали сразу, хотя и не всех; аресты же молодых растянулись, и те, кого взяли позже, успели передать дела вновь привлеченным лицам. Поэтому работа с января 96 г. легла преимущественно на группу „молодых“... через два месяца события заставили всех работавших в С.П.Б. социалдемократов действовать сообща; это об'единило их, и с осени они выступили, как единая организация, принявшая старое имя Союза Борьбы" ³⁾. Затем опять произошли провал и раскол. Летом 97 г. „во главе ослабленного разгромом Союза формально стояли не те товарищи, которые руководили борьбой 96-го и начала 97-го года, а „старики“, члены Союза Борьбы 95-го года" ⁴⁾. И так далее без конца. Все это происходит далеко не в одном только Петербурге; в каждом городе, где ведется интенсивная работа, мы наблюдаем то же самое. Чем шире разрастается движение, тем чаще происходят аресты и массовые провалы. тем слабее становится связь между вновь вступившими в работу и старыми работниками; растет разногласие между отдельными членами организаций, а с нею множатся и поводы к расколам и взаимным недоразумениям. С другой стороны, чем меньше подготовленными к работе, вообще, оказываются новобранцы движения (а мы знаем, что благодаря „легальному"—вульгаризированному марксизму, а также отсутствию возможности более или менее продолжительной работы, подготовка практиков в это время сильно хромала), тем более неизбежной становилась возможность раскола...

„У нас есть много людей,—говорит Плеханов,—называющих себя социалдемократами и не усвоивших себе даже

¹⁾ „Очерк развития соц.-дем. в России". Стр. 56.

²⁾ Там же, стр. 59.

³⁾ Акимов. „Очерк разв. с.-д. в России." Стр. 53—54.

⁴⁾ Там же, стр. 58.

азбуки современного социализма. Этим и объясняется господствующая у нас теперь неразбериха, благодаря которой скоро можно будет с уверенностью сказать, что там, где встретятся два русских социалдемократа, наверно окажется три социалдемократических партии¹⁾. Плеханов писал эти строки в 900 г. Русские практики ясно сознавали эту неразбериху уже в 97 году. Уже тогда, встречаясь друг с другом, два социалдемократ невольно задавали каждый себе вопрос: да действительно ли социалдемократ мой собеседник? Эта разноголосица чувствовалась практиками тем сильнее, что, несмотря на то, что вся деятельность социалдемократов происходила в подполье, результаты ее все с большей силой пробивались наружу. О социалдемократях говорило уже все общество, социалдемократы участвовали на публичных дискуссиях в Вольно-экономическом Обществе в Петербурге, на лекциях в статистическом отделе Юридического об-ва в Москве, на всевозможных студенческих вечеринках. Прокламации социалдемократов цитировались даже в правительственных сообщениях. Как мы увидим ниже, правительство в то время уже начинало приспособлять свою тактику борьбы с рабочим движением к тактике социалдемократов. На публичных дискуссиях (на которых уже сильно заметно присутствие рабочих), в кружках, на агитационных сходках ораторам ставятся вопросы, как смотрят русские социалдемократы на то или иное событие русской или мировой жизни, как оценивают они тот или иной правительственный акт. Задаваемые вопросы выходят уже далеко за рамки обычной темы борьбы рабочих с капиталистами. И вот, оратором от имени социалдемократов выступает какой-нибудь студент или недавно кончивший гимназист, вся социалдемократическая эрудиция которого зиждется на только что прочитанных двух-трех популярных брошюрках и нескольких плохо понятых, но тем тверже заученных фраз из Бельтова, Волгина, Туган-Барановского или Струве. И этот оратор от имени социалдемократии вещает ответы, без запинки говорит о золотой валюте, о миссии пролетариата, о торговом договоре, о хлебном рынке, об экономическом материализме и т. д. Слова: метафизика, монизм, эклектизм так и сыплются, а речь так и пестрит цитатами якобы из Маркса, Плеханова и т. д. Такой оратор говорит по большей части чушь, ничего общего с социалдемократической точкой зрения не имеющую, разбить которую не стоит большого труда мало-мальски образованному слушателю. И если такого „социал-

¹⁾ Vadetekum. Для редакции Рабочего Дела. Предисловие Плеханова стр. LI. Женева 1900 г.

демократа“ оппоненты сажают, что называется, в калошу это—еще полбеда; но беда в том, что завтра та же аудитория, выслушав уже серьезного, научно подготовленного социалдемократа, становится втупик: кто же из двух ораторов в самом деле говорит от имени социалдемократии, кто из них выражает действительное настроение действительных русских социалдемократов? А так как широкое общество гораздо чаще сталкивается, именно, с этими только что описанными, недавно вышедшими из его среды интеллигентными недоучками—„социалдемократами“ или с легальными вульгаризаторами Маркса—пока еще тоже причисляющими себя к социалдемократии,—и лишь очень редко видит более серьезных, настоящих работников, целиком ушедших в практическую подпольную работу, то понятно, что социалдемократической точкой зрения оно склонно считать взгляды этих „салонных“ социалдемократов. На этой почве—говорит Ленин,—„оказалось возможным сочинить комический слух, будто петербургский „Союз Борьбы“ есть организация не социалдемократическая“¹⁾. Этот слух оказался возможным лишь потому, что действительная практика действительных социалдемократических организаций резко разнилась от болтовни тех социалдемократов, вся роль которых сводилась исключительно к тому, что они давали обильный материал для карикатур, рисуемых на русских марксистов господами Кареевыми, Михайловскими и Кривенко.

Но еще большая неразбериха должна была проявиться, когда чушь стали говорить и писать не только отдельные, по выражению Михайловского, „марксята“, но и целые организации, вроде питерских „молодых“, и когда эту чушь начинали возводить в принцип, противопоставлять его принципам революционной социалдемократии, и этим принципом объяснять право на свое отдельное существование.

XVII.

Московская организация уже в 94 году, как только стала переходить к широкой агитационной работе, на одном из своих заседаний возбудила вопрос о необходимости выпустить манифест с изложением основной точки зрения организации по главнейшим вопросам, чтобы этим манифестом раз на всегда закрепить политическую физиономию организации. Инициаторы этой идеи в самом факте издания мани-

¹⁾ Ленин. „Задачи русских социалдемократов“. 3-е издание Женеве 1905 г. стр. 36.

феста видели первый шаг к созданию единой партии. Московский союз, говорили они, послужит ядром для группировки всех единомыслящих. Географическое положение Москвы прямо навязывает ей роль центра рабочего движения. Весь центральный промышленный район, все Поволжье легко могут связаться с Москвой, и московская организация будет снабжать остальные организации однообразной литературой, будет сосредоточивать и распространять по другим организациям сведения о рабочем движении всей России и содействовать, таким образом, действительно общей и единообразной деятельности всех социалдемократов.

Тогда эта идея была оставлена. В качестве главного возражения против нее выставлялось то, что прежде, чем мечтать о создании единой партии, надо предварительно закончить работу по организации в самой Москве. „Мы еще не в силах объединить в одну организацию всех действующих в Москве социалдемократов одиночек, где-же нам мечтать об объединении всей России“... „С другой стороны,—продолжали оппоненты,—мы выпустим манифест, завтра мы провалимся, будут ли наши преемники смотреть на дело так же, как мы смотрим, будут ли у нас вообще преемники, все это неизвестно; манифест можно будет выпустить лишь тогда, когда рабочее движение в Москве настолько упрочится, что у нас будут гарантии, что оно сохранится и после нашего провала“. Весной 95 года, после того, как московская организация окрепла настолько, что, выдержав ряд провалов, продолжала функционировать и все расширяться, она снова подымает вопрос об издании манифеста. Но теперь она уже ставит вопрос иначе. Теперь она уже знает о самостоятельном существовании целого ряда организаций, работающих в других местах. Теперь, по ее мнению, было бы желательнее издать этот манифест не от имени одной организации, а от имени всех наличных действующих организаций. Желательно, чтобы этот манифест был результатом коллективного опыта всех социалдемократов-практиков. Поэтому необходимо, чтобы манифест был выработан на съезде. Но этот съезд не должен ограничиваться выработкой одного манифеста: он должен создать партию, а с этой целью нужно, чтобы он утвердил в качестве центральной организации одну какую-нибудь наиболее старую и опытную организацию. Такой утвержденный съездом центр будет обслуживать все местные организации партии по части издания и распространения литературы, по части сношений, связей, распределения сил и т. п.

Чтобы осуществить на деле идею о съезде, москвичи командировали двух товарищей, чтобы те при помощи местных

связей разыскали все действующие организации и связали их с Москвой. Та же идея о с'езде возникает и у петербургской „Группы 4-го листка“. Она, по словам Акимова, предлагает „немедленно созвать с'езд социалдемократических организаций в России, сорганизоваться в партию и передать к ее услугам типографию „Группы“¹⁾. Провалы 95—96 годов покончили с этими попытками. Но идея о с'езде носится в воздухе, она возникает самостоятельно в различных организациях и неотступно ставится перед каждой действующей группой, перед каждым активным работником.

Петербургскому „Союзу необходимо было формулировать всю совокупность тех основных принципов, которым он руководился в своей практической деятельности. Таким образом, рост сознательного рабочего движения неизбежно ставил перед Союзом вопрос о вполне определенной социалдемократической программе. Программа требовалась тем настоятельнее, что функции Союза, как представителя петербургского сознательного рабочего движения, становились все более важными и ответственными. Как таковому, Союзу приходилось выступать и перед русским обществом, и перед правительством, и перед заграничными русскими и иностранными социалистическими организациями и, наконец, перед социалистическими организациями, существующими в пределах Российской империи, каковы, например, группы Народовольцев, Польская социалистическая партия и Еврейская организация. Союзу необходимо было определить свою физиономию и, следовательно, вопрос о программе был вопросом крайне важным²⁾. Летом 1896 г. Н. К. Крупская об'езжает ряд организаций, чтобы столкнуться об издании общей нелегальной газеты и о подготовке с'езда партии. В марте 1897 г. Киевская группа „Рабочей газеты“ делает первую неудачную попытку созыва с'езда и, наконец, только в марте 1898 г. ей удается созвать первый с'езд социалдемократических организаций. Петербуржец приводит из архива „Рабочей Мысли“ следующий документ:

Программа С'езда.

А.

1. Ознакомление с положением дел в различных пунктах дает основание для постановки вопроса о форме об'единения групп. Здесь возникает вопрос: возможна ли в настоящее время организация партии или только федеративного союза отдельных групп.

1) См. Акимова „Очерк разв. с.-д. в России“ стр. 57.

2) Петербуржец. — „Очерк Петербург. рабоч. движения“ Лондон 1902 г. стр. 49—50.

Доводы pro и contra.

II. Цель предполагаемой организации.

III. Необходимость в том и другом случаях учреждения:

1) Центральный комитет, задачи его и соответствующий состав.

а) Входят ли в его задачу редакционные функции, и не должны ли эти последние быть представлены особому органу редакционной комиссии?

Сюда необходимо примыкает вопрос о постановке органа и об устройстве типографии.

Примечание. Центральный Комитет есть учреждение представительное. Ему присваиваются две функции: а) инициаторская и в) исполнительная. Функции а) заключается в том, чтобы намечать ближайшие задачи общего характера (съезды, маевки и проч.) и предлагать их обсуждению всех групп. Функции в) исполнительная распадается на а) внутренняя—поместная и в) внешняя: сношения одних групп с другими, сношения с границей, установление единства шифра, паролей и т. д., и т. д.

Сюда входит также вопрос о транспортах.

в) Отношение Центрального Комитета к местным организациям.

2) Местные организации.

а) Местные центральные комитеты.

в) Рабочие комитеты.

с) Организации рабочих.

3) Вопросы тактики.

а) Агитация и пропаганда на почве рабочего движения. Вопросные листки для собирания сведений о положении рабочего класса в данной местности.

в) Агитация: агитаторы, листки.

с) Пропаганда: газеты, книги, кружки.

Б.

Выработка общей программы социалдемократов.

Примечание. Петербургский Союз Борьбы за Освобождение Рабочего Класса представил с своей стороны мотивированный проект программы.

Важнейшими пунктами являются:

1. Тезисы теоретических основ русской социалдемократии.

II. Практическая программа.

а) рабочий вопрос,

б) экономика и политика,

с) практическое отношение к абсолютизму,

д) аграрный вопрос,

е) отношение к другим революционным партиям,

ф) отношение к Польской социалистической партии,

г) отношение к Группе „Освобождение Труда“,

h) отношение к западно-европейской социалдемократии,

и) участие в конгрессах“.

К этому проекту программы приложена также и „Общественная записка“. К сожалению, Петербуржец, перепечатывая ее в качестве материала для истории первого съезда, совершенно не указал, является-ли эта записка комментарием

к проекту программы, предложенным инициаторами созыва съезда, или это своего рода контр-проект программы съезда, представленный какой-нибудь другой группой. На вторую мысль нас наталкивает некоторое разногласие между „Объяснительной запиской“ и „Программой съезда“, как, например, по вопросу о местной организации. Впрочем, вопрос об авторстве этой записки в данную минуту для нас довольно безразличен; важна лишь сама постановка вопросов в обоих документах, по которой можно судить о тенденции к решению их. В виду особой важности, отметить все существовавшие тогда тенденции к решению наблевших вопросов, мы и этот документ перепечатаваем целиком.

„Главная цель съезда—объединить отдельные группы в социалдемократическую партию. Это можно лишь при существовании общей теоретической и практической программы.

„Задача съезда выработать ее. Для этого каждый депутат должен представить проект программы. Теоретические посылки и практические выводы из них должны быть выражены в ясных и кратких выражениях. Каждое из последних должно быть отдельно обосновано (образцом может служить Эрфуртская программа). Важно в современном экономическом положении России особенное внимание обратить на аграрный вопрос, общину, переселения, артели, кустарей, дать подробную и определенную характеристику общественных слоев России. Группировка партий, отношение к ним социалдемократов, критика народников и народовольцев, отношение к П. П. С. Выразителем партии является общий орган в России: программа, состав редакции, техника дела, необходимость и характер заграничного органа, местные органы, их характер. Необходимо для ясного представления о практической работе, чтобы каждый депутат выдвинул назревшие в его районе вопросы. Во 1) агитация: устная и письменная, экономическая и политическая, стачки, 1-ое Мая. 2) Пропаганда: а) кружки, цель их, способ и программа занятий; б) Литература — подготовительная, переходная и серьезная, экономическая, политическая и религиозная, наметить темы; в) легальная пропаганда: воскресные школы, народные читальни, чтение, библиотеки. 3) Организация: общая организация партии и ее организация по районам; сношения отдельных городов (заготовка к съезду больше адресов), финансы. Местная организация, общий рабочий союз, собрание представителей, центральный рабочий комитет, заводские кружки, руководители; профессиональные союзы. Кассы—общая и местная (в каждом заводе и фабрике), характер их (боевая и взаимопомощи). Библиотеки, дисциплина. Отношение к рабочей интеллигенции, к рабочим организациям. Организация такой интеллигенции. Транспорт, обмен литературой, сношения с организациями; где лучше издавать литературу — в России или за границей? Работа в деревне, характеристика, нужная для этого литература, практические отношения к другим революционным группам, к П. П. С. Заведывание изданием литературы. Отношение к эмигрантам. Программа вопросов для собиранья сведений о положении рабочего класса в России.

„Работы съезда должны начаться выслушиванием докладов представителей различных групп о положении дел в районах действия этих групп. Таким образом будут выяснены силы и средства, которыми мы сможем располагать“.

Прежде, чем перейти к постановлениям съезда попытаемся разобрать приведенные нами документы. Из них явствует, что главнейшими, насущнейшими задачами организаторы съезда считали формулировку общеобязательной для всех русских социалдемократов теоретической основы работы, затем создание, на основании практического опыта местных работников, единообразного типа местных организаций и, наконец, образование центрального аппарата, облегчающего и регулирующего работу на местах. Авторы проекта „Программы съезда“ допускают двойкий способ решения вопроса об объединении действующих организаций: федерация вполне самостоятельных отдельных групп или полное слияние в одну единую партию. Авторы „Объяснительной записки“ на этот вопрос отвечают: „главная цель съезда объединить отдельные группы в социалдемократическую партию“, но тут же добавляют: „это можно лишь при существовании общей теоретической и практической программы“. И так, следовательно, вопрос ставился таким образом: объединение необходимо во что бы то ни стало, продолжать разрозненную работу—это, значит, тратить понапрасну массу сил и, после каждого провала, терять опыт предшественников, терять выработанные ими традиции работы, словом, каждый раз начинать работу сначала. Если съехавшимся организациям не удастся спеться в программных вопросах, нужно создать хотя бы федерацию, т.-е. объединение на почве только технических функций. Если окажется возможным сойтись на одной программе—слияние должно быть полным, должна быть образована партия.

Вопрос этот мог быть предreshен уже при самом созыве съезда; он мог быть поставлен инициаторами съезда в следующей форме. Созвать ли съезд из представителей всех действующих в России социалдемократических организаций, не выяснив предварительно их отношения к важнейшим программным вопросам и рискуя, таким образом, возможностью, не добившись соглашения в вопросе о программе, удовлетвориться одной лишь технической федерацией—или же, жертвуя полнотой представительства, во что бы то ни стало стремиться к созданию вполне единомыслящего, вполне спевшегося партийного ядра, могущего послужить знаменем, вокруг которого в будущем сгруппировались бы принявшие программу организации.

Если даже оставить в стороне фактическую невозможность, при тогдашних условиях конспиративной работы, кому бы то ни было знать все действовавшие в России организации и снестись с ними, перед инициаторами съезда стоял прямо-таки неразрешимый вопрос: какую установить норму приглашения на съезд. Представим себе действительное положение

вещей в то время. Начиная с 96—97 г. социалдемократические группы, кружки и организации росли, как грибы после дождя. Они возникали совершенно самостоятельно и среди оторванных от центра рабочих, и среди студентов и гимназистов, и среди поднадзорных в каком-нибудь глухом углу России и, наконец, среди ссыльных в отдаленнейших местах Сибири. Все эти группки и кружки с жадностью ищут работы, но далеко не все находят ее. (Мне вспоминается, например, один весьма курьезный, но тем не менее весьма характерный случай, который имел место в Орле. Кружок интеллигентов-пропагандистов, состоявший из 8 человек, не находя приложения своим силам, употребляет всю свою энергию на то, чтобы „обслуживать“ одного единственного пролетария, которого им удалось, наконец, заполучить в лице местного водовоза). И наряду с этими маленькими группками, которые сочиняли уставы для своих существующих или будущих организаций и открывали целый ряд уже давно открытых Америк, возникали крупные рабочие организации чисто профессионального характера, вроде Всеобщего еврейского союза щетинщиков, а также организации, ведущие широкую вполне социалдемократическую работу, но по той либо иной причине не называющие себя социалдемократическими. Были организации с прочно установившейся репутацией и обширным боевым опытом, с самыми широкими связями, были и такие, которые возникли только вчера и не обладали ни опытом, ни связями. Некоторые организации существовали хотя и давно, но, благодаря совершенно новому (вследствие провалов) составу своих членов, утратили всякие традиции своих предшественников и не были знакомы со своей собственной историей; наряду с этим, где-нибудь вдали от них, в ссылке, сидели не у дел, выбитые из строя, создавшие эти организации и прожившие с ними всю их историю опытные практики. Кроме того, в Петербурге, например, как мы уже видели, одновременно действовал целый ряд конкурировавших друг с другом организаций, что нередко имело место и в провинции.

Нужно ли было звать на съезд все конкурирующие организации и, таким образом, давать равное право голоса, как Союзу Борьбы, так и какой-нибудь, по номенклатуре Акимова, части группы „молодых“—А или Б, все заслуги которых сводились к тому, что они „не ладили“ со стариками? Все это в высшей степени затрудняло инициаторов съезда и делало почти неразрешимым вопрос о том, кого именно и на каких основаниях приглашать на съезд. Попытка разобраться в этом вопросе затянула бы самый созыв съезда до бесконечности, и все-таки заранее можно было быть уверенным,

что достигнуть хотя бы сколько-нибудь полного представительства на съезде всех действительно работающих истинных социалдемократических организаций ни в коем случае не удастся.

Таким образом, группа инициаторов волей-неволей должна была отказаться от мысли о полном съезде всех социалдемократических организаций и должна была остановиться на единственно в то время возможном созыве представителей более или менее спевшихся в важнейших вопросах организаций. Из бесчисленного множества действовавших тогда кружков, групп и организаций на первом съезде участвовали лишь следующие: Петербургский, Московский, Киевский и Екатеринославский Союзы Борьбы за Освобождение Рабочего Класа, Киевская группа, издававшая „Рабочую Газету“ и Общееврейский Рабочий Союз в России и Польше (Бунд) ¹⁾.

Нет сомнения, что только что названные нами организации не исчерпывали собой списка всех единомыслящих. Что это действительно так, видно из того, что Иваново-Вознесенский Рабочий Союз, как только узнает о решениях съезда, немедленно примыкает к партии. Очевидно, уже во время созыва съезда он в общих чертах разделял принципиальную позицию приглашенных на съезд организаций, и если не попал туда, то это объясняется исключительно невозможностью во-время снестись с ним по чисто полицейским условиям. „Летом 98 года—читаем мы в брошюре, посвященной работе в этом районе,—в Иванове был получен манифест Российской Социалдемократической Рабочей Партии, который сначала не произвел на товарищей сильного впечатления, не прибавил бодрости и энергии; но уже к осени 1898 года началось горячее обсуждение его, а вместе с этим наш Рабочий Союз преобразовался в Иваново-Вознесенский Комитет Российской Социалдемократической Рабочей Партии. Теперь мы не одни: мы соединились с другими товарищами, чтобы лучше бороться с правительством против политического гнета, и с фабрикантом против экономического рабства“ ²⁾.

Очевидно, на съезде могла бы также присутствовать и группа, издававшая „Рабочее Знамя“ и выступившая под громким именем Российской Социалдемократической Партии. В первом же номере своей вышедшей немедленно после съезда газеты она заявляет свою солидарность с выпущенным партией манифестом. „Наш номер был почти закончен,—читаем мы в этом

¹⁾ Участники съезда Н. И. Радченко (от СПб.), А. Ванновский (Москва), К. А. Петрусевич (Екатеринослав), П. Л. Тучанский (Киев), Эйдельман и Вигдорчик (Раб. Газета), Кремер, Мутник и один часо (от Бунда).

²⁾ „Рабоч. движение в Иваново-Вознесенском районе за последние 51 лет. Женева. 1900 г., стр. 27.

органе, когда мы получили Манифест Рос. Соц.-Дем. Раб. Партии... Приветствуя это об'единение, как одно из самых отрядных явлений в русском рабочем движении, мы высказываем надежду и уверенность, что обе партии будут делать одно дело, двигаться к одной цели и встречаться на пути только для того, чтобы оказывать одна другой содействие. Только безобразные условия, заставляющие борцов за рабочее дело действовать тайно, могли привести к одновременному образованию двух партий, стремящихся к одной цели. Насколько можно судить по манифесту, у нас не только общая цель, повидимому, одинаков и путь" ¹⁾).

Не попала эта „партия“ на с'езд—хотя инициаторы с'езда знали о ее существовании, но не считали ее единомыслящей.

Чтобы покончить с вопросом о составе с'езда, мы должны отметить еще отсутствие на с'езде представителей от группы „Освобождение Труда“. Созы́вавшая с'езд группа „Рабочей Газеты“, несомненно, находилась в сношениях с группой „Освобождение Труда“. „Выпустив № 1 „Рабочей Газеты“ осенью 97 года,—говорит Акимов со слов доклада Киевского комитета II-му с'езду,—киевская социалдемократическая группа послала своего делегата за границу, чтобы просить помощи у гр. „Освобождение Труда“ и поделиться с ней своими мнениями“ ²⁾. О сношениях с „Рабочей Газетой“ говорит и Аксельрод, который посылал в нее статью „К вопросу о современных задачах и тактике русских социалдемократов“ ³⁾; о существовании в то время сношений с Россией читаем мы также у Плеханова ⁴⁾. Мы можем лишь отметить, что в программе с'езда, с одной стороны, совершенно обходится молчанием „Проект программы русских социалдемократов“, выработанный группой „Освобождение Труда“ тогда, как говорится о проекте программы Петербургского Союза Борьбы; а с другой стороны в той же программе с'езда мы находим пункт об отношении к группе „Освобождение Труда“. Этот пункт авторами „Об'яснительной записки“ расширяется в вопрос об отношении к эмигрантам.

Петербургский Союз Борьбы должен был, как мы видели, представить на с'езд мотивированный проект партийной программы. „Союз был так завален текущей работой,—говорит Петербуржец,—что у него решительно не хватало ни времени, ни сил заняться составлением программы, и эта работа была поручена одному товарищу, стоявшему тогда в стороне от активной деятельности. Поручение было выполнено в виде

¹⁾ „Раб. Знамя“ орг. Русск. Соц.-Дем. Партии № 1. Май. 1898.

²⁾ Акимов. „Очерк развития Соц.-Демократии в России. Стр. 100.

³⁾ „Работник“ № 5—6. Женева 1899 г. Стр. 1.

⁴⁾ „Vadetekum“. Женева 1900 г. Предисловие. Стр. XLVII

проекта программы партии. Но, к несчастью, ввиду полицейских условий проект программы был уничтожен, даже не будучи прочитан большинством участников Союза¹⁾. Съезд не имел в своем распоряжении какого-либо проекта программы, выработать же ее коллективными силами во время своих заседаний он не имел возможности; поэтому, поручив центральному комитету или какому-нибудь одному лицу выработать проект, он решил этот будущий проект считать принятым после утверждения его комитетами на местах.

Сравнивая „Программу съезда“ с „Объяснительной запиской“, мы видим, что и в программных вопросах точки зрения авторов не вполне совпадают. „Программа съезда“ выдвигает два вопроса, касающиеся политической борьбы — „экономика и политика“ и „практическое отношение к абсолютизму“. Первый из упомянутых пунктов должен был, очевидно, разрешить вопрос, уже волновавший многих практиков: в каком отношении должна находиться борьба экономическая к борьбе политической. Программа съезда не берется предрешать этот вопрос, потому что второй из отмеченных нами пунктов — „практическое отношение к абсолютизму“ допускает самый широкий простор для ответа, вплоть до полного игнорирования абсолютизма и признания несвоевременности борьбы с ним. Авторы „Объяснительной записки“, заявляя, что образцом для партийной программы должна служить „Эрфуртская программа“, тем самым уже предрешают вопрос, делая отказ от „политики“ невозможным. В основу партийной программы должен быть положен тщательный анализ экономического положения России, при чем авторы „Объяснительной записки“ требуют, чтобы прежде, чем перейти к критике существующих политических партий, была бы дана подробная и определенная характеристика общественных слоев России. Другими словами, они желают, чтобы отношение к той или иной партии определялось классовою сущностью этой партии. Авторы записки заранее определяют свое отношение к различным партиям. Относительно „народников“ и „народовольцев“, по их мнению, возможна лишь „критика“, с польской же социалистической партией могут быть установлены определенные отношения. „Программа съезда“, как и „Объяснительная записка“ одинаково далеки от той узости, в которой обвиняли в то время социал-демократов литераторы — народники, приписывавшие им полное игнорирование крестьянского вопроса. Мы находим „аграрный вопрос“ и в „Программе съезда“, и в „Объяснительной записке“.

¹⁾ Очерк петерб. рабоч. движения, Стр. 50. Этот проект программы был написан сидевшим в то время в петербургской тюрьме Н. Лениным и включал в себя основные положения принятой на II съезде программы.

яснительной записке“, при чем последняя рекомендует обратить особое внимание на него и в числе тактических вопросов на видное место выдвигает работу в деревне и создание необходимой для этого литературы.

ГЛАВА XVIII.

Чтобы понять постановку на I съезде организационного вопроса, сыгравшего такую громадную роль в истории нашей партии, мы должны, с одной стороны, подробнее остановиться на имевшихся до съезда проектах организации партии вообще и местной работы в частности, а с другой—рассмотреть, как фактически складывались и уже успели сложиться к съезду наши организации.

Об организации партии впервые заговорила группа „Освобождение Труда“. Как же представляла она себе большую партию? В первой же своей социал-демократической брошюре Плеханов говорит: „Мы думаем, что единственной нефантастической целью русских социалистов может быть теперь только завоевание свободных политических учреждений, с одной стороны, и выработка элементов для образования будущей рабочей социалистической партии (курсив Плеханова) России, с другой“¹⁾. Плеханов отделяет „социалистическую“ партию, которая будет добиваться свободных учреждений, от „рабочей социалистической“ партии, которая, по его мнению, явится лишь после свержения абсолютизма. „Она, т.-е. социалистическая интеллигенция,—говорит Плеханов,—должна всеми силами стремиться к тому, чтобы в первый же период конституционной жизни России наш рабочий класс мог выступить в качестве особой партии с определенной социально-политической программой“²⁾. Это будущее послеконституционное появление „рабочей социалистической“ партии „может быть достигнуто лишь путем усиленной работы в среде, по крайней мере, передовых слоев нашего рабочего класса, путем устной и печатной пропаганды и организации рабочих социалистических кружков“²⁾. „Промышленные рабочие... примкнут к нашей революционной интеллигенции в ее борьбе с абсолютизмом затем, добившись политической свободы, организуются в рабочую социалистиче-

¹⁾ Плеханов „Социализм и политич. борьба“. Сборн. „На два фронта“. Женева 1905 г., стр. 75.

²⁾ Там же, стр. 78.

скую партию“¹⁾ (курсив мой М. Л.). „Самая первая, самая настоящая и в то-же время самая очевидная и бесспорная из всех ближайших задач русских социалистов,—говорит Плеханов в другом месте,—заключается в поддержании своего существования, как особой социалистической партии рядом с другими либеральными партиями (курсив Плеханова), образуящиеся или имеющими образоваться для борьбы с абсолютизмом... Но поддерживать свое существование, как особой партии, русские социалисты смогут только при одном условии, именно, при возбуждении сознательного политического движения в среде рабочего класса“²⁾.

Организационный план Плеханова сводится, стало быть, к следующему: необходимо немедленно об'единить в одну боевую социалистическую партию всех действующих ныне интеллигентов-социалистов. Эта партия должна поставить себе две важнейших задачи: бороться с самодержавием и, организуя социалистические кружки рабочих, готовить, таким образом, организацию будущей рабочей партии. До падения абсолютизма широкая рабочая партия в России невозможна, возможна лишь революционная организация, вроде „Народной Воли“ или „Земли и Воли“. „В России вообще, а не только между социал-демократами,—формулирует Плеханов в свой организационный план,—пока еще нет сильной революционной организации. Остается говорить лишь о наших пожеланиях на этот счет. А пожелания наши сводятся к созданию подвижной боевой организации, вроде общества „Земля и Воля“ или „Партии Народной Воли“, организации, являющейся всюду, где можно нанести удар правительству, поддерживающей всякое революционное движение против существующего порядка вещей и в то-же время ни на минуту не упускающей из виду будущности нашего движения“³⁾ (курсив Плеханова).

Этот-же организационный план поддерживает и другой видный деятель группы „Освобождение Труда“, П. Аксельрод. „Вам необходимо,—пишет он в своем письме к социалистам-рабочим,—прежде всего самим организоваться и образовать из себя такое же крепкое революционное ядро (курсив мой М. Л.), каким лет пятнадцать тому назад была

¹⁾ Там же, стр. 82.

²⁾ Плеханов. „Политич. задачи рус. социалистов“. „Социалист“ № 11. Июнь 1889 г.

³⁾ „О соц.-демократии в России“. Послесловие к Туну. Стр. 390.

организация „Земли и Воли“, а потом „Народная Воля“¹⁾. Но Аксельрод, в отличие от Плеханова, допускает возможность создания социалистической рабочей партии и до падения абсолютизма, в самом процессе борьбы с абсолютизмом. Правда, такая партия не будет открытой, широкой партией в западно-европейском смысле, а будет лишь расширенной заговорщицкой, бланкистской партией со включением в нее передовых рабочих. „Нашим передовым рабочим,— говорит Аксельрод,— необходимо организовать в кружки и стараться о том, чтобы возможно скорей образовать из этих кружков одну рабочую партию или один обще-русский рабочий союз“²⁾ (курсив мой М. Л.). Здесь речь идет только о передовых рабочих, рабочей же массе в этой рабочей партии места нет. „В последнее время,— продолжает Аксельрод,— наша революционная молодежь начинает сознавать, что одних только собственных сил ее далеко недостаточно для сколько-нибудь успешной борьбы с правительством. Некоторые из ее представителей поняли, что для обеспечения успеха этой борьбы необходимо заручиться деятельным сочувствием и серьезной поддержкой со стороны фабричных рабочих. Пусть же развитые представители последних спешат воспользоваться этим настроением революционной интеллигенции для создания при ее помощи и совместно с ней самостоятельного рабочего движения. И чем энергичнее и упорнее будут они преследовать свою цель, тем скорее теперешнее, далеко не лестное, мнение образованных людей о наших рабочих уступит место сочувствию и уважению к ним. Вместе с увеличением рабочих кружков и объединением их в один союз, будет расти и готовность революционеров из других классов не только помогать делу этих кружков, но и вступать в них членами. Окончательным последствием деятельности нашей рабочей интеллигенции на указанном пути будет то, что все искренние и сознательные социалисты-революционеры (курсив Аксельрода), какого бы звания и происхождения они ни были, войдут в общий рабочий союз; вместо теперешних революционных кружков, из которых каждый действует за народ и от имени народа, образуется одна социалистическая рабочая (курсив Аксельрода) партия, в состав которой будут входить все действительные друзья трудящихся классов населения“³⁾.

¹⁾ „Зад. раб. интеллигенции в России“. Предисловие ко 2-му изд. Женева 1893 г., стр. II.

²⁾ „Задачи рабочей интеллигенции в России“, стр. 15.

³⁾ Там же, стр. 15—16. Во всех случаях, кроме отмеченных в тексте, курсив мой. М. Л.

Когда брошюра Аксельрода появилась в Москве, она вызвала целую бурю негодования среди сознательных рабочих. Они никак не могли понять, о каких это „действительных друзьях трудящихся классов“ говорит Аксельрод, о каких „образованных людях“, чье „нелестное мнение“ о себе должны рабочие превратить в „уважение и сочувствие“. Да и многое другое осталось им непонятным в изречениях Аксельрода. До этого они, например, привыкли думать, что революционеры-интеллигенты становились социал-демократами не только потому, что они „убедились, что их собственных сил недостаточно для борьбы с правительством“, а потому, что, изучив социал-демократическую литературу и став на точку зрения классовой борьбы, они поняли, что, несмотря на свое „звание и происхождение“, по своему экономическому положению они в громадном большинстве случаев являются такими же пролетариями, как и рабочие физического труда. Зная это, сознательные рабочие весьма критически относились к тем интеллигентам, которые являлись к ним и изображали собою благодетелей-народолюбцев. Им рабочие менее всего верили и никогда не считали своими. Мне лично пришлось слышать, как в Москве на одной студенческой вечеринке рабочий отчитывал говорившего перед ним студента-народоуправца, который толковал об альтруизме студенчества и о тех жертвах, которые оно приносило и приносит „для народа“. Рабочий отвечал приблизительно следующими словами: „Только тот из вас может принести действительную пользу рабочему делу, кто придет к нам не из филантропии, не из народолюбия, а потому, что сознал свой классовый интерес, в силу которого он должен бороться вместе с нами, в наших рядах. А „народолюбцы“, те придут, наговорят разных жалких слов, вроде того, что мы-де жертву приносим, что до вас, хамов, спускаемся. А там, глядишь, получил диплом, снял революционный мундир, пристроился к казенному пирогу, и поминай, как звали. Нет, нам таких филантропов не нужно, подальше бы им от нас!“

Далее мы поговорим несколько подробнее о том различии, которое существовало во взгляде на интеллигенцию у громадного большинства русских практиков социал-демократов и вполне сознательных рабочих, с одной стороны, и у группы „Освобождение Труда“—с другой. Позднее, во времена расцвета, так называемого, экономизма, его последователи в этом вопросе стали целиком на точку зрения Аксельрода. Исходя из этого взгляда, который рассматривал интеллигентов, как „друзей“, чуждых пролетариату, они подняли травлю против интеллигенции и старались изгнать ее из организаций, как элемент, посторонний рабочему

делу. Но об этом после. Теперь же вернемся к организационному вопросу.

И ак, к чему же сводился организационный план группы „Освобождение Труда“? По этому плану прежде всего необходимо создать революционное ядро, нечто вроде организации „Земли и Воли“ или „Народной Воли“, т.-е. строго конспиративный центральный заговорщический аппарат. Центр этого аппарата, при помощи целой сети исполнительных, филиальных отделений и агентур, руководит всем движением, ведает всю техническую работу. Неудачи „Земли и Воли“ и „Народной Воли“ объясняются тем, что они представляли штаб без армии. Задача социалдемократов, создав штаб по примеру старых революционеров, приступить к созданию армии. Армией должен служить промышленный пролетариат. Организоваться и выступить в правильном боевом порядке в виде самостоятельной рабочей партии эта армия, по мнению Плеханова, сможет лишь после свержения абсолютизма, а до той поры пролетариат должен служить только средой, в которой в процессе борьбы с абсолютизмом преимущественно будут действовать революционеры-социалисты. Проникать в эту среду они будут при помощи пропагандистских кружков. Кружки эти, становясь сознательными, будут постепенно входить в обще-русский рабочий союз, т.-е. примыкать к основному революционному ядру. Но это не будет чисто рабочий союз, потому что по мере его роста, как мы только что видели у Аксельрода, будет „расти и готовность революционеров из других классов... вступать в них (в кружки) членами“. Конечная цель этого организационного плана, по мнению того же Аксельрода, заключается в том, чтобы этот обще-русский союз или социалистическая рабочая партия поглотила „всех действительных друзей трудящихся классов населения“.

Всего два года прошло с тех пор, как Плеханов написал свою статью „О социальной демократии в России“—и Аксельрод—свое предисловие к „Задачам рабочей интеллигенции“¹⁾, а уже петербургские и московские стачки дают сигнал к массовому рабочему выступлению. Широко поставленная агитация глубоко проникает в рабочие массы и расшевеливает их настолько, что они настоятельно требуют организационной связи с социалдемократией. Узкие рамки пропагандистских кружков уже не могут вместить всех, жаждущих войти в ряды действующей армии. Боевые руководящие местные центры, при необходимости соблюдения строгой конспирации, не могут уже поглотить всех вполне распропагандированных социал-

¹⁾ Обе вещи написаны были в 1893 г.

демократов-рабочих. Рабочие массы выделили из своей среды уже значительные кадры рядовых, унтер-офицеров и офицеров, которые настоятельно желали быть действительно организованными в армию, чтобы их революционная энергия, их пробудившаяся жажда деятельности могла быть использована, как следует. История революционного движения 70-х и 80-х годов дала богатый опыт организации штаба, но не могла дать ничего в смысле организации самой армии. И литература группы „Освобождение Труда“, твердившая о необходимости создания организации социалдемократов по образу и подобию „Земли и Воли“ и „Народной Воли“, не давала равно никаких указаний для разрешения этой, выдвинутой жизнью, задачи. Она не давала ничего, так как и без того каждый местный центр, по условиям самой русской жизни, не мог организоваться иначе, чем это делали и не могли не делать все прежние революционеры. Простая же ссылка на пример „Народной Воли“ не отвечала на вопрос, как связать уже создавшиеся местные центры друг с другом, а главное, как организовать уже появившуюся армию. Плеханов, как мы видели выше, отрицал самую возможность возникновения последнего вопроса до падения абсолютизма. По его мнению, рабочая партия могла явиться лишь при конституционном режиме. Аксельрод, допуская возможность создания рабочей партии в доконституционное время, тем не менее, подобно Плеханову, ставит в пример организацию „Народной Воли“ — таким образом, не дает никаких указаний, как, именно, организовать эту социалистическую рабочую партию.

В России каждая местная организация складывалась совершенно естественным путем, без заранее обдуманного плана, вне всякой зависимости от соседних родственных ей по духу организаций. В каком-нибудь городе появляются, скажем, несколько социалдемократов; они образуют первичную организационную ячейку и начинают заводить связи среди рабочих. Последнее удается ей тем легче, чем сильнее успело привиться в данной местности стихийное рабочее движение. По мере роста этих связей растет и сама организация. Если группа организаторов проваливается, до того момента, когда ей удалось организационно закрепить свои связи, все дело в данной местности прерывается, и исчезают следы всякой организации до появления новой группы инициаторов. Возьмем для примера историю хотя бы костромской организации.

„С развитием рабочего движения в крупных промышленных центрах — в Костроме начинают проявлять себя высланные из этих центров глубоко проникнутые революционным

духом рабочие. С появлением выходцев из столиц в Костроме значительно усилилось обращение среди костромских рабочих нелегальной литературы. Наконец, в Кострому был выслан под надзор один интеллигент, убежденный социалдемократ, который первый положил начало социалдемократической пропаганде среди костромских рабочих, организовал в 1895 году первый чисто социалдемократический кружок из нескольких рабочих. Затем в Кострому прибыли еще социалдемократы, и около этих лиц сгруппировался небольшой кружок сочувственно относящихся к социалдемократическим идеям местных интеллигентов¹⁾. Этот кружок постепенно переходит к широкой агитации, и под его влиянием и руководством в сентябре 1896 года удачно проводится сильно нашумевшая в свое время стачка на фабрике Зотовых. Стачка эта была так организована, и рабочие держали себя так хорошо, что приехавший для увещевания рабочих полицеймейстер сказал: „Ну, видно, что здесь петербургские агитаторы действовали“²⁾. После стачки начались провалы. Члены первоначального кружка либо были арестованы, либо вынуждены были уехать. Начатая, было, работа прекращается вовсе. Лишь в 1897 году образуется новый кружок. „Этот кружок состоял из очень горячих, революционно настроенных лиц, но в то же время крайне юных, не успевших еще выработать себе определенных убеждений. Таким образом, влияние социалдемократов на костромское рабочее движение свелось единственно к тому, что они передавали через новую группу интеллигентов рабочим социалдемократическую нелегальную литературу“³⁾. Тем не менее, уцелевшие от первого кружка распропагандированные рабочие вместе с вновь приезжими из центров поднимают вопрос о постоянной организации, и в 1898 году им действительно удается сорганизоваться в боевую кассу.

Так развивалось дело в Костроме; приблизительно то же мы наблюдаем в Харькове⁴⁾ и в целом ряде других мест. В Коврове, например, местных интеллигентов не было. К рабочим случайно попадает из Москвы нелегальная социалдемократическая литература; они с жаром накидываются на нее и сейчас же организуют кружки для совместного чтения. Образуется библиотечка, при чем нелегальная литература пополняется легальной; устраивается библиотечная касса. Кассиру вменяется в обязанность во что бы то ни стало, как можно регулярнее добывать нелегальную литературу; с этой целью его отправляют в Москву. После долгих мытарств ему

1) „Раб. движ. в Костроме“. Женева, 1902 г., стр. 6—7.

2) Подробности о стачке см. в „Работнике“ 3—4 кн., стр. 64—68.

3) „Раб. движ. в Костроме“, стр. 12.

4) См. „Раб. движ. в Харькове“. Женева, 1900 г.

удается, наконец, через личных знакомых связаться с московской организацией, и под ее влиянием, вернувшись домой, он превращает самопроизвольно возникшую на почве библиотеки рабочую организацию в боевую социалдемократическую организацию.

Мы привели эти примеры для того, чтобы показать, что наша партия исторически складывалась совершенно иначе, чем старые революционные организации, вроде „Земли и Воли“. Там сначала создавался центр, который укреплялся, вырабатывал свою программу и выкидывал свое определенное знамя. Из этого центра рассылались эмиссары, устраивались временные поселения революционеров, филиальные отделения центральной организации на местах, при центре же организовывались различные специальные группы, которые по его поручению исполняли какие-нибудь определенные функции. Наконец, центр начинал работу с издания партийного органа. Одним словом, центр создавал партию вокруг себя. Он фактически являлся единственным практическим и теоретическим руководителем движения. Организации на местах создавались им, от него же они получали литературу, директивы, прямые приказы, он снабжал их работниками, средствами и связями. Все местные организации были лишь исполнителями приказаний центра. „Организация мелких тайных обществ со всевозможными революционными целями необходима, как для исполнения многочисленных функций партии, так и для тактической выработки ее членов“¹⁾.

Народовольческая организация была организацией строго заговорщицкой, служившей для подготовки политического заговора, и потому она могла быть только организацией штаба, массе же в ней не было и не могло быть места. Можно было сочувствовать „Народной Воле“, считать себя принадлежащим к партии „Народной Воли“ и все-таки не быть организационно связанным с организацией Народной Воли“. „Необходимо различать,—говорит А. Михайлов в процессе 20-ти,—понятие партии от понятия организации. Партия это неопределенная группировка людей единомыслящих, не связанных между собой никакими взаимными обязательствами. Организация же, кроме неперемennого условия единомыслия, предполагает уже известную замкнутость, тесную сплоченность и полную обязательность отношений.. Партия это солидарность мысли, организация — солидарность действия“²⁾.

¹⁾ Программа Исполн. Комитета „Нар. Воля“ № 3, 1 янв. 1880 г.

²⁾ Объяснение А. Михайлова на суде. Прибавление к № 8—9 „Нар. Воли“ 1882 г

„Наша непосредственная задача, — заявляют народовольцы в другом месте, — организация заговора с целью ниспровержения существующего государственного строя.. Работа партии Народной Воли направлена главным образом к тому, чтобы соединить все активно протестующие силы, сплотить их в крепкую централистическую организацию, способную взять на себя инициативу восстания в решительный момент, а до тех пор успешно вести заговорщицкую деятельность, несмотря ни на какие преследования правительства.. Мы ведем организованную работу только среди тех элементов, которые примут участие в самом перевороте“ ¹⁾ (курсив мой М. Л.).

Народовольцы ставили себе ясную и определенную задачу, при помощи заговора создать восстание. На возможность массового восстания крестьянства они не рассчитывали, поэтому организация крестьянской массы считалась „ими совершенной фантазией“ ²⁾. Их план организации должен отвечать следующим целям:

„1) Создание центральной боевой организации, способной начать восстание.

2) Создание провинциальных революционных организаций, способных поддержать восстание.

3) Обеспечить восстанию поддержку городских рабочих.

4) Подготавливать возможность привлечения на свою сторону войска, или парализование его деятельности.

5) Заручиться сочувствием и содействием интеллигенции, главного источника сил при подготовительной работе.

6) Склонить на свою сторону общественное мнение Европы“ ²⁾.

Преследуя эти задачи, центр создавал соответствующие группы: боевую, рабочую, пропагандистскую, студенческую, финансовую, военную и т. д. Он создавал всю организацию, руководил всей работой, но не был ответствен перед организацией. Она не могла ни сместить его, ни изменить при помощи выборов его состава и тем повлиять на его направление, на его решение. „Центральная организация не может быть создана в виде выборного представительства; она должна явиться в виде тайного общества“ ²⁾. Она пополняется сама собой.“

Мы особенно подчеркиваем, что исторически партия Народной Воли, Земли и Воли, да и, вообще, все старые революционные партии в России складывались таким образом, что

¹⁾ Передовица из № 8—9 „Народн Воли“, февраль 82 г.

²⁾ См. об этом Календарь Нар. Воли. „Подготовит. работы партии“.

сначала создавался „неуловимый и недостижимый“¹⁾, употребляя выражение А. Михайлова, центр, и он уже создавал всю партию. Как же обстояло дело с нашей партией. Сначала она идет, как будто бы, по тому же пути. За границей среди русских эмигрантов создается центр—группа „Освобождение Труда“. Этот центр выкидывает свое знамя „Программу русских социалдемократов“, начинает издавать литературу, группирует вокруг себя кружки живущей за границей студенческой молодежи и, наконец, делает попытку (при помощи Дейча) связаться с Россией. И первые социал-демократы действительно были связаны с центром и действовали по его программе. Но тут сходство с историей старых революционных организаций кончается. Первые русские социал-демократические кружки бесследно гибнут во тьме общего индифферентизма 80-х годов, и центр окончательно отрывается от России. Оторванная от стихийного рабочего движения, группа „Освобождение Труда“ не может ни влиять на него, ни сама подвергаться его влиянию, а потому, оставаясь так сказать марксистским центром, она не в состоянии была сохранить роль революционного социал-демократического центра.

В 90-х годах уже вне всякой связи с программой заграничного центра, с его планом действия, совершенно независимо от него и даже друг от друга возникают социалдемократические организации и начинает вестись действительно социал-демократическая работа. Эти новые организации причисляют себя к социалдемократии не потому, что они принимают программу центра—„Программу русских социал-демократов“ (очень часто они ее совершенно не знают), а потому, что они вполне примыкают к принципам всемирной социал-демократии. Их знаменем становится не программа группы „Освобождение Труда“, а Эрфуртская программа германской с.-д. партии, учение западно-европейских социалистов (учение группы Освоб. Труда в том числе). Принимая идейное социалдемократическое знамя, русские социал-демократы не находили уже готового центра, вокруг которого они могли бы организационно сплотиться. Группа „Освобождение Труда“ не сумела сыграть роль такого центра, повторить роль центральных организаций „Земли и Воли“ и „Народной Воли“. Не могла взять на себя эту задачу и ни одна из остальных существовавших организаций.

В каждой данной местности создавался свой центр, независимо от других. Центр этот на месте строил всю работу, создавал всю организацию. Наша партия, в противоположность „Народной Воле“, фактически складывалась с низов, с

¹⁾ Объяснения на суде. Прибавл. к № 8 9 Нар. Воли.

периферии, а не от центра. Местные штабы создались у нас при отсутствии центрального штаба. При росте движения перед каждым таким местным штабом неотложно стояла двойная задача—с одной стороны, сгруппировать вокруг себя свой местный отряд, организационно закрепить уже распропагандированных рабочих, а с другой—соединиться с остальными действующими независимо от него местными штабами в одну партийную организацию, слить все уже имеющиеся на лицо отряды в одну партийную армию.

Еще одна особенность резко отличала историю образования нашей партии от истории старых революционных организаций. Наши местные организации выживали и могли развиваться и укрепляться лишь там, где уже имелось на лицо стихийное рабочее движение или, по крайней мере, существовали элементы этого движения. В большинстве случаев нашим организациям приходилось не вызывать движение, а руководить уже стихийно, помимо их участия начавшимся движением, развивать его, придавать ему сознательную форму, сообщать ему классовый характер.

Благодаря именно этой живой связи наших организаций с массовым движением, наша партия и не могла уподобиться старым революционным партиям. Сохраняя строго конспиративную форму, по внешности похожую на народовольческую, местные социал-демократические организации фактически становились ответственными перед движением. С самого начала они должны были стать демократическими по духу своей работы, не будучи таковыми по способу пополнения своего состава ¹⁾. В этом-то и заключалось глубокое различие между нашей партией и другими революционными партиями. И вот причина, почему группа „Освобождение Труда“ не смогла в свое время сыграть роли нашего партийного центра. Она сложилась и развивалась вне связи с массовым движением; ее первые шаги не были проникнуты тем демократическим духом, которым отличалась работа организаций наших практиков на местах.

Итак, раз история нашего движения не создала центра, подобного центру „Земли и Воли“, раз такой центр, в силу фактических условий, не мог развиваться на заре нашего движения, все проекты Плеханова и Аксельрода о создании партии на манер землевольческой или народовольческой оставались и не могли не оставаться пустыми, бессодержательными

¹⁾ Об этом не мешало бы подумать тем партийным литераторам, которые в настоящее время говорят об интеллигентском, не демократическом характере нашей партии.

и бесполезными для местных работников фразами. Само собой поэтому разумеется, что организационный план группы „Освобождение Труда“ не мог вовсе приниматься в расчет действовавшими в России практиками.

Г Л А В А XIX.

„В марте (1896 г.) руководителями движения,—читаем мы в не раз уже цитированном отчете Ц. К. Московского рабочего союза,—была сделана попытка приступить к устройству организации и боевой кассы. С этой целью решено было созвать собрание представителей отдельных заводов и фабрик. Недостаток подходящего помещения заставил собрать порознь представителей заводских и фабричных рабочих. На этих собраниях выяснились результаты зимней работы и имеющиеся в настоящее время связи, а, главным образом, обсуждался план устройства организации. План этот в общих чертах представлялся в следующем: организация состоит из собрания представителей по одному с каждого заведения и из центрального комитета. В состав центрального комитета входит несколько интеллигентов и человек 6—7 наиболее сознательных, развитых и энергичных рабочих, приблизительно по одному от каждого района, на которые для быстроты сношений разделяется Москва. Центральный комитет руководит всем московским движением, распоряжается средствами организации, доставляет и печатает нелегальную литературу и ведет сношения, как с другими городами, так и с заграницей. Собрания его происходят правильно от одного до двух раз в месяц. Представительское собрание состоит при центральном комитете в качестве совещательного органа, своевременно доставляет центру известия о всем, что делается в их мастерских. Таким образом, является возможность для непрерывной широкой агитации. Организация имеет свою кассу и библиотеку“¹⁾.

Этот план организации, выработанный в 98 году лишь в мелких деталях, отличается от плана Московской организации, принятого летом 95 года²⁾. Это тем более характерно, что между двумя организациями—работавшей до 95 г. и работавшей в 96 г.—почти совсем не сохранилось преемственной связи. Соответствует ли этот план организационному плану Народной Воли, который проповедывался группой „Освобождение Труда“? В известном смысле, да. Центральный

¹⁾ „Раб. движ. в Москве“. „Работник“ № 3—4, стр. 36—37.

²⁾ См. первую часть этой работы, гл. XI.

комитет здесь, как и там, не выбирается организацией, он строго законспирирован, „недосягаем“ для всей массы; он создает всю работу, всю остальную организацию. Это генеральный штаб, главная квартира московского рабочего движения. Но на этом сходство прекращается. Уже представительское собрание есть шаг вперед по сравнению со старыми революционными организациями. Оно является учреждением, непосредственно связывающим штаб с армией, и свидетельствует уже об организации самой армии. Армия эта организуется в кассу.

Вопрос о кассе вызвал сильные споры среди присутствующих; споры эти шли не о задачах кассы, которые все понимали одинаково, а о способах ее устройства. На собрании заводских представителей возник вопрос: ставить ли сразу общую центральную кассу или дойти до нея путем организации об'единения местных касс. Большинство стояло вначале за второй план, но в конце концов было решено все-таки приступить сразу к устройству общей кассы... Собрание же фабричных представителей единогласно высказалось за немедленное устройство общей кассы, хотя бы с обязательным на первое время взносом. Средства общей кассы образуются из вступительного рублевого взноса и ежемесячных взносов в размере двух копеек с заработанного рубля. Лица, ежемесячная выработка которых не достигает 15 рублей, от вступительного взноса освобождаются. Сюда же идут пожертвования сочувствующей интеллигенции. Касса должна быть почти исключительно боевою (т. е. поддерживать стачки, раз они начаты с согласия организации) и оказывать помощь пострадавшим за рабочее дело и их семьям. Кроме того, часть денег уделяется на литературу. Выдача ссуд и пособий допускается в крайних случаях¹⁾.

Здесь, как мы видим, в вопросе о кассах сталкиваются уже два направления. Социалдемократы-руководители и представители массовых фабричных рабочих стоят за устройство центральной кассы с ее разветвлениями на местах. Представители же лучше оплачиваемых заводских рабочих стоят за организацию местных касс, желают первоначально укрепить их, а затем уже думать о соединении их в одну общую центральную кассу. Для непосвященных этот вопрос может казаться пустяковым, чисто техническим вопросом о целесообразности. А между тем, спор этот в свое время имел большое значение, так как в нем столкнулись два прямо противоположных мирозозерцания. Защитники местных касс стали на точку зрения трэд-юнионов; для них касса была не организа-

¹⁾ См. „Работник“ № 3—4. Стр. 37—38.

ционным и агитационным средством классовой борьбы, она являлась целью сама по себе. Они смотрели на кассу не с точки зрения интересов всего рабочего движения, а с точки зрения интересов своего завода, своей профессии, с точки зрения улучшения своего собственного положения. Они не прочь уделять часть средств и общей кассе, но только за определенную услугу—за доставку необходимой им литературы, за ту помощь, которую общая касса может оказать им в случае их забастовки, и т. д.

Модельщики завода Гоппера, организовавшие свою отдельную, чисто профессиональную кассу, так мотивируют свой отказ подчиниться общему уставу центральной кассы: „Общая касса поддерживает лишь такую забастовку, за которую выскажется центральный комитет. Но ведь возможны разногласия между ним и каждым отдельным заводом в вопросе о том, имеет ли смысл данная забастовка... Отдавать весь взнос в общую кассу равносильно тому, чтобы стать в полную зависимость от нея“¹⁾. В этом, именно, пункте и заключается вся сущность разногласия. Центральный комитет может не одобрить возникновения стачки на данном заводе, потому что найдет ее бесполезной для общерабочего дела. Точка зрения защитников профессиональных касс лучше всего выражена в № 1 „Рабочей Мысли“.

„Борьба за экономическое положение, борьба с капиталом на поле ежедневных насущных интересов и стачка, как средство этой борьбы— вот девиз рабочего движения. Эта борьба понятна всем, она закаляет силы и сплачивает рабочих. В ней каждый шаг вперед есть улучшение в жизни, есть новое средство к дальнейшим победам. Раз привлечена вся масса рабочих—этим обеспечены средства к борьбе. Движение перестает быть нищим, живущим подачками со стороны. Средства должны давать сами бойцы, и каждый трудовой грош, вложенный в дело, будет дороже тысяч, данных со стороны. Стремление рабочих заводить кассы знаменует переход к вполне сознательной эпохе движения. Эти кассы должны давать в будущем средства прежде всего не для занятий, не для книг, а для насущного хлеба во время разгара боя, во время стачек. Вокруг касс должны группироваться рабочие, и каждая из них дороже для движения, чем сотня других организаций. Конечно, и дело самообразования должно идти своим чередом, воспитывая интеллигентные единицы. Пусть рабочие ведут борьбу, зная, что борются они не для каких-

¹⁾ „Работник“, № 3—4, стр. 43.

то будущих поколений, а для себя и для своих детей, пусть помнят, что каждая победа, каждая ядь, отбитая у врага, есть пройденная ступень лестницы, ведущей к их собственному благополучию¹⁾.

Социалдемократической, революционной точке зрения—борьба рабочих есть борьба за освобождение рабочего класса—противопоставляется здесь трэд-юнионистская точка зрения—борьба рабочих есть борьба за улучшение положения данных организованных рабочих. Эти две точки зрения казались настолько непримиримыми, что обеим им сразу не было места в рамках одной и той-же организации; одна из них необходимо должна была вытеснить другую. На примере Бунда мы видим, что вторая точка зрения действительно на долгое время вытеснила там первую²⁾. Одну и ту же армию нельзя было организовать под обоими знаменами; а поднять второе знамя—значило отказаться от конечной цели пролетарского движения, отказаться от классовой борьбы.

Но что же могло заставить социалдемократов стать на эту точку зрения? Главным образом и прежде всего стремление во что бы то ни стало организовать рабочую армию. Мало сознательные рабочие в революционную кассу не идут; они еще бояться „сцициста“, пугаются „революции“,—но в пользу стачек они уже уверовали, постигли связь между удачей или неудачей стачки и организацией стачечных касс. Охотников войти в такие кассы найдется много. Первые социалдемократы, организовывая сеть касс, располагали такие общедоступные кассы или отделения центральной кассы на самой периферии этой сети. Назначение таких касс было служить как бы щупальцами для втягивания малосознательных рабочих в общую социалдемократическую организацию. Это втягивание происходило таким образом, что, попав в описываемую кассу, малосознательный рабочий воочию убеждался в том, что при современных полигических условиях совершенно невозможно вести даже чисто экономическую борьбу, организовать даже чисто профессиональное движение. Социалдемократические руководители этих первичных касс с первого же дня вступления в нее новичка, противопоставляя деятельность этой кассы деятельности западноевропейских профессиональных союзов, указывали на связь между политической свободой и экономической борьбой, и, таким образом, малосознательного рабочего толкали к идее о необходи-

¹⁾ „Рабочая Мысль“, № 1. Передовая статья. С.-Пб., октябрь 97 г. По следние два курсива мои М. Л.

²⁾ См. 1 часть этой работы гл. XII.

мости политической борьбы, другими словами, превращали его в социалдемократа. Вступив в такую кассу в надежде, при ее помощи улучшить свое положение, пользоваться пособием в трудную минуту, запастись правом на помощь во время стачки, рабочий очень скоро убеждался, что при вынужденной, благодаря самодержавному режиму, подпольной деятельности кассы, нет никакой возможности создать не только стачечного фонда, но даже фонда для взаимопомощи. Правда, часть рабочих, убедившись в этом, охладевала к делу кассы и к рабочему движению вообще и вскоре покидала кассу, зато оставшиеся рабочие становились социалдемократами и уже охотно голосовали—и при том совершенно сознательно—за передачу значительной части наличности кассы в центральную организацию на чисто революционные нужды.

Чтобы лучше иллюстрировать последнюю точку зрения, я приведу несколько выдержек из крайне интересного письма одного петербургского рабочего, написанного им приблизительно за год до выхода № 1 „Рабочей Мысли“ и впервые опубликованного Петербуржцем.

„Главная цель передовых, критически мыслящих людей,—пишет он,—должна быть: соединить в одно целое рабочую массу. Задача эта весьма сложная и требует немало труда, благодаря деморализации рабочих и нашего строя. Нужно почти заставить рабочих хорошенько вдуматься в свое положение, нужно вырвать у них рутинное убеждение и доказать выгодность социалистического строя. Повторяю, этого достигнуть трудно... Передовые люди, отдельные личности должны быть, по возможности, предусмотрительны, при чем ни на минуту не следует забывать, что передовые личности это только механизмы, дающие направление; но главная двигательная сила это масса; следовательно, на обязанности личности лежит забота о сохранении этой силы и ее группировании. Здесь нужно некоторое терпение, чтобы выждать большого скопления силы и, не рассеивая ее в разных пунктах, дать отпор угнетающему строю.

„В настоящее время борьба бесспорно далеко не равная: на золотом знамени противоположного лагеря начертаны пугающие массу слова: „бог, царь и отечество“, на нашем: „Равенство, Свобода, Братство“. Не следует забывать, что первые слова, которые выкрикиваются попами и полицией, заглушают шопот вторых, произносящихся шопотом. Но мы видим, что время от времени попы и полиция теряют свою силу, и армия под социалистическим знаменем увеличивается“.

Как-же содействовать увеличению этой армии и помочь группированию ее, т. е. как организовать ее?—спрашивает автор и тут-же отвечает:

„Первым и главным к этому шагом должны быть рабочие кассы, об устройстве которых я и хочу поговорить несколько подробнее.

„Кассы должно устроить так, чтобы они не казались рабочим непосильными; для этого определенного взноса выставить нельзя, и члены должны делать таковые по возможности своих средств, при чем необходимо заботиться о том, чтобы участвующие в кассе не смотрели бы на нее, как на лимон, из которого можно в свое удовольствие выжимать сок.

„Касса прямо для революционных целей хороша, но она найдет слишком мало участвующих лиц, следовательно, должны быть некоторые побочные интересы, которые могли бы придать ей наружный колер.

„В каждой фабрике или заводе удобнее устраивать несколько маленьких касс; каждой из них может руководить один более развитой рабочий; число членов, смотря по возможности обстоятельств, человек 5—6 и более. Представители каждой из таких касс в каждом заводе или фабрике должны иметь сообщение, руководить книгами и вообще литературой, вести отчеты и проч.

„Каждый представитель кружка должен вырабатывать из своих товарищей быть способными в будущем руководить такими же кружками, и одного всегда не мешает иметь в виду для необходимых поручений, заменить, если то потребуется, себя, или откомандировать во вновь образовавшийся кружок и т. д.

„При каждом заводе или фабрике нужно иметь главную кассу, куда будет помещаться запасный капиталчик мелких касс. Личность, заведующая этим пунктом, должна быть вполне надежная, потому что здесь будут стянуты все нити завода или фабрики в один узел. Этот кассир должен иметь прямое или косвенное сообщение с представителями кружков, следить за нелегальной литературой, выбирать время для прокламаций, иметь сообщение с интеллигенцией, вести отчет главной книги и пр.

„Из таких касс каждого завода или фабрики деньги должны откладываться и препровождаться в центральную кассу соц.-дем. партии, которая должна храниться, „аки зеница ока“. Заведующие центральной кассой прямого сообщения с заводами иметь не должны, хотя не мешает иногда пересылать отчет заведующим главными кассами и, по усмотрению опытного интеллигента, остальным надежным рабочим.

„В случае стачки, заведующие центральной кассой должны быть предусмотрительны, чтобы пособие (если таковое будет возможно сделать) достигало своей цели...

„...Вообще надо стараться, чтобы рабочие сами шли вперед; косвенно на них влиять нужно, но не следует ставить в такое положение, чтобы они чувствовали, что их тянут“¹⁾.

Автор этой рукописи рабочий и при том социал-демократ-практик. Он отлично понимает, что штаб без армии бессилён, что нужно создать, организовать армию; он считает, с психологией хорошо ему известного массового рабочего, но он не хочет мириться с этой психологией. „Нужно заставить рабочего хорошенько вдуматься в свое положение,— говорит он,— нужно вырвать рутинное убеждение“. Как это сделать?— „Нужно придать наружный колер“ соприкасающейся с массой части революционной организации. Маленькие первичные кассы должны носить желательный для массового рабочего характер. Они должны быть чисто стачечными кассами; но руководить ими должен сознательный социал-демократ, который воспитывает вступивших в кассу серых рабочих и в то-же время передает в строго конспиративную организацию их настроение, их нужды, их желания. Таким образом, эта чисто рабочая касса связывается с социал-демократической организацией и превращается в одно из колесиков большого партийного механизма, при чем втягивание рабочих в этот сложный механизм должно совершаться так, чтобы они не чувствовали, „что их тянут“ туда.

Фактически все попытки создания массовой организации в 1895—97 годах и сводились к практическому выполнению плана, намеченного только что цитированным автором. И при этом характерно, что план этот больше всего встречал сочувствие у рабочих, вышедших из более серой массы и тех, которые были теснее связаны с ней, т. е. у фабричных—ткачей, прядильщиков и т. д. Оппозицию же этот план встречал обыкновенно среди рабочих заводских, в особенности среди лучше оплачиваемых токарей, модельщиков, машинистов и т. п. Оно и понятно: касса модельщиков при сравнительно высокой заработной плате, которую они получали, очень быстро могла стать реальной величиной. Другое дело фабричные рабочие. Их заработок равнялся 12—18 рублям в месяц; понятно, что из такого заработка трудно скопить мало-мальски значительный фонд. Голосуя за центральную кассу, они тем самым высказывались за мысль, чтобы каждый рабочий, независимо от своей профессии, чувствовал себя обязанным помогать в каждом случае стачки, чтобы рабочая аристократия приходила на помощь своим более нуждающимся собратьям. Этому разряду рабочих идея классовой солидарности под-сказывалась самой жизнью.

¹⁾ „Очерк пстерб. раб. движения“, стр. 64—65.

К вопросу о характере классовой организации очень скоро должен был примешаться тесно связанный с ним вопрос об участии рабочих в центре. Выше мы видели, что в Москве до 1896 года этот вопрос не возникал. Не возникал он по той простой причине, что там с самого зарождения социал-демократической организации рабочие участвовали в центре наряду с интеллигентами. В Петербурге этот вопрос также не поднимался до большой летней стачки 1896 года. После стачки работа сильно разрослась. „Развитие широкого рабочего движения,—говорит Петербуржец,—и постепенное пробуждение к сознательной жизни все более и более широких кругов рабочих естественно выдвинули вперед массу новых запросов и потребностей и поставили перед действующими социал-демократами целый ряд новых задач. Нарождение в самой рабочей среде сознательных и деятельных личностей, стремившихся ответить на запросы своих товарищей, было одним из неизбежных последствий того-же под'ема, того-же движения.

„Начавшаяся среди рабочих, особенно со времени летней стачки 1896 г., организация постоянных стачечных касс не прекратилась. Теперь часто уже приходилось слышать, что то на той, то на этой фабрике рабочие устроили кассу с целью поставить свое дело на более прочных основаниях“¹⁾.

Кассы эти часто возникали самопроизвольно, без всякого воздействия со стороны организации, например, касса на фабрике Кожевникова. Они, т. е. кассы, выдвигали своих организаторов, стремившихся войти в более тесное общение с Союзом, к которому после стачки все рабочие питали самое широкое доверие. До того времени Союз Борьбы, подобно остальным союзам в других городах, строил свою организацию сверху: он назначал организаторов и руководителей и выбирал представителей в „агитационную рабочую группу“ (совещательное учреждение при центральной организации). При выборах он руководился исключительно степенью сознательности и опытностью в конспирации. Теперь перед Союзом возникал новый вопрос: как быть с представителями, выдвинутыми самой массой—признать ли за ними право участия в центральной организации или нет? Спор по этому поводу не носил еще того принципиального характера, который он принял впоследствии с легкой руки „Рабочей Мысли“.

„Ни для кого не составляет тайны,—говорит Петербуржец,—что ядро Союза можно было бы определить следующими словами: оно состояло из центральной и местных групп,

¹⁾ „Оч. петерб. рабочего движ.“ стр. 61—62.

членами которых были интеллигенты, имевшие связи с деятельными рабочими. Такой состав Союза, может быть, еще годился для кружковой работы и отчасти для той начальной стадии агитации, которая велась еще до летних стачек; но он совершенно не соответствовал тем организационным, агитационным и даже пропагандистским задачам, какие впервые были поставлены перед Союзом летними стачками.

„Прежде всего было необходимо восстановить общую рабочую организацию (об'единение местных районных организаций), разрушенную арестами конца 95 и начала 96 г.г. Единство действий районных организаций обеспечивалось бы центральной агитационной группой или рабочим комитетом из рабочих, представителей от районов. Такая группа организовалась, но относительно ее роли между членами центральной организации происходили разногласия“¹⁾.

Акимов, рассказывая об этом споре, видит в нем борьбу двух уже ясно проявившихся направлений. „У Союза Борьбы,— говорит он,— была своя особая более широкая цель, для которой вся экономическая борьба рабочих была лишь средством: создавая и поддерживая рабочие кассы, Союз имел в виду не их непосредственные результаты, а их значение в деле развития классовой борьбы пролетариата. Но свою цель—ниспровержение существующего порядка Союз не высказывал ни в прокламациях, ни на собраниях касс. Это придавало Союзу Борьбы характер заговорщицкой организации, желавшей опираться на рабочие массы, это отличало его от организации масс, от стачечных касс“²⁾.

Петербуржец горячо протестует против подобных об'яснений. По его мнению, здесь „не было не только „корешков“, но даже тени тех разногласий, которые потом были окрещены именем борьбы между „политиками“ и „экономистами“.

„Разногласие в тогдашнем Союзе происходило по той причине, что часть членов центральной организации Союза настаивала, чтобы все оставалось по старому, т.-е. ядро Союза состояло бы по-прежнему только из интеллигентов, и чтобы только они были руководителями движения. Что же касается агитационной рабочей группы, то она должна стоять на периферии.

„Другие же настаивали, что вести дело подобным способом дальше нельзя, ибо тогда Союз потеряет все значение и влияние среди рабочих; что мы должны считаться с личностью среди рабочих сознательных сил, которые рвутся к работе и к деятельному участию в Союзе. Организация

¹⁾ „Оч. петерб. раб. движ.“ стр. 66—67.

²⁾ „Оч. разв. соц.-дем. в России“ стр. 50.

Союза должна быть изменяема сообразно потребностям времени, иначе она будет мертвою организацией; что не надо закрывать глаза на факты: функции Союза растут, мы не успеваем делать даже ту работу, которую выполнять можем только мы, в то время, как мы бесполезно тратим силы на такую работу, которая с большим успехом может быть выполнена самими рабочими. Сил у нас недостает, и главное недостает таких сил, которые могли бы вести организационную работу в рабочей среде. Потому необходимо отказаться от прежней системы, необходимо включить в центральную организацию Союза нескольких представителей от агитационной рабочей группы и ввести более правильное разделение труда. Только таким путем Союз может развиваться дальше, расширить свою деятельность, распространять свое влияние и проникать глубже во все более и более широкие круги рабочих и приобретать фактическую возможность руководить рабочим движением Петербурга. Вместе с этим, наконец, было бы раз навсегда покончено с той перегородкой, которая отделяет социалистов-интеллигентов от социалистов-рабочих.

„Читатель спросит, какие же аргументы выдвигали те члены Союза, которые отстаивали старый порядок. Эти аргументы сводились, главным образом, на то, что введение рабочих в центральную группу Союза невыгодно в конспиративном отношении... Впрочем, однажды один из главных сторонников старого порядка вещей выразил даже опасение, что „рабочие внесут в Союз новые порядки и, быть может, лишат нас руководящей роли“¹⁾. Исходя из этих соображений, они „стояли за прежнюю конституцию Союза, и хотя признавали пользу рабочего комитета, но спорили против включения представителей от него в центральную организацию Союза; вместо того они предлагали, наоборот, послать из центра Союза одного или двух членов в качестве представителей в рабочий комитет, иными словами, они стояли за status quo“²⁾.

Ленин по поводу этого спора, подобно Петербуржцу, утверждает, что „само собой разумеется, что спорившие дадеки были от мысли видеть в этом разногласии начало расхождения, считая его, наоборот, единичным и случайным“³⁾.

Для нас несомненно одно, что если в начале 97 года спор этот не носил еще принципиального характера, если тогда, по всей вероятности, сущность его сводилась не к участию или неучастию в социалдемократической организации, ра б о-

¹⁾ Оч. Петерб. раб. движ., стр. 67—68.

²⁾ Там же стр. 70.

³⁾ „Что делать“, Stuttgart. 1902 г. стр. 23.

чих вообще, а к оценке определенных, хорошо известных обеим сторонам рабочих, и уже в зависимости от этого к решению вопроса об их участии, то очень скоро вопрос факта свелся к вопросу принципа. Очень скоро, повторяю я, вопрос об участии сознательных рабочих в социал-демократической организации свелся к вопросу об участии в ней рабочих вообще или, другими словами, к принципиальному вопросу: должна ли социалдемократическая организация быть выше уровня среднего массового рабочего, должна ли она руководить движением, воспитывать массу, „вырывать у нея—употребляя выражение вышесцитированного автора-рабочего—рутинное убеждение“ или она должна опуститься до уровня массовика, превратиться в одну лишь выразительницу желаний массы, стать простой исполнительницей ее воли.

Мы не беремся сейчас судить, кто был прав в вышеупомянутом споре Союза Борьбы. Те ли, которые не видели среди имевшихся в то время на лицо рабочих людей достаточно сознательных, достаточно искусственных в конспиративном отношении, и поэтому, и только поэтому отстаивали status quo, или же те, которые оценивали знакомых им рабочих более высоко, считая их способными быть руководителями, и поэтому настаивали на видоизменении организации. Вопрос, поставленный в такой форме, в настоящий момент для нас совершенно не интересен. Многих из современных читателей наверно шокирует приведенный Петербуржцем, между прочим, аргумент одного из защитников старого порядка, „который выразил даже опасение, что рабочие внесут в Союз новые порядки и, быть может, лишат нас руководящей роли“. Петербуржец,—к слову сказать, один из редакторов „Рабочей Мысли“,—передавая этот аргумент, не счел, к сожалению, нужным комментировать его. А между тем тут-то и зарыта собака, как говорят немцы. Понимал ли этот защитник status quo под „нашей“ руководящей ролью руководящую роль определенных лиц, составлявших в то время Союз Борьбы, или он подразумевал под этим руководящую роль социалдемократии? Если взять историю ближайших следующих лет, то мы увидим, что у него было полное основание опасаться за потерю социалдемократического руководства, так как скоро „наше“ руководство сменилось руководством трэд-юнионистов—„экономистов“.

Итак, ко времени первого съезда среди русских социал-демократов намечалось три главных организационных течения.

Первое, которое пропагандировалось эмигрантами из группы „Освобождение Труда“, и которое представляло план

боевой, строго централизованной, строго законспирированной организации революционеров-социалдемократов, организации штаба, готовящегося к рекрутированию себе армии. Это течение не отвечало вовсе на вопрос, как организовать уже привлеченную армию, и каким образом из существующих уже, независимых друг от друга местных центров создать централистическую партию. Это течение носило чисто абстрактный характер и совершенно не считалось с сложившимися в России условиями.

Второе течение стремилось во что бы то ни стало организовать армию. Преследуя эту цель, оно готово было отказаться от всего, что, по его мнению, вредит, мешает сплочению рабочих. Старое знамя революционной социалдемократии отпугивает массовика-рабочего—это знамя должно быть свернуто и на время отброшено в сторону. „Борьба за будущие поколения“ понятна лишь немногим сознательным рабочим, „масса“ воспринять этот лозунг не может, поэтому его следует отбросить, а вместо него выдвинуть лозунг „немедленного улучшения положения каждого отдельного рабочего“ и уже под этим лозунгом строить организацию. Это течение желало организовать рабочую армию при условии отказа от той борьбы, ради которой эта армия собиралась.

И, наконец, третье течение, медленно и постепенно складывавшееся среди старых практиков, сводилось к тому, чтобы по возможности расширить рамки тайной организации и, сохранив в неприкосновенности конспиративный характер штаба, целым рядом нитей непосредственно связать его с массой. Сама масса в партийную организацию входить не должна. Она дисциплинируется непрерывной агитацией постоянно развиваемым в ней стремлением к партийной организации и ее участием в пропагандистских кружках и в кассах стачечной борьбы. Широко ставился вопрос об извлечении из этих первичных касс и кружков сознательных, распропагандированных рабочих и о привлечении их в организационную партийную работу. Взгляды этого течения были высказаны Лениным в написанной им перед съездом в 1897 г. брошюре. В этой брошюре, полемизируя с Лавровым, он определенно подчеркивает разницу между социалдемократической и старой народо-вольческой организацией.

„Традиции бланкизма, заговорщичества,—говорит он,—страшно сильны у народо-вольцев, до того сильны, что они не могут себе представить политической борьбы иначе, как в форме политического заговора. Социалдемократы же в подобной узости формы не повинны, в заговоры они не верят, думают, что время заговоров давно миновало, что сводить политическую борьбу к заговору, значит—непомерно ее суживать.“

вать, с одной стороны, а с другой—выбирать самые неудачные формы борьбы“¹⁾).

Лавров высмеивал русских социалдемократов за то, что они будто бы хотят организацию германской партии перенести целиком в Россию. „На самом деле,—возражает ему Ленин,—никогда русские социалдемократы не забывали о наших политических условиях, никогда не мечтали о возможности создать в России открыто рабочую партию, никогда не отделяли социализм от задачи борьбы за политическую свободу. Но они думали всегда и продолжают думать, что эту борьбу должны вести не заговорщики, а революционная партия, опирающаяся на рабочее движение. Они думают, что борьба против абсолютизма должна состоять не в устройстве заговоров, а в воспитании, дисциплинировании и в организации пролетариата, в политической агитации среди рабочих, клеймящей всякое проявление абсолютизма, прибивающей к позорному столбу всех рыцарей полицейского правительства и вынуждающей у этого правительства уступки. Разве не такова именно деятельность С.-Петербургского „Союза борьбы за освобождение рабочего класса“? Разве эта организация не представляет собою именно зачатка революционной партии, которая опирается на рабочее движение, руководит классовой борьбой пролетариата, борьбой против капитала и против абсолютного правительства, не устраивая никаких заговоров и почерпая свои силы именно из соединения социалистической и демократической борьбы в одну нераздельную классовую борьбу петербургского пролетариата? Разве деятельность „Союза“, при всей ее краткости, не доказала уже, что руководимый социалдемократией пролетариат представляет собою крупную политическую силу, с которой вынуждено уже считаться правительство, которой оно спешит делать уступки?

Закон 2 июня 1897 года, как торопливостью его проведения, так и своим содержанием показывает свое значение, как вынужденной уступки пролетариату, как отвоеванной позиции у врага русского народа. Эта уступка весьма миниатюрна, позиция очень незначительна, но ведь и та организация рабочего класса, которой удалось вынудить эту уступку, тоже не отличается ни широтой, ни давностью, ни богатством опыта или средств: „Союз Борьбы“ основался, как известно, лишь в 1895—96 г., и его обращения к рабочим ограничивались лишь гектографированными и литографированными листками. Возможно ли отрицать, что подобная организаци-

объединяющая, по крайней мере, крупнейшие центры рабочего

¹⁾ Ленин. „Задачи русских социалдемократов“ 3-е издание.

движения в России (округа С.-ПБ-ий, Московско-Владимирский, южный и важнейшие города, как Одесса, Киев, Саратов и т. д.), располагающая революционным органом и пользующаяся таким же авторитетом в среде русских рабочих, каким пользуется „Союз Борьбы“ среди петербургских рабочих, что подобная организация была бы крупнейшим политическим фактором в современной России,—фактором, с которым правительство не могло бы не считаться во всей внутренней и внешней политике? Руководя классовою борьбою пролетариата, развивая организацию и дисциплину среди рабочих, помогая им бороться за свои экономические нужды и отвоевывать у капитала одну позицию за другой, политически воспитывая рабочих и систематически, неуклонно преследуя абсолютизм, травя каждого башибузука, дающего повод почувствовать пролетариату тяжелую лапу полицейского правительства,—подобная организация была бы, в одно и то же время, и приспособленной к нашим условиям организацией рабочей партии, и могучей революционной партией, направленной против абсолютизма. Рассуждать же наперед о том, к какому средству прибегнет эта организация для нанесения решительного удара абсолютизму, предпочтет ли она, например, восстание или массовую политическую стачку или другой прием атаки,—рассуждать об этом наперед и решать этот вопрос в настоящее время было бы пустым доктринерством“¹⁾.

Если мы всмотримся в „Программу съезда“ и в „Объяснительную записку“, то и тут в постановке организационных вопросов мы найдем отражение различных наметившихся течений. Прежде всего, хотя и ставится вопрос о федерации или полном слиянии партий, но и в том и в другом случае предрешается, что Центральный Комитет партии должен быть не руководящим органом, а исключительно представительным и исполнительным. Последовательная централизация всех функций, проведенная в местных организациях, считается неприменимой к организации партийной. Ц. К., исполняя ряд технических функций, должен лишь намечать ближайшие задачи общего характера. Что же касается местной работы, то „Программа съезда“ предлагает фактически существующий, исторически сложившийся тип организации: а) местный центральный комитет, т. е. главный руководящий центр, состоящий из самых энергичных и наиболее сознательных социалдемократов, безразлично рабочих или интеллигентов; б) рабочий комитет, т. е. совещательное учреждение при местном Ц. К. из более сознательных представителей всех

¹⁾ „Задачи русск. социалдемократов“ стр. 30—31.

заводов, на которых имеются связи и в) организация рабочих т.-е. фабрично-заводские кружки, кассы, вплоть до непартийных касс взаимопомощи. Авторы „Объяснительной записки“ предлагают новую схему. Вся организация на местах должна составить общий рабочий союз во главе с рабочим центральным комитетом, далее идет собрание представителей, заводские кружки.

Очевидно, организация второго типа, в противоположность первой, должна быть построена не сверху, а снизу, на демократических выборных началах. Этот вывод можно сделать из того пункта, который ставит вопрос о выделении из этой чисто рабочей организации руководителей, т.-е. интеллигентов, при чем съезд должен также решить вопрос об отношении этих выделенных из организации интеллигентов к рабочим организациям. „Объяснительная записка“, наряду с вопросом о чисто рабочих организациях, выдвигает вопрос и о профессиональных союзах.

Вопрос о необходимости центрального органа предпринимается авторами и „Программы съезда“, и „Объяснительной записки“; но в то время, как „Программа“ говорит лишь об одном центральном органе, авторы „Записки“ выдвигают вопрос об особом заграничном и о местных органах.

ГЛАВА XX.

Посмотрим теперь, как справился съезд с поставленными ему задачами. С этой целью мы прежде всего приведем целиком опубликованные им решения:

М А Н И Ф Е С Т

Российской Социалдемократической Рабочей Партии.

„Пятьдесят лет тому назад над Европой пронеслась живительная буря революции 1848 года.

„Впервые на сцену выступил — как крупная историческая сила современный рабочий класс. Его силами буржуазии удалось смести много устарелых феодально монархических порядков. Но буржуазия быстро рассмотрела в новом союзнике своего злейшего врага и предала и себя, и его, и дело свободы в руки реакции. Однако, было уже поздно: рабочий класс, на время усмирившийся, через 10—15 лет снова появился на исторической сцене — с удвоенными силами, с возросшим самосознанием, как вполне зрелый боец за свое конечное освобождение.

„Россия все это время оставалась, повидимому, в стороне от столбовой дороги и исторического движения. Борьбы классов в ней не было видно, но она была, и, главное, все зрела и росла. Русское правительство с похвальным усердием само насаждало семена классовой борьбы.

обездоливая крестьян, покровительствуя помещикам, выкармливая и откармливая насчет трудящегося населения крупных капиталистов. Но буржуазно-капиталистический строй немислим без пролетариата или рабочего класса. Последний родится вместе с капитализмом, растет вместе, крепнет по мере своего роста и все больше и больше наталкивается на борьбу с буржуазией.

„Русский фабричный рабочий, крепостной и свободный, всегда вел скрытую и явную борьбу со своими эксплуататорами. По мере развития капитализма, размеры этой борьбы росли, они захватывали все большие и большие слои рабочего населения. Пробуждение классового самосознания русского пролетариата и рост стихийного рабочего движения совпали с окончательным развитием международной социалдемократии, как носительницы классовой борьбы и классового идеала сознательных рабочих всего мира. Все новейшие русские организации всегда в своей деятельности сознательно или бессознательно действовали в духе социалдемократических идей. Силу и значение рабочего движения и опирающейся на него социалдемократии всего ярче обнаружил целый ряд стачек в последнее время в России и Польше, в особенности знаменитые стачки петербургских ткачей и прядильщиков в 96 и 97 годах. Стачки эти вынудили правительство издать закон 2-го июня 1897 года о продолжительности рабочего времени. Этот закон—как бы ни были велики его недостатки—остается навсегда достопамятным доказательством того могущественного давления, которое оказывают на законодательную и иную деятельность правительства соединенные усилия рабочих. Напрасно только правительство мнит, что уступками оно может успокоить рабочих. Везде рабочий класс становится тем требовательнее, чем больше ему дают. То же будет и с русским пролетариатом. Ему давали до сих пор лишь тогда, когда он требовал и впредь будут давать лишь то, чего он потребует.

„А чего только не нужно русскому рабочему классу? Он совершенно лишен того, чем свободно и спокойно пользуются его заграничные товарищи: участия в управлении государством, свободы устного и печатного слова, свободы союзов и собраний—словом, всех тех орудий и средств, которыми западно-европейский и американский пролетариат улучшает свое положение и вместе с тем борется за свое конечное освобождение,—против частной собственности, за социализм. Политическая свобода нужна русскому пролетариату, как чистый воздух нужен для здорового дыхания. Она—основное условие его свободного развития и успешной борьбы за частичные улучшения и конечное освобождение.

„Но нужную ему политическую свободу русский пролетариат может завоевать себе только сам.

„Чем дальше на восток Европы, тем в политическом отношении слабее, трусливее и полнее становится буржуазия, тем большие культурные, политические задачи выпадают на долю пролетариата. На своих крепких плечах русский рабочий класс должен вынести и вынесет дело завоевания политической свободы. Это необходимый, но лишь первый шаг к осуществлению великой исторической миссии пролетариата, к созданию такого общественного строя, в котором не будет места эксплуатации человека человеком.

„Русский пролетариат сбросит с себя ярмо самодержавия, чтобы с тем большей энергией продолжать борьбу с капитализмом и буржуазией до полной победы социализма.

„Первые шаги русского рабочего движения и русской социалдемократии не могли не быть разрозненными, в известном смысле случайными, лишенными единства и плана. Теперь настала пора объединить местные силы, кружки и организации русской социалдемократии

в единую „Российскую Социалдемократическую Рабочую Партию“. В сознании этого, представители: „Союзов Борьбы за Освобождение Рабочего Класа“, группы, издающей „Рабочую Газету“, и „Общевейского рабочего Союза в России и Польше“ устроили съезд, решения которого приводятся ниже.

„Местные группы, соединяясь в Партию, сознают всю важность этого шага и все значение вытекающей из него ответственности. Им они окончательно закрепляют переход русского революционного движения в новую эпоху сознательной классовой борьбы. Как движение и направление социалистическое, Российская Социалдемократическая Рабочая Партия продолжает дело и традиции всего предшествующего революционного движения в России; ставя главнойшей из ближайших задач Партии в ее целом завоевание политической свободы, социалдемократия идет к цели, ясно намеченной еще славными деятелями старой „Народной Воли“. Но средства и пути, которые выбирает социалдемократия, иные. Выбор их определяется тем, что она сознательно хочет быть и остаться классовым движением организованных рабочих масс. Она твердо убеждена, что „освобождение рабочего класса может быть только его собственным делом“, и будет неуклонно сообразовывать все свои действия с этим основным началом международной социалдемократии.

„Да здравствует русская, да здравствует международная социалдемократия!“

Решения Съезда ¹⁾.

1) Организации: „Союзов Борьбы за Освобождение Рабочего Класа“ групп „Рабочей Газеты“ и „Общевейского Рабочего Союза в России и Польше“ сливаются в единую организацию, под названием „Российской Социалдемократической Рабочей Партии“, при чем „Общевейский Рабочий Союз в России и Польше“ входит в Партию, как автономная организация, самостоятельная лишь в вопросах, касающихся специально еврейского пролетариата.

2) Исполнительным органом Партии является Центральный Комитет, избранный съездом Партии, которому он и отдает отчет в своей деятельности.

3) На обязанности Центрального Комитета лежит:

а) создание и доставка местным комитетам литературы;

б) организация таких предприятий, которые имеют общее для всей России значение (празднование 1-го мая, издание листков по поводу выдающихся фактов, помощь стачечникам и проч.).

4) В особо важных случаях Центральный Комитет руководится следующими принципами:

а) в вопросах, допускающих отсрочку, Центральный Комитет обязан обращаться за указаниями к съезду Партии;

б) в вопросах, не допускающих отсрочки, Центральный Комитет, по единогласному решению, поступает самостоятельно, отдавая отчет в сделанном ближайшему очередному или экстренному съезду Партии.

5) Центральный Комитет имеет право пополнять свой состав новыми членами.

6) Средства Партии, которые находятся в распоряжении Центрального Комитета, состояются:

а) из добровольных единовременных взносов местных комитетов в момент образования Партии;

¹⁾ Здесь приводятся лишь те постановления Съезда, которые сообразно существующим в России политическими условиями могут быть опубликованы

„б) из добровольных периодических отчислений из средств местных комитетов и

„в) из специальных сборов на Партию.

„7) Местные комитеты выполняют постановления Центрального Комитета в той форме, которую они найдут более подходящей по местным условиям. В исключительных случаях местным комитетам предоставляется право отказаться от выполнения требований Центрального Комитета, известив его о причине отказа. Во всем остальном местные комитеты действуют вполне самостоятельно, руководясь лишь программой Партии.

„8) Партия через свой Центральный Комитет вступает в сношения с другими революционными организациями, поскольку это не нарушает принципов ее программы и приемов ее тактики. Партия признает за каждою национальностью право самоопределения.

Примечание. Местные комитеты вступают в сношения с такими организациями только с ведома и по указанию Центрального Комитета.

„9) Высшим органом Партии считается съезд представителей местных комитетов. Съезды бывают очередные и экстренные. Каждый очередной съезд назначает время следующего очередного. Экстренные съезды созываются Центральным комитетом, как по собственной инициативе, так и по требованию двух третей числа местных комитетов.

„10) „Союз Русских Социалдемократов“ за границей является частью партии и ее заграничным представителем.

„11) Официальным органом Партии является „Рабочая Газета“.

Подробная программа Партии будет опубликована по рассмотрении ее местными комитетами“¹⁾.

Манифест начинается с противопоставления будущей русской революции—революции 48 года, к пятидесятилетию которой как раз собрался съезд. 48-й год важен не как год падения западно-европейского самодержавия, а как начало классовой борьбы пролетариата. Рабочий класс с этого момента перестает быть слепым политическим орудием в руках буржуазии; с этого года он начинает свою самостоятельную классовую роль. И эта роль тем значительнее, чем трусливее и оппортунистичнее в революционном отношении является в момент выступления пролетариата буржуазия данной страны. Далее манифест переходит к анализу русских общественных отношений и подчеркивает классовый характер нашего самодержавия, всего нашего общественного строя. Наш абсолютизм не носит ярко выраженного феодально-сословного характера, враждебного развитию капитализма; он приспособился к буржуазно-капиталистическому строю, а русская буржуазия, в свою очередь, приспособилась к абсолютизму. Отсюда ясно, что политическая борьба русских рабочих должна носить и в действительности уже носит ярко выраженный классовый характер. Русская буржуазия тем более

¹⁾ Манифест и решение съезда мы перепечатаваем из „Листка Работника“ № 8, Июнь 98 г., стр. 3—8.

мирится с самодержавием, что оно является ее верным союзником в защите ее интересов от домогательств пролетариата. Победа-же пролетариата над буржуазией России является в то же время победой его над самодержавием. Лучшим доказательством тому служит закон 2-го июня 97 г. Следует ли отсюда, что русскому пролетариату нечего бороться за ближайшие политические требования, а ограничиваться лишь одной экономической борьбой с буржуазией. На этот вопрос манифест категорически отвечает—нет, потому что „политическая свобода нужна русскому пролетариату, как чистый воздух нужен для здорового дыхания“. Но, пользуясь уроками западно-европейских товарищей, русский пролетариат завоюет себе свободу сам, не ожидая помощи со стороны буржуазных классов. И тем не менее, несмотря на то, что революцию в России, по мнению авторов манифеста, произведет пролетариат только своими собственными силами, они отмечают, что ближайшая революция не может совпасть с революцией социалистической. Это будет „лишь первый шаг к осуществлению великой исторической миссии пролетариата“.

В заключении Манифест указывает на то, что новое, социалдемократическое движение признает преемственную связь между собой и всеми предыдущими революционными движениями в России, что оно продолжает их дело, но в то же время резко расходится с ними в средствах и формах борьбы. Каждый шаг, предпринимаемый новой партией, будет определяться классовыми интересами пролетариата, и она всегда будет помнить, „что освобождение рабочего класса может быть только его собственным делом“. Заканчивается Манифест выражением солидарности с международной социалдемократией.

В Манифесте уже с'езд разрешил вопрос, который был поставлен, но не решен еще „программой с'езда“, а именно, должны ли местные организации слиться в единую партию или удовлетвориться федерацией отдельных групп. Достигнутое принципиальное единство по основным программным вопросам делало вопрос о полном слиянии неизбежным. С'езд признал, что все вступившие в партию организации могут и должны действовать по одному плану, подчиняться одним и тем же директивам. Была выделена лишь одна группа вопросов, касающихся специально еврейского пролетариата, решение которых с'езд из'ял из компетенции всей партии, предоставив его автономной организации „Обще-еврейского Рабочего Союза в России и Польше“ (Бунду).

Как понимал с'езд автономию Бунда, мы видим из статьи, помещенной в центральном органе Бунда сейчас же после

с'езда: „Положение евреев в России,—говорится там,—политика правительства по отношению к ним и другие особенности (как, например, отдельный язык) создали у еврейского пролетариата специальные интересы, требующие специальной защиты. Защиту то этих специальных еврейских интересов сможет взять на себя отдельная еврейская организация, имеющая полное право защищать их так, как она находит это нужным, при чем партия не вмешивается в деятельность этого Союза. В делах же, касающихся всего русского пролетариата, без различия национальности и религии, „Еврейский Союз“ обязан, как часть партии, подчиняться Центральному Комитету. Понятно, что „Еврейский Союз“ не имеет особой привилегии в партии. Партия относится к „Еврейскому Союзу“ так же, как она относится ко всякой рабочей организации, защищающей специальные интересы рабочих какой-либо нации“¹⁾).

С'езд, назвав вновь образовавшуюся партию „Российской“ а не „Русской“, тем самым подчеркнул, что рамки партии должны быть шире узко-национальных интересов русских рабочих, что они должны быть настолько широки, чтобы вместить в себя пролетариев всех национальностей, живущих в пределах Российской империи. Но вместе с этим с'езд принял также пункт о национальном самоопределении. Таким образом, по национальному вопросу им была установлена следующая точка зрения. Исходя из интересов всего пролетариата России, желательно бороться под одним общим партийным знаменем с общим для всех врагом: но в то же время пролетариат каждой национальности вправе выставлять свои национальные интересы, которые могут не совпадать с интересами пролетариата всей остальной России. Партия должна допустить возможность стремления у пролетариата той или иной национальности отделиться от Российской империи, бороться за государственную независимость или автономию своей национальности, тем приобрести право на отдельное существование своей национальности и социал-демократической партии. Все остальные национальные организации, не считающие своей задачей добиться отделения своей нации от России, входя в Российскую партию, должны, подобно Бунду, пользоваться автономией, чтобы в рамках единой партии бороться против специального угнетения своей национальности при помощи своей национальной литературы и языка.

¹⁾ „Наши цели“ Arbeiterstimme № 9—10. Июль 98 г. Бунд, как мы увидим в следующей части настоящей работы, скоро покинул эту правильную точку зрения на отношение к нему партии. Так на II с'езде бундовские делегаты уже обижались, когда автономия Бунда приравнивалась к автономии „всякой“ чной партийной организации.

Выше мы уже говорили, что инициаторы съезда, приглашая на съезд, должны были руководиться, главным образом, тем, существует ли между ними и данной организацией единомыслие по важнейшим программным вопросам. Несомненно, однако, что при этом не принимались в расчет разногласия по вопросам организационным; а что такие разногласия намечались, мы видели уже из досъездовских документов. Местная практика выработала самые различные типы местных организаций, например, петербургский и бундовский. Нам известно, что споры по организационному вопросу, хотя бы, например в Петербургском Союзе в то время не отлились еще в принципиальную форму; вопрос этот, по крайней мере, в сознании спорящих не был еще связан с общим мировоззрением, с программными вопросами¹⁾. Таким образом, товарищи, вполне единомыслящие по программным вопросам, могли резко разойтись по вопросам организационным, что, несомненно, и произошло на съезде.

В решениях съезда мы совершенно не находим ответа на жгучий в то время для каждого практика вопрос, как построить местную организацию, как фактически организовать уже имеющиеся налицо элементы рабочей армии. Мы уже видели, какое важное место уделяли этому вопросу авторы „Программы съезда“ и „Объяснительной записки“. Не мог не признать серьезности и важности этого вопроса и съезд, и если, тем не менее, он не принял по этому поводу никаких решений, то это можно объяснить только тем обстоятельством, что он не в состоянии был примирить тактику различных мест, выработать общую схему местной организации, годную и для Петербурга, и для Бунда, или навязать всем организациям практический опыт какой-нибудь одной из них. Местным организациям предоставляется право, ничем не ограничиваемое, организовываться по тому плану, который они найдут более подходящим по местным условиям. В этом вопросе каждый местный комитет совершенно автономен, для него обязательны лишь партийная программа, да те проводимые через посредство Ц. К. постановления съезда, которые, по его мнению, соответствуют местным условиям.

На съезде ясно обнаружилась одна весьма характерная черта. Все принимавшие в нем участие местные организации были построены на принципах строгой централизации. У себя, на местах, они энергично боролись против всякой попытки ограничения своей руководящей роли и своего права каждо-

¹⁾ Впрочем, в вышедшем до съезда № 1-м „Рабочей Мысли“ вязь между организационным и программным вопросами обнаружилась уже довольно рельефно.

ряжаться низшими организациями. Но с'ехавшись на с'езд и приступив к выработке общепартийного устава, эти строгие централисты сразу проявили поразительную боязнь партийной централизации, создания действительно дееспособного центра. Согласно решениям с'езда, Центральный Комитет является исключительно лишь исполнителем постановлений с'езда, и только в экстренных, не терпящих отлагательства случаях Ц. К. может действовать самостоятельно, да и то при условии, если данное решение принято им единогласно. Во всех же остальных случаях он обязан созвать с'езд и решение вопроса предоставить ему. Даже суверенитет с'езда, этого высшего органа партии, подвергнут ограничению со стороны местных комитетов; так, в исключительных случаях местным комитетом предоставлено право отказываться от выполнения его постановлений. Боязнь централизации можно объяснить также и не обязательность, а „добровольность“ во взносе в кассу Ц. К. единовременных и периодических отчислений.

В этом опасении потерять благодаря созданию партии частичку своей самостоятельности сказалась вся история наших организаций. До сих пор каждая из них появлялась на свет, росла и развивалась сама по себе, без всякой помощи и поддержки со стороны других организаций. Она еще совершенно не знает своих соседей: ей кажется, что ее история резко разнится от истории всех других организаций, и что условия ее работы совершенно не похожи на условия работы ее соседей. И вот, отправляясь на с'езд, такая организация прежде всего заботится о сохранении своей местной самостоятельности от возможных посягательств на нее чуждого ей коллектива из представителей других организаций. Представители „Бунда“, вернувшись со с'езда, торопятся успокоить своих сочленов: „Партия, поставившая себе целью об'единение различных групп русского пролетариата, — читаем мы в уже цитированной статье из *Arbeiterstimme*, — для общей планомерной борьбы с эксплуататорами, ни в коем случае не имеет в виду лишить отдельные вошедшие в ее состав организации самостоятельности. Она оставит местным комитетам и отдельным союзам достаточно свободы, чтобы вести свои местные дела так, как они считают это полезным. Кроме широкой свободы самостоятельно вести свои местные дела, комитеты имеют право отказаться от резолюций и решений Центр. Комитета Партии, если местный комитет не находит возможным выполнение этих решений в силу условий данного места... Эта политика Партии умна и практична. Партия не желает, чтобы все рабочие союзы плясали по одной дудке. Дела, касающиеся отдельных групп рабочих, она оставляет

за теми, которые сумеют лучше справиться с ними" ¹⁾). У себя дома „Бунд“, конечно, рассуждал иначе: постановление его Ц. К. были обязательны для всех „рабочих групп“, входящих в состав бундовской организации.

Наряду с Центр. Комитетом ²⁾ с'езд утвердил и официальный орган Партии. Избрав таковым „Рабочую Газету“, он тем самым, с одной стороны, решил в положительном смысле вопрос о том, что официальный орган Партии должен издаваться в России, а с другой—что направление „Рабочей Газеты“ соответствует направлению, которого намерена держаться Партия.

Своим заграничным представителем с'езд признал „Союз русских социалдемократов“, но дал ли он ему какие-нибудь инструкции и полномочия—совершенно неизвестно.

С'езд закончил свои работы, делегаты раз'ехались по местным комитетам, Ц. К. издал манифест, а вскоре затем все—и местные комитеты, и Ц. К. (за исключением Радченко), и редакция, и типография „Рабочей Газеты“—были арестованы.

Таким образом, единственное, что сохранилось от трудов с'езда, это выработанный им Манифест, да провозглашенная им фирма партии, и тем не менее работа его не пропала даром. В России было, наконец, водружено собственное революционное социалдемократическое знамя.

Рабочие на местах, читая прокламации и листки с заголовком Р. С.-Д. Р. П., знали теперь, что они не одиноки в борьбе за рабочее дело, что и в других городах выпускаются листки с таким же заголовком, что их организация не единственная, что в других местах существуют такие же организации, которые преследуют общую с ними цель и ведут борьбу тем же оружием. Манифест Партии, попадая в какую-нибудь местную организацию, которая до того времени очень мало задумывалась над принципиальными вопросами и была занята исключительно своей маленькой текущей работой, заставлял ее теперь горячо обсуждать его содержание, высказывать свое отношение к нему и под именем комитета Партии сознательно становиться под общее идейное знамя. Правда, с'езду не удалось создать партию в собственном смысле этого слова, как нечто органически целое: местные комитеты остались такими же изолированными, не связанными друг с другом, какими были до с'езда; разгромленная центральная организация не восстанавливается вновь, а восстановленные после провала местные комитеты не спешат с'ехаться опять, чтобы

¹⁾ „Наши цели“ Arbeiterstimme № 9—10.

²⁾ В первый Ц. К. нашей партии были выбраны С. И. Радченко, А. Кремер и Б. Эйдельман.

возобновить попытку первого съезда; на местах замечается еще больший страх перед партийной централизацией, которой, именно, и объясняют возможность такого общего и крупного провала; комитеты еще более уходят в свою скорлупу и зарываются исключительно в местную работу. И все-таки, не смотря на все это, первый шаг к партийному единству был сделан. Если не фактически, то в идее, в уме каждого работника партия уже существует, и он чувствует себя членом одного великого целого.

ГЛАВА XXI.

Я уже упоминал, что решения съезда отнюдь не могли быть обязательными для всех социалдемократических организаций России, так как на нем были представлены далеко не все организации; те же из отсутствующих, которые принимали решения съезда, тем самым присоединялись к Партии. Как нам известно, группа „Освобождение Труда“ на съезде не присутствовала. Своим представителем за границей съезд признал „Союз русских социалдемократов“, а так как с 1888 г. группа „Освобождение Труда“ редактировала издания „Союза“, то с присоединением его к Партии, примкнула к Партии и она. Опубликовывая Манифест, она пишет: „Появление Российской Социалдемократической Рабочей Партии и ее манифеста, который мы здесь перепечатаваем, является очень крупным шагом вперед в движении нашего рабочего класса. Быстрый рост этого движения в последние годы усилится еще больше, когда наши товарищи проникнутся сознанием общности интересов пролетариата всего русского государства, и когда каждый из них будет чувствовать и сознавать, что ему всегда готовы помочь и действительно помогают остальные товарищи... Мы убеждены, что общая организация русских социалдемократов будет все больше расти и крепнуть, пока движение рабочего класса не превратится в громадный поток, который, облегчая на пути экономическое положение пролетариата, снесет, наконец, своим могучим течением тяготеющий над Россией политический гнет и расчистит дорогу для свободной широкой борьбы за полное, всестороннее освобождение всех трудящихся“¹⁾.

Следующий номер „Листка Работника“, вышедший в ноябре 1898 г., заканчивается извещением от редакции следующего содержания: „С настоящего номера группа „Освобождение Труда“ не редактирует больше „Листка Работника“. Пред-

¹⁾ „Листок Работника“ № 8. Июнь 98 г. стр. 2—3.

лагаемый читателям 9—10 номер выпущен в свет под временной редакцией. Следующие номера „Листка“ будут выходить под новой, окончательно образованной редакцией „Союза Русских Социалдемократов“ 1).

В только что приведенной передовице редакция „Листка“, т. е. группа „Освобождение Труда“ высказывает свою солидарность со съездом и, тем не менее, почти сейчас же после съезда уходит от редакторства. „Все сношения с Россией,—объясняет Плеханов этот уход,—вела тогда...ская группа..., которая целиком состояла из „экономистов“. Она уверяла нас, что товарищи, действующие в России, вполне разделяют ее образ мыслей. Этому противоречил Манифест Российской Партии. Но невероятно тяжелые условия деятельности в России ведут за собой чрезвычайно частую смену деятелей. Чтобы уяснить себе, какое направление там преобладает, и чего хотят от наших изданий наши товарищи в России, мы послали в Петербург изложение наших споров с „молодыми“. Нам ответили лаконическим советом дать некоторый простор новым силам. Тогда мы попробовали вести дело издания „Листка Работника“ совместно с некоторыми представителями „экономического“ направления. Как и следовало ожидать, эта попытка кончилась полнейшей неудачей. Что было делать? Оставалось совсем выйти из редакции. Так мы и поступили в ноябре 1898 г.“ 2).

Итак, группа „Освобождение Труда“ ушла из редакции не потому, что она была не согласна с решениями съезда, а потому, что находила направление большинства русских работников не соответствовавшим направлению, принятому на съезде, которое, по мнению Плеханова, совпадало с направлением группы „Освобождение Труда“. N-ский заграничный кружок, состоявший из „экономистов“, убеждает группу „Освобождение Труда“, что все русские товарищи думают, как она. Группа „Освобождение Труда“ справляется у одной русской организации, та подтверждает мнение N-ской группы, и вот группа „Освобождение Труда“ считает это достаточным основанием, чтобы передать редакцию заграничного органа в руки заведомых „экономистов“, среди которых, по словам Плеханова, были лица, высказавшиеся против признания Манифеста 3), лица, принадлежащие к направлению, в котором, по его мнению, „нет ни социализма, ни демократизма“ 4).

1) „Лист. Раб.“ № 9—10 стр. 96.

2) „Vademekum“. Для редакции „Раб. Дела“. Предисловие Плеханова стр. XLVIII.

3) См. „Vademekum“ Предисл. Плеханова, стр. XXIV.

4) Там же, стр. XXX

В России зародыш партии был разгромлен, официальный орган не существовал. Единственное, что уцелело от работ съезда, был его Манифест, и единственно, кто имел возможность до следующего съезда Партии сохранить в неприкосновенности выработанные съездом и сформулированные в Манифесте партийные взгляды, был заграничный, обеспеченный от провалов представитель Партии „Союз Русских Социалдемократов“, и в частности его редакция. И несомненно, группа „Освобождение Труда“ тем, что в такой важный момент ушла со своего поста, нанесла непоправимый вред нашей зарождающейся Партии. Это была непростительная ошибка со стороны основателей русского ортодоксального марксистского направления, со стороны теоретических руководителей русских социалдемократов. Группа „Освобождение Труда“ готова была покинуть свой пост еще до получения ответа от Петербургской организации. Но предоставим слово Плеханову. „Совет—дать некоторый простор молодым силам“, полученный нами из Петербурга,—говорит он,—показывает, что наши товарищи в России не имели правильного понятия о нашем отношении к „молодым“ заграничным товарищам. Эти последние не переставали жаловаться на то, что мы мешаем им работать сообразно их убеждениям. Но их жалобы были совершенно неосновательны. Каким образом могли мы стеснять деятельность „молодых“ товарищей? Только одним путем: путем устранения их от редактирования заграничных социалдемократических изданий. Но мы не только не хотели устранять их от этого, а напротив не раз, и давно уже, выражали им свое намерение отказаться от редактирования „Работника“ (курсив мой М. Л.). Это доказывается следующими строками: „Относительно редакции ...ские товарищи высказались категорически против всяких перемен, так как не могут представить себе, кто бы мог в настоящее время заменить членов группы „Освобождение Труда“. Эти строки взяты мною из письма М. М. ¹⁾, которому П. Аксельрод предлагал от имени группы „Освобождение Труда“ списаться с русскими товарищами относительно назначения новой редакции для „Листка Работника“.

¹⁾ Я очень рад, что еще до выхода в свет второй части моей книги, я получил право раскрыть упомянутые здесь псевдонимы идейных отцов наших „экономистов“. Под литерами „М. М.“ писала г-жа Кускова (см. ее статью „Ф. Дан. Ист. раб. движения и социалдемократии в России 1900—1904 г.“ „Былое“ кн. X, стр. 329, примеч.), буквами „Н. Н.“ подписывался г. Прокопович (см. его статью „Партийная беспринципность“ газ. „Товарищ“ № 108 от 8/XI 1906 г.), под буквой же „Г“ скрывался один из видных деятелей Бунда.

„К числу товарищей, категорически высказавшихся против всяких перемен в этой области, г. NN., впоследствии автор брошюры против группы „Освобождение Труда“, и г. Г., „вполне“ с ним „согласный“. Г. NN до такой степени не желал никаких перемен в редакции, что нашел нужным с своей стороны написать П. Аксельроду: „Мы решительно высказываемся против перемены редакции по двум причинам.—Во-первых, среди молодых товарищей нет ни одного опытного литератора, ни одного человека с литературным именем. Мы думаем, что ни один уважающий себя человек не согласится стать редактором на том основании, что ему пришлось на его веку написать 1—2 статейки. Во-вторых, среди молодых товарищей нет ни одного достаточно знакомого с Россией. (Курсив мой. М. Л.). Молодо—зелено“¹⁾.

Пятнадцать лет перед тем, в 1883 г. группа „Освобождение Труда“ не побоялась, вопреки и в противовес всем действовавшим тогда революционерам, поднять знамя русской социал-демократии. В этом заключалась ее громадная заслуга перед русским социалдемократическим движением. Теперь же в 1898 г. она без боя готова передать, и действительно передает, это знамя в руки тех, кого она сама не считает способным с честью нести его, и делает это под давлением одного заграничного кружка и на основании случайного письма одной из многочисленных действовавших в Петербурге групп, вопреки ясно выраженной воле только что сплотившихся в партию организаций.

Я говорил, правда, в первой части этой книги, что старые социал-демократы — практики (а съезд явился выражением именно их направления) были недовольны деятельностью группы „Освобождение Труда“. Но будучи недовольны деятельностью старых эмигрантов, они всегда и всюду подчеркивали свою солидарность с принципами, проводимыми группой „Освобождение Труда“. Ошибки эмигрантов практики объясняли оторванностью их от России, фактической невозможностью для них представить себе происшедшие в ней за 15 лет перемены, ясно понять уже начавшееся массовое рабочее движение. Отсюда то, т.-е. из этого незнания положения вещей в России, и проистекала, по мнению практиков, переоценка сил резолюционной интеллигенции и тесно связанный с ней народовольческий (чисто заговорщицкий) план организации, который пропагандировался группой „Освобождение Труда“. Чего же собственно добивались все приезжавшие (за время от 1894—1897 г.) за границу уполномоченные от русских практиков? Чтобы группа передала редакцию в другие

¹⁾ Vademekum XLVIII--XLIX.

руки? Отнюдь нет; этого не требовали даже, как мы видели, ультра-экономисты, вроде господ Прокоповича, Кусковой и Г. Единственно, чего хотели русские практики от группы „Освобождение Труда“, это большего общения с живой русской действительностью и большей осведомленности в русских делах. Все без исключения русские практики считали группу „Освобождение Труда“ незаменимой в качестве идейной руководительницы, но наряду с этим они требовали от нея и практического руководства; а этого последнего требования группа удовлетворить не могла. Она не сумела настолько связаться с Россией, чтобы действительно быть *au courant* настроения не только случайного состава той или иной организации, но настроения и степени сознания уже действующих рабочих — как социал-демократов, так и остальной рабочей массы. Правда, группа „Освобождение Труда“ делает кое-какие попытки в этом направлении. Так, приступая к изданию „Работника“, Плеханов пишет от имени редакции: „К этой тойновой рабочей России, составляющей нашу радость, нашу гордость, нашу надежду, и обращаемся мы со своим скромным изданием. Мы целиком посвятим его интересам рабочего класса. Мы не навязываем своих взглядов нашим читателям-рабочим. Мы не берем на себя роли руководителей. Нам хотелось бы только принести посильную пользу тем обездоленным, но бодрым и смелым труженикам, которые борются на нашей далекой и несчастной родине. Страницы нашего непериодического издания, если ему суждено продолжаться, будут открыты всем рабочим, желающим воспользоваться им для обсуждения своих задач и выражения своих стремлений“¹⁾. Группа заявляет даже, что она отказывается от роли руководителя и хочет, чтобы „Работник“ стал дискуссионным органом русских рабочих. Но у нее не было связи с этими рабочими. В вышедших номерах „Работника“ нет ни одной статьи, написанной рабочими. Орган не уничтожил оторванности группы „Освобождение Труда“ от России. Россию для нее заменяют заграничные русские колонии, которые должны отражать настроения, желания и образ мыслей действующих в России товарищей. Но могли ли заграничные колонии выполнить эту роль? Первые социал-демократы-практики были арестованы в период 1895—1896 г. г. По-тогдашнему обычаю следствие над ними тянулось около 2-х лет. Громадное большинство из них из тюрьмы отправляются в ссылку в Сибирь или Архангельск на срок от 3-х до 10 лет. Самые активные, ближе всего стоявшие к делу, попадают

¹⁾ „Работник“, № 1 и 2. Женева, 1896 г., стр. XII и ...

именно в Сибирь. Первые побеги из Сибири социал-демократов начались в 1899 году; а первые легальные возвращения их оттуда могли начаться не раньше 1900 года. До этого времени действительные социал-демократы-практики, за самыми ничтожными единичными исключениями, за границу не попадают. Попадают же туда либо учащаяся молодежь, совершенно не работавшая и совершенно не знакомая с движением, либо случайно уцелевшие от тюрьмы и ссылки второстепенные силы, по большей части пособники, а не активные участники движения. Вот из этих-то элементов и составлялись заграничные русские колонии. Начиная с 1897 года, почти всякий „мыслящий“ гимназист считал себя марксистом. Приехав за границу, он, конечно, сейчас же входит в местную социал-демократическую организацию и, таким образом, получает право выражать „настроение“ России, служа единственным материалом для ознакомления группы „Освобождение Труда“ с этим настроением. Можно ли после этого удивляться, что группа не могла понять, чего собственно желают русские товарищи от их изданий? Другим источником, служившим группе для характеристики русской действительности, были русские легальные газеты. Достаточно вспомнить условия, в которые была поставлена печать того времени, чтобы сделать должную оценку этому материалу. Он не только не отражал действительное положение вещей в России, но до неузнаваемости искажал это положение. Либеральные газеты не смели на своих столбцах выходить за рамки обсуждения вопросов городского и земского хозяйств, да подчеркивали бьющего в глаза убожества русской культуры. Это была единственная сфера, в которой печать могла говорить во-всю „Либеральный такт“ требовал, чтобы о земстве „порядочная“ печать писала лишь хвалебные гимны, предоставляя ругать земцев „Московским Ведомостям“, да „Гражданину“. Благодаря этому, жизнь земского и городского самоуправления страшно идеализировалась, а светлые стороны его деятелей до невероятности переоценивались. С другой стороны, тот же либеральный такт требовал особого сгущения красок для изображения народного невежества и царящего в России культурного мрака. Тщательно выискивая и смакуя случаи разных суеверий и т. п., либеральные принципы заставляли печать обходить гробовым молчанием всякое проявление самостоятельности и самодеятельности рабочих, все значение уже проявившегося рабочего движения. Этот жалкий и при том совершенно искаженный легальный материал дополнялся жиденькими, чисто фактическими нелегальными корреспонденциями о той или иной стачке, о числе арестованных, о той или иной прокламации.

Повторяю, что при наличии такого материала незнание эмигрантов с практикой русских социал-демократов, психологией русских рабочих и общественной жизнью всей России являлось фактом совершенно неизбежным. До тех пор, пока Плеханов или Аксельрод делали тот или иной вывод из чисто теоретических построений научного социализма и оперировали с фактом исторического прошлого России или ее современного экономического положения, они давали нечто ценное, за чем шли все социал-демократы. Но как только им приходилось, на основании оценки современного момента, оценки психологии действующих классов и знания текущих событий, делать тот или иной практический вывод, давать тактические директивы, они всегда оказывались не на высоте положения: их оценка событий не отвечала действительности, и практическое руководство уходило из их рук.

Чтобы не быть голословным, приведу несколько примеров. В январе 1892 г. Плеханов, под впечатлением голода в России, написал брошюру: „Всероссийское разорение“. После блестящего анализа экономической жизни России, после мастерского доказательства связи между этим разорением и существованием абсолютизма он заканчивает свою статью призывом ко всем классам русского общества немедленно вступить в борьбу с абсолютизмом за созыв Земского Собора, должностующего сыграть роль Учредительного Собрания. По его мнению, в этой борьбе заинтересованы все, „кроме достаточно опозорившейся партии кнута и палки“, и возможность такой общей борьбы—„не утопия, измышленная изгнанником, оторванным от родной почвы“¹⁾.

Русские социал-демократы-практики в целом ряде писем поспешили уверить Плеханова, что звать сейчас все классы общества на немедленную борьбу с абсолютизмом есть именно только „утопия“, что в сохранении у нас существующего строя заинтересована далеко не одна „партия кнута и палки“, и что вопли либеральной печати отражают настроение не общественных классов, а лишь небольшой кучки интеллигентов. Интеллигенты же не социал-демократы, прочтя брошюру Плеханова, возликовали. „В моей статье, „Всероссийское разорение“,—писал затем Плеханов,—некоторые увидели отказ от прежней социал-демократической программы и не то ловорот, не то отступление в сторону „чистой политики“²⁾.

¹⁾ „Всероссийское разорение“. СПб., 1906 г., стр. 61.

²⁾ „О задачах социалистов в борьбе с голодом в России“. СПб. 1906 г., стр. 43.

И вот, чтобы доказать, что он держится прежнего социал-демократического взгляда, он пишет новую статью, в которой с чисто научной точки зрения доказывает необходимость для русской буржуазии столкнуться со временем с абсолютизмом, так как наступит момент, когда этого потребуют ее экономические интересы. С такой отвлеченной постановкой вопроса согласились, конечно, все социал-демократы, как согласились и с остальными высказанными в этой новой брошюре положениями, касающимися выяснения сущности классовой борьбы. Но в это же время они нашли, что тактический совет, данный во „Всероссийском разорении“, не соответствует сущности теоретических положений, приведенных в брошюре „О задачах социалистов“..., и что попытка объяснить этот совет в конце второй статьи витает, вопреки научным убеждениям Плеханова, в области желательного, а не действительно существующего. Приведем самое интересное место из этого объяснения: „Как вы думаете достичь поставленных себе задач, вроде сбора 300 миллионов рублей, которых не дает Вышнеградский?“—спрашивает меня живущий в России читатель... На этот вопрос можно было бы ответить очень кратко: у Земского Собора непременно и во всяком случае будут все те средства, которые понадобятся для помощи голодающим, и которых нет и не может быть в распоряжении царского правительства. Но такой ответ подал бы повод к новым недоразумениям, поэтому я выскажусь подробнее.

„Что означало бы созвание Земского Собора? То же самое, что означало созвание Генеральных Штатов в конце прошлого века во Франции: признание правительством своей несостоятельности, уступку, вырванную у него неотвратимым ходом исторических событий, пролог революции. Раз был бы созван Земский Собор, судьбы России фактически тотчас же перешли бы из рук царя в руки нового революционного правительства, и революционное правительство лишь постольку и было бы действительно революционным, лишь постольку и поднялось бы на высоту своей задачи, поскольку оно сумело бы преодолеть те препятствия, которые мешают царскому правительству предпринять что-нибудь полезное для голодного народа. Если собравшиеся на Собор представители не сумеют решить эту задачу, их снесет волна революционного движения, которая поставит *the right men on the right place* (настоящих людей на настоящее место) и которая создаст, наконец, правительство, способное побороться с обстоятельствами (курсив мой, М. Л.). Для правительства, которое будет заслуживать название революцион-

ного правительства, легко будет достать даже не такую безделицу, как 300 миллионов рублей»¹⁾.

Я повторяю, что с этими положениями, взятыми in abstracto, должен был согласиться всякий социал-демократ; но в качестве тактического совета для 92 года, когда крестьянство, несмотря на голод, спало непробудным сном, когда промышленная буржуазия, благодаря абсолютизму и связанным с ним голодовкам, наживала рубль на рубль, когда крупные землевладельцы (опять-таки благодаря абсолютизму) бесконтрольно хозяйничали в земствах и эксплуатировали голодающих, заставляя их работать за кусок хлеба два дня, когда пролетариат не успел еще приступить к организации, и даже интеллигенция, этот главный кадр старых революционеров, в массе своей ушла в «малые дела», в толстовщину и индифферентизм, в качестве тактического совета эти положения могли только свидетельствовать о полном незнакомстве автора с действительным положением дел и с господствующим настроением в России²⁾.

То же абсолютное непонимание положения вещей в России заставило Аксельрода написать следующие строки: «Время, переживаемое теперь Россией, особенно благоприятно для приобретения вами славного влияния в среде низших классов и для создания той революционной силы, во главе которой вы могли бы начать смелую войну против правительства и эксплуататоров народа. Говорят: «нет худа без добра». Эта поговорка как раз применима к постигнутому нашу родину в прошлом и нынешнем году неурожаю. Велики бедствия, принесенные им русскому народу. Но эти бедствия могли бы сделаться источником его избавления от угнетающего его правительственного произвола, если бы нашлись люди, способные разъяснить ему истинные причины его страданий и возбудить его на борьбу с ними... Пять, десять лет тому назад только революционеры и очень образованные люди могли понимать, какое великое зло причиняет России царское и жандармско-полицейское самовластие. Но

¹⁾ „О зад. соц-ов в борьбе с голодом.“, стр. 81—82.

²⁾ Характерно, что когда революционное движение в России создало возможность осуществления плана Плеханова 92 года, когда перед уже организованным пролетариатом во всей своей неотложности встал вопрос о революционном правительстве, о том, чтобы революционная волна снесла представителей несумевшего выполнить своей задачи правительства и поставила бы „настоящих людей на настоящее место“, то Плеханов забил отбой и стал пытаться удержать эту революционную волну. См. его «Дневники» за 906 г. Местом писания этих дневников осталась все та же Женева; в этом-то и горе Плеханова,

теперь печальные предсказания этих людей вполне сбылись. Когда самовластное правительство привело всю страну на край гибели и оказывается совершенно неспособным даже временно облегчить народные страдания, и самому неразвитому человеку нетрудно объяснить необходимость коренной перемены в нашем государственном строе. Разве одни только Сысойки неспособны были бы теперь сочувственно отозваться на призыв к борьбе за политическую свободу и за созвание Земского Собора из выборных от всего народа. И никто не мог бы у нас обратиться к трудящимся классам с этим призывом с таким успехом, как именно вы, дорогие товарищи. Вы оказали бы этим неоценимую услугу России вообще и ее рабочему классу в особенности“¹⁾.

Эти строки Аксельрод писал после Плехановского „Всероссийского разорения“ в феврале 1893 г., когда острый кризис в значительной степени уже миновал, надежды Плеханова, что все классы общества вступят на революционный путь, не оправдались, и когда крестьянская масса в отдельных местах, как в Саратове, Астрахани и друг., проявляла свое отчаяние в виде единичных бунтов, ничего, конечно, общего с политическим движением не имевших. Говоря о последних, Аксельрод указывает интеллигентным рабочим, что если бы у них в 92 г. было такое же „крепкое революционное ядро, каким 15 лет тому назад были организации „Земля и Воля“, а потом „Народная Воля“, то „подобный народный союз, наверное, не пропустил бы даром таких народных волнений, как астраханский и холерные бунты и беспорядки, охватившие двадцатитысячное рабочее население в Екатеринославской губернии“²⁾. То обстоятельство, что об этих „бунтах“ приходилось судить по кратким и часто ложным известиям иностранных газет, а также старый бунтарски-бланкистский закал, согласно которому каждая стихийная народная вспышка, безразлично против кого бы она ни была направлена, и в какой бы форме она ни выражалась, могла считаться началом восстания,—все это вместе взятое подало Аксельроду повод предположить, что вспышки 92 г. могли бы быть превращены в революционное движение за созыв Земского Собора. По его мнению, „одни лишь Сысойки неспособны отозваться на этот призыв“. Тактика, предложенная группой Осв. Труда, отвергнутая в то время всеми марксистами, считавшими ее утопичной и совершенно неприменимой при данном настроении общественных сил в России, эта тактика была подхвачена

¹⁾ Аксельрод „Задачи рабоч. интеллигенции“. Женева. 93 года, стр. 1 и II

²⁾ Там-же, стр. 11.

московским народовольческим кружком, группировавшимся вокруг Астырева, попытка которого поднять народные массы во имя революционного лозунга за „Земский Собор“, как известно, окончилась полной неудачей. Только живя долгое время за границей, можно было в 93 году написать следующие заключительные строки: „к сожалению, дело объединения русских рабочих в революционную партию, повидимому, нисколько не подвинулось вперед за это время. Только этим и можно объяснить тот в высшей степени печальный факт, что наша рабочая интеллигенция до сих пор ничем не проявила своего влияния на народную массу. А между тем и почва для этого влияния как нельзя более подготовлена разорительным хозяйничаньем над Россией самовластного правительства. Народные волнения и „беспорядки“ последних лет показывают, что народные массы не хотят уже больше сносить произвол и грабеж, производимый над ними чиновниками совместно с помещиками, кулаками и всякими эксплуататорами народного труда. Но ни в одном из этих волнений не водружено было знамя „свободы“, нигде среди „бунтовщиков“ не была провозглашена необходимость созыва выборов от всего народа“¹).

В первой части этой книги я указывал уже, как смотрели на этот вопрос марксисты в России. Только что приведенная цитата показывает лишь, насколько действительно полная оторванность от России мешала членам группы „Освобождение Труда“ на практике, а не в теории освободиться от старых бунтарски-заговорщицких взглядов и от свойственной бунтарям-народникам утопической переоценки степени сознательности и революционности русского народа. По Аксельроду выходит так, что появившись в 92 г. хорошие вожаки, и масса крестьян, масса астраханских и саратовских погромщиков пошла бы за ними добывать „Земский Собор“. Этот бунтарски-народнический утопизм еще не так сильно проявляется у Плеханова, который лишь в редких случаях переходил от разработки теоретических вопросов к тактическим; но у Аксельрода, специализировавшегося в то время на тактических вопросах, эта интеллигентски-бунтарская черта проявлялась особенно сильно. „Будь у нас теперь серьезная организация энергичных революционеров (в роде народовольческой или землевольческой), — писал он в „Социалдемократе“, — приобретающая популярность хотя бы среди нескольких тысяч петер-

¹ Аксельрод „Зад. раб. интел.“ стр. 16—17 (Курсив во всех случаях мой. М. Л.).

бургских рабочих, она имела бы больше шансов на успех в военном столкновении с правительством, чем социал-демократия в Германии“¹⁾).

Это не случайная фраза из одного примечания—как впоследствии в полемике с экономистами защищал Аксельрода Плеханов,—это характеризует тактическую точку зрения Аксельрода, которая, повторяю, вследствие незнакомства его с общественными силами России, всегда значительно отставала и даже противоречила принципиальной основе группы „Освобождение Труда“.

Аксельрод не отрицал тогда известной близости между заговорщицки-бунтарской деятельностью и деятельностью социалдемократической. „Бакунистская теория „пропаганды действием“, вовлечения народных масс в движение против существующего строя,—говорит он,—и сплочения их в революционную силу при помощи мелких бунтов и всевозможных „протестов“ представляет собой в сущности не что иное, как примитивное выражение того же социалдемократического воззрения, сложившееся в значительной мере под влиянием революционных традиций пройденных уже исторических эпох“²⁾. Изменилось лишь содержание агитации и объект ее, субъект же остается все тот же—это внеклассовая интеллигенция. Я уже не раз говорил, что в вопросе о сущности интеллигенции взгляды русских марксистов резко расходились со взглядами группы „Осв. Труда“ и в особенности со взглядами Аксельрода. „В центре и во главе этих элементов (недовольных абсолютизмом),—говорил Аксельрод,—стоят представители либеральных профессий, адвокаты, врачи, ученые, учителя, писатели, судьи, разного рода техники, наконец, учащая молодежь и т. д. Мало того, даже часть образованной бюрократии принадлежит по своим симпатиям и своим стремлениям к этим прогрессивным кругам высших сословий, составляющим в совокупности значительную часть буржуазии и носящим общее название „интеллигенции“³⁾. Вся деятельность этой интеллигенции направлена против существующего политического режима, „даже неполитическое, вполне легальное, просветительное культурничество становится неиссякаемым источником политического брожения“⁴⁾. Этим культурничеством, „подготовительной работой в области революционизирования народных масс“⁴⁾, занята вся интеллигенция без различия. Но вот из

¹⁾ „Социал-демократ“ № 4, стр. 26.

²⁾ „Историч. положение и взаимное отношение либеральной и социалистической демократии в России“. Работник № 5—6. 1899 г. II отд., стр. 40.

³⁾ Там же, стр. 51.

⁴⁾ Там же, стр. 52.

этой общей интеллигентской массы начинает выделяться радикально-демократическая интеллигенция. „Средства, употребляемые либералами, и достигнутые ими непосредственные осязательные результаты содержат в себе, правда, революционную силу, но лишь в скрытом состоянии, из которого ее еще нужно превратить в живую энергию; для этой исторической роли как бы назначены полупролетарии и пролетарии интеллигенции, учащаяся молодежь и, вообще, наиболее темпераментные и наиболее демократические элементы интеллигенции¹⁾. Впрочем, и либеральные помещики далеко не очарованы своей тихой, кропотливой работой подкапывания и подтачивания устоев. И они чувствуют себя отвратительно под давлением тяжелой руки бюрократии и хотели бы освободиться от нее, но либеральные помещики и хорошо оплачиваемые редакторы „уважаемых“ газет склонны резонировать, что нельзя де пробить стену лбом. На что радикально-демократическая интеллигенция им заявляет: „Мы никогда не удовлетворимся и не желаем удовлетворяться вашим черепашьим прогрессом. Ваше смирение безнравственно. Источники его— трусость и эгоистический страх за ваши личные интересы. Наш же лозунг гласит: бесстрашная, беспощадная война с властью имущими не на живот, а на смерть. А так как наших сил не хватает, то мы призовем угнетенные массы на революционную арену (курсив мой М. Л.) и научим их бороться с угнетающим их общественным строем и вооружим их к этой борьбе“²⁾.

Богатые помещики и либеральные редакторы, конечно, могут только радоваться такому плану поднятия рабочих масс на борьбу; стену прошибить они очень желают, да сделать это самим и страшно и опасно, ну, а пролетарский лоб пустить в ход дело хорошее, тем более, что Аксельрод уверяет их, что „в России, где пролетариат находится еще только в процессе выделения из веками жившей в рабстве и невежестве народной массы, он сам стоит еще в массе своей на слишком низкой ступени культурного развития, чтобы быть в состоянии—уже в железных тисках абсолютизма—возвыситься до роли сознательной революционной силы без прямой или косвенной помощи со стороны буржуазии“³⁾. И вот, по точному смыслу сказанного Аксельродом выходит, что следует поддерживать такое бессознательное состояние пролетариата. Он не раз подчеркивает, что необходимо тщательно избегать

¹⁾ Там же, стр. 55.

²⁾ Там же, стр. 55—56.

³⁾ Там же, стр. 64. Курсив мой. М. Л.

в агитации выражения взглядов на всю буржуазию, как на массу, враждебную рабочему классу: „это препятствовало бы,—говорит он,—установлению умственного взаимодействия образованных классов и народных масс. Между тем такое воздействие уже само по себе имеет в современной России огромное прогрессивное значение, так как самый бледный либерализм любого интеллигента все же гораздо выше некультурного мировоззрения этих масс“¹⁾).

Аксельрод писал эти строки уже после петербургской стачки 96—97 г., когда пролетариат на деле показал относительную ценность деятельности его массы в сравнении с деятельностью бледно-розовых либеральных помещиков и редакторов. Я нарочно привожу эти многочисленные цитаты из Аксельродовской статьи, потому что они рельефнее всего рисуют нам его исходную точку зрения. Для него та интеллигенция, которая заседала в земских и бюрократических учреждениях, и которая под видом либеральных помещиков, эксплуатировала крестьянина, и та, которая в качестве „кающихся дворян“ шла в народ и там постепенно превращалась в бунтарей, землевольцев и народовольцев, вся эта интеллигенция была вполне однородной с интеллигенцией, которая по своему положению пролетариев, изучив свое классовое положение, пошла к своим братьям по классу, чтобы вместе с ними бороться за общие цели. Интеллигенция последней категории не была знакома Аксельроду; он знал только одну интеллигенцию 70-х и 80-х годов. Тогдашняя интеллигенция действительно представляла собою нечто однородное, то были „отцы и дети“. В те времена каждый либерал считал себя „социалистом“ и мог смело назвать своим „сыном“ любого народовольца или бунтаря. Но то было тогда, когда сам Аксельрод был еще чернопердельцем. Тогда он, пожалуй, был бы прав, говоря: „ведь, большая часть нашей свободомыслящей буржуазии сама настроена „антикапиталистически“ и на всевозможные лады громит капитализм... Несомненно одно, не только радикальные элементы интеллигенции, но и наше либеральное общество, т.-е. большинство свободомыслящих людей, настроено враждебно по отношению к капиталистической буржуазии“²⁾).

В ту эпоху действительно можно было сказать, что либеральная интеллигенция отличалась от революционной только темпераментом. Но с тех пор много воды утекло. значи-

¹⁾ „Историч. положение и взаимное отношение либер. и соц.-демократии в России“ Работник № 5—6. 1899 г. Подд. стр. 64.

²⁾ Там же, стр. 60.

тельная часть чисто землевладельческого дворянства, доставлявшего в 70-х годах главные кадры „интеллигентов“, к описываемому моменту давно уже успела проесть выкупные платежи, окончательно разорить свои вотчины и, присосавшись к разным банкам, акционерным компаниям и пр., отменно познала все блага капитализма. С другой стороны, и промышленная „кулацкая“ буржуазия за это время тоже успела кое-чему научиться: она отлично постигла всю пользу интеллигентности для себя самой; купеческие сынки составляют уже довольно значительный процент слушателей высших учебных заведений, и во главе различных промышленных предприятий появляется все большее и большее число вполне интеллигентных руководителей.

Вся эта дифференциация интеллигенции произошла уже после того, как сложилась группа „Освоб. Труда“. Она ее не заметила и поэтому продолжала смешивать в одну кучу и либерального помещика, и адвоката с тысячным окладом, и живущего впроголодь интеллигентного пролетария и, зачислив всех их гуртом в „буржуазию“, наделила эту буржуазию „народолюбием“ и стремлением при помощи культурной работы революционизировать „народ“, и, таким образом, подготовить почву для деятельности более „темпераментных“ членов интеллигенции. Этим отношением к интеллигенции об'ясняются и нападки Группы на практиков за то, что они говорят о „сплошной реакционной массе“ буржуазии вместо того, чтобы говорить о реакционности одной лишь партии „кнута и палки“.

„Если вникнуть в практическую мотивировку идеи образования революционной рабочей партии в современной России,—говорит Аксельрод, пропагандируя программу группы „Освоб. Труда“,—то мы увидим, что на ней отразилась духовная связь социалдемократического течения с предыдущим периодом нашего революционного движения. Политическая организация рабочих мотивируется здесь не отдаленными целями социализма, а настоятельной необходимостью такой организации для ближайших общедемократических целей русского революционного движения, для обеспечения успеха в борьбе против современного государства за интересы трудящегося класса, класса вообще, т.-е. крестьянских масс и городских рабочих. Можно подумать, что в представлении первой русской социалдемократической группы рабочее движение рисовалось не как нечто само по себе заключающее цель и оправдание своего существования, а лишь, как средство или орудие, предназначенное служить другим общественным силам. Но несомненно то, что для этой группы мысль об организации рабочей партии

в России теснейшим образом связывалась с тактическими и социальными тенденциями и задачами, воодушевлявшими и воодушевляющими все демократические элементы нашей интеллигенции“¹⁾ (Курсив мой М. Л.).

Именно этими общедемократическими задачами объясняется что в программе группы Освоб. Труда мы находим лишь один пункт, касающийся специально рабочих, и что все требования ее „благоприятны и интересам прогрессивных слоев высших классов вообще, а демократической интеллигенции в особенности“²⁾, потому что „в России нет еще самого главного условия для политической борьбы с буржуазией—нет политически господствующих классов“³⁾.

Это последнее утверждение так резко расходилось с мнением, господствовавшим среди первых русских социалдемократов—практиков, что, действительно, эмигранты и они скоро перестали понимать друг друга. Практики смотрели на наше правительство не как на нечто, висящее в воздухе, и не могли не видеть в нем проявления классового господства. То же классовое господство видели они и в „либеральных“ земствах, несмотря на те конфликты, которые совершенно в иной плоскости происходили между последними и абсолютизмом. Аксельрод говорит: „Легальные усилия и средства, которыми прогрессивные элементы высших классов стараются усилить и упрочить все свое влияние на общество и государство, будут непосредственно служить и на пользу создания условий, благоприятствующих политическому развитию и организации рабочих в оковах деспотического государства“. С этим безусловно соглашались и старые практики, но они тут же добавляли, что только в том случае домогательства демократических и либеральных слоев высших классов окажутся полезными пролетариату, если социалдемократы с самого начала не будут затушевывать классовых стремлений в политической борьбе буржуазии, с одной стороны, и пролетариата с другой, другими словами, если политическая борьба рабочих с абсолютизмом будет иметь классовый характер.

Говоря о привлечении в ряды рабочей партии „народолюбивых и революционных элементов“,⁴⁾ Аксельрод, по мнению русских практиков, превращал классовую рабочую

¹⁾ Аксельрод. „К вопр. о совр. задач. и тактике русских соц—в“. „Работник“ № 5—6. 1899 г., стр. 9.

²⁾ Там же, стр. 10.

³⁾ Там же, стр. 15.

⁴⁾ Там же. Письмо 2-ое, стр. 20.

партию в демократически-буржуазную партию, действующую среди рабочих¹⁾). Аксельрод предостерегает, например, от увлечения стачечной борьбой рабочих, при чем одним из мотивов против этого увлечения он выдвигает следующее: „Несмотря на свою социальную беспомощность и полную бескультурность, крестьянство наше являлось до сих пор средоточием забот и симпатий прогрессивных и революционных слоев интеллигенции. Почему? Между прочим, и потому, что они лишь в нем видели и видят, как бы специальное воплощение своих прогрессивных стремлений и рычаг для избавления от сковывающего русскую жизнь государственного строя. Односторонняя же практика русских социал-демократов замедляет развитие в интеллигенции такого же отношения к рабочему классу, несмотря на то, что последний исторически действительно призван к роли главной революционной силы в освободительном движении против устарелых политических порядков“²⁾).

Русские практики старались воспитать рабочую массу в той идее, что освободить себя политически рабочий класс может только сам, не надеясь на помощь извне, но пользуясь всякой реальной силой в господствующих классах, которая помимо своей воли временно будет идти по тому же пути, по которому идет пролетариат. Тактический же план Аксельрода сводился к тому, что всю политическую борьбу пролетариат должен вести совместно с демократическими и либеральными элементами высших классов, при чем организоваться в особую партию он должен лишь для использования, уже после общей победы, результатов ее. Но и сама рабочая партия, по плану Аксельрода, должна носить не „узко-классовый характер“, а дать широкий простор всем демократическим и революционным элементам высших классов. Именно

¹⁾ Там же стр. 26. Курсив мой. М. Л.

²⁾ В 98 году, находясь в ссылке в Якутске, я прочел цитированную статью Аксельрода и сейчас же поднял среди ссыльных соц.-демократов вопрос о протесте против этой статьи. По этому поводу якутская соц.-демократическая колония резко разделилась на два лагеря. Одни соглашались со мной, другие выступили на защиту Аксельрода. И характерно то, что защитники Аксельрода являлись одновременно и защитниками позиции наших „экономистов“ Раб. Мысли и позиции Бернштейна в Германии и Жореса и Мильерана во Франции. После долгих дебатов решено было обратиться к Аксельроду с письмом, в котором предполагалось указать ему на опасность увлечения „общенациональными целями“ в ущерб классовой позиции пролетариата, указать, что именно подобное увлечение может и должно на практике привести к бернштейниаде и миллеранизму. Мне не удалось участвовать в окончательной редакции письма, так как пришлось уехать из Якутска еще до окончания дебатов. Но впоследствии, уже от самого Аксельрода я узнал, что письмо это им было получено.

с этой целью он постоянно твердил рабочим, что они не одни борются, что у них есть союзники, что „работать на освобождение ее (России) из-под ига самовластия составляет долг всех честных и развитых людей“¹⁾, что „изменение правительственных порядков России есть цель, к которой должны теперь стремиться совместно все классы населения“, что „значительная часть наших образованных классов не откажется даже прямо поддерживать (конечно, тайно) русскую рабочую интеллигенцию, лишь только она подымет знамя политической свободы: среди этих масс“²⁾. Подобных выписок из статей Аксельрода, если бы понадобилось, мы могли бы привести целую массу.

Незнакомство с уже развившимся в течение восьмидесятых и девяностых годов буржуазным характером России, заставляет группу „Освобождение Труда“, наряду с проповедью классового характера пролетарской борьбы в теории, в тактических вопросах помимо своей воли сходиться с классовой точки зрения и тем давать своим читателям основание смотреть на рабочее движение, как на простой придаток интеллигентского демократического революционного движения. Типичным в этом отношении является взгляд Аксельрода, что „самый бледный либерализм любого интеллигента гораздо выше некультурного мировоззрения народных масс“³⁾.

Группа „Освобождение Труда“, и в особенности Аксельрод, видела лишь одну общенациональную задачу свержения абсолютизма и искренно верила „бледному либерализму“ буржуазии, что и для него эта общенациональная задача в состоянии на время заглушить классовые интересы. Аксельрод сам не думал, что увлечение этой „общенациональной задачей“ идет вразрез с классовыми интересами пролетариата; он не верил в классовый характер вождений либеральных помещиков и обеспеченных адвокатов. Он искренно считал их способными (не понимая их буржуазной сущности) встать на точку зрения революционного пролетариата, войти в ряды пролетарской партии, так как он верил им на-слово, что они одинаково с пролетариатом ненавидят капитализм.

XXII.

Говоря о „Поворотном пункте в истории еврейского рабочего движения“, я уже указывал⁴⁾, что автор этой статьи противопоставляет рабочих „буржуазной“ интеллигенции, к которой он целиком причисляет всех действующих среди рабочих сознательных социал-демократов.

¹⁾ „Зад. раб. интеллигенции“. Женева, 93 г. стр. 13.

²⁾ Там же, стр. 6.

³⁾ „Историч. полож. и т. д.“ стр. 64.

⁴⁾ „Ист. Р. С.-Д. Р. П.“ часть I, гл. XII.

„Материалистический характер теперешнего нашего движения,—говорит он,—в сравнении с прежним состоит в том, что все наши надежды и ожидания опираются не на веру во всемогущество наших идей и теорий... но основаны на погрешностях массы, на развитии этих потребностей и на изменении самой массы под влиянием этого развития“... ¹⁾ „Мыслящее меньшинство одно только живет преимущественно идейной жизнью, борется не за лучшее материальное положение, а за торжество той или другой идеи“ ²⁾. Рабочие массы способны бороться не за „идею“, а за кусок хлеба, за осязаемое улучшение своего положения, поэтому ложна та теория, которая учит, „что для экономического освобождения пролетариата первое условие его умственное развитие“ ³⁾, т. е. его классовая сознательность, потому что только о ней шла речь у противников автора.

„Буржуазная“ интеллигенция идет к рабочим с предвзятой мыслью вырвать из их среды „критически мыслящих личностей“ и при их содействии повести за собой всю рабочую массу к тем целям, которые диктуются этой интеллигенции ее классовым положением. Буржуазия не может мириться с существующим политическим строем, собственных сил у нее нет, вот почему она и хочет воспользоваться рабочими. С легкой руки автора „Поворотного пункта“ подобная точка зрения с 97 года начинает все больше и больше распространяться среди практических работников и в остальной России. Интеллигенция вся „буржуазная“, и в той борьбе, которую ведут стихийно, неорганизованно рабочие, она не заинтересована. Можно ли ей, следовательно, доверять, когда она берется руководить рабочим движением, организовать его? Конечно нет, потому что рано или поздно она должна проявить свою классовую сущность и изменить чисто рабочим целям. Она „чужая“—и этим все сказано.

Литература группы „Освобождение Труда“, как мы уже видели, все время тоже резко выделяла в особую категорию „демократическую“ и „социалистическую“ интеллигенцию. Читая Аксельрода, нельзя было найти ответа, почему рабочие должны доверять этой интеллигенции. Большая „темпераментность“, „народолюбие“ и т. п. чисто индивидуальные качества могли служить плохой гарантией тому, что вся буржуазно-демократическая или, что то же, „социалистическая“ интеллигенция будет верна рабочим. Сознательный рабочий мог понять, почему он должен стремиться к социалистическому

¹⁾ „Мат. к ист. евр. раб. движ.“, стр. 146.

²⁾ Там же, стр. 148.

³⁾ Там же, стр. 150.

строю, т. е. быть социалистом, но он не находил ответа на вопрос, почему должна быть „социалистичной“ интеллигенция, которая по своему положению связана с высшими классами, заинтересованными в сохранении существующего экономического строя. Как связать эту ее „социалистичность“ с общим взглядом на классовую борьбу, классовую психологию? Мы знаем, как отвечали на эти сомнения первые социал-демократы-практики. Они утверждали, что неверна уже сама исходная точка зрения, считающая „буржуазной“ всю интеллигенцию, приводили в доказательство страшно быстрый рост дифференциации в ее среде и указывали, что отношение хотя бы наемного сотрудника газеты к ее издателю или земского служащего к „хозяевам“ земства—землевладельцам по существу, ничем не отличается от отношений между фабричным рабочим и владельцем фабрики. По их мнению, далеко не вся учащая молодежь была „социалистичной“, а только та, которая с детства узнала нужду и сейчас вынуждена жить своим заработком. Бывают, разумеется, случаи, когда то, либо иное интеллигентное лицо, не будучи по положению своему пролетарием, становится на пролетарскую точку зрения; но такие случаи являются лишь исключением. Как правило—социал-демократичной может стать только пролетарская интеллигенция. Такое объяснение удовлетворяло рабочих, и они не делали никакого различия между этой интеллигенцией и интеллигенцией, вышедшей из их собственной среды, между интеллигентами умственного и интеллигентами физического труда.

Но вот, после победы, одержанной марксизмом над народничеством, в ряды социал-демократии хлынула целая волна интеллигенции, самых разнообразных категорий, и на место прежнего голодранца-разночинца или вечно недоедающего студента, в качестве пропагандиста можно было уже видеть какого-нибудь адвоката, приват-доцента или литератора с именем и общественным положением. Рабочее дело обсуждается часто уже не в душевной чердачной коморке, нанятой для конспиративных целей на медные гроши пропагандиста или рабочего-интеллигента, а в буржуазной квартире какого-нибудь сочувствующего или непосредственно принимающего участие „интеллигента“. Да и сами речи начинают меняться. „Мы“, олицетворявшее полную нераздельность старого пропагандиста со своей аудиторией, начинает уступать место местоимению „вы“, подчеркивающему различие в социальном положении. Впрочем, и старое „мы“, произносимое теперь в этой новой обстановке, звучало фальшью.— „Что общего между мной, думал какой-нибудь рабочий, возвращаясь с такого собрания, и этой изящно одетой барышней или студентом, в квартире

которых мы собирались? Какие мы с ними товарищи: я пойду к себе в холодный, сырой угол, завтра встану в 5 часов на работу, а они „интеллигенты“ будут себе спать на мягкой постели, пока не надоест. Ни холода, ни голода, ни труда они не знали никогда — разве они могут понять меня и все наше рабочее дело?“... Подобные рассуждения мне не раз приходилось слышать от рабочих, и они всегда являлись исходной точкой их недоверия к интеллигентному руководству. И чем больше такая непролетарская интеллигенция попадала в рабочее дело, тем больше должно было сказаться это недоверие. Очень низкий, сравнительно, уровень марксистской подготовки этих новых „интеллигентов“, самое поверхностное понимание классовой борьбы, взгляд на себя самих, как на выходцев из другой среды, и потому постоянное старание заставить свою аудиторию забыть об этом, вынужденное подчеркивание своей эмансипации от буржуазных взглядов—все это очень скоро заставило этих интеллигентов прибегать к поддельванию под тон аудитории, под те мысли, которые уже господствуют среди рабочих. Они стараются быть служителями пролетариата, а не его руководителями, не навязывать ему своих взглядов, а только формулировать его собственные взгляды. К таким интеллигентам рабочие, которым приходилось с ними сталкиваться, чувствовали весьма понятное недоверие. Это недоверие было подхвачено и обобщено в положение: „освобождение рабочих есть дело самих рабочих“, а потому долой интеллигенцию из рабочих организаций, из рабочих газет, из руководства рабочим движением! Долой „интеллигентские“ идеи о классовой борьбе, о политике, о „социализме“. „Борьба за экономическое положение, борьба с капиталом на почве ежедневных насущных интересов и стачки, как средство этой борьбы—вот девиз рабочего движения“¹⁾.

Любопытно, что автору „Поворотного пункта“ пришлось причислить к буржуазной интеллигенции даже всех сознательных социал-демократически образованных рабочих, самого же себя он противопоставляет этой интеллигенции, как истинного выразителя мнений массы. То же самое приходилось делать и всем новоявленным защитникам „чисто рабочего девиза“. „Долой интеллигенцию!“ кричат они громче всех, но сами уходить не желают—для них должно быть место и в „рабочей“ газете, и в „рабочем“ комитете. И тут и там они опешляют рабочую мысль, возводя в принцип плохо понятое настроение среднего рабочего и таща назад рабочего уже сознательного.

¹⁾ „Раб. Мысль“ № 1. Окт. 97 г., передовая статья.

Нет ничего ошибочнее, как предполагать, что вся так называемая „экономическая“, „чисто рабочая“ литература является произведением рабочих. Возьмем, например, „Рабочую Мысль“, тот же первый номер, из которого я уже не раз цитировал. Рецензент из состава новой „экономической“ редакции „Листка Работника“ с удовольствием отмечает и целиком приводит одну статью¹⁾ из этого номера. Петербуржец же, для характеристики направления „Рабочей Мысли“, приводит вторую статью, которая и по духу, и по содержанию своему резко отличается от первой. Какая же из них выражает истинное направление „Рабочей Мысли“? Я бы сказал обе: первая выражала направление „интеллигентов“—гонителей интеллигенции, вторая являлась выражением действительной рабочей мысли.

В редакции „Раб. Мысли“ принимали участие исключительно интеллигенты²⁾. Это достаточно явствует из вычурного, искусственно „упрощенного“ языка, которым написаны некоторые статьи; так писать не может рабочий, так пишет подделывающийся под тон рабочего интеллигент. И вот, судя по тону, по стилю, я думаю, что не ошибусь, если скажу что вторая, приведенная у Петербуржца, статья написана рабочим. Обе статьи исходят из одной общей формулы, что „улучшение положения рабочих зависит от самих рабочих“.

„Живучестью рабочее движение обязано тому, — читаем мы в первой статье,—что рабочий сам берет, наконец, за свою судьбу, вырвав ее из рук руководителей. Это вполне понятно. До тех пор, пока движение было лишь средством успокоения большой совести кающегося интеллигента, оно было чуждо самому рабочему“³⁾. Рабочие вырвали свою судьбу из рук руководителей—вот самая главная заслуга рабочего движения последнего времени, по мнению интеллигента-сотрудника „Рабочей Мысли“, и вот поэтому-то теперь они должны устраивать кассы, которые „будут давать в будущем средства прежде всего не для занятий, не для книг, а для насущного хлеба во время разгара боя, во время стачек“ (курсив автора)... „Пусть рабочие идут в борьбу, зная, что борются они не для каких-то будущих поколений, а для себя, для своих детей, пусть помнят, что каждая победа, каждая пядь отбитая у врага, есть пройденная ступень лестницы, ведущей к их собственному благополучию; пусть имеющие силы при-

¹⁾ „Листок Работника“ № 9—10. Стр. 47—53.

²⁾ В том числе и „знаменитый“ Савинков и теперешний полукадет профессор Тахтарев и Н. Лохов.

³⁾ „Раб. Мысль“, цитируем по Листку Работника № 9—10, стр. 49.

этой общей интеллигентской массы начинает выделяться радикально-демократическая интеллигенция. „Средства, употребляемые либералами, и достигнутые ими непосредственные осязательные результаты содержат в себе, правда, революционную силу, но лишь в скрытом состоянии, из которого ее еще нужно превратить в живую энергию; для этой исторической роли как бы назначены полупролетарии и пролетарии интеллигенции, учащая молодежь и, вообще, наиболее темпераментные и наиболее демократические элементы интеллигенции¹⁾. Впрочем, и либеральные помещики далеко не очарованы своей тихой, кропотливой работой подкапывания и подтачивания устоев. И они чувствуют себя отвратительно под давлением тяжелой руки бюрократии и хотели бы освободиться от нее, но либеральные помещики и хорошо оплачиваемые редакторы „уважаемых“ газет склонны резонировать, что нельзя же пробить стену лбом. На что радикально-демократическая интеллигенция им заявляет: „Мы никогда не удовлетворимся и не желаем удовлетворяться вашим черепашьям прогрессом. Ваше смирение безнравственно. Источники его— трусость и эгоистический страх за ваши личные интересы. Наш же лозунг гласит: бесстрашная, беспощадная война с властью имущими не на живот, а на смерть. А так как наших сил не хватает, то мы призовем угнетенные массы на революционную арену (курсив мой М. Л.) и научим их бороться с угнетающим их общественным строем и вооружим их к этой борьбе“²⁾.

Богатые помещики и либеральные редакторы, конечно, могут только радоваться такому плану поднятия рабочих масс на борьбу; стену прошибить они очень желают, да сделать это самим и страшно и опасно, ну, а пролетарский лоб пустить в ход дело хорошее, тем более, что Аксельрод уверяет их, что „в России, где пролетариат находится еще только в процессе выделения из веками жившей в рабстве и невежестве народной массы, он сам стоит еще в массе своей на слишком низкой ступени культурного развития, чтобы быть в состоянии—уже в железных тисках абсолютизма—возвыситься до роли сознательной революционной силы без прямой или косвенной помощи со стороны буржуазии“³⁾. И вот, по точному смыслу сказанного Аксельродом выходит, что следует поддерживать такое бессознательное состояние пролетариата. Он не раз подчеркивает, что необходимо тщательно избегать

¹⁾ Там же, стр. 55.

²⁾ Там же, стр. 55—56.

³⁾ Там же, стр. 64. Курсив мой. М. Л.

водителями и рабочими. „Причиной нашей разрозненности,— говорит он,— являются первым делом те неудобства, которые приходится встречать при поддержке связей, при чем нельзя не признать того грустного явления, что мы сами слишком мало заботимся о восстановлении связей; но главная причина этого зла заключается в том, что у нас нет ничего такого, что представляло бы общий интерес. Разрозненность эта не остается бесследной; ее результатом является то, что кружки рабочих, потерявши своего руководителя, ищут восстановления новых связей через товарищей других заводов или фабрик; между тем их можно было бы возобновить через лицо, находящееся только в другой мастерской. Так, мне приходилось встречать организовавшуюся группу товарищей, которая составила сама по себе и не знала, как ей примкнуть к Союзу и получать книги“¹⁾.

Не отказываясь от руководителей, автор далек также и от того, чтобы суживать задачи рабочего движения, опошлять его, как это делает автор первой статьи. „Многие из нас,— пишет он,— и, быть может, даже большинство рабочих, сознают необходимость объединения и желают его, но слишком мало стараются перейти от слова к делу, утешая себя тем, что сделать этого у нас пока нельзя; мы видим перед собой мрачную стену монархического строя, которая препятствует доступу к нам света; мы сознаем все неудобство нашего пребывания во мраке, но приступить к той стене не решаемся, видя, как отдельные попытки к этому ведут к печальным последствиям. Но вот в том то и дело, что мы видим случаи только отдельных попыток и принимаем результат их за общую неизбежность. Стена современного строя крепка, и произвол нашего царизма непоборим, но непоборим только в том случае, когда на это направляются отдельные силы, которые настолько малы, что падают жертвой произвола. Но дело примет совсем иной оборот, когда против произвола капиталистов и правительства будет направлена объединенная сила— сила сознания самостоятельности рабочего класса, справедливые требования которого должны быть удовлетворены“.

В противоположность первой статье мы находим здесь и призыв к борьбе за будущие поколения: „Историческое положение наше, как рабочего класса,— читаем мы,— таково, что, работая над достижением своего благополучия, мы исполняем общественную работу. Мы последний класс. За нами нет никого. Господство рабочего класса есть всеобщее господство, или, лучше, всеобщее равноправие, и к достижению его мы должны стремиться; только тогда мы можем сказать, что

¹⁾ Там-же, стр. 84.

жили не напрасно, и это подтвердят наши дети. Чтобы сделать что-нибудь полезное для рабочего класса, нам необходимо объединить наши силы, так как требования наши будут удовлетворены только тогда, когда они будут общим требованием всего рабочего класса, а иначе все наши заявления на принадлежащие нам права останутся гласом вопиющего в пустыне“¹⁾).

Самый план издания „Рабочей Мысли“ автор сводит не к эмансипации от интеллигентов, не к отказу от теорий, а к тому, чтобы выполнить ту-же задачу, которую ставила себе группа „Освобождение Труда“, приступая к изданию „Работника“, т. е. дать возможность самим рабочим обсуждать свои нужды и выражать свои стремления. При этом автор вовсе не намерен отказываться, подобно Плеханову, написавшему предисловие к „Работнику“, от руководства. „Рабочая Мысль“,—говорит он,—будет отражать жизнь рабочих в ее настоящем свете, будет способствовать пробуждению в них интереса к окружающему, выражая их нужды и клеймя словами презрения и насмешки нашу опротиву“²⁾).

Мы нарочно остановились подробнее на этих двух статьях первого номера „Рабочей Мысли“, чтобы показать, насколько неверно обычное представление, будто „Рабочая Мысль“ возникла как бы в пику социалдемократической деятельности „Союза Борьбы“, и будто задачей ее организаторов было противопоставить политической агитации „Союза“ экономическую агитацию самих рабочих. Этой цели организаторы не ставили. Приведем словами Петербуржца историю возникновения „Рабочей Мысли“.

„Последняя возникла не сразу. Еще в начале 1896 г. один кружок рабочих замышлял издавать свою рабочую газету. И рабочий, ставший впоследствии одним из основателей и главным сотрудником „Р. М.“, принадлежал именно к этому кружку. Я не знаю, что помешало этому кружку рабочих завести свою газету хотя бы весной 1896 г. Быть может, недостаток сил. Быть может, надежды на издания Союза; я не знаю. Впрочем, косвенным подтверждением такой догадки может служить то обстоятельство, что в архиве Петербургского Союза того времени мы могли бы найти несколько рукописей указанного рабочего, писанных им еще осенью 1896 г. и переданных им в Союз для напечатания. Рукописи эти не были напечатаны Союзом, главным образом, по недостатку для того у Союза технических средств.

¹⁾ „Раб. Мысль“, № 1, цитир. по Петербуржцу. Счерк. Петерб. Раб. движ. стр. 84—85.

²⁾ Там-же, стр.

„В начале февраля 1897 г. Союз выпустил первый и, можно сказать, единственный номер своей газеты „Петербургский Рабочий Листок“ (помеченный январем 1897 г.). В нем были, между прочим, помещены корреспонденции двух работниц. Происшедший вскоре после выпуска первого номера „Листка“ провал лишил Союз сил и средств для продолжения этого издания, а рабочих лишил последней надежды видеть свои рукописи напечатанными. Таким образом, давно сознаваемая потребность в заведении своей собственной газеты получила в глазах петербургских рабочих новое основание.

„Первый номер „Рабочей Мысли“ появился в октябре 1897 года. Даже трафарет и мимеограф для напечатания „Рабочей Мысли“ были собственноручно приготовлены самими рабочими“¹⁾.

„Десятки лет русские социалисты,—говорит по этому поводу Акимов,—пытались разбудить мысль рабочего. И со времени Халтурина она пыталась вырваться, вылиться в речь, проявиться в рабочей газете. Долго, долго не удавалось ей это в тисках самодержавного политического строя. Наконец, в двух концах России—в Вильне и в Петербурге—в один и тот же год рабочим удалось создать свои газеты: „Рабочий Голос“ и „Рабочую Мысль“. Еврейские интеллигенты-социал-демократы вняли голосу рабочего, поддержали, сделали его громким, сильным и славным. Но, как раз ортодоксальное течение „революционных“ социалдемократов осмеяло, осудило Петербургскую рабочую мысль!—Да, она-таки, действительно, была не ученою, не гибкою, не тонкою мыслью! Тем более радостно, что все же нашлись в Петербурге социалдемократы „экономисты“, которые поддержали ее, отдались ей на служение! Зачтутся им за это все их невольные ошибки, которые делали они при этом на их трудном пути“²⁾.

Акимов жалуется, что революционная социал-демократия осудила, осмеяла рабочую мысль без ковычек. Где же и когда она это делала? Зачем фальсифицировать? Все те статьи в этой газете, которые осмеивались и осуждались, менее всего были рабочей мыслью. Эти статьи писались теми „экономистами“, которые выступали от имени рабочих, не зная их или зная слишком поверхностно, и под флагом рабочей мысли выпускали свои собственные мелко-мещанские, пошленькие мыслишки о борьбе за собственное благополучие, о пятаке, как о высшем идеале земного существования. Рабочие менее всего были повинны в таких мыслях, и это

1) „Оч. петерб. раб. движ.“, стр. 73.

2) Акимов. „Оч. разв. с.-д. в России“, стр. 76.

видно из тех корреспонденций и статей, которые, несомненно, были написаны рабочими.

В то время, когда интеллигенты писали о том, что наука, теории, идеи—достояние меньшинства, у рабочих же никаких других интересов, кроме „экономических“, не имеется, сами рабочие в той же газете отмечали свою борьбу за эти идеи, за эту науку. Вот что рассказывает один из корреспондентов, несомненно рабочий:

„В вечерних классах рабочие первого курса заявили преподавателю, что они русскую историю слушать не желают. Сначала это выразил один из них, говоря, что слушать о войнах да о величии царей не интересно. Лектор ответил, что кто не желает, тот может уходить. Но каково было его удивление, когда рабочие ученики один за другим стали направляться к выходу. 8 человек уже ушли, когда он стал просить остаться и объяснить, чего они хотят. Все предложили историю культуры. „Нельзя“ был ответ. „Историю Европы и географию?“ „Не могу, мне не приказано“. Согласились, наконец, на русском языке и истории хозяйственного развития России“¹⁾.

В целом ряде писем жалуются рабочие, как на недостаточное количество „недозволенных“ книг, так и на их однообразие. „Одну прочтешь, то другую читать неинтересно“. Что же отвечают на это редакторы? Что книги сочиняются интеллигенцией, а она-де плохо знает потребности и обстановку рабочих, но если рабочие будут описывать „более значительные случаи на их фабриках“, то книги станут более интересными. Рабочие только что указывали, какую борьбу приходится вести им в воскресных школах за то, чтобы вместо истории царей им давали настоящую науку. Но воскресная школа, где занятия ведутся под строгим контролем попа и пристава, науки дать не может, не могут ее дать и доступные рабочим, прошедшие через цензуру, легальные книжки. И вот, в поисках за этой наукой рабочие обращаются в „свою“ редакцию, к представителям своей „Рабочей Мысли“. Но интеллигентные выразители ее продолжают пребывать в глубокой уверенности, что рабочие другими вопросами, кроме тех, которые тесно связаны с их фабричным бытом, интересоваться не могут; и вот, редакция „Рабочей Мысли“ заявляет, что будет охотно издавать, а также печатать статьи, брошюры и проч., во 1-х, о том, как вести экономическую борьбу, устраивать кассы, союзы, стачки и т. д., во 2-х, о том, как боролись и борются иностранные рабочие за лучшую долю и, в 3-х, статьи теоретического характера, разъясняющие основные

¹⁾ „Раб. М.“ № 2. Письмо рабочего с А. И. з.

положения политической экономии и проч., в роде брошюр: „Кто чем живет“, „Что должен знать и помнить каждый рабочий“, „Рабочий день“, „О штрафах“ 1-ое изд. и „Как бельгийские рабочие боролись за свободу“ 1).

Все эти брошюры сами по себе, бесспорно, хороши, но разве не о них писали рабочие, что они однообразны, и если прочтешь одну, то не захочешь другой. И действительно, отмеченный „Рабочей Мыслью“ список желательных изданий касается лишь одной стороны вопроса и совершенно не отвечает на те стремления, которые уже зародились и за которые уже начали бороться рабочие. Вот эти то тенденции интеллигентных опошлителей рабочей мысли, тенденции, стремящиеся сузить рамки рабочего движения, и осуждала революционная социалдемократия. Проявление же действительной рабочей мысли, поскольку она, вопреки стараниям редакции, все же пробивалась на страницах упомянутой газеты, революционная социалдемократия, наоборот, горячо приветствовала.

Чтобы убедиться в этом, стоит лишь прочесть искренно и тепло написанную представительницей группы Освоб. Труда—Верой Засулич рецензию по поводу второго номера „Рабочей Мысли“. „Пожелаем же еще раз,—читаем мы в этой рецензии,—возможно более широкого развития той чисто рабочей литературы, образчики которой мы видели в Борьбе“ 2) и „Рабочей Мысли“. Между прочим, она будет полезна уже тем, что, заинтересовав русское общество, познакомив его с истинной физиономией нового борца, выступающего на то поле, на котором, не дождавшись его, уже погибло столько русских людей, слишком нетерпеливо рвавшихся к жизни“ 3).

„Если бы рассказы о стачках,—говорится в другом месте этой статьи,—составлялись их участниками, умющими писать так же хорошо, как корреспондент „Борьбы“, в их описаниях каждая стачка имела бы свой особенный характер, именно потому, что авторы передавали бы нам не одни факты, а свои собственные впечатления от фактов. Такие корреспонденции знакомили бы нас не только с общим ходом борьбы, но также и с умственной и нравственной физиономией борцов“ 4).

Осмеивая и осуждая „интеллигентские“ quasi-научные статьи № 4 „Рабочей Мысли“, другой сотрудник группы „Освобождение Труда“—Кольцов, заканчивает свою рецензию сле-

1) „Раб. Мысль“ № 3. Июнь 98 г.

2) Вера Засулич по ошибке сочла вторую часть 2-го № „Раб. Мысли“ за особую газету „Борьба“, см. об этом в № 3 „Р. М.“ Июль 1898 г. „К сведению В. Засулич“.

3) „Листок Работника“ № 7. Апрель 1898 г., стр. 21.

4) Там же, стр. 19

дующими словами: „Если мы скажем, что после этих писаний господ из „интеллигенции“ отдыхаешь душой при чтении бесхитростных и безыскусственных корреспонденций, писанных рабочими, то, надеемся, никто не увидит в этом заигрыванья с представителями ручного труда, науськивания на представителей умственного труда. Мы воздаем лишь каждому свое и, повторяя уже высказанную мысль, что русский рабочий может и должен идти рядом с революционной интеллигенцией, мы пожелаем только, чтобы среди этой интеллигенции было поменьше родственников Митрофана Простакова“¹⁾.

Из этих двух рецензий Акимов должен был видеть, что высмеивались революционной социалдемократией мысли отнюдь не рабочих, а только тех „интеллигентов“, которые, присвоив себе монополию быть единственными верными толкователями этой мысли, искажали ее до неузнаваемости и фальсифицировали примесью своих, повторяю, мелко-буржуазных мыслишек. Высмеивались как раз те, герои-„экономисты“, которые, по мнению Акимова, за свои услуги рабочей мысли заслужили себе полного отпущения грехов и царствия небесного.

Отпущение грехов они действительно получили. Но от кого? От той буржуазии, которая готова была примириться с подобного рода рабочим движением и даже не прочь была прикнудить к нему. Любопытно, что как раз в то время, когда среди русских практиков начинают приобретать господство идеи интеллигентных руководителей „Рабочей Мысли“ начинает сбываться и пожелание Аксельрода, чтобы „теперешнее, далеко нелестное мнение образованных людей о наших рабочих“ уступило бы „место сочувствию и уважению к ним“. Тогда „вместе с увеличением рабочих кружков и объединением их в один союз будет расти и готовность революционеров из других классов не только помогать делу этих кружков, но и вступать в них членами“²⁾.

Но, вопреки ожиданию Аксельрода, это сочувствие рабочие приобрели не потому, что они вступили на путь борьбы за общенациональную цель свержения самодержавия, а потому, что их, именующие себя социалдемократами, руководители тщательно препятствовали рабочим вступить в самостоятельную политическую борьбу. Действительно, буржуазная интеллигенция с готовностью стала содействовать такой социалдемократии, и не только содействовать, но и вступать в ее организации. Пока наше движение носило резко классовый характер, пока социалдемократы-практики, призывая проле-

1) „Работник“ № 5—6. Женева. 1899, ст. „Рабочие и интеллигенция“ стр. 138.

2) „Зад. раб. интеллигенции“ стр. 15—16.

тариат на политическую борьбу, в то же время подчеркивали (как это делалось, например, в спорах с народоуправцами) необходимость для него вести эту борьбу изолированно от буржуазии и лишь координировать ее с тем, либо иным оппозиционным течением среди той или иной части буржуазии, до тех пор революционеры других классов и сословий были враждебно настроены против социалдемократии.

Буржуазная интеллигенция почти совсем не выделяла из своей среды социалдемократов, а предпочитала группироваться вокруг преследующей исключительно „общенациональную“, а не „узко-классовую“ цель партии „Народного Права“.

Теперь картина резко меняется. „Народное Право“, не сумев увлечь за собой рабочих, исчезает с революционной арены, а члены этой партии почти все переходят в ряды социалдемократии. Гора не пошла к Магомету, и Магомет пошел к горе, но пошел он к ней со всеми своими старыми идеями, со всей своей классовой психологией. И эту психологию стали навязывать рабочим, убеждая их, что это их собственная „рабочая“ психология, их собственная „рабочая“ мысль. Идея о междуклассовом положении нашей интеллигенции, которая в течение 15-ти лет проводилась группой „Освобождение Труда“, благодаря затушевываниям классовых противоречий в рядах этой самой интеллигенции и уверениям, будто вся она стремится к одной и той же революционной цели, что вся она „антикапиталистически настроена“¹⁾, что „даже свободомыслящие слои землевладельческого сословия“ могут заключить союз „с организованным авангардом этого (рабочего) класса“—все это могло только помочь этим буржуазным выходцам навязать рабочим свою идею и заменить ею идею революционной социалдемократии.

„Есть полное основание опасаться,—писал Аксельрод,—что, дальнейшее развитие стачечного движения может отразиться временным истощением наших сил и повлечь за собою период разочарования и реакции в рядах наших и самой народной массы. Только постоянно возрастающий приток новых сил из интеллигенции и сочувствие нашему движению со стороны прогрессивных слоев высших классов, вообще, могли бы обеспечить нас против такой тягостной перспективы. А для создания себе такой опоры в этих классах мы должны всею своей практической деятельностью, включая и сферу чисто экономической борьбы, наглядно и неустанно обнаруживать обще-демократические задачи нашего движения“

¹⁾ См. Аксельрод „История положения и т. д.“, „Работник“ № 5—6, стр. 60.

и таким путем популяризировать общенациональное революционное его значение для современной России¹⁾.

Так поступали старые социал-демократы-практики, та же мысль проведена и в манифесте 1-го съезда, выразившем настроение всех первых русских социал-демократов,—и что же, как отнеслась к такого рода деятельности „интеллигенция“? Она чуралась социал-демократии, обвиняла ее в измене „наследственным традициям“ и чуть ли не в прислужничестве правительству. Но когда это революционное настроение социал-демократии уступило место „одностороннему развитию стачечного движения“, когда в рядах экономистов поднялась травля революционной социал-демократии, тогда „прогрессивные слои высших классов“ стали аплодировать социал-демократии и заполнять ее ряды.

Ошибка Аксельрода заключалась в том, что он не понял общественной ситуации в тогдашней России. В 98 году он воображал, что прогрессивные слои нашей буржуазии думают так же, как они думали в 80-м году, что они одинаково сочувственно отнесутся к революционному движению сознательного пролетариата, как когда-то они относились к революционным попыткам интеллигентных заговорщиков. Тогда буржуазия отлично понимала, что успех революции при бессознательности народа означал не что иное, как переход власти всецело в ее руки, теперь же, как говорится, бабушка еще на-двое сказала, чем может кончиться революция. Не лучше ли поэтому обойтись без революции и ограничиться медленными уступками со стороны самодержавия, т.-е. такими реформами, которые не шли бы дальше удовлетворения действительных классовых нужд буржуазии, нисколько не заботясь о том, совпадают ли они с нуждами „общенациональными“.

Этого происшедшего за 80-ые и 90-ые годы фактического примирения „прогрессивной“ буржуазии с реформированным в ее вкусе самодержавием и ее уверенности, что для проведения нужных ей реформ менее всего пригодно сознательное политическое выступление пролетариата, Аксельрод не заметил. „Две перспективы рисуются мне в недалеком будущем,—говорит он:—рабочее движение не выходит из тесного русла чисто экономических столкновений рабочих с предпринимателями и само по себе в целом лишено политического характера. В борьбе же за политическую свободу передовые слои пролетариата идут за революционными кружками или фракциями из так-называемой интеллигенции. Словом, освободительное движение идет, если не совсем, то в одном очень важном

¹⁾ „К вопр. о совр. зад. и тактике русск. соц.-демокр.“, стр. 27.

отношении, тем же путем, как и на западе в давнопрошедшие времена, когда и там еще господствовал монархически-чиновничий произвол: рабочие массы не играют в нем самостоятельной революционной роли, они идут за буржуазной интеллигенцией и сражаются за свободу не под собственным знаменем, а под чужим⁴.

„Другая перспектива: социал-демократия организует русский пролетариат в самостоятельную политическую партию борющуюся за свободу, частью рядом и в союзе с буржуазными революционными фракциями (поскольку таковые будут в наличности), а частью же, привлекая в свои ряды или увлекая за собой наиболее народолюбивые и революционные элементы из интеллигенции“¹⁾.

Не считаясь с действительными условиями русской жизни, Аксельрод не мог себе представить третьего пути, по которому в действительности и пошла наша партия. Могучее рабочее движение, хотя и выразившееся в чисто экономических столкновениях с предпринимателями, приняло, благодаря слишком уже очевидной тесной связи между этими предпринимателями и правительством, сразу вполне определенный политический характер. Этот политический характер наглядно проявился в петербургских массовых стачках, окончившихся победой 2-го июня 1897 года. Одержанная пролетариатом политическая победа привлекла в его ряды все „народолюбивые“ элементы буржуазной интеллигенции, которая, действуя уже в рядах рабочей партии, а не вне ее, стала пытаться повести рабочих по тому пути, который был наиболее выгоден ей, этой „народолюбивой буржуазной интеллигенции“, т.-е. по пути, который, несомненно, должен был повлечь рабочее движение к финалу, рисуемому Аксельродом в его первой перспективе. Вот этой третьей перспективы и не мог себе представить Аксельрод, живя за границей и черпая известия о России из подцензурных газет, а на деле, как раз, именно, эта перспектива и начала осуществляться.

Вся беда нашей партии в то время и заключалась в том, что она впитала в себя слишком большую дозу буржуазной интеллигенции, настолько большую, что у этой интеллигенции надолго исчезла потребность организоваться отдельно в свои собственные буржуазно-революционные кружки или фракции. Социал-демократия того времени свела на-нет все остальные, революционно-оппозиционные организации; и это неминуемо должно было отозваться как на ее тактике, так и на самой теории русских марксистов. Легальные марксисты, к велико

¹⁾ „К вопр. о совр. зад. и т. д.“, стр. 19—20 .

радости обломков народничества, камня на камне не оставили от научного социализма, от теории революционного марксизма, а нелегальные руководители „Рабочей Мысли“ употребляли все усилия, чтобы вытравить в умах рабочих последние следы революционной социал-демократии и направить их на путь трэд-юнионизма.

И эту обезвреженную социал-демократию приветствовала вся интеллигентская буржуазия; теперь социал-демократия стала пользоваться „уважением и сочувствием“ всех „образованных людей“. Но мог ли этому радоваться Аксельрод? Конечно, нет. Ведь он надеялся, что эти „образованные люди“, „народолюбивые интеллигенты“, действительно революционны, что они еще не успели проникнуться „буржуазным духом“, что они действительно стремятся к „общенациональной цели“ свержения абсолютизма, а не к „узко-классовой“ задаче кастрировать во что бы то ни стало рабочее движение, хотя бы ценою отказа от своей чисто буржуазной самостоятельной политической организации и полного подчинения, якобы, пролетарской партии.

Г Л А В А XXIII.

„Марксизм нетерпимый, марксизм отрицающий, марксизм примитивный (пользующийся слишком схематическим представлением классового деления общества) уступит место марксизму демократическому, и общественное положение партии в недрах современного общества должно резко измениться. Партия признает общество, ее узко-корпоративные, в большинстве случаев сектантские, задачи расширяются до задач общественных, и ее стремление к захвату власти преобразуется в стремление к изменению, реформированию современного общества в демократическом направлении, приспособительно к современному положению вещей с целью наиболее удачной, наиболее полной защиты прав (всяческих) трудящихся классов“¹⁾.

Так рисуется автору знаменитого „Credo“ будущее развитие социал-демократических партий в Западной Европе. Если мы вчитаемся во все тактические статьи Аксельрода, то увидим, что авторы „Credo“ не выдумали ничего нового: так, именно, и должны были, по мнению Аксельрода, поступать русские марксисты, стремящиеся осуществить общенациональную революционную задачу. Он обвинял их в узкой нетерпимости по отношению к обществу в том, что они на всю буржуазию смотрят, как на одну сплошную реакционную массу,

¹⁾ „Gademekum“. Для ред. „Раб. Дела“, „Протест“, стр. 4. Курсив мой. М. Л.

и убеждал, что главная задача их—это вместе со всем обществом добить партию „кнута и палки“ и, таким образом, сообща достигнуть „общенациональной“ цели, и что рабочая организация нужна для ближайшей „обще-демократической цели“, „для обеспечения успеха в борьбе против современного государства за интересы трудящегося класса“.

Но, в противоположность автору „Credo“, всегда и всюду Аксельрод спешил оговориться, что такое положение русские социал-демократы должны занять, благодаря совершенно особым условиям общественных отношений у нас в России, благодаря тому, что Россия еще не вышла из периода первоначального накопления, и в ней еще не создались политически господствующие классы. Говоря о западно-европейском рабочем движении и о будущем, после-конституционном русском движении, он не сомневается в необходимости для него чисто-классового характера. Автор же „Credo“ Аксельродовскую схему борьбы распространяет на все рабочее движение от начала до конца, что объясняется его полным невежеством в истории западно-европейских революций вообще и рабочего движения в частности. Но во всем, что касается деятельности русских марксистов, они буквально повторяют мысли, уже 15 лет пропагандируемые группой „Освобождение Труда“. „Забыв, что на Западе рабочий класс выступил уже на расчищенное политическое поле деятельности,—говорят они,—наши марксисты более, чем нужно, относятся с презрением к радикально или либерально-оппозиционной деятельности всех других нерабочих слоев общества. Малейшая попытка сосредоточить внимание на общественных проявлениях либерально-политического свойства вызывает протест ортодоксальных марксистов, забывающих, что целый ряд исторических условий мешает нам быть марксистами Запада и требует от нас много марксизма, уместного и нужного в русских условиях.. Если классовая схема помешает деятельному участию русского интеллигента в жизни и отодвинет его слишком далеко от оппозиционных кругов—это будет существенный ущерб для всех, кто вынужден бороться за правовые формы не об руку с рабочим классом, еще не выдвинувшим политических задач“¹⁾.

Все, что говорится здесь, повторяю, не раз говорил в своих статьях и Аксельрод. Но Аксельрод говорил это из тактических соображений, чтобы, с одной стороны, привлечь на сторону рабочего движения „буржуазную“ интеллигенцию, а с другой, чтобы направить рабочую массу по революционному пути. Исходным пунктом его тактического плана слу-

¹⁾ „Vademekum“. „Протест“, стр. 5—6.

жила мысль, что революцию в Россию может совершить только рабочий класс, но совершит он ее тогда, когда буржуазной интеллигенции, этой „революционной бацилле“, этому „ферменту“ удастся оплодотворить стихийное рабочее движение сознанием необходимости революционной борьбы. Автор „Credo“ в революционное будущее русского рабочего класса не верит, не верит, следовательно, и в возможность самой революции.

„Линия наименьшего сопротивления у нас,—говорит он,—никогда не будет направлена в сторону политической деятельности. Невозможный политический гнет заставит много говорить о нем, именно на этом вопросе сосредоточивать внимание, но никогда не заставит он практически действовать. Если на Западе слабые силы рабочих, будучи вовлечены в политическую деятельность, окрепли на ней и сформировались, у нас слабые силы эти, наоборот, стоят перед стеной политического гнета и не только не имеют практических путей для борьбы с ним, а, следовательно, и для всего развития, но даже систематически душатся ими и не могут пускать даже слабых ростков. Если прибавить к этому, что рабочий класс наш не получил в наследие того организационного духа, каким отличались борцы на западе, то картина получится удручающая и способная повергнуть в уныние самого оптимистического марксиста... Разговоры о самостоятельной рабочей политической партии суть не что иное, как продукт переноса чужих задач, чужих результатов на нашу почву“.

Как известно, „Credo“ впервые было опубликовано вместе с протестом против него, составленным на собрании 17 человек ссыльных социал-демократов ¹⁾. „Так как „Искра“ совершенно искажала историческую оценку „Credo“, — говорит по этому поводу Акимов, — то будет бесполезно отметить его историю. Несколько частных лиц (кажется, четыре) случайно сошлись в редакции одного петербургского журнала. В разговоре некто N. высказал мысль, которую я выше привел (что рабочий класс не в силах низвергнуть самодержавие, он призывает социалистов примкнуть в деле их борьбы с самодержавием не к рабочему классу, а к „интеллигенции“). Присутствующие нашли эту мысль ошибочной и просили говорившего формулировать ее письменно, что тот и исполнил. Один из наших товарищей по партии, в руки которого попала эта записка, снабдил ее громким именем „Credo“ и послал своим знакомым. Те, собравшись в числе 17-ти, резко раскритиковали это „Credo“ ²⁾.

¹⁾ Инициатором и автором этого протеста был В. И. Ленин.

²⁾ „Сч. разв. соц.-дем. в России“, стр. 51. Примечание.

Далее, Акимов утверждает, что „Credo“ отнюдь не являлось символом веры какой бы то ни было группы, а тем более всего „экономического направления“. „Автор „Credo“, — говорит он, — никогда ни к одной действующей в России социал-демократической организации не принадлежал. Он — бывший народоправец. Правда, он был одно время членом старого союза за границей“¹⁾.

Прежде всего, Акимов неверно приводит основную мысль автора „Credo“. Если бы он приглашал только „интеллигентных“ социалистов примкнуть в борьбе с самодержавием не к рабочему классу, а к „интеллигенции“, то это было бы зло еще не так большой руки и не могло бы служить достаточным поводом для протеста, для всей той бучи, которую затеяли 17 ссыльных — старых практиков. Подобная точка зрения и до того высказывалась народоправцами, социал-демократы спорили с ними, доказывали нелепость их надежд на интеллигенцию, но в то же время считали в порядке вещей, что объединившаяся под знаменем „Народного Права“ буржуазная интеллигенция иначе рассуждать не может, что рассуждение это вполне отвечало классовым интересам буржуазии.

Но когда „бывший народоправец“, называясь марксистом и считая себя членом социал-демократической партии, говорит, что нелепо „рассуждать о самостоятельной рабочей политической партии“, и в то же время считает, что „для русского марксиста исход один: участие, т.-е. помощь в экономической борьбе пролетариата и участие в либерально-оппозиционной деятельности“²⁾, то тут уже получается нечто совершенно иное. Мысль автора „Credo“ сводится уже не к тому, чтобы „социалисты-интеллигенты“ шли бороться за политическую свободу в чисто интеллигентские фракции, а чтобы они, оставаясь в рядах рабочей партии, старались не допускать эту партию за пределы экономической борьбы пролетариата. Другими словами, интеллигенты-марксисты, организуя экономическую борьбу пролетариата, не должны допускать его до создания чуждой русским условиям „самостоятельной рабочей политической партии“. Автор „Credo“ вовсе не думает, что русским рабочим не придется вести политической борьбы; по словам Акимова, он был крайним политиком³⁾. „Трудна, бес-

¹⁾ Там же, стр. та же. Г-жа Е. Кускова, единственный, по ее словам, автор „Credo“, в журнале „Былое“ в общих чертах подтверждает рассказанную Акимовым историю происхождения этого документа. См. ее статью „Ф. Дан. Из истории раб. движения и т. д.“. Былое № 10, стр. 325—326, в примечании.

²⁾ „Vademekum“, стр. 5.

³⁾ „Что касается принципиального отказа экономистов от политической борьбы“ — говорит г-жа Кускова, — то эта нехорошая неправда принадлежит к числу тех политических приемов, которые так сильно компрометируют с.-д. партию“ (Былое № 10, стр. 326).

конечно трудна и экономическая борьба, — говорит автор *Credo*, — но она возможна, она, наконец, практикуется самими массами. Приучаясь в этой борьбе к организации, поминутно наталкиваясь в ней на политический режим, русский рабочий создает, наконец, то, что можно назвать формой рабочего движения“. От борьбы рабочих не избавишься; рабочий класс у нас существует, и как бы ни относились к этому „интеллигенты“, сами массы уже начали экономическую борьбу; эта борьба при русских условиях неизбежно сталкивает их с политическим режимом. Рабочие массы, воспитанные экономической борьбой в классовом духе, могут и эту вынужденную борьбу с политическим режимом повести в классовом же духе, создать классовую форму политического движения. Вот этого то необходимо избежать. До сих пор русские социал-демократы „относились с презрением к радикальной и либерально-оппозиционной деятельности всех других не рабочих слоев общества, „как „отрицатель“ русский марксист пришел очень рано“ и тем содействовал классовому характеру будущей политической борьбы рабочих. Нужно в этом смысле изменить тактику; нужно воспитать рабочих так, чтобы они в либерально-оппозиционной деятельности не рабочих слоев общества видели защиту своих интересов. Революция у нас немыслима, но о революции и не думают эти либерально-оппозиционные слои общества; идею о захвате власти „приспособительно к современному положению вещей“ они преобразовали уже в идею о мирном изменении, реформировании современного строя. К этому же мирному развитию нужно готовить и рабочих. Вот действительный смысл „Credo“.

Все значение „Credo“ заключалось в том, что оно являлось выражением истинных, хотя и плохо сознаваемых желаний и стремлений тех непролетарских элементов, которые широкой волной нахлынули в ряды нашей партии. Чуткость старых социал-демократов-практиков подсказала им всю опасность этих стремлений для пролетарского движения.

„Мы не знаем, — говорят авторы „Протеста“, — много ли найдется русских социал-демократов, разделяющих эти воззрения. Но несомненно, что вообще идеи этого рода имеют сторонников, и потому-то мы считаем себя обязанными категорически протестовать против подобных воззрений и предостеречь всех товарищей от грозящего соращения русской социал-демократии от намеченного уже ею пути, именно: образования самостоятельной политической рабочей партии, неотделимой от классовой борьбы пролетариата и ставящей своей ближайшей задачей завоевание политической свободы“¹⁾.

¹⁾ „Vademecum“ „Протест“, стр. 6.

„Рабочее Дело“, перепечатывая „Протест 17-ти“, приветствует его, но тут же добавляет: „мы твердо убеждены, что этот „символ веры“ представляет собой не больше, как мнение единичных лиц, отражает лишь идейную путаницу в головах его авторов ¹⁾, в действительности же в России среди практиков такого направления не существует; „возьмите изданные местными комитетами Р. Соц.-Дем. Партии майские прокламации нынешнего года (рассчитанные на широкую массу рабочих), и вы увидите целый ряд ближайших политических требований, начиная с установления законом 10-часового рабочего дня и кончая требованиями гласного суда присяжных по делам о стачках, отмены административных высылки и произвольных арестов без суда, права устраивать кассы, свободы стачек, собраний, союзов“ ²⁾.

Я уверен, что автор „Credo“ и его единомышленники, вроде г. NN, т.-е. Прокоповича, прочтя эти „политические“ требования, ответили бы редакции „Рабочего Дела“, что и они готовы подписаться под такими требованиями, но что дело не в требованиях, а в том, как проводить, как добиваться их. „Рабочее Дело“ совершенно не поняло, в какой, именно, плоскости поставлен сторонниками „Credo“ вопрос, и вследствие этого получился довольно странный и для посторонних, казалось бы, совершенно нелепый спор между группой „Освоб. Труда“, с одной стороны, и „Рабочим Делом“ — с другой. Обе стороны согласны с „Протестом 17-ти“, одинаково бичуют и отрекаются от солидарности с „Credo“, а между тем резко расходятся друг с другом и в течение нескольких лет, вплоть до появления в 1903 году знаменитой статьи Плеханова „Чего не делать“ ³⁾, не могут понять один другого ⁴⁾.

Прежде всего спор зашел о том, имеются или не имеются среди русских социал-демократов сторонники „Credo“. Авторы „Протеста“ могут указать лишь на программную статью № 1-го „Рабочей Мысли“, которая высказывала „ту совершенно ошибочную и противоречащую социалдемократизму мысль,

1) „Раб. Дело“ № 4 окт. 99 г., стр. 24.

2) „Раб. Дело“ № 4, стр. 25.

3) „Искра“ № 52. 7 ноября 1903 г.

4) С единомышленниками авт. „Credo“ Плеханову и Аксельроду удалось окончательно сговориться лишь после появления в „Товарище“ знаменитого письма Плеханова к товарищам-рабочим по поводу соглашения с кадетами в предвыборной агитации и после начатой Аксельродом агитации за рабочей с'езд. Только после этого друг автора „Credo“, г. Прокопович, удостоверяет основателей гр. Осв. Труда прощения за все их прежние прегрешения на ортодоксальном поприще. См. об этом ст. г. Прокоповича „Партийная беспринципность“. „Товарищ“ № 108, 8 ноября 1906 г.

что экономическая основа движения „может быть“ затемнена стремлением постоянно не забывать политического идеала¹⁾, и, несомненно, ярко отражала точку зрения „Credo“. Плеханов же, в доказательство того, что эти взгляды далеко не являются чисто личными взглядами авторов „Credo“, составил целый сборник писем и статей разных „молодых“ социал-демократов. Редакция „Рабочего Дела“, — пишет он, — твердо уверена, что названное „Credo“ есть не более, как „мнение единичных лиц“. Эта твердая уверенность, конечно, весьма отрадна и для самой редакции и для читателей ее журнальчика. Но вопрос не в этом. Надо знать, много ли таких „единичных лиц“, и каково их положение в партии. А что если их много? И что, если они занимают такое положение в наших рядах, пользуясь которым, они могут сильно содействовать торжеству „экономического направления“?²⁾

Прежде, чем перейти к разбору доказательств существования „экономического направления“ среди живущих за границей русских социал-демократов, которым посвящен сборник „Vademecum“, я напому читателю то настроение, которое начало распространяться среди рабочих в 97 и 98 годах. В первой части этой книги³⁾ я указал, как, в связи с массовыми провалами сознательных рабочих и с блестящими успехами стачечного движения, среди пролетариата зарождалась идея о возможности улучшения положения рабочих в рамках самодержавного строя. Я говорил, что такая возможность рисовалась рабочим не только в области экономической, но и правовой. Вырвав у правительства закон 2-го июня и фактически устранив для него возможность карать за участие в стачках, рабочие могли приобрести уверенность, что и необходимых им для экономической борьбы свобод союзов, собраний и слова они смогут добиться, не вступая в острый конфликт с самодержавием, при посредстве одной только чисто экономической борьбы с предпринимателями.

„Правительство и фабриканты, — пишет выражающая мнение петербургских рабочих „Рабочая Мысль“, — заключили „союз“ для борьбы с рабочими, и дружными усилиями полиции, войска и духовенства им удастся подавить требование рабочих. Понятно, что для отпора союза врагов и нам надо устроить союз рабочего класса. Если запротестует один рабочий, то начальство увольняет его с завода. Если сделают это двое или трое, то из них кого-нибудь да оставят. Если потре-

¹⁾ „Vademecum“, стр. 12.

²⁾ Там же. Предисловие, ст. IX.

³⁾ Ист. Р. С.-Д. Р. Партии, ч. I.

бует удовлетворение своих нужд целая мастерская, то начальство начинает трусить и обещает удовлетворить требование рабочих. Затем, если восстанет целый завод, то начальство начинает уступать больше и, перетрусив, ведет переговоры с рабочими, охраняя себя полицией и жандармами. Наконец когда рабочие поймут, что сил одного завода еще недостаточно. и когда к выставившему свои требования заводу примкнут другие заводы, и образуется целое море забастовавших рабочих, тогда фабрикантов и заводчиков уже не найдешь: они все попрячутся от трусости, а с рабочими будет уже разговаривать сам министр, окруженный солдатами, казаками и жандармами. Таким образом, чем больше и обширнее стачки рабочих, тем слабее и трусливее становятся наши враги¹⁾.

Вот в каком виде после 97 года рисовалась среднему рабочему борьба и победа пролетариата. А что эта статья „Рабочей Мысли“, несомненно, отражала действительное настроение тогдашних средних рабочих, можно судить по корреспонденциям в „Р. М.“, писанным самими рабочими, в которых всюду можно проследить несокрушимую веру в этот единственный доступный им способ борьбы. Надо сплотиться, создать кассу, и стачка наша будет, должна быть удачной. „Как только сплотимся в одну армию, тогда не будем иметь горя и нужды“,—пишет рабочий с Алекс. мех. завода²⁾.

И действительно, в то время организованные стачки с напечатанными в листках требованиями рабочих довольно часто оканчивались успешными результатами. Иногда достаточно было организации распространить листки с требованиями, как эти требования, все или частично, во избежание стачки, сейчас же удовлетворялись. Все это, конечно, должно было содействовать убеждению рабочих, что им незачем искать других путей борьбы. „Мы все равно страдаем от изнурительного труда, холода, голода и болезней,—пишет рабочий „Жив духом“.—Так почему же нам не пострадать за такое чистое дело, как борьба за лучшую долю и за все бедствующее наше собратство. Опасного для нас ничего не может быть: если мы дружно, как один человек, возьмемся за руки, то одно наше слово будет делом (курсив мой М. Л.). Тогда для нас ни тюрем, ни виселиц не хватит, да и некому будет над нами исполнять приговоры. Даже наши траги перейдут на нашу сторону, так как большинство из них таково, что пристает к той стороне, которая сильнее“³⁾.

1) „Раб. Мысль“ № 3, июль 98 г., ст. „Как мы можем победить?“

2) „Раб. Мысль“, № 3.

3) „Раб. Мысль“ № 3 фельетон „Мысли рабочего“.

Отражающая настроение рабочих редакция „Рабочей Мысли“ спешит уже возвести это настроение в принцип. „Что такое отдельная стачка,—читаем мы в передовице № 4-го,—как не временное сообщество данных рабочих? Что такое собрание забастовщиков, как не временный настоящий рабочий союз (ферейн, юнион, синдикат, как говорят за границей)? Что такое совет забастовщиков, как не временный совет рабочего синдиката? Что такое сбор денег на стачку, как не временная боевая рабочая касса?“¹⁾ Но все эти синдикаты, кассы, собрания, советы существуют у нас помимо закона, вопреки закону, при отсутствии политической свободы, при самодержавном режиме. Следовательно, „довольно толковать, что рабочее движение оттого развивается, что уже налицо политическая свобода“. Истина в том, что всякая стачка, всякая касса, всякий рабочий союз только тогда становится законным, когда стал уже делом обычным, когда запрещай его или дозволяй—все равно ничего не поделаешь. Закон действующий — это, ведь, лишь запись современных житейских взаимных (сословных, классовых) отношений. Сила закона—сила обычая. Суметь сделать обычным—значит сделать законным. Организационное дело—вопрос не законности, а необходимейших потребностей жизни“²⁾.

А раз это так, то к чему бороться с самодержавием, стремиться свергнуть его? Да этого и не нужно. Уже и теперь „правительство чувствует себя не в силах остановить все усиливающееся движение рабочих, охватившее всю страну, и изменить политику (замечайте!). Попрежнему жестоко преследуя „зачинщиков“ и „главарей“, оно начинает уже разрешать настоящие рабочие общества (напр. Харьковское Общество взаимопомощи заводских рабочих, устав которого недавно утвержден министерством внутренних дел)³⁾.

Вот это-то и есть та политическая борьба, которая нужна рабочим, и она ведется, значит, она единственно возможная. „Какую же борьбу желательно, чтобы вели рабочие?—спрашивает автор программной статьи „Наша действительность“— Не ту ли, какую только возможно вести им при данных обстоятельствах? А возможна при данных обстоятельствах не та ли борьба, какую они ведут в действительности в данную минуту? ⁴⁾. Можно выставлять лишь такие требования, которые опирались бы на уже созданные рабочими „общие политические потребности и интересы минуты, чтобы требования

1) «Раб. Мысль» № 4. Окт. 98 г.

2) «Раб. Мысль» № 4, передовица.

3) Там же.

4) Огд. приложение к Р. М. Сент. 99 г., стр. 14.

эти были требованиями самих рабочих (цеховых) организаций, чтобы они были ими выработаны действительно сообща и также сообща выставлены этими рабочими организациями по их частной инициативе, по собирательной общественной воле их членов¹⁾.

Этим условиям удовлетворяют лишь требования законодательного сокращения рабочего дня до 10 часов и восстановления праздников, уничтоженных законом 2-го июня 1897 г. „Понимая таким образом настоящую общественную борьбу русских рабочих, мы готовы“ „не понять“ тех наших товарищей, которые считают „облегчение экономического положения пролетариата“ лишь „попутным“ делом ниспровержения самодержавия, равно как и тех, которые свою программу „освобождения труда“ считают простым ответом на вопрос, „откуда взять силы для борьбы с царизмом... На первый план выставляем мы развитие рабочих организаций, т.-е. главным образом, цеховых (боевых) рабочих союзов, также обществ взаимопомощи, потребительных, образовательных и других. Нам опять скажут, что „открывать такие общества правительство не разрешает, а цеховые рабочие союзы борьбы им прямо запрещены“. На это мы ответим: первое не совсем верно, а что касается до того, что такие союзы запрещены, то, как говорит рабочий „р в“,—ведь, и стачки (те-же, только временные боевые союзы) запрещены, а между тем происходят все чаще и чаще“²⁾.

Только что цитированный автор, подобно автору „Credo“, отнюдь не отрицает необходимости борьбы с самодержавием, но он отрицает революционную борьбу. Подобно Аксельроду он во всяком проявлении общественной самостоятельности всех классов общества видит постоянное подтачивание самодержавия, но расходится с Аксельродом, отрицая роль тех „темпераментных“ и более радикально настроенных членов этого общества, которые не удовлетворяясь кропотливой работой либералов, ищут и находят в рабочих силы для революционной борьбы с самодержавием.

„Борьба с самодержавием, — говорит он, — раньше всего есть самооборона всех действительно жизненных общественных элементов русского общества, отстаивание всеми и каждым общественным слоем и группами своих общественных учреждений, своей общественной инициативы, своей общественной воли, отстаивание всяких своих общественных начинаний, всякого проявления своей общественной деятельности, всякой общественной

¹⁾ Отд. прилож. к Р. М. сент. 99 г., стр. 5.

²⁾ Особ. прилож. к «Р. М.», стр. 15.

жизни против ежеминутных, вечных и всевозможных, часто даже совершенно бессмысленных давлений, ограничений, за- прещений наших самодержавных Горемыкиных, Витте, Побе- доносцевых и самовластия их полномочных чиновников (ми- нистерских, судейских, полицейских, духовных, сельских, го- родских, уличных и фабричных урядников). Ведь и борьба за земское и городское общественное самоуправление, и борьба за общественную школу, и борьба за общественный суд, и борьба за общественную помощь голодающему насе- лению и т. д. есть борьба с самодержавием. И борьба ра- бочих за право иметь выборных для переговоров с хозяевами, за право устройства временных и постоянных сообществ, и борьба хозяев за право участия в законодательстве и упра- влении страны, и борьба передовых групп образованного об- щества за более широкое и свободное развитие своих обра- зовательных, научных, профессиональных обществ есть все та же борьба с самодержавием и бюрократией¹⁾.

Каждый слой общества борется только за те нужды, ко- торые им уже сознаны. Рабочие уже сознали, что им необ- ходим 10-ти часовой рабочий день, и роль социал-демократии заключается в том, чтобы поддерживать это их требование, предоставив передовым слоям других классов общества от- стаивать те требования, которые соответствуют нуждам и те- кущим интересам этих классов, как, например, „хозяевам“ добиваться своего вполне ими сознанного права участвовать в законодательстве страны.

Вот здесь то и зарыта собака, как говорят немцы, в этом то и заключается вся сущность „экономизма“, и Акимов с г-дами Кусковой и Прокоповичем совершенно напрасно рас- пинаются, доказывая, что, именно, „экономисты“ то и были настоящими политиками. Они безусловно правы—экономисты были политиками, но политика их была чисто буржуаз- ной политикой и фактически сводилась к тому, чтобы изба- вить русскую буржуазию от сознательного выступления ра- бочего класса и превратить рабочее движение из социал- демократического (каким оно начинало становиться в сре- дине 90-х годов) в тред-юнионистское. „Думайте о том, как вам устроить вашу (общественную) жизнь, а заботу о судьбе праправнуков оставьте праправнукам“²⁾, так резюмирует вы- щесцитированный автор свое отношение к социализму. Отка- завшись от самостоятельной политической роли рабочего класса, он логически должен был отказаться и от социа- лизма.

¹⁾ Особое приложение к Р. М., Сент. 99 г., стр. 8.

²⁾ Прилож. к „Р. М.“, стр. 16.

К чему своим умом пришел Р. М., автор статьи „Наша действительность“, к тому М. М. (г-жа Кускова), автор письма к Аксельроду, пришел, наблюдая в Бельгии „антагонизм интеллигенции, мечтающей о захвате власти и социальной революции, с рабочими, защищающими свои реальные интересы. После Бельгии мне стыдно теперь говорить о социальной революции. Не знаю, почему слова: „имущественный“, „реальный“ вызывают непременно у многих представление о чем то низшем, низменном. Разве слово „реальный“ не значит просто существующий? Разве защита имущественных интересов не потребует в ближайшем будущем политических прав? Но требование политических прав рабочими ничего не имеет общего с свержением самодержавия“¹⁾.

Да существует ли у нас вообще самодержавие? Ведь постепенно оно уже изменилось так, как это нужно было господствующим классам, а с течением времени оно и совсем „уступит место буржуазной конституции. При чем же тут рабочий класс?“—спрашивает далее автор и тут же отвечает: „рабочему в России нельзя ожидать чего-либо от конституции. Что же остается сделать? Остается, ничего не ожидая, ни на кого не возлагая надежд, самим рабочим и при существующей форме правления, теперь несмеленно, неустанно шаг-за-шагом добиваться политических прав. Для рабочих нет шага, на котором можно было бы отдохнуть; тем болсе не явится таким этапом конституция. Таким же путем, каким добились они легализования стачки, необходимо добиться свободы собраний и печати“²⁾.

То, чего не договаривает автор „Credo“, мы ясно читаем у М. М.: „пропагандировать теперь рабочим свержение самодержавия — а, значит, просто-напросто революцию—это значит подвергать их всевозможной опасности, какая только была возможна в истории. Пока нет среди них сознания своих интересов (а его нет), пока нет выработанной на практике стойкости и организованности, до тех пор всякий призыв к свержению самодержавия повлечет за собой лишь серпуховские побоища... Я думаю, что никогда революция не может войти ни в одну программу“³⁾.

Предохранить Россию от возможности революции—такова, повторяю, была главная основная идея всех так называемых „экономистов“. В этом, вопреки мнению группы Освобождение Труда, была заинтересована и вся.

1) Vademecum, Письмо к Аксельроду одного из авторов брошюры против Г. О. Т., стр. 18. Курсив мой. М. Л.

2) Там же, стр. 19.

3) Там же, стр. 20.

более или менее, русская буржуазия, поскольку она уже понимала, что помимо пролетариата в России нет другого революционного класса, и что русский пролетариат, если и начнет политическую революцию, то, воспитанный экономической борьбой в классовом духе, он и тут выставит свои классовые цели, будет сражаться под своим, а не под буржуазным знаменем. Выходцы из буржуазной интеллигенции, какими являлись идеологи „экономического“ направления, внесли в ряды нашей партии более или менее сознательный страх перед пролетарской революцией. Принявшись вести борьбу против возможности этой будущей революции, они нашли себе опору в среде наименее сознательной массы рабочих, которые еще не понимали связи между политическим строем и экономической борьбой и увлекались удачами стачек, обусловленными временным расцветом промышленности. „Экономисты“ не только старались удержать широкую рабочую массу на таком уровне, но они начали отчаянную борьбу против всех тех, кто, подобно старым социал-демократам (а в том числе и сознательным рабочим), продолжал социалдемократическую деятельность, кто старался воспитывать рабочих в классовом духе. Надо убедить рабочих, что „буржуазная конституция“ ничего рабочим дать не может, и что поэтому следует предоставить именно ей, буржуазии, самой изменять политический строй, как ей заблагорассудится, другими словами, пусть буржуазия действительно сделает так, чтобы конституция ничего рабочим не дала.

Мы уже указали, со слов Акимова, что апостол экономизма, автор „Credo“ — бывший народоправец. К той же партии принадлежал и другой видный апостол „нового учения“ NN., автор брошюры против группы „Освобождение Труда“. „N. N. человек молодой,—пишет про него его ученик и последователь Г.,—бывший народоправец, народоволец и сравнительно только недавно перешедший на сторону социал-демократии“. Но, перейдя на сторону социал-демократии, он решил реформировать ее по-своему: у него „взгляд на прошлое социал-демократии совершенно другой, чем он установился в немецкой литературе. Коммунизм Маркса, взгляды Лассаля, тенденции, проявлявшиеся в революцию 48 года—все это принимает у него совершенно другую окраску. Основной его взгляд, что все идеологические построения революции, все их отдаленные цели носят чисто идеалистический характер... Все их надежды на близкий конец капиталистической эры, все их пророчества на близкую социальную революцию не научны. Он вполне в этом отношении согласен с взглядами Бершштейна, высказанными им недавно в Neue-Zeit,—что в

социализме для него „Bewegung“ (движение) все, а все остальное его мало интересует¹⁾.

Вот такой-то господин, назвавшись „социал-демократом“ и проникнув в ряды пролетарской партии, естественно должен был стремиться переделать всю социал-демократическую тактику на свой лад²⁾. Больше всего нападает он на группу „Освобождение Труда“ за ее стремление использовать рабочее движение в целях общедемократического переворота, за то, что она „слишком много внимания обращает на внешние отношения пролетариата, главным образом, к правительству“³⁾. „Мы должны не допускать попыток беспочвенной политической агитации точно так же, как мы избегаем провокаторов“⁴⁾.

Вот как строго рассуждает Н. Н. (г. Прокопович), когда дело доходит до ограждения русского рабочего от социал-демократической агитации, потому что не социал-демократическую агитацию он и его ученик Г. допускают. „Толковать рабочей массе в России об уничтожении капитализма, о социализме, наконец, об уничтожении самодержавия—вообще нелепо и непроизводительная трата сил. Об этих вопросах можно, конечно, говорить в кружках, можно, наконец, пропагандировать, и то с надлежащим умением, но ни в коем случае не делать эти вопросы и требования предметом агитации и разбрасывать их в литературе, предназначенной для широких масс рабочего населения... Если мы говорим о том, что мы не можем теперь говорить о борьбе с самодержавием, это не значит, что мы отказываемся от политической агитации. Пожалуй, если понимать под борьбой с самодержавием политическую агитацию, т. е. выставление требований рабочих: право сходок, слова, собраний и т. п., то против этого нельзя ничего иметь. Я пишу „пожалуй“, потому что теперь поднять агитацию на этой почве можно только в некоторых крупных и подготовленных центрах, как Петербург, Варшава, Вильна, Кисв, и, кроме этого, эта агитация будет носить характер пропаганды. Затем, когда говорят о борьбе, следует же ясно поставить вопрос, в чем она должна выражаться. Если она выражается в политической агитации в тех пунктах и тех размерах, о которых я говорю выше,

1) Vademecum. Ответ на брош. Аксельрода, стр. 43.

2) Г-да Прокопович и Кускова действовали против соц.-демократии, находясь в рядах л. партии. Оба они состояли членами того заграничного кружка, через который гр. „Осв. Тр.“ вела переговоры с Россией, и который, по словам Плеханова, убедил группу, что все русские товарищи придерживаются их точки зрения.

3) Vademecum. Письмо г. „Г.“, стр. 28—29.

4) Там же, стр. 54.

то с этим нельзя не согласиться. Но если понимать под борьбой то, что понимается в Западной Европе, т. е. устройство демонстраций, волнений и т. п., это преждевременно, да и не возможно... Правильнее всех этот вопрос ставят виленцы: в своей прокламации они указывают, что единственным и главным средством политической борьбы пока является только неустанная, широкая массовая борьба на почве экономической, так как в данном случае рабочие нарушают то, что запрещено законом, и фактически ставят свои насущные требования. Устраивая тайные союзы и собрания, стачки, распространяя нелегальное слово, рабочие фактически ведут политическую борьбу. Другой формы я абсолютно теперь не знаю¹⁾.

Систематически нарушать существующие законы и, таким образом, добиваться легализации этих нарушений, вот единственный способ действия пролетарской массы, который могут ей рекомендовать „учителя“ экономизма, при чем широкая масса, выполняя на деле этот план, не должна знать, что она таким путем подтачивает самодержавие. Выяснение ей сущности этой борьбы отнюдь не должно допускаться. Говорить об этом можно лишь в передовых кружках крупных центров. Масса рабочих должна быть убеждена, что она борется только за улучшение своего собственного положения. Когда она сама поймет действительный характер своей борьбы и укажет на это своему агитатору, только тогда он имеет право подтвердить и формулировать эту догадку массы. „Когда в нашем рабочем движении созреют силы для политической борьбы, они не замедлят проявить себя и указать агитатору, что его роль должна начаться“²⁾. А что эти силы созреют не скоро, этому порукой служит установленный Н. Н. общественный закон, по которому „чем свободнее страна, тем скорей рабочее движение становится в ней политическим, чем деспотичнее страна, чем слабее в ней развита политическая жизнь, тем дольше рабочее движение лишено политического характера“³⁾.

Попытаемся формулировать теперь сущность „экономизма“. Обычное представление о нем, будто он отрицает „политику“ неверно. Экономисты все политики, но они политики не социал-демократические, а буржуазные. Как таковые, они боятся революционного свержения самодержавия, надеясь на постепенное подтачивание его со стороны всех общественных классов, борющихся за сознанные ими насущные инте-

1) „Vademekum“. Письмо г. Г., стр. 32—34.

2) Vademekum. Ответ на брош. Аксельрода, стр. 53.

3) Там же, стр. 52.

ресы. Стоя на этой точке зрения, они понимают, что достигнутая таким путем конституция положения рабочего класса не улучшит, поэтому заранее убеждают рабочих держаться в стороне от политики, не интересоваться ею, как предметом, не соответствующим их реальным нуждам, а фактически проводить те „политические свободы“, которые тесно связаны с борьбой за эти нужды. Провести эти свободы можно мирным путем, не свергая самодержавия. Всякий несогласный с такой тактикой, говорящий нелепости о свержении самодержавия, о социализме и т. п. „идеалистических вещах“ должен быть устранен от рабочего движения, его следует остерегаться, как провокатора.

Чтобы повлиять в этом направлении на рабочие массы для экономистов всего выгоднее было выставить лозунг „рабочие для рабочих“, толкуя этот лозунг в таком смысле, чтобы сознательным социал-демократам,—безразлично интеллигентам или рабочим,—противопоставить бессознательную или малосознательную массу, которой жизнь пока еще не подсказала необходимости политической борьбы. Поэтому-то в организационном вопросе „экономисты“ начинают противопоставлять „централизации“ старых практиков, т.-е. построению организации сверху, „демократизм“, „выборное начало“, построение снизу.

Социал-демократические организации должны перестать „навязывать“ рабочим свои чисто „интеллигентские“ фантазии о марксизме, социализме и свержении самодержавия; они должны говорить лишь о том, что уже создано рабочими и при том всей рабочей массой, а не только передовыми и средними рабочими. Чтобы легче справиться с этой задачей, начинается травля интеллигенции, интересы которой, как „буржуазной интеллигенции“, противопоставляются интересам рабочих.

„Говорят, что мы „против интеллигенции“,—пишет интеллигентская редакция „Рабочей Мысли“. Это в значительной доле верно. Но при этом надо условиться, что понимать под словом „интеллигент“. В широком смысле под этим названием идут представители вольных профессий: учителя, адвокаты, попы и др. Это междуклассовый элемент; рассчитывать на этих господ вообще так же не следует, как ждть от козла молока. В более узком русском смысле под интеллигентами подразумеваются люди, не обученные никакому ремеслу и не получившие никакого образования (ни сапожники, ни портные, ни адвокаты), каких создают наши гимназии, городские училища и т. д. Эти интеллигенты по какому-то грустному недоразумению считают себя как бы прирожденными революционерами. Но не можем же мы подписаться под всяким недоразумением.

„Дальше, часто под кличкой „интеллигента“ идет учащаяся молодежь—преимущественно университетская. Она оказывает нам много существенных услуг: собирает деньги, хранит и передает литературу и т. д. Но никогда не следует забывать, что сегодня революционеры—они завтра будут прокурорами, судьями, инженерами, фабричными инспекторами, словом—чиновниками русского правительства. Мы ничего не имеем против того, чтобы молодые люди, прежде, чем окунуться с головой в море грязи, которое их ожидает, хоть год—другой прожили человеческой жизнью и чувствовали, что они делают хорошее дело, и мы с удовольствием принимаем их услуги, как и услуги других наших доброжелателей интеллигентов. Но всякое вмешательство в наши дела мы считаем, по меньшей мере, неуместным. В этом смысле мы против интеллигенции“.

„Есть еще люди, которые идут под кличкой интеллигентов. Во все времена встречались отдельные лица во всех общественных классах, которых, независимо от того, к какому общественному классу они принадлежали, тянуло вперед к свободе и равенству. Есть такие и в наше время. Правильно назвать их идеологами (Бebelь назвал их очень метко „белыми воронами“). Из всей разношерстной массы, шествующей под флагом интеллигенции, только „белые вороны“ принадлежат душой и телом нам, как они во все времена принадлежали ко всякому передовому движению“ 1).

И вот, причислив всю социал-демократическую интеллигенцию к одному из разрядов „интеллигенции“, которому не уместно вмешиваться в рабочие дела, „вышедшие из разных общественных классов“ „экономисты“, под видом „белых воронов“, которых тянет „к свободе и равенству“, стали фальсифицировать рабочую мысль на свой буржуазный лад, бороться с социал-демократическим движением в рядах самой социал-демократической партии.

ГЛАВА XXIV

„Нельзя не признать, что могущественное пространственное расширение всемирного рынка в связи с необычайным сокращением времени, необходимого для передачи сведений и перевозки, настолько увеличивает возможность сглаживания расстройств рынка, а чрезвычайно возросшее богатство европейских промышленных стран, в связи с эластичностью со-

1) „Раб. Мысль“ № 4. „Во избежание недоразумений“.

временной кредитной системы и с развитием промышленных картелей, настолько уменьшает обратное воздействие местных и частичных расстройств на общее положение дел, что, по крайней мере, на продолжительное время, можно считать невероятным возникновение всеобщих промышленных кризисов, подобных бывшим раньше¹⁾.

Так писал Бернштейн в своей знаменитой, „дрянной“—по выражению Плеханова—книжке. Эта книжка вышла на русском языке сразу чуть ли не в трех различных переводах, которые выдержали по нескольку изданий. Кризисов больше не будет, капитализму удастся овладеть производством, идеи об историческом скачке, о переходе количества в качество, о насильственном перевороте (*Zusammenbruchstheorie*)—все это является старыми отжившими понятиями. Кризисов больше не будет; медленно, постепенно социализм будет завоевывать себе одну позицию за другой; реформируя современный строй, он шаг за шагом будет двигаться по направлению к своей окончательной победе. Наступит или нет эта окончательная победа—это еще вопрос, да оно и неважно, потому что „движение—все, конечная цель—ничто“.

Вряд ли в какой-нибудь другой стране идеи Бернштейна так быстро успели приобрести себе такое количество последователей, как у нас в России. Наши легальные „критики“, которые до бернштейновских откровений еще побаивались открыто порвать с „догмой“, а ограничивались лишь „толкованием“ Маркса, теперь, что называется, пустились во-всю. Они звали „назад к Канту“, придумывали каждый свою „теорию ценности“ и снисходительно трепали по плечу старика Маркса: умный де был старик, но ведь он жил-то когда. При нем были 10-летние циклы промышленного развития, вот он на них и построил свою теорию противоречий в недрах капиталистического строя; где же ему было, в самом деле, предвидеть, что крупная промышленность при помощи телеграфов, железных дорог, трестов и картелей сумеет раз навсегда покончить с кризисами и, захватив властной рукой бразды промышленного развития, не допустит впредь ни перепроизводства, ни крупных поднятий цен. А раз это так, то все разговоры об обнищании, о железном законе заработной платы, о невозможности для рабочих улучшить свое положение в рамках существующего строя—все это пустые фразы, опровергаемые жизнью. Промышленность, развиваясь, поглотит всю резервную армию рабочих, положение мелких собственников будет улучшаться, число их будет расти, а следовательно, будет падать число безработных.

¹⁾ Бернштейн. „Историч. материализм“.

Страницы наших толстых журналов были переполнены такими дифирамбами капиталистическому строю, толкованием, популяризацией и углублением Бернштейна и его русского конкурента Струве.

Идеи „критиков“ нашли, как мы видели, благоприятную почву и среди нелегальных „идеологов“, „белых воронов“ экономизма. Их апостолы—авторы „Credo“ и брошюры против Аксельрода—с гордостью заявляют, что они камня на камне не оставили от теории Маркса. Русская жизнь, казалось, подтверждала выводы Бернштейна. Нигде в других странах не чувствовалось такого под'ема, такого быстрого развития крупной промышленности. За один только 1898 год употребляется хлопка на 32% больше, чем в предыдущий; за это же время на одном только юге выплавляется чугуна на 30% больше прежнего, в Лодзи ставится больше 100 тысяч новых веретен, а в Екатеринославской губернии вместо 25 имевшихся в 97 году доменных печей появляется уже 30 работающих и 11 еще находящихся в постройке. Вывоз нефти из Баку за первое полугодие 98 года увеличивается на 31 милл. пудов. За 5 лет (с 94 по 98 г.) основной капитал акционерных предприятий возрастает на 1007 милл. рублей, достигая максимум'а своего развития в 97 году, когда прирост равнялся 329 милл. рублей.

Если мы к этому добавим, что государственный долг за 90-е годы возрос на 1.531 мил. руб. и что из этого долга правительство потратило 1.139 мил. на выкуп частных и на постройку казенных дорог ¹⁾, т.-е., другими словами, что все эти полтора миллиарда, за вычетом денег, приставших к рукам бюрократии, целиком перешли в виде казенных заказов, подрядов и т. п. в руки крупной промышленности, то станут понятны толки буржуазных идеологов о незыблемости дальнейшего развития нашей промышленности. Министр финансов Витте в своем отчете к 1 января 99 г. с гордостью мог заявить, что „государственные финансы страны, несмотря на быстрый рост издержек, продолжают развиваться при полном равновесии между доходами и расходами“. „Свободная наличность“—это остроумнейшее изобретение Витте— правда, сократилась с 214,7 мил. до 115, но это, объясняется экстраординарным расходом в 90 мил. на постройку по случаю „манифеста о разоружении“ новых броненосцев, а металлический запас равнялся 1.591 мил. р. золотом и 190 мил. высокопробным серебром.

Одним словом, налицо были все причины, чтобы ликовать и мечтать о том, как молодая, свежая Россия в самом скором

¹⁾ Всего на эту статью за десятилетие истрачено 1.564 мил. руб.

времени заткнет за пояс гнилой Запад. Впереди открываются самые блестящие перспективы. С одной стороны, золотая валюта радикально изменила условия частного кредита за границей, с другой—наша колониальная политика на Дальнем Востоке рисовала весьма заманчивые картины. Сибирская дорога завоевала уже для русских капиталистов всю Сибирь; хлеб, который до того времени гнил там без употребления, начинает переправляться в Европейскую Россию, а оттуда на всемирный рынок. Из одной Тобольской губернии в 1899 году было вывезено 11.607.000 пуд. сырья (пшеницы, муки, масляничных семян, продуктов скотоводства). Но это далеко не все.

„Чтобы представить себе значение русского „империализма“ в Азии,—пишет Л. Клейнборг,—надо иметь в виду, что дорьга установила прямое сообщение Европы с Китаем, Японией, Кореей, население которых достигает полумиллиарда человек, обороты же в международной торговле выражаются в сумме свыше 600 мил. руб. Читатель помнит, какую тревогу забило „русское купечество“, когда были подняты попытки снабжать Сибирь железом, земледельческими орудиями, машинами и пр. через Северный океан. Благодаря же сибирской железной дороге, капитал вошел в тесные сношения с Европой, как с рынком высокой промышленной культуры, втянул мало-по-малу в обмен и внутренние свои провинции, более удаленные от береговой линии, весь азиатский Восток. Участвуя на протяжении 10.000 верст своим непрерывным рельсовым путем, наша буржуазия воспользовалась всеми выгодами не только посредника в торговом обмене произведениями Азии, но и выгодами крупного производителя, ближе всех стоящего к народам азиатского востока. Англия, напр., занимала видное место в вывозной торговле Китая. Но последнее время она начала конкурировать с ним в производстве чая: у Англии свои плантации в Цейлоне и самой Индии. Попытки эти оказываются успешными, тем более, что индийские железные дороги способствуют удобной доставке чая к портам. Очевидно,—рассуждает наш капитал,—Китай не может с выгодой воспользоваться морским путем. Желая поддержать торговлю чаем на прежней высоте, он должен искать новые сухопутные дороги. Единственным таким путем является сибирская железная дорога, следовательно,—с сибирской железной дорогой Россия снова завладеет торговлей чаем. По его мнению, в этом одинаково заинтересован, как Китай, так и Россия. Эта взаимность интересов усиливает тяготение всех вывозимых из Китая товаров к новому пути сообщения, тем более, что другой важнейший продукт китайской вывозной торговли, шелк, не только легко выдержи-

вает железнодорожный тариф на дальней перевозке, но делается предметом переработки в ткани в самой России.

„В свою очередь Россия принимает деятельное участие в деле снабжения Востока теми товарами, которыми до сих пор снабжали его другие страны. Хлопчатобумажные и шерстяные изделия, в общем составляющие значительную часть китайского ввоза, выдерживают железнодорожную перевозку из Москвы. Металлы идут в Китай, как с Урала, так, в особенности, из более близких к Китаю горнозаводских округов Сибири, по богатству рудных месторождений мало уступающих Уралу. Как известно, в Китае ощущается недостаток леса. И вот вывозятся громадные лесные богатства сибирскими лесопромышленниками. Тянутся кожевенные, пушные товары из Сибири. Китай делается крупным рынком для Сибири..

„Мы уже, как известно, ввозим из-за границы шерсть, кожи, сало, воск на десятки миллионов, сильно сократив эту еще недавно значительную статью нашего вывоза. В виду хлопкового голода, конечно, и мысль о создании новой хлопковой площади чрезвычайно своевременна. А где все это сможет быть осуществлено так, как в Азии? Хлопок произрастает (помимо нынешних „наших“ среднеазиатских областей) в Восточном Туркестане, Персии. Скотоводство можно восстановить в степях Манчжурии, Монголии. Китай—производительница шелка. Богатейшие залежи камсинго угля и нефти в Сахалине, рыбные богатства Амура и Камчатки, золотые россыпи Манчжурии, колоссальные лесные богатства—может ли все это не прельщать воображения той же русской буржуазии, не говоря уже о кучке Алексеевых и Безобразовых“¹⁾!

И русская буржуазия отлично понимала, что добиться всех этих благ при существовании свободной конкуренции и „открытых дверей“ она не сможет. Ей необходимо ограждение русской таможенной стены необъятной Манчжурии и захват девственной Кореи. Чтобы использовать их как следует, необходимо превратить их в русские губернии и сделать „внутренним“, недоступным для иностранцев рынком. Захватить же эти обетованные земли может только сильная самодержавная власть, опирающаяся на „непобедимое“ миллионное войско, перед которым дрожат и преклоняются все западно-европейские и восточные соседи.

Открывая перед нашей промышленной буржуазией столь заманчивые горизонты, Витте пытается слить воедино интересы этой буржуазии с интересами самодержавия, т. е. с интересами самого Витте, Безобразова и tutti quanti.

¹⁾ Л. Клейнборт. „Русский империализм в Азии“. С.-П.-Б., 1906

С развитием нашей крупной промышленности, с расширением ее размаха, представители ее, в силу своих классовых интересов, становятся все более и более заинтересованными в сохранении существующего политического строя. По мере роста нашей империалистической политики, растет и консерватизм нашей промышленной буржуазии. Наши „аграрии“, правда, недовольны; они будируют в земствах, будируют в печати. Их верный бард, Шарапов, строчит один донос за другим на всемогущего Витте. Министерство внутренних дел, совершенно устраненное от дальневосточного лакомого пирога, в лице Горемыкина делается „либеральным“, оно начинает покровительствовать Шарапову, „сельскохозяйственным обществам“, местному самоуправлению и становится на сторону земства против бюрократии.

Между Витте и Горемыкиным завязывается „принципиальный“ спор. Спор этот, конечно, не представлял бы для нас никакого интереса, если бы за этими высшими представителями власти не стояли вполне реальные силы, друг у друга оспаривающие фактическую власть. Как бы ни отнеслись наши „радикальные круги“ к случайно попавшей в их руки и ими опубликованной конфиденциальной записке Витте, „Самодержавие и земство“, но можно считать несомненным, что как Витте, так и Горемыкин одинаково точно отражали действительные интересы двух господствующих и оспаривающих друг у друга господство классов. Обычная терминология „либерал“ и „реакционер“ менее всего подходит к этому спору. Точка зрения Горемыкина сводилась к тому, „что с новой, действительной силой всякого государства, какова бы ни была его форма, есть развитая и окрепшая в самостоятельности личность, и что выработать в народе способность к самоустройству и самоопределению может только привычка к самоуправлению, развитие же бюрократии и правительственной опеки создает лишь безличные и бессвязные толпы населения, людскую пыль?“¹⁾

Неправда ли, это звучит „либерально“, и под этим подписался бы любой радикальный земец. Но не менее „либерально“ звучат и слова Витте: „Господство закона и права, свобода самостоятельности и вытекающая из этого источника самостоятельность общества в ее разнообразных применениях и направлениях—все это может быть задачей государства при всякой форме его правления и управления.. Каковы же те общие условия, какие необходимы для достижения такой задачи. Первое условие отрицательного свойства: без серьезных к тому, поводов, государство не должно вооружать себя ни

¹⁾ „Самодержавие и земство“. Stuttgart. 1901 г., стр. 194.

правом производить аресты, ни учреждением исключительных судов, ни стеснением свободы передвижения, а также свободы труда, совести и мысли" ¹⁾.

Самодержавие должно сохраниться—в этом согласны оба министерства, но как упрочить его существование?—Самодержавие должно опираться на организованную в местное самоуправление земщину,—говорит Горемыкин.—Нет, возражает Витте, принцип „самоуправления“ в корне противоречит идее самодержавия. Аппетит приходит во время еды: занятые „местными делами“ всеобщие земства неизбежно будут стремиться пустить корни в стране, войти в более тесную связь с крестьянским самоуправлением, объединить свою деятельность и принять участие в деятельности законодательной; поставлен был даже вопрос о центральном общеземском органе—земском соборе, поставлен был не умышленно, не в вид оппозиции правительству, а в полной уверенности, что такое последовательное развитие земской деятельности входит в его виды и намерения" ²⁾. В результате „правительство (бюрократия) не доверяет земству, земство—правительству. Земство весьма естественно желает оказать влияние на деятельность законодательную, которая так тесно связана с деятельностью местной. Правительство видит в этом посягательство на свои прерогативы. Правительство желает осуществить на местах то или другое мероприятие, земство усматривает посягательство на свои права, на свою самостоятельность. Правительство видит предвзятую мысль и отказывает. Правительство дает распоряжения, земство становится ему в оппозицию (скрытую или открытую). Вслед за оппозицией и взаимным недовольством являются репрессивные меры, стеснения, регламентации земской деятельности, ограничение земской компетенции, усиление правительственной опеки с одной стороны—охлаждение к земскому делу, отказ от участия в нем лучших людей и, как неизбежное следствие, его полный упадок" ³⁾.

Горемыкин согласен, что „конституционным стремлениям“ не должно быть места в земствах, но для этого достаточно усилить тенденцию, положенную в основу земской „реформы“ 1890 г., т.-е. усилить их „сословный характер и регламентацию их деятельности правительством“.

П. Струве, издавший эту записку Витте, в своем предисловии к ней пишет: „Мы ценим произведение г. Витте не только за его правду о самодержавии, но также и как дра-

¹⁾ Самодержавие и земство. Stuttgart, 1901 г., стр. 196.

²⁾ Там же, стр. 199.

³⁾ Там же, стр. 198.

гоценный аттестат, выданный земству самой бюрократией. Этот аттестат служит превосходным ответом всем тем, кто по недостатку политического образования или по увлечению революционной фразой не желал и не желает видеть крупного политического значения русского земства и его легальной культурной деятельности¹⁾.

Но наряду с цинизмом, с которым Витте раскрывает опасность для самодержавия со стороны земства, он, по мнению автора предисловия, прибегает и к лицемерию. „Обращаем внимание читателя на стр. 194—196,—пишет он, в предисловии,—где товарищ по министерству г.г. Победоносцева, Муравьева, Боголепова и Сипягина, статс-секретарь Витте объявляет себя сторонником „господства закона и права“, „свободы и самостоятельности личности и вытекающей из нее самостоятельности общества“, где он говорит против „произвольных арестов“, против „учреждения исключительных судов“, против „стеснения свободы передвижения, а также свободы совести и мысли²⁾... Если земское самоуправление по положениям 1864 и 1890 годов есть исторический зародыш русской конституции, то вы, предлагая упразднить этот зародыш русской конституции, проектируете взамен его дать России огромный кусок вполне готовой конституции. К сожалению, мы знаем, что вы ничего не хотите дать, что в ваших руках ничего нет, что вы только швыряетесь громкими и пустыми, воистину лицемерными словами в министра внутренних дел, который произвел бы целую мирную революцию в России, еслиб задумал всерьез осуществить хоть одну десятую пышной предлагаемой вами политической программы“³⁾.

Я нарочно уклонился в сторону от непосредственной темы и обратил внимание читателей на приведенную записку, потому что по этой записке и по предисловию к ней мы лучше всего можем определить политическую физиономию русского „общества“ накануне XX столетия. Сама записка, как я уже говорил, трактует вопрос о земстве с точки зрения двух господствующих классов. Автор же предисловия выдвигает на сцену представителей тех, „кто увлекается революционной фразой“, и тех, кто революционной фразой не увлекается, а по достоинству оценивает „политическое значение русского земства и его легальной деятельности“.

Заранее предвидя упрек в лицемерии, Витте пишет: „финансовое ведомство всегда прислушивалось к общественному

1) Самодержавие и земство. Предисловие стр. IX и X. Курсив мой. М. Л.

2) Там же. Предисловие стр. XII.

3) Там же стр. XIII.

мнению и к заявлениям представителей тех или других специальных интересов, всегда стремилось к тому, чтобы общество принимало живое участие в деятельности правительства и, как в разработке законопроектов в центральных учреждениях, так и в исполнительной деятельности местных органов, всегда старалось привлекать представителей общества к совместной работе со своими чиновниками⁴ 1).

И Витте прав. Вспомним, например, издание фабричного закона 1897 г., в котором представители „общества“ принимали самое горячее участие. Точка зрения Витте и того класса, идеологом которого он являлся в данной записке, сводится к следующему. Самодержавный произвол вреден, но самодержавная централизация власти полезна и необходима. Точка зрения Горемыкина: бюрократическая централизация препятствует самодеятельности личности и создает вместо общества—людскую пыль. „Общество должно быть организовано в земское самоуправление, деятельность которого должна быть строго регламентирована, сами земства, поставленные в узко сословные рамки, должны получить частичку децентрализованной власти и войти в общий механизм всей государственной машины“. Ни Витте, ни Горемыкин не пытаются скрыть, что под именем „общества“ они понимают вполне определенные величины, что это понятие у них далеко не совпадает с понятием „народ“. С цинизмом, возможным лишь в „конфиденциальных записках“, оба сановника считают совершенно излишним прикрывать наготу чисто классовых интересов.

Могла ли крупная промышленная буржуазия доверить земству защиту своих интересов? Нет, не могла, потому что в земстве господствовал крупный землевладелец, интересы которого далеко не совпадали с ее собственными интересами, Могли ли представители крупного капитала желать дальнейшего развития земской самодеятельности? Поскольку дело касалось поднятия общего культурного уровня населения—распространения грамотности, заботы о народном здравии, об улучшении дорог—крупный капитал был в этом кровно заинтересован; что же касается дальнейшего развития земской самодеятельности, то оно неизбежно должно было привести к ограничению самодержавия и ограничению именно земством, т. е. представителями землевладельческого класса. А этому промышленный капитал сочувствовать уже не мог. Только при самодержавии он мог, не боясь конкуренции других классов, влиять на законодательство в том духе, как это ему нужно, и пользоваться теми свободами, которые ему не-

⁴ „Самодержавие и земство“, стр. 15—16.

обходимы, имея в то же время гарантию, что право на эти свободы не будет разделять с ним рабочий класс.

Малейшие попытки создать писаное, закрепленное законом ограничение самодержавия, т.-е. конституцию,—хотя бы даже с резко выраженным классовым характером,—должны повлечь за собой расширение прав угнетенных классов, а это никоим образом нежелательно. Иметь все нужные буржуазные свободы, пользоваться своей материальной силой для влияния на законодательство, иметь в своем распоряжении весь самодержавный аппарат для борьбы с рабочими и все могучие внешние силы самодержавия для завоевания „внутреннего“ рынка (единственно возможной для русского капиталиста формы борьбы на всемирном рынке)—вот что означало для крупного капиталиста и его идеолога Витте сохранение самодержавия.

Только в узко-сословном земстве могут проявить землевладельцы свое влияние. Только земство, как ходатай „всенародных нужд“, может служить противовесом алчным аппетитам капиталистов. Только под видом этих „всенародных нужд“ могут аграрии проводить свои классовые интересы, бороться, например, против увлечения колониальной политикой или постройками таких дорог, как сибирская, которые создают им конкурентов по продаже сырья, какими стали теперь сибирские крестьяне. Отнимите у земства всю его самостоятельность, ограничьте и контролируйте его „культурную“ деятельность, превратите его по существу в бюрократическое учреждение, но сохраните за ним право „ходатайства“, право говорить от имени всего населения, выражать его желания, сохраните „компетенцию“ земства, хотя бы и лишенного власти.

Витте указывает на то, что фактически землевладельцы очень мало интересуются делами земства, и что вся культурная деятельность его давно перешла в руки „третьего элемента“, земских наемников. Кто же этот „третий элемент“? Это именно и есть те „не увлекающиеся революционной фразой“ люди, к которым апеллирует автор предисловия. Это та самая „интеллигенция“, „разночинная“ и „буржуазная“ в одно и то же время, к которой апеллировала и группа „Освобождение Труда“. Это те кроты, которые своей культурнической деятельностью медленно подтачивали „основы самодержавия“.

Эта интеллигенция „третьего элемента“ видит, что на ряду с ее работой началась другая. „Не надо,—говорит представитель ее, автор предисловия Р. Н. С. (П. Б. Струве),—обманываться молчанием легальной печати и самого правительства, упускать из виду, что современное рабочее движение несравненно шире распространено и гораздо глубже прони-

кает в рабочий народ, чем социалистическое „хождение в народ“ 70-х годов, и что на его почве поэтому может и должно вырасти и чисто политическое движение, гораздо более устойчивое, чем геройское народовольчество конца 70-х и начала 80-х годов. Формы этого движения мы не беремся предсказать, но в том, что оно явится, в этом мы убеждены“¹⁾.

И Струве обращается к „обществу“: Смотрите, как бы вместе с нами не остались за флагом. „Если правительство пойдет по пути, указываемому г. Витте, и упразднит земство, то оно отнимет у общества главнейшее поприще постепенного и легального совершенствования русских общественных и государственных порядков и перенесет центр тяжести общественной самодеятельности на почву нелегальную“²⁾, т. е., другими словами, передаст решение вопроса из рук земцев в руки рабочего класса. Теперешнее правительство с ним справиться не может. „Для социал-демократического движения характерно то, что оно, имея готовую и чрезвычайно широкую теорию, на практике начинает с мелких местных нецентрализованных организаций и попыток, которые постепенно органическим путем растут и централизуются, не теряя своего местного характера, а, наоборот, все глубже и прочнее проникая в местную почву... Против такого постепенного и органического роста рабочего движения и социал-демократии в России правительству нет смысла выступить сразу с драконовскими мероприятиями. Когда же движение вырастет во внушительную политическую силу и начнет выступать с соответствующими такой политической силе приемами, драконовские мероприятия придут слишком поздно... Только в таком случае дело не дойдет до конечной и кровавой борьбы революционной России с самодержавным бюрократическим режимом, если среди власть имущих окажутся лица, у которых найдется мужество смириться перед историей и смириться перед ней верховное правительство“³⁾.

Нельзя было изобразить рельефнее действительное настроение „третьего элемента“. Да, реформы необходимы, необходимо ограничение самодержавия, но это должно быть сделано „нами“, „обществом“, а не народом, не рабочими, не при помощи революции. Они „люди, давшие Аннибалу клятву борьбы с самодержавием“⁴⁾, страсть как боятся пролетарской кровавой революции, но они не прочь припугнуть ею и „власть имущих“, и своих союзников дворян-землевладельцев и тем заставить последних слиться с ними в одну

¹⁾ „Самодержавие и земство“, стр. XXXIX.

²⁾ Там же, стр. XXXI.

³⁾ Там же, стр. XL—XLI.

⁴⁾ Там же, стр. XLIV.

сплоченную оппозицию против бюрократизма и опричины „При наличии яркого политического движения,—а создать таковое задача все более и более консолидирующейся в России социал-демократической партии,—хоть сколько-нибудь организованная либеральная оппозиция может сыграть крупную роль; умеренные партии при умелой тактике выигрывают от обостряющейся борьбы между крайними общественными элементами, каковыми в данном случае явятся, с одной стороны, самодержавная бюрократия, а с другой — революционная социал-демократия“¹⁾ (курсив мой М. Л.).

Как мы видим, „влияние времени“ не пропало даром для русской буржуазной интеллигенции. Она решительно сбрасывает с себя „революционный“ и „социалистический“ мундир, в котором она щеголяла в 70-ые и 80-ые г.г. Не находя поддержки у промышленного капитала, благодаря тому, что „в такой стране, как Россия, промышленные предприниматели положительно даже заинтересованы в господстве бюрократии, от которой они могут добиваться гораздо больших уступок, чем от народного представительства, действующего под контролем свободного общественного мнения и вынужденного на каждом шагу считаться с потребительскими интересами“ — она, т.-е. эта интеллигенция, всецело бросается в объятия борющихся за свое господство аграриев, принимая их недовольство влиянием на самодержавие промышленных кругов за довольство всем политическим строем вообще. И вот совместно с ними она приступает к организации „либеральной“ оппозиции, которая, борясь направо и налево, должна выполнить Аннибалову клятву борьбы с самодержавием и добиться „права и властного всероссийского земства“.

Таково было настроение верхов нашего общества к концу 90-х годов, к тому времени, когда наши легальные марксисты и нелегальные экономисты употребляли все усилия, чтобы свернуть наше рабочее движение с самостоятельного революционного пути. Настроение среди рабочих могло только благоприятствовать их усилиям. И в самом деле, за период промышленного расцвета 1894—98 г.г. нашим рабочим удалось пройти тот путь, на который их западно-европейские товарищи потратили десятилетия. Нигде в другой стране рабочим не удавалось в такой короткий промежуток отвоевать себе столько уступок, добиться столь радикального изменения всего строя фабрично-заводской жизни.

В течение каких-нибудь трех-четырёх лет русским рабочим путем стачечной борьбы удалось превратить чисто

¹⁾ Самодержавие и земство, стр. XXXIX. Курсив мой. М. Л.

патриархальные отношения между предпринимателями и ими в отношении, продиктованные победоносными стачками. Все это не могло не отразиться на психологии наших рабочих. Пропаганда экономистов о „чисто рабочем движении“, освобожденном от всякой „интеллигентской“ революционности, находит среди них все больше и больше adeptов. И те самые „интеллигенты“, которые братски обнимаются с предводительствуемой Горемыкиным и Шаратовым дворянско-земской оппозицией, хвалят и одобряют верный путь, по которому намереваются вести рабочих новые „социал-демократы“. „Социал-демократические агитаторы и пропагандисты в рабочей среде,—говорит автор предисловия,—отчасти уже выходящие из этой самой среды, идут в нее с практическими и обдуманнами предложениями и приемами, основанными на действительном знакомстве с бытом рабочих... Типично в этом отношении социал-демократическое движение среди еврейских рабочих в России“¹⁾, т.-е. как раз то движение, которое, как мы видели из „Поворотного пункта в истории еврейского рабочего движения“, дальше всего ушло от социал-демократии.

ГЛАВА XXV.

Как известно, сова Минервы вылетает только ночью. Когда заграничные и русские „критики“ стали возводить в теорию наблюдения из времен промышленного расцвета, когда они все свои выводы относительно дальнейшей тенденции развития общества стали строить на этом расцвете, как на чем-то постоянном, неизменном, в это же самое время более чувствительный барометр ближайшего будущего, чем вульгарные экономисты и фальсифицированные—по выражению Плеханова—марксисты, а именно биржа, стал довольно ясно намечать близкую перемену в промышленной жизни.

„Биржа уже готовится к следующему краху,—пишет Карл Каутский.—Она, повидимому, дальновидней иных наших молодых социалистов, для которых достаточно двух лет промышленного подъема, чтобы выкинуть за борт опыт целого столетия и теории, основанные на данных этого опыта“²⁾. И приготовление к этому краху прежде всего выразилось в небывалом поднятии учетного процента всеми европейскими банками.

¹⁾ „Самодерж. и земство“, пред. стр. XI.

²⁾ „Бернштейн и социал-демокр. программа“. С.-Петербург, 906 г. Стр. 180—181.

Заграничные капиталы пошли в новые страны, прежде всего на Дальний Восток, куда вслед за немцами, оттягавшими у Китая Киау-Чау, потянулась Англия и другие страны. Приток заграничных капиталов в Россию начинает останавливаться. Уже осенью 98 года в России чувствуется недостаток в свободных средствах; бумаги на бирже не находят покупателей. Государственный Банк подымает учетный процент до 6 на 3 месяца и до 8¹/₂ на год. К биржевому застою в России присоединяется обычный предвестник русского кризиса—голод. Уже в 97 году началась голодовка в черноземных губерниях. В 98 году неурожай повторился еще с большей силой, захватив, кроме прошлогодних районов, Поволжье и южные губернии. Тиф и цынга начинают свирепствовать так же, как они свирепствовали в 91—92 годах. „Либеральный“ Горемыкин издает свой знаменитый указ, отменяющий голод административным путем. Но ни этот указ, ни закрытие „продовольственного комитета“ при Вольно-экономическом обществе, ни 32 репрессии, наложенные за время голода на периодическую печать, ни даже 35 мил. руб., отпущенных правительством на 10 мил. голодающих крестьян, не могли справиться со всеми последствиями этого бедствия.

„Из поступающих в министерство внутренних дел сведений,—сообщается в секретном циркуляре департамента полиции губернаторам,—усматривается, что в некоторых, по преимуществу южных и юговосточных губерниях, за последнее время возникает целый ряд крестьянских беспорядков, проявляющихся в виде систематических потрав помещичьих полей и лугов с выгоном скота под караулом вооруженных палками, кольями и вилами, нападений на помещичьих об'ездчиков и сторожей, или значительных порубок в помещичьих лесах, при драках с полесовщиками. При захвате об'ездчиками крестьянского скота крестьяне, с целью его освобождения, нередко целыми деревнями совершают вооруженные нападения на экономии и усадьбы землевладельцев и производят разгром хозяйственных и даже жилых построек, наносят побои и увечья служащим и караульщикам. Подобные бесчинства в некоторых случаях сопровождалась вооруженным сопротивлением прибывающим для усмирения беспорядков властям и нанесением побоев и ран чинам полиции; а в Воронежской губ. в мае сего (98) года был произведен выстрел в ехавшего по деревне арендатора и станового пристава, принимавшего участие в прекращении беспорядков, возникших на почве экономических недоразумений крестьян, при чем становой пристав был убит... также был случай жестокого избиения толпой на базаре одного из землевладельцев из-за денежных

расчетов по полевым работам, с угрозой и впредь расправляться подобным образом с нанимателями“¹⁾.

Сотни тысяч голодающих крестьян направляются в города в поисках за работой. Они идут прежде всего на благодатный юг, где еще так недавно почти каждый мог найти работу. Тысячи их бродят в Николаевском и Одесском портах, в посадах в роде Каховки, которые служат рынком для найма сельскохозяйственных рабочих. Но цены на труд сбиты донельзя. Работнику платят по 10, работнице по 5 коп. на своих харчах. В Николаеве одурманенные от голоду, ненашедшие работы пришельцы набрасываются на лавки. Сначала громят несчастные базарные лавчонки, принадлежащие преимущественно евреям, а затем толпой двигаются в самый город, где принимаются за дома богатых и за полицейские участки. Затем полиция начинает усмирять погромщиков при помощи обычного средства—розог, при чем арестуется 600 человек буянов. Из Николаева волна погромов разливается по другим местам юга и с особенной силой разражается в посадах Каховке и Березневатом.

Само собой разумеется, что голод не мог не отразиться и на положении городских фабрично-заводских рабочих. Корреспонденты „Раб. Мысли“ то и дело отмечают сбавку расценок и прочие притеснения экономического характера. „С нового года расценки понизились на 50⁰/₀,—пишет рабочий с Обуховского завода²⁾; то-же сообщает и из Колпина. „Раньше за комплект платили 24 р., а теперь—12 р.“,—жалуются с Невского механического завода³⁾. С Российской бумагопрядильни (Калинкина) пишут: „расценки не понижают, но они до того сбиты, что сбавлять дальше некуда“⁴⁾. „Положение подмастерьев тоже ужасное,—пишет рабочий с фабрики Торитона;—которые прожили по 30 лет, добились сносного заработка, их рассчитывают без всяких причин, а на их места ставят новых за ничтожное жалованье и удваивают работу“. „На работу плату все сбавляют, а за квартиры в хозяйском доме все набавляют⁵⁾, и т. д. в том же духе.

Подобные же известия получаются отовсюду. Стачечное движение временно затихает: невыгодно устраивать стачки, нет шансов на успех. Один только юг пока представляет исключение. Там заводы продолжают еще расти. Масса голодающих, нахлынувших из деревень, не может удовлетворить спроса на обученных рабочих—слесарей, токарей, литейщи-

¹⁾ Циркуляр 17 июня 98 г., напечатанный в „Раб. Деле“ № 1.

²⁾ „Раб. М.“ № 4.

³⁾ Там же.

⁴⁾ Там же. № 6.

⁵⁾ Там же № 7..

ков,—так как она, эта масса, представляет главным образом чернорабочую силу. Хозяева еще жалуются на недостаток рабочих рук. Немудрено поэтому, что еще в 98 г. большинство начатых здесь на заводах стачек кончается победой, хотя и носит не оборонительный, а наступательный характер. Конечно, соответственно этому, здесь царят „экономисты“, которые считают политическую агитацию „несвоевременной“ „Пользоваться для политической агитации,—пишет екатеринославский корреспондент „Рабочего Дела“,—нерасположением массы к полиции нецелесообразно по той простой причине, что рабочие еще не сознают своей силы. Это сознание должно явиться у них лишь после того, как они будут иметь кой-какие успехи в экономической борьбе за свои ближайшие нужды и интересы“¹⁾. Эта выписка может служить лучшим доказательством, насколько „экономисты“, желавшие только „выражать“ настроение рабочих, мало понимали это настроение и как не умели пользоваться им.

В том же номере „Раб. Дела“, в котором помещена только что цитированная корреспонденция екатеринославского корреспондента, мы находим другую, рассказывающую о бунте на Брянском заводе в Екатеринославе. „На заводе,—говорится там,—сторожами служили черкесы, которые играли здесь роль иноземной стражи и по справедливости заслужили сильную ненависть к себе со стороны рабочих. Как-то рабочие, желая подразнить одного сторожа, унесли у него сторожевую доску. Сторож черкес бросился отнимать эту доску и в споре убил кинжалом одного рабочего с трубопрокатного завода в поселке Кайдаки (в этом же поселке находится Брянский завод); проходившие мимо рабочие бросились на сторожа и на других черкесов, избili их и принялись жечь сторожевые будки. Бунт вспыхнул. Толпа рабочих подошла к главной конторе Брянского завода, перерезала телефонную проволоку и сожгла контору до тла. Ночью к толпе присоединились другие рабочие, шедшие с завода, разрушили в поселке Кайдаки казенную винную лавку, а водку выпили. Опьяневшая толпа стала разрушать еврейские дома, потом вернулась на фабричную улицу и сожгла там магазин Общества потребителей Александровского Южно-Русского завода. Этим беспорядки окончились. Когда сожгли главную контору, были вызваны войска и пожарные. В это время был побит полицеймейстер. Войска стояли два дня. Арестовано было 1.200 человек, многих из них вскоре освободили, а 500 человек высланы на родину“²⁾.

¹⁾ „Раб. движ. в Екатеринославе“ „Р. Д.“ № 1. Апрель 99 г. стр. 83.

²⁾ „Раб. Дело“ № 1, стр. 87—88.

Рабочие не стали ждать указки комитета, когда он сочтет возможным признать за ними право на борьбу с полицией и вступили в нее сами, но вступили стихийно, отчего борьба эта приняла уродливую форму погрома. Но даже и после этого погрома комитет не считает нужным использовать случившегося для выяснения политического положения рабочих. В прокламации, с которой он обращается к рабочим Брянского завода, он ни одним словом не упоминает о „бунте“, не делает ни одного указания на непосредственную связь между их экономическим положением и всем политическим строем ¹⁾).

И не в одном только Екатеринославе не желали „экономисты“ считаться с настроением рабочих и, что самое важное, с изменившимися условиями промышленной жизни. В Петербурге в декабре 1898 года произошли стачки у Паля и Максвеля. Забастовало около 4 тысяч человек. „Союз Борьбы“, уже об'единившийся с „Рабочей Мыслью“, т.е. принявший „экономическое направление“, составляет обычный листок с требованиями, при чем, несмотря на настояние рабочих, умышленно не включает в них требований свободы собраний и свободы стачек.

Сначала все шло, как следует. „Рабочие вели себя замечательно сдержанно и спокойно, и ни один из них не выходил на работу... Правительство приняло самые энергичные меры против стачечников. Вся местность, где расположены эти фабрики, была окружена полицией... полиция распорядилась закрыть на Шлиссельбургском тракте все кухмистерские и с'естные лавки. Пошли аресты, при чем с рабочими обращались самым возмутительным образом и били арестованных на улицах нагайками, все это для того, чтобы запугать стачечников“ ²⁾).

Возмущенные всем этим рабочие при первых же переговорах с фабричным инспектором категорически заявляют, что, помимо экономических требований, выставленных в листке „Союза“, они требуют от правительства свободы стачек и собраний. Они не удовлетворяются этим, и максвельцы решаются на деле отстаивать свое право на стачку. „В ночь с 16-го на 17-е декабря,—пишет очевидец—рабочий,—в казарму Максвеля явились 8 полицейских, чтобы арестовать рабочих. Озлобленные рабочие прогнали их, надеясь, конечно, что те не воротятся. Полицейские, наоборот, явились в громадном числе, и конные и пешие. Началась настоящая атака. Рабочие

¹⁾ См. прокламацию „К раб. Брянск. зав. в Екатер.“, выпущена осенью 1898 года.

²⁾ „Раб. Дело“ № 1 стр. 79—80.

затворили дверь, и когда полицейские хотели войти, то кто-то бросил чугунок вниз и несколько поленьев дров¹⁾. Затем началось избиение, окончившееся, конечно, победой полиции.

Редакция „Рабочей Мысли“, которая посвящает стачкам у Паля и Максвелля передовую статью, не довольна палевскими и максвелевскими рабочими. „После первых арестов при переговорах с фабричным инспектором,—пишет она в том же номере,—рабочие потребовали права собираться, чтобы обсуждать свои дела во время стачек. Нечего говорить, что это одно из самых справедливых наших требований. Но наши права правительство признает за нами только тогда, когда мы все сознаем необходимость этих прав для нас, и все, как один человек, потребуем для нас этих прав“²⁾, а до того о них нечего и говорить. Нехорошо поступили и максвелльцы. Правда, полиция их била нагайками, арестовывала, закрыла съестные лавки, но не нужно было давать „полицейским повода к расправе“, „не следовало попадаться в полицейскую ловушку“. В максвелевские казармы явилось несколько сот полицейских, и они избили рабочих. Если восстанет больше рабочих, то против них будет выслан полк солдат, если понадобится, то и целая армия.. Никогда такие столкновения к добру не приведут“. Вот, „благодаря, например, этому столкновению с полицией“, „с трудом налаженное дело было проиграно, и рабочие, скрепя сердце, принялись за дело“. Надо действовать тихо, мирно, и тогда мы всего добьемся. „Рабочие двигаются уже в разных углах России, сознание растет всюду. Побольше спокойствия, побольше хладнокровия, и наши враги будут уступать нам шаг за шагом“³⁾.

Хорошо пели „экономисты“, не даром же ими восхищались все „образованные классы“ русского общества. Но жизнь все нагляднее показывала, что период „мирной“, „спокойной“, „хладнокровной“ стачки уже прошел. Оставалось либо терпеть всякое ухудшение положения, либо, взглянув глубже на вещи, начать готовиться к более решительной борьбе. И рабочие начинают вступать на этот последний путь. „В первый раз“⁴⁾ политические требования,—читаем мы в Екатеринославском отчете,—были выставлены в воззвании к 1 мая (1899 г.), написанном и напечатанном самими рабочими. Воззвание это в количестве 3-х тысяч экземпляров в ночь

1) „Раб. Мысль“ № 5, янв. 1899 г.

2) Там же. Передовая статья.

3) Там же.

4) Отчет ошибается, что в первый раз: в Екатеринославе уже в 1894—1895 г. велась политическая агитация, и майский листок 1895 г. тоже содержит политич. требования.

с 17-го на 18-е апреля было расклеено и разбросано по всему городу и по всем предместьям. Везде толковали о празднике 1-го мая, о 8-часовом рабочем дне. Около 19 апреля состоялось собрание около 100 человек ремесленных рабочих. На этом собрании екатеринославские рабочие в первый раз в своих речах и тостах заявили о своем присоединении к великому международному празднику 1-го мая и о своей готовности к борьбе за политическую свободу ¹⁾.

И в это же самое время „экономисты“ из „Рабочей Мысли“ стараются, как говорится, втереть очки своим читателям, сообщая им „важнейшие на наш взгляд—постановления парижского конгресса 1889 г.“ ²⁾, при чем они перечисляют одни лишь требования экономического характера, ни словом не упоминая о резолюции, которая говорит, что „во всех странах, где пролетарии лишены избирательного права и конституционных прав, они должны бороться за получение права голоса всеми средствами, которыми располагают“. Они обходят молчанием как это требование, так и требование уничтожения постоянного войска, которые должны считаться самыми важными для всего пролетариата, и стараются внушить рабочим, будто единственными политическими требованиями, выставленными конгрессом, были требования права собираться и устраивать союзы.

Промышленный кризис в России между тем все усиливался. Взлетают на воздух два крупнейших столпа русской промышленности—фон-Дервиз и Мамонтов. В руках этих капиталистов был сосредоточен целый ряд самых крупных предприятий. Так фон-Дервиз был фактическим хозяином Русского торгово-промышленного банка, Северно-стекольного промышленного общества, общества Рязанско-Уральской и Московско-Казанской ж. д., общества под'ездных путей, общества пароходства на Волге, общества „Кавказ“, Волжско-Стального общества, Глухо-озерно-цементного завода, Московского завода Вейхельта, Франко-русского общества, Северно-страхового, Сормовского завода и Восточного общества товарных складов. Мамонтов царил на Московско-Ярославско-Архангельской ж. д., в обществе Невского механического завода, в Северном лесопромышленном обществе, в обществе Восточно-Сибирских механических заводов, и в Московском вагоностроительном заводе ³⁾.

Крах этих промышленных царей не мог не отразиться и на бесчисленном множестве тесно связанных с ними пред-

¹⁾ Раб. движ. в Екатеринославе. Женева 1900 г. стр. 8

²⁾ Раб. Мысль № 6. Апрель 1899 г. Передовица.

³⁾ См. Мигулина. „Реформа денежного обращения в России и промышленный кризис“. Харьков 1902 г. стр. 251 и след.

приятый. „Черные дни“ петербургской биржи 22-го и 23-го сентября отмечают целый ряд новых банкротств. От дивидендных бумаг отказываются все; их цена падает с тем большей быстротой, чем выше они котировались до того. Акции механического завода Феникс с 600 руб. опускаются до 70 р., Сормовские доходят до 90 р. „Хищения Мамонтова и К^о“, — пишет Шарапов в своем письме государственному контролеру Филиппову, — происходили с ведома, а, может быть, и под прямым руководством финансового ведомства, где хищники всех видов поощряются и вызволяются“ ¹⁾.

И действительно обнаруживаются и становятся всем известными факты положительно невероятные. Так, несмотря на „строгий контроль“ министерства финансов, растраты в обществе Московско-Ярославско-Архангельской ж. дор., хотя акционеры и продолжали получать 30% дивидендов, давно уже превысили весь акционерный капитал. Общество „Феникс“ выдало своим акционерам по 45 р. за акцию дивиденда в то время, как уже весь капитал был растрочен и дело фактически не давало никакой прибыли. Общество „Сталь“ растратило 7 миллионов, и его акции годились, разве, на оклейку стен. Конечно, наша печать не могла раскрыть и сотой доли всего, что творилось за кулисами биржи, но уже одного того, с каким рвением министерство финансов принялось при помощи казенных денег тушить биржевой пожар, было достаточно, чтобы показать нашему обществу, на что идут народные деньги. Эти „черные дни“, эта промышленная Цусима послужили не малым толчком к пробуждению русского высшего общества от политического индифферентизма. Оппозиция и будирование земцев и других либералов из общества усиливаются, и отношения с правительством обостряются. „Либеральный“ Горемыкин должен был уступить место ставленнику Витте—Сипягину. Реакция правительства усиливается.

Результаты промышленного краха всей своей тяжестью ложатся прежде всего на рабочих. Сотни фабрик и заводов закрываются и рабочих тысячами выбрасывают на улицу; заводы, прекратив платежи, не платят также рабочим. Голод в настоящем смысле этого слова царит среди безработных. Все добытое стачками 90-х годов исчезает почти бесследно; закон 2-го июня министерским циркуляром фактически отменяется и заменяется законом об учреждении фабричной полиции и циркулярами об организации фабричного сыска; хозяева, помимо наружной полиции, обязуются принимать на

¹⁾ Это письмо опубликовано в „Рабочем Деле“ № 6. Женева 1900 г. стр. 65.

фабрику по одному шпиону на каждых 200 рабочих. Фабричные инспектора фактически освобождаются от всякой иной деятельности, кроме надзора за политической благонадежностью рабочих. Перед рабочими встает альтернатива: либо отказаться от дальнейшей борьбы и примириться с экономической и политической реакцией, либо найти новый путь борьбы.

Еще в 97 году, в самый разгар победоносной стачечной борьбы, Ленин предвидел, что такого рода борьба недолговечна, и что с изменением условий промышленной жизни должен измениться и метод борьбы. Он писал тогда:

„Перед русской соц.-демократией еще громадное, едва начатое поле работы. Пробуждение русского рабочего класса, его стихийное стремление к знанию, к об'единению, к социализму, к борьбе против своих эксплуататоров и угнетателей проявляется с каждым днем все ярче и шире. Гигантские успехи, которые делает русский капитализм в последнее время, ручаются за то, что рабочее движение будет безостановочно расти вширь и вглубь. В настоящее время мы переживаем, видимо, тот период капиталистического цикла, когда промышленность „процветает“, торговля идет бойко, фабрики работают во-всю и, как грибы после дождя, появляются бесчисленные заводы, новые предприятия акционерные общества, железно-дорожные сооружения и т. д. и т. д. Не надо быть пророком, чтобы предсказать неизбежность краха (более или менее крутого), который должен последовать за этим „процветанием“ промышленности. Такой крах разорит массу мелких хозяйчиков, бросит массы рабочих в ряды безработных и поставит, таким образом, перед всеми рабочими массами в острой форме те вопросы социализма и демократизма, которые давно уже встали перед каждым сознательным, каждым думающим рабочим. Русские социал-демократы должны позаботиться о том, чтобы этот крах застал русский пролетариат более сознательным, более об'единенным, понимающим задачи русского рабочего класса, способным дать отпор классу капиталистов, пожинаящих нынче гигантские барыши и стремящихся всегда свалить убытки на рабочих,—способным вступить во главе русской демократии в решительную борьбу против полицейского абсолютизма, связывающего по рукам и по ногам русских рабочих и весь русский народ“¹⁾.

Подготовили ли русские социал-демократы рабочий класс к наступившему краху? Нет. Вся деятельность экономистов

¹⁾ Н. Ленин „Зад. русск. соц.-демократов“ 3-е изд. Женева, 1905 год, стр. 36—37. Курсив мой. М. Л.

была направлена к тому, чтобы рабочие оказались перед ним с пустыми руками. Да и сейчас, когда крах уже наступил, когда рабочие инстинктивно начинают искать нового выхода и когда, — как мы видели на стачке у Паля и Максвеля и на „бунте“ брянских рабочих, — рабочие хотят уже активно вступить в борьбу со ставшим невыносимым полицейским гнетом, их руководители и выразители их настроения всячески удерживают их от борьбы причитаниями, что не нужно терять „спокойствия и хладнокровия“.

„Вокруг наших домов шумят, буйствуют, жгут, стреляют. Казаки с нагайками бьют и неистовствуют. Старая, милая Рига превратилась в беснующееся море — стрейкуют (забастовали) тысячи рабочих. Забастовка началась 5-го мая, а теперь уже 10-е“¹⁾. Рижские рабочие не сохранили, видно, хладнокровия и, вопреки уверениям экономистов, что рабочие еще не сознали своей силы, чтобы вступить в бой с правительством, здешние рабочие в этот бой уже вступили, и вступили не из-за „пяточка“, не ради улучшения своего экономического положения, а исключительно из чувства солидарности со своими угнетенными товарищами.

„Дело было так, — читаем мы далее в цитированной выше корреспонденции, — собственник джутовой фабрики обещал своим работницам повысить заработную плату и даже переманил этим некоторых из других фабрик, — но надул работниц: „он не только не дает большей платы, но даже и прежнюю уменьшил на 15 коп. в день. Тогда работницы отправились жаловаться губернатору. Вызванные полиция и жандармерия загнали их в „Псковский сад“ и не выпускали оттуда. Об этой нахальной расправе полиции узнали рабочие завода „Феникс“, пришли в „Псковский сад“ и освободили работниц. С этого и начались схватки“.

Рабочие завода „Феникс“ никакого отношения к порядку на джутовой фабрике не имели; но, увидав, как их товарищей — работниц точно скот загнали в загон и, как полиция дабы умерить пыл забастовщиц, стала поливать их водой из пожарных труб, рабочие Феникса набросились на полицию и отбили товарищей. Достаточно было полицеймейстеру сказать, что работницам нечего бастовать, так как они могут пополнить свой заработок проституцией, как рабочие бросились на стоящие под опекой правительства публичные дома и стали их жечь и громить. К рабочим Феникса присоединились почти все заводы Риги. Никаких экономических требований они не выставляли. Разгромив публичные дома, они присту-

¹⁾ „Рабочий бунт в Риге“ Раб. Дело № 2—3. Женева. Авг. 1899 года, стр. 65.

лпии к разгрому фабрик, но не потому, что видели в последних очаги своей эксплуатации, а потому, что фабрики охранялись войсками и на них в данную минуту было сосредоточено все внимание властей. „К забастовщикам присоединяется все больше и больше рабочих (стал Балтийский вагонный завод—до 4.000 человек)... продолжается та же работа, т.-е. разгром фабрик... Оружием пользуются все: рабочие, фабриканты и... башибузуки. Жертва за жертвой. На улицах, на площадях необозримые толпы народа. Рельсы ж. д. запружены густой толпой. Подходит поезд, его не пропускают. Казаки бросаются на толпу и бьют направо и налево нагайками... В прошлую ночь (11 мая) разрушили до тла чугунный завод „Мотор“ и одну прядильную фабрику. Стычка стачечников с полицией и войсками прошлой ночью дала массу жертв; бой превзошел все предыдущие схватки“ ¹⁾.

Это уже не „бунт“, не погром, где погромщики храбры, пока нет войск, или пока войска и полиция сочувствуют им. Это уже форменное восстание, хотя пока и без определенного плана и лозунга. Это предвестник будущего восстания, восстания сознательного, стремящегося к определенной цели.

„Еще весной (99 года),—пишет рабочий корреспондент из Мариуполя,—среди рабочих листопрокатного и трубопрокатного заводов „Русский Провиданс“ и железо-чугунно-делательного завода Никополь-Мариупольского Горнометаллургического о-ва началось волнение. 1-го мая почти ни один рабочий не вышел на работу. Собравшись у главной конторы, рабочие послали выборных депутатов к директорам с письменным требованием... Ответ обещали дать через неделю. Заводы в этот день не работали... 10-го июня на стенах мастерских появилось объявление от заведующих цехами, что никаких уступок рабочим на их требование сделано не будет... Рабочие завода Провиданс стали собираться на сходки и решили устроить стачку. День забастовки был назначен на 13 июля. Утром в этот день значительная часть рабочих завода Провиданс не пошла на работу и стала собираться вблизи завода. Часа через два к ним присоединились остальные, и завод стал; чтобы не произошло несчастья, весь готовый чугун выпустили“. Делегаты завода Провиданс убедили стать и Никополь-Мариупольский завод и сообщая выработали требования. „К двум часам на завод явились и власти—жандармский офицер, исправник с 50-ю чел. городской полиции и 1½ роты солдат с офицерами. Всего явилось 250 вооруженных людей. Но так как эта сила исправнику

¹⁾ Там же стр. 65—66.

казалась слишком ничтожной рядом с 6-ью тысячами забастовавших, то он не решился действовать открыто до прибытия экстренно вызванных из Екатеринослава войск¹⁾.

Начался обычный прием: ласковое предложение выбрать делегатов, обещание исполнить все требования. Делегаты выбраны. „Прошло некоторое время в томительном ожидании, как вдруг разнеслась весть, что выборные рабочих арестованы. Несколько человек видели, как от заднего крыльца двинулась к городу телега с привязанными к ней семью рабочими в сопровождении сильного конвоя из солдат. Словно электрический ток пробежал по толпе, все заволновались, зашумели. Тотчас же человек 600 рабочих бросились в догонку конвою, чтобы отбить так предательски схваченных товарищей. Рабочим удалось не только нагнать телегу, но и перерезать ей дорогу, окружив ее таким плотным кольцом, что конвойные солдаты не могли двинуться ни на шаг. Конвойные испугались такого натиска, прикладами ружей проложили себе дорогу и уехали, бросив арестованных на произвол судьбы. При этом один из толпы рабочих упал, смертельно раненый штыком солдата. Арестованные были немедленно освобождены, а затем толпа, подняв убитого товарища, двинулась назад к главной конторе. Можно себе представить, какое волнение охватило всех оставшихся на месте, когда они увидели труп убитого. Тут уже не подействовали никакие уговоры более осторожных товарищей, руководителей стачки. В окна конторы посыпались камни, машины в главном корпусе разламывались на части под руками возбужденной толпы. Наконец, руководителям удалось удержать товарищей от дальнейших насилий.. Ночью, по указанию шпионов было арестовано 80 человек рабочих,— их тотчас же под сильным конвоем отправили в городскую тюрьму. Когда утром 14 июля разнеслась об этом весть по заводу, рабочие опять взволновались и стали толпами собираться в главной конторе. Часу в 9-м в толпе было уже около 3 тысяч рабочих с обоих заводов. В 10-м часу они вызвали исправника и потребовали освобождения арестованных ночью 80 товарищей. Исправник отказался и поспешил скрыться в контору, так как в него стали бросать камнями. Болнение все усиливалось. Тесной толпой, громкими криками, требуя выдачи арестованных, стали подвигаться рабочие к конторе, где собралось все начальство. В этот момент из конторы в боевом порядке вышли солдаты с командирами и плотной стеной стали перед рабочими. Тогда часть обошла контору с тылу и стала подступать к зданию. Но и тут их встретили солдатские штыки. Положение становилось все

¹⁾ „Раб. Мысль“ № 8. Февраль 900 г., стр. 5 столб. 2.

серьезнее. Рабочие положили труп убитого накануне товарища перед солдатами и на минуту остановились. Из толпы слышался голос рабочего, убеждавший солдат не проливать крови своего же брата-мужика: „стрелять вам надо, да только не в нас, а в своих офицеров“,—говорил он горячо и убедительно. В ответ на это офицер скомандовал: „пли“. Грянули выстрелы, и три трупа упали на землю. Весь остальной день продолжались стычки рабочих с солдатами и полицией. Убито было несколько рабочих и 1 полицейский. Всего убито было очень много¹⁾.

Я нарочно остановился подробнее на этой стачке. Она очень типична для того переходного времени. Рабочие начинают стачку из-за чисто экономических требований. Она организована и протекает мирно до тех пор, пока в дело не вмешиваются власти. Но как только начинаются аресты, экономическая первопричина стачки отходит на задний план, и начинается борьба с представителями правительства—полицией и войсками. К этой борьбе рабочие уже приступают без предварительного уговора, без заранее обдуманного плана. Первоначальная цель стачки забывается вовсе, об экономических требованиях уже не думают. Единственная цель дальнейшего движения—отбить арестованных и наказать насильников. Рабочие, которые, по уверениям „экономистов“, не способны бороться за „идеальные“ цели, а борются лишь за конкретную цель улучшения своего положения, нападают на солдатские штыки и умирают под солдатскими пулями, чтобы спасти своих товарищей. Вопреки убеждениям экономистов, и максвелльцы, и рижане, и мариупольцы не хотят „хладнокровия“, они не удовлетворяются больше одной экономической борьбой со своими эксплуататорами-хозяевами, они уже вступают в борьбу с правительством. И чем больше обострялся промышленный кризис, чем чаще экономические требования рабочих не могли удовлетворяться хозяевами, и чем чаще, благодаря этому, последним приходилось прибегать к вооруженной помощи правительства, тем рельефнее вставал перед рабочими вопрос о необходимости немедленной борьбы с правительством, о невозможности добиться каких бы то ни было улучшений при существовании самодержавия. И тем чаще сами рабочие начинают вступать в борьбу с этим самодержавием.

„Пока над ними (рабочими) тяготеет жандармская десница, все их стремления роковым образом будут обречены на неудачу“²⁾—такой урок выводит „Южный Рабочий“ из послед-

¹⁾ Р. М. № 8. Стр. 5, столб. 3.

²⁾ „Ю. Р.“ Екатеринославская раб. газета № 1 Январь 900 г. Изд. Екат. Ком. Р. С.-Д. Р. П. „Из хроники рабочего движения“.

них Екатеринославских стачек. „Мы представили картину того положения, в котором находится рабочее движение в России,—говорит автор хроники в „Ю. Р.“,—и на ряде фактов показали, как необходимы для его успешности политическая свобода, обладание теми правами, которые являются могущественными орудиями в деле прочного подъема жизненного уровня рабочего класса и в окончательном освобождении от гнета эксплуатации, как венца его стремлений. И эта задача все более входит в сознание самих рабочих, преобразуя их политическое мировоззрение и проявляясь в фактах, которые заставляют правительство напрягать все свои усилия, для того, чтобы задавить или, по крайней мере, задержать рабочее движение. 14 августа Екатеринославская губерния объявлена на положении усиленной охраны, а в октябре опубликовано царское повеление, в силу которого министрам юстиции и внутр. дел предоставлено право некоторые политические дела (какие им заблагорассудится), а также все дела по сопротивлению рабочих полиции или войскам, разрешать не обычным порядком, а передавать с согласия военного министра ведению военных судов. Этим царским повелением правительство открыто объявляет войну рабочему движению не на жизнь, а на смерть“¹⁾.

„Борьба рабочего класса с капиталистами,—пшет передовик киевской рабочей газеты „Вперед“,—привела его к новому врагу“, царскому правительству „и к борьбе с ним за политические права“²⁾ „Пусть те, кто упрекает нас в горячности,—говорят в своей прокламации рижские рабочие,—попробуют вытерпеть, чтобы их жен и детей загнали в засаду и обливали, как собак, водой, чтобы не поспешить освободить их от бесчеловеческих обид и издевательств. Мы не желали крови. Мы желали только мирным путем бороться со своими экономическими врагами, желали жаловаться правительству на обиды со стороны фабрикантов. Но вместо справедливости правительство ответило нам издевательством, да убийством. Это открыло нам глаза“³⁾.

Но экономисты не хотят этому верить и попрежнему убеждают рабочих, что глаза их закрыты. „Русское рабочее движение,—иронизирует „Рабочая Мысль“,—выросло за последнее время и окрепло, охватив всю Россию. Политическая и социалистическая пропаганда проникает в широкие массы рабочих, способствуя росту классового самосознания. На-

1) Там же.

2) „Вперед“ Изд. Киев. Комит. Р. С.-Д. Р. П. № 4. Янв. 99 г. Передовица.

3) „Воззвание к латыш. рабочим и работницам“. Союза лат. С.-Д. июнь 99 г. „Раб. Дело“ № 2—3, стр. 69.

чинают выставляться самые широкие политические требования: „свободы стачек, слова, печати, собраний, союзов... свободы совести, вероисповеданий... равноправие всех национальностей... созыва парламента“ (Майские прокламации 98 г. С. П. Б.). Так, или приблизительно так, принято у нас говорить о нашем рабочем движении. Но такова ли действительность? ¹⁾

Этот номер Рабочей Мысли вышел после рижской и мариупольской стачек, во время суда над максвелевскими рабочими. Последние стачки, суды над рабочими, угроза военными судами за сопротивление полиции внушают этим „руководителям“ и „выразителям“ настроения рабочих следующую глубокомысленную тактику: „Итак, товарищи, на этом деле (суд над максвельцами) хорошо видно, что не только фабриканты и полиция, но и суд дружно стоят против нас; нам нужно с ними дружно бороться, и не только дружно, но и разумно. Полиция старается нас выводить из себя, чтобы потом нас же в бараний рог согнуть. В ответ на это мы должны быть дружны, выдержаны и знать законы, чтобы, как можем, бороться за каждую частичку наших прав, которых у нас и так уже слишком мало. Вот почему каждому из нас следует иметь у себя некоторые законы: Устав о промышленности, Устав о предупреждении и пресечении преступлений, Устав об уложении о наказаниях и Положение об усиленной охране. А так как книги эти довольно-таки дороги, то всего лучше покупать их в складчину“ ²⁾.

Итак, эти прихвостни буржуазных либералов, именуя себя социал-демократами, единственным ответом на расстрелы в Риге и Мариуполе и на суд, самым бесцеремонным образом нарушивший все законы, советуют рабочим вооружаться... уставами и—в случае, если их будут расстреливать или хлестать нагайками—справляться, соблюдаются ли при этих расстрелах и избиениях законы, и нет ли повода для обжалования насильников. Ну, а если все это совершается согласно уставу, хотя бы „о предупреждении и пресечении преступлений“, то покорно сносить свою судьбу? „Нам, товарищи, бояться начальства да людей не приходится! Не так страшен чорт, как его малюют... Посадят в предварительное заключение... Ну, чтож! и там жить можно! Дадут задаром комнату, пищу, да книжки можно доставать. Почитывай, да ума набирайся. Иной оттуда выйдет все равно, что в университете

¹⁾ „Р. М.“ № 7. июнь 1899 г. 1 стр. 3 столб.

²⁾ „Р. М.“ № 8, февраль 1900 г. „Сенатское решение по делу максвельцев“, стр. 1. 3 столб.

побывал. А вышлют, мы со своими руками нигде не пропадем, да и друзья найдутся, помогут“¹⁾).

В этой статье очень рельефно выражается истинная сущность экономистов: рабочие рвутся в бой с правительством, хватаются уже за камни, палки, ружья, чтобы отстоять своих товарищей, вырвать их из рук насильников, а „выражающая настроение“ этих самых рабочих редакция „Рабочей Мысли“ удерживает их за фалды и, суя в руки уставчик, утешает, что арестованным рабочим совсем даже хорошо сидеть в тюрьме, в роде как в университете.

„Поднимем свои отвердевшие от работы железные руки,—пишут в это же время латышские рабочие,—и поклянемся на могилах наших товарищей, что не успокоимся раньше, чем из их крови не вырастет дерево свободы! Ножом и револьвером теперь мы еще не можем бороться. Наш враг еще крепко организован и в кровавой битве сильнее нас. Чтобы померяться с ним силами, мы должны организоваться и тем примкнуть к нашим товарищам в России и Польше, а вместе с тем ко всей международной социал-демократии. Теперь всякое кровавое столкновение нам больше вредит, чем приносит пользы. Но организуясь и соединяясь с русскими и польскими социал-демократами, мы ускорим наступление того дня, когда с оружием в руках будем в состоянии отомстить за нанесенные нам обиды“²⁾).

Г Л А В А XXVI.

По приведенным в последней главе цитатам мы видим, что „экономическое“ направление, хотя и преобладало, но отнюдь не было единственным среди действовавших в конце 90-х годов социал-демократов. На ряду с „Рабочей Мыслью“ в Киеве выходила тоже рабочая газета „Вперед“. Хронологически это первая русская социал-демократическая газета. Первый номер ее вышел в декабре 1896 года, а до весны 1900 г. всех номеров вышло 10. Первые три выпускались группой „Рабочее Дело“, которая со временем стала называться „Рабочим комитетом“.

В вышедшем в январе 99 года № 4 газеты „Вперед“ сообщается, что „согласно постановлению первого съезда русских социал-демократов, приложенному к Манифесту Р. С.-Д. Р. П., Киевский Союз Борьбы за Освобождение Рабочего Класса г

¹⁾ Там же.

²⁾ „Воззв. к лат. рабочим и работницам“. „Р. Д.“ № 2—3, стр. 71.

Киевский Рабочий Комитет сливаются в одно целое, образуя из себя Киевский Комитет Р. С.-Д. Р. П.⁴. Газета „Вперед“ с самого начала не ставила своей задачей сузить затрагиваемые ею вопросы исключительно сферой непосредственной борьбы рабочих с капиталистами. Уже в первом номере редакция заявляет, что она будет выяснять рабочим все происходящие события и воспитывать их к борьбе, и надо отдать ей справедливость, что обещание это по возможности действительно исполнялось. Так, в этой газете разбирался, например, вопрос о бесправии рабочих, обусловленном классовым характером нашего государства, указывалось на значение для рабочего движения образования Р. С.-Д. Р. Партии; затем в статье по поводу „Тайных документов русского правительства по польским делам“ доказывалось, что правительство уступает только силе рабочих, а добровольно ничего не дает ¹⁾. В № 5, в статье „Куда идут народные миллионы“ разбирается роспись государственных доходов и расходов, и на основании анализа этой росписи доказывается, „что, так называемые, государственные доходы — это трудовые деньги народа, и что эти сотни миллионов народных денег идут в виде государственных расходов не для народа, а против народа... И так будет до тех пор, пока народ не будет иметь своих представителей для охраны своих интересов, пока у нас не будет политической свободы“ ²⁾. В том же номере помещена статья „Не говорите мне он умер, он живет“, посвященная памяти Карла Маркса, в которой в популярной форме излагаются основы научного социализма.

В прошлой главе мы видели уже, как под влиянием промышленного кризиса рабочие, вопреки всем уверениям „экономистов“, будто они еще не дозрели до политической борьбы, в целом ряде фактов показали всю необходимость для них выйти за пределы экономических столкновений с капиталистами и вступить уже в непосредственный бой с представителями власти. Перед сознательными социал-демократами, которые не могли, подобно „Рабочей Мысли“, рекомендовать рабочим, в качестве единственного средства борьбы с произволом, изучение законов и обжалование действий полиции ³⁾, неизбежно вставал вопрос, в чем и как должно проявляться массовое политическое движение. „Ножом и револьвером теперь мы еще не можем бороться“, — говорили латышские социал-демократы; и в этом, т.-е. что для массового восстания

¹⁾ См. „Вперед“ киевская раб. газета. № 4. Янв. 99 г.

²⁾ „Вперед“ № 5. Изд. Киев. Ком. Р. С.-Д. Р. П. Март 99 г.

³⁾ Тот же метод борьбы настойчиво рекомендовал в это же время в специально выпущенной прокламации Виленский Комитет Бунда.

время еще не пришло, соглашались и все сознательные русские социал-демократы.

В Польше, где, благодаря страшному гнету обрусительной политики, массовое движение с самого начала носило политический характер, политические демонстрации (на 1-ое мая, на похоронах товарищей, при чествовании памяти убитых во время волнений и т. д.) стали практиковаться сравнительно уже давно. Демонстрации имели место и в России, как, например, демонстрация по поводу смерти Ветровой, Ходынская демонстрация, не говоря уже об исторической демонстрации Земли и Воли на Казанской площади и целом ряде других— у судов и на похоронах, которые происходили в конце 70-х и начале 80-х годов. Но лишь в неудавшейся Ходынской демонстрации в Москве принимали участие рабочие и участие не только пассивное, но и активное. В Ветровской демонстрации, например, рабочие почти совершенно отсутствовали. В Киеве местный Союз выпустил даже особую прокламацию, рекомендуя рабочим не идти на эту демонстрацию, которую устраивали студенты и местные социалисты-революционеры. „Пусть рабочие,—говорилось в этой прокламации,—сами почувствуют и поймут, что правительство мешает им бороться, тогда они сделаются сознательными сторонниками политической борьбы; пусть они пройдут необходимую школу борьбы экономической, а тогда зовите их на политическую борьбу“¹⁾.

В 1899 году 1-го мая была большая манифестация в Вильне, в которой участвовало до 1000 человек, и в Либаве, где ко дню первого мая рабочие устроили первую в России общую майскую забастовку. „В Новой Либаве,—читаем мы об этом в „Раб. Деле“,—рабочие с жестяной фабрики прошли по улицам с 5-ью красными знаменами, громко требуя 8-ми часового рабочего дня, конституции, свободы союзов и свободы печати. При этом 5 рабочих, несших знамена, были арестованы. Затем тысячи рабочих и работниц в течение нескольких дней устраивали грандиозные демонстрации по главным улицам Либавы. Рабочие сами наблюдали за порядком, а полицеймейстер и жандармский полковник, не решаясь вмешаться, в карете сопровождали демонстрантов сзади“²⁾.

„Итак, демонстрации возможны и в России“—пишет „Вперед“ в № 6, рассказав о демонстрации в Польше; а затем редакция посвящает уже целую статью вопросу о демонстрациях. „Демонстрации,—читаем мы в этой статье,—являются прекрасным средством для распространения какой-нибудь

1) „К сознательным рабочим“. Прокл. Киевск. Союза Борьбы 20 марта 97 г.

2) Майский праздник в России в 99 г. „Раб. Дело“ № 2--3 августа 99 г. стр. 32.

идеи. Они обращают на себя всеобщее внимание, но кроме того демонстрации громадную пользу приносят и самим участникам, и вот почему. Каждый человек в одиночку, как бы не желал он что-нибудь сделать, все же чувствует себя бессильным и не обладает поэтому достаточным количеством энергии—но вот, он вместе с другими людьми, которые думают так же и стремятся к тому же, как он; он оживляется, становится бодрым, энергичным, желания и надежды его крепнут, а вместе с тем крепнет и все дело¹⁾.

Далее автор разбирает вопрос об'ективно, соображаясь с условиями киевской работы. „Неуместно устроенная демонстрация—говорит он,—может повредить делу. Возьмем пример из нашей жизни. Пусть в каком-нибудь месте только что началось рабочее движение; большинство рабочих еще не понимает своих интересов, и едва найдется какой-нибудь десяток сознательных. Если последние устроят сами шествие 1-го мая, дело кончится тем, что всех их заберут, а остальные рабочие так и останутся без всяких понятий о своем положении. Сознательные рабочие гораздо лучше бы сделали, заручившись сперва достаточной поддержкой—тогда, если даже несколько человек будут иметь столкновение с полицией, все же большинство останется и будет продолжать начатое дело. Итак демонстрации являются прекрасным орудием, и рабочие должны ими пользоваться (курсив подлинника), но только всегда следует хорошо обсудить, достаточно ли они подготовлены для этого“²⁾.

Судя по слогу, автор этой статьи рабочий. Он, как мы видим, считает переход к демонстрациям неизбежным для русского рабочего движения. Весь вопрос у него сводится лишь к тому, достаточно ли окрепло в настоящий момент местное движение для того, чтобы рисковать сознательными рабочими: ведь, на демонстрацию они пойдут в первую голову, а с их провалом может исчезнуть возможность продолжения работы среди масс. Отсюда ясно вытекает второй вопрос, как заставить самую рабочую массу участвовать в демонстрациях. При стихийных вспышках, вроде рижской и мариупольской, эта масса принимает самое активное участие; такое же участие принимала она и в демонстрациях в Польше, отчасти в Либаве. В районе Бунда в демонстрациях участвовали, повидимому, одни лишь организованные рабочие—не даром же бундовцам удается так точно (с точностью до десятков) подсчитывать число участников своих демонстраций. Но можно ли рассчитывать на то, что

¹⁾ „Вперед“ № 6. Апрель 99 г.

²⁾ „Вперед“ № 7. „О демонстрациях“.

рабочая масса пойдет на демонстрацию где-нибудь в Киеве, Петербурге или Екатеринославе?

„Признавая ближайшей общей задачей рабочего движения в России борьбу за политические права пролетариата,—пишет в своем Profession de foi Киевский комитет,—Киевский комитет не считает, однако, возможным в настоящий момент обращаться к массе рабочих с призывом к политическим действиям, иначе говоря вести политическую агитацию, так как русский рабочий в массе не созрел еще для политической борьбы“. Б—в (петербургский практик) пытается выяснить степень политической зрелости петербургских рабочих. Отличительной чертой современного революционного движения, говорит он, нужно признать, с одной стороны, все возрастающее естественное выделение пролетариатом сознательных революционеров—рабочих; с другой—слияние кружковой деятельности с массовой агитацией, и успех последней. Слияние это до некоторой степени обусловливается появлением нового, политически развитого слоя рабочих, стоящего между революционером-рабочим и массой. Сообразно с этим общим характером социалистического движения, рабочий класс с точки зрения его политического развития распадается на три существенно различных категории: деятельных, сознательных революционеров, промежуточный, политически развитой слой, с каждым годом все увеличивающийся численно, и остальную рабочую массу, с слабо выраженным классовым самосознанием“¹⁾. Б—в выводит отсюда, что „рабочие Петербурга в общей массе еще неясно сознают свои политические интересы, но ход развития русского революционного движения, выражающийся во все возрастающем числе политически зрелых рабочих, ведет к тому, что в недалеком будущем петербургское рабочее движение примет характер массовой борьбы пролетариата за свое политическое и экономическое освобождение“²⁾.

Когда то первые социалдемократы считали нужным содействовать „ходу развития революционного движения“, они устраивали кружки для политически зрелых рабочих и вели агитацию в массах. Занятия в кружках имели целью направить мысль политически зрелых и революционно настроенных рабочих на социалдемократический путь, а широкая агитация должна была направить на этот путь мысль всей пролетарской массы. Идеологи „экономизма“, заявив, что им „стыдно

¹⁾ „Петербургское движение и практич. задачи соц.-демократии“ „Р. Д.“ № 6, апрель 900 г., стр. 28—29.

²⁾ Там же, стр. 33—34.

говорить о социализме и о свержении самодержавия“, стали усиленно бороться против „хода развития революционного движения“ и всеми силами толкать массовое движение на мирный трэд-юнионистский путь. Они имели колоссальный успех, но этот успех продолжался лишь до тех пор, пока промышленная и тесно связанная с ней политическая реакция на заре 20-го века не разбила иллюзию о возможности существования при самодержавии мирного трэд-юнионизма.

Прежде всего от этой иллюзии отказались сами рабочие: максвельцы, палевцы, мариупольцы, рижане и др. „Рабочая мысль“ и ее единомышленники некоторое время пытаются еще плыть против течения; они продолжают борьбу с „политикой“ и грозно окрикивают максвельцев, но почва все более и более уходит у них из-под ног. Мирная экономическая стачечная борьба становится все более и более немыслимой; медленное подтачивание самодержавия высшими классами общества, на которое возлагал надежды Аксельрод, а по его примеру и автор „Credo“, привело к прямо противоположным результатам. Самодержавие окрепло настолько, что из оборонительной позиции, которой оно по преимуществу держалось в 80-х и в начале 90-х годов, оно переходит к наступательной. Лишение Финляндии конституции, закон об отдаче студентов в солдаты, конфискация армянских церковных имуществ,—все это наилучшим образом знаменует собой эру новой наступательной тактики. Самодержавие окрепло, потому что все менее и менее чувствовало себя висющим в воздухе. Политика Витте спаяла его интересы с интересами крупной промышленности и финансовой буржуазии. Самодержавие и буржуазия стали слишком необходимыми друг для друга. С аграрной оппозицией не трудно было справиться подачками вроде расширения прав дворянского банка, усиления деятельности крестьянского, вовлечения все большего числа аграриев в сферу колониальной и концессионной авантюры, и регламентацией земской деятельности при помощи введения в состав земцев все большего числа земских начальников и других чиновников. С „оппозиционерами“ же, типа Шарапова, дело кончилось просто выдачей субсидии.

Вся полицейская мощь правительства направилась против рабочего движения. Перед социалдемократами ребром стал вопрос: либо политическая борьба, либо отказ от всякой борьбы. „Когда правительство вызывающе относится к стачечникам,—пишет в это время Мартов,—когда оно предписывает незаконные жестокие расправы над ними, когда оно топчет ногами самые элементарные человеческие права—в таких случаях имеем ли мы, как революционеры, право призывать рабочих к порядку, если мы в то же время

не можем им указать практических путей для борьбы с этим политическим строем, который создает все эти гнусности? Когда пули славных ярославских и домбровских воителей сеют смерть в рядах жен и детей пролетариата, не должны ли казаться насмешкой советы держаться спокойно и идти прежним путем стачечной борьбы, которая неизбежно сопровождается подвигами этих слуг самодержавия. Только выступая, как политическая партия, имеющая перед собой определенный план политической борьбы (курсив мой М. Л.) мы можем, не рискуя уподобиться лишенному всякого гражданского мужества либерализму, призывать рабочие массы к хладнокровному поведению, в ответ на правительственные бесчинства ¹⁾... Социалистам остается избрать один из двух путей: либо ведя попрежнему устно и печатно политическую пропаганду, ограничиваться затем практическим участием в экономической борьбе пролетариата, выжидая, пока в ходе все обостряющейся экономической борьбы, рабочие массы сами перейдут к непосредственной борьбе с правительством в тех формах, которые им представятся подходящими, или же взять на себя задачу теперь же организовать политическую борьбу рабочего класса так же, как они старались организовать в последние годы борьбу экономическую ²⁾...

На этот вопрос цитированный уже нами Б-в отвечает следующим образом: „Ошибочно было бы думать,—пишет он,— что политическое развитие рабочих находится в непосредственной зависимости от количества и качества интеллигентов-агитаторов, ведущих среди них устную агитацию. Если революционеры—рабочие не только не нуждаются в воздействии со стороны интеллигентов, но и сами могут дать хороший совет интеллигенту, то и передовой (промежуточный) слой пролетариата лишь с большими ограничениями требует руководства подпольных агитаторов. Интеллигент в кружке является старшим товарищем, от которого ждут раз'яснений, но не направления мысли в ту или иную сторону. Фактом вступления в революционный кружок рабочий доказывает свое оппозиционное направление, а характер интересующих такого рабочего вопросов не' оставляет сомнения в своем сильном недовольстве существующим политическим строем ³⁾... Масса же пробуждается во время стачек, и стачки Максвеля и Паля в декабре

¹⁾ „Красное Знамя в России“. Женева 1900 г., стр. 61—62.

²⁾ Там же, стр. 60.

³⁾ „Петербург. движение и т. д.“ „Раб. Дело“ № 6, стр. 31.

1898 года и многие другие ясно показывают, что рабочие оппозиционно настроены не только к фабрикантам, но также и к полиции, и жандармам¹⁾.

Вывод отсюда ясен: задача социалдемократии не организовывать этот новый фазис борьбы, не направлять мысль рабочих, а лишь выяснять, формулировать уже существующие взгляды. „Поскольку действующая организация,—говорит далее Б-в,—задается целью отражать требования, взгляды, настроение наименее развитой части фабрично-заводского пролетариата, оставляя без внимания политическую зрелость передовых слоев его, постольку практическая деятельность ее поневоле должна носить преимущественно характер агитации на почве ближайших экономических интересов, и центр тяжести должен лежать в издании прокламаций, эксплуатирующих каждый частный факт, каждое местное злоупотребление на фабрике. С.-Петербургский комитет Р. С.-Д. Р. П. и является такой организацией, которая до сих пор задавалась исключительно целью выяснить и суммировать насущнейшие потребности наименее развитой части пролетариата. Если же организация ставит себе задачей отражать интересы, взгляды, настроение передовых рабочих, если она хочет идти впереди развивающегося (массового) движения, указывая ему дорогу и пытаясь облегчить ему его поступательный ход,—организация должна поставить своей ближайшей задачей связать насущные экономические интересы массы с общими экономическими и политическими условиями. Сообразно с этим меняется характер нелегальной литературы и способ агитации, как устной, так и письменной. Такой организацией в Петербурге является „Рабочее Знамя“, таким источником нелегальной литературы — издательская деятельность „Рабочего Дела“²⁾. „Петербургский комитет, стремясь в 1899 году объединить все действующие в Петербурге организации, решает сохранить оба органа: орган для широких слоев—Рабочую Мысль и орган для передовых рабочих—Рабочее Знамя“³⁾.

Другими словами, это следует понимать так, что в то время, как один орган будет выяснять широким массам нелепость идеи о свержении самодержавия и доказывать, что при помощи мирных стачек плюс изучение „устава о пресечении преступлений“ можно добиться всего, другой орган будет звать передовых рабочих на политическую борьбу с самодержавием, при чем он должен только выразить их

¹⁾ „Петерб. движение и т. д.“ „Раб. дело“, № 6, стр. 33.

²⁾ Там же, 35—36.

³⁾ Акимов. „Оч. развития с.-д. в России, стр. 75.

настроение, а не направлять их и толкать вперед, потому что они без того будут идти впереди развивающегося массового движения.

Правда, это уже не экономическое направление; к „экономистам“ не могут быть причислены ни Б—в, ни авторы Киевского Profession de foi ни даже „Рабочее Дело“. Но это новое направление, с другой стороны, очень далеко и от направления революционных социалдемократов начала 90-х годов, того направления, которое в это время не имело еще ни своего органа, ни своей собственной издательской фирмы, и представители которого в большинстве случаев находились не у дел, в ссылке. Это старое направление выразилось в описываемое время в „Протесте 17-ти“, в брошюре Ленина „Задачи русских социалдемократов“ и в брошюрах Мартова: „Красное знамя в России“ и „Рабочее Дело в России“.

Редакция „Рабочего Дела“ в докладе, представленном ею по поручению „Союза Русских Социал-демократов“ Международному Социалистическому Конгрессу 1900 г. в Париже, отвечая на упрек, что экономисты „суживают свою программу, опускаясь до уровня массы, вместо того, чтобы поднять ее до своего“¹⁾, заявляет, что „в различных местах мы имеем перед собой лишь различные стадии развития одного и того же движения“²⁾... В то время, как рабочие, воспитанные на предшествовавшей экономической борьбе, уже созрели для политической агитации, только что вовлеченные в движение широкие слои рабочих нуждались пока еще только в агитации на чисто экономической почве.к несчастью члены организации „Рабочей Мысли“ стали возводить в принцип сам по себе целесообразный и необходимый вначале агитационный прием, противопоставляя экономическую борьбу политической и отодвигая эту последнюю на задний план“. Но „заметим мимоходом,—продолжает отчет,—что во всей истории русского революционного движения повторяется это печальное явление—стремление возводить на степень единоспасающего догмата известный метод или средство борьбы, оказавшиеся при известных условиях особенно успешными. Мы, однако, твердо убеждены, что широкая основа рабочего движения в связи с его ясными основными принципами охранить русскую социалдемократию в ее целом, несмотря на временные ошибки отдельных ее групп, от лихорадочных тактических

¹⁾ Докл. о русск. с.-д. движ. Межд. соц. Конгрессу в Париже 1900 г. Женева 1901 г., стр. 9.

²⁾ Там же, стр. 11.

скачков из одной крайности в другую, какими отличалось идеологическое движение 70-х годов¹⁾.

Следовательно, „принципы“ „Рабочей Мысли“ сами по себе хороши; беда только в том, что она считала их годными для всех слоев рабочего класса. Тактика „Рабочей Мысли“ является тактикой, необходимой для известной стадии развития, но эта стадия уже пройдена, и нужно переходить к другой тактике, которая подскажется самой жизнью, стихийным ростом рабочего движения. На это стихийное движение все надежды; оно сделает безвредными ошибки отдельных направлений, лишь бы идеологи социал-демократии считались с „насущными потребностями русского рабочего движения на данной ступени его развития“, считались „с разнообразием местных условий и уровнем развития отдельных слоев рабочего класса²⁾. Одним словом, чтобы они твердо помнили, кому надо конституцию, а кому севрюжины с хреном, и притом одновременно, так как конституция есть только более развитая форма севрюжины с хреном, сиречь экономического улучшения. „Политическая борьба рабочего класса,—говорится далее в только что приведенной программной статье редакции Р. Д.,—есть лишь наиболее развитая, широкая и действительная форма экономической борьбы. Ближайшими политическими требованиями рабочего класса в России являются свобода союзов, стачек, собраний, слова, печати и неприкосновенности личности“³⁾, и только. Очевидно, по сведениям редакции Раб. Дела, „насущные потребности самых развитых рабочих не идут дальше этих требований. Когда рабочий класс уже некоторое время поборется за эти свои насущные нужды, тогда редакция предложит ему следующую стадию борьбы, которая уже поведет его „к завоеванию полной политической свободы с равноправным участием всего народа в государственном управлении, т. е. к завоеванию демократической конституции“³⁾.

Как мы видели из *Vademecum'a*, редакция „Союза русской социал-демократии за границу“ из рук группы Освобождение Труда перешла в руки, так называемых, „молодых“, среди которых, по мнению одного из них же Н. Н., „не было ни одного достаточно знакомого с Россией. Молодо—зелено“. И вот эта-то зеленая, незнакомая с Россией редакция думает, что она выражает настроение передовых рабочих, ограничивая их политическую борьбу борьбой за политические реформы, не отвечая тут же прямо на вопрос, возможны ли

¹⁾ Там же, стр. 22.

²⁾ Программная статья редакции. „Раб. Дело“ № 1, а пр. 99 г., стр. 1.

³⁾ Там же, стр. 3.

эти реформы при сохранении самодержавия. „Нечего и говорить,—заявляет практик Б-в,—что этот слой рабочих (т. е. революционеро-рабочих) настроен крайне враждебно к самодержавию. Но не только рабочие революционеры, т. е. сравнительно редкие одиночки, а и весь „промежуточный слой пролетариата“, помимо воздействия интеллигентных агитаторов, интересуется „разницей между неограниченной, конституционной монархией и республиканской формой правления“... „Эта категория рабочих часто интересуется больше вопросами политической жизни, чем своими ближайшими экономическими интересами, связь которых с общими социальными условиями давно понята“¹⁾.

Эта статья практика появилась лишь в № 6 Раб. Дела, т. е. в апреле 1900 г., а программа Раб. Дела была выработана осенью 1898 г. на первом съезде реорганизованного Союза Рус. Социал-демократов. Один из основателей реорганизованного Союза, В. И-н, посвящает статью майским требованиям трех комитетов (Московского, Петербургского и Киевского) 1899 года. „Майские требования российских рабочих,—пишет он,—более скромны, чем западно-европейских, но они диктуются самой жизнью, и для наших рабочих не менее ценны и важны, чем требования 8-ми часового рабочего дня на Западе. Русская социал-демократия в своей партийной программе, конечно, не ограничивается теми требованиями, какие выставлены ныне в майских прокламациях трех комитетов Партии...²⁾. В прошлом году на первомайских прокламациях тех же трех Союзов Борьбы, ныне комитетов, и на прокламации Всеобщего Евр. Союза стояло „8-ми часовой рабочий день“ и „Политическая свобода“. И нет сомнения, что в недалеком будущем эти требования действительно станут у наших рабочих на первую очередь и не сойдут уже с майских требований, пока не будут проведены в жизнь. В нынешнем году наши российские товарищи выставили в майских прокламациях, вместо 8-ми часового рабочего дня и политической свободы, 10-ти часовой день и целый ряд других сравнительно мелких требований. Не понижением классового самосознания, конечно, объясняется эта перемена в тактике русской социал-демократии, а лишь положением рабочего движения в данный момент“³⁾.

Дело в том, что тогда (в 1898 г.) социал-демократы, по мнению В. И-на, заняты были одной лишь пропагандой (это

1) „Петербургское движ. и т. д.“ Р. Д. № 6, стр. 30.

2) Майский праздник в России. Р. Д. № 2—3. Авг. 1899 г., стр. 17.

3) Там же, стр. 17—18.

в самый разгар стачечной борьбы!); поэтому „всякий пункт социал-демократической программы одинаково был далек от осуществления. Русская социал-демократия только просвещала рабочих, но не вела еще их на борьбу. Пропагандист говорил рабочим лишь о борьбе рабочего класса против класса капиталистов, но не касался еще борьбы данных рабочих, рабочих той или другой фабрики с теми или другими и безобразными условиями труда, созданными данным капиталистом. Он говорил о свержении самодержавия, о борьбе за политическую свободу и за полное политическое господство рабочего класса, но не ставил еще те или другие определенные политические требования на первую очередь и не указывал на необходимость в данный момент за них именно бороться“ ¹⁾ (курсив подлинника).

Я подчеркиваю, что В. И-н сравнивает прокламации 1898 и 1899 годов. Появление первых майских прокламаций в России относится к 1895 году (в Москве), когда существовало уже довольно широкое рабочее движение. Но до 1899 года, выставляя те или иные майские требования, организации действительно не ставили их в первую очередь, потому что ни один социал-демократ, до появления „экономистов“, не представлял себе возможности осуществления при самодержавии хоть бы одного из политических требований. Если в той или иной прокламации подчеркивалось, например, требование свободы стачек, то не потому, что она может быть достигнута немедленно, а исключительно потому, что массовому рабочему легче понять необходимость „свободы стачек“; но так как современный политический строй ни в коем случае этой свободы ему не даст и дать не может, то для него сама собой должна стать ясной и необходимость бороться против всего этого строя.

„Если раньше русская социал-демократия,—говорит далее В. И-н,—выставляла те или другие требования от имени нашего рабочего класса (курсив мой. М. Л.) лишь на основании огромной важности их для рабочих (8-ми часовой рабочий день и политическая свобода),—то в настоящее время ей приходится на почве агитации формулировать те требования, какие выдвинуты уже самим ходом рабочего движения, сознаны рабочей массой и поставлены ею на очередь... Этим объясняется и кажущееся „отодвигание политической свободы на второй план“, в чем некоторые так склонны упрекать российскую действующую в настоящее время социал-демократию... Мне нужно срубить и выкорчевать лес, но я оставляю его на время и занимаюсь приготовлением то-

¹⁾ Там же, стр. 19.

поров, пил, корчевальных машин, которых у меня еще нет. Таково, по существу своему, это „отодвигание“ важнейших целей русского рабочего движения, политической свободы, созыва парламента, общего, тайного, прямого и равного для всех избирательного права, 8-ми часового рабочего дня и т. д. (требования майского воззвания 1898 г.)“¹⁾.

Трудно лучше изобразить новое, представленное Рабочим Делом направление, чем это сделал в данной статье В. И-н. Нужно срубить и выкорчевать лес, т. е. покончить с самодержавием. Как же это сделать? Узкие догматики, старые социал-демократы говорили, что на примерах обыденной жизни рабочих нужно выяснить им весь вред для них существования самодержавия. Но так говорили догматики, В. И-н же советует прежде всего приступить к подготовке пил и других орудий, необходимых для корчевания и рубки леса, а такими, именно, орудиями являются, по его мнению, мелкие ближайшие требования, выдвинутые уже самим ходом движения. Конечно, мог возникнуть вопрос, какой чудак станет готовить корчевальную машину, не имея в виду корчевать лес? Но этот вопрос мог возникнуть только благодаря неудачной агитации В. И-на. Сама же по себе мысль ясна: жизнь и стихийная борьба сами выдвигают те требования, удовлетворение которых послужит орудиями борьбы. Если у рабочих будет: свобода стачек, союзов, неприкосновенность личности, 10-ти часовой рабочий день, они уже без труда добьются 8-ми часового рабочего дня и политической свободы, одним словом, легко вырубят лес.

Но как добиться от самодержавия того, что нужно, как заставить правительство, вместо административных ссылок в Сибирь за стачку, судить рабочих-стачечников гласным судом? На это ни В. И-н, ни все направление „Рабочего Дела“ не ответили и ответить не могли. Они не дали никакого определенного ответа, потому что им самим этот ответ рисовался в той же форме, в какой он был дан „Раб. Мыслью“: с одним недовольным разговаривает подмастерье, с двумя-тремя—мастер, с мастерской—директор, с целым заводом—хозяин, с несколькими заводами—министр, а если все рабочие об’единятся и заговорят, то отвечать им будет уже сам царь. И чем выше начальство, с которым будут говорить рабочие, тем большие требования будут удовлетворены²⁾.

В этом смысле „Раб. Дело“, в сравнении с „Раб. Мыслью“, сделало только один шаг вперед: оно считает возможным,

¹⁾ „Майский праздн. 1899 г.“ Раб. Дело, стр. 21.

²⁾ См. ст. „Как мы можем победить“. „Р. М.“ № 3 июнь 1898 г., стр. 1, столб. 2.

чтобы эти „разговоры“ с начальством велись не только во время стачек, но и на демонстрациях. „Союз,—пишет редакция „Рабочего дела“,—в своей прессе будет относиться безусловно сочувственно к попыткам политических манифестаций и в особенности рекомендовать празднование 1-го Мая, как общую демонстрацию в пользу важнейших экономических требований пролетариата и наиболее подходящий момент для заявления ближайших исторических требований“¹⁾. Все требования, выставленные в майских прокламациях, В. И-н считает возможным осуществить уже сейчас, потому что они выставлены „не только на основании огромной важности и желательности для рабочих иметь такие права, но и по тому соображению, что необходимость их признана и вполне понятна огромной массе рабочих“²⁾.

Но вот, выходит новое положение о фабричной инспекции (7 июня 99 г.) и корреспонденции из России приносят целый ряд известий о варварском расстреле мирных стачечников в Варшаве.

„Правительство старается не допускать борьбы рабочих с предпринимателями,—пишет тот же В. И-н в следующем номере „Раб. Дела“;—при каждом их столкновении с ними оно само становится на место хозяев, и само ведет борьбу с рабочими. Таким образом, самодержавное правительство сделалось непосредственным и самым страшным врагом рабочего класса, и само вынуждает на решительную борьбу с ним... Невольно рождается вопрос: преодолевает ли, однако, русский рабочий все грозные силы, которые против него выдвигаются. Не задавит ли в действительности зверское правительство наше все еще молодое и неокрепшее рабочее движение?.. Российской социалдемократии необходимо с полной определенностью выяснить себе, как продолжать в России борьбу, какие средства найдутся в распоряжении русских рабочих, чтобы победить столь сильного врага? Каковы средства борьбы рабочего класса в России? (Курсив В. И-на)... Развитие в массах сознания о непримиримости и враждебности самодержавия жизненным интересам рабочего народа, о необходимости организованной борьбы за политическую свободу и выяснение средств борьбы рабочего класса в России будет лучшим ответом социалдемократов царскому правительству на закон 7-го июня“³⁾.

¹⁾ От редакции „Раб. Дело“, № 1, стр. 4 и 5.

²⁾ Майский праздн. в России, „Р. Д.“ № 2—3, стр. 23.

³⁾ „Фабричная инспекция в России“ „Р. Д.“ № 4 5 стр. 43.

Каков с божьей помощью переворот во взгляде сотрудника Р. Дела в промежуток между двумя номерами этого журнала! То мирное шествие по пути к уже признанным массово политическим реформам, то вдруг „навязывание“ массам сознания непримиримой враждебности самодержавия их жизненным интересам. И все это под влиянием одного фабричного закона об учреждении „Главного по фабричным и горнозаводским делам присутствия“.

Все настроение экономистов и их наследников — „рабочедельцев“ — так тесно связано с мирным поступательным ходом рабочего движения, что решительная мобилизация правительственных сил против него заставила их сразу впасть в истерику и задать себе вопрос: „не задавит ли в действительности правительство молодое движение“? Эта истерика оказалась настолько скандальной, что редакция сочла нужным в следующем номере дать объяснение, что она „попала на страницы „Раб. Дела“ помимо воли большинства редакции“; а В. И-н должен был оговориться, что он имел, конечно, в виду не окончательное подавление движения, а вопрос „о той или другой успешности рабочего движения в данный момент и о возможности временной остановки в нем, чему мы видим примеры и в западно-европейском рабочем движении“ ¹⁾.

Эта истерика интересна, именно, как показатель „чуткости“ „Рабочего Дела“. Малейший новый факт, и оно готово уже изменить свою тактику, отказаться от борьбы за „политические права“, осуществимые при самодержавии, признать, что „беззаконие и произвол — да, ведь, это сама суть самодержавия. На вербе груши не растут, на почве самодержавных порядков могут расти только произвол и насилие. Законное самодержавие это такая же нелепость, как горящая вода или ледяной огонь“ ²⁾, признать это и призывать массу на непосредственную борьбу с самодержавием, уже без всяких промежуточных ступеней.

Но вот истерика, вызванная фабричным законом 99 года прошла, и „Рабочее Дело“ приступает к хладнокровному обсуждению тактики русских социалдемократов. „Идут вразрез с основными учениями Маркса, — пишет Кричевский, — все те, кто относится к стачкам с „трансцендентальным презрением“, в котором Маркс упрекал Прудона и его единомышленников. Но стачки лишь тогда принесут рабочему классу наибольшую пользу, если агитаторы используют все скрытое в них

¹⁾ Заявление. „Р. Дело“ № 6. Апр. 1900 г. стр. 65.

²⁾ Послесловие редакции к письму „О нов. беззаконии русск. правит.“ Р. Д. № 4—5 стр. 55.

политическое содержание, превращая их в наглядный урок политического воспитания массы. Близоруки или ослеплены все те, кто в различных стадиях нашего движения в отдельных местностях видят различные направления. Но все наши организации обязаны стремиться к тому, чтобы как можно скорей повысить уровень движения повсеместно и тем ускорить его тактическое объединение¹⁾.

Обращаю внимание читателя на подчеркнутое мною, дважды повторяющееся словечко „но“. Что означает оно? Признание ли того, что „трансцендентальное презрение к стачкам“ относится не к стачкам вообще, а к тем агитаторам, которые не выполняют поставленного им, Кричевским, условия превращать стачки в наглядный политический урок? Если это так, то при чем здесь сравнение с Прудоном,—ведь, сам Кричевский говорит,— что „тот не социалдемократ, кто не признает политической борьбы рабочего класса“²⁾. Ведь ни один социалдемократ к стачкам вообще презрения не выражал, а выражали его по отношению к тем „белым воронам“, которые, усевшись на шестке „Раб. Мысли“, каркали оттуда, что политической борьбы не надо, к тем основателям „Раб. Дела“, которые в письмах к Аксельроду писали, что безумно, нелепо говорить о свержении самодержавия; одним словом, выражали презрение к тем членам партии, в руках которых экономическая борьба рабочих из школы политического воспитания массы превращалась в средство затуманить классовое сознание пролетарской массы. Но тут на сцену выступает второе „но“ Кричевского. „Близоруки и ослеплены те, кто в различных стадиях нашего движения... видят различные направления“. Значит, карканье этих „белых ворон“, испугавшихся бельгийского антагонизма между рабочими массами и стремящейся к социальной революции интеллигенцией, было лишь необходимой стадией нашего развития? Но тогда, каким организациям дает Кричевский отеческий совет „стремиться к тому, чтобы повысить уровень движения“? Отделяя этот совет частицей „но“ от фразы „близоруки и ослеплены..“, не признает ли он тем самым, что в действительности существовали организации, которые не только уровня движения не повышали, но, наоборот, употребляли все усилия, чтобы принизить, опошлить его? Ведь, повторяет же он мысль, высказанную в отчете Парижскому конгрессу, что „русское революционное движение в целом всегда сильно страдало от одностороннего увлечения каким-либо излюблен-

¹⁾ „Экономич. и политич. борьба в рус. раб. движении“, „Р. Д.“. № 7 авг. 900 г. стр. 18—19.

²⁾ Там же, стр. 2

ным приемом борьбы, в известных условиях давшим благоприятные результаты¹⁾).

Если одна организация возводила в принцип отказ от „политики“, другая—отказ от классовой борьбы, а третья ставила себе задачей социалдемократическую агитацию, то как это следовало понимать? Было ли это различные „стадии“ одного и того же процесса или различные направления, лишь по недоразумению об'единенные под одной общей социалдемократической фирмой? „Действующие в России социалдемократы,—говорит Кричевский,—не отделяют рабочего движения от борьбы с самодержавием, не отделяют экономической борьбы от политической точно так же, как они не противопоставляют самих себя рабочей массе. Наши организации являются лишь руководительницами и воспитательницами массы, ее сознательным авангардом“²⁾).

А „Рабочая Мысль“, а Николаевский комитет, отчет которого был напечатан в „Раб. Деле“, а Екатеринославский комитет во время „брянского бунта“? Были ли все эти организации воспитательницами рабочей массы или плохими резонаторами, очень скверно отражавшими настроение незначительной массы рабочих, вогнутыми зеркалами, окарикатуривавшими рабочее движение? Требуется „известная постепенность в агитационной деятельности наших организаций... Что сказали бы об учителе, который начал бы преподавать высшую математику ученикам, не знающим четырех арифметических правил?.. необходимо считаться с сравнительно низким уровнем среднего русского рабочего, начинать с начала³⁾, т.-е. с чисто экономической борьбы. Когда же рабочий по личному опыту убедится, что на помощь хозяину приходят жандармы и полиция, то обязанность агитатора—выяснить им сущность жандармерии; если же полиция в дело не вмешивается, как это, например, было в 92 г. в Вильне, где она даже помогала рабочим добиваться законного 12-ти часового дня, то против нее агитации отнюдь не вести. „Требования, которые агитатор бросает в массу, должны быть связаны с опытом ее борьбы. Только под этим условием требования эти станут требованиями самой массы“⁴⁾).

Особенно это важно по отношению к политическим требованиям, „которые, по своему характеру общие для всей России, должны, однако, соответствовать опыту, извлеченному данным слоем рабочих из экономической борьбы“. В Екатеринославе, например, две фабрики, на обоих были стачки;

¹⁾ „Экономич. и полит. борьба“. „Р. Дело“ № 7 стр. 7.

²⁾ Там же, стр. 9.

³⁾ Там же, стр. 10.

⁴⁾ Там же стр. 11.

на одной стачка кончилась мирно, а на другой рабочим пришлось познакомиться с казацкими нагайками. И вот, битым рабочим, стало быть, можно говорить о „неприкосновенности личности“, а небитым—нет, потому что они этой неприкосновенности понять еще не могут; для поднятия же их „политического уровня“, по рецепту „Рабочего Дела“, агитатор должен „подтолкнуть“ их на такой шаг, при котором они получили бы наглядный урок необходимости выставить требование неприкосновенности личности, другими словами, на собственном опыте познакомиться с нагайками.

Но тут уже сам Кричевский чувствует, что дело не совсем ладно, и начинает оговариваться; многие-де понимают черезчур буквально, а потому и ложно, значение „массового момента“, вследствие чего у них получается „преобладание местного над общеклассовым моментом“. Если ждать с политической агитацией,—говорит он,—до тех пор, пока вся масса, или хоть большинство ее, станет восприимчивой к политическим требованиям, то мы рисковали бы надолго задержать политический рост этой самой массы... Не бессознательные элементы массы, иногда десятилетиями остающиеся в стороне от борьбы, определяют тактику социалдемократической партии, а ее деятельные, живые, борющиеся элементы, ее передовой отряд. Точно так же мы должны поступать в России—всюду, где масса уже выставила передовой отряд борцов“¹⁾).

Совершенно верно, но к чему же тогда все рассуждения Кричевского о „постепенности в агитационной деятельности“, о знаменитых „стадиях“, о том, чтобы преподносить рабочим же сразу всю программу, а малыми дозами, через час по столовой ложке?

В этом-то и корень различия между революционной социалдемократией и оппортунистами всех стран и всех времен, что одни являются выразителями настроений передового отряда, т.-е. сознательной, революционной части пролетариата, а другие, т.-е. оппортунисты, ищут опоры в бессознательной массе и, заявляя себя выразителями ее настроения, плетутся в хвосте стихийного движения, удерживают и мешают превращению тред-юнионистского, окрашенного в местный цвет сознания, в сознание классовое, социалдемократическое. Лучший пример этой оппортунистической тактики может показать сам Кричевский, который двумя строками ниже своего справедливого заключения о необходимости считаться с настроением передовых рабочих пишет: „И так, как можно скорей переходить от чисто экономической борьбы к агита-

¹⁾ „Экономич. и политич. борьба“. Р. Д. № 7 стр. 18.

ции за ближайшие политические требования, а затем как можно скорей расширить содержание политической агитации—вот основное тактическое правило, обязательное для всех наших организаций“¹⁾).

Разве Кричевский не читал Б—ва, который писал, что не только передовой отряд рабочих, но и весь промежуточный слой вполне уже созрел для восприятия всей политической программы? Да и по его собственным словам тактику нужно строить на настроении передового отряда, а не массы, так для чего же нужна эта промежуточная стадия „ближайших политических требований“, этот шаг назад сравнительно с сознанием уже очень многочисленного по заявлению Б—ва слоя рабочих?

В доказательство успешности проведения в жизнь теории „стадий“ Кричевский ссылается на деятельность Екатеринославского комитета, отчет которого „свидетельствует о блестящем успехе, достигнутом тактикой последовательного перехода от экономической к политической агитации в строгом соответствии с опытом борьбы“²⁾).

В 98 году екатеринославцы начали чисто экономическую борьбу; „выставлять политические требования считалось пока невозможным, так как рабочая масса еще слишком мало боролась за свои экономические требования, а полиция и жандармерия не проявляли такого активного вмешательства в столкновениях между рабочими и хозяевами, которым можно было бы воспользоваться для политической агитации“³⁾. И вот, „всего через два года после начала экономической агитации явилась возможность издавать для широкой массы газету „Южный Рабочий“, носящую резкий политический характер. В передовой статье первого номера этой газеты читаем: „Поэтому и борьба с этим правительством богачей и эксплуататоров, стремление к его ниспровержению и завоевание себе политических прав является жизненной задачей рабочего класса в России, не менее насущной и жизненной, как и вопрос о сокращении рабочего дня, увеличении заработной платы“⁴⁾).

Мне приходилось бывать в Екатеринославе зимой 94—95 года. Там я познакомился с деятельностью старых социал-демократов, которые начали тогда в Екатеринославе агитацию среди массы, именно, той идеи, которую в 900 г. выставил „Южный Рабочий“. Идея эта тогда очень и очень сочувственно принималась теми рабочими, с которыми успела свя-

¹⁾ Там же стр. 18.

²⁾ Там же, стр. 11.

³⁾ „Раб. движ. в Екатеринославе“. Женева 900 г. стр. 6.

⁴⁾ „Эконом. и полит. борьба“ Р. Д. № 7, стр. 12—13.

заться организация. Празднование 1-го мая, принятие устава политической организации показало, что она нашла отклик среди рабочих, несмотря на то, что жандармы не успели еще дать им предметного урока политического воспитания. Но летом 95 года первые социал-демократы провалились, и к 96 году от первой организации не осталось и следа. Но память о ней и результаты ее работы среди массы оказались настолько сильными, что в 97 году, когда первых социал-демократов увозили в Сибирь, тысячная толпа рабочих, без всякой предварительной агитации, бросила работу и пошла провожать их от тюрьмы до вокзала, при чем выражала им свое сочувствие пением революционных песен и революционными возгласами. И после этого явились непомнящие родства „экономисты“ и стали убеждать рабочих, что им еще рано заниматься политикой.

И как чисто „хвостистская“ организация, Екатеринославский комитет начал лишь тогда, когда рабочие самостоятельно помимо него вступили уже на путь политической борьбы; вступили стихийно, бессмысленно, грубо, в виде погрома—на брянском заводе, стройно, сознательно, с речами, обращенными к солдатам, с решительным отпором полиции—на мариупольском заводе.

„Первый раз политические требования были выставлены в воззвании к 1-му мая, написанном и напечатанном самими рабочими... Комитету оставалось только пойти навстречу этому настроению и начать политическую агитацию“¹⁾. И такое поведение социал-демократической организации Кричевский, а с ним и все рабочедельческое направление ставят в пример для подражания, считают лучшей иллюстрацией своих тактических взглядов. Да, если бы екатеринославские экономисты не затуманивали классового самосознания рабочих, если бы они начали в 98 году свою работу с издания органа вроде „Южного Рабочего“ или хотя бы только прокламаций политического содержания, то весьма вероятно, что, пожалуй, находившиеся под их идейным влиянием рабочие брянского завода не проявили бы своего недовольства полицией в виде еврейского и заводского погрома.

А Кричевский пишет: „Таков результат умелого применения тактики политического воспитания массы, прежде всего на опыте ее собственной экономической борьбы“²⁾.

Я еще вернусь к Рабочему Делу, а пока постараюсь формулировать все вышесказанное. По сравнению с „Рабочей Мыслью“, „Рабочее Дело“ сделало шаг вперед; но, сделав

¹⁾ „Рабочее движение в Екатеринославе“, стр. 7.

²⁾ „Эконом. и полит. борьба“, Р. Д., № 7, стр. 13.

этот шаг, оно тем не менее осталось в той же плоскости мышления. Подобно „Рабочей Мысли“ оно продолжало преклоняться перед стихийностью, продолжало смотреть на социал-демократию только, как на выразительницу настроения массы. Переход его к политике обусловливается лишь невозможностью при изменившихся политических и экономических условиях продолжать успешную стачечную борьбу. И этот переход оно совершило лишь после того, когда сама масса стихийно стала искать новых способов борьбы. Еще в 9—10 номере „Листка Работника“, изданного под его редакцией, „Раб. Дело“ аплодировало „Рабочей Мысли“ за ее отказ от политики, и лишь события в Риге и у Максвеля заставили его изменить фронт. Приняв в основу „теорию стадий“, „Рабочее Дело“ отказалось от революционной борьбы с самодержавием и стало на позицию автора „Credo“, N. N., M. M. и прочих „идеологов“ экономизма, которые, как мы видели выше, пуще всего боялись „моря крови“, „серпуховских побойщ“ и всего того, с чем связана революционная борьба. Выдвинутая рабочедельцами теория стадий—это замена революции мирными реформами.

Г Л А В А XXVII.

В 1900 году комитеты Партии существовали уже в Петербурге, Москве Иваново-Вознесенске, Киеве, Екатеринославе, Харькове; кроме того, более или менее постоянные организации были в Одессе, Саратове, Нижнем-Новгороде, Ярославле, Костроме, Твери, Брянске, Полтаве, Кременчуге, Туле, Ростове на-Дону, Николаеве, на Урале и в Тифлисе. В партию, как известно, входил и Бунд. На ряду с Российской С.-Д. Р. П. в то время существовали: Польская С.-Д. Партия, литовская С.-Д. Р. П. и Латышская.

Мы не беремся здесь рассказывать историю каждой из перечисленных организаций. Но как мы уже видели в первой части, история каждой организации в отдельности мало чем отличается от истории всякой другой. В большинстве крупных городов, где велась работа, действовали иногда одновременно несколько организаций. Расколы между ними происходили по самым различным поводам. Впрочем, и внутри одной и той же организации сегодня господствовали „политики“, завтра они проваливались, и их место занимали „экономисты“. Работа, конечно, страдала от этого, кружки почти совершенно не велись. Несмотря на то, что каждая организация считала устройство кружков своим долгом, не будет преувеличением, если мы скажем, что ни одному кружку не

удавалось пройти всей намеченной программы: агитация ото двинула на задний план всякую иную работу.

Само собою разумеется, что и мечты „экономистов“ создать прочные, постоянно действующие кассы также не могли осуществиться. На деле кассы попрежнему оставались лишь агитационным и организационным средством. Они сплывали рабочих, но, вопреки воле и желаниям идеологов „Рабочей Мысли“, сплывали их не для чисто-экономической деятельности на почве улучшения своего положения, а для революционной борьбы. Как ни пытались экономисты убеждать рабочих, что не их дело думать о свержении самодержавия, сама жизнь толкала рабочих к политике. Мирная экономическая борьба была настолько непримирима с самодержавием, что всякий рабочий, начинавший только думать о своем положении, должен был неизбежно стать революционером. Теперешние защитники экономистов главную заслугу их видят в том, что своей экономической агитацией всюду они подняли массу и тем расчистили поле для дальнейшей социал-демократической работы. Но мы уже знаем, что первую массовую агитацию начали не экономисты, а первые революционные социал-демократы, экономисты лишь продолжили их работу, хотя следует признать, что продолжали основательно. Масса была действительно поднята, и поднята настолько, что очень быстро переросла своих учителей и пошла гораздо дальше, совсем по иному пути, чем того желали сами учителя. Как только руководство местным движением из рук экономистов переходило в руки рабочих, последние немедленно начинали политическую агитацию.

Не раз уже цитированный Б—в, говоря о массе рабочих, пишет: „не лишнее также отметить, что всякая нелегальная книга будет прочитана, если книга эта будет умело распространена. Насколько верно понимаются революционные издания, вопрос другой, и несомненно, что они в значительной мере толкуются неправильно, но важен факт все возрастающего интереса к нелегальной литературе... Издания, касающиеся интересов, непосредственно близких каждому рабочему, всегда могут найти большой сбыт в рядах общей массы фабрично-заводского пролетариата и подготовить ее к пониманию вопросов, более сложных. На ряду с этим нужно сказать, что и явления политической жизни вызывают интерес в лучшей части неразвитых рабочих. „Рабочую Мысль“ читают все, даже старики и пьяницы. Более чуткая, более молодая, менее развращенная кабаком и церковью масса, почти никогда не имея возможности достать книгу политического содержания, толкует вкривь и вкось явления политической жизни, задумываясь над отрывочными сведениями

о „бунте студентов“, над часто неверными слухами о жизни за границей, наконец, над явлениями, непосредственно касающимися ее—полицейским произволом и агентами тайной полиции на заводах“¹⁾).

Всякий, кому приходилось сталкиваться с массовыми рабочими, согласится с Б—вым, что это действительно так: каждый листок, какого бы он ни был содержания, если только он затрагивает условия работы на данной фабрике, неизбежно натолкнет рабочего и на политическое размышление. Выяснение эксплуатации на фабрике невольно заставит рабочего задуматься и об эксплуатации его в качестве плательщика податей; выясняя себе свое положение в качестве наемника у капиталиста, он невольно наталкивается и на свое положение в качестве русского подданного. Раз начавшаяся работа мысли уже не прекращается. Правда, подымая массу, экономисты сильно способствовали пробуждению в ней критической мысли; но отказываясь от политики, они заставили эту массу собственными силами проделать всю аналитическую работу, они не облегчили ее. Читая „Рабочую Мысль“, рабочие вынуждены были вкривь и вкось толковать политические явления, так как в своей газете они не находили никаких указаний, и им своим умом приходилось додумываться до объяснения политической и общественной жизни. А что эти объяснения не всегда бывали правильны, подтвердит всякий, кому приходилось сталкиваться с рабочими. Под влиянием „экономической“ агитации, рабочие в конце концов, становились революционерами, но не социал-демократами.

Наследники „Раб. Мысли“, „рабочедельцы“, от одностороннего увлечения экономизмом отказались. Но, оправдав тактику „Рабочей Мысли“, как соответствующую первой стадии развития движения, ограничив задачу второй стадии завоеванием ближайших политических прав и признав в общем то же преклонение перед стихийностью, они, подобно экономистам, оказались не в состоянии направить работу мысли рабочей массы. Правда, затрагивая всевозможные темы, литература „Раб. Дела“ ставила перед массой больше вопросов, чем это делала до сих пор „Раб. Мысль“; но подобно последней и „Раб. Дело“ не помогло рабочим ответить на эти вопросы, не наталкивало мысль рабочих на социал-демократическое решение их и не давало их развитию теоретической дисциплины.

И не только рабочие оказались в таком положении, громадное большинство действовавших интеллигентов-практиков

¹⁾ Петербургское движение, Рабочее Дело, № 6, стр. 31—32.

было более, чем беззаботно насчет теории. Обыденная практика целиком поглотила теорию. Налету прочитывалась революционером (безразлично рабочим или интеллигентом) последняя книжка журнала, где какой-нибудь Струве или Бердяев упражнялись в области „гносеологии“, просматривалась последняя новинка, вроде Бернштейна, Зомбарта, Геркнера, налету усваивалось оттуда несколько положений, усваивалось без критики, только потому, что это новинка, и притом „марксистская“ или „экономическая“ новинка. Тем временем приходит книжка „Раб. Дела“; где читатель-революционер находит оправдание его собственной беспринципности, находит ту же беззаботность по части теории.

Все существующее разумно, все разумное необходимо. Вот единственный принцип „Раб. Дела“. Есть, например, „Раб. Мысль“; говорит она благоглупости,—но она существует, ее читают, масса ею довольна, следовательно, благоглупости „Раб. Мысли“ необходимы для отражения настроения этих масс на определенной стадии развития. И только „ослепленные и близорукие“ могли считать Раб. Мысль особым направлением, не соответствующим социал-демократической точке зрения. Появляется на сцене немецкой социал-демократии Бернштейн. „Рабочее Дело“ не могло, конечно, не знать всего того сумбура, который этот „критик“ произвел в России; оно не могло не слышать, что Зубатов тщательно рекомендует всем сидящим, в особенности рабочим, читать русский перевод Бернштейна, и что же?—орган, который являлся в то время единственным (не местным) социал-демократическим органом, за все время ни разу не счел нужным попытаться разобрать это новое течение. Другого органа нет, в легальной русской литературе „критики“ безраздельно царят, нашим революционным марксистам писать негде. И вот в это время всякий, читающий наши легальные журналы и нелегальное „Рабочее Дело“, должен неизбежно вынести впечатление, что революционное течение в западно-европейских социал-демократических партиях отживает свои последние дни. Бернштейнианство в России означало отказ от всякой социал-демократической деятельности.

Пока у нас царили чистые экономисты, они своей „последовательностью“ отталкивали от себя всех более сознательных и революционно настроенных рабочих, которым не могло быть места в „чисто экономической“ организации, и которые поэтому откалывались и образовывали свои параллельные организации и органы. Но когда воцарилось всемирномирющее „рабочедельчество“, то под его гостеприимным кровом могли найти приют все направления. Ты последователь „Credo“?—изволь, вот тебе широкое поприще выразить

настроение первой стадии рабочего движения; ты „политик“, но боишься пролетарской революции, боишься „моря крови“? — хорошо, и тебе у нас есть место: выражай вторую стадию развития, толкуй и агитируй мирное реформирование самодержавия выклянчиванием у него одного ближайшего политического права за другим. Есть место и революционному социал-демократу: его тактика отвечает третьей стадии. Все это не различные направления, а потому может и должно уживаться в рамках одной и той же организации. Ведь, в каждом городе есть рабочие, стоящие на разных стадиях развития, ну и каждому, стало-быть, соответственно его вкусу, найдется работа. Не надо только увлекаться и свою тактику возводить в принцип.

Облегченный „легальной критикой“ от всякого теоретического багажа мозг русских практиков легко усваивал этот „принцип беспринципности“, восприняв который, сторонники „Рабочего Знамени“ уже без труда могли войти в общую организацию с последователями „Рабочей Мысли“; конкурирующие организации могли сливаться и действительно часто сливались. В смысле интенсивности работа растет так, как она до того времени никогда не расла. Листков выходит масса, растут связи и симпатии в обществе. Общество перестает страшиться самостоятельного рабочего движения. Это движение на пути к тому, чтобы стать могучей, но бессознательной революционной силой.

Когда-то основатели „Рабочего Дела“ упрекали группу „Освобождение Труда“ в том, что она „смотрела на пролетариат, как на орудие для достижения революционной интеллигенцией ее собственных, чуждых рабочим целей“.

Хотя многие места из „тактических“ сочинений Аксельрода и могли давать повод к подобным обвинениям, но та теория, те принципы, которые Аксельрод и вся группа „Осв. Труда“ преподносили рабочим, служили лучшим противоядием их же тактическим планам. Они, эти принципы, являлись надежнейшей гарантией того, что, раз восприняв их, рабочий не сможет уже превратиться в чье бы то ни было орудие, так как пропагандируемые группой принципы были принципами научного социализма, революционной социал-демократии, тактический же план ее был просто безжизнен, а потому и сравнительно безвреден. Наоборот, „Раб. Дело“ предстало перед рабочими в очищенном от всяких принципов и теорий виде, но за то давало вполне жизненный (как вообще у POSSIBILITY) тактический план. И несмотря на то, что оно паки и паки твердило, что „освобождение рабочего класса есть дело самих рабочих“, в действительности, широко раскрыв двери партии, оно контрабандой пропускало туда всех,

кто был заинтересован в использовании рабочего движения в своих непролетарских интересах. Под влиянием рабочедельческого направления фактически стирались классовые грани, отделявшие социал-демократическую рабочую партию от всякой другой.

При господстве „рабочедельчества“ Струве еще нет надобности выходить из рядов партии и образовывать свою. Самая широкая терпимость—вот основная черта „рабочедельчества“. Сама жизнь разберет, что правильно, что нет, а „широкая основа рабочего движения в связи с его ясными основными принципами“ охранит русских рабочих в целом от больших промахов.

По печатному материалу того времени трудно восстановить действительную картину внутренней жизни наших организаций. Правда, у нас есть „устав“, выработанный Петербургским Союзом Борьбы—комитетом партии в октябре 1900 г., но у нас нет никаких данных, чтобы судить о том, был ли этот устав проведен в жизнь. Мы приведем его в том виде, как он напечатан редакцией „Раб. Дела“.

„Ячейку“ союзной рабочей организации составляет центральная группа на каждом заводе или фабрике, группирующая вокруг себя рабочие кружки (не больше 10 человек в каждом), при чем кружки могут выбирать в „Ц. Гр.“ собственных представителей. Условия приема в центр. гр. и в кружки: рекомендация двух членов и ни одного голоса против. Ц. Гр. организует заводскую (фабричную) кассу, в которую все организованные рабочие вносят две коп. с заработанного рубля. Половина месячных взносов поступает в стачечный фонд, кроме того касса оказывает помощь платящим членам. Ц. Гр. ежемесячно дает отчет всем плательщикам о состоянии кассы. Дела, имеющие значение для всех рабочих завода, решаются большинством голосов всех членов кассы. Ц. Гр. устраивает библиотеки, руководит занятиями в кружках, доставляет нелегальную литературу. Выборные на год представители центральных групп всех районов города (или их заместители) составляют районную организацию, заведующую всеми делами района и служащую связью между отдельными заводскими организациями. Новый представитель допускается с общего согласия всех старых представителей. Собрание представителей, происходящее еженедельно, самостоятельно решает только тайные и экстренные дела, касающиеся всего района; все другие дела решаются большинством голосов района. Комитет С. П. Б. Союза, служащий связью между всеми районными организациями города, составляется из выборных каждого района города (или их заместителей) и представителей от исполни-

тельных групп, а, именно, групп пропагандистов, для сношения с провинцией, для сношения с заграницей, для заведывания складами и кассой. Новый член комитета принимается только с согласия всех остальных. Для заведывания агитацией и организацией рабочих по фабрикам и заводам из состава комитета выделяется особая агитационная группа („комитет рабочей организации“), состоящая из выборных от всех районов и одного выборного от представителей исполнительных групп. Комитет старается вызвать к жизни рабочие организации в других городах. Он заведует стачечным фондом, давая отчет каждые 3 месяца. Фонд этот составляется из указанных взносов организованных рабочих и из сумм, поступающих в Кассу Союза с специальным назначением „на помощь стачечникам“. При забастовке в Пб-рге помощь из стачечного фонда оказывается в тех случаях, когда стачка была одобрена агитационной группой комитета. Все общесоюзные дела решаются большинством голосов всех членов союза; тайные и экстренные дела решаются комитетом самостоятельно. Комитет издает рабочую газету, а также брошюры, листки и проч.¹⁾

Перепечатывая этот устав, редакция Раб. Дела с своей стороны замечает: „возможно, что на практике он окажется слишком сложным при русских полицейских условиях, что некоторые его пункты, в особенности строго проведенное в нем выборное начало, придется изменить в интересах конспиративности. Во всяком случае основной характер устава, тесная связь между комитетом и рабочими организациями отдельных заводов и фабрик соответствует испытанному уже типу социал-демократических организаций в России, типу, естественно созданному всей постановкой социал-демократической деятельности“²⁾. С одной стороны, значит, этот план не может осуществиться потому, что он совершенно не считается с конспиративными условиями, но с другой, так как он выработан, написан и отпечатан, значит, он соответствует типу, естественно созданному самой жизнью. Это чисто рабочедельческое рассуждение. Руководящий орган и не думает о том, какой вред для „социал-демократической деятельности“ наносится такой естественно выросшей в мозгу экономистов организацией.

Акимов очень трогательно рассказывает, как создался этот устав. После летних каникул 1900 г. возвращались интеллигенты в Петербург и думали тяжелую думу: отказаться от старых названий или расширить программу организации и:

¹⁾ Листок Раб. Дела № 4. Декабрь 1900, стр. 6.

²⁾ Там же, стр. 7, столб. 2.

соответственно с этим к $n+1$ уже существующих организаций прибавить еще одну. „Все эти трудные вопросы пали сами собой; как только было приступлено к работе, оказалось, что не все было разрушено. Оказалось, что кружки, созданные союзом, не только не распались после разгрома, но сильно развились за лето и представляли теперь целую организацию многих сотен рабочих. Когда к ним явились возвратившиеся в Петербург агитаторы и стали развивать свои планы организации и программы, им было отвечено, что организация и программа уже существуют. Существует „Рабочий Комитет“. Это неожиданное заявление произвело сильное впечатление на интеллигентов. Одних обидел этот холодный и несколько пренебрежительный ответ своим недавним самоотверженным учителям, других он привел в восторг: „наконец-то,—говорили они,—интеллигенция займет подобающее ей место слуги в рабочем движении... Эта первая попытка в Петербурге формулировать в программе свои принципы далеко не является совершенной. Но здесь важно отметить, что политические задачи рабочего движения в ней впервые указаны“¹⁾.

У нас нет, к сожалению, точного текста программы, выработанной самими рабочими во время дачного отдыха экономистов. Перед нами лишь текст ее, опубликованный в № 11 „Рабочей Мысли“, т. е., очевидно, уже переработанный отдохнувшими интеллигентами. Вот этот текст:

„Союз Борьбы за освобождение рабочего класса составляют все лица, принявшие изложенную ниже программу и входящие в состав фабричных и заводских организаций или групп, выполняющих функции по пропаганде, изданию, по доставке и хранению литературы, по сбору денег, по сношениям с другими городами и с границей. Принимая во внимание, что конечной целью рабочего движения является политическое и экономическое освобождение рабочего класса и что такое освобождение может быть достигнуто только социал-демократическим движением широких рабочих масс, СПб. Союз Борьбы ставит своей задачей развитие сознания этих масс помощью пропаганды и агитации по всевозможным конкретным поводам окружающей рабочей жизни. Считая, что отстаивание своих насущных интересов, как бы они мелки не были, воспитывает рабочие массы в социалистическом сознании и подготавливает группы активных борцов за рабочее дело,—Союз оказывает такой борьбе всяческое содействие, стараясь придать всякому неорганизованному движению форму организованной сознательной борьбы против капиталистической эксплуатации и царского произвола.

¹⁾ Акимов. Очерк развития соц.-демократии в России, стр. 81.

„Средством активной борьбы Союз признает частичные забастовки, общие забастовки и политические демонстрации, организованные при широком участии рабочих. Признавая, что самостоятельность рабочих является единственной гарантией успеха рабочего дела, Союз настоятельно рекомендует организацию рабочих в боевые союзы.

„Со всеми соц.-дем. группами Союз идет рука об руку, признавая прочное объединение их делом первостепенной важности.

„Общность врага—правительства — выдвигает на очередь вопрос о временных союзах с прочими революционными фракциями по поводу отдельных частных случаев.

„К изложенным в программе целям Союз идет тремя путями: а) организуя рабочих по заводам и фабрикам для дружной защиты их общих интересов в виду соединенных врагов их—капиталистов и правительства; б) выясняя в сознании всех рабочих их общие интересы, в) руководя самой борьбой рабочих“.

Без сомнения программа эта на целую голову выше всех программных мудрствований интеллигентов из „Раб. Мысли“, но все-таки она остается еще „число рабочей“ программой и очень далека от социал-демократической рабочей программы. Всеоправдывающее „Рабочее Дело“ объясняет это несовпадение тем, что „перед нами, именно, программа деятельности, устанавливающая непосредственные практические задачи С.П.Б. Союза. Только с этой точки зрения и можно правильно оценить ее значение, ее достоинства и недостатки. К ней нельзя прикладывать мерку партийной программы, мотивирующей и устанавливающей общие цели партии..., общий характер программы, преобладающие ее элементы, в сущности, лишь отражают деятельность Союза за все время его существования. Если новая программа впервые ставит на очередь политические демонстрации, все-же она ни ими, ни неразрывно с ними связанной политической агитации не отводит того места, которое они по своей важности должны занимать. Она ограничивается одними упоминаниями об этом средстве активной борьбы, не указывая на необходимость широкой политической агитации среди масс, этого предварительного условия политических демонстраций. Вообще, политические элементы программы недостаточно ясно выступают в общем фоне. Что социал-демократия действует на основе массового движения, что она должна руководить борьбой массы и придать этой борьбе сознательный характер, это руководящее правило социал-демократической тактики уже давно сделалось общим достоянием и применяется повсеместно („Раб. Дело“, вероятно, забыло в эту

минуту о деятельности „Раб. Мысли“ и прочих экономистов, которые именно не считали для себя обязательным это руководящее правило. М. Л.). Не им определяются задачи данного момента, и потому не оно должно стоять в центре программы, желающей наметить непосредственные практические задачи. Наше движение стоит теперь, как мы уже не раз подробно доказывали, перед задачей—вовлечь рабочую массу в активную политическую борьбу“¹⁾.

Органом комитета (Союза Борьбы) считается „Раб. Мысль“, органом „Раб. Комитета“, входящего в тот же союз, становится „СПБургский рабочий листок“. „Рабочая Мысль“, таким образом, перестает быть рабочей газетой. Издаваясь теперь за границей, она не в силах выполнить задачу органа, быстро осведомляющего рабочую массу о положении вещей в Питере, а иной задачи она, как рабочая газета, сначала и не ставила себе. Ее же, так называемые, „теоретические“, руководящие статьи так непонятно, так непопулярно написаны, что вызывают со стороны рабочих протест. „Что поймет рабочий из кучи терминов, предлагаемых ему газетой“,—спрашивает „практик-рабочий“,—и это в его органе, который именуется себя „Рабочей Мыслью“. „Огня больше! Жизни больше, а не сухой схоластики! Рабочий знает, кто сидит на его загорбке, ох, как знает! Нужно только, чтобы с первого же слова сердце его забилося сильнее, и он не удержался, чтобы не сходить к соседу и с „чувством, с толком, с расстановкой“ не передать ему, как клокочет его кровь и разрывается сердце при виде такой тьмы человеческого насилия... Располагая фактами и сообщениями из разных мест, сотрудники „Раб. Мысли“ должны делать сводки и указывать, как слагается общее насилие царской власти из этих частных, хозяйских, чиновничьих и жандармских притеснений, при чем нужны простота, ясность и воодушевленность. Пусть в личности мало сил для этого. Не бойтесь, ставьте цель, и вы увидите, как скоро она будет достигнута, вы увидите, что рабочий не просто рабочий, которому нужен кусок хлеба, а еще и честный человек, у которого есть долг гражданина и самоотверженность интеллигента“²⁾. „Мы поняли, что так жить и трудно, и скучно, и позорно. Мы решили отстоять во что бы то ни стало жизнь свою, честь свою, свою свободу. Для этого мы соединились вместе“,—так пишет в своем воззвании Рабочий Комитет³⁾.

¹⁾ Листок „Раб. Дела“ № 4, стр. 7, столб. 1 и 2.

²⁾ Письмо в редакцию „Раб. Мысль“ № 8, февр. 1900 г., стр. 10, столб. № 2 и 3.

³⁾ Перепечатан в „Раб. Мысли“ № 9, сент. 1900 г.

Получили Иваново-Вознесенские рабочие из Питера первомайские листки; „оказалось, что распространенные листки вызвали негодование против тех же листов,—пишет Рабочий за рабочих.—В Иваново-Вознесенске работают девять часов чуть ли не на всех фабриках, а им предлагают требовать десятичасового раб. дня. Эх, господа составители, писатели и доброжелатели, этак можно много натворить пакостей рабочим... Я, рабочий, протестую против такой скверной (извините за выражение) постановки дела, против таких отживших и предосудительных приемов... Опять-же, требовать суда присяжных над стачечниками! Разве это не есть смешная ирония? Это значит, что мы будем признавать справедливость преследования стачек. Для нас нужен не суд присяжных над стачечниками, а полная свобода стачек“¹⁾. Не мудрено после всего этого, что сознательные рабочие во что бы то ни стало старались отделаться от опеки таких руководителей, указать такой интеллигенции ее положение „только слуги в рабочем движении“.

Широкая тенденция к демократизации наших организаций, к противопоставлению выборных рабочих комитетов самочинным интеллигентским комитетам объясняется не враждебностью и недоверием рабочих к интеллигентам (вообще, не протестом против навязывания им социалдемократической программы, а исключительно протестом против наличного состава „интеллигентных руководителей“, которые всей своей пошибилистической деятельностью, своим антиреволюционным настроением и убожеством своего теоретического багажа действительно только мешали рабочему движению, тормозили ход его революционизирования.

Иваново-Вознесенские рабочие, которым петербургские „экономисты“ с благословения „Раб. Дела“²⁾ предлагали, чтобы они, добившиеся уже 9-часового рабочего дня, начали потихоньку, да полегоньку борьбу за 10-час. рабочий день, выпускают воззвание ко всем русским рабочим организациям. Указав, „что грубый деспотизм, под давлением которого мы находимся, стоит тормазом рабочему движению в борьбе с капиталистами“, иваново-вознесенские рабочие продолжают: „Напрасно мы ищем у правительства защиты своих интересов... Факты показали, что оно никогда не было на стороне рабочих, да и не будет до тех пор, пока рабочие не заберут все в свои руки. Оно обещает и дает нам только ружья, нагайки, тюрьмы и высылку.

¹⁾ Из Иваново-Вознесенска „Искра“ № 6, Июль 1901, стр. 5.

²⁾ См. ст. В. И-на Майский праздник в России. „Раб. Дело“, № 2—3.

„Также и крестьянам, что оно может дать и обещать? Разоряя их и выжимая последние соки, оно гонит их миллионами из родных деревень в города, где они являются конкурентами рабочей армии, или заставляет выселяться на новые места, на произвол судьбы, навстречу всевозможным условиям самой горькой жизни. Вот как правительство заботится об участи рабочих и бедных крестьян! Заботы его уже довели крестьян до голода. Оно помогает капиталистам и фабрикантам ковать себе капитал, а рабочих все более заковывать в цепи этого капитала.

„Товарищи, оставим надежду на правительство. Воспитаем в себе мысль, что нам надо бороться с правительством и капиталистами. Об'единим себя духом могучего орудия истины, и кончится час нашего угнетения; и выйдем на дорогу более широкую для борьбы за признание своих прав и защиту интересов всего рабочего класса. Да здравствует русский рабочий народ. Да здравствует социалдемократия!“

В заключение этого воззвания, которое носит подзаголовок—„Из русского Манчестера“, „Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“, „Освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих“,—„Выборный комитет“ возбуждает вопрос о созыве всероссийского конгресса (с'езда) рабочих ¹⁾. „Борясь за признание наших прав и заботясь о расширении пропаганды среди рабочего класса, обращаемся к вам за содействием этому общему делу. Пора нам связать отдельные организации в один общий союз для ведения и расширения пропаганды в местах, где не существует еще рабочей организованной партии: для взаимного обмена средствами и литературой; для пред'явления одинаковых требований в забастовках рабочих; для передачи всех сведений о рабочем движении, о действиях правительства и фабричной администрации; для присылки— в случае сильных арестов—рабочих агитаторов, чтобы поддержать разорившееся гнездо рабочей партии.—Выборный комитет „Союза рабочих русского Манчестера“ (Иваново-Вознесенска) обращается ко всем рабочим организациям России: не найдут-ли они возможным устроить в этом году Всероссийский Конгресс рабочих. Цель конгресса: 1) обмен мыслей представителей отдельных организаций о ходе пропаганды и рабочего движения, 2) связь и об'единение в общий рабочий союз, 3) обсуждение вопросов текущей деятельности рабочего движения, 4) суждения о мерах социалдемократической партии

¹⁾ Мы видим, что напрасно теперешние ученики экономистов меньшевики „плодотворную“ идею о созыве „рабочего с'езда“ приписывают инициативе Аксельрода. Инициатива эта впервые проявлена Ив.-Вознесенским выборным комитетом в феврале 1900 г.

в действиях против правительства и капиталистов, 5) об издании нелегальной литературы и передаче оной во все организации, 6) о всяких других возникающих вопросах. Желательно, чтобы интеллигенты не были представителями, а исключительно рабочие“. Под этим воззванием подпись Социалдемократического Союза рабочих Русского Манчестера“¹⁾.

Это должен был быть чисто практический съезд для выработки, употребляя выражение „Раб. Дела“, „программы деятельности“, которую не следует смешивать с программой „партийной“. И это характерно для действовавших в то время практиков: они не чувствуют непосредственной связи между идейным шатанием и той неурядицей, которая при каждом начинании проявляется в их практической работе, они не сознают идейного разброда, который царит в рядах нашей партии. Они только практики и знать не хотят теории. „Теоретический“ же орган заграничного Союза высказывает „глубокое убеждение, что этот братский призыв наших товарищей“ из „Русского Манчестера“ найдет горячий отклик в сердцах организованных рабочих всей России. Он свидетельствует, что в сознании передовых отрядов русской армии рабочих чувствуется все более настоятельная потребность объединения, действия сообща, взаимной помощи и дружной борьбы с общим врагом—правительством и капиталистами“²⁾. И, приветствуя этот призыв, „Раб. Дело“ с своей стороны не считает нужным указать практикам-рабочим, что без теоретической программы социалдемократическую партию создать нельзя. Перечислив ряд чисто практических вопросов, которые должен решить съезд, „Раб. Дело“ в заключение говорит: „Эти жизненные задачи, общие всем социалдемократическим организациям России, имеют громадное значение для русского рабочего движения. От их решения зависит дальнейший успех всего рабочего дела в России“³⁾.

Характерно, что, приводя важнейшую часть воззвания, Раб. Дело не сочло нужным перепечатать примечание о том, чтобы представителями на конгресс не выбирались интеллигенты, а только рабочие. Ни слова не говорится об этом и в редакционной статье, посвященной этому воззванию, так что мы не имеем возможности узнать, как относилась редакция к этому вопросу. Говоря о том, что предлагаемый съезд продолжит работу, начатую на первом съезде Росс. С.-Д. Р. П., редакция, очевидно, предполагает, что и этот

¹⁾ Перепечатано в „Раб. Мысли“ № 8 февраль 1900 г., стр. 1.

²⁾ „Раб. Дело“ № 6, Апрель 1900, стр. 73.

³⁾ „Раб. Дело“ № 6, стр. 74.

с'езд будет „социалдемократическим“, а не только „рабочим“. Во всяком случае, она не указывает на разницу между этими двумя понятиями. Впрочем, Ивано-Вознесенский Выборный Комитет обращается ко всем рабочим организациям, а в то время все рабочие организации считали себя социалдемократическими; подчеркивая слово же „рабочие“, инициаторы с'езда противопоставляют их интеллигентским организациям,—комитетам невыборным. И в Киеве, и в Одессе, и в Екатеринославле, и в Москве в это время уже существовало это деление на „рабочие“ и „не рабочие“ комитеты, которые хотя и составляли общую организацию, но каждый преследовал определенную функцию, при чем на долю Раб. Комитетов обыкновенно приходилась организационная и агитационная работа, на долю же интеллигентских—работа техническая и литературная.

Несомненно, что с переходом к широкой массовой политической агитации потребность в общих партийных действиях и в общепартийной осведомленности должна была ощущаться все сильнее и сильнее. Тем не менее, однако, воззвание Ив.-Вознесенска не находит отклика; каждая местная организация целиком ушла в свою местную, чисто кустарную работу, и дальше своих приходских дел она ничего не знает и не хочет знать. Укрепить местное движение, вот конечный идеал каждого местного практика. Издаваемые газеты („Раб. Мысль“, киевский „Вперед“ ¹⁾, „Петербургский Рабочий Листок“ ²⁾, „Саратовский Рабочий“ ³⁾, „Саратовская Рабочая Газета“ ⁴⁾, николаевское „Наше Дело“ ⁵⁾, нижегородская „Рабочая Газета“ ⁶⁾, московская „Волна“ ⁷⁾, одесское „Рабочее Слово“ ⁸⁾ носят тот же чисто приходский, чисто практический характер. Каждая местная организация — это совершенно изолированный островок, который, нисколько не считаясь с соседними организациями, сам вырабатывает себе свою тактику, своим умом доходит до своей „программы“. Существуют или не существуют в данной местности литературные силы—местный орган и прокламации должны быть написаны и напечатаны. И нередко случаи, когда с просьбой написать прокламацию или статью для органа обращаются к случайно живущим в городе литераторам, ничего общего с социалде-

¹⁾ С 97 до 901 г. вышло 10 №№.

²⁾ Вышло 8 №№.

³⁾ Вышло 2 №№.

⁴⁾ За 1900—901 г. вышло 7 №№.

⁵⁾ Вышло 3 №№ за 97—98 г.

⁶⁾ Вышел 1 № в 1901 г.

⁷⁾ Изд. одной Московской группы; за 99—900 г. вышло 2 №№.

⁸⁾ 1 № в 1901 г.

мократией не имеющим. Раз перешли к „политике“, тут уж выдержанного тона не требуется для того, чтобы удачно „продернуть“ правительство, не требуется быть социалдемократом. Это буквальное выражение, которое мне не раз приходилось слышать.

Нельзя, однако, сказать, чтобы так смотрели все „практики“. В Петербурге, например, образуется группа „Социалист“, которая начинает борьбу против того „практицизма“ и „поссибилизма“, благодаря которым совершенно покинута классовая социалдемократическая точка зрения. Эта группа начинает издавать „Социалдемократическую рабочую библиотеку“. „Необходимо развивать и воспитывать массу политически,—говорит редакция этого органа,—т. е. научать не только понимать значение ближайших политических требований, но и понимать значение политической борьбы в широком смысле слова.. Наше правительство—враг его (рабочего) уже, как самодержавное правительство, как форма власти, с которой рабочий вообще не может ужиться, так как она может быть только деспотичной.. Способствовать созданию знающих пропагандистов и убежденных агитаторов, усилению интенсивности рабочего движения вообще.. вот цель „Рабочей библиотеки“¹⁾.

„Южный Рабочий“ тоже не может быть отнесен к обычному типу местных газет. „Приступая к изданию Екатеринославской газеты „Южный Рабочий“,—говорит редакция в своей вступительной статье,—мы думаем, что идем навстречу назревшим потребностям всего юга России, в частности екатеринославских рабочих: чем более развивается рабочее движение, чем чаще оно приходит в столкновение с политическими условиями русской жизни, тем настоятельнее чувствуется потребность в об'единяющем органе, который отмечал бы все моменты и всесторонне освещал бы факты, выдвигаемые происходящей борьбой“... „Борьба с этим правительством богачей и эксплуататоров, стремление к его ниспровержению и завоеванию политических прав является жизненной задачей рабочего класса в России, задачей не менее насущной и жизненной, чем вопрос о сокращении рабочего дня и увеличении заработной платы“. Редакционная статья заканчивается призывом ко всем южно-русским рабочим встать „под красное знамя Р. С.-Д. Р. П. на защиту своих прав, на обеспечение себе лучшего положения, на установление на земле царства справедливости, свободы и братства и, вместе с рабочими других мест, вместе с рабочими всего мира, подхватить боевой клич, который раздался 52 года

¹⁾ „Социал-демократическая Рабочая Библиотека“ № 1, 1900 г.

тому назад в Европе, обращенный с призывом ко всем угнетенным и эксплуатируемым, указывая им путь освобождения— клич этот—пролетарии всех стран, соединяйтесь!“¹⁾

Несмотря на провал и арест типографии, последовавшие вскоре после выхода № 1-го „Южн. Рабочего“, удается в июне выпустить—№ 2-й, в ноябре—3-й. Уже в третьем номере „Южн. Рабочий“ значительно расширяет сферу своей деятельности; он обращается уже не только к южным рабочим, но и ко всему русскому пролетариату. Здесь в первый раз к совместному выступлению призывается весь пролетариат.

14-го июля варшавский генерал-губернатор издал приказ, по которому 9 польских рабочих предаются военному суду за убийство шпиона. „Южный Рабочий“ счел своим правом и долгом протестовать против этого факта не только от имени одной местной организации, но и от имени всей партии. За подписью Р. С.-Д. Р. П. выпускает он особую прокламацию по этому поводу: „Все русские рабочие,—читаем мы в этой прокламации,—должны понять и оценить, что значит эта новая ласка русского правительства... Против нас, против всех направлены эти кровавые угрозы русского правительства... трупами наших польских товарищей хотят остановить рабочее движение... и мы не можем равнодушно смотреть, как их незаконно казнят военный суд. Товарищи, мы призываем вас всеми силами, всеми средствами протестовать против военных судов, против кровавых замыслов правительства. Если во всех городах мы заявим массовый общий протест и выразим свое негодование, то правительство увидит, что рабочий люд не дает безнаказанно убивать своих братьев... 1) Устраивайте забастовки и требуйте отмены военных и чрезвычайных судов и пересмотра дела Свидерского и Возняка судом присяжных, 2) собирайте большие собрания для составления протеста и разрешайте комитетам партии действовать от вашего имени, 3) собирайте средства для помощи семействам осужденных“²⁾.

Прокламацию эту „Южн. Рабочему“ удалось разослать по 18 городам, но до массового действия дело не дошло, так как очень многие местные организации не решались поддержать призыв „Южн. Рабочего“. Интересы местной работы пересилили интересы всего рабочего класса в целом. Практика местная не могла понять громадного политического и воспитательного значения такого общего всероссийского протеста.

¹⁾ „Южн. Рабочий“ № 1 Екатерин. раб. газет. Январь 1900 изд. Екат. Комит. партии.

²⁾ „Ко всем рабочим и работницам России“ изд. Южн. Рабочего.

„Забастовки, которые принесли так много пользы в борьбе за наши экономические интересы и для развития политического сознания среди рабочей массы,—пишет по поводу этого воззвания орган кустарничества и приходских интересов „Раб. Дело“,—далеко не всегда пригодны, как средство политической борьбы. В борьбе с правительством наиболее подходящим средством в настоящее время является манифестация“¹⁾, но, к сожалению, мы еще к ним не подготовлены, кроме того, „прокламация выпущена от имени Р. С.-Д. Р. П., но составлена она была одним комитетом партии по совету с другими, а прочие узнали о ней, когда она уже была напечатана и прислана им. Отсюда разные недоразумения. Прокламацию распространить, пожалуй, и не трудно, но, ведь, она призывает рабочих к забастовке, а местный комитет партии как раз к этому не приготовился... Вообще, такое трудное дело, как обращение к рабочим всей России, не под силу одному местному комитету“²⁾. Одним словом, „всяк сверчок знай свой шесток“. Просвещайте сознание саратовских, московских, екатеринославских рабочих, устраивайте революцию в Кременчуге, в Харькове, Вилковишках, но не смейте призывать к всероссийской революции, не думайте об общих задачах всего русского пролетариата, ибо может случиться, что когда раздастся призыв к общерусскому действию—соответствующему стадии „политических манифестаций“, одесские или полтавские рабочие окажутся еще на стадии „чисто экономической борьбы“. Вот сущность всех рассуждений местных практиков и их „органа“ „Рабочего Дела“.

Г Л А В А XXVIII.

В 1900 г. в нелегальной печати почти одновременно появились два объявления: одно—„О возобновлении изданий Группы „Освобождение Труда“ за подписью Плеханова и Аксельрода, другое анонимное, за подписью: „редакция“—о предполагаемом выходе в свет газеты „Искра“.

„Под влиянием всепоглощающей практической деятельности в сфере пропаганды и агитации среди рабочих,—пишут Аксельрод и Плеханов,—и сильного запроса на популярные издания для рабочей массы, в связи с попытками отстаивания, так называемого, „экономического“ материализма в легальной печати интерес к литературе, посвященной научно-публи-

¹⁾ Там же.

²⁾ Сибиряк „военный“ над польскими рабочими“ Листок „Раб. Дела“ № 3 Окт. 1900 г., стр. 5.

цистической обработке на русском языке теоретических и практических вопросов социалдемократии, до крайности ослабел в последние годы среди активных элементов нашего движения". Задачи, стоящие перед русской социалдемократией, „требуют от нея неустанной самокритики и зоркого внимания к теоретической стороне революционного движения пролетариата. Она приобрела господствующее положение на арене революционного движения в России. Но в то же время на периферии и даже внутри ее образовалось течение, прямо противоположное духу учений социалдемократии, течение, представляющее собою серьезную опасность для ее дальнейшего развития“ ¹⁾.

Далее авторы объявления, ссылаясь на „протест 17“, этих „теоретически наиболее сознательных из активных представителей и основателей партии“, на их предостережение от „грозящего совращения русской социалдемократии с намеченного ею пути“ и на их призыв „объявить решительную войну всему кругу идей“, на которые опирается так называемое „чисто экономическое течение“, заявляют, что „члены группы „Освоб. Труда“ считают себя обязанными пойти навстречу этому призыву компетентных товарищей к решительной войне против циркулирующих у нас под нашим собственным флагом идей и понятий, принципиально враждебных социалдемократии... Первоначальным источником этих идей и понятий послужило слишком буквальное, догматическое и прямо вульгарное толкование учения научного социализма о классовой борьбе и о роли экономических отношений, как исторического двигателя“ ²⁾. Этим объясняется враждебное отношение таких социалдемократов к революционному движению 70-х и начала 80-х годов. В этом „чисто-рабочем“ направлении авторы видят воскрешение реакционной стороны народничества. „Точка зрения группы или групп, о которых здесь идет речь, не допускает не только выработки вполне социалдемократической тактики, но и даже принципиальной постановки вопроса о политической роли и задачах нашего движения“ ³⁾.

Особенно опасно стало это движение, когда оно начало искать себе теоретической поддержки у Бернштейна и других критиков марксизма. „Первоначальные воззрения представителей антиполитического направления в нашем движении в очень существенных пунктах прямо противоположны были воззрениям бернштейнцев. Но нашлись мудрецы, которые

¹⁾ Объявление о возобновлении изданий гр. „Осв. Тр.“ Vademekum. Жен. 1900 г., стр. 61.

²⁾ Там же, стр. 62.

³⁾ Там же, стр. 63.

ухитрились образовать из тех и других своеобразную идейную смесь и сделать из нее теоретическую основу для принципиальной борьбы против стремлений, направленных к организации политического движения среди русских рабочих. Вражда к этим стремлениям мотивируется уже не временными тактическими или примитивными педагогическими соображениями, а принципиальными, в силу которых сама идея организации самостоятельной рабочей политической партии является ничем иным, как зловредной утопией, „продуктом переноса чужих задач, чужих результатов на нашу почву“.

Программа автора *Credo*, по мнению группы *Осв. Труда*, „ведет к тому, что русская социалдемократия должна отказаться от всяких революционных помыслов и действий, и завершить свое кратковременное существование таким же образом, как и народничество, именно превратиться в партию мирных культуртрегеров, живущих и действующих в порях „либерального общества“. Но народничество может указать на славные традиции своего революционного прошлого, оно недаром появилось на исторической сцене, как противник скромного, умеренного, трезвого, словом, обывательского либерализма. Русская же социалдемократия, всего только без году неделя выступившая, как активная боевая сила, на историческое поприще, произнесла бы смертный приговор и над своим кратковременным прошлым и над своим будущим, если бы она, по совету своих мнимых друзей, отказалась от преследования революционных задач революционными методами. Ради жалкой роли, которую предлагают ей эти „друзья“, не стоило ей являться на свет божий, а усилия, потраченные на то, чтобы доставить ей преобладание над остатками старых революционных фракций, не только лишили бы ее всякого реального смысла, но и заслужили бы еще названия преступлений в историческом смысле... Но антиреволюционная социалдемократия так же немислима, как мокрый огонь или сухая вода“¹⁾. Поэтому, если восторжествуют идеи, против которых выступили с протестом 17 практиков, это означает прекращение самого существования, смерть социалдемократического движения, поэтому Группа считает себя обязанной „рука об руку“ с протестантами выступить против воззрений, пропагандируемых русскими бернштейнианцами. Борьба с ними, это борьба за существование социалдемократии в современной России... „Когда мы в начале 80-х годов подняли знамя социалдемократии в русской заграничной печати, задачи наши заранее определялись тем обстоятельством, что социалдемократического движения в России в то время еще не было,

¹⁾ „Объявление“ *Vademecum*, стр. 64.

что для возникновения его необходимо было прежде всего теоретически проложить ему путь, и что главным идейным препятствием или камнем преткновения для этого являлись иллюзии радикальной интеллигенции насчет направления перспективы нашего экономического развития и отрицательного отношения той же интеллигенции к социально-экономическому и революционному значению нарождающегося русского пролетариата ¹⁾).

Поэтому, тогда главная роль отводилась полемике с народниками, велась ежедневная борьба с демократическими фракциями „за право гражданства рабочего движения и социалдемократии в русской действительности“. Теперь, раз уже социалдемократическое движение стало всеми признанным фактом, такая полемика утратила уже свое значение. „В настоящее время для социалдемократической прессы на первом плане стоит вопрос об интересах и задачах, вообще о дальнейшем развитии движения социалдемократического, которое уже существует, но существованию которого грозит опасность изнутри, со стороны отдельных лиц и групп, формально или по названию примыкающих к нему. С этой точки зрения одной из важнейших задач нашей литературы является беспощадная критика бернштейновских и других антиреволюционных тенденций, нашедших себе приют в лагере самих социалдемократов. С той же точки зрения, мы полагаем, что в настоящий момент социалдемократическая пресса обязана выдвигать и подчеркивать те стороны и те практические стремления, которые общи нашему движению с революционным народничеством. Тем же соображением мы будем руководствоваться и в оценке всех важнейших явлений русской действительности... Убеждать радикальную интеллигенцию в жизнеспособности рабочего движения уже не приходится, она теперь убеждена, что „уже спокон веков в этом не сомневалась“, теперь задача гр. „Осв. Тр.“ „непримиримая теоретическая борьба с антиреволюционными элементами в нашей партии и выяснение тактических задач, подсказываемых ей как ее конечной целью, так и социально-политическими особенностями данной минуты“ ²⁾).

Аксельрод и Плеханов в этом об'явлении верно охарактеризовали всю предшествовавшую роль гр. „Освоб. Труда“. Эта роль сводилась главным образом к борьбе с народничеством за преобладание среди „радикальной интеллигенции“. В этой борьбе победила гр. „Осв. Труда“. „Радикальная интеллигенция“ убедилась в ложности народнических иллюзий, признала экономическую основу рабочего движения, вошла в ряды марксистов и социалдемократов, но в значительной степени

¹⁾ „Об'явление“ Vademekum, стр. 65.

²⁾ „Об'явление“ Vademekum, стр. 65—66.

вошла лишь формально, не превратившись от одного этого формального вступления из „радикальной“ в „социал-демократическую“ интеллигенцию. Дальнейшая работа Группы рисуется авторам об'явления, как продолжение воздействия на ту же интеллигенцию, для чего необходимо ссылками на революционное прошлое народничества восстановить в ее памяти ее прежнюю историю. Подчеркиванием тех сторон и тех практических стремлений, которые общи у нас с революционным народничеством, нужно сбить с нее бернштейновскую ересь и убедить ее, что социалдемократическое движение не может быть антиреволюционным. Одним словом, об'ектом воздействия должна остаться та же „радикальная интеллигенция“.

Основатели и первые борцы русского марксизма, оторванные и совершенно незнакомые на деле с русским рабочим социалдемократическим движением, иначе поставить вопрос и не могли. Они не могли себе представить, что массовое вовлечение „радикальной“, непролетарской интеллигенции в ряды социалдемократии явилось в значительной, если не в преобладающей степени, не результатом „теоретической“ победы марксизма над народничеством, а результатом могучего выступления рабочего класса, который, как единственная революционная сила, увлек в свои ряды всех тех, которые стремились к изменению существующего политического режима, но не находили до тех пор ни в себе, ни вокруг себя реальной силы, которая этот режим могла бы изменить. Русское бернштейнианство, преклонение перед „кругом идей“ *Credo*, вся та идейная смесь, о которой говорят Плеханов и Аксельрод, были не причинами стремления свернуть социалдемократию с революционного пути на путь мирных реформ, а лишь показателями этого уже существующего стремления, стремления неизбежного у „радикальной“ непролетарской интеллигенции. Этого не могли понять эмигранты, судившие о рабочем движении со слов той же „радикальной“ интеллигенции, наполнявшей заграничные колонии.

Но то, чего не поняли основатели и первые борцы русского марксизма, отлично поняли основатели и первые борцы русской социалдемократии. „Мы переживаем крайне важный момент в истории русского рабочего движения и русской социалдемократии,— писала в об'явлении о выходе в свет газеты „Искра“ первоначальная редакция этой газеты, состоявшая, именно, из этих первых социал-демократов¹⁾. Последние годы характеризуются поразительно быстрым распространением социалдемократических идей среди нашей

¹⁾ Ленин, Мартов и Потресов. Автор этого об'явления Ленин.

интеллигенции, а навстречу этому течению общественной мысли идет самостоятельно возникшее движение промышленного пролетариата, который начинает объединяться и бороться против своих угнетателей, начинает с жадностью стремиться к социализму". Оно растет с неудержимой силой, но „главная черта нашего движения, которая особенно бросается в глаза в последнее время—его разобщенность, его, так сказать, кустарнический характер; местные кружки возникают и действуют независимо друг от друга и даже (что особенно важно) независимо от кружков, действовавших и действующих в тех же центрах: не устанавливается традиций, нет преемственности, а местная литература всецело отражает раздробленность и отсутствие связи с тем, что уже создано русской социалдемократией. Несоответственность этой раздробленности с запросами, выдвигаемыми силой и широтой движения, создает, по нашему мнению, критический момент в его развитии. В самом движении с неудержимой силой сказывается потребность упрочиться и выработать определенную физиономию и организацию, а между тем в среде практически действующих социалдемократов необходимость такого перехода к высшей форме движения сознается далеко не везде. В довольно широких кругах наблюдается, наоборот, шатание мысли, увлечение модной критикой марксизма и, так называемого, экономического направления и в неразрывной связи с этим — стремление задержать движение на его низшей стадии, стремление отодвинуть на второй план задачу образования революционной партии, ведущей борьбу во главе всего народа... Узкий практицизм, оторванный от теоретического движения, грозит совратить движение на ложную дорогу... неверно утверждение „Раб. Дела“, что *Credo* представляет собой не больше, как мнение единичных лиц, что направление „Раб. Мысли“ выражает лишь сумбурность ее редакции, а не особое направление в самом ходе русского рабочего движения. Это направление все же существует, а рядом с ним и в произведениях писателей, которых читающая публика с большим или меньшим основанием считала до сих пор видными представителями „легального марксизма“, все более и более обнаруживается поворот к воззрениям, сближающим их с буржуазной апологетикой... Результатом всего этого явился тот разброд и та анархия, благодаря которым эксмарксист или, верней, экссоциалист Бернштейн, перечисляя свои успехи, мог печатно заявить, не встречая возражений, будто бы большинство действующих в России социалдемократов состоит из его последователей“.

Указав на действительное положение работы на местах, подчеркнув фактическую оторванность организаций друг от

друга, отсутствие у местных работников выработанной всей предыдущей деятельностью традиции, редакция „Искры“ тем самым указывает на причину, почему такие не социалдемократические идеи могут, не находя отпора, распространяться среди практиков. И это будет продолжаться до тех пор, пока все действующие социалдемократы не сплотятся и не направят все свои усилия „на образование крепкой партии, борющейся под единым знаменем революционной социалдемократии“. Но как сплотиться, как возобновить ту партию, в которой, признавая ее „манифест“, причисляют себя и члены редакции „Искры“? На это обычно отвечают: „необходимо выбрать центральное учреждение и подчинить ему организацию партии“. По мнению редакции, в данную минуту этот путь нецелесообразен. „Создать и упрочить партию, значит, создать и упрочить объединение русских социалдемократов... Такое объединение декретировать нельзя, его нельзя ввести по одному только решению какого-либо, скажем, собрания представителей, его необходимо выработать. Необходимо выработать, во-первых, прочное идейное объединение, исключаящее ту разногласицу и путаницу, которые (будем откровенны!) царят среди русских социалдемократов в настоящее время: необходимо закрепить это объединение партийной программой, необходимо, во-вторых, выработать организацию, специально посвященную сношениям между всеми центрами движения, доставке полных и своевременных сведений о движении и правильному снабжению периодической прессой всех концов России. Только тогда, когда выработается такая организация, когда будет организована русская социалдемократическая почта, партия получит прочное существование и станет реальным фактом, а, следовательно, могущественной силой“.

Много смеха вызвал среди рабочедельцев этот проект объединения. Как, все дело организации свести к выработке „почты“, сношений, доставке сведений? Это узко, это чисто по-народовольчески, говорили они. Такой план противоречит „демократическим принципам“, без которых немислима социалдемократия. План „Искры“ казался им настолько нелепым, что „Раб. Дело“ не сочло нужным даже словом обмолвиться о появлении этого объявления.

„Прежде чем объединиться и для того, чтобы объединиться,—писала редакция „Искры“,—мы должны сначала решительно и определенно размежеваться. Иначе наше объединение было бы лишь фикцией, прикрывающей существующий разброд“. Это—основная точка зрения „Искры“, она, конечно, в корне противоречит всепримиряющему эклектизму „Раб. Дела“. Но, с другой стороны, эта точка зрения шла и гораздо дальше основных взглядов

группы „Осв. Туда“. Она, в противоположность последним, заранее предполагает возможность и даже неизбежность того, что большая или меньшая часть „радикальной“ интеллигенции, при первой же серьезной попытке ввести стихийное рабочее движение в строго классовые, социалдемократические рамки, поспешит отмежеваться, выйти из пролетарских рядов. Такая перспектива не страшит редакцию, она, наоборот желательна, и задача газеты „Искра“ помочь этой интеллигенции „отмежеваться“. „Мы не намерены,—пишет редакция,—сделать наш орган пустым складом разнообразных воззрений“, но обсуждая „все вопросы со своей определенной точки зрения, мы вовсе не отвергаем полемику. Открытая полемика перед всеми русскими социалдемократами и сознательными рабочими необходима и желательна“. Редакция видит большой недочет в современном движении, что оно до сих пор не выдвинуло „открытой полемики между заведомо расходящимися взглядами“. Эта полемика должна помочь выработке общепартийной программы, теоретического основания будущего фактического объединения.

Но наряду с подготовкой теоретического объединения, газета послужит также и основой практического объединения. „По мере сил мы будем стремиться к тому, чтобы все русские товарищи смотрели на наше издание, как на свой орган, в который каждая группа сообщала бы все сведения о движении, с которым она делилась бы своим опытом, своими взглядами, своими запросами на литературу, своей оценкой социалдемократических изданий, делилась-бы, одним словом, всем, что она вносит в движение и что она выносит из него. Только при таких условиях возможно будет создание действительного общерусского социалдемократического органа, а с другой стороны „только такой орган способен вывести движение на широкий путь политической борьбы“, т. е. создать действительно социалдемократическую, действительно рабочую партию.

„Кто понимает социалдемократию, как организацию, служащую исключительно стачечной борьбе пролетариата, тот может удовлетвориться только листовкой агитацией и чисто рабочей литературой. Мы не так понимаем социалдемократию, мы понимаем ее, как направленную против абсолютизма революционную партию, неразрывно связанную с рабочим движением. Только организовавшись в такую партию, пролетариат, этот наиболее революционный класс в современной России, в состоянии будет исполнить лежащую на нем историческую задачу: объединить под своим знаменем все демократические элементы страны и завершить упорную борьбу целого ряда погибших поколений конечным торжеством над ненавистным режимом“.

Борьба с этим режимом будет тем основательнее, тем разностороннее, чем всестороннее будет освещен и изобличен весь государственный строй, поэтому редакция обращает свой призыв „не только к социалистам и сознательным рабочим. Мы,—говорит она,—призываем также всех, кого гнетет и давит современный политический строй, мы предлагаем им страницы наших изданий для разоблачения всех гнусностей русского правительства“. В заключение редакция сообщает, что ей „обещано сотрудничество нескольких выдающихся представителей международной социалдемократии, ближайшее участие группы „Осв. Труда“ (Плеханова, Аксельрода и Засулич) и поддержка со стороны нескольких организаций Р. С.-Д. Р. П., а также и отдельных групп русских социалдемократов“.

Вся деятельность „Искры“ вплоть до второго съезда была лишь строгим и точным выполнением задач, намеченных в этом об'явлении. Как известно, после II-го съезда на эту старую „Искру“ сыпались всевозможные обвинения: ей приписывали, например, желание заменить „пролетарскую партию“ „партией заговорщицкой“; искровский период характеризовали словом „ленинизм“, который в свою очередь должен был являться синонимом „бланкизма“. Мы еще остановимся подробнее на организационном плане „Искры“, а пока ограничимся только указанием на то, что нет ни одного обвинения, выставлявшегося после II-го съезда фракцией „меньшинства“, во главе с Плехановым и Аксельродом, против старой „Искры“, которое не циркулировало бы уже во время первых шагов „Искры“ среди тогдашних экономистов, поклонников „Credo“, рабочедельцев, одним словом, среди тех „антиреволюционных элементов в нашей партии“, в непримиримую войну с которыми выступили тогдашние Плеханов и Аксельрод. Они выступили тогда в эту войну, следуя призыву „протеста 17“, этих „теоретически наиболее сознательных из активных представителей и основателей социалдемократии в России“, среди которых был и „один из самых видных деятелей нашей партии“¹⁾, „революционер, счастливо соединяющий в себе опыт хорошего практика с теоретическим образованием и широким политическим кругозором“²⁾,—Н. Ленин.

Газета „Искра“ стала выходить тогда, когда уже создалась организация „Искра“. Русская практика социалдемократии не знала еще такого типа организации. Это не был ни местный

¹⁾ Плеханов, предисловие к *Vademecum'u*, стр. 11.

²⁾ Аксельрод, предисловие к задачам Русских социалдемократов, стр. 9
3 изд., Женева. 1905.

комитет, ни организация, конкурирующая с комитетами и остальными уже существующими и действующими группами. Члены организации „Искры“ иногда входили в местную организацию, иногда стояли вне ее, но всегда связывали газету с местной жизнью, с местной работой. Первые кадры этой организации составились из постепенно возвращавшихся из ссылки и захолустий социалдемократов первого призыва. При их опытности и знаниях им не трудно было овладеть настроением и ходом мыслей действительно революционных элементов нашей партии, тех элементов, которые шли за беспринципностью „Раб. Дела“ только потому, что им негде и некогда было выработать себе твердые социалдемократические принципы. Негде потому, что выдержанной социалдемократической литературы почти что не было, некогда потому, что широкая практическая работа совершенно не оставляла времени для основательных теоретических работ. Эти элементы шли за „Раб. Делом“, потому что у последнего в то время не было конкурентов; при первом же появлении действительных социалдемократов, старых практиков, эти революционные элементы легко переходят на их сторону.

Но зато тем сильнее была оппозиция, которую встретили старые практики со стороны „антиреволюционных элементов“, убежденных „экономистов“, убежденных сторонников „беспринципности“, кустарничества, рабочедельчества. Приходилось вести долгую и упорную борьбу, приходилось проникать во все ячейки организации и там уже постепенно готовить почву для окончательного торжества идей революционной социалдемократии. Работа „Искры“ облегчалась, вероятно, тем, что в ее духе действовали и работали все не входившие в ее организацию и даже не знавшие о ее существовании старые практики, которые прошли ту же предварительную школу социалдемократической деятельности, которая выработала и саму редакцию и организацию „Искры“.

XXIX.

1-го мая 1900 г. харьковские рабочие показали, что и в коренной России возможны иные средства борьбы, чем простые стачки. Уже в половине апреля была широко распространена брошюра о первом мая; за неделю выпущены были прокламации, призывающие в этот день к общей забастовке и к выставлению требований свободы печати, слова, союзов, стачек, участия народа в управлении, 8-ми часового рабочего дня и повышения платы.

„В ночь на 1-е мая,—читаем мы в корреспонденции из Харькова,—на паровозо-строительном заводе было аресто-

вано 7 человек, обвинявшихся в распространении прокламаций. Утром 1-го мая железнодорожные рабочие (их более 2-х тысяч), собравшись, на работу не встали, а выставили требования. Немедленно явились казаки. Рабочие двинулись с красными знаменами на противоположный конец города для соединения с паровозо-строительными рабочими. Толпа была задержана у мостика, ведущего в город, и двинулась на гончарный завод Беренштейна. Энергичным бросанием камней удалось остановить работу, при чем часть работниц присоединилась к толпе. За все время было несколько стычек с казаками, и арестовано было около 400 человек, препровожденных в пересыльную тюрьму... На паровозо-строительном заводе сравнительно сознательная часть рабочих, человек 100, на общую забастовку не надеялась... Работа началась, но после завтрака стало известно, что железнодорожные мастерские не работают; тогда в механическом отделении завода, по преимуществу молодежь заявила, что она бросает работу, и двинулась толпой в сборную мастерскую. Здесь работа сразу остановилась, однако, к забастовщикам присоединилось не более 200—300 человек (в сборной работают до 1200 ч.). Затем, к забастовщикам присоединилась модельная мастерская, половина кузнечной и литейная. Толпа выступила на улицу и часть ее двинулась к Бельгийскому заводу, чтобы остановить там работу, что им очень скоро удалось... У некоторых были импровизированные флаги из красных рубашек, надетых на палки... После обеда, когда слух о забастовке обошел весь город, работы приостановились на других заводах и крупных мастерских... Рабочие паровозостроительного завода, собравшись утром, на работу не стали, требуя немедленного освобождения арестованных накануне товарищей, что и было немедленно выполнено приехавшим по требованию рабочих губернатором¹⁾.

Стоило только в Ростове на Дону появиться майским прокламациям, как „рабочие сами, без всякого участия организованных рабочих и, даже против их желания, захотели устроить демонстрацию. Она не удалась, благодаря принятым жандармами мерам; все заводы были окружены полицейскими и казаками, которые разгоняли собиравшиеся кучки рабочих и гнали их на работу. Арестовано было в тот день до 100 рабочих“²⁾.

Положение все более и более обостряется, промышленный кризис свирепствует во-всю, „сотнями выгнают наши

¹⁾ Из Харькова. „Раб. Дело“ № 7, Авг. 1900 г., стр. 37—38.

²⁾ „Раб. Дело“ № 8, Ноябрь 1900 г. Положение рабочих в Ростове, с. р. 33.

„кормильцы и поильцы“ рабочих за ворота на холод и голод. Как тени, ходят по улицам наши безработные товарищи с Волынки, где одну смену рассчитали, от Паля, где половина ночной смены не работает, от Кенига, с Малой Охтенской ткацкой, от Шаво, от Торнтон и др. Заработки почти на всех фабриках понижены на 20—30%¹⁾.

„В Екатеринославе, Харькове, Одессе, Николаеве, Мариуполе, Юзовке и других местах—езде сокращения работ. увольнение рабочих десятками, сотнями, везде ужасы нужды, и призрак голодной смерти встает в рабочих поселках. Заработная плата упала до последней степени, дошло до того, что на всем юге почти нигде не выработывают аккорда...

„В Юзовке отменены ночные работы (раньше работа производилась безостановочно в три смены). Происходит постепенное увольнение рабочих небольшими партиями... В особенно широких размерах происходит увольнение в Екатеринославе; некоторые заводы, как напр. вагонные мастерская франко-русского об-ва, пользуются этим случаем, чтобы заменить боевой и сознательный состав своих рабочих покорными сермягами“²⁾. Всюду голод, нужда, всюду усиливается произвол, и всюду растет желание бороться с этим произволом.

Рабочее движение распространяется все шире и шире, оно вместе с Сибирской дорогой проникает уже в Красноярск и разливается по всей линии. Там образуется социал-демократическая организация, которая ведет агитацию; стачка 8 мая является уже делом этой организации. Начинается работа и на Кавказе. 14 дней продолжается в августе хорошо организованная стачка мастерских и депо станции Тифлис Закавказ. жел. дор., которую поддерживают стачки на городских заводах. Теперь уже каждое проявление рабочего движения все более и более сталкивает рабочих с правительством.

В свою очередь растет и социалдемократическая работа. Прокламации выходят в небывалом до того количестве и их читают, читают все; и чем резче они написаны, тем большим сочувствием пользуются. Кризис исправил то, что было сделано „экономистами“. Мысль поднятой ими массы упорно работает, и работает в политическом направлении. Чем большего достигли рабочие экономической борьбой в предшествовавший период промышленного расцвета, тем сильнее чувствуют они теперь реакцию, вызванную кризисом, тем ясней начинают понимать, что, без законодательного закре-

¹⁾ „Рабочий листок“, № 4, СПб. Декабрь 1900 г

²⁾ „Южный Рабочий“, № 3, ноябрь 1900 г

пленя добытых ими улучшений, эти улучшения только временны и эфемерны. Дальнейший вывод напрашивается сам собой: нужно уничтожить современный политический строй. Клич: „Долой самодержавие, да здравствует свобода!“ начинает все чаще и чаще раздаваться из уст рабочих, и этот клич переходит на улицу.

„Общество“ тоже заволновалось. Гонение в Финляндии, геройский поход на дружественный Китай, где за отсутствием вооруженного противника сжигались мирные фанзы, и без сопротивления топились в Амуре тысячи мирных китайцев; финансовые скандалы, кастрация земства законами о предельности обложения по продовольствию и, наконец, отдача сотен студентов в солдаты,—все это расшевелило наше „интеллигентное“ общество. Его оппозиция проявилась в адресе Михайловскому, в устройстве банкетов, в принятии земскими собраниями верноподданнических ходатайств об отмене ненавистных новых законов, сводящих на-нет всю работу земства. Верх радикализма, в своем роде, проявил агрономический съезд в Москве, поднявший вопрос о мелкой земской единице.

Совершенно иной характер приняло и студенческое движение. Чисто академическое в 99 г., оно с такой-же быстротой, как и рабочее движение, принимает все более и более революционную окраску. Рабочее движение научило студентов новому способу борьбы. „Забастовку“, это новое, несвойственное студенту слово и деяние навязали вам люди, непричастные к интересам науки и университета“,—пишут 52 московских профессора в своем „отеческом“ обращении к студентам ¹⁾. И они правы: люди, непричастные к университету—рабочие, научили студентов, как следует бороться, и убедили, что всеподданнейшими петициями ничего не сделаешь; и 25000 дружно забастовавших в 99 г. студентов 30-ти различных высших учебных заведений показали, что урок рабочих не пропал даром.

Забастовка 99 года не носила еще политического характера. „На сходках ни разу не было упомянуто слово „конституционное“,—говорит Энгель ²⁾,—но все студенты понимали уже тогда, что то, что произошло на акте в Петербурге, может повториться каждый день и в каждом университете; „первоначальные требования (выставленные студентами)—гарантия личной неприкосновенности“. На эти требования правительство ответило „временными правилами“ об отдаче студентов в солдаты. В Киеве осенью студенты отказываются

¹⁾ 25 февраля 1901 г. в Москве.

²⁾ Энгель и Горохов „Из истории студенч. движения“, стр. 11.

слушать „выдающегося своим невежеством“ проф. Эйхельмана; совет настаивает на лекциях, ген.-губ. Драгомиров приказывает совету прогнать Эйхельмана. Студенты отказываются от поддержки того самого ген.-губернатора, который каждую минуту готов „выслать против них (нас) казаков и солдат“¹⁾. Затем разгорается новый инцидент. Двое „аристократов“ студентов совершили какую-то гнусную пакость. Начинают собираться сходки, которые в конце концов формулируют свое решение: „В борьбе с нашим азиатским правительством за более свободные формы жизни (студенческой в частности) и должны заключаться ближайшие задачи студенчества“²⁾. В результате этих сходок 183 студента отданы в солдаты.

Выстрел Карповича в министра Боголепова (14 февраля) был ответом на эту правительственную меру. „Но ответить правительству обязано не одно студенчество,—писала „Искра“ при первом известии об отдаче студентов в солдаты,—правительство само позаботилось сделать из этого происшествия нечто большее, чем чисто студенческую историю... во главе сознательных элементов стоят передовые рабочие и неразрывно связанные с ними социалдемократические организации. Рабочий класс постоянно терпит неизмеримо большее угнетение и надругательство от того полицейского самовластия, с которым так резко столкнулись теперь студенты... тот рабочий не достоин названия социалиста, который может равнодушно смотреть, как правительство посылает войска против учащейся молодежи... Правительство хочет одурачить народ, заявляя, что стремление к политическому протесту есть простое бесчинство. Рабочие должны публично заявить и разъяснить самым широким массам, что это—ложь, что настоящий очаг насилия, бесчинства и разнузданности—русское правительство, самовластие полиции и чиновников... Пусть открытое заявление правительства о расправе со студентами не останется без открытого ответа со стороны народа“³⁾.

И Искра не ошиблась в расчете на политическую зрелость рабочих. Без всякого понукания со стороны, они массой двинулись на подмогу студентам. Рабочие поняли революционное значение студенческого движения и своей помощью действительно превратили академический конфликт в акт революции. Только в Харькове и в Киеве местные социалдемократические организации оказались на высоте своего

¹⁾ Листок Союзн. Сов. Киевск. унив.

²⁾ Студенч. волнения в Киевск. унив. Листок Раб. Дела, № 4, декабрь 1900 г., стр. 15.

³⁾ Отдача в солдаты 183 студ. Искра № 2, февр. 1901 г., стр. 6, столб. 2.

положения и стали звать рабочих к немедленному выступлению: В Москве же и в Питере социалдемократическим организациям пришлось оказаться в хвосте движения.

„Комитеты были застигнуты врасплах разразившейся бурей—застигнуты врасплах вследствие хронических массовых арестов и вследствие внезапности и стремительно быстрого хода событий, а отчасти (зачем это скрывать?) и вследствие известной косности, свойственной всякой организации, приноровившейся к определенному роду и типу деятельности“¹⁾. Так писала редакция Раб. Дела, успевшая под влиянием событий „в 24 часа“ изменить свою тактику.

В Харькове, по инициативе рабочих, местный комитет партии и „Союз борьбы“ выпустили прокламацию с призывом устроить демонстрацию 19 февраля. До этого „Союзный Совет“ и „Организацион. ком. студ. технологов“ напрасно пытались возбудить студенческую массу, которая, будучи напугана солдатчиной, не поддержала своих вожаков, и назначенная на 5 февраля забастовка не состоялась. Тогда радикальному студенчеству пришлось присоединиться к социал-демократическому призыву устроить демонстрацию 19 февраля. Но студенты, вопреки советам социал-демократов, назначили демонстрацию днем, когда масса рабочих не могла участвовать. Демонстрация не удалась, и студенты были арестованы. „Слух об аресте студентов распространился по городу и, начиная с 6-ти часов, публика стала собираться по Сумской ул. около театра, в расстоянии одного квартала от помещения части, куда были отведены студенты... К семи часам публике стало уже известно, что рабочие паровозостроительного завода направились к месту сборища. Часть их (равно как и железнодорожных рабочих) была оцеплена и задержана, другие обошли место демонстрации и позже вечером хлынули неожиданно в значительном количестве на площадь перед театром. Сюда же явились рабочие мелких харьковских заводов и ремесленники. К ночи студенты и вообще интеллигенция терялись уже среди рабочих. Толпа пела марсельезу, дубинушку, волю... Налетели казаки... народ поддался... но рабочие бросились к изгороди сквера и, разломав ее, вооружились дрекольем. Весьма активную роль при этом играли мальчишки. Один из них выкинул на длинном шесте красное знамя. Казакам был дан приказ обнажить шашки... Толпа все нарастала, пение не прекращалось, в отдельных местах произносились речи, которые трудно было слышать за неумолчным шумом толпы. До полуночи про-

¹⁾ Листок „Раб. Дела“ „Исторический поворот“ № 6, апрель 1901 г., стр. 3—4.

исходили набеги казаков на толпу и схватки ее с воинством... Чувствовалось отсутствие организованного отряда, который оформил бы демонстрацию и придал ей более стройный вид¹⁾. Только поздно ночью удалось очистить Сумскую ул.

В Петербурге демонстрация 19 февраля не удалась. „Отсутствие революционной организации сказалось в том, что демонстрацию наполовину отменили, и не все о ней знали. Отсутствие рабочих обусловило сравнительно малое число присутствующих: демонстрация не могла получить характера народной схватки с полицией: никто не позаботился о том, чтобы наряду со студенческими требованиями были выставлены более широкие требования. Всем этим объясняется, что настроение революционного Петербурга было двойственное: с одной стороны сознание, что „уть демонстраций единственно верный путь, а с другой — неуверенность в успехе“²⁾.

И в Москве среди массы студенчества царило самое угнетенное, самое подавленное настроение. На сходку 29 января собралось всего - на - всего 317 студентов; решенная на этой сходке забастовка не удалась. Прокламация „Исполн. ком. об'един. землячеств и организаций“ должна была с грустью констатировать, что „узко-консервативный“ элемент весьма значителен среди студенчества. Известия из Питера и, главным образом, из Харькова немного подогрели настроение. 23 февраля снова созывается сходка, собралось человек 600 (из них 103 курсистки). Собравшаяся вокруг университета публика и полиция ожидали результатов сходки. Решено было послать депутатов к ректору и попечителю, и если их не примут—устроить ряд уличных демонстраций; требовать возвращения киевских солдат, отмены „временных правил“ и возвращения устава 63 года. Как только сходка кончилась, полиция ее окружила и повела в манеж. Уже при уводе в манеж толпа прорвала цепь городских и освободила около 50 студентов. Среди толпы масса рабочих. До позднего вечера толпа окружает манеж и требует освобождения арестованных. „Начались отдельные стычки с полицией, и вслед за тем стали появляться кареты скорой помощи... только прибывший полк помог разогнать толпу и многих рассадить по участкам... 24 февраля студенты опять собрались на сходку, в университет их не пустили. К 12-ти часам на площадь собралась толпа в 2 тысячи человек... К часу толпа перешла к манежу... стали требовать, чтобы ее пропустили в манеж. Из манежа выскочил отряд солдат и начал бить прикладами. С другой стороны прискакавший отряд казаков с полковником во главе

¹⁾ „Харьков“ Искра, № 3, апрель 1901, стр. 5, ст. 2.

²⁾ С.-Петербург. Искра № 3, апрель 1901, стр. 2, столб. 3.

стал давить толпу лошадьми. В ответ раздались крики негодования. Мастерские свистели, освобождали арестованных студентов, громко ругали полицию. Часть толпы шла по направлению к Тверскому бульвару до генерал-губернаторского дома, смяв стоящую там цепь городских. Появились казаки и разогнали толпу. Вечером опять площадь перед манежем была запружена народом. Среди них была масса фабричных и мастеровых. К 11 часам ночи группа мастеровых бросилась с криком к дверям манежа, выломала наружные двери, но затем была оттеснена. Под напором казаков толпа побежала мимо манежа, разбивая окна. Бивших стекла арестовали, но толпа их отбила". На Тверской в эту ночь арестовали 280 рабочих; их и взятых 23-го февраля студентов под сильным конвоем отправили в Бутырскую тюрьму. „В воскресенье, 25 февраля, возбуждение достигло высшей степени, и десятки тысяч народа приняли участие в противоправительственной демонстрации. С утра стала собираться толпа у университета. После полудня большая толпа, в числе которой были рабочие Прохоровской мануфактуры, двинулась по Никитской и Тверскому бульвару с пением. По середине Тверского бульвара встретились казаки. Толпа устроила баррикаду из бульварных скамеек и задержала натиск казаков, мчавшихся во весь опор. Громким свистом и ругательством толпа выражала свое презрение казакам. Вдруг раздались крики, что сзади толпу оцепили городские. Толпа ринулась назад и прорвала цепь городских, при чем происходило целое побоище. Толпа отбивала тех, кого полиция пыталась арестовать, не более десятка лиц осталось в руках полиции... В течение целого дня громадные толпы, состоящие преимущественно из рабочих, демонстрировали по улицам, особенно по Лубянке, по Тверскому бульвару, Мясницкой и Никитской.

„Надо вам сказать, что толпа проявляла удивительную дисциплинированность. Она не разбегалась при виде городских и казаков, а встречала их единодушным гиканьем, свистом и ругательствами. Она или следовала единодушно указаниям вожаков (сплотись! направо! вперед!), которые всегда находились из среды интеллигентных рабочих (студенты почти совсем не принимали участия), или ясно давала знать свое несогласие с вожаками и заставляла их переменить направление... Каждого студента, которого толпа встречала, она приветствовала киданием шапок, криками сочувствия и приглашением присоединиться. В случае согласия (которое, кстати, бывало очень редко), толпа принимала его на „ура“, аплодировала и т. д., в противном случае она провожала его смехом, свистом... Приставов, даже отдельно идущих, толпа освистывала, закидывала твердыми предметами

и заставляла быстро удирать со своих постов. За все время толпа не только не разрушила ни одной лавки, но если мальчишки позволяли себе разбивать фонари, толпа не пускала их, раздавались крики: „потом будут писать про нас, что мы просто буянили“.

„На Лубянской площади было арестовано несколько студентов, толпа бросилась отбивать, избива пристава, и, когда он спрятался в ресторан, разбила в последнем окна... публика увидела Л. Н. Толстого (это было как раз в день появления в газетах известия об его отлучении от церкви); толпа устроила Толстому овацию и с криками: „ура, Лев Николаевич!“ проводила его по Рождественке, где по его просьбе усадила на извозчика“¹⁾. До трех часов ночи толпа демонстрировала по улицам, устроила овацию перед домом Толстого и кошачий концерт у дома генерал-губернатора.

В Петербурге на 4-е марта вновь была назначена демонстрация у Казанского собора. „Союз об'ед. земляч. и студ. организаций“ и „Организ. Ком. ст. Спб. университета“ выпустили горячо написанные прокламации ко всем слоям общества с призывом явиться на демонстрацию. В типографии „Союза Борьбы“ печаталась прокламация „Ком. взаимопомощи студентов“, в которой студенты удерживались от демонстрации и призывались к пропагандистской работе среди студентов и рабочих. „И те, кто в единичном, героическом и бесплодном протесте падает самоотверженной жертвой борьбы, могли бы найти себе нравственное удовлетворение в подготовительной работе к общему освобождению, в развитии классового самосознания, в организации „рабочего класса в политическую партию“.

Комитет партии не отозвался на призыв. Массы рабочих не были извещены. И все же рабочие пошли. Корреспондент сообщает, что, когда началась бойня у Собора, рабочие вели себя молодцами. Они разломали деревянную лестницу собора и этими кусками дерева дрались из последних сил. Но правительство успело во-время оцепить войсками рабочие районы. Нарвская застава и Шлиссельбургский тракт были отрезаны от города, туда были посланы войска, чтобы остановить идущую на демонстрацию толпу рабочих; произошла схватка, в которой многие были ранены. Ряд схваток рабочих с казаками отмечают и другие корреспонденты. Демонстрация превратилась в грубую, гнусную бойню вооруженных сил правительства с невооруженной толпой, в которой была масса женщин. По правительственному сообщению, в этот день были ранены 18 мужчин, 14 женщин, 20 городских, 4 казака, 1 при-

¹⁾ „Москва“ Искра № 3, стр. 4, ст.

став и 1 казачий офицер. Об убитых мужчинах и женщинах правительство стыдливо умалчивает. Я не буду,—говорит далее корреспондент,—останавливаться на подробностях этой бойни... „Несомненно демонстрация представила бы из себя не простое избиение народа, а сражение с народом,—писала по поводу 4 марта „Искра“,—если бы социал-демократическая и социалистические группы и кружки обратились с специальной прокламацией к рабочим, организовали рассылку делегатов к ним и сообщение вестей с поля сражения“¹⁾). Масса рабочих не знала про то, что делалось на Казанской площади. Бывшая на площади публика относилась с сочувствием к студентам, были попытки остановить бойню со стороны, например, генерал-лейтенанта кн. Вяземского, получившего за то публичный высочайший выговор. Но в общем эта публика студентам не помогала. Это не была та активная московская толпа, которая в конце концов студенческую манифестацию превратила в широкое революционное, народное движение.

В Москве, в Харькове и в Киеве студенты ступали перед массой рабочих. „Улицы заполнены народом,—пишет киевский комитет;—под звуки революционных песен, прерываемых криками „ура“, строго, спокойно двигаются тысячные толпы демонстрантов; здесь сошлись все без различия профессий, пола, возраста, национальностей—ремесленники, фабрично-заводские и чернорабочие, мужчины и женщины, старики и подростки, русские, поляки и евреи... Это не бурная вспышка, не бесформенный бунт, движимый слепой ненавистью. Это продуманное, спокойное и организованное движение к иным порядкам, к новой жизни, основанной на началах свободы, равенства и справедливости“²⁾).

Когда в Москве 25 февраля демонстрация приняла грандиозные формы, студенческий „Исполнительный Комитет“ выпустил воззвание, в котором он настойчиво приглашал студентов не принимать участия в уличных демонстрациях, так как надо, дескать, приберечь силы для проведения „обструкции“ в университете. Студенты уже добились выражения симпатии публики, а потому дальнейшее участие в демонстрации нежелательно. Из корреспонденций мы видим, что позже студенты в демонстрациях, действительно, совсем не участвовали. Студенческое движение прекращалось сейчас же, как только оно выходило на улицу, как только его подхватывал народ, т.е. рабочие, этот единственно активный элемент народа; здесь оно становилось уже политическим, революционным. Масса студенчества, как и все общество,

¹⁾ Искра, № 3.

²⁾ „День 11 марта“, прокламация Киевск. Ком. Р.С.-Д. Р. П. 17 м. 1901 г.

была настроена антиреволюционно. Только те студенты, которые входили в ту или иную революционную организацию, действительно желали расширить академические требования в политические, желали действовать вместе с народом. Но, несмотря на антиреволюционное настроение студенчества, их движение сыграло громадную революционную роль; оно наглядно показало всему обществу, что рабочие уже созрели для революции, что они могут и готовы бороться не только за себя, за свои личные интересы, но и за интересы всех угнетенных.

Первые, кто откликнулся на отлучение от церкви Толстого, были московские рабочие. Кроме овации, устроенной ему 25 февраля, рабочие Прохоровской мануфактуры, где обыкновенно работает самая серая публика, по собственной инициативе подносят Толстому адрес. „Мы, рабочие, глубоко сочувствуем за несправедливое осуждение вас синодом, т.е. нескольких людей, называющих себя в гордом заблуждении „церковью христовой“, как будто остальные миллионы не члены того великого общества, которое называет себя христианами.. Мы знаем также, что во все времена люди, стоящие на стороне благочестия, и великие вожди народа по пути человеколюбия и правды всегда были отчуждаемы от себя теми, которые попирают свободу, добродетель и честь. Сам великий учитель наш не за то ли пострадал на кресте? Но то было время, а теперь иное. В наши дни даже чернь, и та понимает то, чего не понимало передовое человечество.. мы чтим вас, как великого человека, которому воздвигается нерукотворный памятник в наших сердцах“¹⁾.

И с этого времени не было события, имевшего хоть какое-нибудь революционное значение, на которое не откликнулись бы рабочие. После 4-го марта соединенные социал-демократические группы (в Петербурге)— „Социалист“ и „Раб. Знамя“ выпустили воззвание к рабочим, чтобы 11 марта собраться на демонстрацию и отомстить за 4-ое марта. „Собрание студенческих делегатов,—пишет корреспондент „Искры“,—высказалось против этой демонстрации; тут сказались с одной стороны то, что лучшие силы радикальной молодежи были разбиты 4-го марта, с другой влияние слухов, что „Временные правила“ применяться не будут. „Союз Борьбы“ был тоже против демонстрации, и она была отменена. Таким образом, либерально умеренная часть интеллигентной молодежи и „экономически“ настроенная часть социал-демократов оказались, как и следовало ожидать и как давно подчерки-

¹⁾ „Адрес Льву Толстому по поводу отлучения его от церкви, поднесенный рабочими Прохоровской мануфактуры.“

вали противники „экономистов“ и „критиков“, на одной стороне и пересилили понесших громадный урон социал-демократов-революционеров. Но рабочие—это особенно отрадно отметить—не послушали все-же речей успокоения. Настроенные революционно, они массами шли в город в воскресенье 11 марта, заполняли улицы и с минуты на минуту ждали призыва к борьбе. А борьба грозила не шуточная, потому что все силы полиции и местных частей войск были мобилизованы и готовились, по всем слухам, к стрельбе в народ. Долго ждали рабочие, и, наконец, разошлись, осыпая справедливыми упреками студентов и умеренных социал-демократов за их робость и бездеятельность¹⁾.

Свою статью „Бурный месяц“, посвященную оценке только что описанных событий, „Искра“ заканчивает следующими словами: „какие бы новые удары не ждали в ближайшем будущем борцов за свободу, как бы не казалось тягостно могущее наступить затишье после только что разыгравшейся бури, нам не придется падать духом, не придется сомневаться в будущем нашего дела. Ненавистные цепи, сковывающие молодую Россию, уже надорваны; еще ряд героических усилий, они разлетятся в прах. Как бы ни повлияли на массу новые реакционные меры правительства, мы смело можем смотреть в лицо светлому будущему и обратиться к товарищам со словами поэта:

Пусть же сгущается мрак и ненастье,
Пусть дикая пурга о смерти поет,—
Верь в молодость, верь в ее силу и счастье,
Зови ее словом отважным вперед²⁾.

Надежды „Искры“, действительно, оправдались: рабочие не испугались начавшейся усиленной реакции. „На обуховском (казенном) заводе,—читаем мы в искровских корреспонденциях,—на работу 1-го мая не вышло 300 человек. Начальство стало увольнять этих „преступников“ группами по 10 человек. К 7-му уволенных набралось 70 человек. Рабочие просили начальство об обратном приеме уволенных и о некоторых улучшениях труда; когда начальство ответило отказом, рабочие остановили машины, и в количестве 3600 высыпали на Шлиссельбургский тракт“³⁾. Когда рабочие вышли на улицу, они остановили конку, и началась настоящая баталия... Рабочие бились изо всех сил; им удалось дважды отбить нападение полиции, конной стражи и вооруженной команды завода, и это, несмотря на то, что единственным оружием

1) „Петербург“, Искра № 3, стр. 4, ст. 1 и 2.

2) „Бурный месяц“, Искра № 3, стр. 1, ст. 2.

3) Первое мая в России. Искра № 5, июнь 1901 г., стр. 4, стлб. 3.

рабочих были камни¹⁾... Зато камни летали „градом“, при чем рабочие проявили не только упорство сопротивления, но и находчивость, умение сразу приспособиться к условиям и выбрать лучшую форму борьбы. Они заняли соседние дворы и осыпали башибузуков камнями из-за заборов, так что даже после 3 залпов, несмотря на бегство толпы, сражение еще продолжалось, и вытребованные роты омского полка должны были очищать от рабочих соседние дворы“²⁾.

22-го апреля (в первое воскресенье после 1-го мая) в Тифлисе были устроены грандиозные демонстрации рабочих с большим красным знаменем, на котором красовались портреты Маркса, Энгельса и Либкнехта и надписи на грузинском, русском и армянском языках: „Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“ Эти демонстрации кончились кровавой стычкой с полицией.

На неудачной демонстрации рабочих в Харькове громко раздается: „Долой самодержавие!“ 1-го мая были мирные демонстрации в Варшаве (15 тысяч), в Лодзи (30 тыс.), в Ковне (600 рабочих), в Вильне (600 чел.); в Петербурге началась забастовка всех фабрик Выборгской стороны, „4-го мая рабочие нескольких фабрик направились в город с целью устроить демонстрацию у Сампсониевского моста; им загородила дорогу конная и пешая полиция. Рабочие пустили в ход ножи и камни. Бой длился несколько часов. В результате, как нам пишут, до 70-ти раненых с обеих сторон, есть и убитые, несколько сот арестовано“³⁾.

Чтобы понять действительное настроение рабочих, следует вчитаться в письмо одной работницы, посланное арестованному пропагандисту сейчас же после этой бойни. Работница эта потеряла близкого ей человека „В“... говорили,— писала она,— что видели, как он был впереди; это он крикнул: „да здравствует революция!“, и как потом упал... Вы не знаете, как мне было обидно и это одинаково всем нам, всем очень хотелось пройтись на Невский или в город, уж очень горько умирать, как собакам, в угле, чтобы никто не видел даже это; верно такая доля у рабочих, чтобы умирать не на людях, верно, и красной смерти для них жалко... Вот что я еще хотела сказать вам: хоть и очень многих у нас взяли, может их нет больше совсем, а все-таки мы твердо стоять будем. Вы не смотрите, что за работу взялись, теперь такое время, что за бросание работы никто стоять не будет: теперь всем нужно больше, всем на улицу хо-

¹⁾ Новое побоище. Там-же, стр. 1, стлб. 3.

²⁾ Там же, стр. 2, стлб. 1.

³⁾ Первое мая в России. Искра № 5, июнь 1901 г., стр. 4, ст. 1

чется. Б. (рабочий уцелевший) говорил, что жаль, что знамени у них не было. Другой раз и знамя будет, и пистолетов достанут: на камнях, да на ножах далеко не уедешь, как начнут штыками колоть“¹⁾).

На улицу, на „красную смерть“, чтобы все видели и чувствовали, что рабочие умирают за общее дело, что они борются не за себя, а за общую свободу — вот настроение рабочих, и рабочих не только передовых. Вся поднятая экономической борьбой масса думает также. Массовыми выступлениями на улицу рабочий класс уже фактически начинает в 1901 году русскую революцию, он уже вступает в бой и вступает один: в революции у него нет соратников. Интеллигентное общество дальше мирных протестов, всеподданнейших петиций, „крамольных“ адресов Вяземскому и Толстому не идет, а студенчество, как масса, перестает играть революционную роль, роль, навязанную ему против воли и против желания большинства. Оно выделяет из себя более радикальные элементы, которые отчасти примыкают к рабочему движению, отчасти пытаются воскресить старые, чисто интеллигентские революционные направления.

ГЛАВА XXX.

Ответом правительства на „бурный месяц“ было министерство Ванновского, с его „сердечным попечением“ и „сближением семьи и школы“. „Новое Время“ чувствует, что этого мало, что не в студентах была главная суть в февральских и мартовских днях. В статье от 11-го мая официозный орган пробалтывается, что в рабочем вопросе дело обстоит далеко не благополучно, недаром „вредные лжеучения“ и „пропаганда противогосударственных и противообщественных идей“ пользуется таким успехом среди русских рабочих, в которых она „вызывает и поддерживает недовольство своим настоящим положением“. Надо, чтобы правительство взялось за улучшение положения рабочих и заставило фабрикантов сделать им уступки. Правительство должно взять в свои руки решение рабочего вопроса, „подобно тому, как полвека тому назад“ оно „взяло в свои руки крестьянский вопрос, руководствуясь мудрым убеждением, что лучше преобразованиями сверху предупредить требования таковых снизу, чем дожидаться последнего“²⁾).

За эту статью „Новое Время“ было приостановлено на одну неделю, и главное управление по делам печати поторо-

¹⁾ Первое мая в России. Искра № 5, стр. 4, ст. 1 и 2.

²⁾ По поводу рабочих беспорядков. „Новое Время. № 9051, 11 мая 1901 г.

пилось разослать всем редакциям бесцензурных газет секретный циркуляр, по которому все статьи, касающиеся рабочего вопроса и фабрично-заводских беспорядков, прежде чем публиковаться „в повременных изданиях, должны быть представляемы для проверки их фактической точности в департамент полиции и могут быть затем напечатаны лишь с разрешения последнего“¹⁾.

„Новое Время“, орган хорошо осведомленный в делах департамента полиции, преждевременно разболтал о плане правительственной кампании по рабочему вопросу. Совет, который дает „Новое Время“: торопиться с реформами сверху, дабы избежать тем революции снизу,—этот „совет“ выражал решение, уже принятое департаментом полиции. Уже в 99 году социал-демократические органы опубликовали „тайный доклад и т. д. Моск. обер.-полициймейстера Трепова (по охранному отделению) от 8-го апреля 1898 г.“. Доклад этот начинается с указания на то, что революционеры, убедившись, „что сил одной интеллигенции в борьбе с правительством недостаточно, даже в том случае, если они вооружатся взрывчатыми веществами“, последовали примеру немецких социал-демократов и организовали у нас социал-демократическое движение.

„Русские революционеры поспешно оставляли свои старые знамена,—говорится далее в докладе,—чтобы примкнуть или тристроиться к новому движению. Практика привела их к непрерывной агитации среди рабочих на почве существующих мелких нужд и требований. При сказанной системе революционерам не приходится тратить силы на предупреждение и подстрекательство рабочих, так как все нужное дается самим моментом, выбранным для агитации; подстрекателю остается лишь привести в известность самые нужды недовольных, систематически их изложить и подвести итоги в форме составленных требований. Выпущенная на подобных основаниях прокламация настолько, обыкновенно, оказывается близкой и понятной рабочему, что достаточно пустить ее в нескольких экземплярах среди недовольных, чтобы фабрика или завод стали...—Тактика эта дала превосходные результаты на практике: явились массовые забастовки, давшие в итоге достаточное удовлетворение своим участникам“. Успех забастовок внушает рабочим идею, что „правительство терроризировано и идет на уступки“, и что „вообще успехи, достигнутые путем забастовок, имеют опасное и вредное государственное значение“, являясь первоначальной школой по-

¹⁾ Секретн. циркуляр Гл. упр. по делам печати от 11-го мая 1901 г. опубликов. в Искре № 6, Июль 1901 г стр. 2.

литического воспитания рабочих. Успех в борьбе приносит с собой рабочему веру в свои силы, научает его практическим приемам борьбы, подготавливает и выдвигает из толпы способных инициаторов, убеждает рабочего на практике в возможности и пользе объединения и, вообще, коллективных действий; возбуждение борьбой делает его более восприимчивым к принятию идей социализма, казавшихся ему до того праздною мечтою; на почве местной борьбы развивается сознание солидарности своих интересов с интересами других рабочих, т. е. сознание в необходимости классовой борьбы, для успешности которой выясняется все большая несостоятельность в политической агитации, ставящей себе целью изменение существующего государственного и общественного строя на началах социальной демократии.. Если мелкие нужды и требование рабочих эксплуатируются революционерами для таких глубоко-антиправительственных целей, то не следует ли правительству, как можно скорей, вырвать это благодарное для революционеров оружие из их рук и взять исполнение всей задачи на себя. Пока революционер проповедует чистый социализм, с ним можно справиться одними репрессивными мерами, но когда он начинает эксплуатировать в свою пользу мелкие недочеты существующего законного порядка, одних репрессивных мер мало, а надлежит немедленно вырвать из-под его ног самую почву“.

Для достижения этого доклад предлагает два средства: во-первых, „введение принципа законности в сферу фабрично-заводских отношений, во-вторых, насильственное изъятие революционера из благоприятной для его происков среды“. Ведь, в сущности революционеру не важны результаты, добытые стачкой; для него важен лишь самый процесс стачки, дающий ему возможность вести свою агитацию. Задача правительства—„указать рабочему законный исход из затруднительных случаев его положения, имея в виду, что за агитатором пойдет лишь наиболее юная и энергичная часть толпы, а средний рабочий предпочтет всегда не столь блестящий, но более покойный законный исход. Расколота таким образом толпа потеряет ту свою силу, на которую так надеется и рассчитывает агитатор. Это тем более легко сделать, что очень часто сами фабриканты действительно нарушают законы“.

С этими мерами нужно торопиться, ибо „по духу времени, когда Западная Европа поглощена рабочим вопросом, весь интерес революции сосредоточен на фабричной среде, а где пристраивается революционер, там обязана быть и государственная полиция.. чем занят революционер, тем обязана интересоваться и полиция“. Революционеры хотят законности,

и полиция должна наблюдать, чтобы законы по отношению к рабочим не нарушались, а между тем в рядах самого правительства нет должного единогласия. „Принцип разногласия и раз'единения правительственных органов в то время, как боевой лозунг революционеров: об'единение, слияние, солидарность (рабочие всех стран, соединяйтесь!), никоим образом не может гарантировать безусловной скорой победы над социальной демократией“. Ведь вот, например, министерство вн. дел, а по его примеру и министерство юстиции, своими циркулярами все дела о фабричных беспорядках и стачках предлагают решать полицейским охранным порядком, а министерство финансов настаивает, чтобы обязанности фабричной инспекции не передавались бы в руки полиции. Мешается также не в свое дело и „отдельный корпус жандармов“; надо устроить так, „чтобы все ведомства, а в том числе, следовательно, и фабричная инспекция обязаны были оказывать полное содействие установлениям и лицам, коим вверено охранение государственного порядка и общественного спокойствия¹⁾, т.-е. все дела, как по „введению принципа законности“, так и по „из'ятию революционеров из благоприятной среды“ сосредоточить в руках одного охранного отделения.

Указы и наказания о фабричных инспекторах 1899 и 1900 г.г., из'ятие всех „рабочих“ дел из рук обычного жандармского дознания и судебного следствия и передача их в руки упрощенного производства охранных отделений показало, что, по крайней мере, вторая часть „треповского“ доклада правительством была принята к сведению. В этом отношении были достигнуты полное слияние, об'единение и солидарность С вопросом о „введении законности“ дело было не так легко. До 1901 г. в этом отношении правительство, или, верней, игравший его роль департамент полиции не решается еще действовать. Пока все сводится лишь к обещаниям в этом смысле, широко распространяемым действительным творцом „треповского доклада“ обер-шпионом Зубатовым.

„Заграницей, чтобы развратить рабочих,—пишет по поводу этих „новых друзей русского пролетариата“ „Искра“,—министерства пользуются подкупленными газетами, „в нашем несчастном отечестве единственное место, где правительство может войти в соприкосновение с рабочими—это кутузка, и благородное дело внесения политического разврата в рабочий класс приходится поручать жандармам“²⁾. И действительно, первая „зубатовская“ агитация начинается в тюрьме.

¹⁾ „Тайный доклад“ Раб. Дело № 1, стр. 24—27.

²⁾ Новые друзья русского пролетариата „Искра“, № 1, Декабрь 1910 г

Зубатов хорошо знаком с психологией среднего рабочего и среднего революционера. Вращаясь чуть ли не с гимназической скамьи среди революционеров, участвуя лично в целом ряде „тайных сообществ“, вроде „Самоуправления“ и „рабочих кружков“ в Шуе, близко соприкасаясь с революционерами на почве основанной им в Москве нелегальной библиотеки, он получил основательную подготовку для своей „официальной“ деятельности. Талантливому провокатору без труда удается спихнуть бывшего начальника московской охранки „держиморду“ Бердяева и сесть на его место. И вот, при его помощи начинается сближение „правительства“ с рабочими. С каждым арестованным заводится самый серьезный разговор. Зубатов клянется, что он остался „прежним“.— „Мы стремимся к одной и той же цели, только пути у нас иные,—поет он.—Ваша ошибка заключается в том, что вы полагаете, будто правительство наше классовое, а я уверен, что его можно заставить действовать в интересах рабочих; нужно только отказаться от революционных способов действия, и эту цель я себе поставил, вот почему вы видите меня в таком мундире. Чисто экономическому движению рабочих правительство уже сочувствует, аресты мирных стачечников объясняются простым недоразумением, превышением власти, произволом местного начальства, стоит лишь обратиться ко мне, и все дело будет улажено“.

Зубатов повел дело так ловко, что уже в 1896—97 году целая московская организация (с Румой во главе) оказалась одураченной им. Многие из членов этой организации тайно от других вступали в сношения с Зубатовым, „получали от него сведения“, будучи в полной уверенности, что этим они содействуют рабочему движению. Зубатов доставал деньги и помог вновь поставить провалившуюся в июле типографию. Мало того, некоторые из членов организаций (как интеллигенты, так и рабочие) стали получать даже деньги на личные нужды (особенно после выхода из тюрьмы). К рабочим Зубатов подходил, главным образом, с анти-интеллигентской пропагандой. Деятельность его оказалась настолько успешной, что уже к 1898 г. ему поручают ведение дел в Твери, в Тамбове, в Иваново-Вознесенске и, наконец, все дела, связанные с „Бундом“.

Успех зубатовской агитации среди арестованных растет тем более, чем сильнее развивается „чисто экономическое“, „чисто рабочее“ направление. Когда в руки Зубатова попали члены „общееврейского Союза щетинщиков“, он убедил их, что они напрасно не хлопчут о легализации их кассы и обещал им даже 20.000 на хлопоты по этому делу. Судя по специально написанной по этому поводу статье в „Arbeiter-

stimme“, эта агитация была не безуспешна. „Субъект (с которым Зубатов вел разговор о 20.000 р.) обещал агитировать в этом смысле... Уже один факт существования в нашей организации людей, сносящихся с начальником московского охранного отделения, показывает, что провокаторство и предательство пустили глубокие корни в нашей организации. Если часть зубатовских „корреспондентов“, может быть, и не станет доставлять таких сведений, которые кому-либо повредят, то, несомненно, среди них найдутся и настоящие предатели“¹⁾.

До „бурного месяца“ Зубатов еще только „обещает“ и тем улавливает отдельных „экономистов“; его роль пока исключительно провокаторски-шпионская, дальше „новой“ системы сыска он еще не идет. Но вот после того, как рабочие массы в февральские и мартовские дни блестяще сдали экзамен на степень политической зрелости, департамент полиции дает сигнал к осуществлению первой части зубатовской программы, к „введению законности“.

„На днях в Минске,—сообщает тамошний корреспондент „Искры“,—среди приказчиков было распространено воззвание, направленное против господствующего среди них обычая воровать товар из магазинов и указывающее, что это несовместимо с сознательной борьбой против хозяйской эксплуатации. Когда через два дня в городе было расклеено подписанное местным жандармским полковником Васильевым воззвание к приказчикам, в котором он высказывает сочувствие к такого рода деятельности более развитых из их среды, но выражает свое удивление по поводу того, что они делают это нелегально, рискуя подвергнуться преследованиям и пр., тогда как стоит им обратиться к нему, и он с удовольствием предоставит им губернскую типографию. В заключение Васильев пригласил всех приказчиков на собрание, имеющее состояться в субботу 16-го под его председательством. На собрание пришло до 500 приказчиков и десятков другой хозяев. Кроме Васильева, присутствовал губернатор и полицеймейстер. Васильев открыл собрание весьма теплой речью, в которой доказывал, что правительство весьма благосклонно относится к попыткам масс улучшить условия своего существования, но напрасно непримиримо настроенные элементы придают этим попыткам политическую окраску. Он неизменно будет содействовать всем попыткам приказчиков улучшить свою жизнь, и на первый раз предлагает им выбрать комиссию для обсуждения их насущнейших нужд. Вы-

¹⁾ Зубатов и его тактика „Arbeiterstimme“ № 19, перепеч. в листке „Раб. Дела“ № 5 янв. 1901 г., стр. 4.

брана комиссия из 15 приказчиков и 10 хозяев. В ответ на заявление Васильева раздалась сочувственные речи, вполне поддерживающие его точку зрения. Раздались также голоса, требующие издания закона о закрытии магазинов не позже 9 час. вечера, но комиссия тут же высказалась против, рекомендуя обратиться к хозяевам с коллективной просьбой об этом. Тактика Васильева встретила в мелко-буржуазно настроенной массе приказчиков полное сочувствие и признание. Агитаторы, только недавно начавшие оказывать на нее влияние, совершенно оставлены, отношение к ним резко враждебное¹⁾.

За Минском последовала Москва. „Зародилась у московских машиностроительных рабочих мысль обратиться на путь спасения своих собратий от зол капитализма вспомогательной кассой,—пишет „экс-экономист“ из Москвы;—можно думать, что исходила она от Охранного отделения, а в нем из кабинета г. Зубатова“²⁾.

В Москве Зубатов не выступает сразу открыто, как это сделал Васильев, он действует за кулисами. Состоявшие в рабочих организациях агенты его (вроде Мих. Афанасьева, (одного из участников дела Румы, который тогда, подобно многим другим, вступил в связь с Зубатовым) агитируют идею „легализация“ исподволь. „Мысль эта расла и ширилась и, наконец, вынырнула на свет божий,—пишет тот-же корреспондент „Искры“.—Несколько рабочих, ничего общего с Зубатовым не имеющих (?), взяли на себя инициативу, подобрали товарищей, и мысль о вспомогательной кассе машиностроительных рабочих приводится в исполнение. Для обсуждения устава, для пропаганды этой мысли необходимы были, конечно, открытые собрания. И что-ж, в то самое время, когда реакция после мартовской бойни не знала никакого удержу, когда на Руси душили всякое проявление мысли и самостоятельности, когда разгоняли и сажали по тюрьмам даже мирных литераторов и закрывали даже самые невинные общества, вроде общества доставления книг больным,—в такое темное, дикое время рабочим милостиво разрешается открыто собираться для обсуждения вопросов, касающихся, как кассы, так и вообще рабочего быта!.. В Москве под руководством людей науки—Дэна, Озерова, Вормса происходят открытые собрания, и на них дебатировались вопросы о различных нуждах рабочего класса. О чем только не говорится там! И о потребительных обществах, и о кассах взаимопо-

¹⁾ „Новый Курс“. Искра, № 3. Июль 1901 г., стр. 4, ст. 3.

²⁾ „Еще о политическом разврате наших дней“ Искра № 10, Ноябрь 1901 г., стр. 1, ст. 3.

мощи, и о читальнях-библиотеках для рабочих, и об унижительных для человеческого достоинства рабочих обысках, при уходе с работы, и о различных условиях труда на заводах и т. д. и т. д., ни слова, разумеется, только об одном—о политике. Говорят и г.г. доценты и мастера и... агенты Охранного отделения¹⁾.

К чему сводились „лекции“ г-д доцентов, этих сознательных или бессознательных сотрудников Охранного отделения, мы можем судить по статье в Искре „Буржуазная наука перед московскими рабочими“, статье, написанной исключительно по отчетам об этих лекциях в легальных газетах, еще до того, как обнаружилась для Искры истинная подоплека дела. „Г-н проф. В. Дэн—читаем мы в этой статье—на четвертом собрании в воскресенье 17-го июня поучал рабочих о пользе обществ взаимопомощи. Он рассказал о том, что английские рабочие добились многих улучшений путем самодеятельности, но умолчал о том, что эта самодеятельность проявилась, главным образом, в стачечной борьбе и в организации в боевые союзы, а не в „мирных“ обществах взаимопомощи, подобных тому, которые теперь основались в Москве. Он рассказывал, что „в большинстве случаев государство берет на себя заботу о внешних условиях труда, могущих вредить здоровью рабочих“, но умолчал о том, что в большинстве случаев государство „берет на себя“ заботу о рабочих под влиянием политического давления с их стороны, и что наше российское государство, не контролируемое самим народом, в большинстве случаев заботу эту выполняет из рук вон плохо, будучи занято преимущественно заботой о сохранении порядка. Очень вероятно, что эти умолчания—неизбежные последствия легальной деятельности, но это нисколько не изменяет того факта, что тот, кто таким образом излагает половину правды, на самом деле вбивает в головы своих слушателей лживые представления о предмете беседы. На 11 собрании рабочие, между прочим, указали, „что вред для здоровья наносится напряженностью труда при низкой сдельной заработной плате“. На 12 заседании им возражает приват-доцент Вормс. „На потерю здоровья, говорит он, влияет незнание гигиенических условий, которые могли бы напряженность работы поставить в границы, не вредящие здоровью... Впрочем, г. Вормс признает, что здоровье может страдать и от длины рабочего дня, неправильного его распределения и пр. „но,—говорит он, устранение всех этих условий зависит от самого рабочего... Дело, видите-ли, очень просто: ведь, „наш закон предоставляет его

¹⁾ „Еще о полит. разврате“. Искра № 10, стр. 1, ст. 3.

рабочего, усмотрению входить или не входить в договор с предпринимателем и в то же время до известной степени обеспечивает здоровье от вредных гигиенических условий труда". Что же это должно означать? Неужели г-н Вормс прописывает тот самый рецепт, который до сих пор прописывали рабочим г.г. Клейгельсы, Треповы и пр. деятели по „улажению недоразумений“; не хочешь работать по правилам, убирайся с фабрики. Или же г-н Вормс хочет просто сказать, что если бы рабочие не соглашались работать на невыгодных условиях, то эти условия не могли бы существовать. Что это фарисейство, или легкомыслие? Во всяком случае нечто недостойное человека науки¹⁾.

„По мнению г. Вормса, и обществам взаимопомощи также принадлежит почетная роль по „предупреждению несчастных случаев“. Не спешите радоваться, читатель. Вы, может быть ожидаете, что об-во взаимопомощи, как рабочая организация, будет призвано оказывать давление на предпринимателей в целях лучшего предупреждения несчастных случаев. Ну нет, г-н Вормс таких „разрушительных“ проектов и в мысли не имел. „Об-во взаимопомощи, говорит он, может с своей стороны принимать в этом направлении известные меры, например, ознакомление членов с приемами подачи помощи в несчастных случаях“²⁾...

„Послушаем еще г-на проф. Озерова (13 беседа, 19 августа). Трактует он о разумном проведении досуга членами кассы взаимопомощи... поговорив о значении рабочих клубов в жизни европейских рабочих, г. Озеров заявил, что наши рабочие нуждаются в подобных клубах не менее, чем иностранные. Оказывается, что это уже создало... министерство финансов, которое с введением винной монополии усиленно рекомендует комитетам трезвости устройство особых народных клубов, в которых рабочий мог бы не только пить чай, но и разумно проводить время“. Да здравствует министерство финансов, трижды ура г-ну Витте! По лицемерию, или невежеству г-н профессор не упоминает об одной лишь малости, что разумное проведение времени в клубах и читальнях комитетов трезвости заключается, между прочим, в чтении „Света“, „Московск. Вед.“ и тому подобной грязной литературы! Г. Озеров не постеснялся выразить „большое спасибо казенной винной монополии“ за то, что она „в основу борьбы с алкоголизмом поставила устройство чайных, имеющих характер клубов“. Переводя эти „благонамеренные речи“ на человеческий язык,

¹⁾ „Буржуазная наука перед московскими рабочими“. Искра № 8, 10 сент. 1901 г., стр. 3, ст. 2—3.

²⁾ Там же. стр. 4. ст. 2

мы констатируем тот факт, что г-н Озеров приветствует и прославляет русское правительство за то, что оно в основу борьбы с алкоголизмом поставило не повышение народной культуры, не освобождение личности, не свободу образовательных учреждений, но жалкое подобие просветительной деятельности, насаждаемой мощной рукой помпадуров и попов—этот фиговый листок, которым прикрывается гнусная нагота роли кабатчика. Так для выслушивания таких-то комплиментов шарлатанским предприятиям Витте вы приглашаете рабочих на свои беседы, г. Озеров? Но такое-то „разумное проведение досуга“ они могут себе найти и в чтении „Нов. Времени“¹⁾.

Один из немецких социалдемократов (кажется Либкнехт) сказал как-то: „нет такой пакости, для выполнения которой не нашлось бы немецкого профессора“. Как только началась Зубатовская вакханалия в Москве, профессор Мануилов объявил громкогласно на лекции студентам: „Нет более у нас ни народников ни марксистов, а есть социально-политическое направление, которое стремится улучшить быт рабочих и народа на почве существующего строя“. Намеренно или по невежеству он не упомянул лишь о том, что родоначальником этого „нового“ направления является „Охранное отделение“. Смысл всех этих лекций скоро обнаружился.

С одной стороны, они должны были затуманивать „мнимой научностью“ сознание уже подвергшихся агитации рабочих и сворачивать их мысль с того политического пути, на который она уже вступила под влиянием агитации и последних событий; а с другой стороны, лекции апостолов нового „социально-политического направления“ должны были служить грандиозной западней для вылавливания социалдемократов рабочих. Обольщенные кажущейся свободой слова на этих зубатовско-озеровских собраниях, сознательные рабочие пробовали было вступать в диспуты с полицейскими профессорами и их лживой оскопленной в участке науке противопоставлять истинную социалистическую науку; но на следующий день этим оппонентам уже приходилось сидеть в Таганской тюрьме и на досуге размышлять о совместимости самодержавия с свободой слова.

Но соловья баснями не кормят. Одними лекциями положения рабочих не улучшишь, и ими не перетянешь массу рабочих в „легальные“ союзы. Волей-неволей Зубатову приходилось санкционировать переход к практическим шагам и приступить к выставлению требований фабрикантам. Здесь успех превзошел все ожидания. Неограниченное самодержавие

¹⁾ „Буржуазная наука“. Искра, № 8, стр. 4 и 5, ст. 3 и 1.

участка сказалось быстро, и рабочие весьма скоро почувствовали, как выгодно иметь т а к о г о союзника на своей стороне. По предписанию из „Охранки“ перед заводчиками ставилась дилемма: или удовлетворить требования рабочих в 24 часа, или закрыть навсегда завод. Такого рода „экономическая борьба“ пришлось по душе рабочим; они могли поверить, что раз дела так обстоят то, пожалуй, и при современном строе прожить можно недурно; не для чего, стало быть, идти вслед за интеллигентами в тюрьму, в ссылку и на смерть из-за какой-то неизвестной будущей „свободы“. Ведь, тогда власть перейдет из рук благодетельницы „охранки“ в руки тех же заводчиков и фабрикантов. И к Зубатову шли все новые и новые адепты, возникал один союз за другим. Никому из членов этого союза не претило, что в уставе главная роль принадлежит обер-полицеймейстеру, что в члены об-ва не мог попасть никто из привлекавшихся к административному взысканию, хотя бы за забастовки. Вслед за Москвой „общества“ и союзы возникают в Минске (столяры), в Одессе, в Петербурге, в Саратове и пр. городах“, и всюду во главе этих обществ становятся полицеймейстеры, губернаторы, митрополиты, архиереи.

В Минске дело не ограничивается устройством одних профессиональных союзов. Там, по инициативе Зубатова, агенткой его, Марией Вильбушевич и несколькими другими лицами организуется „Еврейская независимая рабочая партия“. Вот первое воззвание этой „партии“:

„I. Мы полагаем, — говорят эти истинные выразители „рабочих интересов“:—а) что никакая теория не настолько могущественна и неопровержимо верна, чтобы давать право своим приверженцам вести бессознательную массу за собой к цели, которой масса не понимает;

„б) что еврейский рабочий класс в настоящее время требует хлеба и знаний, и что эти требования должны быть удовлетворены;

„в) что преступно приносить в жертву материальные интересы рабочего класса таким политическим целям, которые в настоящее время ему чужды;

„г) что рабочий, как всякий человек, имеет право быть сторонником какой ему угодно политической партии и все-таки имеет право защищать свои экономические и культурные интересы и быть членом вполне равноправным в экономических и культурных организациях;

„д) что экономические и культурные организации должны стать ему необходимы, как воздух и вода, регулировать его экономические интересы, доставлять ему знания и что таковыми они могут стать только тогда, когда они будут целями сами по себе, а не служить орудием какой бы то ни было политической партии.

„II. Мы находим ненормальным современное положение вещей, при котором экономические организации находятся под руководством преимущественно политического по своим целям „Бунда“, потому что:

„а) экономическая деятельность является для Бунда, главным образом, средством революционизировать рабочую массу, и потому Бунд

намеренно игнорирует в своей экономической деятельности многие безусловно полезные для рабочей массы мероприятия;

„б) „Бунд“, принимая рабочего, ищущего только хлеба и знания, в свои, на взгляд массового рабочего, чисто экономические организации, навязывает рабочему свои политические взгляды и стремления. Рабочих с не „бундовскими“ взглядами в экономические организации „Бунд“ не принимает, а инертно-консервативную часть рабочей массы отпугивает своей репутацией политической партии. В результате подобная тактика „Бунда“ вредит организованной массе и жестоко поступает с остальными рабочими, которые тоже ищут союза со своими организованными товарищами.

„в) „Бунд“ развивает рабочих односторонне, ограждая их от не „бундовских“ взглядов и таким образом вносит в рабочую массу дух умственного порабощения;

„г) „Бунд“ не допускает в рабочие массы интеллигентные полезные силы, с его политическими взглядами несогласованные. „Бунд“ исполнил великую историческую миссию, развил дух недовольства своим экономическим положением в рабочем классе, но когда это достигнуто, и вся рабочая масса стремится к организации, сделалось невозможным держать экономическую и культурную деятельность в политических тисках „Бунда“.

Программа Партии.

„1) Еврейская независимая Рабочая Партия имеет целью поднятие материального и культурного уровня еврейского пролетариата посредством культурно-экономических организаций, как нелегальных, так и легальных, по мере возможности. На практике эта цель сводится: а) к развитию широких экономических организаций (тред-юнионов, касс, клубов, ассоциаций); б) к развитию среди рабочего класса научных и профессиональных знаний, и к воспитанию его для коллективной жизни.

„2) Партия в целом не выставляет себе никаких политических целей и касается политических вопросов в той мере, поскольку они затрагивают повседневные интересы рабочих.

„3) Партия объединяет для экономической и культурной деятельности рабочих всяких политических взглядов и совсем без таковых.

„4) Организация партии демократическая, т.-е. управляется снизу, а не сверху“.

Образую эту „партию“ Зубатов не допустил той ошибки, которую сделал Васильев, ставши сразу и открыто во главе союза приказчиков и союза столяров. Как и в Москве, он великодушно скрывает здесь свое авторство от глаз широкой публики, предпочитая, чтобы инициатива исходила от самих рабочих и притом рабочих, уже состоящих членами „Бунда“. Вот что рассказывает корреспондент из Минска: „Прилагаемое воззвание распространено на днях в Минске на русском и еврейском языках. Издано оно со дня на день приобретающими все больше влияния сторонникам зубатовской политики (во главе стоят один ретушер и работница, вернувшиеся из московской тюрьмы сторонниками зубатовских взглядов—оба безукоризненно честные люди). Они уже

овладели тремя цехами и их классовыми организациями—переплетным, столярным и слесарным. Устраиваются еженедельно громадные собрания (о которых, конечно, известно Васильеву и где присутствуют шпионы-рабочие, ибо новая „партия“ принимает всех без исключения). Бундовцы в весьма неудобном положении. С одной стороны, нельзя не противодействовать их агитации, с другой—всех, отстаивающих на этих собраниях революционные взгляды, забирают через несколько дней и немедленно ссылают в Сибирь. За последнее время почти еженедельно идут из Минска этапы ссылаемых на 3, 4 и 5 лет¹⁾.

Никогда Зубатов не пользовался бы таким несомненным успехом, если бы ему пришлось оперировать исключительно с „платными“ агентами. Такие агенты менее всего опасны. Они могут уничтожить, выдать организацию, но создать новое течение они не могут. Успех Зубатова объясняется, главным образом, тем, что из рядов самой социалдемократии одно течение шло к нему навстречу. Минский корреспондент говорит, что организаторы независимой партии „безусловно честные люди“; он ссылается на слова жандарма Васильева, который говорил, что „намеревался арестовать упомянутую работницу, но получил от Зубатова предписание не трогать ее, ибо хотя она и не состоит у нас на жалованьи, но своей деятельностью косвенно содействует нам“¹⁾.

„Беспринципность“, боязнь „ортодоксального сектантства“, стремление противопоставить революционной организации сверху экономически-демократическую организацию снизу—все это „косвенно“ или прямо содействовало успеху Зубатова. Легальные искания „бывшего“ марксиста Прокоповича, который во время „исследования рабочего движения растерял добрую половину своих теоретических предпосылок“, нелегальные статьи сотрудников „Раб. Мысли“ (в особенности знаменитое „Особое приложение“), знаменитая речь „Поворотный пункт в еврейском раб. движении“, проповедь о том, что организационная и агитационная работа должна вестись вокруг тех требований, и только тех, которые сознаны массой (см. В. И. на Раб. Дело № 2—3), одним словом весь тот сумбур, который внесли в нашу работу легальные и нелегальные „бернштейнианцы“, „критики“, „экономисты“, „рабочедельцы“—вот что создало возможность такого колоссального успеха для Зубатова. Значительное большинство видных деятелей „зубатовщины“ входили первоначально в наши орга-

¹⁾ Политический разврат и „экономическое“ тупоумие. Искра № 9 октябрь 1901 - стр. 2 ст.

низации. Там они пропитались принципом „беспринципности“, который повел их в объятия Зубатова и делал сначала „убежденными“ сотрудниками этого последнего, а в конце концов, под постоянным влиянием развращающих соприкосновений с Васильевым, Сазоновым и проч.—рыцарями синего мундира, которые из „убежденных“ становились „платными“ агентами. Такова история всех этих Афанасьевых, Слеповых, ретушеров, работниц и т. п. Первоначальные кадры зубатовцев составляли не массовики, малосознательные рабочие, а, именно, рабочие, выдвинувшиеся над средним уровнем, уже получившие воспитание и воспитание тенденциозно-антиреволюционное. Они все когда-то стояли на „третьей“ высшей стадии развития, но „экономическая агитация“ тянула их обратно к „первой“ стадии и перетянула в объятия Зубатова.

Рабочая масса пошла за Зубатовым лишь тогда, когда его агенты от слов стали переходить к делу, когда они с „открытым листом“ Московского генерал-губернатора заставляли фабрикантов вводить то или иное улучшение на заводе, когда, как это было во время стачки на заводе Гужона, из неведомых сумм „рабочим выдавались по 250 р. в неделю“. Но как только после отпора, который французский гражданин Гужон сумел оказать охранке,—такого рода „деятельность“ Зубатова должна была сократиться, масса отхлынула от него, или, как это было впоследствии в Одессе, пошла своим путем и опереточную „чисто-экономическую“ борьбу независимцев превратила в нешуточную уличную битву.

Я не берусь рассказывать здесь историю деятельности зубатовских организаций; интересующиеся этим вопросом найдут много фактического материала в брошюре Григорьевского ¹⁾, упомяну только, что протест, поднятый московским заводчиком Гужоном, нашел отклик у истинного защитника капиталистических карманов министра Витте.

„Фабриканты увидели,—говорит по поводу поданной министром Витте „Записки о разрешении стачек“ Мартов,—что полицейское вмешательство в их экономическую борьбу с рабочими есть орудие обоюдоострое. Хорошо, конечно, заставить рабочих подчиняться фабриканту и работать по пониженной плате; но ежели на основании своего всемогущества полиция начинает возбуждать рабочих против хозяев, когда ей надо отвлечь их внимание от борьбы с правительством—тогда уже лучше пусть полиция вовсе не суется в отношения труда к капиталу... из слуги она норовит превратиться в хозяина на фабрике. Стало быть, долой полицию, дайте с в о-

¹⁾ Полицейский социализм в России СПб 1906 г.

б о д у нашей экономической борьбе с рабочими. Пусть стачки рабочих будут нашим и их домашним делом... Вот на какие мысли навела московских капиталистов зубатовская политика. Эти помыслы выразил в своей записке г-н Витте, которому всероссийское купечество готовится нынче отпраздновать 10-летний юбилей его верной службы всероссийскому капиталу¹⁾.

Вся суть Зубатовской затеи, как мы видели, сводилась к тому, чтобы всю „полноту власти“ по рабочему вопросу сосредоточить в руках „охранки“. Витте в своей записке протестует против этого. „Нельзя обойти молчанием,—говорит он,—и такого явления, как организация „собеседований рабочих“ и „общества взаимопомощи рабочих механического производства“ в г. Москве. Учреждения эти явились, несомненно, на почве стремления рабочих к самоорганизации в целях взаимной помощи и развития, но порядок возникновения их и задачи, которые они начали преследовать, не могут назваться правильными. Так, прежде всего, инструкция совету рабочих означенного общества была утверждена г. московским обер-полицеймейстером, при чем этой самой инструкцией определялись функции совета, ограниченные исключительно организацией собеседований. Вскоре, однако, означенный совет принял на себя посредническую роль между фабричными рабочими промышленных заведений г. Москвы и органами промышленной власти, имеющую предметом взаимные отношения между предпринимателями и рабочими. Сначала сей совет обращался к чинам фабричной инспекции, но засим, видя, что последние не признают его компетентности в принятой на себя самовольно посреднической роли, он стал обращаться к обер-полицеймейстеру, который не только принимает получаемые заявления, но дает им законный ход, чем санкционирует присвоение себе советом права. Едва-ли столь важный и имеющий общегосударственное значение вопрос, как установление доселе несуществовавшего нового фактора промышленной жизни, т.-е. организации рабочих, может быть решаем местными административными властями, а не законодательным порядком, ибо подобные местные решения, как не сообразованные с пользой общегосударственной и устанавливающие неодинаковость положения рабочих местностей, обладают случайным характером и посему могут оказаться иногда даже вредными“²⁾.

¹⁾ Мартов. „Новая победа русских рабочих“, послесловие к брош. „Самодержавие и стачки“. Женева. 1902 г., стр. VII и IX.

²⁾ Докладная записка Витте о пересмотре статей закона, карающих забастовки, и о желательности установления организации рабочих в целях взаимопомощи. Самодержавие и стачки, стр. 33—35.

В результате Витте предлагает разрешить рабочим устраивать организации, цель которых заключается: 1) „во взаимной материальной поддержке и содействии к приобретению знаний, 2) в содействии чинам фабричной инспекции при выяснении недоразумений между фабрикантами и рабочими“¹⁾. Организации эти должны быть обязательны для всех рабочих.

„Свобода собраний рабочих с целью об'яснения своих нужд,—пишет Витте,—не должна быть стеснена, при чем во избежание скопления слишком большого числа людей, неизбежного при общих собраниях рабочих значительных промышленных заведений, порядок таких собраний должен быть таков, чтобы общие собрания происходили лишь в составе выборных, уполномоченных от своих избирателей. Означенная организация должна быть проведена законодательным порядком и регламентирована особым положением“²⁾.

Как известно, записка эта осталась только запиской. Так далеко правительство итти не решилось. Впрочем, одно время оно, надо полагать, серьезно задумало пойти по пути, указанному Витте и продиктованному московскими фабрикантами. В конце 1902 г. мне пришлось попасть в департамент полиции после нелегального пребывания в Петербурге. Тогдашний директор этого департамента, г. Лопухин, который, будучи еще товарищем прокурора, принимал самое непосредственное участие в моей ссылке в Верхоянск, встретил меня теперь радостным известием, что отныне „они“ решили вступить на путь законности; произвол охранки отойдет-де в область предания, все революционеры будут судиться правильным судом, и рабочие получают право стачек и союзов; таким образом, социал-демократам не будет возможности продолжать свою деятельность. „Ваше движение должно будет исчезнуть и оно исчезнет“,—закончил г. Лопухин свои откровения. „А как вы думаете, совместима ли свобода стачек и „законность“ вообще с самодержавием?“—спросил я, но ответа на это от директора департамента полиции не получил. Очевидно, правительство должно было решить этот вопрос в отрицательном смысле. Записка Витте попала под сукно, где благополучно обретается и поныне. Деятельность Зубатова, поскольку она касалась первой части его программы—„введения принципа законности“ была приостановлена. Но зато ему были предоставлены самые широкие полномочия по выполнению второй части программы „из'ятия социал-демократов из благоприятной среды“ всевозможными способами. Все основанные им общества, союзы и партии стали служить отныне уже исключительно этим благородным целям.

¹⁾ Там же, стр. 86.

²⁾ Там же, стр. 43

Г Л А В А XXXI.

„Социал-демократия есть соединение рабочего движения с социализмом“,—пишет „Искра“ в своей первой вступительной статье, „ее задача—не пассивное служение рабочему движению на каждой отдельной стадии, а представительство всего движения в целом, указание этому движению его конечной цели, его политических задач, охрана его политической и идейной самостоятельности. Оторванное от социал-демократии рабочее движение мельчает и необходимо впадает в буржуазность; ведя одну экономическую борьбу, рабочий класс теряет свою политическую самостоятельность, изменяет великому завету „освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих“¹⁾.

В этом положении „Искра“ резко и определенно ставит вопрос об отношении социал-демократии к рабочему классу. И это, несомненно, было „новое“ слово в русской социал-демократической литературе. Так определенно не ставился этот вопрос ни творцами русского марксизма, вся литература которых говорила лишь о создании будущей социал-демократии, ни их противниками, „экономистами“, которые стремились массовое движение, стихийно (благодаря политическим условиям России) шедшее по пути к принятию политической формы, принизить до своей анти-социал-демократической, трэд-юнионистской точки зрения. Совершенно обходили этот вопрос и эклектики „Рабочего Дела“, которые, подобно оппортунистам всех стран и всех времен, всегда избегали и не могли не избегать прямой, решительной постановки вопроса. А между тем от правильного решения вопроса об отношении социал-демократии к рабочему классу зависели и форма организации, и тактика, и программа социал-демократии.

Социал-демократия представляет интересы всего движения, всего рабочего класса в целом, это значит, что ее тактика и ее программа будут определяться не нуждами и потребностями, „сознанными“ данной группой рабочих, а нуждами и потребностями всего рабочего класса, хотя бы и не „сознаваемыми“ большинством рабочих, хотя бы масса рабочих относилась не только индифферентно и пассивно к предлагаемому социал-демократией способу решения этих нужд и потребностей, но даже враждебно. „Рабочие организации на материке Европы,—пишет „Искра“,—значительно слабее ремесленных

¹⁾ Насущные задачи нашего движения. „Искра“ № 1. Декабрь 900 г. стр. 1.

союзов в Англии. Но зато деятельность их одухотворена и проникнута идеей классовой солидарности пролетариата, независимо от профессиональных, племенных и даже государственно-национальных различий и перегородок; свои частные, местные и профессиональные интересы и минутные выгоды они подчиняют общим, основным международным интересам освобождения пролетариата во всем цивилизованном мире. В этом—великая заслуга социал-демократии, и в успехах ее на пути объединения рабочих масс в сознательно классовую международную 'армию пролетариата лежит центр тяжести достигаемых или уже достигнутых ею результатов" ¹⁾.

Местные профессиональные и национальные интересы далеко не всегда совпадают с интересами общеклассовыми. Но местные профессиональные интересы гораздо легче сознаются каждым отдельным рабочим, чем интересы классовые. Для понимания классовых интересов недостаточно личного опыта каждого отдельного рабочего, для этого должен быть использован весь опыт всех рабочих, вся история всего рабочего класса. Социализм и есть та наука, которая построена на этом коллективном опыте, на этой классовой истории. Социализм уловил тенденцию дальнейшего развития рабочего класса, его историческое призвание. „Социализм только тогда сделался великой исторической силой, когда ему удалось, поняв призвание рабочего класса, стать его наукой и верой“ ¹⁾.

Но раз это так, то, стало быть, рабочий класс сам идет по пути к социализму, к той конечной цели, которую уловила и наметила социалистическая наука?

Рабочий класс в целом—да, но не каждый отдельный рабочий, не каждая отдельная рабочая группа. „Идея классовой солидарности всего пролетариата,—писала В. Засулич,—не так уже проста, чтобы самостоятельно зародиться в голове каждого рабочего... Социализм уже и вовсе не вырастает в головах рабочих сам собою из экономики. Социалистическая теория была подготовлена всем развитием и жизни и знания... и создана вооруженным этим знанием гениальным умом. Также и начало распространения идей социализма среди рабочих положили почти на всем континенте Европы социалисты, получившие образование для высших классов“ ²⁾.

Без знания социалистической науки каждый отдельный рабочий, каждая группа рабочих невольно, стихийно толкается на борьбу лишь с тем злом, который его или их непосредственно касается, не больше. Эта частная борьба становится

¹⁾ „Искра“, № 2 февраля 1901 г. „Итоги международной социал-демократии.“

²⁾ „Заря“ № 4 стр. 79—80.

классовой лишь тогда, когда рабочий начинает понимать, что она является лишь отдельным эпизодом в общей борьбе за достижение конечной цели. Этого понимания не может достигнуть каждый отдельный рабочий на основании только своего личного опыта.

„Кто раз'яснил и раз'ясняет рабочим их историческое призвание, „как класса“?—говорит „Искра“.—Никто иной, как социалисты или, точнее, социал-демократы. И если справедливо, что в знании—сила, то очевидно, что сила рабочего класса должна заключаться, главным образом, в знании своей исторической задачи и средств к ее осуществлению. А если так, то мы имеем полное основание сказать, что и сам пролетариат становится мировой исторической силой лишь по мере того, как он в своих освободительных усилиях проникается и сознательно руководится учениями социал-демократии, составляющими науку об условиях, путях и средствах его полного и окончательного освобождения. Стало быть, рост общественной силы рабочего класса и рост исторической силы социализма, т.-е. социал-демократии, составляют два неразрывно связанных друг с другом явлений или, верней, одно и то же явление, рассматриваемое с двух сторон. Успехи социал-демократии должны измеряться прежде всего распространением ее учений и влиянием в рабочих массах. Но, с другой стороны, чем сильнее они влияют на мысль и образ действия этих масс в их усилиях улучшить свое положение, тем сознательнее они выступают против своих эксплуататоров, тем меньше ошибок они делают, тем целесообразнее выбираемые ими пути и средства для борьбы с господствующими классами и тем, следовательно, больше приближаются они к конечной цели рабочего движения к полному освобождению рабочего класса путем завоевания им государственной власти. Рост всемирно-исторического значения и силы пролетариата сливается, таким образом, с успехами международного социал-демократического движения. Успехи последнего являются масштабом для измерения первого“¹⁾.

Отсюда ясно, что само по себе рабочее движение не является еще социал-демократическим движением, оно должно стать таковым под влиянием социал-демократической мысли, которой должны пропитать рабочих те, кто понял его историческую миссию, кто стал на классовую точку зрения, т.-е. социал-демократы. Только при их воздействии рабочее движение может превратиться в сознательно-революционное социалистическое движение. В рабочее движение (возникающее

¹⁾ „Итоги международной социал-демократии“. „Искра“ № 2, стр. 5. столб. 3.

стихийно) должен попасть революционный, социалистический „фермент“¹⁾, должна проникнуть „социалистическая бацилла“. Социализм должен быть „привлечен извне“²⁾. Роль социал-демократии заключается в том, чтобы служить этим „ферментом“. Она должна „привнести“ классовое сознание в бессознательную стихийную борьбу рабочих с непосредственно их касающимся злом; местное, профессиональное, стачечное, бунтарское, погромное движение она должна превращать в движение сознательное, идущее определенным, заранее намеченным путем к конечной цели.

Этого не понимали „экономисты“ и их наследница, редакция „Рабочего Дела“, это намеренно старались скрыть и затушевать разные „независимцы“. „Еврейский рабочий класс требует в настоящее время „хлеба и знаний“, а поэтому „преступно приносить в жертву материальные интересы рабочего класса таким политическим целям, которые в настоящее время ему чужды“ (из программы „Независимой Партии“). Знакомая песня о том, что агитационная и организационная работа должна вестись только вокруг тех требований, какие уже „сознаны“ массой. Принимая это положение, можно, конечно, расходиться в оценке того, какие, именно, требования уже сознаны данной массой; но подобные разногласия не поколеблют согласия в принципе: не действительные интересы рабочего класса, а те интересы, которые он уже сознал, должны определять собой деятельность партии. И это вполне логично; если рабочая масса сегодня понимает свои интересы не так, как понимала их вчера, то как же нам судить о том, что такое ее „действительные интересы“? Мы, социал-демократы, судим, об этих интересах, руководствуясь своей „теорией“, т.-е. продуманным опытом движения мирового пролетариата и научным исследованием общественного развития. Но для „экономистов“ эта теория—звук пустой. От своих „ученых“ от Бернштейнов, Струве, Прокоповичей, они узнали, что теория научного социализма (марксизма) не есть „настоящая“ наука.

А, стало быть, такая ненаучная теория не имеет права „навязывать“ массам свои выдумки. Только одни „сектанты“ марксисты, для которых „теория“ дороже жизненных интересов живых людей; только они могут во имя своей теории не смущаться тем, чего хотят рабочие, и учить эти массы тому, какие задачи они должны себе поставить, чтобы удовлетворить свои действительные классовые интересы“³⁾. Этого,

¹⁾ Плеханов: О задаче социалистов в борьбе с голодом, стр. 64.

²⁾ Ленин: „Что делать?“ „Наболевшие вопросы нашего движения“, стр. 20.

³⁾ „Политический разврат и экономическое тупоумие“. „Искра“, № 9, стр. 2, ст. 41.

повторяю, не хотели понять „экономисты“. Один из их апостолов—Н. Н. еще недавно толковал, что „нам приходится делать столь решительное коренное различие между интересами, которые „мы“ (интеллигенты) приписываем рабочим, и интересами, действительно имеющимися у них“¹⁾.

„Искра“ на этот вопрос ответила ясно и определенно. Да, действительно, если мы не желаем быть простым прилатком буржуазии и не хотим идти в хвост стихийного движения, мы должны „навязывать“ рабочим те интересы, которые они еще не сознали, но которые они должны „сознать“, чтобы иметь возможность вести дальнейшую борьбу. Русские рабочие еще не сознали своих „политических“ интересов, и социалдемократия обязана „навязать“ рабочим массам идею, „что ближайшей политической задачей русской рабочей партии должно быть ниспровержение самодержавия, завоевание политической свободы“²⁾.

Весь рабочий класс в целом еще не понимает этой ближайшей задачи, жизнь еще не научила его в достаточной степени, что без политической борьбы для него немислима никакая действительно плодотворная борьба за улучшение своего экономического положения. Рабочий класс в массе еще надеется при помощи одних кас взаимопомощи и местных стачек добиться для себя человеческой жизни. И жизнь—во времена промышленного расцвета—отчасти подтверждает это его заблуждение. Задачи революционной социалдемократии—разрушить в нем обманчивые иллюзии, представить ему действительную перспективу движения, заставить его понять, что вне революции он не добьется удовлетворения уже „сознанной“ им потребности „в хлебе и знаниях“. „Содействовать политическому развитию и политической организации рабочего класса, — пишет „Искра“, — наша главная и основная задача. Всякий, кто отодвигает ее на задний план, кто не подчиняет ей всех частных задач и отдельных приемов борьбы, тот становится на ложный путь и наносит серьезный вред движению. Отодвигают же ее, во-первых, те, кто зовет революционеров на борьбу с правительством силами отдельных заговорщических кружков, оторванных от рабочего движения, во-вторых, кто суживает содержание, размах политической пропаганды, агитации и организации, кто считает уместным и возможным угощать рабочих „политикой“ только в исключительные моменты их жизни, только в торжественных случаях, кто слишком заботливо разменивает политическую борьбу против самодержавия на требование

¹⁾ Н. Н. Ответ на брошюру Аксельрода, стр. 44.

²⁾ Насущные задачи нашего движения. „Искра“, № 1, стр. 1, ст. 1

отдельных уступок от самодержавия и недостаточно заботится о том, чтобы эти требования отдельных уступок возвести в систематическую, бесповоротную борьбу революционной партии с самодержавием“¹⁾.

Итак, интересы, „сознанные“ рабочими массами, не совпадают с интересами, „сознанными“ социалдемократией. Отсюда исходили все нападки „экономистов“ против революционной социалдемократии, вся демагогия зубатовцев против „мелких интеллигентов“, желающих навязать рабочим чуждые рабочим, свои чисто интеллигентские цели. Рабочим нет дела до политики, до свержения самодержавия, а социалдемократия навязывает им роль передового борца в политической борьбе. Конечно, для тех, кто в полицейских целях стремится удержать рабочих от политической борьбы, и для тех, кто, боясь „моря крови“, т. е. пролетарской революции сознательно или бессознательно, в интересах буржуазии, хочет превратить рабочее движение в простой хвост либерализма, выгодно обвинять в этом революционную социалдемократию, чтобы вместо революционных идей навязать стихийному рабочему движению патриотические „истинно русские“ идеи (зубатовщина) или буржуазные идеи мирной реформистской деятельности (легальные критики и нелегальные экономисты).

„Наша роль,—говорит „Искра“,—не может ограничиться тем, чтобы „втянуть рабочую массу в противоправительственное движение, начатое теми или другими угнетенными царизмом группами. Если бы мы ограничились только этой задачей, мы бы сделали не более того, что делали при подобных случаях в 3. Европе буржуазно-демократические партии. Нам предстоит сделать нечто гораздо большее. Рабочие массы должны не только придать демонстрациям физическую силу численности и нравственную силу народности. они должны усилить революционный характер самого движения, должны положительно выразить в нем политическую программу и социальные интересы своего класса“²⁾.

Объективный ход вещей ведет и должен привести Россию к революции, и по своему положению пролетариат не может не участвовать в этой революции. Весь вопрос только в том, какую роль будет он играть в ней: роль ли слепого орудия в руках буржуазии, или сознательного авангарда революционных сил. А это уже целиком будет зависеть от

¹⁾ Насущные задачи нашего движения. „Искра“, № 1, стр. 1, ст. 2.

²⁾ Юбилей Казанской площади в Спб. „Искра“, № 12, 6 декабря 1901. стр. 1, № 2.

социалдемократии, которая, являясь выразительницей действительных интересов рабочего класса, обязана выяснить эти интересы всей рабочей массе.

Уже в 901 г. об'ективный ход вещей—промышленный кризис и связанное с ним усиление политической реакции—выгнали рабочую массу на улицу для выражения протеста против существующего политического строя. Но предшествующая деятельность „экономистов“ не научила рабочих выставлять свои классовые лозунги, не указала им надлежащего места в ходе революции. И в результате получилось то, что рабочие своим выступлением, придав громадную мощь и революционное значение студенческому движению и действительно встав во главе этого движения, не могли поднять над ним своего пролетарского знамени, не сумели выставить своих классовых требований. Фактически ведя движение, они вынуждены были бороться за чуждые им студенческие, неревolutionные лозунги.

„Многие коллеги, — пишет по этому поводу Мартов, — были, повидимому, весьма восхищены тем фактом, что во время февральских и мартовских демонстраций выкидывалось красное знамя. Они, повидимому, усмотрели в этом официальное признание гегемонии русского пролетариата. Красное полотно, на котором начертаны слова: „долой временные правила“, есть все что угодно, но не красное знамя пролетариата. Если пролетариат своим участием в демонстрациях придал им характер внушительного народного протеста, то он—благодаря прежде всего нашей неорганизованности—не внес в положительное содержание этого движения чего-либо более широкого по сравнению с тем, что было ему, придано интеллигенцией“ ¹⁾. Эти демонстрации показали, „что воспитанный на чисто экономической борьбе пролетариат пригоден как раз к роли хвоста (политического общества) и только хвоста“ ¹⁾.

Противники политических выступлений пролетариата не удержат его от них, но они мешают сознательности этих выступлений, обрекают пролетариат либо на стадные погромы (зубатовская, полицейская, истинно русская тактика), либо к роли хвоста буржуазного движения, к роли той недовольной аморфной среды, которая в руках буржуазии будет служить пугалом для самодержавия, когда ей понадобятся какие-нибудь уступки,—по формуле: „дайте нам, а то они будут стрелять“.

¹⁾ Всегда в меньшинстве. Заря № 2—3. Декабрь 901 г., стр. 194 пр. мечание.

„В истории Западной Европы, так называемое, чисто-рабочее движение, с его антагонизмом к „политикам“ и идеологам, сплошь и рядом на практике являлось наилучшей опорой той буржуазной демократии, которая стремилась политически поработить пролетариат, чтобы экономически его эксплуатировать“¹⁾.

Социализм привносится в рабочее движение извне, но сам он возник, вырос и стал наукой благодаря уже существующему движению и движению всемирному (а не местному). Пролетарская классовая идеология, повторяю, создается не опытом отдельных рабочих, а опытом всей истории рабочего класса „Это не значит, конечно,—говорит Ленин,—что рабочие не участвуют в выработке этой идеологии. Но они участвуют не в качестве рабочих, а в качестве теоретиков социализма, в качестве Прудсов и Вейтлингов, участвуют, другими словами, лишь постольку, поскольку им в большей или меньшей степени удается овладеть знанием своего века и двигать вперед это знание. А чтобы рабочим чаще удавалось это, для этого необходимо, как можно больше заботиться о повышении уровня сознательности рабочих вообще, для этого необходимо, чтобы рабочие не замыкались в искусственно суженные рамки „литературы для рабочих“, а учились бы овладеть все больше и больше общей литературой. Вернее даже было бы сказать вместо „замыкались“ — „были замыкаемы“, потому что рабочие то сами читают и хотят читать все, что пишут и для интеллигенции, и только некоторые плохие интеллигенты думают, что „для рабочих“ достаточно рассказывать о фабричных порядках и пережевывать давно известное“²⁾.

Отказываться от роли „навязывателя“ рабочим социалистической идеологии и предоставлять создание этой идеологии стихийному процессу развития, т. е. рекомендовать ожидать, пока рабочие сами сознают свои интересы, это значит—отдавать пролетариат в руки буржуазных идеологов. Почти каждая легальная газета и каждая легальная книга, попадающая в руки рабочих, воспитывают его в антиклассовом, антиреволюционном духе. Перестав быть слепой и глухой скотиной, ничего, кроме своего ярма, не знающей, рабочий всеми силами стремится к знанию, к пониманию всего окружающего; но только при помощи социалдемократической литературы найдет он способы понять это окружающее не с буржуазной, а с своей классовой, пролетарской точки зрения. Жизнь сама учит массового рабочего противополож-

¹⁾ Там же.

²⁾ Ленин. „Что делать“, стр. 27—28, примечание.

ности его интересов интересам предпринимателей, но только социалдемократическая литература в состоянии объяснить эту противоположность интересов и придать ей классовый характер. „Фраза, что никакие усилия самых вдохновенных идеологов не могут совлечь рабочего движения с пути, определяемого взаимодействием материальных элементов и материальной среды,—говорит Ленин,—совершенно равносильна поэтому отказу от социализма, и если-бы эти авторы (письма в редакцию в 12 № Искры) способны были продумать то, что они говорят, до конца, бесстрашно и последовательно... то им ничего не осталось бы, как „сложить на пустой груди ненужные руки“ и предоставить поле деятельности гг. Струве и Прокоповичам, которые тянут движение „по линии“ наименьшего сопротивления, т.е. по линии буржуазного трэд-юнионизма, или гг. Зубатовым, которые тянут его по линии поповско-жандармской „идеологии“¹⁾.

„Прогрессистская партия, в борьбе с феодалами и абсолютизмом,—писал Мартов,—отряжает Шульце-Делича в рабочую среду для того, чтобы развить в ней „чисто экономическое“ движение „самопомощи и взаимопомощи“, как выразился бы автор „письма в редакцию“, помещенного в № 10 „Рабочей Мысли“. Шульце-Делич учит, что социальное освобождение рабочих должно быть достигнуто вне классовой пролетарской борьбы, и в то же время прогрессистская партия стремится пользоваться рабочими массами для поддержки своего собственного политического движения. Нигде резче не проявляется анти-интеллигентское течение, как в тех старых английских трэд-юнионах, которые, суживая свою деятельность, как рабочих организаций, экономической борьбой, в области политики слепо идут за буржуазными партиями. Во Франции в 80-х годах революционному социализму „политиков“—интеллигентов были противопоставлены сначала „кооператизм“ Жоффрена, потом „практический“ поппулизм с их „чисто рабочим“ характером и борьбой против идеалов, при чем то и другое движение плелось в хвосте буржуазного радикализма“²⁾.

„Чисто рабочее“ движение всегда и всюду было формой, под прикрытием которой действовали „чисто буржуазные“ идеологи. Задачи революционной социалдемократии — защитить рабочий класс от буржуазной идеологии, лишаящей его самостоятельной политической роли. Сделать это социалдемократия может только, развивая классовое самосознание рабочей массы, выясняя ей все и вся с классовой социали-

¹⁾ Там-же, стр. 28, примечание.

²⁾ Мартов, „Всегда в меньшинстве“. Заря 2—3, стр. 196.

стической точки зрения и изобличая всех и всякого, кто, под видом „друга“ рабочих, старается оскотить рабочее движение. Именно для этого революционная социалдемократия должна всегда и всюду подчеркивать, что она является не только „выразительницей“ и „толковательницей“ стихийного, бессознательного движения, она должна открыто заявить, что хочет быть сознательной руководительницей бессознательного процесса, орудием превращения этого бессознательного процесса в сознательный.

„Шансы успеха пролетариата в его борьбе с защитниками существующего порядка вещей,—писала „Искра“ в 1903 г.,—растут в той самой мере, в какой его движение утрачивает стихийный характер и становится сознательным, и в этой же мере возрастает на него влияние социальной демократии, планомерные действия которой служат сознательным выражением бессознательного исторического процесса. Противопоставление стихийности сознательному действию революционной партии может иметь смысл только в том случае, когда сама эта партия, не умея встать на классовую точку зрения, противопоставляет субъективное понимание объективному ходу вещей. В этом случае ход идеи противоречит ходу вещей, и потому оказывается лишенным всякой творческой силы. Мысль опережается жизнью и мало-по-малу утрачивает на нее всякое влияние. Таких случаев можно не мало насчитать в истории того доброго старого времени, когда социализм, стоящий на почве утопии, распространяется почти исключительно в среде, так называемой, интеллигенции. Стихийное движение рабочего класса имело тогда за собой гораздо больше шансов практического успеха, чем сознательные усилия заговорщиков революционеров или социалистов-террористов. Но это доброе старое время само лишь было введением в историю современного революционного движения пролетариата. Дальнейшее развитие этого движения вело к тому, что стихийность все более и более отступала в нем перед сознательностью, которая черпала свою творческую силу именно в правильном понимании объективного хода вещей. Противоречие между мыслью и жизнью оказалось тогда разрешенным, социализм переставал быть утопичным и становился научным“.

„Фридрих Энгельс, сам живший в сороковых годах в Париже и хорошо знакомый с тем, что там происходило, говорит, что уже скоро после июльской революции пролетариат, получивший свое конспиративное воспитание в тайных обществах времен реставрации, становится преобладающим элементом в революционных организациях заговорщиков. Тайное

общество „Времен года“, с помощью которого Бланки и Барбэс вызвали восстание 1839 года, было уже исключительно пролетарским. И таким же пролетарским было общество „Новых времен года“, которое было основано после неудачи названного восстания, и которым руководил Альбер Но, несмотря на то, что эти общества состояли почти исключительно из пролетариев, их приемы и их тактика имели в себе очень мало пролетарского, будучи целиком заимствованы из эпохи заговоров буржуазной интеллигенции“¹⁾.

Одно участие рабочих в движении, одно постоянное упоминание всеу фразы „освобождение рабочих есть дело самих рабочих“ не делает еще рабочее движение движением классовым, пролетарским. В данную минуту большинство рабочих может не понимать своих классовых интересов, может даже выступать против них, что и делали наши рабочие примкнувшие к разным зубатовским „независимым“ партиям и союзам. Социалдемократия, став на точку зрения классовых интересов рабочего класса и стремясь их выразить в своей программе, может не бояться расхождения в данный момент этой программы с мнением рабочего класса, ибо она знает, что само развитие классовой борьбы неминуемо изменит это мнение в сторону ее программы. При таком условии „непримиримая“ партия, выступающая с программой, выражающей действительные интересы класса, может оказать громадное революционизирующее влияние на массу, ускоряя развитие ее „мнений“ в направлении, соответствующем ее классовым интересам. При таком условии „непримиримость“ революционной партии становится действительно ее силой. „Практичности тех, кто в каждый данный момент отражает колебания „общественного мнения“ и вместе с последним терпит и неизбежные затем разочарования, революционная партия противопоставляет „высшую практическую революционного пути“. Практичность вытекает из понимания хода развития тех движущих сил, которые создают и изменяют „мнения“²⁾.

Когда наши экономисты провозгласили, что „экономическая основа движения затемняется стремлением постоянно не забывать политический идеал“, что девиз рабочего движения — „борьба за экономическое положение“ (1), или еще лучше „рабочие для рабочих“; когда объявлялось, что стачечные кассы „дороже для движения, чем сотня других организаций“, и т. п. фразы в роде той, что во главу угла надо ставить не „сливки“ рабочих, а среднего, массового рабо-

1) „Мартовские иды“, „Искра“, № 35, 15 марта 1903 г., ст. 1, ст. 1 и 7.

2) „Непримиримый“. „Искра“, № 7, август 1901 г., стр. 6, стр. 2.

чего, что политика всегда „послушно следует за экономикой“ и т. д. и т. д. сделались модой и приобрели неотразимое влияние на массу привлекаемой к движению молодежи, знакомой в большинстве случаев только с обрывками марксизма в легальном его изложении. Это было полное подавление сознательности стихийностью тех „социалдемократов“, которые повторяли идеи г-на В. В., стихийностью тех рабочих, которые поддавались тому доводу, что „копейка на рубль ближе и дороже, чем всякий социализм и высшая политика, что они должны вести „борьбу“, зная, что они борются не для каких-то будущих поколений, а для себя и своих детей“¹⁾. Этому ходу „идей“ Искра объявила решительную и неумолимую войну; устами Мартова она призывает членов нашей партии „понять основной смысл ведущейся отовсюду войны против революционной марксистской „ортодоксии“ и во имя реальных классовых интересов пролетариата стать решительно на сторону последней. Вне знамени революционной социалдемократии нет плодотворной работы для дела пролетариата“²⁾.

„Русская интеллигенция в наши дни, — писал Мартов, — не перестает скорбеть об отсутствии в современной деятельности великих героических задач, способных охватить всего человека. Нам представляется, что такая героическая задача стоит перед современной социалистической интеллигенцией. Эта задача сводится к тому, чтобы в условиях, в высшей степени неблагоприятных для создания действительно социалистической рабочей партии, неуклонно бороться за выработку элементов такой партии. Ряд исторических условий против нас в этом деле: и неразвитость классовых противоречий, оттираящая в сознании общества борьбу труда с капиталом на второй план, и обусловленная этим фактором социальная неразвитость пролетариата, создающая развитию социалистической мысли преграду в виде „чисто рабочего“ движения; и тяготение над нами мрачного чудовища — абсолютизма, препятствующего развитию и обнаружению классовых противоречий, обостряющих и потрясающих социалистическое сознание; и обусловленная его существованием возможность для идеалистического радикализма втираться в ряды рабочей партии и увлекать за собой народные массы социалистической фразеологией, за которой скрывается достаточная доля буржуазного содержания...

„В настоящий момент революционная социал-демократия должна быть готова встретить сопротивление со всех сто-

¹⁾ Ленин. „Что делать“, стр. 25.

²⁾ Мартов. „Всегда в меньшинстве“, стр. 200.

рон: снизу—со стороны адептов „чисто рабочего движения“, сверху—со стороны буржуазной критики, с флангов—со стороны подпавших влиянию того или другого представителя „примирительных“ эклектических течений. И все нападающие сойдутся в признании ее „сектантской“. Но „безумству храбрых поэм мы песни“. Великая задача—уже в данный момент отстаивать классовую основу движения, как от врагов его, так и от „друзей“, стоит того, чтобы начать борьбу при неодобрении громадного большинства. Одушевленная сознанием исторической важности борьбы за политическую гегемонию пролетариата, как лучшего оплота его будущей независимости в борьбе со всем буржуазным миром, социалистическая интеллигенция в своем научном мировоззрении найдет опору, которая даст ей возможность сознательно разорвать все оковы, налагаемые идеологией буржуазного общества. И тогда она не убоится зачисления ее „всем миром“ в ряды сектантов¹⁾.

Подведем итог сказанному здесь сотрудниками Искры. Все сводится к выяснению следующих положений. Понятие „рабочее движение“ не совпадает с понятием „социал-демократическое“ движение. Только сознательно ставшее на классовую точку зрения рабочее движение становится движением социал-демократическим. Отсюда вытекает второе положение: участие рабочих в той или иной организации не делает еще эту организацию социал-демократической. Она становится таковой лишь тогда, когда в ней участвуют люди (безразлично рабочие или не рабочие), вполне постигшие истины научного социализма, в строгом соответствии с которым находится каждый делаемый ими в практической работе шаг. Отсюда ясно, что социал-демократическая партия не может вместить в себя всех рабочих; в ее ряды могут входить лишь социалисты рабочие, рабочие, которые умеют подчинять местный, групповой и профессиональный интересы — интересу классовому, общепролетарскому. Но не стремясь вместить в себя всех рабочих, социал-демократическая партия тем не менее является партией „рабочей“, потому что она сознательно отстаивает и защищает интересы всего рабочего класса в целом, руководит всяким проявлением рабочего движения и воспитывает всю массу рабочих в классовом и социалистическом духе. Научный социализм—это воплощение опыта и исторической тенденции развития рабочего класса—служит вернейшей гарантией того, что, придерживаясь его, социал-демократическая партия лучше понимает действительные нужды и потребности рабочего класса, чем каждый отдельный рабочий, чем каждая отдельная группа рабочих или чем те,

¹⁾ Мартов. „Всегда в меньшинстве“, стр. 202—203.

которые формулируют и выражают лишь „стихийное движение“ отдельных групп рабочих.

„Социал-демократия есть соединение рабочего движения с социализмом... Оторванное от социал-демократии рабочее движение мельчает... теряет свою политическую самостоятельность, изменяет великому завету: „освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих“¹⁾.

Г Л А В А XXXII.

„Организуйтесь!“ повторяет рабочим на все лады газета „Раб. Мысль“, повторяют все сторонники „экономического направления“. И мы, конечно, присоединимся к этому кличу, но мы непременно добавим к нему, организуйтесь не только в общества взаимопомощи, стачечные кассы и рабочие кружки, организуйтесь также и в политическую партию, организуйтесь для решительной борьбы против самодержавного правительства и против всего капиталистического общества“²⁾.

Говоря об организационных взглядах в России ко времени 1-го съезда, мы указывали, что в то время существовали три течения: первое стремилось к организации заговорщического штаба, готовящегося к завоеванию себе армии (точка зрения гр. Осв. Труда), второе, желая во что бы то ни стало создать организацию армии, готово было пожертвовать для этой цели социал-демократичностью этой армии (точка зрения „экономистов“), и, наконец, третье течение ставило своей задачей, сохраняя в неприкосновенности конспиративный штаб организации, целым рядом нитей непосредственно связать его со всей массой (точка зрения первых русских социал-демократов). Уже с первого номера Искра определенно становится на эту третью точку зрения. Она вступает в решительную борьбу с узостью экономистов, которые, в погоне за „демократичностью“ своих организаций, за наивозможно более широким участием в них массовых рабочих, совершенно затушевывали революционный характер этих организаций, сводили их к „кассам взаимопомощи“ и к „стаечным кассам“ чисто трэд-юнионистского типа. У них социал-демократические комитеты превращались только в „слугу“ этого „чисто рабочего движения“, в исполнителей технических поручений „чисто рабочих организаций“.

При господстве экономистов социал-демократическая организация, как организация политическая и революционная, пере-

¹⁾ Насущные задачи нашего движения. Искра, № 1 стр. 1, ст. 1.

²⁾ Насущные задачи нашего движения. Искра, № 1 стр. 1, столб. 2.

стает существовать. Надежды на возможность в рамках существующего политического строя „легализировать“ эти рабочие организации, нелепая идея, будто стоит эти организации сделать обычными, и они уже тем самым станут законными; политический разврат, который, опираясь на эти надежды, внесли зубатовцы в „чисто рабочее дело“, все это свело на-нет всякую конспирацию, наводнило все организации массой провокаторов. Частые провалы, которым, несмотря на всю свою антиреволюционность, подвергались экономисты, заставили их в конце концов „неконспиративность“ возвести в принцип, противопоставляя ее строгой конспиративности „заговорщиков“, „бланкистов“—революционных социал-демократов. „Движение перерасло рамки конспирации“, „конспирируй или нет, все больше трех месяцев не проработаешь“. „Конспирация хороша для интеллигентов, которые варятся в своем соку, для широкого рабочего движения конспирация вредна“. Такие фразы слышатся все чаще и чаще. Само собой разумеется, что яркими гонителями конспирации и „заговорщицких“ тенденций интеллигенции являлись разные Румы, Михайловы, Афанасьевы, Слеповы и другие сторонники Зубатова. То ли дело широкий демократизм: рабочие сами выбирают своих вожakov, негодного смещают, вся организация построена „снизу“, а не сверху, и она поэтому служит рабочим, а не помыкает ими, не навязывает им чуждых, интеллигентских затей, не подавляет мнений рабочих своими интеллигентскими мнениями.

„Петербургские товарищи,—пишет Искра,—всю прошлую зиму убили на создание широкой и демократической (по уставу) рабочей организации, которая должна была руководить одновременно и стачечной борьбой, и делом взаимопомощи, и политическим движением“. Занятые развитием этой организации, петербургские товарищи так углубились в свое дело, завещанное им экономистами „Раб. Мысли“, что не смогли ни подготовить петербургских рабочих к поддержке студенческого движения, ни использовать в целях агитации возбужденное настроение, вызванное в рабочих массах безработицей. Во главе рабочей организации стоял некий рабочий, чрезвычайно горячо защищавший экономическую программу, боровшийся против всяких попыток вовлечения рабочих в студенческое движение и—говорим это с гордостью—весьма враждебно относившийся к нашей газете. Рабочий этот оказался провокатором“¹⁾.

Построенная на демократическом принципе организация не могла представлять никаких гарантий против вторжения

¹⁾ Политический разврат и экономическое тупоумие. „Искра“, № 9, стр. 2, ст. 3.

провокаторов. А их появление в организации грозило не только провалом организации, но, что пожалуй еще хуже, грозило массу бессознательных рабочих повести на помочах Зубатова „к истинно-русскому знамени“. „Только принципиально твердая партия, ведущая неустанную пропаганду революционного социализма, шутя справится с новой политикой одурачивания рабочих. Все это, конечно, кой-кому покажется новым доказательством нашей „сектантской узости“. Столь ненавистное нашим врагам и нашим недалёковидным товарищам „сектантство“ есть сектантство людей, глубоко убежденных в том, что их „теория“ выражает истинные интересы в борьбе со всем миром, со всеми и всякими „независимыми“ партиями, в том числе со всеми врагами пролетариата, как и с его недалёковидными друзьями“¹⁾. Надо создать партию и притом принципиально твердую партию. Но может ли такая партия создаваться „снизу“, демократическим путем?

Конечно, нет. Опыт всех демократически построенных комитетов того времени показал, что они, принижая сознание рабочей массы, не могли стать действительно социал-демократическими комитетами, не могли вести пролетариат к выполнению его исторической революционной миссии. Уже в об'явлении об издании Искры редакция ее писала, что при теперешнем разброде, шатании и беспринципности пытаться сплотить партию простым декретированием постановлений съезда, было бы бесполезным и нецелесообразным предприятием. Необходимо предварительно выработать об'единение и притом в одно и то же время об'единение, как идейное, так и практическое.

„Прежде чем об'единиться и для того, чтобы об'единиться, мы должны сначала решительно и определенно размежеваться“. Другими словами, мы должны точно и ясно наметить программу и тактические задачи нашей партии. При обсуждении их организациям партии следует определить, с кем они могут об'единиться для совместного действия и с кем такое об'единение немыслимо.

„С чего начать?“—спрашивает Искра и тут же отвечает: „по нашему мнению, исходным пунктом деятельности, первым практическим шагом к созданию желаемой организации, наконец, основной нитью, держась которой, мы могли бы неуклонно развивать, углублять и расширять эту организацию, должна быть постановка общерусской политической газеты; нам нужна прежде всего политическая газета, без нее невозможно то систематическое ведение принципиально выдержан-

¹⁾ Там же, та же стр.

ной и всесторонней пропаганды и агитации, которые составляют постоянную и главную задачу социал демократии вообще и особенно насущную задачу нашего времени, когда интерес к политике, к вопросам социализма пробужден в наиболее широких слоях населения. Эта газета должна быть именно не местной, а общерусской. „Если мы не сумеем и пока не сумеем объединить наше воздействие на народ и на правительство посредством печатного слова, будет утопией мысль об объединении других более решительных способов воздействия. Наше движение и в идейном, и в практическом организационном отношении всего более страдает от своей раздробленности, от того, что громадное большинство социал-демократов всецело поглощено чисто местной работой, суживающей их кругозор и размах их деятельности, и их конспиративную сноровку, и подготовленность. Именно в этой раздробленности следует искать наиболее глубоких корней той неустойчивости и того шатания, о которых мы говорили выше. И первым шагом вперед по пути избавления от этого недостатка, по пути превращения нескольких местных движений в единое общерусское движение должна быть постановка общерусской газеты. Наконец, нам нужна политическая газета“.

Без политической газеты немыслимо политическое движение; „революционный пролетариат,—продолжает „Искра“,— доказал уже свою готовность не только слушать и поддерживать призыв к политической борьбе, но и умело бросаться в борьбу. Мы в состоянии теперь и мы обязаны создать трибуну для всенародного обличения правительства — таковой трибуной должна быть социал демократическая газета. Русский рабочий класс в отличие от других классов и слоев русского общества проявляет интерес к политическому знанию, пред'являет постоянно (а не только в периоды особого возбуждения) громадный спрос на нелегальную литературу. При таком массовом спросе, при начавшейся уже выработке опытных революционных руководителей, при той сконцентрированности рабочего класса, которая делает его фактически господином в рабочих кварталах большого города, в заводском поселке, в фабричном местечке, постановка политической газеты есть дело вполне посильное для пролетариата. А через посредство пролетариата газета проникает в среду городского мещанства, сельских кустарей и крестьян и станет настоящей народной газетой“¹⁾.

Но роль газеты не ограничивается одним распространением идей, одним политическим воспитанием и привлечением поли-

¹⁾ „С чего начать?“. „Искра“ № 4, стр. 1, ст. 2.

тических союзников. „Газета не только коллективный пропагандист и коллективный агитатор, но также и коллективный организатор. В этом последнем отношении ее можно сравнить с лесами, которые строятся вокруг возводимого здания, которые намечают контуры постройки, облегчают сношения между отдельными строителями, помогают им распределять работу и обозревать общие результаты, достигнутые организованным трудом. При помощи газеты и в связи с ней сама собой будет складываться и постоянная организация, занятая не только местной, но и регулярной общей работой, приучающей своих членов внимательно следить за политическими событиями, оценивать их значение и их влияние на разные слои населения, вырабатывать целесообразные способы воздействия на эти события со стороны революционной партии. Одна уже техническая задача—обеспечить правильное снабжение газеты материалами и правильное распространение ее—заставляет создать сеть местных агентов единой партии, агентов, находящихся в живых сношениях друг с другом, знающих общее положение дел, привыкающих регулярно исполнять дробные функции общерусской работы, пробующих свои силы на организации тех или иных революционных действий. Эта сеть агентов будет остовом именно той организации, которая нам нужна, достаточно крупной, чтобы охватить всю страну, достаточно широкой и разносторонней, чтобы провести строгое и детальное разделение труда, достаточно выдержанной, чтобы уметь при всяких поворотах и неожиданностях вести неуклонно свою работу; достаточно гибкой, чтобы уметь с одной стороны уклониться от сражения в открытом поле с подавляющим своею силою неприятелем, когда он собрал на одном пункте все свои силы, а с другой стороны, чтобы уметь пользоваться неповоротливостью этого неприятеля и нападать на него там и тогда, где всего менее ожидают нападения“. Боевую готовность можно выработать лишь при помощи постоянной деятельности регулярного войска. „Если мы соединим свои силы на ведении общей газеты, то такая работа подготовит и выдвинет не только наиболее умелых пропагандистов, но и наиболее искусных организаторов, наиболее талантливых политических вождей партии, способных в нужную минуту дать лозунг к решительному бою и руководить им¹⁾... Понятно само собой, что такие агенты могли бы работать успешно при условии полной близости их к местным комитетам, группам, кружкам нашей партии. Да и вообще, весь намечаемый нами план осуществим, конечно, лишь при самой активной поддержке комитетов“²⁾.

¹⁾ „С чего начать?“ „Искра“ № 4, стр. 1, ст. 2—3.

²⁾ „С чего начать?“ „Искра“ № 4, стр. 1, столб. 3. Примечание.

„Я многим товарищам показывал „Искру“ (№ 4),— пишет один петербургский ткач,— и весь номер истрепался, а он дорог, много дороже „Мысли“, хоть и нет там наших строк. Тут про наше дело, про все русское дело, которое копейками не оценишь и часами не определишь; когда ее читаешь, то понятно, почему жандармы и полиция боятся нас, рабочих, и тех интеллигентов, за которыми мы идем. Они, правда, страшны всем, а не только хозяйским карманам. Конечно, я простой рабочий и совсем уже не такой развитой, но я очень чувствую, где правда, знаю, что нужно рабочим. Рабочий народ теперь легко может загореться—уже все тлеет внизу, нужна только искра, и будет пожар. Ах, как это верно сказано, что из искры возгорится пламень! Сейчас все рабочие точно керосином облитые, многие даже на лицо переменялись, и это все видят: теперь уже мастера многих не трогают, и в праздник полиция вежливенько просит на нашей стороне толпой не стоять, и так просит, будто завтра рабочий свободу получит.

„Раньше каждая стачка была событие, а теперь всякий видит, что одна стачка ничего; теперь свободы нужно добиваться, грудью брать ее. Теперь все—и старый, и малый—все читали бы, да вот горе наше—книжки нет. Я в прошлое воскресенье собрал одиннадцать человек и читал „с чего начать“, так мы до ночи не расходились. Как все верно сказано, как до всего дойдено... хочется нам письмо в эту самую „Искру“ написать. чтобы она не только учила, как начать, а и как жить и умереть... Теперь уж нам не кассы нужны, не кружки, даже не книжки, теперь просто учи, как в бой итти, как в бою воевать. И как нарочно никого... Союзников словно вымело, а самим, ведь, не справиться. Тут у нас затевают, если еще в другой раз в расчет уволят, так итти всем громить фабрику, пусть пропадает, коль кормить не может. А разве серьезно?! Я, да и другие тоже подбиваем лучше на Невский выйти, да на знамени написать: работы и свободы; да разве одним совладеть? Пусть бы видели, как русские рабочие проснулись. Теперь только начать нужно, а там все пойдет, все движется, везде тлеет. Вот смотрите: было на тракту, было у нас, у балтийцев, а скоро путиловцы такое покажут, что у нас и не видывали. Со многими мы простимся, многих у нас вырвут, много и ошибок наделаем, да в таком деле иначе нельзя, во -первых, а второе—уже дело больно крупное начинается. Это еще не конец, это только первый пожар, и его потушат; но огонь будет так ярок, что и слепые увидят, что кому нужно, кто кому враг; уже второй пожар солдаты заливать не пойдут“¹⁾.

¹⁾ С.-Петербург. письмо рабочего ткача „Искра“, № 7, август 1901, стр. 4, ст. 3.

Стоит только вчитаться в это письмо, чтобы согласиться, насколько своевременно явился план „Искры“. Рабочие, революционизированные всеми предыдущими событиями, постоянно подогреваемые обостренными отношениями, вызванными кризисом, ходят, точно „керосином облитые“, по образному выражению автора. Они чувствуют, что вся прежняя работа сейчас ни к чему. Все эти кассы, кружки, вся эта тяжеловесная „демократическая“, „чисто рабочая организация“ не в силах помочь. Кассы профессионального типа, все чисто „экономические“ орудия борьбы, оказались бессильными перед кризисом, перед все более и более обостряющейся безработицей. „Одна стачка ничего“. Она не может играть никакой роли, когда ежедневно рассчитывают сотни рабочих, когда у ворот фабрик толпятся кучи голодных, готовых на каких угодно условиях заменить стачечников. Не в хозяине, не в отдельном капиталисте дело, а во всем политическом строе. „Теперь свободы нужно добиваться“, и старый, и малый—все это понимают.

Но как ее добиваться?.. Рабочие не знают. Они знают, что громить фабрику дело не серьезное, пользы не принесет. Они знают, что нужно выйти „на народ“, на Невский, там требовать „свободы и работы“. Но разве это мыслимо без политической руководящей организации. Всюду тлеет, всюду кипит, но некому соединить все эти отдельные костры в один общий пожар. „Союзников точно вымело“, несмотря на всю демократическую организацию, уже проведенную в Питере; арест или поездка на дачу нескольких агитаторов тормозит все дело, нет директив, нет указаний. А начинающееся дело—не местное дело, оно дело всех рабочих, „общерусское дело“. Это уже ясно понимают рабочие, понимают они так же и то, что этого дела сразу не сделаешь: за первым пожаром последует второй; необходимо, чтобы кто-нибудь постарался сделать пламя этого пожара таким ярким, чтобы и слепые увидели, что кому нужно, и чтобы уже и солдаты не шли заливать этот пожар. Все это рабочие нашли в плане „Искры“: там „до всего дойдено, все верно сказано“, пусть только она не останавливается на том, как начать, но укажет также, как действовать, как бороться, „как жить и умереть“, „пусть учит, как в бой итти, как в бою воевать“. На эти самой жизнью выдвинутые вопросы, местные, вечно проваливающиеся, вечно раскальвающиеся, вечно начинающие сначала организации ответить не могут, сделать это может лишь строго принципиально выдержанная общерусская организация.

Но то, что сразу поняли революционно настроенные рабочие, конечно, не могли понять „отражающие их настрое-

ние“ интеллигенты. „Можно подумать,—говорит Кричевский,— что для автора революционное пламя может возгореться только из Искры (с прописной буквы), в редакционной лаборатории „общерусской газеты“, которая выработает и продиктует „систематический“ и „неуклонно проводимый“ план. Невольно припоминается прототип безжизненного доктринерства—гетевский Вагнер с его лабораторным гомункулюсом“¹⁾.

„Противопоставление своей программы и своей группы движению, как чего-то самостоятельного, как верховной теоретической инстанции, как духа, витающего над бесформенным хаосом—такова позиция, которую заняли „Искра“ и „Заря“ не только по отношению к прошлому, но, что гораздо важнее,—и по отношению к совершающемуся на наших глазах движению, поскольку оно совпадает с работой партийных организаций. Ее „план“—общепартийная организация, голова которой „общерусская газета“, а „остов“—сеть агентов, „распространяющих эту газету“²⁾.

Нелепость всего этого плана состоит, по мнению Кричевского, в том, что он „переворачивает вверх ногами отношения, которые нормально должны существовать между партийной газетой и партийной организацией. Не говорим уже о том, что организация социал-демократической партии, не имеющей никакого значения, без живых, тесных и широких связей с рабочей массой, может вырасти—в отличие от заговорщической организации—только снизу, из местных организаций и их объединения, что, стало быть, не газета может создать партийную организацию, а, наоборот, только организованная соц.-дем. партия может создать свой центральный орган. Не говорим уже о том, что газета, стоящая над партией, вне ее контроля и независимая от нее, благодаря собственной сети агентов может быть органом отдельного лица, отдельной группы общества заговорщиков или секты, но не органом социал-демократической партии, которая может развиваться только в демократических формах организации... Нет, обо всех этих, казалось бы, общеизвестных и общепризнанных вещах мы уже не говорим. Но мы только спрашиваем: коим чудом „Искра“ забыла о фактически существующих социал-демократических организациях той партии, к которой она сама принадлежит?

¹⁾ Принципы, тактика и борьба. „Рабочее дело“, № 10, септ. 1901 г., стр. 19.

²⁾ Там же, стр. 29—30. Курсив всюду автора.

„Как это случилось, что она весь свой план построила на грядущей собственной „сети агентов“, а о существующих местных комитетах вспомнила лишь в примечании“... Очевидно, она хочет „превратить русскую социал-демократию“ из партии в секту¹⁾.

„... Важно единство в действиях, но единство не казарменное, не результат внешней муштровки, а результат свободной гармонии стремящихся к одной цели сил, словом, единство партии, а не единство секты“²⁾.

Мартынов, в свою очередь, тужит об участии нашей партии: „Если бы план Искры,—говорит он,—был приведен в исполнение, он привел бы к полному вытравлению следов складывавшейся у нас Росс. С.-Д. Р. партии“³⁾. По мнению Мартынова, можно было бы еще согласиться с постановкой Искрой литературных задач, хотя и тут дело не совсем ладно, так как Искра не понимает, что мы, как социал-демократы, „являемся представителями интересов пролетариата. Поэтому мы в отношении к нему обязаны не только указывать на то, что препятствует осуществлению его интересов. Мы должны также давать ему положительное—мы должны всегда формулировать его ближайшие требования и указывать на средства к их осуществлению“⁴⁾.

Это „принципиальное“ различие, впрочем, не так важно, с ним еще можно примириться, но, ведь, по плану „Искры“, продолжает Мартынов,—„газета не составляет одну из фракций центрального комитета партии и не находится под контролем партии, а, напротив, она сама декретами, так сказать, назначает партию в форме сети агентов, проще говоря, сподручных. Куда же тут девались все комитеты партии, которым удалось, несмотря на всю их политическую незрелость пионеров, в течение нескольких лет расшевелить громадные массы рабочих, подпольной деятельности которых мы в значительной степени обязаны февральскими и мартовскими событиями? Искра из вежливости и о них не забывает: она их ссылает „из текста в примечание“, но чтобы они и в примечании „не возмечтали о себе, она в скобках называет их группы, кружки“. Нужно воистину обладать огромной верой в силу слова, в то, что ты именно обладаешь „настоящим словом“, чтобы заменить организацию социал-демокра-

¹⁾ Принципы, тактика и борьба, „Раб. Дело“, № 10, Сентябрь 901 г., стр. 30, 31.

²⁾ Там же, стр. 34.

³⁾ Мартынов. „Обличительная литература и пролетарская борьба. „Р. Д.“, № 10, стр. 61.

⁴⁾ Обличительная литература и пролетарская борьба. „Раб. Дело“, № 10, стр. 41. Курсив мой. М. Л.

тической партии „организацией распространения идей одной газеты“, хотя бы, например, „Искры“¹⁾.

В конце концов Мартынов апеллирует к партии и призывает ее к самозащите против посягательств „Искры“. „Как же,—говорит он,—должна отнестись наша партия к ее полному подчинению автономной редакции, которая может обладать нетерпимостью гениального Маркса, но, конечно, не гениальностью этого нетерпимого человека“, самое же „Искру“ он убеждает вслушаться во „властные запросы жизни“ и отказаться во благовремение „от того утопического взгляда“, что ее позиция единственно законная, и что „кто не с ней, тот против нее“, и „органически войти в партию, а не противопоставлять себя ей, как верховная инспекция“¹⁾.

Недовольны планом Искры и близко стоящие в „принципиальном отношении к редакции „Раб. Дела“ бундовцы.

Центральный комитет Бунда прямо заявляет, что о принадлежности к партии лиц, издающих Искру, „других данных, кроме заголовка на их изданиях, покамест не существует“²⁾.

„Говорить теперь об организации, тянущейся нитками от общерусской газеты—это плодить кабинетные мысли и кабинетную работу“,—пишет Надеждин в своем „Кануне революции“³⁾... „Необходимо приступить к сильным политическим организациям на местах. У нас их нет, у нас шла, главным образом, работа среди интеллигентных рабочих, массы же вели почти исключительно экономическую борьбу. Если не воспитаются сильные политические организации на местах, что значит хотя бы и превосходно поставленная общерусская газета. Неопалимая купина, сама горящая, не сгорающая, по и никого не зажигающая“⁴⁾.

„Но в том то и суть,—отвечает на все эти нападки на план „Искры“ Ленин,—нет иного средства воспитать сильные политические организации, как посредством общерусской газеты“. Принципиально после февральских и мартовских дней все согласны, что необходимы политические организации, но „нам нужно не принципиальное, а практическое решение вопроса, нужно немедленно выставить такой определенный план постройки, чтобы сейчас же с разных сторон все могли приняться за постройку. А нас опять от практического решения тащат назад—к принципиально верной, бесспорной, великой, но совершенно недо-

¹⁾ Там же, № 10, стр. 61.

²⁾ „Письмо Ц. К. Бунда в редакцию“ „Искра“, № 8, 10 сентября 1901 г.

³⁾ Изд. революц. социал. группы „Свобода“, стр. 126.

⁴⁾ Канун революции, стр. 54.

статочной, совершенно непонятной для широкой массы работающих истине: „воспитывать сильные политические организации“! Не об этом уже идет речь, а о том, как именно воспитывать и воспитать надо“¹⁾).

„Постановка общерусской политической газеты—говорилось в Искре—должна быть основной нитью, держась которой мы могли бы неуклонно развивать, углублять, расширять революционную организацию, всегда готовую к поддержке всякого протеста и всякой вспышки. Скажите, пожалуйста, когда каменщики кладут в разных местах камни громадной и совершенно невиданной постройки—не „бумажное“ ли это дело проведение нитки, помогающей находить правильное место для кладки, указывающей на конечную цель общей работы, дающей возможность пустить в ход не только каждый камень, но и каждый кусок камня, который, смыкаясь с предыдущим и последующими, возводит законченную и всеобъемлющую линию. И разве мы не переживали как раз такого момента в нашей партийной жизни, когда у нас есть и камни, и каменщики, а не хватает именно видимой для всех нити, за которую все могли бы взяться... Будь у нас отряд опытных каменщиков на столько спевшихся, чтобы они и без нитки могли класть камни именно там, где нужно“, тогда мы могли бы, пожалуй, взяться за другую задачу. „Но в том что и беда, что опытных и спевшихся каменщиков у нас еще нет, что камни сплошь и рядом кладутся совсем зря, кладутся не по общей нитке, а до того раздробленно, что неприглядно сдувает их, как будто бы это были не камни, а лесчинки“²⁾).

„Все согласятся, — говорит далее Ленин, — что если мы „объединяем“ отдельные—скажем—районные кружки одного города, то для этого необходимы общие учреждения, т. е. не одно только общее звание „союза“, а действительно „общая“ работа, обмен материалом, опытом и силами, распределение функций, уже не только по районам, а по специальностям всей городской деятельности. Всякий согласится, что солидный конспиративный аппарат не окупится (если можно употребить коммерческое выражение) средствами (и материальным, и личными, разумеется) одного района, что на этом узком поприще не развернуться таланту специалиста. То же самое относится одинаково и к объединению разных городов, ибо и такое поприще, как отдельная местность, оказывается и оказалось уже в истории нашего социал-демократического движения непомерно узким..... надо, необхо-

¹⁾ Ленин. „Что делать“, стр. 123 и 124.

²⁾ „Что делать?“, стр. 125 и 126.

димо надо и прежде всего надо расширить это поприще, создать фактическую связь между городами на регулярной общей работе, ибо раздробленность придавливает людей, которые лежат, как в яме (по выражению автора одного письма в Искру), не зная, что делается на белом свете, у кого им поучиться, как добыть себе опыт, как удовлетворить желание широкой деятельности.

„...Если мы не на словах только хотим объединения, то надо, чтобы каждый местный кружок тотчас же уделил, скажем, четверть своих сил активной работе над общим делом, и газета сразу показывает ему (если он сочувствует направлению этой газеты и считает полезным для дела стать ее сотрудником, понимая под этим не только литературное, а вообще всякое революционное сотрудничество) общий абрис, размеры и характер этого дела, показывает, какие, именно, пробелы всего сильнее ощущаются во всей общерусской деятельности, где нет агитации, где слабы связи, какие колесики громадного общего механизма мог бы данный кружок подправить и заменить лучшими. Кружок, не работавший еще, а только ищущий работы, мог бы начинать уже не как кустарь в отдельной маленькой мастерской, не ведающий ни развития „промышленности“ до него, ни общего состояния данных промышленных способов производства, а как участник широкого предприятия, отражающего весь общереволюционный натиск на самодержавие. И чем совершеннее была бы отделка каждого колесика, чем больше число деталейных работников над общим делом, тем чаще становилась бы наша сеть, и тем меньше смятения в общих рядах вызывали бы неизбежные провалы“ ¹⁾.

„Мы должны всегда вести нашу будничную работу и всегда быть готовыми ко всему, потому что предвидеть заранее смену периодов взрыва, периодами затишья очень часто бывает почти невозможно, а в тех случаях, когда возможно, нельзя было бы воспользоваться этим предвиденьем для перестройки организации, ибо смена эта в самодержавной стране проходит поразительно быстро, будучи иногда связана с одним ночным набегом царских янычар. И самое революцию надо представлять себе отнюдь не в форме единичного акта, а в форме нескольких быстрых смен более или менее сильного взрыва и более или менее сильного затишья. Потому основным содержанием деятельности нашей партийной организации, фокусом этой деятельности должна быть такая работа, которая и возможна, и нужна как в период самого сильного взрыва, так и в период полнейшего затишья, именно:

¹⁾ „Что делать?“, стр. 129—130.

работа политической агитации, объединенной по всей России, освещающей все стороны жизни и направленной в самые широкие массы. А эта работа немыслима в современной России без общерусской, очень часто выходящей газеты. Организация, складывающаяся сама собой вокруг этой газеты, организация ее сотрудников (в широком смысле слова, т. е. всех трудящихся над ней), будет именно готова на все, начиная от спасения чести, престижа и преемственности партии в момент наибольшего революционного „угнетения“ и кончая подготовкой, назначением и проведением всенародного вооруженного восстания.

„...План общерусской политической газеты не только не представляет из себя плод кабинетной работы лиц, зараженных доктринерством и литературщиной, а наоборот, он является самым практическим планом начать со всех сторон и сейчас же готовиться к восстанию, не забывая ни на минуту своей будничной насущной работы“¹⁾.

Конечно, такую планомерную, систематическую работу не могут выполнять люди, которые занимаются революцией в свободное от других занятий время. Уже в первом номере Искра писала: „надо подготовить людей, посвящающих революции не одни только свободные вечера, а всю свою жизнь“²⁾ Руководить социалдемократической, революционной работой могут только лица, целиком отдавшие революции, свободные от всяких неревolutionных обязанностей, свободно во всякое время могущие перейти с места на место, изменять образ жизни и свое имя, одним словом, люди сделавшие революцию своей единственной профессией.

Защитники „чисто рабочего движения“ и их теперешние наследники не раз инсинуировали по этому поводу, что „Искра“ организацию рабочего класса заменила организацией интеллигентных революционеров. „Действительно, — писал Мартов на это, — рабочая партия в европейском смысле, охватывающая всю борющуюся часть пролетариата, может быть организована только при условии политической свободы. Задача русской социалдемократии, как зародыша будущей партии, воспитать и организовать все передовые элементы ее. А эта задача включает в себя прежде всего развитие социалистического сознания в возможно широких слоях рабочего класса. Никакие злобы дня экономической или политической борьбы не должны отвлекать нас от этого дела социалистического воспитания. Точно так же и организационная

¹⁾ „Что делать?“, стр. 136 и 137.

²⁾ Насущные задачи нашего движения. Искра № 1, стр. 1 и 2.

работа партии должна быть подчинена этой задаче подготoвления кадров социалистической армии будущего“¹⁾.

Но разве Искра этой „социалистической армии будущего“ сейчас противопоставляла „чисто интеллигентскую“ заговорщическую организацию? Нет, эта организация не могла быть „чисто интеллигентской“, с одной стороны, потому, что каждый шаг ее неразрывно связан был со всем рабочим движением, с другой—только наивные „экономисты“ и лица, которым выгодно было клеветать на „Искру“, отождествляли сознательного социал-демократа — профессионального революционера, о котором постоянно твердила „Искра“, с интеллигентом.

Образовавшаяся в Киеве группа „Рабочая Воля“ сообщает, например, что „центральное управление делами поручено самим рабочим. Интеллигенты являются лишь исполнителями того или другого решения“²⁾. „Искра“ спрашивает, хорош ли этот порядок или нет, и отвечает, что этот вопрос может быть решен только в связи со степенью зрелости данного деятеля, „а отнюдь не с тем, кто он такой — рабочий или интеллигент“. Казалось бы, что, кроме вреда, может произойти для дела от того, что какая-либо ценная сила будет устранена от участия в „решениях“ и оставлена в роли „исполнителя“ по тому, собственно, случаю, что сила эта одета в сюртук, а не в рабочую блузу... Мы уверены, всякий сознательный рабочий-социалист так же горячо запротестует против этого ненужного расшаркивания перед его мускулистой рукой, как и против всякого барского отношения к пролетарию. Положение человека в организации не должно определяться количеством его дипломов, это несомненно, но оно не должно определяться и количеством мозолей на руках. Только степенью полезности для дела, степенью преданности ему и революционными способностями должно определяться это положение: таков единственный демократический принцип социалистической организации“³⁾.

Эту же точку зрения отстаивает и Спб. комитет: „социал-демократия, — пишет он, — как политическая партия, объединяет всех борцов за торжество идеи рабочего класса. Наши учителя и основатели нашего „движения“, интеллигенты Карл Маркс и Фридрих Энгельс были, конечно, не менее истинными социал-демократами, чем рабочие Август Бебель и Игнатий Ауэр, а наши Степан Халтурин и Петр Алексеев—в полном смысле слова—интеллигентами... Как во всяком вообще

¹⁾ Мартов. „Всегда в меньшинстве“. „Заря“, № 23, стр. 192, примечание.

²⁾ „Из партии“. „Искра“, № 6, стр. 8, ст. 2.

³⁾ „Из партии“, „Искра“, стр. 8, ст. 2.

движении, раз оно совершается сознательно и планомерно, роль руководителей и вдохновителей выпадает на долю наиболее сознательных, наиболее интеллигентных представителей движения, так и во главе нашего движения должны стоять, да фактически и стоят, наиболее сознательные, развитые его элементы, происходят ли они из среды рабочих, или из других классов и сословий—это безразлично¹⁾.

Рабочий может и должен быть профессиональным революционером. И русские рабочие уже выдвинули из своей среды не мало лиц, способных выполнять функции руководителя.

Задачи организации—выдвинуть на первые позиции эти революционные силы, не дать им заглохнуть. „Рабочий-революционер для полной подготовки к своему делу, — говорит Ленин, — тоже должен становиться профессиональным революционером. Потому неправ Б—в (Рабочее Дело № 6), когда он говорит, что так как рабочий занят на фабрике 11½ часов, то остальные революционные функции (кроме агитации) „по неволе главной тяжестью ложатся на крайне незначительные интеллигентные силы“. Вовсе это не „по неволе“ так делается, а по нашей отсталости, потому что мы не сознаем своей обязанности помогать всякому выдающемуся по своим способностям рабочему превращаться в профессионального агитатора, организатора, пропагандиста, развозчика и пр., и пр. В этом отношении мы прямо позорно расхищали свои силы, не умея беречь то, что надо, особенно заботливо растить и выращивать. Посмотрите на немцев, у них во сто раз больше сил, чем у нас, но они прекрасно понимают, что действительно способные агитаторы и пр. выделяются „средняками“ вовсе не слишком часто. Поэтому они тотчас же стараются поставить всякого способного рабочего в такие условия, при которых его способности могли бы получить полное развитие и полное применение: его делают профессиональным агитатором, его побуждают расширить поприще его деятельности, распространяя ее с одной фабрики на все ремесло, с одной местности на всю страну; он приобретает ловкость и опытность в своей профессии, он расширяет свой кругозор и свои знания, он наблюдает бок-о-бок выдающихся политических деятелей других местностей и других партий, он старается сам подняться на такую высоту и соединить в себе знания рабочей среды и свежесть социалистических убеждений с той профессиональной выучкой, без которой пролетариат не может вести упорную борьбу с великолепно

¹⁾ Ответ Петербургского Комитета партии на запрос батумских рабочих. „Искра“, № 23, 1 авг. 1902 г., стр. 6.

обученными рядами его врагов. Так, и только так выдвигаются рабочими массами Бебели и Ауэры. Но то, что в политической свободной стране делается в значительной степени само собой, то у нас должны систематически проводить наши организации. Сколько-нибудь талантливый и „подающий надежды“ агитатор из рабочих не должен работать на фабрике по 11 часов. Мы должны позаботиться о том, чтобы он жил на средства партии, чтобы он умел во-время перейти на нелегальное положение, чтобы он переменил место своей деятельности, ибо иначе он не выработает большой опытности, не расширит своего кругозора, не сумеет продержаться несколько, по крайней мере, лет в борьбе с жандармами. Чем шире и глубже становится стихийный подъем рабочих масс, тем больше выдвигают они не только талантливых агитаторов, но и талантливых организаторов, и пропагандистов, и „практиков“ в хорошем смысле (которых так мало среди нашей интеллигенции, большей частью немножко по-русски халатной и неповоротливой). Когда у нас будут отряды специально подготовленных и прошедших длинную школу рабочих-революционеров (и притом, разумеется, „революционеров всех родов оружия“), тогда с этими отрядами не совладеет никакая политическая полиция в мире, ибо эти отряды людей, беззаветно преданных революции, будут пользоваться также беззаветным доверием самых широких рабочих масс. И это наша прямая вина, что мы слишком мало „подталкиваем“ рабочих на эту общую им с „интеллигентами“ дорогу профессионально-революционной выучки, слишком часто тащим их назад своими глупыми речами о том, что „доступно“ рабочей массе, „рабочим среднякам“ и т. п.¹⁾

В революционную организацию, а таковой и только таковой должна быть Социал-Демократическая Рабочая Партия, должны широко входить рабочие, но эти рабочие должны быть сознательные революционеры; с другой стороны и интеллигенты, входящие в такую организацию, должны не только уметь популярно изложить теорию Маркса, но и быть сознательными, безотчетно преданными делу революционерами. „Организация революционеров, — говорит Ленин, — должна обнимать прежде всего и главным образом людей, профессия которых состоит из революционной деятельности (поэтому я и говорю об организации революционеров, имея в виду революционеров-социал-демократов). Перед этим общим признаком членов такой организации должно совершенно стираться всякое различие рабочих и интеллигентов, не говоря о различии профессии тех и других. Эта

¹⁾ Ленин. „Что делать?“, стр. 101—102.

организация необходимо должна быть не очень широкой, возможно более конспиративной...“¹⁾

Плеханов на страницах „Зари“ снова считает своим долгом напомнить про организацию „Земли и Воли“, которая должна служить образцом для „создания крепкой, единой и нераздельной организации русских социал-демократов“. „Возникновение крепкой организации „Земли и Воли“ в семидесятых годах сразу и очень значительно уменьшило число „провалов“, которые до тех пор были так же многочисленны, как теперь“²⁾.

„Тайная, строго конспиративная и централистическая организация,—писала „Искра“,—необходима для всякой революционной партии, энергично борющейся при современных русских условиях, она не может быть названа отличительной особенностью какой-нибудь из этих партий“³⁾.

„Мы восставали и всегда будем, конечно, восставать против „сужения“ политической борьбы до заговора“—говорит Ленин,—но это, разумеется, не означало отрицания необходимости крепкой революционной организации... По своей форме, такая крепкая революционная организация в самодержавной стране может быть названа и „заговорщической“ организацией, ибо французское слово „конспирация“ равносильно русскому „заговор“, а конспиративность необходима для такой организации в максимальной степени. Конспиративность есть настолько необходимое условие такой организации, что все остальные условия (число членов, подбор их, функции и пр.) должны сообразоваться с ним. Было бы величайшей наивностью бояться обвинения в том, что мы, социал-демократы, хотим создать заговорщическую организацию. Это обвинение должно быть так же лестно для каждого врага экономизма, как и обвинение в народовольчестве“⁴⁾.

Конечно, организационные взгляды „Искры“ и всех ее сотрудников резко противоречили „организационному принципу“, выдвинутому рабочедельчеством и сформулированному им в следующей резолюции: „В интересах успешного развития и объединения социал-демократии следует подчеркивать, развивать, бороться за широкий демократический принцип ее партийной организации, что особенно необходимо в виду обнаружившихся в рядах нашей партии антидемократических тенденций“⁵⁾.

Была ли „Искра“ принципиально „антидемократической“? Разумется, нет. Ни в одной ее статье, ни в одной

¹⁾ Там же, стр. 85.

²⁾ „Что же дальше“, „Заря“, № 2—3, стр. 26—27.

³⁾ „Новое вино в старых мехах“, „Искра“ № 5, стр. 3, ст. 1.

⁴⁾ „Что делать“, стр. 103 и 104.

⁵⁾ „Два съезда“. Женева, 1901 г., стр. 18.

статье ее сотрудников мы не найдем ни одного слова против „принципа“ демократичности организации. Но попытку проведения в жизнь этой демократичности при современных политических условиях она считала утопической, „одной лишь игрой в демократизм“ и притом игрой, вредной для всего дела. „Широкий демократический принцип,—говорит Ленин,—включает в себе два следующих необходимых условия: во-первых, полную гласность, а, во-вторых, выборность всех функций... Мы назовем демократической организацию немецкой социалистической партии, ибо в ней все делается открыто, вплоть до заседаний партийного съезда; но никто не назовет демократической организацией такую, которая закрыта от всех не членов покровом тайны. Спрашивается, какой же смысл имеет выставление „широкого демократического принципа“, когда основное условие неисполнимо для тайной организации.

„...Не лучше обстоит дело и со вторым признаком демократизма, с выборностью. В странах с политической свободой это условие подразумевается само собой“, там „все знают, что такой-то политический деятель начал с того-то, пережил такую-то эволюцию, проявил себя в минуту жизни трудную так-то, отличается вообще такими-то качествами и потому, естественно, такого деятеля могут с знанием дела выбирать на известную партийную должность все члены партии. Всеобщий (в буквальном смысле слова) контроль за каждым шагом человека партии на его политическом поприще создает автоматически действующий механизм, дающий то, что называется в биологии „выживанием наиболее приспособленных“. Мыслимо ли у нас, чтобы все, „кто признает принципы партийной программы и поддерживает партию по мере своих сил“ (определение членства партии по немецкому уставу), контролировали каждый шаг революционера-конспиратора? Чтобы все они выбирали из числа последних того или другого, когда революционер обязан в интересах работы скрывать от девяти десятых этих „всех“, кто он такой...

„...Широкий демократизм партийной организации в потемках самодержавия, при господстве жандармского подбора, есть лишь пустая и вредная игрушка. Это—пустая игрушка, ибо на деле никогда никакая революционная организация широкого демократизма не проводила и не может проводить при всем своем желании. Это—вредная игрушка, ибо попытка проводить на деле широкий демократический принцип облегчает только полиции широкие провалы и увековечивает царящее кустарничество, отвлекает мысль практиков от серьезной настоятельной задачи вырабатывать из себя

профессиональных революционеров к составлению подробных, бумажных „уставов о системах выборов“¹⁾.

Но было бы большой ошибкой думать, что „невозможность действительно „демократического“ контроля делает членов революционной организации бесконтрольными“. Сама сущность работы, товарищеское доверие между революционерами, наконец, уверенность, что при нарушении этого доверия организация революционеров, для избавления от негодного члена... не остановится ни перед какими средствами“²⁾, все это служит достаточной гарантией, что людей с антидемократическими тенденциями никто просто не станет слушаться, раз не будет „доверия к их уму, энергии и преданности со стороны окружающих товарищей“³⁾.

Организационного плана „Искры“ не могли понять люди, для которых „понятие политической борьбы для социал-демократии прикрывается понятием экономической борьбы с хозяевами и правительством“⁴⁾, не могли понять те социал-демократы, учение которых „характеризуется смешением понятия „класс“ с понятием „партия“, которые не в состоянии постичь той истины, „что иное дело весь рабочий класс, а иное дело социал-демократическая партия, представляющая собой лишь передовой и в начале очень малочисленный отряд рабочего класса“⁵⁾.

Для всех этих господ „понятие „организация революционеров“ будет более или менее покрываться понятием „организация рабочих“⁶⁾.

Отстаивая план организации революционеров, „Искра“ не отрицала необходимости в то же время „организации рабочих“, но неустанно твердила, что эти два типа организации не могут совпадать друг с другом; что сама конструкция их должна быть совершенно иная. В отличие от революционной организации „организация рабочих,—говорит Ленин,—должна быть, во-первых,—профессиональной, во-вторых,—возможно более широкой, в-третьих, она должна быть возможно менее конспиративной (я говорю, разумеется, здесь и ниже (т.-е. про организацию революционеров), имея в виду только самодержавную Россию).

„...Организация рабочих для экономической борьбы должна быть профессиональной организацией. Всякий социал-

¹⁾ „Что делать“, стр. 105—107.

²⁾ Там же, стр. 108.

³⁾ Там же, стр. 107.

⁴⁾ Там же, стр. 84.

⁵⁾ Плеханов „Еще раз социализм и политическая борьба“, „Заря“, № 1, апр. 901, стр. 12—13.

⁶⁾ „Что делать“, стр. 84.

демократ—рабочий должен по возможности оказывать содействие и активно работать в этих организациях. Это так, но вовсе не в наших интересах требовать, чтобы членами „цеховых“ союзов могли быть только социал-демократы, это сузило бы размеры нашего влияния на массу. Пусть в цеховом союзе участвует всякий рабочий, понимающий необходимость объединения для борьбы с хозяевами и с правительством. Самая цель цеховых союзов была бы недостижима, если бы они не объединяли всех, кому доступна хотя бы только одна эта элементарная ступень понимания, если бы эти цеховые союзы не были бы очень широкими организациями. И чем шире эти организации, тем шире будет наше влияние на них, влияние, оказываемое не только „стихийным“ развитием экономической борьбы, но и прямым сознательным воздействием товарищей социалистических членов союза. Но при широком составе организации невозможна строгая конспирация (требующая гораздо большей подготовки, чем необходимо для участия в экономической борьбе). Как примирить это противоречие между необходимостью широкого состава и строгой конспирацией? Для этого может быть, вообще говоря, только два пути: легализация цеховых союзов (в некоторых странах, предшествовавшая легализации социалистических и политических союзов), либо сохранение организации тайной, но настолько „свободной“, мало оформленной, *lose*, как говорят немцы, чтобы конспирация для массы членов сводилась почти к нулю ¹⁾... Легализация не-социалистических и неполитических рабочих союзов в России уже началась, и не может подлежать никакому сомнению, что каждый шаг нашего быстро растущего социал-демократического движения будет умножать и поощрять попытки этой легализации—попытки, исходящие, главным образом, от сторонников существующего строя (Зубатовых, Васильевых, Озеровых), но отчасти и от самих рабочих и от либеральной интеллигенции... Мы обязаны неуклонно разоблачать всякое участие Зубатовых и Васильевых, жандармов и попов в этом течении и разъяснять рабочим истинные намерения этих участников. Мы обязаны разоблачать также всякие примирительные „гармонические“ нотки, которые будут проскальзывать в речах либеральных деятелей на открытых собраниях рабочих, все равно, берут ли они эти ноты в силу искреннего своего убеждения в желательности мирного сотрудничества классов, в силу ли желания подслужиться к начальству или, наконец, просто по неловкости. Мы обязаны, наконец, предостерегать рабочих от той ловушки, которую ставит зачастую

¹⁾ „Что делать“, стр. 85—87.

полиция, высматривая „людей с огоньком“ на этих открытых собраниях и в дозволенных обществах, пытаюсь через посредство легальных организаций ввести провокаторов и в нелегальные. Но делать все это—вовсе не значит забывать о том, что в конце концов легализация принесет пользу именно нам, а отнюдь не Зубатовым. Итак, посредством легализации решить вопрос о создании возможно менее конспиративной и возможно более широкой профессиональной организации мы не можем (но были бы очень рады, если бы Зубатовы и Озеровы открыли бы нам хоть частичную возможность такого решения,—для чего нам следует как можно энергичнее воевать с ними!).

„Остается путь тайных профессиональных организаций, и мы должны оказать всякое содействие рабочим, которые уже вступают (как нам доподлинно известно) на этот путь. Профессиональные организации не только могут принести громадную пользу в деле развития и упрочения экономической борьбы, но и стать весьма важным пособником политической агитации и революционной организации“¹⁾. Никакие тяжеловесные уставы вроде заключающего в себе свыше 50 параграфов „Устава союзной рабочей организации“ в Петербурге не помогут созданию широких организаций. „Маленькое тесно сплоченное ядро самых надежных, опытных и закаленных рабочих, имеющих доверенных людей в любых районах, и связанное по всем правилам строжайшей конспирации с организацией революционеров, вполне может выполнить при самом широком содействии масс и без всякого оформления все функции, которые лежат на профессиональной организации, и, кроме того, выполнить именно так, как это желательно для социал-демократии. Только таким путем и можно достигнуть упрочения и развития, вопреки всем жандармам, социал-демократического профессионального движения. Мне возражат: организация, до такой степени loose, что она и вовсе не оформлена, что в ней и членов то даже заведомых и зарегистрированных—никаких нет,—не может быть и названа организацией. Может быть. Я за названием не гонюсь. Но все, что нужно, „эта организация без членов“ сделает и обеспечит с самого начала прочную связь наших будущих тред-юнионов с социализмом. А кто хочет широкой организации рабочих с выборами, отчетами, всеобщими голосованиями и пр. при абсолютизме, тот просто неисправимый утолист“²⁾.

1) „Что делать“, стр. 87 и 83.

2) То же, стр. 90—91.

На все нападки тогдашних и теперешних противников своего организационного плана „Искра“ ответила словами Ленина: „Если мы начнем с прочной постановки крепкой организации революционеров, то мы можем обеспечить устойчивость движения в его целом, осуществить и социал-демократические и собственно тред-юнионистические цели. Если же мы начнем с наиболее, якобы, „доступной массе (а на деле с наиболее доступной жандармам и делающей революционеров наиболее доступными полицию) широкой рабочей организации, то мы ни тех, ни других целей не осуществим, от кустарничества не избавимся и своей раздробленностью, своей вечной разгромленностью будем только делать доступными массе тред-юнионы Зубатовского или Озеровского типа“¹⁾.

Только при помощи строго централизованной, строго конспиративной революционной организации партии русские социал-демократы могут приступить к действительно массовой социал-демократической работе и своей работой втянуть массы в действительно революционное, социалистическое движение. „Mit der Gründlichkeit der geschichtlichen Aktion wird der Umfang der Masse zunehmen deren Aktion sie ist (Marks)“²⁾, другими словами, чем основательнее, чем принципиальнее выдержаннее будет работа революционной социал-демократической организации, тем больше рабочая масса будет принимать участие в этой работе, тем все больше и больше весь рабочий класс будет действовать сознательно в социал-демократическом духе, тем больше гарантии, что он действительно (а не на словах только) станет в авангарде русской революции.

Г Л А В А Х Х Х И I I .

Мы уже видели, что главной основной чертой „экономического“ и „рабочедельческого“ направлений было то, что под флагом „чисто рабочего“ движения они проводили в ряды нашей партии совершенно непролетарские и нереволуционные идеи „критиков“ и бернштейнианцев. „Искра“ сразу поняла, где кроется опасность, и прежде всего вступила в решительный бой со своими же ближайшими товарищами. Для очень и очень многих членов партии такая тактика „Искры“ казалась совершенно непонятной: вместо того, чтобы сглаживать

¹⁾ Ленин. „Что делать?“, стр. 91.

²⁾ „С ростом основательности исторического действия растет и объем массы, участвующей в этом действии“.

существующие разногласия и пытаться найти общий для всех путь, чтобы дружно всем вместе выступить против врага, „Искра“ с яростью накидывалась на своих же соратников и отталкивала их от себя, словно нарочно раздувая мелкие противоречия и находя принципиальные разногласия там, где в сущности все дело сводилось к тактическим приемам борьбы или к педагогическим приемам агитации.

„Нечего им там за границей делать, вот они и дерутся между собой, а попробовали бы повертеться в таком котле, как нам изо дня в день приходится, когда суток не хватает, чтобы все дела переделать, так не до споров было бы им с „Рабочим Делом“ или с Бернштейном“,—так рассуждал не один практик в России, читая полемические статьи „Искры“. „Наше дело—рабочее движение, рабочая организация здесь, в нашей местности, а остальное—выдумки доктринеров“,—заявил Ленину один из экономистов,—„теоретические споры и фракционные разногласия, широкие политические задачи“ нас не касаются. „Сдать бы все это за границу“¹⁾.

„Основной ее („Искры“) недостаток,—пишут „товарищи“ в письме в русские социал-демократические органы,—красной нитью проходящий через все ее столбцы и обуславливающий все ее остальные крупные и мелкие недостатки, заключается в том, что „Искра“ отводит весьма видное место идеологам движения в смысле их влияния на то или иное направление. В то же время „Искра“ мало считается с теми материальными элементами движения и той материальной средой, из взаимодействия которых создается известный тип рабочего движения и определяется его путь, совлечь с которого его не в состоянии все усилия идеологов, хотя бы и вдохновенных самыми лучшими теориями и программами.. Чрезмерная склонность ее к полемике вытекает из переоценки ею роли „идеологии“ (программ, теорий...) в движении, отчасти же является отголоском междоусобной брани, которая возгорелась на Западе среди русских эмигрантов, и о которой она поспешила поведать миру в ряде полемических брошюр и статей. На наш взгляд, все эти их разногласия не имеют почти никакого влияния на фактический ход русского социал-демократического движения; разве только вредят ему, внося нежелательный раскол в среду действующих в России товарищей, а потому мы не можем не отнестись отрицательно к полемическому задору „Искры“... Насквозь пропитанная сектантской нетерпимостью, столь характерной для идеологов младенческого периода социальных движений, „Искра“ всякое разногласие с нею готова заклеить не только, как отступление

¹⁾ Ленин. „Что делать“, стр. 11.

от социал-демократических принципов, но даже как переход во враждебный лагерь¹⁾).

Трудно более точно выразить настроение большинства тогдашних практиков, чем это сделали авторы только что цитированного письма. Принципы, теории, программы, вся эта „идеология“ нас не касается; она даже вредит нашей практической деятельности, создает раскол среди партийных работников, нарушает наше мирное, беспринципное болотное прозябание. Теория, идеология на практику не влияет, так к чему эти нападки на Струве, Прокоповича, Мартынова, авторов „Credo“ и т. д. Это уозсть, сектантство—заставлять всех думать так же, как думаешь ты, это нарушение основного демократического принципа „свободы критики“, „свободы мнений“.

Ленин, отвечая на все подобные вопли о „свободе критики“; говорит: „Свобода великое слово, но под знаменем свободы промышленности велись самые разбойничьи войны, под знаменем свободы труда—грабили трудящихся. Такая же внутренняя фальшь заключается и в современном употреблении слов: свобода критики. Люди, действительно убежденные в том, что они двинули вперед науку, требовали бы не свободы новых воззрений на ряду со старыми, а замены последних первыми. А современные выкрикивания: „да здравствует свобода критики!“ слишком напоминают басню о пустой бочке...

„Мы идем тесной кучкой по обрывистому пути, крепко взявшись за руки,—продолжает Ленин.—Мы окружены со всех сторон врагами, и нам приходится почти всегда идти под их огнем. Мы соединились по свободно принятому решению именно для того, чтобы бороться с врагами, не отступаться в соседнее болото, обитатели которого с самого начала порицали нас за то, что мы выделились в особую группу и выбрали путь борьбы, а не путь примирения. И вот некоторые из нас принимаются кричать: пойдете в это болото!—а когда их начинают стыдить, они возражают: какие вы отсталые люди! и как вам не совестно отрицать за нами свободу звать вас на лучшую дорогу! О да, господа, вы свободны не только звать, но и итти, куда вам угодно, хотя бы в болото; мы находим даже, что ваше настоящее место именно в болоте, и мы готовы оказать вам посильное содействие к вашему переселению туда. Но только оставьте тогда наши руки, не хватайтесь за нас и не пачкайте великого слова, „свобода“, потому что мы ведь тоже „свободны“ итти,

¹⁾ Беседа с защитникам экономистов. „Искра“, № 12, 6 дек. 1901 г., стр. 2, столб.—21.

куда мы хотим, свободны бороться не только с болотом, но и с теми, кто поворачивает к болоту!¹⁾

Социалдемократия есть соединение социализма с рабочим движением. А раз это так, то ясно, что невозможно освободить „практику“ от идеологии—теории, программ, социалистических принципов. Освобожденная от „идеологического багажа“ практика не может быть социалдемократической практикой. „рабочее движение отрывается от социализма социализм отрывается от рабочего движения“; и то, и другое утрачивает, благодаря этому, свой революционный характер и идет в оппортунистическое буржуазное болото примирения, приспособления к существующему, создавая тот тип „новейшего русского социалиста“, физиономия которого так метко схвачена в „Гимне“ Нарциса Тупорылова.

„Грозные тучи нависли над нами,
Темные силы в загромок нас бьют,
Рабские спины покрыты рубцами,
Хлещет неистово варварский кнут.
Но, потираючи грешное тело,
Мысля конкретно, посмотрим на дело.
Кнут, вель, истреплется, скажем народу:
Лет через сто ты получишь свободу.
Медленным шагом, робким зигзагом
Тише вперед, рабочий народ!
Жаждет копейки наш серый рабочий—
Нам ли к свободе его призывать!
Наших сподвижников тусклые очи
Заревом крови не должно смущать.
В битве безумной погибнут бесследно
Те, кто увлекся сияньем идей,
Гибели их будет вторить победно
Хохот презрительный трезвых людей.
Не увлекаясь, приспособляясь,
Тише вперед, рабочий народ!
В нашей борьбе самодержца короны
Мы не коснемся мятежной рукой,
Кровью народной залитые троны
Рухнут когда-нибудь сами собой.
Высшей политикой нас не прельстите
Вы, демагоги трудящихся масс,
О коммунизмах своих не твердите—
Веруем в мощь вспомогательных касс.
Если возможно, то осторожно
Шествуй вперед, рабочий народ!“²⁾

Я привел из „Зари“ этот „гимн“ для того, чтобы показать, к каким полемическим приемам считала, между прочим,

¹⁾ „Что делать?“, стр. 3—4.

²⁾ „Гимн новейшего русского социалиста“. Заря № 1, стр. 152—153. Под псевдонимом „Нарцис Тупорылов“ скрывался один из вождей теперешнего правого крыла нашей Партии: Мартов, псевдоним этот был придуман другим вождем меньшевизма, Г. В. Плехановым.

возможным прибегать „Искра“ и выходявшая при ближайшем участии Плеханова, Аксельрода и Засулич „Заря“ в борьбе с оппортунистическим крылом нашей партии. Да, „Искра“ не брезгала такими приемами полемики, не брезгала потому, что ее девизом было: „Прежде, чем объединяться и для того, чтобы объединиться надо размежеваться“ и размежеваться решительно. В партии революционной социалдемократии не может быть места людям зослезаяющим, как единственное спасаящее средство борьбы, „вспомогательные кассы“, людям, смущаящимся перед „заревом крови“, тем, кто верит, что все наследия азиатчины „рухнут когда-нибудь сами собой“; не может быть в ней места и тем, кто противопоставляет „узкому“ „сектантскому“ социалдемократическому движению широкое „чисто рабочее“ дело, людям, неувлекающимся, приспособляющимся, трезвым...

Всех таких господ „Искра“ тянула за язык, заставляя их ставить точки над „i“, она извлекала на свет божий всякое сredo и, широко критикуя его, старалась вскрывать его истинную подоплеку и прячущуюся за революционной фразой антиреволюционную сущность. При помощи резкой беспощадной критики она заставляла отделиться все не-пролетарские группы, мирно уживавшиеся в рядах нашей партии при господстве „рабочедельчества“. Безмятежное выступание под видом марксиста и социалдемократа стало теперь невозможным для господ типа Струве, Прокоповичей, Кусковых; под натиском „Искры“ им пришлось спасаться в „Освобождение“. Все пережитки старых надклассовых революционных партий должны были объединиться под надклассовым всеобъемлющим интеллигентским знаменем „социалистов-революционеров“. Только благодаря критике „Искры“, практики, наконец, уразумели, что не всякий исправляющий, дополняющий и углубляющий марксизм и всуе твердящий о рабочем движении, не всякий, защищаящий интересы „трудящихся“, имеет право называться социалдемократом, право считаться членом социалдемократической партии.

Чтобы понять все значение полемики „Искры“, нужно представить себе тогдашнее положение вещей. Нелегальное существование, на которое были обречены русская революция, и оппозиция всех оттенков, как то совершенно затирала классовое различие между всеми направлениями. Боящийся пуще огня всякой революции, либерал с жадностью набрасывался на всякое произведение нелегальной печати, безразлично, будь то толстовское „Свободное Слово“, или передающие придворные сплетни „Листки фонда вольной русской прессы“, или „Рабочее Дело“, или „Искра“. Он жаждал отдохнуть от трудного эзоповского языка легальных газет, от

вынужденного чтения между строк легальных книг. Читая „Свободное Слово“ такой либерал готов был подписаться под толстовщиной, а читая „Рабочее Дело“ не прочь был назвать себя и „социалдемократом“ или, более скромно „социалистом“. За всеми произведениями вольной печати он видел одну заслугу: они подтачивали веру в „незыблемость основ“ и подготавливали почву для его, либерала, будущего господства. Программы, теории, все это дело наживное, все это явится во благовремение, после конституции. Тогда он, конечно, станет на сторону трудящихся, на сторону эксплуатируемых, ведь, не буржуй же он, в самом деле, не капиталист—а пока все „товарищи“, у всех одна ближайшая цель, всех одинаково эксплуатирует современный политический строй.

Так рассуждали, впрочем, не одни только либералы. Я помню один разговор с одним видным деятелем партии „социалистов революционеров“. „К чему эти программы,—говорил он,—мы все революционеры; нелегальные книжки, да прокламации, ведь, не для нас с вами нужны, а для массы; а разве ей интересны все эти программы, теории. Ее поднять нужно, это главное, а подымете вы или мы—это вопрос второстепенный. Вы считаете вашу тактику лучшей, так и действуйте, мы вам мешать не будем, не мешайте же и вы нам действовать по-своему. К чему вся эта полемика, грызня друг с другом из за программных вопросов—не лучше ли действовать сообща всем „фракциям“ одной общей товарищеской революционной семьи?“

„Искра“ со своей непримиримостью, резкостью, „нетоварищескими приемами полемики“ не могла не вызвать против себя бурю негодования со стороны всех этих „послеконституционных“ социалистов и революционных „товарищей“. На дружески раскрытые для встречи нового собрата об'ятия „Искра“ упорно, точно с ножом к горлу, приступала с вопросом: „как веруеши?“, т.-е. каково твое отношение к сознательной классовой борьбе пролетариата? Какова твоя программа, и не только „программа деятельности“, к которой, по мнению „Раб. Дела“, допустимо снисходительное отношение, нет, какова твоя действительная „партийная“ программа, твоя идеология? Понятно, что люди, у которых за душой, кроме „настроения“, „революционного духа“, да „революционных приемов борьбы“, ничего не было, должны были впадать в истерику и вопить о „нетоварищеских приемах полемики“.

„Можно ли относить тактические разногласия,—писала „Искра“,—к числу таких разногласий, наличие которых лишает данных политических деятелей возможности принад-

лежать к одной и той же политической партии?... Если люди согласны между собой в принципах, то они товарищи и должны оставаться таковыми, им грешно разрывать из-за второстепенных частных... Так говорят обыкновенно дилетанты социализма, которым „представляется, что тактические вопросы отделены от принципиальных непроходимой пропастью. На самом деле такой пропасти не существует... тактические разногласия, перейдя известный предел, превращаются в разногласия принципиальные... Кроме тех принципов, которые представляют собой формулировку и обоснование конечной цели, социализма, существуют еще те принципы, на которые опирается тактика борьбы за эту цель. Люди, не согласные между собой в этих последних, не могут идти вместе, как бы не было велико их единомыслие в том, что касается общих положений социализма... Для того, чтобы две социалистические группы (или организации, или фракции, или партии), могли об'единиться с пользой для дела, необходимо, стало быть, кроме единодушия по отношению к конечной цели—чтобы ни одна из них не придерживалась такой тактики, которая могла бы показаться другой группе (или организации, или и т. д.) вредной для развития классового самосознания рабочих. Это предел, который не может и не должен быть перейден. Как только тактические разногласия между двумя группами перешли за него, они приобретают принципиальное значение, и тогда разрыв становится неизбежным, препятствовать ему—значит вредить ему“¹⁾).

И вот с этой то точки зрения „Искра“, не обращая внимания на заголовок, подходила к каждой группе, к каждому органу и говорила им: хорошо, ты признаешь социализм, ты называешь себя социал-демократическим (кой), но способствует ли твоя тактика прояснению классового сознания пролетариата или затемняет его? приближает ли она пролетариат к его конечной цели, или, наоборот, отдаляет от нее? События последних лет в Западной Европе показали, как важны вопросы тактики в социал-демократическом движении. „В чем состоит „новое“ направление, которое „критически“ относится к „старому догматическому“ марксизму, это с достаточной определенностью сказал Берштейн и показал Милльеран²⁾. И можно не сомневаться, говорит „Искра“, что революционная борьба XX века приведет к тому, что можно будет *mutatis mutandis* назвать

¹⁾ О тактике, вообще, о тактике николаевск. ген. Реада в частности и о тактике Б. Кричевского в особенности. „Искра“ № 10, ноябрь 901 г. стр. 3, столб. 1—4.

²⁾ Ленин „Что делать“, стр. 1.

разрывом социал-демократической „Горы“ с социал-демократической „Жирондой“¹⁾. И для „Искры“ не было никакого сомнения в том, что тактика нашей „Жиронды“ должна разойтись с тактикой нашей „Горы“, т. е. революционной социал-демократии. „Тактика-план“ и „тактика процесс“—вот как формулирует тактические разногласия Б. Кричевский; первую он, как истый жирондист, конечно, отвергает, как „бланкистскую“, „сектанскую“ и поет гимн второй.

Свой взгляд на тактику „Искра“ изложила в № 4. Она писала: „Речь идет теперь не о выборе пути (как это было в конце 80-х и начале 90-х годов), а о том, какие практические шаги и как именно должны мы сделать на известном пути. Речь идет о системе, о плане практической деятельности“, а для этого нельзя, подобно „Рабочему Делу“, подделываться под каждое новое веяние и „менять тактику в 24 часа“. В 24 часа можно изменить тактику агитации по какому-нибудь специальному вопросу, тактику проведения какой-нибудь детали партийной организации; а изменить не только в 24 часа, но хотя бы в 24 месяца свои взгляды на то, нужна ли вообще, всегда и безусловно боевая организация и политическая агитация в массе, могут только люди без всяких устоев. Смешно ссылаться на различие обстановки, на смену периодов: работать над созданием боевой организации и ведением политической агитации обязательно при какой угодно „серой, мирной“ обстановке, в период какого угодно „упадка революционного духа“ более того: именно при такой обстановке и в такие периоды особенно необходима указанная работа, ибо в моменты взрывов и вспышек поздно уже создавать организацию, она должна быть наготове, чтобы развернуть свою деятельность. „Изменить в 24 часа тактику!“ Да для этого, чтобы изменить тактику, надо прежде иметь тактику, а если нет крепкой организации, искушенной в политической борьбе при всякой обстановке и во всякие периоды, то не может быть и речи о том систематическом, освещенном твердыми принципами и неуклонно проводимом плане деятельности, который только и заслуживает названия тактики“.

„Рабочее Дело“ так увлеклось „историческим поворотом“ (февральскими и мартовскими днями), что стало звать сейчас же на штурм самодержавия. „Спрашивается,—продолжает „Искра“,—можем ли мы в данный момент звать на такой штурм? „Рабочее Дело“, повидимому, думает, что да. По крайней мере оно восклицает: „Стройтесь в штурмовые колонны!“ Но это опять таки усердие не по разуму. Глав-

¹⁾ „На пороге XX в.“, „Искра“ № 2, стр. 2.

ная масса наших военных сил—добровольцы и повстанцы. Постоянного войска есть у нас несколько небольших отрядов, да и те не мобилизованы, не связаны между собой, не приучены строиться в военные колонны вообще, а не то что в штурмовые колонны. При таких обстоятельствах для всякого, кто способен обзреть общие условия нашей борьбы, не забывая о них при каждом „повороте“ исторического хода событий,—должно быть ясно, что лозунгом нашим в данный момент не может быть „итти на штурм“, а должно быть: „устроить правильную осаду неприятельской крепости“, другими словами, непосредственной задачей нашей партии не может быть призыв наличных сил теперь же к атаке, а должен быть призыв к выработке революционной организации, способной объединить все силы и руководить движением не только по названию, но и на самом деле, т.-е. быть всегда готовой к поддержке всякого протеста и всякой вспышки, пользуясь ими для умножения и укрепления военных сил, годных для решительного боя..

Сегодня перед нами встала сравнительно легкая задача—поддержать студентов, демонстрирующих на улицах больших городов. Завтра встанет, может быть, более трудная задача, например, поддержать движение безработных в известном районе. Послезавтра мы должны оказаться на своем посту, чтобы принять революционное участие в крестьянском бунте. Сегодня мы должны воспользоваться тем обострением политического положения, которое создало правительство походом на земство. Завтра мы должны поддержать возмущение населения против того или другого зарвавшегося башибузука и помочь—посредством бойкота, травли, манифестации и т. п. проучить его так, чтобы он принужден был к открытому отступлению“.

Этим „Искра“, конечно, не хочет сказать, что только от такой планомерной осады возможно падение самодержавия. „Вполне возможно и исторически гораздо более вероятно,—говорит она,—что самодержавие падает под давлением одного из тех стихийных взрывов или непредвиденных политических осложнений, которые постоянно грозят со всех сторон. Но ни одна политическая партия, не впадая в авантюризм, не может строить своей деятельности в расчете на такие взрывы и осложнения. Мы должны итти своим путем, делать неуклонно свою систематическую работу, и чем меньше будем мы рассчитывать на неожиданности, тем больше вероятия, что нас не застанут врасплох никакие исторические повороты“¹⁾.

¹⁾ «С чего начать» Искра № 4, стр. 1, столб. 1—3.

Против этой „тактики плана“ „Рабочее Дело“ выдвигает „тактику-процесс“. Так как „конкретные условия, земная дорога, по которой приходится идти к цели,—говорит оно,— не приспособляются к нашим заранее установленным планам, то остается одно из двух—либо жертвовать живым делом „систематическому плану“, либо вечно колебаться между обязанностями, налагаемыми планом и действиями, которых повелительно требуют условия и интересы борьбы. „То-ли дело тактика—процесс,—она заранее определяет не способ действия, а только общий принцип, который должен руководствоваться изменениями нашей деятельности—приспособление ее к данным конкретным условиям ради достижения цели, указанной в программе... такая тактика является зрелым плодом возмужавшего социал-демократического движения. В противоположность детски сектантскому периоду движения, связавшему деятельность бесчисленными узами „воздержания“, она пишет на своем знамени: „вера без дела мертва есть!“ Выросши на почве самой борьбы, взгляд на тактику, как на процесс, является логическим дополнением общего марксистского взгляда на все рабочее движение, как на процесс развития борющегося за свое освобождение пролетариата. Практически этот взгляд выражается в том, что непосредственные задачи пролетариата меняются и расширяются вместе с изменением условий борьбы и ростом его силы. Тактика-процесс—это есть вечное искание новых путей в свете принципов—искание, сопряженное, как всякое человеческое искание с заблуждениями, но единственно гарантирующее поступательный рост движения“¹⁾ (курсив Кричевского).

Чтобы не показаться голословным, пример такого нащупывания тактики-процесса дает нам другой сотрудник „Рабочего Дела“, Мартынов. „Мы считаем очень вероятным,—пишет он,—что в момент ликвидации самодержавия ныне трусливые или реакционные элементы буржуазного и вообще (?) культурного общества возвысят голос в пользу конституции и этим окончательно решат дело самодержавия. Мы считаем очень вероятным, что инициатива решительных схваток с самодержавием будет исходить из среды разночинной интеллигенции, для которой политическая свобода является самым болезненным вопросом жизни. Но несомненно, что главным и постоянным источником революционной энергии у нас уже и

¹⁾ Кричевский «Принципы, тактика, борьба». «Рабочее Дело». № 10, стр. 12—13.

теперь является рабочая масса¹⁾. Казалось бы, отсюда вывод ясен: надо постараться, чтобы рабочие к моменту ликвидации самодержавия, когда „культурные, буржуазные и интеллигентные“ слои „возвысят“ свой голос в пользу конституции, были уже настолько сознательны, что сумели бы выставить свои требования, дабы в противном случае некультурным рабочим слоям не пришлось бы и с конституцией остаться при пиковом интересе.

Но так рассуждать могут только сектанты, доктринеры, последователи тактики - плана; тактика же процесс устами Мартынова вещает, что „читать революционные издания (т.е. приобретать сознательность. М. Л.) не значит еще бороться... Мы, социал-демократы, должны прежде всего руководить пролетарской борьбой. Поэтому наша агитационная тактика должна выработать руководящие принципы массовой борьбы пролетариата и для таких острых революционных периодов, какой недавно переживала Россия, и для обычных условий“. В обычное время эта тактика повелевает „придать экономической борьбе политический характер“¹⁾... Наша партия, — продолжает далее Мартынов, — могла бы и должна бы ставить правительству конкретные требования законодательных и административных (sic!) мероприятий против экономической эксплуатации, против безработицы, против голода и т. д. Такие требования не были бы пустым звуком, потому что, суля известные осязательные (курсив мой. М. Л.) результаты, они могли бы быть активно поддержаны рабочей массой²⁾.

Одним словом, тактика-процесс властной] рукой привела Мартынова вкупе с Кричевским в лоно автора „Credo“ и передовицы № 1 „Рабочей Мысли“. После могучего призыва к немедленному штурму самодержавия, и, вдруг, призыв к борьбе за „осязательный результат легализации административным порядком „кас взаимопомощи!“

Высшей политикой нас не прельстите
Вы, демагоги трудящихся масс,
О коммунизмах своих не твердите—
Веруем в мощь вспомогательных касс.

„Друг мой, Аркадий Николаевич, пожалуйста, не говори красиво! — пишет „Искра“ в уже цитированной нами статье об этой тактике-процессе. — Вечное искание новых путей, да еще при свете принципов, разумеется, хорошее дело. Но оно

¹⁾ Мартынов. „Обличительная литература и пролетарская борьба“. „Р. Д.“. № 10, стр. 42.

²⁾ Там же, стр. 43.

хорошо только тогда, когда „ищущий“ находит действительно что-нибудь новое. А когда он открывает „вечно“ такие америки, которые давно открыты, но в существовании которых он по своему крайнему неразумению сомневался, то его „вечное искание“ означает лишь столь же „вечную“ неспособность понять то, что ему говорят более опытные люди“¹⁾. „Наполеон не только не чуждался „тактики - плана“, но утверждал, что в хорошо составленном плане должны быть наперед приняты меры против всевозможных случайностей (просим Кричевского заметить, что Наполеон заранее составлял не только тактические, но и стратегические планы, т.-е. не только планы отдельных битв, но и планы целых кампаний). И если бы какой-нибудь глубокомысленный Кричевский того времени вздумал уверять его, что „план“ — пустяки, а главный залог успеха заключается в том, что тактика есть процесс роста тактических задач, растущих и т. д., то деспотический корсиканец, наверное, скоро оборвал бы его с обычной своей бесцеремонностью... Почему Б. Кричевский вообразил, что тактика-план может основываться только на принципах, да на самых общих условиях действительности?.. Мы решительно не понимаем, в силу каких причин русские социал-демократы при составлении плана действий должны принимать в соображение только „существование самодержавия“, а не соотношение русских общественных сил, степень развития русского пролетариата, свою собственную организованность (или дезорганизованность) и, наконец, величину „свободной наличности“, находящейся в их кассе. По нашему скромному разумению, выходит, что все эти вполне „конкретные“ условия гораздо более способен упустить из виду тот человек, который, начитавшись Б. Кричевского, пренебрегает „планами“ и твердит, что тактика есть процесс роста задач, растущих и проч., и проч.“²⁾.

Развивать классовое самосознание всего пролетариата, организовывать его передовых сознательных борцов в революционную организацию, расшевеливать и подталкивать всякую оппозицию против самодержавия, к какому бы слою общества эта оппозиция не принадлежала, подталкивать, обостряя возникающие у нее с правительством конфликты, разоблачать и объяснять с социал-демократической, революционной точки зрения каждое мероприятие, каждый шаг правительства — и всем этим вместе взятым готовить решительный штурм самодержавия. Вот в чем заключалась тактика-план „Искры“.

¹⁾ О тактике вообще и т. д. „Искра“, № 10, стр. 3, столб. 3.

²⁾ Там же, стр. 3, столб. 2.

„Область, из которой только можно почерпнуть (классовое, политическое) сознание,—говорит Ленин,—есть область отношений всех классов и слоев к государству и правительству, область взаимоотношений между всеми классами... Чтобы принести рабочим политическое знание, социал-демократы должны идти во все классы населения, должны рассылать во все стороны отряды своей армии“¹⁾... „Тот не социал-демократ, кто забывает на деле, что „коммунисты поддерживают всякое революционное движение“, что мы обязаны поэтому перед всем народом излагать и подчеркивать общедемократические задачи, не скрывая ни минуты своих социалистических убеждений. Тот не социал-демократ, кто забывает на деле о своей обязанности быть впереди всех в постановке, обострении и разрешении всякого общедемократического вопроса“²⁾.

С этим согласны были все, даже рабочедельцы вынесли на своем съезде резолюцию в этом смысле. „Но недостаточно называть себя „авангардом“, передовым отрядом,—продолжает Ленин,—надо и действовать так, чтобы все остальные отряды видели и вынуждены были признать, что мы идем впереди. И мы спрашиваем читателя: неужели же представители остальных „отрядов“ такие дураки, чтобы поверить на слово насчет „авангарда“. Представьте себе конкретно такую картину. В „отряд“ русских образованных радикалов или либеральных конституционалистов является социал-демократ и говорит: мы — авангард; „теперь перед нами стоит задача — как придать по возможности самой экономической борьбе политический характер?“ Сколько-нибудь умный радикал или конституционалист только усмехнется, услышав такую речь, и скажет (про себя, конечно): ну и простоват же этот „авангард“... Такой авангард, который стремится заменить социал-демократическую политику трэд-юнионистской, играет только на руку радикалам и либералам; и усмешка конституционалиста превратилась бы в гомерический хохот, если бы он узнал, что эти социал-демократы (вроде Мартынова), которые, говоря о социал-демократии, как об авангарде, в момент почти полного господства стихийности в нашем движении больше всего боятся „преуменьшения стихийного элемента“, боятся „уменьшить значение поступательного хода серой текущей борьбы по сравнению с пропагандой блестящих и законченных идей“ и проч., и проч. „Передовой“ отряд, который боится, как бы сознательность не обогнала стихийности, который боится выдвинуть смелый „план“, вынуждающий общее признание и

¹⁾ „Что делать?“, стр. 59.

²⁾ Там же, стр. 62.

у несогласно мыслящих. Да уж не смешивают ли они слово авангард с словом арьергард?¹⁾

Но возможна ли работа во всех классах, есть ли там достаточная почва для агитации? „Рабочее движение,—отвечает на этот вопрос Ленин,—вызвало и продолжает вызывать недовольство в одних, надежды на поддержку оппозиции в других, сознание невозможности самодержавия и необходимости его краха в третьих. Мы были бы только на словах „политиками“ и социалдемократами (как очень и очень часто бывает в действительности), если бы не сознали своей задачи использовать все и всякие проявления недовольства, собрать и подвергнуть обработке все крупницы хотя бы зародышевого протеста. Не говорим уже о том, что вся многомиллионная масса трудящегося крестьянства, кустарей, мелких ремесленников и проч. всегда жадно стала бы слушать проповедь сколько нибудь умелого социалдемократа, как выразителя самых наболевших общедемократических нужд. А кто хочет конкретно представить себе эту политическую агитацию социалдемократа во всех классах и слоях населения, тому мы укажем на политические обличения в широком смысле этого слова, как на главное, но, разумеется, не единственное средство агитации... Авангардом революционных сил сумеет стать в наше время только партия, которая организует действительно всенародные обличения“, и только тогда люди всех классов и сословий будут обращаться к нам со своими жалобами на правительство, „когда увидят, что эти жалобы действительно способны оказать действие, что мы представляем из себя политическую силу“. А для того, чтобы стать таковой, „недостаточно повесить ярлык „авангард“ на теорию и практику „арьергарда“, для этого необходима упорная работа „над повышением нашей сознательности и энергии“²⁾.

„Поскольку „Искра“ старается уложить все сложные формы революционной борьбы в прокрустово ложе узкой догмы,—говорит Мартынов,—она заглушает активное чувство, парализует инициативу и суживает до-нельзя сферу революционного воздействия. Если бы „Искра“ продолжала вестись в том же духе, она имела бы, вероятно, прочный успех среди известного кружка оппозиционных читателей, но она не имела бы успеха среди революционных деятелей“³⁾. Вообще, „Искра“ орган не социалдемократический, не революционный, а только оппозиционно-демократический—таков был лозунг,

¹⁾ „Что делать?“, стр. 62—63.

²⁾ „Что делать?“ стр. 66—67.

³⁾ „Обличительн. литература и пролет. борьба“. Р. Д. № 10. Стр. 54.

данный из главного штаба „Рабочего Дела“, и этот лозунг пошел гулять по всем практикам, сторонникам этого направления, а при помощи последних попал и в рабочие кружки, не выдавшие благодаря этим практикам ни одного номера „Искры“.

В чем же должен был выразиться классовый, социалдемократический характер „всенародного обличения“? „Да в том именно,—отвечает Ленин,—что организуем эти всенародные обличения мы, социалдемократы; в том, что освещение всех поднимаемых агитацией вопросов будет даваться в неуклонно социалдемократическом духе, без всяких подачек—умышленных и неумышленных—искажениям марксизма; в том, что вести эту всестороннюю политическую агитацию будет партия, соединяющая в одно неразрывное целое и натиск на правительство от имени всего народа, и революционное воспитание пролетариата, на ряду с его политической самостоятельностью, и руководство экономической борьбой рабочего класса, утилизацию тех стихийных столкновений его с его эксплуататорами, которые поднимают и привлекают в наш лагерь новые и новые слои пролетариата“¹⁾.

К выполнению этой тактики „Искра“ приступила уже с первых номеров. „Мы говорили,—продолжает Ленин,—о необходимости внести классовую борьбу в деревню, по поводу сорокалетия освобождения крестьян (№ 3) и о непримиримости самоуправления и самодержавия, по поводу тайной записки Витте (№ 4), мы нападали на крепостничество землевладельцев и служащего им правительства, по поводу нового закона (№ 8) и приветствовали нелегальный земский съезд, поощряя земцев перейти к борьбе от униженных ходатайств (№ 8); мы поощряли студентов, начинавших понимать необходимость политической борьбы и переходивших к таковой (№ 3) и в то же время бичевали „дикое непонимание“, обнаруженное сторонниками „только студенческого“ движения, приглашавшими студентов не участвовать в уличных демонстрациях (№ 3), мы разоблачали „бессмысленные мечтания“ и „лживое лицемерие“ либеральных лукавцев газеты „Россия“ (№ 5) и в то же время отмечали бешенство правительственного застенка, который „творил расправу над мирными литераторами, над старыми профессорами, над известными либеральными земцами“ (№ 5, „полицейский набег на литературу“), мы разоблачали настоящее значение „государственной попечительности о благоустройстве быта рабочих“ и приветствовали „ценное признание“, что „лучше преобразованиями сверху предупредить требования таковых снизу, чем дожидаться

¹⁾ „Что делать?“ стр. 68.

последнего“ (№ 6), —мы поощряли статистиков-протестантов (№ 7) и порицали статистиков-штрейкбрехеров (№ 9). Кто усматривает в этой тактике затемнение классового сознания пролетариата и компромисс с либерализмом, тот тем самым обнаруживает, что он совершенно не понимает истинного значения программы *сredo* и *de facto* проводить именно эту программу, сколько бы он от нее не отрекался! Потому что он тем самым тащит социалдемократии „к экономической борьбе с хозяевами и с правительством“ и пасует перед либерализмом, отказываясь от задачи активно вмешиваться в каждый „либеральный“ вопрос и определять свое социалдемократическое отношение к этому вопросу“¹⁾.

Чтобы вполне выяснить тактические взгляды „Искры“ нам остается лишь подробнее остановиться на отношении ее к тактике, известной под именем „террора“, т. е. к единичной борьбе против отдельных угнетателей.

О терроре „Искре“ пришлось заговорить уже в первых номерах, под впечатлением выстрелов Карповича и Лаговского. „Рядом с вестями, говорившими о громадном расширении политического движения, — пишет В. Засулич, — нам попадаются на каждом шагу также сообщения о том, что в „публике“, среди „мирных либералов“, „простых обывателей“ слышатся теперь надежды, предсказания и пожелания, чтобы возобновился снова „террор“, которым закончилось революционное движение 70-х годов“²⁾.

Редакция „Раб. Дела“, желающая отражать настроение рабочих, а в действительности отражающая настроение „простых обывателей“ и „мирных либералов“, плывя по течению „стихийности“, сейчас же подхватила эти „пожелания“ и „предсказания“. „Исторический момент, — читаем мы в № 6 „Рабоч. Дела“, —выдвинул перед нашей партией совершенно новый вопрос. Выстрелы Карповича и Лаговского и то горячее сочувствие, которое они встретили в рядах молодежи и всех революционных элементов вообще, ясно показывают, что белый террор правительства снова, с неотвратимой силой закона природы, создает почву для красного террора революционеров. Наши партийные организации не могут и не должны игнорировать этого факта, обходить его молчанием. Они должны сообща решить, какое положение им всем занять по отношению к террору“³⁾.

Засулич вместе со всей редакцией „Искры“ не сочла возможным увлечься этой „неотвратимой силой закона“ и попы-

1) „Что делать?“ стр. 71.

2) „По поводу современ. событий“. Искра № 3, стр. 7, стлб. 1.

3) „Историч. поворот“. Листок Р. Д., № 6, стр. 5.

талась разобрать вопрос о терроре по существу. Эти увлечения, говорит Засулич, свидетельствуют о „том же самом широком возбуждении, и тем не менее укрепление таких надежд имело бы, по нашему мнению, противоположную тенденцию суживать, а не расширять поле борьбы. Единичные акты самопожертвования, как выстрел Карповича, не исключающие ни от какой организованной силы, не могут сосредоточивать на себе общественных надежд. На них нельзя рассчитывать. Это не акты борьбы, а лишь выражение общего озлобления и боли, вызываемой особо ненавистными проявлениями самовластия... Такие выстрелы не могут заменить собой в умах сочувствующих какой бы то ни было другой освободительной деятельности. Нечто совершенно иное представляет собой террор, входящий в программу организованной группы, в качестве способа борьбы за свободу и представляющийся окружающей террористов сочувственной среде путем к освобождению. Мы глубоко убеждены, что в настоящий момент такой террор, если бы на нем начали сосредоточиваться общественные надежды, не только не усилил бы освободительного движения, а, наоборот, ослабил бы его... Террор кажется нам неподходящим в настоящий момент способом действия не сам по себе, а по своему неизбежному психическому влиянию на окружающую среду... Террор, несомненно, волновал все русское общество, но это было пассивное волнение, самодовлеющее, не толкающее к действию, сродни эстетическому волнению, вызываемому великими художественными произведениями. Иной либеральный обыватель мог плакать от умиления перед геройством террористов, но его собственной жажды деятельности и способности к риску это не увеличивало... Вся активность, вся энергия сосредоточивалась в горсти героев, дух борьбы не разливался вширь по мере ее заострения, а находя исход лишь в сочувствии, в вере в „Исполнительный Комитет“: он освободит. При таком направлении общественной энергии не создавалось силы, которая могла бы воспользоваться некоторым психическим расстройством, произведенным террором в правительстве, так как уже этого-то ни в каком случае не могла сделать нелегальная организация террористов“¹⁾.

„Принципиально мы никогда не отказывались и не можем отказаться от террора,—писала „Искра“ в другом месте.—Это одно из военных действий, которое может быть вполне пригодно и даже необходимо в известный момент сражения, при известном состоянии войска и при известных условиях. Но суть дела именно в том, что террор выдвигается в на-

¹⁾ „По поводу соврем. событий“. Искра № 3, стр. 7, столб. 1—2.

стоящее время отнюдь не как одна из операций действующей армии, тесно связанная и сообразованная со всей системой борьбы, а как самостоятельное и независимое от всякой армии средство единичного нападения. Да при отсутствии центральной и слабости местных революционных организаций, террор и не может быть ни чем иным. Вот потому-то мы решительно объявляем такое средство борьбы при данных обстоятельствах несвоевременным, нецелесообразным, отвлекающим наиболее активных борцов от их настоящей, наиболее важной в интересах всего движения задачи, дезорганизующим не правительственные, а революционные силы". Террор в настоящее время грозит „разрывом связи между революционными организациями и теми разрозненными массами недовольных, протестующих, готовых к борьбе, которые слабы именно своей разрозненностью. А ведь в этой связи единственный залог нашего успеха... Террор никогда не может стать заурядным военным действием: в лучшем случае он пригоден лишь, как один из приемов решительного штурма" ¹⁾.

Вместо трусливых вождедений о возрождении у нас терроризма, который должен заменить собой массовое выступление, „Искра“ решительно заявляет: „политический кризис последних месяцев застал наше движение врасплох. А потому для тех социалдемократов, которые никогда не теряли уверенности в исторической задаче русского пролетариата, „совершенно новый вопрос“, выдвигаемый последними событиями, принимает такой вид: „что делать для того, чтобы организовать пролетариат в политическую силу, которую каждый новый кризис застанет в состоянии полной боевой готовности" ²⁾. „Рабочее дело“ право, говоря, что белый террор правительства создает почву для красного террора революционеров. Но сила, создающая этот террор, вовсе не „неотвратима“ — она, напротив, может быть отвращена только активной работой социалдемократов над созданием действительно революционного и сознательно политического движения пролетариата" ³⁾.

Чем сильнее обострялись отношения с правительством, чем дальше реакция последнего в лице Сипягина шла по пути к неограниченному произволу, тем сильнее работала мысль интеллигентных революционеров по направлению к террору. „Жрецы полицейского Молоха,—пишет „Искра“ по поводу убийства Сипягина,—делают все возможное, чтобы довести до самой крайней степени раздражение нашей сво-

¹⁾ „С чего начать?“ Искра № 4, стр. 1, столб. 1.

²⁾ „Вопросы дня“. Искра № 4, стр. 4, ст. 1.

³⁾ Там же, стр. 3, слб. 3.

бодомыслящей интеллигенции. Когда раздражение достигает этой крайней степени, мысль о „террористической“ борьбе возникает, можно сказать, сама собой всюду, где отношение общественных сил еще не позволяет думать об открытом массовом восстании с оружием в руках... Говорят, что террор тоже воспитывает рабочую массу, возбуждая ее. Тут есть капля истины. Рабочие, недовольные существующим порядком вещей, радуются удачным покушениям и огорчаются неудачными. Их, конечно, возбуждают доходящие до них известия о действиях террористов. Но такое возбуждение не выдерживает и отдаленного сравнения с возбуждением, вызываемым в рабочих личным непосредственным участием их в массовых уличных движениях. В этом последнем случае возбуждение располагает к самодеятельности, между тем, как сочувствие к террористам не только не исключает пассивного отношения к общественной жизни, но даже поддерживает и укрепляет его, приучая население смотреть на революционную партию, как на благодетельную, на постороннюю ему силу, которая сама все делает, сама поразит всех врагов свободы и сама обеспечит торжество революции. Терроризм изолирует революционную партию и тем осуждает ее на поражение... Мы очень ценим самоотвержение лиц, подобных Бальмашову и Карповичу, но мы стремимся к низвержению целой системы. Мы стоим на классовой точке зрения. А с этой точки зрения самым верным и совершенно незаменимым средством борьбы с царизмом была и остается агитация в рабочем классе для развития его политического самосознания и организация его сил для дальнейшей, все более и более упорной, все глубже и глубже проникающей, все более и более плодотворной и победоносной агитации“¹⁾.

Социалдемократия всегда будет предостерегать от авантюризма и безжалостно разоблачать иллюзии, неизбежно оканчивающиеся полным разочарованием, — писала „Искра“ когда удачный выстрел Балмашова создал „принципиальное“ обоснование террора в программе боевой организации партии социалистов-революционеров. — Мы должны помнить, что революционная партия только тогда заслуживает своего имени, когда на деле руководит движением революционного класса... Мы предпочитаем долгую и трудную работу над тем, за чем есть будущее, „легкому“ повторению того, что осуждено уже прошлым. Мы будем разоблачать людей,

1) „Смерть Сипягина и наши агитац. задачи“ Искра № 20, май 1902 г. стр. 1, ст. 1—3.

у которых на языке война с шаблонами догмы, а на деле только и есть, что шаблоны самых обветшалых и вредных теорий перебрасывания силы, разницы между крупной и мелкой работой и, конечно уже, теории поединка и единоборства. „Как некогда в битвах народов вожди их решали бой единоборством, так и террористы в единоборстве с самодержавием завоюют России свободу“—так заканчивается прокламация (социалистов-революционеров) 3 апреля. Такие фразы достаточно перепечатать, чтобы опровергнуть их¹⁾.

„Искра“ не могла не напасть со всей своей резкостью и решительностью на эту, как и на всякую другую, попытку затмения классового самосознания пролетариата, на стремление заменить его массовую борьбу „единоборством“ кучки интеллигентов. И чем сильнее шумели социалисты-революционеры по поводу „террора“, тем решительнее должна была быть полемика с ними со стороны „Искры“. В следующей части этой работы мы будем еще иметь случай подробней остановиться на отношении революционной социал-демократии и ее органа „Искры“ к социалистам-революционерам, а также об отношении к другим оппозиционным партиям. Сейчас же мы ограничимся лишь общим указанием на сущность революционных задач, которые ставила „Искра“. Вот как она сама формулирует их:

„Классовый характер социал-демократического движения должен выражаться не в сужении наших задач до непосредственных и ближайших нужд „чисто рабочего“ движения, а в руководстве всеми сторонами и всеми проявлениями великой освободительной борьбы пролетариата, этого единственного действительно революционного класса современного общества. Социал-демократия должна всегда и неуклонно расширять воздействие рабочего движения на все сферы общественной и политической жизни современного общества. Она должна руководить не только экономической борьбой рабочих, но также и политической борьбой пролетариата, она должна ни на минуту не упускать из виду нашей конечной цели, всегда пропагандировать, охранять от искажений и развивать дальше пролетарскую идеологию—учение научного социализма, т.-е. марксизм. Мы должны неустанно бороться против всякой буржуазной идеологии, в какие бы модные и блестящие мундиры она нерядилась... Только слепые люди могут не видеть, что „критика марксизма“ всего быстрее привилась в России и всего торжественней подхвачена русской либеральной публицистикой

¹⁾ „Революционный авантюризм“. Искра № 23. 1 авг. 1902 г., стр. 4, столб. 2—3.

именно потому, что она является одним из элементов складывающейся буржуазной (теперь уже сознательно буржуазной) демократии в России... Что касается политической борьбы в особенности, то именно „классовая точка зрения“ требует, чтобы пролетариат подталкивал всякое демократическое движение. Рабочая демократия своими политическими требованиями не принципиально, а только по степени отличается от буржуазной демократии. В борьбе за экономическое освобождение, за социалистическую революцию пролетариат стоит на принципиально ином базисе и стоит одиноко (мелкий производитель лишь постольку, поскольку он переходит или готовится перейти в ряды пролетариата, придет ему на помощь). В борьбе же за политическое освобождение у нас много союзников, безучастно относиться к которым непозволительно. Но в то время, как наши союзники из буржуазной демократии, борясь за либеральные реформы, всегда будут оглядываться назад, стараясь устроить дело так, чтобы им можно было попрежнему „есть сытно, спать спокойно и жить весело“ на чужой счет, пролетариат пойдет вперед без оглядки до самого конца. Когда какие-нибудь гг. Р. Н. С. (автор предисловия к записке Витте) будут торговаться с правительством о правах властного земства или о конституции, мы будем бороться за демократическую республику. Не забудем только, что для того, чтобы подталкивать другого, надо всегда держать руку на плече этого другого. Партия пролетариата должна уметь ловить всякого либерала как раз в тот момент, когда он собрался подвинуться на вершок, и заставляя его двинуться на аршин. А упрется—так мы пойдем вперед без него и через него¹⁾.

ГЛАВА XXXIV.

„Только объединенная общей программой партия,—говорила „Искра“,—может вести планомерную и плодотворную работу в интересах дела, которому служит; только формулировав в стройной программе свое общее социально-политическое мировоззрение и пред'являемые ею к современному обществу политические требования, партия пролетариата может вести широкую и успешную пропаганду революционного социализма и внести объединяющую струю в широкое народное движение против существующего строя. Без полити-

¹⁾ „Полит. агитация“ и „классовая точка зрения“. Искра, № 16. 1 февр. 1902 г., стр. 1, столб. 2.

ческой программы нет еще, строго говоря, политической партии, имеются налицо только элементы слагающейся партии" ¹⁾.

Понятно, что, говоря о программе, „Искра“ разумеет „не программу действия“, это характерное изобретение „Рабоч. Дела“. Для нее „программа действия“, т.-е. практика, неотделима от теории, от научной программы. „Социал-демократия есть соединение рабочего движения с социализмом; ее задача не пассивное служение рабочему движению на каждой его отдельной стадии, а представительство интересов всего движения в целом, указание этому движению его конечной цели, его политических задач, охрана его политической и идейной самостоятельности“ ²⁾—так писала „Искра“ в своей первой статье. Социал-демократической программы, отвечающей этим требованиям, до того времени в России еще не было. Проект программы группы „Освобождение Труда“ (85 года) не мог считаться социал-демократическим, потому что он не совмещал и не мог совмещать в себе и выводы социализма, и опыт русского рабочего движения, так как последнее существовало лишь в зародышевой форме стихийных бунтов. Проект программы 85 года должен был поэтому принять чисто отвлеченную, марксистскую, а не социал-демократическую форму. Это была защита марксистских взглядов от нападков социалистов-утопистов.

„Программа группы Освоб. Труда,—говорит Плеханов,—представляет собой скорее очень сжато написанную статью, чем программу в собственном смысле слова; она содержит в себе не только изложение взглядов ее авторов, но и защиту этих взглядов, ответы на те возражения, которые должны были подняться со всех сторон. Это было неизбежно при известных обстоятельствах той эпохи, но это делает ее несоответствующей требованиям настоящего времени“ ³⁾.

Не мог считаться социал-демократической программой и „Манифест“, принятый на первом съезде партии. Он только ставил вопрос о необходимости программы, но заменить ее намеченными им программными абрисами, он не мог. Само собой разумеется, что нельзя также было назвать социал-демократическими программами считавшиеся обыкновенно таковыми, новую и старую программы, „Раб. Дела“. Мы говорим о редакционной статье номера первого этого журнала, которая являлась программной инструкцией для редакции и была выработана на 1-м съезде реорганизованного (осенью

¹⁾ Проект программы Р. С.-Д. Р. П. „Искра“ № 21. 1 июня 1902 г., стр. 2, столб. 1.

²⁾ „Насущн. задачи нашего движения“. „Искра“ № 1, стр. 1.

³⁾ Плеханов. „Проект программы Р. С.-Д. Р. П.“. Заря № 4, авг. 1902 г. стр. 20.

98 г.) после раскола с группой „Освоб. Труда“ „Союза русских социал-демократов“, и о статье „Наша новая программа“, выработанной на III съезде этого Союза после неудачной попытки (осенью 901 г.) соединить организацию Союза с „Революц. организац. Социал-демократ“ (гр. Освоб. Труда) и группой „Искры“ и „Зари“.

О первой из этих двух программ мы уже говорили и видели, как мало она напоминает научную социал-демократическую программу. „Основная тенденция этих инструкций (1898 г.),—говорится в „Нашей новой программе“,—подчеркивание необходимости тесной связи социал-демократии с широким массовым движением пролетариата; основное содержание этих инструкций—установление средств для вовлечения массы в активную политическую борьбу. Эту тенденцию и это содержание инструкций 98 г. съезд признает верным и для настоящего времени“¹⁾. Главный же гвоздь самой новой, „программы“ заключался во взгляде, что „деятельность социал-демократии может быть целесообразна лишь под условием, если она руководствуется не только общими принципами научного социализма, но и 1) общими политическими и конкретными соотношениями общественных классов данной страны и 2) степенью развития рабочего движения“²⁾. Отсюда ясно, что программа 98 года должна была гарантировать „поступательное политическое развитие движения“ и могла быть „немедленно выполнима тогдашними, по крайней мере, наиболее сильными организациями“³⁾.

Таким „выполнимым“ пунктом программы для более сильных организаций была „борьба за ближайши е политические требования рабочего класса“, т. е. „наиболее развитая и действительная форма экономической борьбы“⁴⁾. В настоящий же момент „выполнимой“ для этих организаций является задача „не только вовлечь массу в политическую борьбу, но и целесообразно использовать накопившуюся революционную силу для низвержения самодержавия“... Хотя „новые инструкции,—говорит редакция „Раб. Дела“,—и могут настолько оказаться впереди всего движения в целом, насколько инструкции 98 г. опережали тогдашнее общее состояние движения; но это не недостаток, а достоинство в программе органа, назначенного для всей России, имеющего в виду интересы движения в целом, ставящего на первый план общие задачи партии. Во всяком случае, новый свод тактических положений соответствует теперешней „степени

1) „Наша нов. программа“. „Раб. Дело“, № 11—12, февр. 1902 г., стр. 1.

2) Там же, стр. 1—2.

3) Там же, стр. 6.

4) „От редакции „Р. Д.“, № 1“, стр. 2.

развития рабочего движения“, под которым нужно понимать, конечно, состояние движения в более передовых районах и среди более передовых слоев рабочей массы“¹⁾.

Из всего, прежде сказанного, читатель видел, что никому и в голову не приходило упрекать как старую, так и новую программу „Раб. Дела“ в том, что они шли, будто бы, впереди движения. Наоборот, все упреки и обвинения сводились именно к тому, что рабочедельцы плелись в хвосте движения, пытаясь задержать и прикрепить к своей „программе“ рвущихся вперед, вопреки им, рабочих. Впрочем, самообольщение „Союза“ легко будет понять, если вдуматься в смысл, влагаемый им в только что цитированное нами выражение: „рабочее движение в целом“. „Рабочее движение в целом“ для „Раб. Дела“ было всегда лишь простым фотографическим снимком с последнего проявления движения передовых рабочих. Вчера, например, в Петербурге (в передовом районе) рабочие устраивали чисто экономическую забастовку. Питерские рабочие—передовые рабочие, следовательно, „рабочее движение в целом“ не вышло еще за пределы чисто экономической борьбы. Сегодня передовые рабочие Екатеринослава хотя и не выставили еще политических требований, но уже поколотили стражников; „Раб. Дело“ отмечает следующую фазу развития „рабочего движения в целом“—борьбу против полицейского произвола и т. д. в этом же роде. И, обобщая драку со стражниками в борьбу за ближайшие политические права, „Раб. Дело“, конечно, глубоко убеждено, что оно идет впереди екатеринославских рабочих.

Программа—это „свод тактических положений для текущей борьбы“,—говорит „Рабочее Дело“. Правда, оно спешит оговориться, что такая программа „отличается от партийной программы, дающей общую теоретическую основу деятельности и выставяющей общие цели и требования партии“, но считает для себя (и очевидно для партии) вполне достаточным заявление, что оно, т.-е. „Рабочее Дело“, попрежнему смотрит на программу партии и попрежнему „действует на почве международного научного социализма в согласии с Манифестом Р. С.-Д. Р. П., в котором изложены основные программные принципы нашей партии“²⁾.

Но так как простая ссылка на „научный социализм“, под флагом которого как раз в то время, на ряду с революционными социал-демократами, шли и Бернштейн с Мильераном,

¹⁾ „Наша новая программа“, Р. Д. № 11—12, стр. 7.

²⁾ „Наша новая программа“, Р. Д. № 11—12, стр. 5.

ничего не могла сказать о теоретической (программной) физиономии „Рабочего Дела“, и так как голословное заявление о своем согласии с принципами „Манифеста“, ставящими, между прочим, перед партией задачу выработать партийную программу, тоже в свою очередь не могло дать ответа на вопрос, „какие общие цели и требования должна выставить партия“, то вполне понятно, если Плеханов писал в августе 1902 г.: „недостаточно внимательное отношение к „программам“ сказалось у нас, между прочим, в том достойном замечания обстоятельстве, что единственным печатным проектом программы русской социал-демократии был до сих пор проект, выработанный группой Освобождение Труда в 84 и опубликованный в 85 году. Да и этот единственный печатный проект не был, насколько мы знаем, открыто принят ни одной из действующих в России организаций“¹⁾.

Программы у русских социал-демократов не было, не было даже и проектов программы; а без программы нет партии, есть только хаос, царство беспринципности, постоянное искажение и нащупывание „тактики-процесса“, шатание от чисто экономической борьбы к чисто интеллигентскому увлечению террором и призывам к немедленному штурму самодержавия.

„Прежде, чем об'единяться, нам необходимо размежеваться“, писала „Искра“ 1½ года тому назад, при первом своем выступлении перед читателями,—говорит ее редакция, публикуя первый проект программы.—Появившись в момент одного из самых глубоких внутренних кризисов, переживавшихся нашим движением, „Искра“ и „Заря“ должны были выдвинуть на первый план задачу приготовления элементов единства в нашей партии путем идейной борьбы за очищение пролетарского движения от всех чуждых, историческими судьбами привнесенных в него элементов. Поскольку упомянутый идейный кризис, переживавшийся движением, начинает видимо приходить к концу, поскольку логика революционной борьбы сильней логики печатного слова внедряет в сознание временно забытые истины революционной социал-демократии, мы можем надеяться на близость окончательного об'единения партии. И мы думаем, что процесс выработки партийной программы сам по себе сделает много для этого окончательного об'единения“²⁾. „Теперь уже никто из наших товарищей,—говорит Плеханов,—не сомневается в необходимости крепкой организации того типа, который существовал в России во второй половине 70-х и в начале 80-х годов

¹⁾ „Проект программы Р. С.-Д. Р. П.“. Заря № 4, стр. 17—18.

²⁾ Проект программы Р. С.-Д. Р. П. „Искра“, № 21, стр. 2, 1 столб.

(организация общества „Земля и Воля“ и партии „Народная Воля“), и который оказал тогдашним русским революционерам такие огромные, неоценимые услуги. Теперь, если мы не ошибаемся, споры ведут лишь о том, какой путь приведет нас к созданию этого типа. Не то с программой: ее значение в жизни и деятельности партии сознается с гораздо меньшей ясностью. Некоторые из наших товарищей и теперь еще охотно повторяют те слова Маркса, что один действительный шаг в рабочем движении важнее целой дюжины программ. Но наши товарищи, принадлежащие к числу так называемых практиков, вкладывают здесь в слова Маркса не тот смысл, какой они у него имели. Что Маркс—равно как и его неизменный друг Энгельс—не был и не мог быть равнодушен к программным вопросам,—это понимает всякий тот, кто хоть немного освоился с научным социализмом выяснил себе ту роль, которая отводится в нем воздействию сознательных элементов рабочего класса на его отсталые элементы... Чтобы выделить общие, независимые от национальности интересы всего пролетариата, необходимо знать, в чем они заключаются, а это невозможно для того, кто не выяснил себе условий хода и общих результатов рабочего движения, т.-е. для того, кто равнодушен к „теории“. Еще менее способен был бы такой человек определить и отстоять общие интересы этого движения в его целом, на всех стадиях его развития... Кто хорошо понял условия, ход и общие результаты рабочего движения, тот выработал себе полную и последовательную коммунистическую (социал-демократическую) программу, потому что такой программой называется не что иное, как совокупность руководящих взглядов, относящихся к указанным предметам. Следовательно,—коммунисты (социал-демократы) отличаются от других рабочих партий (напр., от „чистых“ трэд-юнионистов) именно тем, что они имеют программу, охватывающую весь ход рабочего движения, взятого в его целом, и постоянно руководствуются этой программой в своей практической деятельности ¹⁾. „Программы действия“ без теоретической программы не может быть у социал-демократической партии, как немыслимо и существование социал-демократической практики, независимой от социал-демократической теории.

Проект программы, предложенный „Искрой“ и „Зарей“, не мог обойти тех коренных вопросов, „которые подняты были в социально-политической литературе капиталистиче-

¹⁾ „Проект программы Р. С.-Д. Р. П.“ Заря, № 4, стр. 11—13.

ских стран критическим походом более или менее ученых представителей буржуазии против научного социализма Маркса и Энгельса... Ответами на них (на эти вопросы) определяется теперь группировка людей на два противоположных лагеря: лагерь эксплуататоров, с одной стороны, и лагерь эксплуатируемых—с другой. Самым важным из этих жгучих вопросов, центром, вокруг которого расположились все остальные, был, как известно, вопрос о том, увеличивается или уменьшается общественное неравенство—т.е. экономическое расстояние между классами—по мере того, как подвигается вперед развитие капиталистического общества¹⁾.

Этот вопрос находится в связи с вопросом, ослабляется или обостряется борьба классов, ведет ли капиталистическое развитие к социальному миру. „Указав на то, что в развивающемся буржуазном обществе область господства капиталистических производственных отношений постоянно расширяется, наша программа,—пишет „Заря“,—говорит вслед за этим, что зависимость наемного труда от капитала столь же постоянно увеличивается, а уровень его эксплуатации капиталом повышается. Отсюда следует, конечно, что буржуазные призывы „к социальному миру“ в действительности не имеют даже того мнимого основания, которое им придавали статистические фокусы ученых апологетов капитализма. На самом деле борьба классов постоянно обостряется, пока существует капиталистический способ производства. Эта мысль также нашла себе категорическое выражение в нашей программе. А этими двумя чертами достаточно определяется ее характер: она вполне „ортодоксальна“²⁾.

Также строго „ортодоксально“ решается вопрос о кризисах. Соответствующий пункт проекта дает „фотографически точное изображение того, что происходит в действительности“. Ортодоксальный характер программы в этом вопросе „объясняется ортодоксальным характером хода всего развития капиталистического общества“³⁾. „Нужно ли пояснять,—говорит Плеханов,—почему в нашем проекте социальная революция пролетариата изображается не только, как „экспроприация экспроприаторов“, но и как организация общественного производительного процесса? Если буржуазное общество характеризуется товарным производством на основе капиталистических производственных отношений, то упраздняющая его социалистическая революция необходимо должна устранить, как эти отношения, так и товарное произ-

¹⁾ „Проект программы Р. С.-Д. Р. П.“ Заря, № 4, стр. 20.

²⁾ Там же, стр. 21.

³⁾ Там же, стр. 24.

водство, этот обильный источник анархии в народном хозяйстве". Но социальная революция может быть лишь результатом политической диктатуры пролетариата. „Под диктатурой пролетариата мы понимаем завоевание им такой политической власти, которая сделает его господином положения и даст ему возможность подавить всякое сопротивление эксплуататоров... Ссылки на то, что передовые капиталистические страны все более и более приближаются к демократическому режиму, совсем не убедительны. Такой режим еще не устраняет классов, а, следовательно, и классовой борьбы, а, следовательно, и необходимости для угнетенного класса добиться политического господства, чтобы устранить социальную причину своего угнетения... В программу политического воспитания рабочих непременно должно войти усвоение ими идеи будущего политического господства их класса, каким бы путем не привела их к нему история: насильственным или мирным. Заботливо и не без „ортодоксального“ умысла отделили мы в нашем проекте роль социал-демократии, как передового отряда рабочей армии и вместе ее руководителя (курсив мой. М. Л.). Она организует рабочий класс в самостоятельную партию, противостоящую всем партиям эксплуататоров, разоблачает перед ними непримиримую противоположность интересов этих последних с интересами эксплуатируемых и вообще всеми зависящими от нея средствами старается ускорить развитие классового самосознания пролетариата и выяснить ему необходимость и характер предстоящей социальной революции... Не совершая самоубийства, социал-демократия никогда не может согласиться на смешную и позорную роль пятого колеса в телеге“ (курсив мой. М. Л. ¹⁾). Так говорит Плеханов, возражая на точку зрения „экономистов“, что роль социал-демократии состоит в том, чтобы „выражать то, что уже сознано им (рабочим классом) без какой бы то ни было помощи со стороны „революционной бациллы“.

Отношение пролетариата к капиталу, неизбежная для него борьба со всем капиталистическим строем налагает на него революционную миссию „освободить все угнетенное и эксплуатируемое капиталом человечество... борьба с капиталом других общественных классов будет становиться социально революционной только в той мере, в какой они будут разде-

¹⁾ „Проект программы Р. С.-Д. Р. П.“ Заря № 4, стр. 28—30. Как видно из подчеркнутой мною фразы, Плеханов того времени коренным образом расходится с теперешним Плехановым, который горячо защищает идею „чисто рабочего“ съезда, долженствующего превратить социал-демократию в „пятое колесо в телеге“.

лять его (пролетариата) стремления и поддерживать их¹. Поэтому „партия рабочего класса, международная социал-демократия, хотя и зовет в свои ряды представителей трудящегося и эксплуатируемого населения, но зовет их, как говорит наш проект, лишь, если они переходят на точку зрения пролетариата“¹).

Что касается программы *mini*мизм проекта „Искры“ и „Зари“, то она является прямой противоположностью робкой постепеновщине „Рабочего Дела“. „Мы думаем, — писала „Искра“ в ответ „Южной группе“ на критику ее программы, — что, в интересах „отграничения“ от других борющихся с царизмом партий, мы должны формулировать свою ближайшую политическую задачу достаточно определенным образом. Мы должны дать рабочим точный ответ на вопрос, какой политической формой должна быть заменена современная форма, против которой мы боремся. Формула „правовое государство“ дает слишком общий ответ, и политическая агитация, которая ограничилась бы такой формулой, не дала бы руководимым нами народным массам отчетливого представления о тех политических гарантиях, которые ему необходимо отвоевать для свободной борьбы за свои классовые интересы. Точное определение требуемой нами конституции тем более необходимо для социалдемократии, что другие политические партии с своей стороны не ограничиваются простым требованием устранения самодержавия, а определяют основные черты желательного им „правового порядка“, при том с той именно стороны, с какой этот порядок не удовлетворяет законных требований пролетариата. Так, конституционалисты в газете Струве настаивают на том, что дело установления конституции должно быть поручено непременно выборным от земских, — т.-е. избранных на основе сословного ценза — собраний. И они совершенно основательно указывают, что характер того правового порядка, который будет установлен таким учредительным собранием, будет обусловлен его составом, т.-е., что степень демократизма конституции, которая может выйти из такого собрания, ограничена его классовым характером.

„В виду свойственной всяким буржуазно-либеральным партиям склонности смягчать переход от самодержавия к правовому порядку и в силу этого соглашаться украсить последний всякого рода „ограничениями“ и из'ятиями, ведущими к сохранению в новом режиме многих учреждений и пережитков старого; в виду склонности мелко-буржуазных демократов уступать перед подобными стремлениями либе-

¹) Там же стр. 31.

ральных буржуа по соображениям практического оппортунизма („не раз'единять оппозицию из-за второстепенных вопросов“), в виду всего этого партия пролетариата должна пропагандировать замену нынешнего порядка последовательной демократией. Только такой пропагандой она будет практически бороться против столь милого всяким буржуазным политикам затушевывания непримиримых противоречий между интересами народных масс и нынешними политическими учреждениями; только выставляя требование последовательной и всесторонней демократии, она оградит народные массы от влияния лицемерных друзей свободы, которые под видом „правового порядка“ будут рекомендовать народу позолоченный и подновленный абсолютизм (вроде „лорис-меликовской конституции“)“¹⁾.

В тесной связи с политической частью находятся и все остальные пункты программы—*minimum*; предлагаемые ею социальные требования могут быть осуществлены лишь при последовательно демократическом (т.-е. демократическо-республиканском) строе. „Наши социальные требования, предъявляемые нами к современному строю, — говорит далее „Искра“, — должны быть сформулированы так, чтобы требовать для своего осуществления, как неизбежного условия, решительного разрыва с нынешним политическим режимом, в противном случае, мы всегда рисковали бы тем, что недостаточно радикальные социальные реформы, пропагандируемые нами, послужат в руках реакционеров средством отвлечения известного слоя народных масс от дела революции, орудием примирения народной массы с господствующим режимом. Руководясь основным принципом содействия развитию классовой борьбы и коренного устранения всех пережитков крепостных отношений, и, делая из этого принципа все выводы, мы и строим свою социальную программу ближайших задач так, чтобы сделать ее неприемлемой ни для какого реакционера или якобы либерала“²⁾.

Тем же принципам должна была отвечать и аграрная часть проекта, основные положения которой были изложены уже в третьем номере „Искры“³⁾. Разница между социальными требованиями для улучшения жизни рабочих и требованиями, выставляемыми аграрной программой, сводится, по словам Ленина, к следующему: „По отношению к наемным рабочим мы берем на себя защиту их интересов, как класса в современном обществе; мы делаем это, ибо считаем

¹⁾ „К вопросу о программе“ „Искра“ № 25. 14 сентября 1902 г., стр. 4, столбец 1—2.

²⁾ К вопросу о программе „Искра“ № 25, стр. 4, столб. 2.

³⁾ В статье „Рабочая программа и крестьянство“.

их классовое движение единственным действительно революционным движением и стремимся это движение организовать, направлять и просвещать светом социального сознания. Между тем, по отношению к крестьянству, мы вовсе не берем на себя защиты его интересов, как класса мелких землевладельцев в современном обществе“. Заниматься защитой их классовых интересов это значило бы обманывать „крестьянство иллюзией возможного и при капитализме благосостояния“. Поэтому „законность „крестьянских требований“ в социалдемократической программе“ подчиняется двум условиям: „во-первых, тому условию, чтобы они вели к устранению остатков крепостного порядка, а во-вторых, чтобы они содействовали свободному развитию классовой борьбы в деревне“.

На крестьянство у социалдемократов должна быть двоякая точка зрения: „В тех случаях и отношениях, где еще царит этот порядок (т.-е. остатки крепостного права) и по скольку он еще царит, врагом его является все крестьянство, как целое. Против крепостничества, против крепостников-помещиков и служащего им государства крестьянство продолжает еще оставаться классом, именно классом некапиталистического, а крепостного общества, т.-е. классом-сословием. И поскольку сохраняется еще в нашей деревне этот свойственный крепостному обществу классовой антогонизм „крестьянства“ и привилегированных землевладельцев, постольку рабочая партия, несомненно, должна быть на стороне „крестьянства“, должна поддерживать его борьбу и подталкивать его на борьбу против всех остатков крепостничества“. С другой стороны, „поскольку в нашей деревне крепостное общество вытесняется „современным“ буржуазным обществом, постольку крестьянство перестает быть классом, распадаясь на сельский пролетариат и сельскую буржуазию (крупную, среднюю и мельчайшую). Поскольку сохраняются еще крепостные отношения—постольку „крестьянство продолжает еще быть классом. т.-е., повторяем, классом не буржуазного, а крепостного общества“¹⁾.

Этот двойственный характер русского крестьянства накладывает свой особый отпечаток и на нашу аграрную программу: „В рабочем отделе мы не вправе выходить за пределы социально-реформаторских требований, в крестьянском отделе мы не должны останавливаться и перед социально-революционными требованиями“²⁾.

¹⁾ „Аграрная программа рус. социалдемократ.“ „Заря“ № 4, стр. 156—157.

²⁾ Там же стр. 159.

„Требование уничтожить остатки крепостного порядка,— говорит далее Ленин,—обще нам со всеми последовательными либералами, народниками, социалреформаторами, критиками марксизма в аграрном вопросе и т. д. От всех этих господ, мы, выставя такое требование, отличаемся не принципиально, а только по степени; они и в этом пункте неизбежно останутся всегда в пределах реформы, мы же не остановимся и перед социально-революционными требованиями. Наоборот, требуя обеспечить „свободное развитие классовой борьбы в деревне“, мы становимся в принципиальное противоречие ко всем этим господам и даже ко всем революционерам и социалистам не социал-демократам. Эти последние также не остановятся перед социально революционными требованиями в аграрном вопросе, но они не захотят подчинить этих требований такому условию, как свободное развитие классовой борьбы. Это условие — основной и центральный пункт теории революционного марксизма в области аграрного вопроса... Признать это условие значит обязаться, и в особенно больном вопросе об участии мелкого крестьянства в социалдемократическом движении стоять на неуклонно классовой точке зрения, не поступаться ни в чем точкой зрения пролетариата в пользу мелкой буржуазии, и, наоборот, прилагать все усилия к тому, чтобы мелкий крестьянин, разоряемый и угнетаемый всем современным капитализмом, покинул свою точку зрения и встал на точку зрения пролетариата... Выставя это условие, мы проводим этим руководящую нить, держась которой социалдемократ, даже заброшенный в любое деревенское захолустье, даже поставленный лицом к лицу перед наиболее запутанными аграрными отношениями, выдвигающими на первый план обще-демократические задачи, может провести и подчеркнуть при решении этих задач свою пролетарскую точку зрения — точно так же, как мы остаемся социалдемократами и при решении обще-демократических политических задач“¹⁾.

Я не буду касаться здесь деталей аграрной программы, как не касался деталей остальной части программы. О них придется еще говорить, когда будет речь о работах II съезда и о тех контр-проектах, которые были представлены партии ко времени созыва съезда. Здесь мне важно было подчеркнуть лишь общий характер предложенной „Искрой“ программы, чтобы, таким образом, дополнить общую характеристику „Искры“.

Представив партийным организациям свой принципиальный, „ортодоксально“ выдержанный проект партийной про-

¹⁾ Ленин „Аграрная программа русск. с.-д.“. „Заря“, № 4, стр. 164—165.

граммы, этот первый вообще в России проект социал-демократической программы, „Искра“ писала: „Программа партии должна выражать коллективную мысль партии. Это значит, что в выработке ее должны принять участие все действующие группы партии. И обсуждение предлагаемого проекта в разных группах и кружках должно послужить прекрасной школой политического воспитания для местных деятелей. Печатая свой проект, мы рассчитываем на то, что каждый социал-демократический комитет, каждый рабочий кружок, каждая примыкающая к социал-демократии группа интеллигентов сочтут своим долгом обсудить его и, в той или иной форме, определить свое отношение к нему. Мы просим товарищей не медлить с этим делом, ибо на II съезде партии, необходимость созыва которого при нынешних обстоятельствах может представиться каждую минуту, программа партии должна быть утверждена“¹⁾.

* * *

Изложением программных взглядов „Искры“ мы заканчиваем II-ю часть Истории нашей партии. Обсуждая проект программы, предложенный „Искрой“, фактически осуществляя ее организационный план, обсуждая и, по мере понимания, а также в зависимости от наличных сил, проводя в жизнь выдвигаемые „Искрой“ тактические директивы и лозунги, организации партии переходят в новый фазис партийной работы. Каждый новый номер „Искры“, попадавший в местные организации, на деле разбивал кустарничество, заставляя практических работников задумываться над теми вопросами, которые обходились ими вовсе, и без решения которых их работа не могла носить социал-демократического характера.

Чем более страстные нападки вызывала против себя „Искра“, тем сильнее она будила мысль практиков. Чтобы опровергнуть ее, нужно было противопоставить выдвигаемым ею принципам свои принципы, доводить их до конца, оформливать их. Только под натиском искровской полемики Кричевский, Мартынов и К-о вынуждены были вылить свой неформленный оппортунизм в определенную „хвостистскую“ формулу „тактики процесса“. Только под влиянием „Искры“ ясно оформился оппортунизм в национальном вопросе Бунда. Только при свете ее безжалостной „нетоварищеской“ полемики могли увидеть практики ту громадную опасность, которую представляло для социал-демократического дела „чисто рабочее движение“ с его игрой в демократизм, в рабочие съезды, с его

¹⁾ „Проект программы Р. С.-Д. Р. П.“, „Искра“, № 21, стр. 2, столб. 1.

увлечением легализацией экономической борьбы и прочими лазейками для свободного хозяйничанья в рабочем деле всех и всякого, начиная от тред-юнионистов, буржуазных демократов, quasi социалистов, проповедников идеи „социального мира“ и кончая членами зубатовской шайки.

Только благодаря своей страстной полемике, безжалостно разбивавшей революционный авантюризм и разоблачавшей скрывающуюся за революционной беллетристикой и революционной фразой идейную наготу, „Искра“ обнаружила ту непроходимую пропасть, которая отделяет социал-демократическую, т. е. пролетарскую, классовую партию от всех непролетарских, хотя и называющих себя „социалистическими“ и „революционными“, партий. Выставляя резко, определенно выраженную, не допускающую недоговоренности и компромиссов пролетарскую мысль и пролетарскую тактику, „Искра“ тем самым разбивала тот подпольный туман, который делал всех кошек одинаково серыми, не давая возможности разобрать, где кончается мирный, боящийся революции конституционалист, мечтающий о „властном земстве“, и где начинается революционер, для которого мирные сделки и постепенщина так же ненавистны, как весь тот общественный порядок, на борьбу с которым он готов был положить все свои силы. Нереволюционные элементы должны были отделиться от революционной социал-демократии и отмежеваться в особую партию. И чем ярче проявлялась роль „Искры“ в качестве борца за общедемократические требования, в качестве всенародного обличителя, тем резче — как это ни странно на первый взгляд — отмежевывались от нее те непролетарские элементы, которые, казалось, были действительно заинтересованы в осуществлении демократических требований и в наиболее резком обличении существующего строя. Они все далее уходили от социал-демократического знамени и торопливо группировались под свои собственные знамена. И в этом несомненная заслуга „Искры“. Она доказала, что пролетариат может бороться за общенародные требования, не отказываясь и не затушевывая своих классовых задач, что можно вести общедемократическую политику, не вступая для этого в компромисс с буржуазными классами и не пряча в карман своего социалистического знамени.

Другими словами, „Искра“ на деле доказала возможность и необходимость для русского пролетариата идти действительно в авангарде общерусской революции. Одно его выступление без всяких блоков, без всяких заранее заключенных союзов заставляет шевелиться даже те слои общества, которые до этого не решались выйти за пределы простых упований на то, что вот, вот благодетельная фея в виде

министра Витте или другого высокопоставленного лица, прочтя в их сердцах жгучую потребность „властного земства“, в какой-нибудь из высокаторжественных дней преподнесет им это „завершение здания“ великих реформ. Даже этих господ выступление пролетариата заставило выйти из области „бесмысленных мечтаний“ и перейти к созыву нелегального земского с'езда и созданию своего нелегального органа.

„Искра“ выяснила пролетариату эту его роль и тем действительно способствовала образованию массового социал-демократического движения.

Следующую часть этой работы я начну с изложения того, как с 1902 года наши организации мало-по-малу начинают жить партийной социал-демократической жизнью. Было бы ошибочно думать, что началом последней следует считать II с'езд партии. На втором с'езде была лишь сделана попытка организационно закрепить партийную жизнь. В настоящем же смысле этого слова партийная жизнь начала уже складываться по мере признания отдельными организациями идей, тактики и организационного плана „Искры“. „Искра“ постепенно завоевывала одну позицию за другой и параллельно с этим вытесняла кустарничество, кружковщину и идейный разброд, выражавшийся в преклонении перед беспринципностью в теории и стихийностью в практической работе.

Второй с'езд был лишь этапом на этом пути и, как всем известно, этапом далеко не последним. Работы этого с'езда могут быть нами поняты только в связи с историей борьбы искровских взглядов с рабочедельческими на местах. Поэтому историю местной работы, как и проявлений рабочего движения с 1902 г., я отношу к третьей части моей книги, чтобы на фоне этой истории иметь возможность приступить к об'яснению нового раскола, возникшего на II с'езде партии.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Предисловие к настоящему изданию	стр. 3
Предисловие к изданию 1906 г.	7

ЧАСТЬ I.

I. Восьмидесятые годы	15
II. Рабочее движение	22
III. Группа „Освобождения Труда“	33
IV. Благоевская группа	44
V. Марксистские кружки	51
VI. Социал-демократические кружки	60
VII. Начало агитации	70
VIII. Характер первоначальной агитации	79
IX. Социал-демократы и „чистые политики“	85
X. Организация	94
XI. Начало социал-демократического движения	104
XII. Работа среди еврейских ремесленников	113
XIII. Легальное выступление марксистов	133
XIV. Принижение сознательности руководителей движения	149

ЧАСТЬ II.

XV. Политическое пробуждение общества	153
XVI. Причины разномыслия среди практиков социал-демократов.	163
XVII. Подготовка I-го с'езда	172
XVIII. Постановка организационного вопроса у группы „Освоб. Труда“	182
XIX. Организационные течения среди русских практиков до I-го с'езда	193
XX. Решение I-го с'езда	207
XXI. Тактические взгляды группы „Освоб. Труда“	216
XXII. Влияние непролетарской интеллигенции на деятельность и взгляды Р.С.-Д.Р.П.	233
XXIII. Экономисты	248
XXIV. Общественное настроение накануне XX века	264
XXV. Промышленный кризис и рабочее движение	276
XXVI. „Рабочее дело“	291
XXVII. „Кустарничество“ в местной работе	311
XXVIII. Два об'явления	327
XXIX. Массовые выступления	336
XXX. Полицейские попытки легализации „чисто-рабочего“ движения	349
XXXI. Социал-демократия и рабочий класс	365
XXXII. Организованные взгляды „Искры“	378
XXXIII. Тактика „Искры“	399
XXXVI. Программа „Искры“	419

ИЗДАТЕЛЬСТВО Коммунистич. Ун-та им. Я. М. СВЕРДЛОВА

ПРАВЛЕНИЕ: Москва, Миусская пл., д. 2. Телефон 5-68-57
ТОРГСЕКТОР: Мал. Дмитровка. 6, комн. 10-11. Телеф. 3-04-87

ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ:

Материалы по истории революционного движения на Западе. Вып. II — «1848 год», под ред. Г. И. Гордона	— р.	50 к.
Слудский, А. — Парижская коммуна 1871 г.	— „	80 „
10 лет Германской и Австрийской соц.-дем. партии. Сборник материалов и документов, под ред. Ц. Фридлянда	1 „	10 „
Беда Кун — Коминтерн в резолюциях. II изд.	— „	95 „
Лядов, М. — Наша первая революция. Популярный очерк	— „	20 „
Его же — Из жизни партии в 1903—1907 гг. (Воспоминания)	1 „	20 „
Горин, П. — Очерки по истории Советов Рабочих Депутатов в 1905 году	1 „	50 „
Рындич, А. — Лабораторный план и коммунистич. воспитание	— „	55 „
Фридлянд, Ц. — История Западной Европы 1789—1923 гг., ч. I. Лекции, читанные в Ком. Ун-те им. Я. М. Свердлова и на курсах паотраб. при ЦК. ВКП (б). С прилож. 15 диагр. и 5-ти карт.	2 „	25 „
Покровский, М. Н. — Внешняя политика России в XX веке. Лекции, читанные в Коммун. Ун-те им. Я. М. Свердлова и на курсах уездн. парработников при ЦК. ВКП (б)	— „	80 „
Викторов, В. — История крестьянских движений XVII—XVIII вв. Хрестоматия	2 „	50 „
Ольминский, М. С. — 1917 год. (Сборник статей из „Социал-Демократа“ и „Правды“ 1917 г.)	2 „	— „
Его же. — 1915—16 гг. (Статьи из журналов и газет)	1 „	15 „
Обзор научно-попул. литер. по биологии, под ред. Г. Боссе и Гремяцкого. II дополн. изд.	1 „	50 „
Полак, И., проф. — Происхождение вселенной. Попул. очерк.	1 „	25 „
Михайлов, А. А., проф. — Строение и эволюция вселенной. Сборник статей по мироведению	1 „	50 „
Сборник методических статей о преподавании русского языка в школах взрослых, под ред. Никифорова	1 „	50 „

ВЫХОДЯТ В БЛИЖАЙШЕЕ ВРЕМЯ

- Сергеев. — Феодализм и торговый капитализм в античном мире. Хрест., под ред. П. Кушнера.
- Логутов, Н. — Сборник упражнений по правописанию.
- Уваров. — Сборник постановл. и распоряж. партии и соввласти по эконом. политике. Вып. I — Сельское хозяйство.

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:

- Основы советской экономической политики, под общей редакцией В. П. Милютина. II исправл. и доп. издание.
- Коп, А. — Финансовый капитал (популярный очерк). II исправл. и доп. издание.
- Развитие народного хозяйства СССР 1913—1926 гг. в диаграммах. Таб. с объяснит. текстом, под редак. Л. Я. Зимана. II издание.
- Ешан. — Тезисы по истмату.
- Михайлов, Г. С. — История местного права.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА:

ЛЕНИНГРАД, Бульвар Профсоюзов, 21. РИО ЛГСПС.

ХАРЬКОВ, Старо-Московская, 53, кв. 14. Потапов.

КИЕВ, Кругло-Университетская, 6, „Начатки Знаний“.